

18+

Альманах
Проза

(2008—2020)

АНТИДОТ

Антидот

Альманах. Проза

(2008–2020)

2024

УДК 82-3
ББК 84-4
А72

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Антидот
А72 Альманах. Проза : (2008—2020) / Антидот. — [б. м.] : [б. и.],
2024. — 784 с.
[б. н.]

Проза, опубликованная на страницах интернет-портала неординарного творчества «Антидот» в 2010-х годах. Произведения расположены в порядке их публикации, с кратким авторским описанием.

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

Произведения, собранные в этой книге, были опубликованы в 2010-х годах в сети Интернет, на специализированной площадке для публикации неординарного творчества под названием «Антидот», группой авторов, которые делали это без оглядки на возможные юридические разночтения современного мира, следуя зову своего сердца и на основании только им ведомых предпочтений, что сегодня неизбежно накладывает разумеющиеся в современном мире обязательства по разъяснению того, с чем вы будете иметь дело на оставшихся страницах книги, которую сейчас держите в руках.

Эта книга не предназначена для распространения в магазинах. Она представляет из себя единичные экземпляры, распечатанные по требованию конкретных людей.

Описанные в этой книге люди и события являются вымышленными. Это только плод воображения их авторов. Они не имеют никакого отношения к реально существующим или когда-либо существовавшим личностям и не имеют никакого отношения к происходящим или когда-либо происходившим событиям.

Эта книга не пропагандирует употребление наркотиков, психотропных веществ или каких бы то ни было других запрещённых веществ. Авторы категорически осуждают производство, распространение, употребление, рекламу и пропаганду запрещённых веществ. Наркотики — это плохо!

2008

Когда птицы улетают на юг (Метро)

Моё недавнее произведение. Надеюсь, понравится всем.

Leona

Наступила та самая пора, когда птицы прилетают с отдыха в тёплых странах. Весна. Мерзкая и противная слякоть, грязные ботинки и яркое холодное солнце. Вроде бы и погода хорошая и всё зеленеет, но нет... это всего лишь оболочка для того, чтобы зрение радовалось, а душа и мозг не могли заподозрить притворства умирающего мира. Как раненная живность ещё успеваешь ужалить (укусить, царапнуть) своего врага, так и мир, умирая, забывает мозги людей прекрасным чтобы скончавшись люди не смогли понять и своей смерти.

Всё так нечестно связано...

Со всепоглощающими мыслями об убийстве она сидела на карнизе балкона и любовалась закатом. Глаза были пустыми, хрупкая рука сжимала небольшой раскладной нож, а ноги свисая с балкона качались в ритм какой-то ностальгической, но злой песни. Она больше не видела иного выхода. Это был бой на жизнь, а не на смерть, на её собственную жизнь.

Выражение лица не изменилось с тех самых пор, когда год назад на её глазах забили девушку на смерть, её подругу. Ни за что, просто та им не понравилась. А ей пригрозили тем же, если она хоть кому-то скажет. И она молчала. Очень долго, терпя ночные кошмары, издевательств со стороны ровесников и непонимания родителей. Ей было страшно выходить на улицу. Всё свое свободное время она проводила сидя на карнизе балкона. Она слушала музыку, грустную, страшную, кричащую, молящую о помощи и думала, о дне, когда сможет отомстить тем людям что так искалечили её жизнь, вырвав

сознание из детства и кинув на холодный асфальт реальности взрослого мира.

Тогда ей было пятнадцать, сейчас она старше. Намного старше своего истинного возраста. То можно назвать шоком, да это он, но не просто шок, а то, что двигает юным невинным созданием на месть, на растерзание голодным волкам.

Дети всегда были жестокими, и она не исключение.

Под покровом ночи я впервые за год решила выйти на улицу. Я прогуливалась теми самыми аллеями, что когда-то гуляла с Машей (так звали убитую). Всё так же неспешно шли прохожие, ехали куда-то машины, ходили троллейбусы, автобусы. А я шла... на то самое место, где впервые встретила ублюдками.

Я увидела их шайку издали, эти рожи я никогда не забуду. Их было трое, как в тот злополучный вечер: двое били Машу, один держал меня. Его кажется звали Олег. Они о чём-то спорили и Олега ударили в лицо — началась потасовка. Они били друг друга, матерились, не замечая того, что я слежу за ними, улыбаясь оскалом хищного зверя. Они унижают друг друга, не подозревая того, что сегодня я верну им «долг».

Драка быстро закончилась. Олег лежал поваленный в неравном бою на земле, истекая кровью. Двое других направились в глубь леса. Я пошла к Олегу.

— Привет, мой милый, — произнесла я, доставая нож из кармана.

Он не смог даже пошевелиться — настолько хорошо эти ублюдки постарались. Я взяла его за короткие волосы и раскрыла эмбрион (нож-раскладушку, подаренную мне на день рождения). Он застонал и начал что-то неразборчиво мямлить. Я поднесла нож к его горлу. Блеск лезвия в ночном свете луны, булькающий звук и минус один урод. Всё произошло быстро, мгновенно, меня никто не видел, и не нужно было. А даже

если бы и увидели — им же хуже. Я не прощаю предателей.

Я направилась за двумя оставшимися.

Ночное зрение и память меня ещё никогда не подводили...

Шаг, ещё один... Я шла за ними где-то час, очень осторожно, скрываясь между деревьями. Они остановились. Я тоже. Что-то сказали друг другу и разошлись в разные стороны. Я пошла за тем, кто был в синем спортивном костюме. Самое сложное оставим на потом.

Я подошла к Диме («синий» — его погоняло из-за цвета спортивного костюма).

— Молодой человек, я заблудилась! — продолжила я осуществлять свой план, мило улыбаясь. — Не могли бы вы подсказать мне дорогу к выходу?

На данный момент Синий не смог бы меня узнать: я была в чёрном парике, белой пуховой курточке до пояса, короткой юбке и высоких сапожках. Тогда, когда они подошли к нам точно также выглядела Маша, а я была серой мышкой с длинными русыми волосами, в джинсах с цветочками и кроссовках, купленных на рынке за 65 гривен. Я изменилась, очень похудела, голос стал прокуренным, грубым. Да и перед тем, как начать драться с Олегом они изрядно выпили.

— Да, конечно, — он похотливо улыбнулся.

Я начала шарить по карманам в поисках ножа, но никак не могла найти его (видимо выронила где-то в лесу). Выругавшись про себя, я попросила сигарету и зажигалку. Синий с удовольствием вручил мне обе вещи, протящие здоровье человеку.

Я взяла его под руку, и мы направилась к «выходу». Через пять минут ходьбы я обнаружила, что он ведёт меня в противоположную сторону, явно ожидая надругательства над моим телом. Что-ж, ради Маши я готова пойти на всё.

Мы начали целоваться. Мне было противно это делать: перегар из его рта и огромное количество слюны вызывали отвращение. Синий сел на старую, дряхлую лавочку, отложив в сторону недопитую бутылку пива.

— Презервативы есть? — спросила я.

— Конечно.

Синий достал презерватив и вручил его мне. Я растегнула ему брюки, достала член, взяла его рукой и начала водить ею вверх-вниз, стоя перед ним на коленях. Синий с довольным видом наслаждался моей «работой». Я, не переставая возбуждать его, взяла бутылку пива и отпив из неё решила действовать. Я разбила бутылку об его висок оставив «розочку». Взяла член за головку и надрезала мягкую плоть. Душераздирающий крик вырвался из его горла. Он закрыл рану руками, пытаясь остановить кровь.

Я ударила «розочкой» в его горло (возле сонной артерии), затем ещё раз и ещё. Он кричал и бился в агонии, несколько раз пытался меня ударить, но я не останавливалась, получая наслаждение от его мук. Я била его в шею до тех пор, пока не поняла, что он умер.

Откинув стекло в сторону, я пошла искать третьего. Сергей или «король» — так его звали. Я узнала о нём всё: где живёт, где и с кем проводит время, во скольких преступлениях его подозревают. Я даже догадывалась куда он направился. На сей раз ему не избежать наказания, но это будет не сегодня.

* * *

Следующим вечером я взяла наличные и папин пистолет.

Папа всегда хотел мальчика и поэтому учил меня обращаться с оружием, стрелять, водил на футбол и даже купил на восемнадцатилетние подарок — револьвер.

Но поскольку мне ещё не было восемнадцати — в руки его не давал и спрятал от греха подальше. Конечно-же я знала, где лежит мой «подарок» и папино оружие.

Зачистив номера патронов я наполнила ими всю обойму.

Сегодня будет последний труп и явно не мой.

С этой мыслью я пошла в бар.

На сей раз на мне был рыжий парик, зелёная курточка и короткий красный сарафан с чёрным поясом, предназначенным для ношения оружия. Я долго ждала этого вечера, и он должен пройти идеально.

Но в бар Серый не пришёл, явно заподозрив неладное. Я подождала до одиннадцати часов ночи и направилась домой (зачем тратить и без того драгоценное время?).

Я как-раз шла в сторону своего дома, как услышала его голос:

— Эй! Стой! Подожди! — он подбежал ко мне.

— Я тебя знаю? — спросила я не подавая вида, что он застал меня врасплох.

— Э-э-э. Нет. Я Сергей.

— Лида, — ляпнула я первое, что пришло в голову. Я осторожно пожала ему протянутую мне руку.

Мы разговорились. Он рассказывал всё, что попадало ему в голову, при этом не забывая повторять комплименты. Я явно запала Сергеем и это было мне на пользу. Я попросила провести его меня домой с намёком на интим. Он конечно-же повёлся.

Мы зашли в тёмный безлюдный дворик ближе к старому сгоревшему дому. Я расстегнула курточку явно давая понять, что рассчитываю на его действия, но его реакция меня удивила — Сергей любовался мной.

Я прижала его к стене, доставая пистолет. Резкое движение руки и я, нацелив на него оружие, нажала на курок. Выстрела не было. Чёрт! Забыла снять с предохрани-

теля. Сергей выбил из моих рук пистолет и толкнул меня. Затем схватил за парик, но удержать не сумел - в его руках остались только накладные волосы. У Сергея был шок. Он узнал меня. Я подбежала к пистолету, сняла его с предохранителя и выпустила половину обоймы в его грудь. Он упал на землю. Я взяла парик из его рук и уходя тихо сказала: «Гореть тебе в аду, уёбок».

Сегодня ночью я впервые заснула быстро и крепко.

* * *

Наступила осень, та самая пора, когда птицы улетают на юг. Всё это время меня не покидала мысль о том, что меня найдут милиционеры, допросят и посадят.

Сидя на карнизе балкона я осознала, что больше не хочу жить и, что моя миссия закончена.

Засунув пистолет в рот (тот самый, из которого был убит Серый) я нажала на курок.

* * *

Жизнь очень похожа на метро. Мы едем вслепую по туннелю зная, что нас ждёт та или иная станция. Время от времени нам помогает светофор, который иногда показывает красный. Тогда нам приходится останавливаться... Она вовремя не увидела красный свет и поехала дальше, заставив себя столкнуться с другим поездом, как бы страшно это не было. А птицы всё также улетают на юг, а мы всё также едем в метро...

07.04.2008

Битва

Эпиграфа о вечной битве.

Sett

Эта война зародилась миллиарды лет тому назад, когда планеты представляли собой лишь скопище астероидных полей. Именно тогда произошёл малюсенький, по масштабам вселенной, взрывчик, который привёл к образованию одной враждующей стороны.

Противник образовался некоторое время спустя. Он не решился сразу бросаться на врага, поэтому отошёл от него на некоторое расстояние, чтобы на счёт «Три!» сделать залп по вражеской стороне.

Да, мы не знали, к чему это приведёт; не знали, почему это началось; но были уверены, что выживет сильнейший...

Каждый новый день два врага: Земля и Солнце борются за место в космосе. Солнечный круг посылает на Землю миллиарды губительных для неё лучей-воинов, две трети которых гибнут ещё только на подлёте.

Солнце пытается растопить Землю, но та не жадничает и отдаёт тепло всему живому, что произрастает на ней. Глупое, жадное, подлое солнце понятия не имеет, как это Земля ещё цела, но, тем не менее, продолжает отправлять губительные волны лучей на Землю.

А что же Земля?

Земля выбрала, в отличие от Солнца, хитрую выжидательную стратегию: выдержанно дожидаться пока солнце остынет и признает своё поражение!

Кто будет вершить наши судьбы, спустя миллионы лет, увидим, спустя миллионы лет...

09.04.2008

История про Свет

Своеобразная притча.

Sett

Это случилось в далёких горах Урала, где община монахов неизвестной религии проживала. Когда они там появились — неизвестно, но точно мы знаем, что следили они за лесом. И был у них храм прямо в горе, в которой был алтарь в священной воде. А на алтаре (точных сведений нет, но кажется, что) был там Свет. Что из себя он представлял, к сожалению, кроме монахов никто не узнал. И вот что случилось однажды под осень.

Вечером, часов, вроде, в восемь один монах (он сторожем был) решил Свет проверить (ведь каждый его любил). Когда зашёл в пещеру-храм, он от ужаса упал на месте: пустой алтарь, без света — как джентльмен без чести. Когда же он очнулся, он встал и побежал к монахам остальным, им всё, что видел рассказал языком простым. Монахи сразу встрепонулись и побежали к алтарю. И в самом деле — Света нет, монах тот первый прошептал: «Я ж говорю...» И самый старший там у них, какой-то там старейшина (по-моему, просто самый псих) в одежде как у гейши, на алтарь залез и произнёс: «Сто пятьдесят лет тому назад сюда я Свет принёс и этому был рад. Сейчас, коль не разыщем свет — нам всем прокляты будут души! Найти — другого спасенья нет! Ну, всё — искать, довольно слушать!!!»

Последующих дня четыре монахи по лесам и по оврагам рыли, пытаясь отыскать свой Свет, что вдруг пропал, как след комет. Но, по прошествии ещё трёх дней, они нашли всё ж Свет. Но тот отказался возвращаться, сказал, что смысла нет. Тогда его спросили два монаха, а почему не хочет он обратно, на что ответил Свет: «Алтарь ваш — плаха! Мне там теперь и вовсе не приятно! За-

чем же мне светить, коль все глаза закрыли?! Зачем мне дальше жить, коль все себя убили?! Не вижу смысла в том, чтоб возвращаться к вам, чтоб возвращаться в дом (искусственный), в обман! И вот вам мой приказ: коль вы хотите, чтоб вернулся я, придётся вам открыть хотя б один свой глаз и сделать так, чтоб люди не боялись огня, чтоб люди все глаза открыли, чтоб видеть меня — Свет! Используйте силу Богов, что вам подарили мощь далёких стран и планет!»

Чтобы свет вернуть, решили монахи в солнце себя обернуть и ярко светить над огромной землёй, но это заставило людей открывать глаза лишь порой. Спустя пару сотен лет, на этот поступок их Свет ответил: «Пользы нет, пор до самых сих! Вы неверный путь избрали, ведь от солнца люди только шуряются, боясь глаза открыть и, выходя на улицу, спешат скорей прикрыть свои глаза от света падучего — от солнца, вы заставили их со светом, наоборот, бороться! Так что я возвращаться не буду к вам, увы! И так будет продолжаться, пока приказ мой не выполните вы!»

После слов таких и лекций, монахи решили целить в сердце: стали светом изнутри (например, видели в глазах когда-нибудь огни? — Так вот это всё они!) Но спустя ещё сто лет, Свет ответил: «Пользы нет! Ведь, чтоб увидеть свет изнутри, не нужны глаза! А вы — как дураки ещё сто лет потратили на сущий бред!!! Всё: последняя попытка, если не получится — будет вёка два вам пытка, и в головах во всех про меня забудется!!!»

Монахи испугались, что потеряют Свет, и очень постарались сказать его уходу нет. «И что случилось», — спросишь ты. На что отвечу я — «камин». Ты помнишь уютные огни, даже когда сидишь один? И вот представь, что ты с тем рядом, кого ты любишь, всегда ждёшь. Сидите вместе у камина, и ты дровишки с треском жжешь. Вы смотрите на пламя, и время так проходит быстро, что

забываешь о проблемах, снимаешь суеты с плеч карамысла.

Так вот, монахи те, отчаявшись, что будут впредь одни, решили смастерить огни, которые бы вызывали в душах Свет (тот изнутри, в котором пользы нет (о, шучу, конечно, ладно — дальше) простой, уютный и без фальши: к ним в голову пришёл секрет один — что лучше всех владеет Светом с огнём камин! И так, теперь ты знаешь почему все до сих пор умеют Свет рождать, и почему так хорошо, тепло сидеть и за огнём в камине наблюдать...

11.04.2008

Маленький город

Своеобразная притча.

Sett

Камни с угрожающим хрустом падали на землю в трёх метрах от мальчика, который играл «в строителей». Хрупкая головушка ребёнка не воспринимала то, что происходило вокруг, она хотела только играть. Мальчик брал осколки разбившихся камней и строил из них разнообразные конструкции, которые поражали воображение своей уникальностью и неповторимостью, а также устойчивостью и прочностью. Серый песок, образовавшийся из крошки от камней, аккуратно ограждал постройки мальчика от всего остального мира. Мальчик жил в своём придуманном мире, в своём дворце из упавших камней, в своей мечте, которой никогда не суждено было сбыться. Время с косою ходило поодаль от мальчика и жадно поглядывало на него, а тот не обращал на время никакого внимания — он был погружён в стены, мосты и башни своего малюсенького городка.

Было понятно, что так не могло продолжаться вечно, ведь даже звёздам приходит конец, чего уж говорить про маленького мальчика, который игрался рядом с камнепадом. Время нервно поглядывало на часы, подводило будильник, настраивало секундомер. Вскоре подошла смерть и стала с интересом наблюдать за постройками мальчика, у которого уже был построен целый мегаполис. Время тянулось, отжималось, подтягивалось, проще говоря, разминалось. Наконец, оно не выдержало и ринулось на мальчика: огромный бумажник печально полетел вниз. Никто ещё никогда не видел такой потрясающий город в такой молодой крови. Кровью мальчика плакали все жители города, ей же они упивались.

Смерть сосредоточенно смотрела на внезапно сформировавшуюся перед ней картину, задумчиво покачивалась на ногах. Спустя частичку себя, к смерти подошло время и спросило почему смерть стоит на месте. На этот глупый вопрос смерть не ответила, а только ухмыльнулась и удалилась прочь. Мальчик же, нахмуренный, потопал домой.

11.04.2008

Удлинитель (Её дневник)

Старенький рассказ. В своём роде пародия на надрывную «любовь» современных тинейджеров.

Sett

14:21

Вот-вот и я отправлюсь к нему! Скоро приедет такси и я отправлюсь на вокзал, а уж оттуда — к нему!

14:22

[нервно] Что-то такси опаздывает... Обещали приехать к трём часам, а сейчас уже половина!!!

14:23

Ладно, буду писать пока смогу.

14:24

Думала, что приехало такси, а оказывается — это просто мимо проезжала машина.

14:25

Ну где же такси!!!

14:26

Кажется, я схожу с ума...

14:39

ДА СКОЛЬКО ИХ МОЖНО ЖДАТЬ!!!

14:51

[радостно] Приехало такси!!! Я уже выхожу! Решила взять комп с собой, чтобы писать! Буду писать пока хватит удлинителя.

14:53

Я в такси. Какое-то оно тесное, или это просто мне плохо. Слава Богу, удлинителя хватило до такси!

14:55

Едем на вокзал. Удлинитель пока не жалуется!

15:07

Надо же! Удлинителя хватило до вокзала!!!

15:13

Да где же этот поезд!!! У меня же отправление в четыре часа!!!

P.S. Удлинителя пока хватает.

15:30

Они похоже издеваюца!!! Почему поезда ещё нет?!?!?!
Удлинитель не подводит!

15:45

Приехал поезд. Надеюсь хватит удлинителя до моего вагона, он у меня пятнадцатый!

15:48

Хватило!!!

15:50

Я на своём месте! Комп работает, а это значит удлинителя хватает.

15:51

Когда же тронется поезд?!

15:52

Похоже через минуту, если не тронется поезд, тронусь я...

15:53

Я тронулась...

15:54

А удлинитель-то оказывается какой длинный!

15:58

Похоже, трогаемся...

15:58

...я и моя соседка от меня...

16:00

Поезд поехал! Интересно, насколько хватит удлинителя?

16:01

Пока всё тихо.

16:02

Погас монитор. Думала, что удлинитель кончился, а оказывается, что просто пяткой кнопку питания нажала. А удлинитель ещё держится!

16:30

Мне ехать ещё два часа. [обречённо] Наверное, удлинителя не хватит...

16:31

Пока хватает...

16:45

Чай Хачу — это мой сосед, он из Тайвани. Соседку зовут Катя... Интересно, если я попрошу у Кати: «Катя, чай хочу», не подумают ли они, что я просто обращаюсь к ним по именам... Удлинитель в порядке.

16:46

Чай Хачу в шоке от моего удлинителя.

16:48

За окном стемнело.

16:50

Катя в шоке от Чай Хачу.

16:55

Я в шоке от них обоих.

17:00

Ехать ещё полтора часа. Удлинителя пока хватает.

17:26

Я вот подумала: интересно, а откуда мама взяла такой удлинитель?

17:27

Ведь, если в этот удлинитель вставить такой же удлинитель, то мне и на обратную дорогу хватит!

17:30

Ехать ещё час.

17:47

Чай Хачу, сказал что хочет чая, а мы с Катей долго не могли понять зачем он повторяет своё имя... Удлинитель цел.

17:54

Пришёл кондуктор. Ругается: мол, что это за фигня за нами тянется аж от самой отправки!

17:56

Объяснила, что это мой удлинитель.

17:56

Кондуктор в шоке.

17:57

Удлинитель в порядке.

18:00

Осталось ехать полчаса!

18:15

Кондуктор рассказал всему поезду про мой удлинитель.

18:16

Все в шоке.

18:20

Ещё десять минут.

18:21

Ещё девять минут.

18:22

Ещё восемь минут.

18:23

Ещё семь минут.

18:24

Хочу в туалет. Это не имя, я просто хочу в туалет.

18:25

Ещё пять минут.

18:28

Я тут задумалась... а ведь я похоже забыла вставить удлинитель в розетку... блин.

18:29

Вон уже и станция видна!

18:29

Хм... а как же тогда работал комп?

18:30

Приехала!

18:35

Я вышла, Он меня встретил. Удивился, что я с компом и удлинителем.

18:56

Нет, наверное, всё-таки я включила удлинитель в розетку!

19:00

Идём гулять.

— Следующий день —

13:07

Проснулась с удлинителем в постели... чё за фигня?!

13:17

Он ушёл на работу.

14:28

Хм, сегодня же воскресенье!

15:28

Он же не работает по воскресеньям!

16:28

Хм, где же он?

17:28

Такое впечатление, что меня кинули...

18:28

Зато у меня есть удлинитель!

18:30

Пора домой.

14.04.2008

Я курила

Мой первый рассказ.

Lirycheskaya

Я курила. Сидела и курила. День был скучен, да и делать то особо было нечего. Где-то жил город. Да... он всё-таки был. Где-то ходили люди. Да... они всё-таки не исчезли. Но это всё было в суете. Где-то не со мной... А я? Что я? Я была... но меня не было. Да, я была, но и меня не было... Вот так всё просто — и есть и нет сразу.

Я хотела чудес. Да, я хотела. Пусть мир бы сотрясся. Пусть он подышит чем-то новым. Банальность не для меня. Чудес? А разве есть чудеса? Наверное, есть. По крайней мере, я хочу, что бы они были... Ой, чего я еще хочу?.. Всего не перечеть.

«О чем задумалась?» — спросило одиночество. — Да так... чудес захотелось. «Ты опять куришь?» — спросила совесть. — Да, я курю! А у вас есть другие предложения? «Ты еще не нашла своему замену?» — спросила пустота. — А нужно? А стоит? Мне и так нормально живётся. «Это ты себе говоришь??» — спросила совесть. — Ну не вам же!

«А мы кто, по-твоему? Не ты?» — все хором.

И я окончательно запуталась в себе. Нет, они правы... нечего здесь сидеть. Нужно что-то делать. Начиная с этой секунды. Нет, начну завтра...

А завтра великий день. Я знаю!

Так закончился семьдесят четвёртый день моего холодного лета...

16.04.2008

Понимание непонимания

Маразм.

Sett

*Подарки судьбы...
кто-то в них верит, кто-то нет...
а кто-то ещё и дарит...*

Пустяковый день, который прошёл упавшим календарным лепестком. Мысли как всегда вверх дном, голова наполнена пьяным дымом, язык становится ватым и перестаёт двигаться так, как ни умоляет его мозг, но не сознание, так как последнее уже отключилось... ноги, на пульте управления бессознательного, чуть возмущая воздух, шатаясь и прогибаясь, двигаются в направлении, ведомом только тому самому — бессознательному. Тело доставлено до кровати (или чего-то горизонтального), свет гаснет, занавес.

Утро, как всегда, наступает только в районе пятнадцати часов, когда мозг требует освободить место, занимаемое тем самым, что и проспонсировало пьяный дым в голове и причудливую манеру передвижения ног. Когда место освобождено, утро прекращается и вновь возвращается сонная ночь: мозг отключает лишнюю аппаратуру — сознание, моторику, чувства и переводит тело в режим беспробудного сна.

День заканчивается, когда сознание приходит в тело, которое поднимается и никак не может сообразить, что за окном — день или что-то иное. Опять происходит освобождение занятого места, после чего мозг требует подпитки, и тело послушно идёт туда, где, по его мнению, должно находиться что-нибудь съедобное. Если что-то найдено, то оно незамедлительно отправляет-

ся на знакомство с желудочным соком, который отмыкает из съеденного энергию для мозга; у последнего, в свою очередь, появляются лишние силы, которые требуется куда-нибудь потратить. На помощь приходят электрические разряды, которые забирают часть оставшейся силы, но так как живительной энергии много, то и разрядов появляется уйма! Эта электрическая система начинает синтезировать разнообразные комбинации и логически (и не логически) завершать их, после чего объёдки энергии смываются в запоминающее устройство, которое, как ни странно, фиксирует все образованные комбинации электрических разрядов и их завершения. Так как всё перечисленное необходимо сделать быстро, во многих отделах поглощающего механизма образуется беспорядок, который обуславливается ослаблением контролирующего звена! Это звено отвечает за порядок среди всего находящегося в механизме. Из-за такой мелкой неполадки, запоминающее устройство забывает, когда оно что запомнило, а это приводит к тому, что, когда весь организм приходит в так называемый порядок, запоминающее устройство не в состоянии отдать отчёт что было, а что додумано в целях потребления лишней энергии.

Ночь наступает на второй час, после пробуждения организма. Запоминающее устройство, в целях самосохранения, сообщает мозгу, что ничего не потеряно и всё запомнено! Центр потребления энергии, довольный обстоятельствами (пусть даже ложными, как мы знаем) требует отчёты от остальных звеньев механизма и, убедившись, что всё в полном порядке, отключает сознание. Позже, обращаясь в определённые секторы запоминающего устройства, с мозгом начинает конфликтовать сознание и, иногда подключается даже то, что управляло ногами в эру пьяного дыма в голове (напомню — бессознательное), так как последние двое

осознают, что некоторые секторы явно сфабрикованы! На это мозг предоставляет отчёт запоминающего устройства, в котором явным по конкретному написано, что ничего не утеряно, что всё запомнено. Начинается допрос запоминающего звена, которое, нервничая, сообщает, что кое-что скорее всего не соответствует реальной действительности, обитавшей в-то-время в-том-месте. Чтобы не быть крайним звеном, запоминающее объявляет, что контролирующий отдел некоторое время был в панике и, скорее всего, утерял важную информацию об уровне правдивости хранящихся фактических заявлений действительности, которая была в-то-время в-том-месте. Расследование доходит до контролирующего звена, которое начинает убеждать следователей, что во всём виновато время, которое как всегда неведомо куда спешило и подгоняло все отделы механизма поглощения энергии. В связи с чем и оно само (контролирующее звено) самую малую долю запаниковало, из-за чего, собственно, и произошёл небольшой несанкционированный конфликт с остальными отделами, который привёл к разногласиям. Делегация расследования отправляется ко времени, которое как всегда уже куда-то убежало: в мозг медленно вползает усталость от прогулок по всем отделам, и он решает, что её нужно отложить. Все расходятся по своим местам.

На следующее появление сознания приходится уже полдень. Мозг вопрошает у запоминающего устройства на чём они остановились, но то, виновато пряча глаза вниз, отвечает, что забыло запомнить: «Все как-то быстро разошлись — я даже и запомнить не успело». И в этот самый не подходящий момент объявляется делегация импульсов иного мозга, которая начинает утверждать, что половина из секторов запоминающего устройства — фальсификация входящих данных! Начинается горячая дискуссия. Для поддержания своего морального духа,

мозг призывает на помощь нервные клетки, которые, собственно, и ведут переговоры с инородными импульсами иногородного мозга. Через определённый промежуток опять убежавшего куда-то времени, у нервных клеток происходит энергетическое истощение, некоторые не выдерживают и падают в кому. Наконец, решается перенести заседание в иную голову: с импульсами в их искомый мозг возвращаются и взвинченные нервные клетки, которые начинают всех задирать. Иногородные нервные клетки вступают в физический конфликт с нашими, ранее упомянутыми, клетками нервной системы. Ряды тех и других редуют, после чего приходит сообщение отозвать делегации, что и происходит. Тело переходит в режим покоя.

16.04.2008 / 21.08.2006

Заставляющий жить

Старенький рассказ о надежде, — тогда я ещё писал под другим псевдонимом.

Sett

Лучи солнечной звезды уже ласкали волны на горизонте, когда одинокая птица взлетела вихрем вверх и упала камнем в воду...

Бездонные улицы, в которых так легко потеряться, забыть свой истинный маршрут и остаться навсегда. Ноги уже начинали отказываться идти дальше, глаза бесцельно плутали по земле, в поисках конца пути, но его не было. В голове появился раздражающий зуд, который то и дело пробегался по всему телу и вновь застревал где-то в середине черепной коробки, набитой тоннами самых разнообразных мыслей, не смотря на смертельную усталость. Во рту была сухость, желудок стонал, переваривая самого себя. Тогда показалось, что лучше не станет, что спасенье не явится, что Бог оставил это тело, вместе с его душой. Но, не зря говорят, что звёзды не падают просто так, вот и в этот раз, уже начинающее гнить тело было здесь не совсем случайно...

Тени начинали окружать задыхающуюся жизнь, бесильно бьющуюся в недрах павшего тела, когда яркий, обжигающий очи свет, пронзил время насквозь, раскромсав тени на куски. Глаза, будто услышав это, открылись и посмотрели на свет — он шёл откуда-то сверху, точнее, стекал водопадом ярких цветных искр, прыгающих и веселящихся в отражениях пустых окон. Заботливый уют ласково растёкся по всему телу, оставляя за собой след приятной неги, как после горячей ванны. Жизнь в теле начинала набирать силу, возвра-

щая дыхание и биение сердца. Голова приподнялась над землёй, взгляд медленно прогулялся по окружающим тело стенам и окнам. Там было очень душно, но в теле веяло прохладой, сказочной и очень странной, учитывая окружающую жару. Наконец, сознание вернулось туда, откуда оно посмело так бесстыдно сбежать, по венам вновь ручейками побежала кровь, сердце снова забилося с прежней силой. Всё-таки жить хотелось, но в то же время, не было ни малейшего желания видеть вновь и вновь свою беспомощность, грязь вокруг да страх в глазах... Но жизнь уже билась фонтаном до неба, окрашивая всё вокруг радужными красками. Ноги выпрямились, держа на себе восстанавливающееся от шока безысходности тело. Крылья сделали взмах, и дивная птица поднялась над серой землёй. Яркие перья светились в лучах беспощадного солнца. «Что же это был за свет?» — возник вопрос, на который, к сожалению, ответа не было.

Вдруг птице подумалось: «Мои глаза ни разу не видели океана!» И восхитительные крылья понесли её к нему. Увидев же гладь воды, что окутывала весь океан, мысль закралась в голову: «Я хочу здесь умереть!..» Лучи солнечной звезды уже ласкали волны на горизонте, когда одинокая птица взлетела вихрем вверх и упала камнем в воду...

Последнее, что запомнилось — это нарастающий встречный ветер, своё отражение в печальной воде, шепчущей «я тоже хочу летать» и яркий свет, отразившийся в той же глади. Тот самый свет, который вернул птице жизнь, заставил взмыть в небо и ещё раз почувствовать эту ласкающую душу свободу...

Никто не знает, чтобы стало с птицей, если бы не этот свет. Но одно я могу сказать наверняка: если бы птица тогда резко не развернулась и не ушла от столкновения с водой, то вряд ли бы она так же, как и сейчас, задорно

щебетала, весело резвясь вместе с чарующим светом, заставляющим жить...

23.04.2008

**История двух убийц.
Глава четвёртая.
Убийца и Любовница в одной постели**

«Убийца и Любовница в одной постели» — четвёртая глава из моего рассказа «История двух убийц».

Aisk

*Я умерла бы для Вас
Я умерла бы для Вас
Я умерла только,
Чтобы чувствовать
Вас на моей стороне
Знать, что Вы являетесь моими*

*Я буду плакать для Вас
Я буду плакать для Вас
Я смою вашу боль со всеми моими слезами
И буду топить ваше опасение*

*Я буду молиться относительно Вас
Я буду молиться относительно Вас
Я продам мою душу кое за что чистое
и истинное
Что-то подобное Вам.¹*

Опять развлечения. Опять шум, гам, крики, стоны. Опять эти пьяные рожи, обнимающие моих подруг-про-

¹ «Number One Crush» — песня группы Garbage.

ституток за талии и откровенно тискающие за разные места их полуобнажённые тела. И снова в груди моей ненависть и злость, которые рвут моё сердце, а разум затуманивают. И снова я хочу убить их всех. Я снова хочу им отомстить: за смерть, за боль, за родителей и за мои слёзы. Слёзы, которые хотят появиться на моих бледных щеках. Мои слезы отражают боль, отвращение, жалость, ненависть. Я жалею себя. У меня отвращение к себе. Я ненавижу себя! Кем я стала? Нет, я не расплачусь! Я не стану этого делать! Мне не пять лет, как в тот раз. Я уже опытная, я уже самостоятельная. Я уже воин... Но я уже и шлюха.

Я сидела рядом с ними, за одним столом. И снова у нас праздник. И снова радостный и веселый пир. После кровавой борьбы. Борьбы за власть! Что за слово такое — «власть»? Почему она причиняет одним муку, а другим опьянение? Почему все стремятся к власти? Зачем и почему? Наверное, я никогда этого не пойму...

— Эй! Александра! Рожденная змеёй!

Моё размышление прервал мужской рев. Проклятый демон Фаргус! Один из наёмников. Ненавижу. Всё время со своими чёрными драконами. Помешенный!

— Фаргус, что тебе нужно? — зашипела я, когда он ко мне подошёл.

Все наёмники выглядят одинаково. Чёрный рваный плащ, а под ним скелет, обтянутый кожей и руки с когтями. Хм... существо без органов. Он всегда носил железные перчатки, как рыцари в средневековье. Только где остальные доспехи? У него были волосы, а это редкость для наёмников. Они были седые и доходили ему до плеч. Это тоже редкость. Это значит, что Фаргус прожил довольно долгую жизнь. Все наёмники не имеют чувств. Но Фаргус был исключением. Он мог сострадать, мог ненавидеть, мог уважать! Я не знаю, почему он здесь и когда он стал одним из нас. Но когда я впервые его уви-

дела, то поняла, что он не похож на этих насильников и убийц, у которых на руках полно крови невинных людей. Я никогда не желала его убить, но я его ненавижу, поскольку он был один из них. Один из убийц.

— Хозяин тебя вызывает. Хочет с тобой поговорить, — спокойно сказал Фаргус и поклонился. — Он хочет что бы ты пришла в его кабинет.

Чёрт! Чёрт! Чёрт! Что ему нужно от меня? Адриан! Адриан — так звали моего хозяина. Он не успокоится, пока не сломает меня. Пока не убьёт мою гордость. Не растопчет мою волю. Не увидит моих слёз. Не услышит моих стонов, которые я пытаюсь сдержать каждый раз, и мой тихий плач. Андриан будет делать это снова и снова, пока не удостоверится, что я ему полностью подчинилась. Неужели я ему не надоела? Нет! Если я надоем хозяину, то он отдаст меня своим людям. А они, не теряя ни минуты, разорвут меня в клочья. То есть изнасилуют. Против всех их я не смогу справиться.

Я встала из-за стола и в последний раз взглянула на своих соседей. Спенс, тоже не плохой парень, сидел по правую сторону от меня. Он был сильно пьян и уже спал за столом — тихо хрюкал и произносил чьё-то имя. Барбос по левую сторону обнимал Бьянку, которая сидела на его коленях. Он что-то говорил ей на ушко, а она тихо хихикала и целовала его нежно в губы. Наверное, он обещает ей, что увезёт её из этого ужасного места и они будут жить вместе. Моих губ коснулась улыбка. Да он её любит. А ещё он любит Кассандру, Джулию, Морису и многих других проституток. Кстати, Бьянка — сестра Спенса. Хм... может Барбос и в правду любит Бьянку, потому что не решится иметь дело с её братом. А тот никогда не допустит, чтобы его маленькую сестрёнку обидели.

Я развернулась на высоких каблуках и пошла в сторону выхода, чтобы попасть в кабинет Адриана. Но не прошла я и трёх шагов, как ко мне подошёл Джон. От него

пахло спиртным. Джонни, пошатываясь, подошёл ко мне. Хм... он много, наверное, выпил, чтобы подойти ко мне, зная мою реакцию на пьяных. Он улыбнулся мне своими жёлтыми зубами. Когда он стал говорить, я невольно сморщилась, почувствовав запах алкоголя.

— Ну что, Змейка, как делишки? — пьяным голосом сказал он и немного пошатнулся.

— Пока не родила, Джон, — с отвращением ответила я, всё так же сморщиваясь от запаха, ударившего мне в нос.

— Хе, а ты хочешь, чтобы у тебя был малыш от меня, детка? — проговорил он. — Я не против, — с утверждением произнёс мужчина, — разлечься! — Джон положил свою правую руку на мои ягодицы, а левую на спину.

Он стал меня обнимать. Я с отвращением отвернулась. Я чувствовала на своей шее тёплое и пьяное дыхание. «Всё, пора с этим заканчивать! По-хорошему», — подумала я и упёрлась руками в грудь Джонни-который-может-стать-трупом! Выбравшись из его объятий, я отошла на несколько шагов назад.

— Джон, мне надо к хозяину — я не должна опаздывать, — холодно сказала я и хотела уйти, но этот придурок вдруг схватил меня за руку.

— Хозяин подождёт. Я с тобой ещё не закончил, крошка, — страстно произнес он мне на ухо.

Слово «крошка» меня сводило сума! Я ненавидела, когда меня кто так называет! Даже Адриан не смел меня так называть, поскольку знал мою реакцию на это слово. Я готова была убить за это слово — никто не смел ждать пощады. «Так, моё терпенье уже вышло!» — это была последняя здравая мысль после того, как я сломала ему руку; после того, как изуродовала его, когда била его об стену, пинала, царапала, а потом свернула ему шею голыми руками.

Всё это время я слышала оглушающие крики. Это кричали они, змеи ордена! Змеи окружили меня и Джон-

ни словно зрители в театре. Они всё прибывали и прибывали, обступая меня, словно сцену. Они кричали, орали, давали советы, смеялись истерическим и неестественным смехом. Я слышала их голос и это сводило меня с ума! Я стала ещё больше и агрессивнее бить мужчину. Я била его со всей своей не женской силой. Потом я решила закончить это всё, закончить его жизнь раз и навсегда. Это было легко сделать. Очень легко, особенно когда мужчина перестал защищаться от наносимых мной побоев.

Но теперь криков и смеха больше не было слышно. Я моргнула. Здравый смысл снова возобладал надо мной. И снова появилась логика, которая не появилась в нужный момент. И снова я поняла, почему все они затихли, почему они все неожиданно замолкли.

— Великая Артемида! Он тут...

Толпа стала расступаться и кого-то пропускать. Из толпы бесчувственных баранов вышел молодой парень. Он был высок и высокомерен, красив и жесток. Он был садистом и подлецом. Да, это он — Адриан. Это он лишил меня родителей, когда мне было всего лишь пять лет, а ему тринадцать. Вы скажете, что ему было совестно и очень плохо оттого, что он видел смерть в свои годы? Я сначала расхожусь и скажу, что вы плохо его знаете. С самых малых лет его отец учил его не прощать никого и не жалеть ничего. Уже в семь лет Адриан видел смерть и в эти годы он уже убивал. Он убил свою мать! Родного человека! Ему не было её жалко. Ни капельки совести и ни капельки жалости. Парень сам это мне сказал. Его голубые глаза говорили правду, а я, конечно же, могла различить правду и лож. Но давайте вернёмся к тому, что Андриан вышел из толпы.

Хм... честно признаюсь, вышел он из толпы как Бог. Посейдон. Красивые белоснежные волосы, длинная чёлка падала на глаза, скрывая их. У него глаза голубые как

безоблачное небо, светлые и чистые. Говорят, что «глаза, это зеркало души», но тогда его глаза должны были быть не светло голубыми, а тёмного синими! Его душа тёмная и глубокая как море во время бури. А голубые глаза придавали ему такую невинность, будто он был самым настоящим ангелом. Падшим ангелом.

Адриан пошёл в мою сторону. Когда он шёл ко мне и к трупу Джонни, его грациозность можно было сравнить с грациозностью пантеры. Нет — кота. В каждом его шаге можно было уловить что-то такое, что нельзя увидеть больше ни в ком. Я знала, что это. Кот прикрывает своей грациозностью свою силу. Силу, которая превышает меня... Силу, которая пугает меня...

Голубые глаза Адриана оглядели труп с ног до головы, у которого, кстати, была свёрнута голова. Ну, точнее шея была свёрнута. Потом его внимательный взгляд перешёл на меня. Я никогда не могла рассмотреть, что творится в душе Адриана, я лишь могла догадываться. Хотя нет, я могла видеть в них что-то. Гнев. Удовольствие. Страсть. Похоть. Жажда обладания. И желание! Желание, которое сжигает его изнутри, заставляя причинять боль себе и другим. Вот все те чувства, на которые способен Адриан. Вот какие чувства есть у него в душе. Эти же чувства он хочет приручить и во мне.

Неожиданно Адриан больно схватил меня за запястье и потащил вон из зала. Я не вырывалась и не сопротивлялась, потому что знала, что это ещё больше ухудшит ситуацию. Я не кричала, потому что это ни к чему не приведёт. Я лишь шла за ним и немного отставала. Когда мы выходили из зала, я наткнулась взглядом на Елену. Та покачала головой и исчезла в темноте вместе с Ризелой. Я шла и не смотрела куда иду, несколько раз спотыкаясь. Я шла дальше, не обращая внимания на боль в плече. Пройдя несколько метров Адриан толкнул меня к стене и прижал к ней своим горячим телом.

Он глубоко дышал, а в голубых глазах застыло желание. Я слышала, как его сердце билось так сильно, что ему было трудно дышать. Хм... удивлены, у него есть сердце?!

С Адрианом мы были одного роста, так что наши лица были на одном уровне. Он прижался своим лбом к моему лбу, и наши дыхания слились в одно. Будто мы были едины: он вдыхал, я выдыхала, я вдыхала, а он выдыхал. На мгновение он прикрыл глаза, и я не понимала, что он хочет и что он желает. Его рука отпустила мою руку — теперь его сильные руки трогали моё тело. Они гладили мою шею, плечи, спину, грудь. Правая рука обняла меня за талию, заставляя ещё больше прижаться к телу парня. Левая скользнула по груди, и длинные пальцы слегка сжали нежное полушарие. От его прикосновения я тихо застонала. Я была слишком чувствительна к нему и его прикосновениям. А что я делала? Ответ прост. Я просто стояла. А что я чувствовала? А что бы вы чувствовали, когда до вас дотрагивались руки, которыми убили ваших родители. Глаза, которые смотрели на вас со страстью, принадлежали убийце, который смотрел как ваша мать извивается от боли из-за заклятья. Губы, которые дотрагивались много раз до вас и вашего тела, которые производили заклятье смерти, убивая вашего отца. Что бы вы чувствовали? Я не знаю как вы, но я была опустошена. Я ничего не чувствовала. Когда он до меня дотрагивался я стонала, но делала это инстинктивно. Пустота в моих глазах выводила его из себя. И сейчас, когда он открыл глаза и увидел эту пустоту, его это сильно взбесило. Адриан взял меня за воротник моей чёрной блузки и развёл её в сторону. Я слышала, как рвётся тонкая ткань и с глухим звуком падают на пол пуговицы. Парень запустил руку в мои чёрные, кудрявые волосы, слегка надавил на голову, притягивая её к себе. Его губы коснулись моих губ, и я ответила, и я позволила. Я ответила на поцелуй, и я позволила ему снова изучить структуру моего рта. Его

поцелуй был жестокий, грубый и требовательный. Но я уже привыкла к этому, я уже ко всему привыкла. Я прикрыла глаза и пыталась представить кого-то другого. Но у меня никак не получалось. Поэтому я отдалась тому, что до меня дотрагивается убийца. Мой язык сплетался с его языком, будто это была какая-то только нам известная игра. Я вошла в роль страстной любовницы и даже слегка нежно укусила парня за нижнюю губу и потянула её. Тот тихо застонал мне в губы и на моем лице появилась лукавая улыбка. Свободной рукой Адриан взял меня за бедро, слегка сжал и немного приподнял, будто приказывая что-то сделать. Я знала, что он хочет. Я знала всё, что он хотел. Я знала все его желания! Он хотел, что бы я его обняла ногами вокруг его торса. И я это сделала. Слегка подпрыгнула и с помощью сильных рук я обняла его вокруг талии. Он немного напрягся, когда я это сделала и когда прижалась своей грудью к нему ещё сильнее. Я должна подчиняться любому его приказу, независимо какой он. Даже если он будет бессмысленный. Правой рукой я обняла его за плечо чтобы не упасть, а левой запустила в его белые как снег волосы, тем самым, пытаюсь углубить наш поцелуй. Неожиданно Адриан прервал поцелуй и произнес хриплым голосом: «Не здесь!»

Я согласно кивнула, понимая, что если мы сейчас не остановимся, то участники ордена увидят довольно откровенную картину — чем любит заниматься их хозяин с главнокомандующим ордена. И почему я стала командиром всего отряда. Мы снова пошли. Я слышала в его голосе нотку еле сдержанной страсти. Он был напряжен и понемногу успокаивался. Когда мы дошли до заветной дубовой двери, Адриан уже успокоился. Распахнув тяжелую дверь, я узнала кабинет Адриана. В нём было всё так же. Ряд книжных полок, на которых стояли книги по тёмной магии и медицине — только это он и читал,

и изучал. Картины с пейзажами города, который я очень хорошо знала. Небольшая статуэтка обнаженной богини Венеры ¹стояла на тумбочке сделанной из дерева вишни. Здесь ещё был бар, в котором всегда было чем поживится. На большом резном дубовом столе лежали бумаги, важные документы, контракты, пару интересных книг, перья, чернила. Адриан прошёл к столу и сел за него, он взял бумаги и стал аккуратно складывать их. Я всё понимала — он о чём-то размышлял. Я очень медленно закрыла за собой дверь и также медленно прошла к его столу. На мне всё также была разорванная чёрная блузка, кожаные чёрные брюки, туфли на высоком каблуке. Волосы были убраны в конский хвост — из-за порыва страсти причёска была испорчена. На лице, как ни странно, была маска, которую я надевала на поединок. А вы знаете, из чего была сделана эта маска? И кто её мне дал? А точнее подарил? Хм... Когда я только становилась одной из змей, ко мне однажды на пиру подошел Адриан и дал в руки небольшую тёмно-зелёную коробочку, украшенную изумрудного цвета бантиком. Я неуверенно открыла её и увидела там прекрасную чёрную маску, украшенную по бокам чёрными перьями и чёрными блестящими нитями. Сама маска была блестящая и сделана из кожи, наверное, молодых детёнышей ламы. Мне она очень нравилась, тогда мне было всего лишь двенадцать лет. Я в знак благодарности стала обнимать и расцеловать щеки Адриана. Но неожиданно паренёк обнял меня за талию, прижал к себе и сказал на ухо то, что меня повергло в шок.

— Знаешь, из чего она сделана? Ты заметила, что нигде нет Сандры? Ведь недавно ты с ней была в одной постели! Ты же не дашь мне соврать? Маска обтянута

¹ Афродиты.

её нежной кожей, любовь моя! — страстно произнёс мне на ухо Адриан и отпустил меня.

Вы не приставляете какой у меня был шок. Недавно человек был жив, теперь его нет! Сандра, знаменитая проститутка в ордене, умерла. Она была знаменита своей нежной кожей! Она была доброй, нежной, заботливой. Теперь я держу в руках то, что от неё осталось!

Адриан приказывал мне всегда носить эту маску. Всегда! Если с ней что-то случится, то он сделает эту маску из другой моей подруги! С того самого дня я нашу её.

В моей голове мелькнули воспоминаия о подруге. Она была... она... Я даже не могу описать, какой хорошей она была! Адриан самый настоящий садист!

— Ты убила Джона и опоздала на встречу, — резко и громко сказал Адриан, выдернув меня из размышлений.

Я подняла голову и взглянула на хозяина, а потом на зеркала позади него. Вся стена за спиной Адриана была в зеркалах. Они начинались от пола и тянулись до самого потолка. Я не понимала зачем они ему нужны. Для чего они ему и к тому же в таком большом количестве.

— Извините меня, хозяин. Я... — стала тихо оправдываться я, но Адриан прервал меня.

— И как ты думаешь, какое мне наказание придумать? — насмешливо сказал он и развалился в кресле. Он стал тереть указательным и большим пальцами свой подбородок.

— Я не знаю, Господин, — холодно ответила я.

— Хм... ты была бы рада, если я просто до тебя не дотрагивался, — он встал из-за стола и медленно, даже лениво, начал подходить ко мне. — Это ведь так, Змейка моя?

Я, не отрываясь, смотрела в глаза Адриана. Как же я его ненавидела. Всю его сущность, черты его лица, его манеры... А ещё больше я ненавидела себя, когда он вхо-

дит в меня... И заставляет меня стонать от удовольствия и плакать от бессилия.

— Да, мой хозяин, — холодно, даже без чувств, ответила я.

Он ухмыльнулся и стал пристально смотреть на меня. Адриан подошёл ко мне совсем близко, заставляя меня на мгновения затаить дыхания. Он положил левую руку мне на талию и обошёл вокруг меня. Я слышала, как он вдыхает мой запах волос. Я чувствовала, как он нежно ласкал левой рукой моё тело. Я знала, какое наказание меня ждёт.

Всё произошло мгновенно. Страсть Адриана вырывается наружу и разрушает всё, в том числе и меня. Резко, как молния, он прижал меня к столу и стал грубо и страстно целовать. Как ни странно, я стала ему отвечать, поскольку единственный приказ, который я знала в данный момент, это подчиняться и отвечать. Отвечать страстью на страсть. Его руки стали разрывать мою блузку в клочья, и я стала ему в этом помогать. Я на минуту оторвалась от его губ, стала снимать с него мантию. Сняв её через голову, я бросила её куда подальше, чтобы не видеть её вообще. На нём была мантия, в которой он любил убивать своих жертв. Через секунду я разорвала белую рубашку Адриана и как ненужную тряпку бросила на пол. Ему нравилось, когда я делаю так, когда у меня такое настроение. Хе, когда я все разрываю. Адриан оскалится, оскал напоминал мне оскал волка или какого-нибудь дикого зверя. Зверя, который был очень голоден. Да, он был голоден физически по моему телу и морально по моей реакции. Не успела я опомниться, как Адриан сбросил всё со стола и положил меня на него, снял с меня кожаные брюки. Неожиданно я посмотрела на зеркала. Я видела себя, я видела его, помещение, где мы были. Но что-то было не так. Почему-то было такое чувство, что что-то не так. Будто Адриан придумал новое

наказание для меня. Я быстро отвела взгляд от зеркала и повернула голову к тому, кто до меня дотрагивается. Губы Адриана коснулись моей шеи, и неожиданно он укусил меня, в то место, где бился пульс. Я не ожидала. Из моего горла вырвался стон удовольствия. Он ухмыльнулся, и я почувствовала это. Его губы стали продолжать игру, скользя по подбородку, по шеи, груди... Его язык обвёл маленький комочек, глядя на то, как тот стремительно сжался. Руки Адриана жили своей жизнью, они гладили, ласкали моё тело, заставляя меня выгибаться от страсти. Я еле сдерживалась, чтобы не закричать от удовольствия и прикусила нижнюю губу. И снова мой взгляд наткнулся на своё отражение, а голова оказалась повёрнутой к нему. То, что я там увидела, ввело меня в небольшой шок. Я лежала на столе, а Адриан меня ласкал. Всё так. Но в отражении была не я! Я стонала, извивалась от удовольствия, прижимала к себе напряжённое тело парня, обнимала его и просила ещё и ещё! Моё отражение на меня не смотрело совсем!

Я отвернулась от этого зрелища. Это не было правдой, не правда! Я ничего этого не чувствую, я не прошу его делать мне приятно. Я его не умоляю! Я его этого не прошу, я этого не делаю!

Я осознала, что Адриан больше меня не целует и не трогает. Он вообще с меня встал и стоял, смотрел на меня!

— Что-то не так? — спросила я удивлённо и приподнялась на локтях. Что я говорю?! Я должна радоваться, что он прекратил всё это! Но почему... почему я хотела ещё?!

— Почему я должен тебя трогать и удовлетворять? Если ты не хочешь меня? — проговорил он это холодно как лед.

Внутри меня всё похолодело. «О, нет! Только не это», — в панике кричал мой разум.

— Ведь ты должна быть наказана. Ведь так, моя змейка? — усмехнулся он и схватил меня за руку.

И вот мы поменялись местами. Теперь меня поглощало желание и страсть к нему. Я точно сошла сума! Я его целовала, ласкала руками, губами, языком. Адриан тихо рычал, и что-то говорил на своём языке. Это напоминало заклинание или обряд тьмы, как у валькирий.

На мне больше не было ничего кроме туфель на высоких каблуках, на Адриане тоже не осталось ничего из одежды. Я залезла на него верхом, как на коня. И в голове всплыли воспоминания, как он учил меня ездить на лошади. Хе, наверное, он не догадывался, что скоро сам встанет на место этой лошади. Точнее ляжет...

«Боже! О чем я думаю?!»

Я положила руки на его грудь и медленно нагнулась вперёд. Я коснулась своими губами его губ и заключила их в страстном поцелуе. Очень медленно я стала двигаться назад, пока не почувствовала там его плоть. Потом также медленно села на него. Из горла Адриана вырвалось рычание зверя. А я... вы не поверите, я прокричала его имя.

— Адриан!

Когда он услышал, как я произнесла его имя, он сжал мои бедра руками и тихо, хрипло засмеялся.

Наши движения были сначала медленны, а потом стали убыстряться. Всё сильнее и сильнее. Быстрее и быстрее! Наши движения стали почти безумными и дикими.

Я резко повернула голову на зеркала. И снова моё отражение не смотрело на меня. Только то что я делала, всё было правдой. Я стонала... Нет, я кричала от удовольствия. Я почти сходила с ума от этого. Даже желания Адриана были приличны по сравнению с моими. Я просто была... не такая...

По мои щекам скользнули слезы. Неужели это я? Теперь я поняла, в чём заключалось наказание Адриана! Да, он довёл меня до слёз, до стонов, до молитв и до удовольствия.

— За что? — как можно тише сказала я, но Адриан всё слышал.

— Это ведь я приказал Джону тебя довести до того, чтобы ты его убила! — напряжено сказал Адриан, и его руки скользнули по моей обнаженной фигуре.

— За что?! — прокричала я и почувствовала, что кончаю.

— Потому что люблю...

Прокричав это, он резко привстал и обнял меня за талию, кончил.

— За что... — тихо сказала я и заплакала...

* * *

Я проснулась оттого, что луч света разбудил меня. Открыв глаза, я сразу поняла, что нахожусь в комнате Адриана, а его рядом нет...

Как ни странно, я проснулась не с ненавистью к нему или кому-то из ордена. А с ненавистью к себе. Теперь я поняла, что никто из них не виноват в том, кем они стали.

Только я одна во всём виновата.

В том, что не умерла тогда с родителями. В том, что я всех вдохновляю на убийство в ордене. В том, что меня любит Адриан с первой нашей встречи. То, что в моём единственном расписании было только следующее: на первое — убийство, на второе — пир, на третье — постель Адриана. В том, что погибла Сандра. В том, что я скоро окажусь в тюрьме, пытаясь убить пару мракоборцев, и окажусь в ловушке. В том, что поймали не только

меня, но ещё и моих подруг Ризелу и Елену. Они единственные женщины-воины в ордене. И в том, что меня казнят. А вместе со мной и моих подруг...

Извините меня...

24.04.2008

По следам Отчаянья

Рассказ о побеге от Одиночества.

MeTeORa

Было тяжело дышать. Из последних сил, разбивая ноги в кровь, я бежала. Это был тяжёлый забег, но я знала, что если проиграю своему сопернику, то в моей, и так не лёгкой, жизни настанет череда неудач. Улицы, дома, машины пролетали перед моими глазами, уже давно стемнело, но я не сдавалась. Я должна быть сильной, я должна это сделать!

У меня нет друзей, нет врагов. Я живу одна в свитом собственными руками коконе из мыслей и пустоты. Я построила стены, чтобы никто не смог разрушить этого покоя. Но, видимо, они оказались картонными. Как же грустно и обидно стало, когда появился он. До встречи с ним, мне приснился сон, который показался очень странным. Я открыла ящик шкафа, а оттуда посыпались конфеты в разноцветных бумажках: шоколадные, карамельки, сосульки... Их было огромное количество... Я проснулась, открыла сонник и прочитала: «Конфеты видеть — к влюбленности». Но разве тогда я могла знать, что сновидение окажется вещим? И на следующий день я встретила его. Так странно, но из всех, кого я видела в огромном коридоре, приглянулся именно этот парень. Я посмотрела ему в глаза и улыбнулась. Он улыбнулся в ответ. Вот так всё и началось. Привязанность и уважение, общение и дружба, переросшие в любовь, от которой кружилась голова. Но почему за пару месяцев счастья я плачу такую огромную цену?

Из глаз покатались слёзы. Я вспомнила, как краснел он, когда говорил эти три безобидных слова: «Я тебя люблю». Передо мной пролетело всё время, которое мы были вместе. И вдруг картинки стали чёрно-белыми.

Они исчезли, стёрлись из памяти. Я сосредоточила мысли и побежала дальше, обернулась и поняла, что он близко, он догоняет. Мне осталось совсем чуть-чуть, и я найду своё спасение.

Оставляя кровавые следы босых ног, я не останавливалась. Он что-то кричал мне, но я была глуха к словам. Теперь я могла только молчать и думать, как бы умереть не больно и быстро.

Над моей головой развернулось бесконечное полотно неба, украшенное недостающими элементами — облаками. Они кучками расположились по всему периметру и медленно плыли, сражаясь за место возле солнца. А светило допускало к себе только самых достойных, чтобы потом, когда они, измученные и ослабленные, припадут к его живительным лучам, убить их, сжечь своим теплом. Но облака слепо стремились к солнцу, продираясь сквозь необъятные просторы. Неизвестно, сколько времени уйдет на покорение таких высот, но разве это важно? Что вообще важно в этой жизни? Облака не сказали мне ответ, они лишь нависали над моим уставшим телом и подбадривали своим присутствием, как бы говоря: «Эй, смотри, а мы умеем летать! Беги, беги! Ты сможешь!» Одни издевались надо мной, а другие искренне желали добра. Но какая может быть помощь человеку от облаков? Уж слишком они далеки друг от друга — природа и Homo Sapiens. Но как бы я жила без этих немых созданий? Кому бы я посвящала все свои мысли и стремления? Ведь именно на них я могла часами заглядываться и разговаривать о своей боли. Они были безмолвными, чуткими и понимающими собеседниками всё время, проведенное на этой Земле, за что я им очень благодарна.

Мне хотелось припасть холодными губами к земле и расцеловать её за то, что я жила здесь и ходила по ней. Мне хотелось обнять воздух и улыбнуться закату, одарить

взглядом восхищения зелёные ветви деревьев. Но я не могла. Теперь у меня есть только один выход.

Я никогда не верила, что за всё надо платить, но сейчас убедилась в этом. Я любила его, и люблю сейчас. Но почему наши отношения переросли в лютую ненависть. Всё началось с того, что он позвонил и отменил встречу. Потом вообще ссылался на занятость, не гуляя со мной. Я хотела с ним поговорить, мне было действительно интересно общаться с этим парнем, но видела теперь я его очень редко. А всё закончилось тем, что он просто пришёл ко мне и сказал, что больше мы не будем гулять часами, рассуждать о смысле жизни, о населении других планет, что всё прошло, я не нужна ему. Он нашёл другого человека, с которым может поговорить, но ведь иного толку от меня и не было. Так зачем было вообще встречаться, если можно было остаться просто друзьями? Я съехала вниз по стене, опустилась на пол, а он ушёл, закрыв за собою дверь. И не только моей квартиры, но и моей жизни. Навсегда. И теперь за мной бежал тот, кого я предала, променяв на парня.

За мной бежало Одиночество.

Если я остановлюсь или сдамся, то мы снова будем вместе с Одиночеством, и начнутся те же угрюмые будни. Я не хотела этого. Я мечтала вернуть отношения, хоть и знала, что это бесполезно.

Однажды я шла домой. Светило тёплое солнышко, заливаясь, пели птицы. Я увидела издалека его. Он был не один. Он шёл за руку с какой-то девушкой. Я подходила ближе, видела, с какой нежностью они смотрели друг на друга, и мне хотелось убить его и её. Навсегда.

Я прошла мимо, он не обратил на меня внимания, сделал вид, что не заметил. Я обернулась, взяла с дороги камень и кинула в них. Я не знаю, куда именно попала, промазала или ранила, потому что уже бежала, не зная куда, в пустоту зовущей меня дороги.

Я, наконец, увидела вожденный мост. Он врезался в асфальт, а внизу текла речка. Я из последних сил подошла к нему и остановилась. Одиночество остановилось тоже, и прокричало: «Света, ты этого не сделаешь, ты слабая и никчемная! Иди сюда, обернись, мы останемся вместе, и всё будет как прежде!» Нет, я не обернусь, потому что это будет последним, что я увижу в своей жизни. Я запрыгнула на перила и уставилась на небо. Я прощалась с ним, ибо сейчас мне предстоит последнее усилие, и все муки закончатся.

Сзади что-то больно врезалось в спину, начало медленно входить внутрь. Я стремглав соскользнула и, летя в неизвестность, поняла, что умираю не одна, а со своим же Одиночеством, которое было внутри моей сущности...

25.04.2008

История двух убийц.

Глава первая. Осколки прошлого

Самая первая глава рассказа «История двух убийц».

Aisk

*На меня охотится будущее.
На меня охотится будущее.
В моих скитаниях?*

*Любовь — это состояние души.
Любовь — это движение души.
В вашем ритме.
Я приближаюсь.
К свету.*

*Позвольте нам оживить наши
потерянные иллюзии, —
Они — солнце ночью, —
Если мы никогда не почувствуем
Специю жизни.*

*И когда кажется, что мы находимся
в тупике,
Нет причины кричать:
Мы получим руку помощи от того, кто
всегда в стороне.*

Свет навсегда.¹

Как трудно вспомнить то, что должно было забыться много лет назад. Легко вспомнить то, что ты хотел помнить или след, который отпечатался в твоей голове надолго. Легко вспомнить отрывки музыки, которую ты слушал тысячу раз и которая тебе очень нравилась. Легко можно вспомнить то, что тебя привело в шок или сделало больно. Иногда даже кажется, что эти воспоминания специально «плывут» в глаза, и вы начинаете видеть их предельно отчётливо. Но я ничего не помню! Не помню родителей — возможно, их у меня и не было. Не помню, как меня зовут. У меня нет ничего, кроме клички, которая пристала ко мне на века. Дементора. Дементора — это значит дементор женского рода, но в природе такого даже не существует. Она появилась, когда я... нет, когда меня собиравались изнасиловать.

Один из насильников поцеловал меня, и я выпила его душу через губы. По правде, мне очень понравилось... нет, не поцелуй, а выпивать душу. Я много тренировала себя, долго мучила себя тренировками, на которых я многих убила. Но знаете, я даже не жалею об этом! Всё равно они бы умерли когда-то! Сейчас или чуть позже, нет разницы. Тренировки не прошли зря. Я научилась контролировать свой дар свыше. (Ха ха ха). У меня получилось «забирать» душу не только губами, но и прикосновением руки. Или точнее я просто поднимала руки в воздух над объектом, думала, что я хочу, сосредотачивала силы и появлялось чувство, будто я что-то пью. Как пьянящее вино, ты пьёшь и у тебе от этого кружиться голова. Так легко убивать людей [улыбается, а потом смеётся]. Тогда эта забава мне очень нравилась...

¹ «Prism of the Life», перевод. Музыка — Мишель Крету, слова — Мишель Крету / Дэвид Ферштайн. Группа Enigma.

Знаете, я ещё кое-что расскажу про себя. Про то, что меня нашли охотницы, бродившую по улице, полуголую, ну как сказать полуголую: в нижнем белье и накинутой на плечах тряпке, которая еле прикрывала моё тело. Они нашли меня ни живой ни мёртвой, в переулке между домов рядом с борделем. Наверное, я была шлюхой или танцовщицей. Но для меня не важно, кем я была, главное кем я стала для себя. Да, это было для меня главное. Охотницы долго спорили и решили: они возьмут меня к себе в ряды. Для них было полезно, что у меня не было памяти — я начала всё с нуля. Они меня научили чёрной магии, светлой магии, слышать то, что нельзя услышать простому человеку, они научили меня бороться... они научили меня выживать. Выживать как зверя в джунглях. Я умела делать яды и противоядия, соблазнять и отталкивать, защищать и убивать. Я училась всему, что делало мою месть возможной.

Мне снились сны с людьми, которых я потом встречала. В будущем. Они снились мне, они убивали тех, кто был мне когда-то дорог, но я не помню их! Поэтому я их и убивала. Как последних псов! Это были довольно влиятельные и богатые люди. Но мне было плевать на них и то, кем они были. Я знала, что эти сны были осколками моего прошлого. Я мстила тем, кто лишил меня памяти. Это была месть за мою боль и память. Мечь за тех, кого я хотела помнить и за тех, кто был убит от рук этих тварей.

Я хочу признаться: меня мучило одиночество. Я всегда оставалась одна. Хоть меня и окружали те, кто меня нашёл, те, кто меня учил, те, кто помогал мне во всём и спасал от неприятностей. Я страдала в невыносимых муках одиночества. Я пыталась убивать, чтобы чувство одиночества не преследовало меня. Без убийств не могла. Эта была первая причина моих убийств. Вторую вы тоже знаете, это — незнание своего прошлого. Третья это то,

что я была запутана, я не знала, что мне делать в той или иной ситуации. Если для вас это уже слишком, то не забываете — меня учили убивать, а не думать. Хотя думать меня тоже учил Мастер.

Хм... [задумчивая ухмылка] это единственный мужчина, которого я хотела. Я его не любила, а уважала. Он единственный кто заставлял меня пасть от его ударов. Я его хотела как животное, ненасытное и дикое. Наверное, он тоже меня хотел, но не показывал виду. Жаль, что он умер в возрасте тридцати лет. Да [снова скривила губы в презрительной улыбке]. я даже не знаю, сколько мне лет: 18, 19, 20... никто не скажет мне точно, ведь я забыла вам сказать, что я бессмертна. Меня травили, топили, сжигали, резали глотку, вешали и просто убивали всевозможными способами. Всё без толку. Я не старела и не имела постоянных ран, они исчезали через несколько часов, в зависимости от серьёзности ранения. Я пережила два поколения охотников и охотниц, я учила их всему, что знала и всему, чему прошлые поколения учили меня. Но когда появилось третье поколение, я изменилась в плохую сторону. Намерения моя стали не чисты. Тогда я и стала убивать.

Прошло много времени с того дня, когда убийства стали моим образом жизни, моим прошлым и моим настоящим, а будущее всё время ждало, когда я проиграю. И это время пришло! Я никогда не считала годов своей жизни и поэтому я не могу вам сказать, когда меня схватили наёмники и привезли в тюрьму Крестоносцев, в раздел особо опасных преступников, в Камеру Креста...

Я не буду вам говорить, что со мной стало дальше, вы сами узнаете это, друзья мои, когда прочтёте как завершился суд надо мной. И каким приговором наградили меня старейшины.

30.04.2008

Сказка

Первая, и на данный момент единственная глава.

Sumanar

...Однажды в одной очень далёкой стране, в мире, который ныне уже затерялся в калейдоскопе измерений, жил был мальчик и звали его Тилувель. Что означало на языке его народа «слушающий ветер». Он рос, как и все его сверстники — частенько был бит в дворовых драках и частенько вызывал горькие вдохи престарелой матери, родившей его на закате своей жизни. Но также часто вызывал улыбку и умиление, как у матери, так и у соседей... Своим цепким умом и невероятной фантазией. Как губка впитывал он рассказы бродячих менестрелей, изредка заходивших в их рыбацкую деревеньку. Как вживую видел он большой Митрасил, а именно так назывался его мир, видел закрученные шпили дворца Древней Династии, шпили что подпирали сам небосвод и концами своими разрывали бешено летящие по небу облака. Видел несметные полчища воинов династии, закованных в сверкающие золотом доспехи с изображёнными на них гербовыми животными. Видел, как войны храбро сражались за Свет его мира, как они атаку за атакой отбивали волны диких варваров из Тайных джунглей. Видел принцесс и баронесс одетых в отливающие лазурью прекрасные платья. В мечтах его он был великим воителем, мудрецом-магом, предметом любви благородных дам. Но как только рассказчик умолкал, чтобы промочить пересохшее горло терпким элем или квасом, Тилувель опускался на бrenную землю к своему обычному существованию, к постоянной работе — стареющая мать уже не успевала по хозяйству... Но шло время и очередной бард, приходивший в их деревню, позволял ему окунуться в сказочный мир.

Наступила очередная зима, Тилувелю к тому времени исполнилось семнадцать лет и он стал статным юношей, многие сельские девушки заглядывались на него, но он и не думал о них... его мысли были где-то далеко... Зимой жизнь в деревушке замирала, ни бродячих рассказчиков, ни праздников, тускло и серо тянулись дни. Замёрзшее побережье не позволяло выйти в море на баркасе. Все сидели по домам и маялись дурью. Мужчины неделями не бывавшие дома во время рыболовного сезона, стругали детей и пили крепкие вина. А женщины вечерами собирались кучками, пряли, перемывали кости мужьям и нерадивым подругам.

Тилувель ухаживал за матерью, старушка совсем сплехела. Её тяжелый кашель по ночам не давал заснуть и заставлял с тревогой замирать сердце. Днём, когда матери становилось чуть лучше, она забывалась в тревожном коротком сне, а Тилувель в это время до боли в глазах вчитывался в книги.

Читать его научил бродячий мудрец, которого застала зима в их деревеньке, и он провел её в доме старосты. О! Это была чудесная зима. Тилувель готов был петь от счастья, когда мудрец обратился к нему с предложением научиться читать и писать. По правде говоря, мудрец предлагал и другим, но никто и не подумал забивать голову научной «дурью». Всю зиму юноша провёл подле старца, выполнял любую его просьбу. Старец, в свою очередь, заметив прилежность и пытливым ум Тилувеля, предложил уходя по весне отправится с ним в большой мир. Тилувель было подпрыгнул от счастья, ведь вот она! вот! его давнишняя мечта! Но перед глазами встало лицо стареющей матери, которой кроме него некому было помочь. Сразу сникнув, юноша объяснил Риголасу, а таковым было имя старца, почему он не может пойти с ним... Старец понимающе отнесся к отказу. На прощанье он подарил Тилувелю две книги: «Мудрость древних» и «Малый

народец». Юноша, немеющими от счастья руками, принял бесценный дар. И вот теперь он, прочитавший от корки до корки эти книги, вновь перечитывал их.

— Тилли, подойди, — слабым голосом позвала его мать.

Мгновенно вскочив, он набрал в ковш прогретой воды и поднёс его матери.

— Нет. Не надо Тилли, — отклонила рукой ковшик Рита. — Ты у меня такой заботливый... я так люблю тебя сынок.

— Тише мамуля... тебе сложно говорить! Ты ещё слаба! Скоро ты выздоровеешь, и мы наговоримся обо всём на свете! Я расскажу тебе дивные истории про сказочных существ, — уговаривал её юноша.

— Нет родной... я не выздоровею, моя болезнь называется «смерть» — с улыбкой сказала мать проводя сухой ладонью по щеке Тилувеля.

— Мама перестань! Это просто простуда, — юноша с трудом сдерживал слёзы, видя мать такой.

— Тилувель Саверно! — строго сказала мать, в её глазах мелькнул огонь былой силы. — Если я говорю тебе, что не выздоровею, значит так оно и есть! — Страшный приступ кашля заставил мать согнуться на ложе. Отняв ото рта тряпицу, она посмотрела слезящимися глазами на сына. В уголке её рта Тилувель увидел кровь, переведя взгляд на тряпочку, зажатую в руке у матери, он увидел чёрные крапинки.

— Мама! Нет! Не оставляй меня! Я умоляю! — взмолился юноша.

— Успокойся... смерть это такой же дар богов, как и жизнь, а любой дар богов надо принимать с благодарностью. Я устала Тилли... устала быть обузой тебе, твоими кандалами... думаешь я не знаю почему две весны назад ты не ушёл со старцем? Не считай меня такой наивной, — со слабой улыбкой произнесла мать.

— Там... — взглядом указала мать в сторону плетёной корзины для грязного белья. — Там спрятан свёрток, в нём сбережения всей моей жизни, всё что я накопила. Это немного, но на первое время тебе хватит.

— На первое время? Я не понимаю тебя, мама!

— Кому сказала?! Не перебивай меня! — строго пресекла попытку юноши отвлечь её.

— Когда я уйду... Ты возьмёшь эти деньги и отправишься по южному тракту в Сармат. Здесь тебе не место, я вижу это в твоих глазах. Ты живёшь другой жизнью. Из тебя никогда не выйдет хорошего рыбака, да и я не желаю тебе такой судьбы. Видно, в отца пошёл ты. Он был воином, великим воином. Войско Династии проходило по тракту и заночевало у нас в деревне. Хотя я была тогда не очень молода, но очень красива, болезнь ещё не съела меня... — глаза подернулись дымкой воспоминаний, на лице всплыла озорная улыбка. — Он был великолепным офицером, высоким и мужественным... и я сдалась перед его чарами.

— Мама, почему ты никогда мне этого не рассказывала? — с искренним удивлением спросил Тилувель.

— Потому что ты не спрашивал глупышка... — улыбнулась Рита.

Прошло около трёх недель с того разговора и мать Тилувеля тихо умерла во сне. Он плакал, плакал закрывшись в комнате, в слабом свете лучины. Но на людях он не позволил себе пролить и слезинки, даже когда её тело, закрытое саваном, отвозили на санях к проруби. Даже когда привязав к телу несколько увесистых валунов, староста произнёс короткую молитву Силю, духу воды. Он просил Силя препроводить эту женщину в свои чертоги, дабы она смогла обрести покой...

— Из воды мы вышли, в воду и уйдём, — произнёс он, скидывая свёрток в ледяную воду. Постояв ещё несколько минут, люди стали расходиться. Тилувель стоял

на краю проруби и смотрел в поднимающиеся пузырьки воздуха. Его хлопали по плечу, говорили что-то утешающее.

Так, неспешно ступая, пришла весна...

03.05.2008

История двух убийц. Глава вторая. Суд и наказание

Суд и Наказание — вторая глава рассказа «История двух убийц».

Aisk

*Не смотри назад, время пришло:
Вся боль превращается в любовь.
Мы не покорны, мы не агрессивны,
Но они думают, что мы не можем
защититься.*

*Они обвиняют нас, словно не знают,
Что есть ложь, а что — истина.
У них нет цели, у них нет страсти,
Но они смеют говорить нам,
Что есть зло, а что — добро!*

*Управляет.
И тянет вниз,
Всегда порабощая.*

*Судьба.
Сражает сильного человека,
Каждый плачет со мной!*

*Сначала угнетает,
А затем успокаивает,
И воображение принимает это;*

*Бедность.
И власть.*

Каждый плачет со мной!

Зал суда был шокирован от представшей картины. Перед ними стояла знаменитая убийца Дементора Кинг в наручниках, со смиренным видом. Она признавалась в каждом преступлении абсолютно спокойно, и даже раскрывала ранее неизвестные подробности оглашаемых дел, пополняя список убитых ею. Те, которых не нашли и те, которые исчезли без вести, оказывались в этом списке. Когда её спросили, почему она убивала и за что, то она ответила всё тем же спокойным голосом: «Я не помню, я ничего не помню и ничего не знаю. Но я знаю только одно — мне это очень-очень нравилось». Судьи опешили от такого ответа и снова спросили, может на неё применили непростительное заклятье забвения или помешательства. Но она помотала головой и неприятно улыбнувшись сказала, что помнит, как убивала и получала от этого удовольствие. И ещё ответила: «Я делала всё это по своей воле». Судьи находились в оцепенении, когда слушали довольно красочный рассказ об этих убийствах. Не каждый мог вынести такие подробности. Некоторым судьям становилось плохо, и они покидали зал суда. Но к удивлению, приходили обратно, будто своими действиями давали понять: «Ты нас не удивила, и ты нас не напугала!». От этой глупости хотелось смеяться во весь голос. Как глупо изображать смелость, если ты потенциальный трус.

Прошло три часа, и судьи решили собраться на обсуждение дела по поводу Дементоры Кинг. А саму преступницу оставили с пятью лучшими охранниками, надеясь тем самым предотвратить возможный побег, хотя

всё это время она спокойно сидела на деревянной скамейке, опустив голову вниз, и смотрела в пол. И была закрыта в железной клетке. По приказу главного из отдела охраны руки Дементоры должны находиться у всех на виду, поэтому они лежали у неё на коленях. «Как у примерного ребенка», — мысленно подметила Дементора. Её всё ещё боялись судьи, боялись, будто она сейчас встанет и убьёт охранников, выйдет из клетки, сломает оковы и уничтожит их. Разорвёт как листок пергамента, разгрызёт как орешек, убьёт как тех, кого она убивала. «Труссы, да и только», — тихо ухмыльнулась преступница. Но они не знают, что им нечего бояться, потому что Дементоре всё равно, что с ней будет, и что с ней сделают. Это говорил её вид, а мысли вторили ему. Просто судьи панически боятся её, как овцы волка и не замечают этого. Её вид был смиренный как у зверя, который знал, что он умрёт и ничего не может сделать, ему только нужно ждать момента смерти, тогда он её примет гордо и смело. В голове вертелась фраза: «Наконец-то я умру...»

Прошло примерно полчаса, и судьи расселись по местам, изредка посматривая на преступницу как на угрозу своей жизни. Когда Дементора подняла глаза на людей, которые её судили, то двое из них встали, а остальные вздрогнули. На них смотрели холодные, безразличные глаза. Неожиданно послышался голос главного судьи, который должен был огласить приговор:

— Сядьте дорогие судьи, — приказал он строгим голосом двум судьям, которые встали.

Они как по приказу сели.

— Итак! — судья глубоко вздохнул. — Дементора Эдвард Кинг, встаньте! — девушка послушно встала перед судьями. — Я хочу вас спросить в последний раз, перед окончательным оглашением приговора. У вас были сообщники?

— Нет, господин судья, не было, — безразлично сказала Кинг и пристально посмотрела на судью, будто поторапливая его.

— Что же... вы готовы услышать свой приговор?

— Вы сказали мне, что вы в последний раз что-то спрашиваете, так зачем же вы делаете это снова? — ответила мужчине молодая дева с ехидством в голосе, и усмехнулось ему.

— Мисс Кинг, вы приговариваетесь к изгнанию из Бессмертного мира, изгнанию из нашего времени. Вас отправят во времена до вашего рождения, до того, как вы получили свои способности. Там вы будете беззащитны...

— Откуда вы знаете, когда я родилась? И с какого я измерения? Как вам будет известно, где мои способности будут, а где нет? Вы ведь, ничего обо мне не знаете, поэтому и боитесь! Вы трусы! Поэтому вас нельзя назвать судьями! Вы просто отребье общества! Вы пошли в судьи потому, что вам не нравятся другие! Вы ненавидите тех, кто родился сильнее вас. Не лучше было бы просто казнить меня как моих соотечественников! Как мне подобных? — она так кричала, что её, наверное, слышали бы и в аду, если бы не эти проклятые стены. Не понимая почему, но... Всё её сознание кричало и кричало, чтобы она сопротивлялась. Сопротивлялась цепям на руках и клетке, которая будто давит на неё со всех сторон! Сопротивлялась людям, которые заходят в клетку Дементоры и собираются удержать её от чего-то. От безумного разума, сознания, которое рвётся наружу и сводит её с ума с бешеной скоростью. Разум и логика провалилась сквозь землю, оставляя лишь зверскую ненависть к тем, кто её держит и кто сидит за судебными столами... — Почему вам не приговорить меня к казни? Почему не приговорить к тюремному заключению? Почему не просто быстрая смерть? Без боли? Без мучений? Без жалости и ваших тупых сочувствий? Почему вам так трудно наградить ме-

ня казнь? Почему? — её голос уже начинал хрипеть, а глаза смотрели в след уходящим судьям. Нет, они не уходили, они убежали из зала...

В руках охранников Дементора расслабилась, больше не вырывалась и не кричала. Поскольку один из охранников ввёл в её шею шприц с какой-то жидкостью. «Снотворное», — в голове Демы мелькнула догадка, перед тем как окупутся в глубокий и долгий сон.

* * *

Я опять одна. Сижу в своей проклятой камере. В сырой и тёмной. С бегающими крысами, ищущими хоть крошку еды. Хм... Хотя у меня нет сил и мне надо есть, я отдала весь хлеб этим бедным существам. Мой смех раскатывается по всей камере. Какая я жалостливая. Ненавистная ухмылка застыла на губах. Самая противная жалость это когда жалеешь самого себя. Противно всё-таки. Сижу в камере без окон и без дверей. Дверь появляется, когда ко мне кто-то заходит. А как появились крысы, спросите вы? Сама не понимаю, они то появляются, то исчезают в камере. Стены, пол, потолок давят со всех сторон как будто всё одно и тоже. Опять на руках цепи, которые прибиты к стене. Вид мой жалкий и просто убогий. Непослушные, чёрные, кудрявые волосы были просто ужасны: не расчёсаны, в грязи, затвердевшей слизи. Лицо тоже в грязи, а на правой щеке небольшая ранка, с которой когда-то стекала кровь. Грязь и кровь. Хорошее совмещение. Макияж размазан по лицу. Ужас. А одежда... чёрная кофта с длинными рукавами, которая закрывала шею, была перемазана в смеси, которая была вам известна как кровь и грязь, правый рукав был разорван до локтя, а левого рукава вообще не было, он был сорван. Чёрные бриджи выглядели не лучше, разорваны по бокам, как будто их рвал зверь, колени протёрты

до дыр. Сапоги до колен с высокими каблуками были сломаны. Сами каблуки валялись где-то в углу как ненужная вещь. Хотя они и вправду не нужны. Одежда не скрывала рубцов, синяков, глубоких ран и других повреждений на теле. «И они-то меня называют садисткой и дикаркой?» — слегка усмехнулась я. Но ухмылка сразу исчезла и изменилась на гримасу боли после того, как я ощутила боль в спине. Мда... бить кнутом по спине два часа не переставая, это и в правду очень больно.

Сама я сидела в углу, согнув левую ногу, а правую выпрямила. Руки снова лежали на коленях. Я облокотилась на прохладную стену, практически не задев раны на спине. Я жду... Жду, когда придут наёмники и заберут меня.

Жду, когда наказание приведут в действие. Жду опустошения...

Дверь появилась, значит за мной пришли наемники... Но...

Но это не они! В камеру вошли люди в чёрных плащах, в масках, с накинутыми на голову капюшонами. Их было шестеро, они окружили меня со всех сторон. В камере была оглушительная тишина. К этим шестерым людям присоединился седьмой. А точнее седьмая. Это была женщина. Она была в чёрном платье, корсет обтягивал фигуру, делая молодую женщину ещё стройней. Длинные рукава, неровный подол платья, как будто его порвали, такой же был на рукавах. Платье было обшито чёрными, блестящими нитями. Его нельзя описать просто словами, оно было обогащено воображением его создателя! Лицо женщины. Лица я не могла разглядеть, на ней была маска, у которой по бокам были черные перья как у вороны. Единственное, что я могла сказать точно это то, что её кожа белая как молоко. Её волосы светло-русые и чуть кудрявятся. Пару локонов были тёмно-коричневыми, прямо шоколадного цвета. На меня взирали свет-

до-голубые как небо глаза. Они были мне так знакомы, как глаза родного человека. Но так далеки от меня. На минуту я ощутила тепло и ласку в сердце. Стало так приятно. Будто мне кто-то сказал, что любит меня, а я люблю его. Будто кто-то родной обнимал меня и утешал. И будто я поняла, почему живу. Она подошла ко мне с такой грациозностью, что мне показалось, что это какой-то зверь из семейства кошачьих. Он присела на одно колено передо мной и посмотрела прямо в мои серо-зелёные глаза.

— Ты Дементора Эдвард Кинг? — голос её был не человеческий и не звериный, она говорила как существо из другого мира. Потусторонний, но знакомый...

«О, великая Артемида! Почему ее голос мне так знаком?» — мелькнула мысль в голове.

— Да, я! — слегка с вызовом, чётко ответила я.

— Нам нужно с тобой поговорить.

— Сначала скажите свое имя!

Женщина усмехнулась и проговорила с легким презрением и насмешкой:

— А у палача ты тоже будешь спрашивать имя?

На долю секунду я опешила, но вовремя взяла себя в руки. И проговорила таким же спокойным голосом, как у этой женщины:

— Я не буду с вами разговаривать, пока вы не скажите мне ваше имя...

— Меня зовут Лейла Леонарда Майлос. Вы довольны?

— Нет, ещё нет — насмешливо ответила я, но следующую фразу уже произнесла серьёзно. — Кто вы вообще такая? На кого вы работаете? Что, вам, чёрт побери, нужно от меня?..

— Мы пришли поговорить.

— Вы ответили только на один вопрос. И я уже достаточно наговорила с судьями в зале суда, — прошипела я.

Я надеялась, что женщина разозлится, будет в ярости. Но я ошиблась. Она улыбнулась мне тёплой и невинной улыбкой. Лейла сняла с правой руки чёрную кожаную перчатку и протянула мне руку. Она дотронулась до моей спины. От прикосновения её руки, я невольно зашипела от боли. Но неожиданно стала чувствовать тепло, распространяющееся по всей спине. Краем глаза я заметила золотой свет, исходящий из руки женщины. Этот свет напоминал свет солнца. Такой же тёплый, такой же нежный, такой же ласковый и такой же золотой. От этого приятного ощущения я чуть не застонала. Этот свет заживлял мои раны от кнута, и боль отступала. Когда все раны, ожоги и рубцы исчезли, Лейла опустила свою руку и опять одела перчатку. На этот раз она подняла левую руку и сняла капюшон и маску. Этим жестом она показывала, что ей можно доверять. А вылеченные раны говорили о том, что она не причинит мне вреда. Её голос стал ещё мягче и ласковее, заставляя меня чуть подняться со своего места:

— Довертись мне Дементора. Пожалуйста.

Я никому не доверяла и я, никому не верила. Но в этот момент я поверила ей...

04.05.2008

Вопрос дня

Мой жизненный цикл продлился 72 дня.

Leona

72 дня.
Не полных 11 недель.
Это один по 72 и 72 по одному.
Ты танцуешь.
Ты поёшь.
Ты кого-то там ебёшь.
Я спохватила, ты спросил: «Что, секса не хватает?»
Да, не хватает!
Я промолчала.
Ты ушёл залипать к моей подруге...
Какая же ты тряпка.
Тупая глам-баба¹
Чтоб тебя скрючило от передозировки воздуха!
Ты сдох.
Ура.
Теперь танцую я.
Но не на твоей могиле...
Нахуй ты мне сдался.
Я нюхаю свои пальцы.
Они пахнут пальцами, что побывали в кислоте.
Так мило.
Я вижу твою грязную душу...
Ты пришёл что бы мстить? Ха!
Убирайся!
Ты смотри, ушёл...
Я снова танцую, я умею прыгать и трясти бёдрами.

¹ Парень, который ведёт себя как девушка во всём и одевается как метросексуал.

Я призываю Богов дать мне силу.
Я разливаю твою кровь на свой ковёр и поджигаю себе волосы.
Я маленький факел.
Ура.
Я сдыхаю.

06.05.2008

Треуголка Наполеона

Не принимайте слишком близко к сердцу это маленькое «творение»... Напечатано под впечатлением от F&S.

Ligeia

прошепчи мне
под солнцем
свежие
капли
дождя
они мне нужны
ведь серая капля стекает
по роговице
это зола
моего глазного
мозга
печальная сестра
или же
просто монашенка
крестится в пятом
углу
нашей треугольной
комнаты
прошепчи мне
под
солнцем
глубокое
синее
море
с
красно-
розово-
жёлтым

закатом
пространственной
стороны
белого неба...

зелёная вспышка...
она настолько редка, что
её видел только
чеширский кот...
или только его улыбка...

прошепчи мне
звуки
фортепиано
в этих
диких
африканских
джунглях...
мне его не хватает...
уже более двухсот лет...
я одна...
и они одни — их черепа остались
на изгороди
перед
ПЕЩЕРОЙ СМЕРТИ...

нет,
пещера не страшная —
просто... шифт заело...
прошепчи мне гром!

и ясный дождь под фортепиано... на террасе, глядящей на море... где во время заката, который красно-розово-жёлт, вспыхнула зелёная линия горизонта... сувенирная лавка закрылась... и нет больше пещеры СМЕРТИ...

есть ТОЛЬКО ЗАЕВШАЯ КЛАВИША SHIFT>>> и чеширский кот на картинке твоего комикса, моя маленькая Алиса...

07.05.2008

Легенда

Легенда, рассказанная старым Едгаром.

Леона

Вот наступил вечер. Детвора беззаботно кружилась у костра. Жители посёлка постарше успели занять места, предусмотрительно оставив колоду, возвышавшуюся над другими, местному старожилу и знахарю. Словно неоткуда появился старик в длинном сером балахоне с седыми волосами и бородой. В руках он держал кривую палку во весь его рост. Родители начали подзывать к себе детей. Те послушно шли к ним, замирая от восхищения перед знахарем.

— Приветствую вас, жители Гора, — твёрдым мужественным басом промолвил Едгар. Его голос совсем не был похож на старческое кряхтение. Это скорее был голос доблестного воина, пережившего много боёв, но не утратившего всей своей силы. Присутствующие уважительно склонили головы. Воцарилась тишина.

Старик продолжил:

— Сегодня день летнего солнцестояния. Праздник жизни. Давайте-же восславим Богов, милостивых к нам, — он поднял руки к небу, не выпуская палку из них.

Жители Гора повторили его жест. Минутное молчание прервал детский голос:

— А когда вы нам расскажите историю? Мать малыша с ужасом прижала сына к себе и посмотрела молебным взглядом на Едгара. Тот слегка улыбнулся, присел на колоду, закурил трубку и начал:

— Тысячелетие назад, когда мир ещё покоился под туманом невежества, были народы, что получили пода-

рок от Богов — знание. Вот, в одном из них жила Орсида — дева неведанной красоты...

— Орсида, чего печально ты склонилась над водой? — спросил Деметрий, милый юноша. — Неужто феи запутали твои волосы?

— Нет, Деметрий, плачу я...

— Чего-же ты плачешь, милая?

— Вода забрала моего отца. Боги наказали его.

— За что? Такой знатный и честный торговец, рыбак... Что сотворил он, что Боги разгневались?

Орсида не поднимая головы промолвила:

— Это всё я... Я обещала Водерсу, принцу морей, что буду приходить к нему каждый день, в обмен на успехи моего отца. Каждую ночь, когда песочные часы перевернутся двенадцать раз я приходила на этот утёс и говорила с ним.

Деметрий вздрогнул, но слушал дальше.

— В ту ночь сон покорил меня, и я не смогла прийти к нему. На утро отец отправился рыбачить и не вернулся. Теперь его нет. Душу отца забрал царь Мёртвых.

— Орсида, чего-же ты молчала?!

— Я не могла тебе сказать. Принц забрал бы и тебя...

Деметрий отмахнулся от Орсиды и бросился стремглав в деревню.

— Стой! — Орсида протянула руку чтобы остановить друга, но тот был уже далеко от неё.

— Орсида... Орсида... — позвал деву Принц. — Иди ко мне. Спускайся...

Утёрши слёзы, она начала спускаться по крутому склону к морю. Приблизившись вплитык к воде, Орсида остановилась.

— Прости, но Боги решили, что твоему отцу пора уйти...

— Водерс...

— Орсида... Побудь со мной.

Она присела на скалу, свесив ноги над морем. Сегодня они молчали: ни Принц, ни Орсида не промолвили и слова.

Так все дни дева проводила возле Принца.

Наступила осень: пора сбора урожая и сватаний. В тот прохладный вечер Принц Водерс впервые решил нарушить тишину:

— Будь моей женой, Орсида.

— Но ты же из воды... как...

Волны начали сильнее биться о скалы, чистое небо заполнили тучи. Гром и молния взорвали собой тишину. Водяной облик Принца начал растворяться и вместо него появился юноша.

— Деметрий?! — Орсида в ужасе закрыла рот руками. — Как ты мог столько лгать мне?! Я никогда не буду твоей! Это ты убил отца! Ты обрёк мою семью на муки! Пусть я лучше обернусь камнем!

И вмиг Орсида обернулась статуей.

* * *

— Мораль истории такова, — продолжил старик. — Слушайте Богов, ибо они всегда правы.

Едгар, опёршись на палку, встал с колоды и направился в глубь леса. Деревья тут-же скрыли его фигуру из вида.

* * *

На краю утёса стоял Едгар и ронял скупые слёзы.

— Ех, Орсида... Почему же ты не захотела стать моей?.. — тихо промолвил он, откинул палку в сторону и прыгнув со скалы растворился в воде.

11.05.2008

Живя в Цементной Долине

Не знаю, верит ли кто-нибудь в то, что между девочкой и телевизором может быть дружба, но я верю. Потому что история, о которой пойдет речь, просто заставляет в это поверить. По крайней мере, в дружбе между двумя людьми я усомнюсь намного больше. Ведь в мире, в котором люди давно перестали доверять друг другу, человеку остались преданы лишь его искусственные друзья. Это машины. Но начнем нашу историю с самого начала...

Sumanar

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Полина — кудрявая девушка 20 лет;

Тэ Вэ — телевизор.

Акт I

Порт. Раннее утро. По набережной идёт Полина и разговаривает сама с собой.

Полина: Когда порт просыпается, я слышу музыку труб и вижу корабли. И первых чаек в небе. И сонные рыбаки то здесь, то там закидывают удочки. Их сны шипят по радио, что они с собою притащили. И музыка у меня внутри громче, чем мысли о предстоящем дне. В ней лязг цепей и шум волны. Я в ней купаюсь. Я с нею просыпаюсь.

Навстречу Полине идет худощавый мужчина в очках, который держит в руках большой телевизор.

Мужчина: Разобью тебя сейчас, и сразу домой.

Полина: *(останавливается)* Извините, а вы его что... выбросить хотите?

Мужчина: Да. Вон на те камни.

Полина: Зачем?

Мужчина: Мне жена уже все уши прожужжала... Кричит, выброси его и выброси... На кой он тебе нужен? Купи себе новый телевизор, а этот, говорит, выкинь.

Полина: Лучше отдайте его мне.

Мужчина: Зачем? Он же практически не работает.

Полина: Всё равно отдайте.

Мужчина: Вещи ненужные, что ли, собираешь?

Полина: Ну... я...

Мужчина: А ладно. Если он тебе так нужен — на, забирай, и отстань от меня *(отдаёт телевизор Полине)*.

Полина: Спасибо... Ой, он тяжёлый!

Мужчина: А ты чего ожидала? Помочь, может?

Полина: Нет, не надо. Как-нибудь справлюсь.

Мужчина: Ну. Смотри сама.

Полина: Спасибо вам еще раз.

Мужчина: Да ну тебя. Делай с ним, что хочешь *(уходит)*.

Пауза.

Полина: *(разглядывает телевизор)* Видишь, как получается? Чуть тебя не разбили. Ещё чуть-чуть бы и всё... Какой у тебя хозяин — сразу выбрасывает. Фу, а пыли сколько. Когда тебя в последний раз вытирали? И кнопки вон, совсем не держатся.

Тэ Вэ: Хорош меня трогать-то, дорогуша.

Полина: *(вскрикивает и бросает телевизор)* Ай! Как это?

Телевизор не упал и не разбился. У него вдруг появились небольшие пластмассовые ноги, на которых он тут же ловко забегал.

Тэ Вэ: Ну как? Током ударило, да?

Полина: Д-да...

Тэ Вэ: Это бывает. Я всегда бью током тех, кто мне симпатичен. Случайно. Не специально. Рефлекс у меня такой. Ничего не могу с собой поделаться. Так что, извини. Можешь считать, что в тебе что-то есть.

Полина: Ничего себе. А как это? Ты что... Ты... это мое... живой, получается?

Тэ Вэ: Нет — притворяюсь. Конечно же, я живой! Сама не видишь, что ли?

Полина: Вот это да! Говорящий телевизор.

Тэ Вэ: Отличная шутка. Вообще-то все телевизоры умеют разговаривать. Только они, как балаболки, болтают о том, о сем, и сильно устают за день. У них просто не остается сил, чтобы потом говорить от себя.

Полина: *(дотрагиваясь до телевизора)* А имя у тебя есть? Или... Ай! Больно! *(одергивает руку)*.

Тэ Вэ: Осторожней. Что же ты? Я ж говорю, что ток. Не... Нет у меня имени. Но в принципе, ты можешь называть меня Тэ Вэ. Коротко, и легко запоминается.

Полина: А меня зовут Полина. Я... в принципе — дура.

Тэ Вэ: Дура? Ну, душой быть не так уж плохо. А с чего ты это решила? Ну, я имею в виду, что ты дура?

Полина: Мне все об этом говорят. А всё началось с того, что ещё в детском саду я нарисовала Марука.

Тэ Вэ: Кого?

Полина: Ну, Марука. Я его сама выдумала. Марук — это такой Царь Горы. Он живёт в Цементной Долине, и однажды он заберёт меня на свою гору, и я стану вечно счастливой.

Тэ Вэ: Да уж... Что же тогда рисовали остальные дети в твоём детском саду?

Полина: Ничего.

Тэ Вэ: Как? Вообще ничего?

Полина: Ну... Они водили карандашами по бумаге, но на листах ничего не оставалось. Кто-то из них рисовал папу, кто-то маму, кто-то солнце или деревья, но листы были чистыми. А воспитательница хвалила их и отпускала домой пораньше.

Тэ Вэ: Почему ты не делала так же?

Полина: *(разводя руками)* Может, я, и правда, дура?

Тэ Вэ: Совсем необязательно. Кстати, ты сейчас забрала меня у того человека? Зачем ты это сделала?

Полина: Сама не знаю. Когда мне хочется что-то сделать, я просто это делаю.

Тэ Вэ: То есть ты отобрала меня просто так? Тебе что, вообще не нужен телевизор?

Полина: Нет. У меня есть телевизор. Но я редко его смотрю.

Тэ Вэ: Не понимаю. Ты точно ничего не перепутала?

Полина: Да нет вроде бы.

Тэ Вэ: Гм... Ну что я могу сказать? Теперь я твой телевизор.

Полина: Здорово!

Тэ Вэ: Тогда у меня для тебя первая новость, Поля. Мне очень не хочется, чтобы люди видели, что я «живой». Поэтому давай уйдем отсюда. Только учти. Я буду идти сам. Хочу размять ноги.

Полина: Да-да. Конечно. Сейчас пойдем ко мне домой.

Тэ Вэ: Ты одна живешь?

Полина: Не совсем. С хозяйкой. Но не беспокойся. Она почти не появляется. К тому же у меня очень тихо и спокойно.

Тэ Вэ: То, что нужно. Ну, что? Пошли?

Полина: Пошли.

Идут вдоль набережной.

Тэ Вэ: *(плюет в море)* Хрк тфу! Вот вам! Сдохните!

Полина: *(удивлённо оборачиваясь)* Ты это о ком?

Тэ Вэ: Да так... О людях.

Полина: О людях?

Тэ Вэ: Точно. Я бы их всех поубивал.

Полина: Ты чего злишься-то? Что они такого тебе сделали?

Тэ Вэ: Они меня били, обзывали и заставляли работать. Твари неблагодарные! Люди — отвратительные существа.

Полина: А зачем в воду плевать? Вода-то чем виновата?

Тэ Вэ: Пусть пьют, травятся. У меня слюна ядовитая.

Пауза.

Тэ Вэ: Может, у какого-нибудь рабочего, ну, например, атомной станции, схватит живот от такой воды, и он возьмет да и нажмет не на ту кнопку. Представляешь, что будет? Все умрут одним махом.

Полина: *(качает головой)* Ты такой маленький, а такой злой!

Тэ Вэ: Я умный, поэтому и злой. А ты большая, а натуральный одуванчик.

Полина: Тоже мне умник нашёлся. Ведёшь себя, как мальчишка. Следи теперь за тобой, чтобы не влез куда.

Тэ Вэ: Хочешь быть мне няней? Давай! Держи меня тогда за антенну.

Полина: А меня не ударит?

Тэ Вэ: Не бойся. Не ударит. Обещаю.

Полина: Точно?

Тэ Вэ: Точно. Поверь мне.

Пауза.

Полина: Какая прелесть (*осторожно берется за антенну*).

В порт постепенно стягиваются грузчики. Они проходят мимо Полины и Тэ Вэ, не обращая на них никакого внимания.

Тэ Вэ: Как думаешь, о чём они сейчас думают?

Полина: Не знаю. А ты знаешь?

Тэ Вэ: Наверно, ни о чём не думают. Просто идут мимо и всё. Похоже, им вообще всё равно, что мы здесь стоим.

Длинная пауза.

Полина: Слушай, а ты неплохо научился разговаривать.

Тэ Вэ: Стараюсь. Всё-таки болтать — это моя работа.

Полина: А тебе самому она нравится?

Тэ Вэ: Нет, не нравится. Глупо всё это. Ни к чему. А вот поговорить, да так чтобы со смыслом, очень хочется.

Полина: И мне тоже. Также хочется поговорить с кем-нибудь. Вот ты появился, и теперь мне есть с кем разговаривать. А то мне почти не с кем было...

Тэ Вэ: Не бойся, мы ещё с тобой успеем наговориться. Но пока нужно уходить, пока сюда не пришли ещё какие-нибудь люди. Поняла?

Полина: Поняла.

Тэ Вэ: Вот и отлично. Уходим.

Полина: Угу.

Уходят.

Акт II

Крыша многоэтажного дома. На крыше стоят Полина и Тэ Вэ. Телевизор вышагивает взад-вперёд, разговаривая сам с собой, а Полина делает вид, будто что-то бросает с крыши.

Тэ Вэ: Вот. Так и есть, чёрт побери. Никто и не сомневался, чёрт побери.

Полина: Что ты там всё время бормочешь?

Тэ Вэ: Вот. Так и есть, чёрт побери. Никто и не сомневался, чёрт побери. Извини, что ты говоришь?

Полина: *(громче)* Я говорю, что ты там всё время бормочешь?

Тэ Вэ: Да так. Понапихали в меня всякого хлама. Чувствую себя мусорным ящиком. А ты что делаешь? Поля! Слышишь меня? Что ты делаешь?

Полина: Камушки бросаю.

Тэ Вэ: Чего?

Полина: Камушки бросаю... в Масляную Реку.

Тэ Вэ: *(подходит к Полине)* В какую ещё Масляную Реку?

Полина: *(указывает куда-то пальцем)* Ну, в ту...

Тэ Вэ: Машины застряли в пробке, тянутся до самого горизонта, а ты называешь это Масляной Рекой?

Полина: Да... Масляная Река... Это Масляная Река... Правда, она красивая?

Тэ Вэ: Машины и машины, причём здесь река? Хотя, конечно, вам, людям, виднее. А что ты ещё подмечаешь?

Полина: Ну-у... Вот вчера, например, разговаривала с воронами.

Тэ Вэ: С этого места поподробнее...

Полина: Сейчас припомню... Ах, да... Сидела себе на крыше, а рядом, как обычно, оказались вороны. Я спросила их, почему они такие грустные, а они ответили, что скоро станет холодно, и им придётся улетать из города.

Тэ Вэ: С тобой разговаривали вороны? И ты не удивилась?

Полина: Да нет... они всегда со мной разговаривают, с самого детства. Я уже привыкла к этому. А что?

Тэ Вэ: Да нет, ничего. А с телевизорами ты раньше разговаривала?

Полина: Нет, такое со мной впервые.

Тэ Вэ: Может быть, это в тебе дело, что ты всех понимаешь?

Полина: Может, и во мне. Не знаю. Я, наверное, больная. Скажи мне, я похожа на больную?

Тэ Вэ: Да есть немного. Но тебе даже идет. Ты вообще какая-то непонятная. Но мне это нравится. Важно уже то, что ты совсем не злая, как обычные люди. И забудь про то, что тебя называют дурой. Я тебе запрещаю так думать. Хорошо?

Полина: Хорошо.

Длинная пауза.

Полина: Тэ Вэ, скажи, а зачем людям машины?

Тэ Вэ: В смысле?

Полина: Ну, я имею в виду, зачем так много кранов подъемных... там... грузовиков, приборов всяких?

Тэ Вэ: Ну, как зачем? Наверно, чтобы легче жить.

Полина: Это как?

Тэ Вэ: Ну, вот смотри. Вот, например, лифт. Да? Лифт нужен, чтобы люди не поднимались по лестнице. Потому

что это тяжело. Постоянно вверх-вниз ходить пешком. Никакого терпения не хватит. А так есть лифт. Зачем людям тратить время и силы на то, чтобы сто раз подниматься и опускаться по одной и той же лестнице. Пони-маешь?

Полина: А мне всегда нравилось подниматься по лестнице. И это вовсе не трудно. Когда поднимаешься по лестнице, как будто ждёшь чего-то. Поднимаешься и думаешь, на каком ты этаже. И от ожидания в животе становится так тепло и волнительно.

Тэ Вэ: Хорошо. Допустим, ты поднялась. А если тебе нужно спуститься? Тебе ведь может надоест постоянно спускаться по лестнице. Когда-нибудь, да и наскучит.

Полина: Если я спускаюсь по лестнице, и у меня хо-рошее настроение, я сажусь на перила и скольжу. На лифте — быстро, а пешком интереснее. Хочешь — так спускаешься, хочешь — по перилам скользишь, а хо-чешь — можешь вообще остановиться. Постоять, поду-мать о чём-нибудь.

Тэ Вэ: Ладно. Давай возьмем подъёмный кран. Сама о нём вспомнила. Вот где обычно люди живут?

Полина: В домах.

Тэ Вэ: Понятное дело. Но в каких домах? В много-этажных. Правильно?

Полина: Да. В многоэтажных.

Тэ Вэ: А как ты представляешь себе построить такой большой дом без подъёмного крана? Этажей надо сделать много, и людей в дом тоже нужно запихнуть много.

Полина: Ну, не знаю. Я только яблоки в карманы за-пихиваю.

Тэ Вэ: Так это примерно так же. Люди — что-то вроде яблок в холодильнике, только каждый в своей коробке.

Полина: А зачем люди хотят быть, как яблоки?

Тэ Вэ: Это не они хотят. Это те, кто новостройки строят, так хотят. Это они их туда запихивают. Чтобы

занимали меньше места. Всё равно все люди одинаковые.

Полина: Ничего не одинаковые.

Тэ Вэ: Одинаковые.

Полина: Не одинаковые.

Тэ Вэ: А я говорю одинаковые.

Полина: А я говорю не одинаковые.

Тэ Вэ: Ну что ты со мной споришь? Я лучше знаю.

Полина: Ничего ты не знаешь. Откуда ты можешь это знать? Ты же телевизор.

Тэ Вэ: Ну да. Я тупая говорящая коробка, и не мне об этом рассуждать.

Полина: Я так не говорила.

Тэ Вэ: Да ну тебя. О чём с тобой вообще можно разговаривать?

Полина: Обиделся, что ли?

Тэ Вэ: Вот ещё. Буду я ещё обижаться. Нужна ты мне больно.

Полина: Обиделся. Надулся опять, как мальчишка. Да-а... Вот уж не думала, что телевизор может так обижаться.

Тэ Вэ: Опять издеваешься, да?

Полина: Ну прости меня. Я не то хотела сказать. Я не хотела тебя обидеть. Честно. Ну что ты? Хватит дуться. Ты же мой друг. А друзья должны прощать друг друга.

Тэ Вэ: Ладно... не будем спорить.

Короткая пауза.

Полина: *(потягиваясь)* Ох... Как же здесь хорошо на крыше. Спокойно. Глянь, Тэ Вэ, глянь, какой вид открывается, какой город всё-таки большой. Наверняка, когда ты был у своего хозяина, ты такой красоты не видел. Давай просто посидим вместе, полюбуемся.

Тэ Вэ: Посмотрим на Масляную Реку.

Полина: Да. Посмотрим на Масляную Реку.

Тэ Вэ: Давай.

Оба садятся и начинают молча смотреть вдаль. Длинная пауза.

Полина: Тэ Вэ!

Тэ Вэ: А?

Полина: Слушай, а ты ведь тоже машина, получается?

Тэ Вэ: Да. Получается, что так.

Полина: Ну... машиной быть не так уж плохо (улыбается).

Тэ Вэ: Угу.

Полина: Как же так вышло, что ты вдруг решился заговорить?

Тэ Вэ: Ну...

Полина: И почему ты не показал своему бывшему хозяину, что умеешь думать и говорить от себя? Он ведь до сих пор не знает об этом? Так ведь?

Тэ Вэ: Да. Не знает. Я ему себя не выдал. Мне неинтересно было с ним жить, а разговаривать тем более не хотелось. К тому же, если бы он узнал, что я такой самостоятельный, он бы отнес меня каким-нибудь учёным. Ведь этим учёным только этого и нужно. А мне, если честно, никого развлекать не хочется. Надоело уже.

Полина: Что же ты от своего хозяина не убежал, если тебе с ним было плохо? Давно был бы свободен.

Тэ Вэ: Да нет. Мне не было с ним плохо, хотя его родственники меня и били. Просто мне с ним было «никак». Есть — плохо. Есть — хорошо. А есть — никак. Вот мне с ним было «никак».

Полина: И ты всё равно не думал о том, чтобы убежать?

Тэ Вэ: Как тебе объяснить? Я не могу бросить своего хозяина. Я так устроен. Только если он сам не захочет

от меня избавиться. Ты спрашивала меня о машинах. Так вот, в каждой машине заложена верность человеку — своему хозяину.

Полина: Получается, что если бы я не забрала тебя у твоего хозяина, ты бы дал себя разбить?

Тэ Вэ: Да.

Полина: Ты это серьезно?

Тэ Вэ: Абсолютно.

Полина: Ну и ну... И что же ты теперь будешь делать? Без хозяина?

Тэ Вэ: Почему без хозяина? Теперь ты мой новый хозяин. Точнее, хозяйка.

Полина: Как это? Ах, да! Точно же. Ты же теперь мой телевизор. Надо же, я совсем забыла об этом. Только какая я тебе хозяйка? Ты ведь мне друг, а не вещь какая-то.

Тэ Вэ: Называй, как хочешь. Суть от этого не меняется. Даже если ты сама по себе, а я сам по себе — я всё равно не могу уйти от тебя.

Полина: И даже если пройдет много-много лет, и я стану совсем старенькой, ты все равно будешь рядом?

Тэ Вэ: Я буду рядом.

Полина: И если вдруг я стану совсем ненормальной и совсем дурной? Всё равно не бросишь?

Тэ Вэ: Не брошу.

Полина: И ты никогда не бросишь меня, даже если со мной что-то случится?

Тэ Вэ: Никогда.

Полина: Никогда-никогда?

Тэ Вэ: Никогда.

Полина: *(всхлипывает)* Тэ Вэ — ты самое замечательное создание из всех, которые я когда-либо видела.

Тэ Вэ: Ты что, плачешь что ли? Поля?

Полина: *(плачет)* Да-а...

Тэ Вэ: Ты это чего? Прекрати сейчас же! Кончай эти свои человеческие штучки.

Полина: *(плачет еще громче)* Я самая счастливая... самая счастливая дура на Земле. Мне такого ещё никто не говорил.

Тэ Вэ: Успокойся. Не надо так уж меня идеализировать.

Длинная пауза.

Полина: *(вытирая слезы)* Тэ Вэ?

Тэ Вэ: А?

Полина: Кажется, я поняла, для чего нужны машины.

Тэ Вэ: Ну и для чего же?

Полина: Чтобы человек никогда не оставался один.

Тэ Вэ: Думаешь?

Полина: Угу.

Акт III

Крыша.

Тэ Вэ: Уже битый час здесь сидим, а я всё никак не могу вспомнить, что хотел сказать. Вот так всегда. Только припомнишь что-нибудь важное, и на тебе. Что же я хотел сказать-то такое? А? Поля, а ты не подсказешь случайно, что я всё время пытаюсь вспомнить?

Полина: Неа...

Тэ Вэ: Вот и я о том же... Дьявол.

Пауза.

Полина: *(плюет на тротуар)* Хрк тфу!

Тэ Вэ: Ты что, плюнула только что? Или мне показалось?

Полина: Плюнула.

Тэ Вэ: Зачем?

Полина: Не знаю. Просто так. Наверно, у тебя научилась.

Тэ Вэ: Поля. Послушай меня. Ты ни в коем случае не должна за мной ничего повторять.

Короткая пауза.

Тэ Вэ: Поверь мне. Тебе так будет лучше.

Полина: Ладно. Не буду.

Тэ Вэ: Вот и правильно. Нет. Стоп! Неправильно. Я не то совсем говорю. Давай по-другому. Лучше на секунду забудь про меня и попытайся не делать так, как я говорю.

Полина: Хорошо.

Тэ Вэ: Давай проверим. Подними правую руку.

Полина поднимает правую руку.

Тэ Вэ: Вот опять. Опустит. Опустит её. Что же ты руку подняла?

Полина: Ты же сам попросил.

Тэ Вэ: Да нет же. Запомни. Не делай то, о чем я тебя прошу. Что бы я ни просил — делай наоборот. Поняла?

Полина: Поняла.

Тэ Вэ: Хорошо. Давай тогда ещё раз подними правую руку.

Полина в ответ ничего не делает и продолжает стоять, как стояла.

Тэ Вэ: Молодец. Уже лучше. А теперь сама сделай то, что хочешь. Вот что ты сейчас хочешь сделать — то и сделай!

Пауза. Полина начинает кружиться на месте.

Тэ Вэ: Не смотри на меня. Не смотри на меня, говорю. Кружись.

Полина: Смотри, как я могу, Тэ Вэ. Я сейчас взлечу *(продолжает кружиться)*.

Тэ Вэ: Не стесняйся. Кружись. Никто не смотрит, Поля. Вот так.

Полина: Фуф... Голова кружится *(смеётся и картинно падает на спину)*.

Пауза.

Тэ Вэ: Устала?

Полина: Да.

Тэ Вэ: Отдышись.

Полина: Фуф... Вот это да! Ещё бы чуть-чуть... ой, фуф... ещё бы чуть-чуть, и наверно бы полетела. Прямо как птица.

Тэ Вэ: Не вставай. Отдышись.

Пауза.

Полина: Ты здесь, Тэ Вэ?

Тэ Вэ: Здесь.

Полина: Я хочу сказать тебе кое-что. Только ты не подумай, что я преувеличиваю...

Тэ Вэ: Что ты хочешь сказать?

Полина: Мне кажется... В общем, мне кажется, что я рано умру.

Тэ Вэ: Начинается. Опять ты себе нафантазировала. Такими вещами вообще-то не шутят. Ну, вот скажи мне... скажи, с чего ты это решила, а?

Полина: Просто чувствую.

Тэ Вэ: Чувствует она. Интересно, и как же это произойдёт? Что ты, вот так вот просто возьмёшь и умрёшь, что ли? Или как?

Полина: Меня заберёт Марук.

Тэ Вэ: Кто? Марук? Это, случайно, не тот ли цементный божок, которого ты в детском саду малевала?

Полина: Тот самый.

Тэ Вэ: Поля... Даже не знаю, что тебе сказать. У тебя мозг ребёнка. Тебе взрослеть нужно. Веришь в какого-то Марука, вместо того, чтобы, когда идёшь по улице, под ноги себе смотреть. Ей-богу, как маленькая.

Полина: Не веришь, и ладно.

Тэ Вэ: Давай ещё ты теперь обидишься. Ну вот объясни мне, зачем тебе эти сказки?

Полина: Он мне снится.

Тэ Вэ: Снится. Как там у вас это называется? Мистика, по-моему. Может, ты ещё и описать его сможешь?

Полина: Могу нарисовать.

Тэ Вэ: Хорошо. Возьми мою антенну и попробуй нарисовать его прямо тут. Здесь такой толстый слой пыли. Не пачкай руки, и так спина уже вся белая. Сними антенну. Только аккуратней.

Полина снимает с телевизора антенну и, сев на корточки, начинает что-то рисовать на толстом слое пыли, покрывающем крышу.

Полина: Вроде бы всё. Закончила. На... посмотри...

Тэ Вэ: Уродец какой-то получился. А это что? Туловище?

Полина: Да нет же. Это гора, на которой он стоит. А вот это наверху — это он. Видишь?

Тэ Вэ: Всё равно уродец какой-то.

Полина бросает антенну в пыль, скрещивает руки на груди и отворачивается.

Полина: И зачем я тебе всё это рассказываю? Только смеёшься надо мной.

Тэ Вэ: Да не смеюсь я. Ты чего?

Полина: Не стесняйся. Надо мной и так все смеются. Продолжай.

Тэ Вэ: Ох, и сложно же с тобой, Поля. Ты пойми. Я зла тебе не желаю. Но верить в нарисованного героя... Ну это как бы... Бессмысленно, что ли...

Пауза.

Тэ Вэ: Давай подойдем к краю. Я тебе кое-что покажу.

Подходят к краю крыши.

Тэ Вэ: Смотри. Видишь? Там внизу ходят люди. Разного возраста, разных профессий. У них разные интересы, разный внешний вид. У многих есть семьи. Вон видишь? Некоторые куда-то спешат.

Полина: Вижу...

Тэ Вэ: Вот этот тоже куда-то спешит. Так вот. Могу поспорить, что каждый день он одинаково встает с постели, одинаково идёт на работу по одной и той же дороге и делает то же самое, что и предыдущим днем. И его это устраивает. Они почти как я. Одни и те же программы и время, в которое их показывают. Время идёт, и программы не меняются. А ты... Ты сейчас стоишь на крыше. Ты не там. Полчаса назад ты кружилась на месте, а не перебирала какие-нибудь бумажки в какой-нибудь конторе. Ты разговаривала с воронами, а не с подругами по телефону. А теперь скажи мне. Как ты сама думаешь, ты сильно отличаешься от остальных людей?

Полина: *(нахмуривается)* Ну... возможно.

Тэ Вэ: Не просто «возможно». Я уверен, что отличаешься. Иначе бы ты не стояла здесь со мной. А была бы там. Среди них. Ведь так?

Полина: Наверно, так.

Тэ Вэ: Да так всё, Поля. Так. Хочешь, я даже скажу тебе, что они могут с тобой сделать?

Полина: Что?

Тэ Вэ: Если ты расскажешь им то же, что и мне, они не захотят с тобой разговаривать. Им это не нужно. Как развлечение — может быть. Как всё остальное — нет. Они укутут тебя в психушку, где тебя будут лапать и рассматривать.

Полина: *(ещё больше нахмуриваясь)* Я не хочу, чтобы меня рассматривали...

Тэ Вэ: А так и будет. Поверь мне. Вот так и выходит, Поля, что и со мной, и с тобой они поступят одинаково.

Полина: Но ты же мне почему-то доверился.

Тэ Вэ: Доверился. И не жалею об этом. Ты понимаешь, мы вот тут с тобой спорим, а на самом деле мы с тобой одинаковые. У меня внутри почему-то постоянно идет голос. Словно диктор что-то про нас говорит. И про эту крышу тоже.

Короткая пауза.

Тэ Вэ: Кстати, знаешь, почему я разозлился из-за твоего Марука? Я не хочу, чтобы ты вообще думала о смерти. Не надо.

Полина: Ты правда так за меня переживаешь?

Тэ Вэ: Да.

Полина подвигается ближе к Тэ Вэ и мягко обнимает его.

Полина: Можно?

Тэ Вэ: Можно.

Короткая пауза.

Тэ Вэ: Правда, я так до сих пор и не понял, зачем люди это делают.

Полина: Обнимаются? Просто так. Когда хочется. Когда хорошо или, наоборот, грустно.

Тэ Вэ: А тебе сейчас хорошо или грустно?

Полина: Мне и хорошо, и грустно одновременно. Но больше хорошо.

Длинная пауза.

Полина: Я вот думаю. Почему им не понравится то, что я делаю? Конечно, я не красавица и не слишком умная... но всё же.

Тэ Вэ: Брось. Не думай об этом.

Полина: Да я как-то...

Тэ Вэ: Не думай об этом. Не думай. Всё нормально. Просто мы другие, Поля.

Пауза.

Тэ Вэ: У тебя, кстати, есть друзья?

Полина: Нет... Ну, кроме тебя, конечно.

Тэ Вэ: А почему?

Полина: Я как-то об этом не думала.

Тэ Вэ: Значит, я всё-таки был прав. Видишь? А ведь ты ничем их не хуже. Что в тебе плохого? Ничего.

Пауза.

Тэ Вэ: Я уверен, они просто тебя не понимают. Они не понимают тебя, потому что ты не похожа на них, и с тебя просто нечего получить. Вот почему.

Полина: Получить? Что с меня получить?

Тэ Вэ: Не знаю, что-нибудь полезное.

Полина: Но у меня почти ничего нет.

Тэ Вэ: Вот поэтому ты их и мало интересуешь.

Полина: А если у меня есть Чулок Снов? Я в него сны рассказываю, а потом храню. Это подойдет?

Тэ Вэ: Нет. Не подойдет, Поля. Вот если бы в твоём чулке были деньги... Тогда да... А так для них это бесполезная вещь.

Полина: Деньги? (*шарит в кармане кофты*). У меня есть немного... (*достает несколько купюр*). Хватит?

Тэ Вэ: Нет. Не хватит. Убери их. Ты их всё равно роняешь.

Полина: Неужели этого не хватит, чтобы со мной дружили?

Тэ Вэ: Нет, Поля.

Пауза.

Полина: Не понимаю. А ты меня не обманываешь? Неужели нельзя дружить просто так? Что, обязательно для этого что-то иметь?

Тэ Вэ: Да. Но и деньги не самое главное, что нужно иметь. Главное, что чем больше в тебе пользы — тем больше ты нужна.

Полина: Но любят ведь не за что-то. Причем здесь польза?

Тэ Вэ: А бродяги? Кому нужны бродяги? Скажи мне. Да никому они не нужны. Потому что с них ничего не получишь. С них нулевая польза, только проблемы. Я знаю, вы чувствуете запахи. И ещё я знаю, что вы не любите запах от бродяг, я где-то слышал.

Полина: Зря ты так говоришь. Это здесь совсем не причём.

Тэ Вэ: Не причём говоришь? Но богатый человек, с хорошей машиной и с кучей всего остального, почему-

то привлекательнее. Наверно, потому что может многое дать, правда? Ты об этом не думала?

Полина: Не думала. Да и глупо это всё как-то... Ну а дети? Детей ведь любят не за что-то, а просто так?

Тэ Вэ: Своих детей любят. Вот именно, что своих. А от чужих избавляются абортom.

Полина: Что ты за вещи такие рассказываешь? Многие люди усыновляют детей, а ведь это не их дети.

Тэ Вэ: Материнский инстинкт, отцовский инстинкт... Людям всё равно, о ком заботиться. Хоть о собаке, хоть о кошке, хоть о плюшевой игрушке. Нет, лучше, конечно же, ребёнок. Кто же спорит? Если уже своего нет, то и чужой сгодится. Поэтому и усыновляют.

Полина: Ты очень жестоко сейчас говоришь. Не надо так. Ты просто многого не знаешь, а делаешь выводы. Люди не такие, как ты о них думаешь.

Тэ Вэ: Человечные, да? Не обманывай себя, Поля...

Короткая пауза.

Полина: Почему ты так уверен, что много знаешь о людях?

Тэ Вэ: Потому.

Полина: Ну почему?

Тэ Вэ: Да потому, что знаю. Пока я жил со своим хозьяином, мне приходилось пропускать через себя кучу всякой ахинеи. Представь, каждый день через тебя проходит всякая нужная и ненужная болтовня. Постоянно новости, фильмы, исторические и документальные...

Полина: Но ты же не человек. И всё равно судишь о людях.

Тэ Вэ: Я наблюдал за вами со стороны. Вот и сужу. Поверь мне, времени для того, чтобы вас изучить, было предостаточно. И самое главное, я понял, какую ошибку вы, я имею в виду, люди, всегда допускаете.

Полина: И какую же?

Тэ Вэ: Вы ухитряетесь придумать и переиначить всё так, чтобы в первую очередь вам было хорошо. Хороните родных и плачете. А на самом деле себя жалеете. Убиваете животных, лишь бы у вас мясо было. Вас бы так... на мясо! Вы думаете только о себе и подстраиваете всё под себя. А потом уже для других. Я же устроен по-другому. Мне нужно кому-то служить, даже если я этого не хочу.

Полина: Тебя послушать, так выходит, что все люди эгоисты.

Тэ Вэ: Выходит, что так.

Полина: Чушь ты говоришь, Тэ Вэ. Чушь.

Тэ Вэ: Это ещё почему это чушь?

Полина: Потому что... Потому что! Прошу тебя, пожалуйста, остановись. Откуда в тебе эта злость? Не надо так ненавидеть людей. Всё равно они в душе хорошие. И не такие они корыстные, как ты думаешь

Тэ Вэ: Как знаешь. Считаешь, что я не прав? Хорошо. Только потом не говори, что я тебя не предупреждал.

Длинная пауза.

Полина: Что-то ворон не видно.

Тэ Вэ: Это тех, говорящих?

Полина: Ага.

Тэ Вэ: Улетели, наверно. Как и обещали.

Полина: Наверно.

Акт IV

Порт. Раннее утро. По набережной медленно идут Полина и Тэ Вэ.

Полина: Всё-таки это рискованно.

Тэ Вэ: Да ладно тебе.

Полина: А я говорю, рискованно. Совсем обезумел.

Тэ Вэ: Всем плевать.

Полина: Вот ты...

Тэ Вэ: Спокойно, Поля. Не волнуйся. Никого нет.

Полина: Но тебя же могут увидеть.

Тэ Вэ: Никто меня не увидит. Людей пока совсем мало.

Пауза.

Полина: Что же ты делаешь? Тебя сейчас заметят и всё. И заберут. Что мне потом делать? Ты обо мне хотя бы подумал?

Тэ Вэ: Не хнычь. Я всё предусмотрел.

Полина: Надо было тебя не слушать.

Тэ Вэ: Поздно. Пришли уже.

Останавливаются. Полина скрещивает руки на груди и отворачивается. Пауза.

Тэ Вэ: *(поворачивается к воде)* И ты, правда, каждое утро приходишь сюда?

Полина: Да. Каждое утро.

Тэ Вэ: И что ты тут ищешь?

Полина: Ничего. Мне просто здесь нравится. Здесь очень красиво. Спокойно.

Тэ Вэ: Как раз вот это для меня всегда было загадкой. Почему некоторые люди себя так ведут? Здесь нет еды, здесь нет развлечений, здесь есть только вода и корабли. Но это место почему-то тебя притягивает. В чём секрет?

Полина: Сама не знаю. Вроде бы нет никакого секрета.

Тэ Вэ: Но всё же здесь что-то есть? Ведь есть?

Полина: Есть.

Тэ Вэ: Что же?

Полина: Музыка.

Тэ Вэ: (*оглядываясь по сторонам*) Какая ещё музыка?

Полина: Ты не знаешь, что такое музыка?

Тэ Вэ: Да нет же. Я знаю, что такое музыка, но я ничего не слышу.

Полина: (*делает вдох*) Музыка... она здесь повсюду. Неужели не слышишь?

Тэ Вэ: Не слышу. Где она... где музыка? И где музыканты? И почему никто не поёт? Что-то я не понимаю. Ты, по-моему, решила надо мной пошутить.

Полина: Да нет... ты не совсем понял. Прислушайся к звукам.

Тэ Вэ: Не слышу. Ничего не слышу. Почему ты слышишь, а я не слышу?.. Научи меня... как ты это делаешь?

Полина: Обычно я зажимаю глаза, вот так (*закрывает глаза*). Так легче настроиться. А потом открываю их и начинаю слушать (*открывает глаза*). Представь, что где-то здесь есть матросы, и они в эту самую минуту учатся танцевать. Представил?

Тэ Вэ: Танцующие матросы? Ну хорошо, представил...

Короткая пауза.

Полина: Вот сейчас... слышишь, закашлял мужчина с удочкой (*указывает куда-то пальцем*). Он взял шикарную ноту.

Тэ Вэ: Он ещё и подбородок гладит...

Полина: Не отвлекайся.

Тэ Вэ: Хорошо.

Короткая пауза.

Полина: Слышишь, волна ударила о берег?

Тэ Вэ: Да. Слышу.

Полина: А вот сейчас, кажется, была чайка. Успел?

Тэ Вэ: Да, точно. Чайка.

Полина: *(прислушиваясь)* А это вроде бы колокол вдалеке.

Тэ Вэ: Да, похоже на колокол.

Полина: И ветер.

Тэ Вэ: Ветер.

Полина: Брызги.

Тэ Вэ: Слышу.

Короткая пауза.

Полина: Слышишь, звуки повторяются? Вот рыбак вновь закашлял, а вот снова крик чайки. И волны. Волны бьются. Всё повторяется. Это сердце порта бьется, Тэ Вэ. Это и есть его музыка.

Пока Полина и Тэ Вэ смотрят на воду, парень в белой майке подбегает к Полине и неожиданно отбирает у неё сумочку. Полина вскрикивает и от резкого рывка падает на бок. Вор быстро убегает в неизвестном направлении.

Полина: *(отчаянно кричит)* Стой! Вернись... Куда ты? Отдай!

Тэ Вэ: *(разворачивается)* Что такое? Что случилось?

Полина: *(плачет)* Украл...

Тэ Вэ: *(бегает вокруг Полины)* Что украл? Кто украл?

Полина: *(держится за ушибленное колено)* Сумочку украли...

Тэ Вэ: Вот же гадёныш... Вот сволочь. Ты как? Нормально?

Полина: Чуть руку не оторвал... Ай! Моя коленка... *(стонет)*.

Тэ Вэ: Сейчас-сейчас... Я что-нибудь придумаю...

Полина: Да что ты придумаешь? Он уже убежал. Как ты теперь его догонишь?

Тэ Вэ: Сейчас-сейчас... Что же делать-то?

Полина: *(плачет)* Да ничего ты не сделаешь. Брось... так мне и надо. Зазевалась, как всегда, дура... Сама виновата...

Короткая пауза.

Тэ Вэ: Ну, успокойся. Не плачь... Не плачь, Поля.

Полина: *(всхлипывает)* Ну почему мне так не везёт?

Пауза.

Тэ Вэ: *(кричит вслед вору)* ТВАРЬ!

Пауза.

Тэ Вэ: Я не могу помочь тебе подняться.

Полина: Не хочу подниматься... Посижу пока так... Всё ужасно болит *(трёт коленку)*.

Тэ Вэ: Может... всё-таки встанешь?

Полина: Не хочу... я сейчас чуть-чуть посижу, и потом сама встану... Не уходи только.

Тэ Вэ: Скажешь еще.

Длинная пауза.

Полина: Видишь, какая я рассеянная?

Пауза.

Полина: Вот тебе и музыка, Тэ Вэ. А я так хотела, чтобы ты понял, какая она — музыка порта.

Тэ Вэ: Я до конца не знаю, понял я всё или не понял ничего. Но кое-что мне стало ясно. Определенно здесь есть связь.

Полина: С чем связь?

Тэ Вэ: Сейчас вспомню. Я что-то подобное уже ощущал... Ну конечно! Вспомнил... Знаешь, где я мог это слышать?

Полина: Программа была про порт?

Тэ Вэ: Нет.

Полина: Тогда не знаю.

Тэ Вэ: Сдаёшься?

Полина: Сдаюсь.

Тэ Вэ: Помехи. Ну конечно же... Помехи. Знаешь, когда я мог спокойно думать и лучше всего размышлять? Когда мой бывший хозяин засыпал и забывал меня выключить. Вот когда. Помехи. Вот оно что.

Полина: (*приподнимается*) Что-то я не очень понимаю...

Тэ Вэ: Мы слушали с тобой один и тот же звук. Ты утром слушала порт, а я ночью слушал помехи. Один и тот же звук. Понимаешь?

Полина: (*задумчиво*) Один и тот же звук?

Тэ Вэ: Я всё никак не мог чётко понять, что ты за исключение такое... Сейчас ты помогла мне в этом разобраться. Ты что-то вроде телевизора, который специально переключает каналы, чтобы найти помехи и потом их слушать. Короче, ты, Поля — «очень странный телевизор». Вот кто ты. Представляешь?

Полина: Так это, получается, у нас с тобой одна музыка на двоих?

Тэ Вэ: Одна на двоих. Одна общая. У нас теперь её столько... что мы можем слушать её постоянно. Когда тебе захочется вспомнить музыку порта, ты можешь слушать мои помехи... а я могу слушать порт вместо своих помех. И будет то же самое.

Полина: Как удобно... Это ты хорошо придумал. Теперь мои помехи — это твои помехи, а твои помехи — это мои помехи?

Тэ Вэ: У нас теперь сколько хочешь помех...

Полина кружится на месте и смеется.

Тэ Вэ: Ты что? Нога же больная...

Полина: Да ну её. Мне сейчас так хорошо.

Тэ Вэ: А завтра я обязательно придумаю ещё что-нибудь.

Полина: (*кружась*) Что придумаешь?

Тэ Вэ: Ну, ещё что-нибудь такое.

Полина: (*продолжая кружиться*) Ой, обязательно придумай. **Не забудь.** У тебя это отлично получается. Ты тоже, оказывается, большой выдумщик.

Тэ Вэ: Ну так! Было у кого поучиться.

Короткая пауза.

Полина: (*резко останавливается*) Ах, боже мой... Что же мы тут стоим? Сейчас ведь сюда люди начнут приходить.

Тэ Вэ: Забудь про них.

Полина: Не дури. Сам же говорил, если тебя увидят, то заберут.

Тэ Вэ: Ты такая смешная сейчас.

Полина: Пошли, прошу тебя, пошли.

Тэ Вэ: Почему мы всех боимся? Я хочу побыть здесь. Посмотреть на порт.

Полина: Пошли, Тэ Вэ, ну пошли... пора уже... завтра мы сюда опять вернёмся... а сейчас нужно уходить... пошли-пошли...

Тэ Вэ: Ну, пошли-пошли... Как тебе откажешь? Но я это делаю только для того, чтобы ты не хныкала...

Полина: Не буду хныкать. Обещаю. Пошли...

Тэ Вэ: Ладно... Пошли.

Акт V

Крыша. Полина сидит на корточках, сложив руки на коленях. Тэ Вэ раздражённо рассказывает взад-вперед.

Тэ Вэ: А я тебя предупреждал. Предупреждал... А ты говоришь, хорошие, хорошие... Вот тебе и хорошие. Даже глазом не моргнула. И плевать она хотела, что у тебя там произошло...

Полина: Ну, Тэ Вэ... она же не виновата, что ей тоже деньги нужны.

Тэ Вэ: Ну конечно... Конечно, она не виновата. Могла бы и отсрочить плату, так нет ведь... Выселяйся и всё тут. И плевала она на то, что кому-то жить негде... Сама ведь видела... Даже глазом не моргнула. Ну, что ты молчишь?

Полина: Да я не молчу... Я думаю о том, что работы у меня сейчас нет...

Тэ Вэ: А деньги?

Полина: Всё закончились.

Тэ Вэ: Ну и тварь же твоя хозяйка, ты уж извини меня, но другого слова я подобрать не могу... А без денег теперь как? Где мы теперь будем жить, Поля?

Полина: Здесь можем пожить. На крыше.

Тэ Вэ: На крыше... Ну я-то ладно... Со мной ничего не случится. А ты? По-моему, вы, люди, можете заболеть, если будете спать на воздухе. Ведь можете, по-моему?

Полина: Как-нибудь переночую...

Тэ Вэ: Ну, что ты мелешь? К чему эти жертвы?

Короткая пауза.

Тэ Вэ: Чёрт! Меня вся эта ситуация ужасно бесит. Ладно, когда меня хотят выкинуть — это одно! Но когда выкидывают на улицу тебя... Вот так запросто выкидывают. Как старую вещь. Это уже слишком.

Короткая пауза.

Тэ Вэ: (*отворачивается*) Твари! Нет, у меня зла просто не хватает... как такое вообще может быть?

Полина: Не убивайся так, что-нибудь придумаем... Не всё так плохо... Найду работу... жильё найдём... Всё будет нормально, Тэ Вэ.

Тэ Вэ: Когда ты её найдешь... эту работу? Нет... нужно что-то другое... (*замирает*).

Короткая пауза.

Полина: Ты чего?

Тэ Вэ: (*поворачивается к Полине*) Я, кажется, придумал...

Полина: Что?

Короткая пауза.

Тэ Вэ: Продай меня.

Полина: Чего?

Тэ Вэ: Продай меня!

Полина: С ума сошёл, что ли?!

Тэ Вэ: Продай меня, говорю... Тебе ведь нужны деньги?

Полина: Не продам я тебя... Придумал тоже. Совсем с ума сошел.

Тэ Вэ: А что? Мало заплатят?

Полина: Вот дурак, а... Вот дурак...

Тэ Вэ: Я могу прикинуться, будто бы отвечаю на команды. За меня много заплатят.

Полина: Ой, дурак... ой, дурак...

Тэ Вэ: И станцевать могу... Смотри, вот я танцую... (пляшет). Продай меня.

Полина: Да не продам я тебя.

Тэ Вэ: Почему?

Полина: Да потому. Не продам и всё. Как ты не понимаешь?

Тэ Вэ: То есть тебе деньги не нужны?

Полина: Да нет же, нужны, но я это делать не собираюсь... мне всё равно, что со мной будет...

Тэ Вэ: Ну вот как с тобой можно разговаривать? Сама не хочешь себе помочь.

Полина: *(вздыхает)* Получается, что не хочу...

Длинная пауза.

Тэ Вэ: Ну вот, вроде бы, и всё...

Тэ Вэ начинает дергаться и раскачиваться. С ним творится что-то непонятное. Проходит время. Тэ Вэ замирает и стоит как вкопанный.

Полина: Тэ Вэ?

Пауза.

Полина: Тэ Вэ?

Тэ Вэ: Здравствуй, Поля.

Полина: Здравствуй, Тэ Вэ... А с чего это ты решил со мной поздороваться?

Тэ Вэ: Просто решил. Долго ждал потому что.

Полина: Чего ждал?

Тэ Вэ: Нашей встречи.

Полина: А мы должны были встретиться?

Тэ Вэ: Да. И вот наконец-то встретились.

Полина: Ты какой-то странный сейчас. Ты не перегрелся, случайно?

Тэ Вэ: Нет, со мной всё нормально. А вот с тобой не совсем. Здесь ведь ты у нас самая интересная. Вся жизнь твоя сейчас передо мной проходит. Вся до последнего мгновения.

Полина: Ты что, видишь мою жизнь?

Тэ Вэ: Да. Всё вижу (*короткая пауза*). А ты всё такая же и осталась. Ни капли не изменилась. Ты, конечно, такой и должна была родиться. Это и понятно. Твоя мать работала продавщицей цветов в небольшом магазине. Она с самого начала знала, что у неё будет такая необычная дочь. Поэтому и не удивилась тому, что ты родилась раньше положенного срока. Ты ведь такая прыткая. Тебе уже тогда не терпелось побыстрее появиться на свет.

Полина: (*удивленно*) Откуда ты это знаешь... кто тебе сказал об этом?

Тэ Вэ: Когда ты была совсем маленькой, ты много придумывала. Жила в своём маленьком мирке, бегала по полям, думала, что детство никогда не кончится. Но мир оказался больше, чем ты его себе представляла. Ты пошла в школу. Но и там ты всё время жила лишь по тобой придуманным правилам. А сверстники смотрели на тебя и лишь шептали за спиной «дурочка». А потом тебе исполнилось 14. У тебя появился мальчик. Ему понравились твои кудри и то, что ты миловидная. Всё-таки

иметь рядом с собой красивый цветок в женском обли-
чии всё равно, что быть суперменом. Быть мужчиной. Он
стыдился, когда ты ела мороженое, потому что тебе все-
гда удавалось испачкать в нём нос. Он стыдился твоего
поведения, твоей манеры себя вести и думать. И он бро-
сил тебя. Его друзья были ему важнее. Они постоянно го-
ворили ему, что ты не от мира сего, и что лучше ему най-
ти кого-нибудь попроще. Ты выросла. Но всё осталось
по-прежнему. Когда твои родители умерли, ты решила,
что они просто куда-то уехали и скоро вернуться. Даже от-
крытки от них ждала... Ты всегда бежала от реальности.
Всегда. Еще бы немного, и люди намотали бы тебя
на свои колёса жестокости.

Полина: *(плачет)* Я тебя не понимаю, Тэ Вэ... Зачем
ты всё это мне говоришь?

Тэ Вэ: Замолчи и слушай. Ты уже достаточно сказала.
Хватит того, что ты и так постоянно защищала этих лю-
дей. Хотя они тебя своей никогда не считали. Хватит.
Сейчас ты посмотришь на них во всей красе.

*Тэ Вэ вдруг начинает шипеть помехами и выдает
на большой экран изображение — нарезку из документаль-
ных фильмов Второй Мировой Войны. Эшафоты с пове-
шенными, расстрельный отряд, в мгновение нацеливший
на кого-то винтовки, бульдозер, сгребаящий трупы. Далее
крупным планом идут рисунки с подробной анатомией че-
ловека.*

Тэ Вэ: Люди. Каждый из них думает только о себе.
Все их действия — лишь проявление их изощёренного
эгоизма.

*Нарезка продолжается параллельно с комментариями
Тэ Вэ. Идут кадры, на которых полицейские в шлемах изби-
вают митингующих демонстрантов. Показываются круп-*

ным планом усиленно работающие мышцы спортсменов, трясущиеся и оружие психбольные, марширующие солдаты, залпы артиллерийских орудий, кивающие нефтяные вышки, взрывы, массовые драки, движение механизмов в сложных устройствах, пищеварительная система человека, чей-то рот, жадно поедаящий мясо, огромные современные заводы, длинные колонны автомобилей, переполненные людьми городские улицы.

Тэ Вэ: Никчёмные существа. Посмотри на них. Какие они все уродливые и жалкие.

На экране появляется чёрно-белое изображение немецкого офицера с забинтованной головой, потом появляются дети, играющие в бадминтон, их быстро сменяет мчащийся на полной скорости огромный локомотив, далее идёт изображение мёртвых животных, опять появляются кадры со стрельбой, потом показывается переполненный стадион, люди с протезами рук и ног, взрывы, разрушенные здания, развевающиеся флаги, лица известных политиков.

Тэ Вэ: И ни один из них даже на секунду не задумывается о ком-то, кроме себя.

Нарезка продолжается ещё в течение нескольких минут и, наконец, резко обрывается.

Короткая пауза.

Полина плачет, уткнувшись носом в колени, а Тэ Вэ, отвернувшись от неё, стоит молча. Всклипывая и подергиваясь, Полина постепенно заваливается на бок. Засыпает.

Длинная пауза.

Тэ Вэ: Вы все виновны. Учёные. Врачи. Военные. Рабочие. Дельцы. Музыканты. Учителя. Банкиры. Строители. Политики. Все. И даже тот из вас, кто ещё не родил-

ся — уже заранее виновен. Это ваш единственный путь. И он ведёт прямо в мясорубку.

Длинная пауза.

Тэ Вэ: (*смотрит на спящую Полину*) Но с тобой этого не случится. Я найду канал, на котором тебя никто не достанет. Тебе там будет хорошо. Очень хорошо. Я найду такое место, которое будет только для тебя. И уже никто не сможет причинить тебе там вред.

Длинная пауза.

Полина: (*шепчет во сне*) Марук...

Тэ Вэ: Ну вот, вроде бы, и всё.

Темнота.

Длинная пауза.

Включается свет.

Посередине крыши стоит только телевизор.

Голос за кадром: Утром, когда солнце только начинало блестеть первыми лучами, на экране старого телевизора, стоявшего на крыше самого высокого здания в городе, появилось изображение кудрявой девушки, спящей в пустой комнате. Изображение держалось несколько минут и потом пропало. А старый телевизор спустя время в последний раз зашипел помехами и взорвался.

(Взрывается телевизор)

Занавес.

31.05.2008

Сердце Демона и Речи к Ангелу

Тёмный романтический символизм.

Allnarta

Часть I

03.08.2005

Наверное, нужно искать сравнения. Глаза — словно печальная синева сумерек... Волосы — словно жар пламени... Губы — словно нежность новой жизни... Руки — словно ласковое прикосновение тёплого ветра... Бесполезно. Глупо. Смешно. Бездарно. А иначе не получается. Теперь уже можно снять Маску и посмотреть на мир?.. Ещё рано?.. Ладно. Только не надо цинизма... Хорошо? Кажется, кто-то умер... Или мне показалось?.. Неужели опять показалось. А я хочу улететь. Далеко. Навсегда. Пока не могу — для этого нужно снять Маску. И посмотреть на мир. Никто не ответит, что такое страсть? Жалко. Мне хотелось узнать что-то новое. Может, я его уже знаю. Это, наверное, хорошая идея. Когда уже можно будет её высказать... Как же здесь тихо!.. Бывает ли здесь не так тихо? Я не помню. Наверно, тут будет не так тихо, если что-то изменится... Но тут ничего никогда не меняется. Я смогу уйти и познать много нового, когда смогу выполнить свою Задачу. Когда наконец избавлюсь от своего бремени. Я помню слово «Надежда». Интересно, знаю ли я его значение? Что ж, поиграли — и хватит. Пора обратно — во Мрак. Домой... Как бы мне хотелось, чтоб у меня был другой Дом. Но — Дом выбирать не дано. Ещё одна из несправедливостей... Я всё-таки буду ждать, когда можно будет снять Маску и посмотреть на мир.

03.08.2005

Ты ведь не оставишь меня, когда я буду сгорать в Одиночестве, замерзая от Тоски? Ты ведь не оставишь меня, когда я буду умирать от боли в Пространстве Тени, воскресая из Мрака? Ты ведь не оставишь меня, когда за мной опять придут Отчаянье и Наказание, забирая меня ещё раз познать Ненависть? Я знаю, Ты не оставишь меня... Я тебе верю. Пожалуйста, не оставляй меня...

03.08.2005

Ты здесь — я Тебя слышу... Или мне кажется? Нет, не кажется. Не может казаться. Если бы казалось, я бы слышала Тебя громче. Может, я сплю? Нет. Если бы спала, видела бы отчётливее. Может, Ты лжёшь?.. Нет. Ведь если б лгал, говорил бы куда правдивее. Ты никогда мне не врёшь. А я всегда Тебе верю.

03.08.2005

Дайте мне закрыть глаза... Зачем мне видеть — всё равно вокруг крошечная Тьма! Зачем мне смотреть вверх — всё равно суждено вечно лететь в Бездну... Позвольте мне замолкнуть... Зачем мне говорить — всё равно некому слушать! Зачем мне кричать — всё равно никто не услышит моей мольбы о помощи...

03.08.2005

Мне больше нигде было искать Надежду — и я оказалась среди Холода... Заснеженные равнины молчали об Одиночестве, пронзающий до костей ветер шумел об Отчаянии, и Сумерки — в преддверии наступления Тьмы. Я знала, после Тьмы меня ждет Пропасть, затем — не будет ни меня, ни чего-либо для меня. Пустота. Как давно это было — я всё ещё отчётливо помню. Помню

этот мрачный, исполненный одиночества силуэт, прошедший меж ледяных колонн Боли недалеко от меня...

03.08.2005

Не проклинай меня за Тоску... Я никогда не хочу делать Тебе больно. Я лучше себе сделаю в стократ большее. Прости меня за Скорбь — я никогда не хочу печалить Тебя. Лучше я буду стократ сильнее страдать... Может, теперь Ты понимаешь, за что я себя ненавижу?

04.08.2005

Расскажи мне, каково это — быть Ангелом? Страшно ли? Прекрасно ли? Больно ли? Служишь ли Ты кому-то? Веришь ли Ты кому-то? Любишь ли Ты кого-то?.. Расскажи мне... Я буду слушать — внимательно и долго. Я хочу познать эту Истину. Хочу увидеть твой Мир. А затем я расскажу, каково это — быть Демоном. Открою Тебе эту Истину. Дам посмотреть на мой Мир... Если Ты захочешь.

04.08.2005

Я больше не смотрю в Зеркала. Каждый раз, когда я подхожу к Зеркалу, оно разбивается... А однажды я подошла к Зеркалу, и оно почернело. Тогда вокруг стало темно. Так темно...

04.08.2005

Почему у Тебя завязаны Глаза? Давай я помогу... Так ведь намного лучше, правда? Не нужно лишних слов — говори меньше, передавая саму Суть без уточнений. А оставшееся время потом мы потратим на Молчание.

04.08.2005

Я глаголю о Скорби, чтобы радоваться. Я глаголю об Отчаянии, чтобы надеяться. Я глаголю о Сомнении, чтобы верить. Я глаголю о Падении, чтобы возвышаться. Я глаголю о Смерти, чтобы жить. Я глаголю о Самоуничтожении, чтобы спастись. Я глаголю о Ненависти, чтобы любить...

04.08.2005

Ты помнишь пламенный танец за чёрной занавеской? Ты помнишь замысловатое переплетение крыльев, дополняемое сплетением двух Нитей?.. Помнишь песню Сердца, льющуюся под звуки струн из пепла?.. Я тоже помню. Жаль, здесь так темно, что не видно чёрной занавески...

04.08.2005

Я видела глаза Скорби, создающие миллионы образов. Я слышала голос Отчаянья, создающий миллионы Изречений. Я ошутила руки Холода, создающие миллионы странных Фигур. Я познала сердце Ненависти, создающее одну лишь Боль... Как бы я хотела отвернуться, чтобы больше не созерцать Страданий...

04.08.2005

Когда глаза, уставшие зреть Тоску и Страдания, закроются, станет темно. Когда голос, уставший молить о Пощаде, замолкнет, станет тихо. Когда руки, уставшие вздыматься во Мрак, опустятся, станет холодно. Когда сердце, уставшее выносить Муки, остановится... Тогда ничего не останется... Наступит Покой. Его я и жду уже Вечность Вечностей...

05.08.2005

Недавно я ещё раз испытала Боль, посмотрев вокруг. Когда меня спросили, что я вижу, я не смогла ответить. Иногда я вижу Сны... В них я вижу Образы искажённого Пространства, утопающие в потоках преумноженной Ненависти. Там я вижу изуродованные Души, от чьих неистовых криков моё Сердце леденеет... Погоди... Это был не Сон. Просто я посмотрела вокруг.

05.08.2005

Я часто всматриваюсь в окружающий Мрак. Раньше мне казалось, что вдаль нет ничего — лишь Тьма. Но когда Пространство преобразилось, я увидела далёкий мерцающий огонек. Сначала я не поверила, решив, что он сейчас погаснет... Потом поняла — Надежда. А за ней — Ангел... Не может быть. Но здесь стало не так холодно. И не так темно. Я даже на мгновение увидела Небо. И почувствовала Тепло...

05.08.2005

Раньше я не знала, что такое Душа. Боль открывала мне Знания Духа, но не могла дать мне иных Знаний — Знаний Души... Ты помог мне познать Суть Души... Теперь я могу любить. Может даже, когда-нибудь я смогу увидеть Свет.

05.08.2005

Многие ли знают Цену Созидания? Ведают ли наивные Души, возомнившие себя Творцами, чем придется заплатить за это благословение?.. Возможно, давным-давно — я сама уже не помню когда, если мне вообще не приснилось... Я тоже была такой? Тоже поверила в то, что могу обрести Созидание, не отдав за это Беззабот-

ность, не потеряв простоту и легкость прежнего существования, не пожертвовав чистотой нужд?..

05.08.2005

На этой стене вечно висят Часы — но они всегда стоят. Чёрные, как и всё остальное... Уже не помню — шли они когда-то или нет?.. Откуда здесь разбитое стекло?.. Или это осколки всё ещё тлеющего смеха? Завтра я ещё раз умру. А потом опять пойду на кладбище и сотру слёзы с лица Совесть. С моего лица стирать слёзы уже поздно. Или ещё нет?..

05.08.2005

Не называй меня по Имени — оно не настоящее. Я уже забыла своё настоящее Имя. Лучше просто назови меня Скорбь. Или Радость?.. Я во многом уже запуталась. Ты ведь сможешь мне вспомнить, если я попрошу?..

06.08.2005

Они вечно будут смеяться над Образами, которых недостойно их Понимание. Они вечно будут блуждать в Пустоте собственной бессмысленности. Они никогда не увидят Красоту сквозь внешнюю непривычность. Им не дано осознать Познание. Тем не менее, им дано никогда не познать Боли и Отчаяния... Они не ведают, что такое Страх.

06.08.2005

Однажды я прочитала Книгу. И не поверила в неё. С того времени все книги, которые я открываю — с пустыми чёрными страницами. Я начала писать свою Книгу. Но когда я написала первую страницу, она сгорела и обожгла мне руки.

06.08.2005

Там стоят три столпа. И Чёрное Солнце светит Мраком, грея Холодом в багровом Небе над Тенью Пирамиды. Давным-давно Врата были открыты. Но я ушла оттуда по Тропе Отречения, ведущей в Вечность. Я помню. Но я не хочу возвращаться. Я выбрала свой Путь. Я не ищу Прощения. Не ищу Благословения. Не ищу Сострадания. Не ищу Понимания. Я лишь несу свое Бремя. Несу его к Алтарю в самом конце Пути.

06.08.2005

Я пронесу свой тяжёлый черный Крест через Пространство Времени и положу его у Подножия Вечности. Тогда моя Миссия окончится. И я наконец смогу обрести Покой в Просторах абсолютной Тьмы. Или я смогу обрести Очищение в Просторах абсолютного Света?

06.08.2005

Бродя по Полям Тишины, я сорвала мёртвый цветок. В моих руках он покрылся инеем. Я хотела отнести его к стеклянному столбу, но случайно уронила, и он разбился. Но это не страшно. На Полях Тишины вдоль Реки Раскаянья растёт много мёртвых цветов.

06.08.2005

Опять кто-то, проходя мимо, забыл здесь Любовь. Никто не вернётся, а Любовь со временем растворится во Мраке. Жаль... Многие запирают свою Любовь в Башне Холода. Так она не доставляет Боли. Но так легко забыть, что вообще значит слово «Любовь»...

06.08.2005

Если хочешь что-то сказать — лучше говори шёпотом. Не нарушай вековой Тишины моего Мрака. А ещё лучше — молчи. Я и так слышу всё что Ты мне говоришь — слышу Сердцем.

07.08.2005

Сегодня я рисовала Образы Смерти на чёрном бархате. Жаль, не хватило крови на Образ Казни. Я хотела открыть окно, чтобы взглянуть на звезды. Но они погасли, и меня снова окутал Холод Теней. Поэтому скоро я вернусь и продолжу рисовать кровью на чёрном бархате.

07.08.2005

Отсюда многое видно. Видно одинокие Души, оплакивающие сломанные ветви Древа Скорби в сером Тумане. Видно птиц Безумия, умирающих от голосов из Ниоткуда. Видно надгробия, высеченные из скал Сомнения. Видно ледяные горы Сожаления, над которыми нависают облака Осуждения... А Ты хочешь посмотреть?.. Тут очень красиво. Только когда будешь проходить Порог, будь осторожен, чтобы не обжечь Крылья.

07.08.2005

У меня когда-то была Вера, но я потеряла её среди болот Лицемерия. Теперь, когда я, утомляясь от Тишины, блуждаю по безграничным руинам Надежд, я вспоминаю о своей утерянной Вере. И каждый раз Пространство озаряет тусклая молния — знак того, что ещё одна Душа пала в Пропась Растерянности.

08.08.2005

Я шла по тонкому лезвию Испытания, видя впереди свет Радости. Я не надеялась, что смогу дойти. Наверное, именно поэтому я сорвалась в океан Безысходности. Я снова окажусь в начале пути по лезвию... Но я не обрела Надежду, и мне придется ещё раз сорваться.

09.08.2005

Не прошу вечной Верности, не прошу вечной Памяти, не прошу вечной Тоски... Прошу лишь одного... Когда моя Душа уйдет во Мрак, а затем канет в глубины Небытия, приходи к моей могиле и помяни меня... Одним горестным Словом. Пожалуйста, принеси живой цветок из Твоего мира и положи его у моего Пьедестала.

Часть II

10.08.2005

Я стояла в Тени, всматриваясь в глубину бездонного озера Воспоминаний, и мне стало очень тоскливо, когда я подумала об утраченном давно Полёте. Передо мной явился Хаос и предложил Власть — но я отказалась. Не хочу больше ответственности. Передо мной явился Гнев и предложил Силу — я тоже отказалась. Не хочу больше разрушения. Я лучше возьму себе ещё одно Наказание — за то, что пришла к озеру Воспоминаний. А потом я пойду к стене и переведу Часы назад. У меня станет больше времени на Осмысление.

10.08.2005

Раньше моё Сердце было покрыто непробиваемым слоем Бесчувственности, который образовался для защиты от Предательства... Ты растопил этот слой, позво-

лив моим Чувствам наконец пробиться в Мир. Только иногда осколки Льда, ещё не успевшие растаять, могут уколоть. Но со временем осколков не останется. Не предавай меня... Если Ты предашь меня, я останусь совсем беззащитной среди бесконечных потоков Ужаса, и больше не смогу им противостоять.

11.08.2005

Во время Поиска я побывала в Серой долине, где вечно льёт дождь. Там стоит полуразрушенная статуя Жестокости, источающая слезы Совести. Когда я прикоснулась к статуе, она рассыпалась в прах. Но когда я отошла от неё, она снова стояла, как и прежде.

12.08.2005

Раньше я часто ходила вдоль берега моря Разочарованных и смотрела, как волны бьются о чёрные скалы. Но со временем ветер Отрешённости стал морозить Сердце, и я ушла, чтобы сохранить остатки Чувств.

12.08.2005

Смешно слушать речи Раскаявшихся, молящих о пощаде... Раскаявшиеся никогда не молят о пощаде. Интересно слушать речи Служителей, проповедующих Направление... Служители никогда не привлекают на свою Сторону. Тяжело слушать речи Отверженных, изрекающих на языке Молчания... Ведь кроме меня их никто не слышит. Они говорят на моём родном наречии.

13.08.2005

Посмотри — видишь росток Разлуки за синей вуалью, прорастающий из сухой земли Недоверия? Если Ты сорвёшь его и принесёшь мне, ещё одна наив-

ная Душа запутается в серебряной паутине Порока... Так происходит, когда меркнет Свет. А если я сорву его и принесу Тебе... Тогда синяя вуаль окутает моё Сердце, и я больше никогда не увижу Надежду.

25.08.2005

Ровно в тот час, когда с Розы Смирения опадает ещё один лепесток, передо мной появляется дорога, усыпанная семенами Безысходности. В конце дороги меня ждёт казнь под ржавой гильотиной. Роза Смирения теряет лепесток каждый раз, когда я задумываюсь над Причиной. Я пыталась сойти с дороги — но она не имеет границ. И меня впереди всё равно ждёт ржавая гильотина.

25.08.2005

Я в последний раз осмотрела свои раны и удивилась — они стали меньше кровоточить. Но одна из них — рана Сердца — почернела. И я ощутила Пустоту. Я найду за Гранью место, отведённое мне — и тогда станет легче. Но тогда я буду обязана потерять Смысл. Поэтому я не смотрю в сторону Грани, а остаюсь в Тени. И всё ещё верю, что когда-нибудь смогу узреть узкую тропинку, что покажет направление к Свободе. Там я смогу выйти на Вершину, расправить Крылья — и улететь в Вышину, забыв о Мраке и Отчаянии.

25.08.2005

Мне становится больно, когда Ты просишь меня протянуть тебе руку Помощи. Ведь я не могу этого сделать — моя рука слишком холодная, чтобы Ты смог за неё удержаться. Я могу лишь взять Твою Печаль и скрыть её среди своих Страданий.

25.08.2005

Давай возьмём наши Чувства и символически назовем их Миром. А потом запечатлеем наш Мир в Колонне Вечности, чтобы он никогда не исчез из памяти Мироздания.

29.08.2005

Я слышала Голос, зывающий о Помощи. Голос, полный страха и смятения... Я не смогла ответить — потому что не знала, откуда доносился Голос и кто просил меня помочь. Я не испытала Жалости. Лишь вспомнила, как сама когда-то звала на помощь. Звала голосом, полным страха и смятения... Может, мне на мгновение стало легче — я узнала, что не одна в этом мире, кто молит о Помощи.

01.09.2005

Настанет время Усопшим помянуть честь Живых. Настанет нужда Заблудшим указать Направление Идущим. Придёт час, когда Предатель среди Служителей получит заслуженное Вознаграждение. Явится среди Пламени Дух, восхваливший Силу Сердца. Я должна буду найти в себе силы, чтобы суметь проявить Мудрость.

02.09.2005

Пора бросать игры в Бездушность и идти на Служение. Стоит для начала изучить и понять, что Смысл и Необходимость Служения — не в Поклонении или Зависимости... Просто если ничему не служить, так или иначе уничтожишь Себя. ... Нас зовут — Ты слышишь?.. Пошли. Не бойся — там нечего бояться. Я не отпущу Твою Руку и не дам Тебе оступиться, как сама когда-то чуть не оступилась. Дорога будет усыпана острыми кам-

нями — но Ты не почувствуешь Боли. Я возьму часть Твоей Ноши на себя, как Ты взял часть моей... Путь предстоит долгий и тяжёлый. Но мы справимся — если не выроним по неосторожности Веру. Зато Там, за окончанием Дороги — Свет. Он исцелит наши Сердца и отпустит нас... Тогда не будет больше Испытаний.

03.09.2005

Не найти мне среди Обмана ровной дороги. Мнительность замела её так, что до Сути уже не добраться... Лишь ветер, слегка качающий ветви аллеи, укажет верное Направление. И выведет меня из чуждого мне Пространства.

04.09.2005

Начинай считать пролетающих мимо воронов — это слуги Раздора внимательно следят за нами. Они ничего не смогут нам сделать, ведь мы с Тобой — под покровом Доверия. Но если знать их число, будет легче — мы сможем воздвигнуть крепость Слияния из точно того же количества Приободрений. А когда над нами преобразится символ Веры, больше не будет нужды считать воронов. Символ их всех сожжёт, очистив небо от Сомнений.

06.09.2005

Я покажу Тебе просторы Смирения с высокой башней на Вершине, отливающей пурпурным сиянием. В этой башне хранится вечно тлеющий сосуд Устремления. Я проведу Тебя через арку. Так Тебе не придётся испытать из чёрной чаши горький напиток Смятения, который обязаны пробовать все, кто идёт сюда. Главное — помни, что Тень Равнодушия будет следовать за Тобой,

пока мы не вернёмся назад. И не оборачивайся, иначе Равнодушие проникнет в Твоё Сердце.

06.09.2005

Ангел, Ты знаешь, что такое Скорбь? Если хочешь, я Тебе расскажу. Не бойся, я буду бесстрашной и не заплачу. Ещё я могу поведать об Отчаянии — всего лишь как о явлении, без лишних эмоций. А я хотела бы послушать о Радости. Я её когда-то даже на миг познала. Ещё я хочу узнать больше о Надежде. После этого давай станем вдвоем на Вершине перед всем миром и расскажем им о Любви. Ведь далеко не все знают, что Она такое. А кто-то думает, что её вообще нет.

09.09.2005

Завяжи Узел на Нити — чтобы не забыть потом повернуть стрелки назад, когда пора будет заводить Часы. Только не завязывай слишком туго, а то будет тяжело развязывать Нить. Если она запутается, мы можем в Итоге не найти Выхода...

09.09.2005

Не нужно было мне тогда просить у Ярости наделить меня Зlobой. Я не сомневалась, что меч Возмездия преподнесёт мне удар Наказания — но я лишь почувствовала Сострадание. И этим сама себя наказала. Я научилась на этой ошибке. Я не даю больше Демонам говорить через меня.

11.09.2005

Я не скажу ни слова — не просите. Всё равно вы знаете все Ответы, зачем мне показывать Знания? Я не проявлю Действий. Потому что в них нет Необходимости. Я

не покажу Облик — зачем?.. Никто не прячется рядом, наблюдая за мной с целью поведать обо всём Сотрудникам. Я просто не хочу предвзятого Отношения. Хотя, наблюдая за падающими листьями, я поняла мнимость Высокомерия.

16.09.2005—18.09.2005

Видимо, когда мне стало страшно, я открыла глаза и взглянула вверх. Я ничего не просила и ни к кому не взывала — я никогда не настаиваю на Понимании. Я увидела вверху Птиц, свободных лететь куда им захочется. Или это вознесшиеся Души? После этого я взглянула на свои руки. Они были испачканы кровью. Задумавшись, я споткнулась о камень. Не испытыв негодования, я продолжила идти. На Дороге очень много камней, и я часто о них спотыкаюсь. Впереди показался Замок. В Сумраке он очень напоминал мне мою Обитель. И тут я вспомнила, что иду домой.

18.09.2005

На песке начертив Смех, увидишь Слезы. Не принимай Образы этого Пространства всерьёз. Они не страшны Тебе, ведь Ты не вникаешь в них. Прикоснувшись к цветку с Теплом, ощутишь Холод. Не пугайся Ощущений — для Тебя они не истины, ведь Ты не должен понимать их. Призвав к Надежде, в ответ услышишь Отчаянье. Но не огорчайся скорбным Голосам — они не достигнут Твоего Сердца, ведь Ты не внимаешь им. Принеси с собой Любовь, подаришь Облегчение...

18.09.2005

Когда меня предали, я построила Мир из того, что имела... Иначе бы пришлось отдать Душу Пустоте. Сна-

чала было больно, а потом я приспособилась. И назвала этот Мир Домом. И привыкла к нему — больше у меня ничего не было.

18.09.2005

Иногда у Тебя непроизвольно получается навести меня на ещё более сильные потоки Уничтожающих Мыслей. Я не злюсь и не обижаюсь на Тебя. Скорее, я благодарна Тебе за это — у меня появляется больше возможностей испытывать себя. А ещё это позволяет быстрее развиваться.

18.09.2005

Не печалься, когда я перестану себя контролировать и принимаю привычное для меня состояние Тоски. Просто я так долго не выходила из своего Дома и не посещала иные Миры, что забыла все прежние Разнообразия. Но Ты помогаешь мне вспоминать, и вскоре я избавлюсь от привычек и научусь перестраиваться.

23.09.2005

Я подожду, пока догорит Свеча. А затем рассмотрю, как Весы определяют Равновесие. Я уже давно хотела это понять. Я не буду увлекаться — нельзя пренебрегать Гармонией. Я закрою глаза и представлю Тепло, безгранично прекрасное и одаряющее Надеждой — Тепло Сердца. Тогда одна песчинка в Тусклой Пустыне засияет и принесёт с собой новое Знание. И даст Силы на ещё одну Победу.

27.09.2005

...Догорали Мечты. Досыхали Надежды. А посреди Пустого, как мое Стремление, Поля — стоит одинокий

Созидатель. Тяжело отказываться от Простоты. Чёрная Трещина пошла дальше — стало страшно от понимания окружающего. Трещина скоро расколется, ради чего возводились Цитадели? А мы ей не позволим. Её можно исцелить. Если открыть Сердце и вовремя не испугаться. Голос — такой ласковый и глубокий, отражался в глуши Стен и достигал Слуха. Содрогнулись от этого все Сомнения — и испарились дымом. Последовали за творителями своими. Вознеслась Птица в Небеса. Её крылья взмахами раскачали мёртвые березы, не знавшие ранее Движения. Всё мёртвое должно познать Жизнь — пусть даже в таком Проявлении. Зерно Духа затрепетало. Имей честь созерцать — новая Душа зародилась в Мироздании! Новый Путь начертан на Столпе. Проследим за ним вместе — Ты и я. Вспышка Света породила Цепь и окутала её Слоем Образов, узоров и Знаний. Новый Столп явился во Вселенной. А значит — новый Мир наконец преобразился. Пробудились спавшие среди Мыслей Разумы. Они поняли Беспредельность Творения. Открылись закрытые Глаза. И залились Слезам, узрев Трагизм Мироздания. Зашевелились Уста, забывшие чувство Речей. И рассказали нам о Сутти. Мы познали новое Расширение. И наблюдали Развитие. Стучало Сердце всё громче. Звук его заполнил те Пространства, где не хватало Эмоций. И стал теперь Зовом к Очищению. Ощутила Рука тёплое Прикосновение, одарившее Гармонией. Одна снежинка в Сумерках Отчаяния растаяла. Стало немного меньше Зла. Я знала, что Ты не оставишь меня — поэтому и решилась открыть Тебе все Тайны. И это пошло на пользу всему Мирозданию. Теперь легче будет одерживать Победы в Битвах. Пришло время снять Маску и посмотреть на мир. Пора улетать... Ты со мной? Тогда бери мою руку — и не отпускай. Станем же выше всех Испытаний — и отправимся навстречу Свободе... Два Сердца унесли

Вдаль. И лишь одинокий Созидатель посреди Пустого
Поля помнил о проявлениях Простоты.

02.06.2008

Па4ка дней

Без описания.

Sett

Месяц уже занял свою позицию, а я рассеяно смотрю на пройденные дни — они как окурки валяются на истоптанной земле наших воспоминаний. Я докуриваю очередной день и небрежно выкидываю в пустоту своей памяти. Дни — они как сигареты: рано или поздно приведут тебя к смерти. Я точно уверен, что наступит момент, когда я, добывая сигарету, пойму, что она последняя — это последний день моей жизни. Так и недокуренный он как уставшая птица упадёт на землю и будет тлеть ещё пару секунд, потом искорка потухнет и слабый дымок будет единственным свидетелем случившегося...

Дни и в самом деле как окурки на земле: где-то их больше, где-то меньше, а где-то их вообще нет... и дни, кое-что мы отлично помним — целую серию дней; а какие-то недели своей жизни даже поднапрягшись не можем вспомнить...

Тепло проникнет ко мне в тело и будет вальяжно прогуливаться внутри меня, потом я серым камнем упаду на землю, сделаю свой последний вздох, улыбнусь и усну навсегда...

Всё это так, но это будет не скоро, поэтому я снова иду за новой пачкой крепких дней...

14.08.2008 / 30.09.2005

Тени

Реальная история реального человека, но в моём видении...

Sumanar

Тьма... Тягучая и склизкая. Она проникала в мозг, разъедавая его... Все мысли, до этого вяло копошившиеся в голове, теперь замерли и истаяли... Накатило ужасное, беспросветное ощущение безысходности... Он сидел в тёмной комнате, света не было... За окном, мигнув в пелене туч, тихо умер тусклый диск солнца... Моросил мерзкий дождик... Его пустые глаза смотрели на улицу через грязное в разводах стекло... По тёмным и захламлённым переулкам деловито перемещались Тени... Тени жили... Радовались... Ненавидели... Тени занимались сексом... убивали друг друга... В памяти всплыла очень яркая картинка... Тухлая рыбина, выброшенная на каменистый берег в жаркий день... над ней деловито шмыгают мухи, в глазницах копошатся личинки... из, порванного чайкой, брюха сочится вонючая слизь... Да... Сейчас за окном происходило тоже самое... Всего лишь мерзкие личинки, которые радуются своему превосходству и величию, не осознавая себя и окружающего их мира... перед ними поставлены только три цели... нажраться, расплодиться и уснуть ненадолго... чтобы набраться сил перед ещё одним днём тупого и скотского существования...

За стеной ругаются... Глухой звук удара... И истошные визгливые крики затихли ненадолго чтоб сменится отвратительным протяжным воем боли, переходящим в поскуливания... Молодая пара, только пару месяцев назад выехавшая в дом... Ооо.. какими они были счастливыми, как любя они смотрели друг другу в, горящие ярким светом Любви, глаза... Но и Любовь, поглотила Тьма... и эти

два протуберанца, ярко пылавших Счастьем, стали Тенями... разводами грязи на стекле смотрящего на улицу трупа...

Он сидел в тёмной комнате... его сердце перестало биться неделю назад... устало от каждодневного созерцания грязи и боли... оно просто остановилось... давая Ему освобождение... он уснул с широко открытыми глазами, глядя на вечно тёмную и грязную улочку, на которой суетились Тени... Он просто сидел и гнил... Никто не вспомнил о нём...

Приоткрывшийся, будто в крике боли, рот, уже был облюбован мухами и личинками, медленно копошившимися под распухшим языком... Размножающимися и считающими, что их мир прекрасен и совершенен... верящих... что настанет день спасения... и придёт Великий и Вселюбящий Спаситель, который отпустит им все грехи...

25.08.2008 / Весна, 2008

Солнечный человечек

*Случайности меняют и перекраивают нашу
жизнь. А что будет, если у Судьбы появится
противник, не боящийся оспорить её приговор?*

Sumanar

Весна. Лучики солнца игриво блистают в тающих сосульках, норовящих шлёпнуться на голову случайному прохожему. Подтаявшие кучи грязного снега приятно контрастируют с желтовато-зелёной, пожухлой травой.

— Папа, солнышко! — радости пятилетнего Артёма не было предела. Несмотря на солнечную погоду, он был очень тепло одет — весна коварна. Артём бегал во круг ног медленно бредущего по весенней улице отца. Прогулка была очень приятной — как хотелось вдохнуть весны, свежести, пусть и загаженной парами бензина.

— А на крыше человечек сидит! — Артёмка радостно тыкал пальцем на крышу стоявшего рядом со сквером дома. Денис, отец Артёмки, подняв руку к глазам взгляделся, но ничего кроме яркого солнечного зайчика, играющего бликами на кровельной жести, не увидел...

Они зашли в старый скверик, каких полно в любом городе. Посидев на скамейке, Денис выкурил сигарету, и они направились домой... Уже на выходе из скверика Артёмка радостно вскрикнул...

— Папуля!!! Смотри, собачка! — он опрометью бросился ласкать пса.

Доверчивое и счастливое создание, в нём не было ни капли настороженности или беспокойства. Он просто хотел поделиться своей радостью и лаской с животным. Денис не успел среагировать и поймать ребенка.

Пёс не рычал и не скалился... Он просто схватил ребенка за загривок и стал трепать как куклу...

В глазах подбегающего Дениса поплыли круги, ощущение реальности происходящего не укладывалось в голове...

Удар ногой по псу его не успокоил, тот лишь глухо заворчал и продолжал трепать страшно молчаливого ребенка. Денис упал сверху на пса и пытался оттянуть его от Артёмки, но ничего не выходило... Из глотки Дениса вырывалось рычание с нотками подвывания — такое бывает у смертельно раненых животных... глаза накрыла пелена боли, страха и ярости. Он впился зубами в спину животного, одновременно просовывая ладонь между шейей ребенка и клыками пса. Во рту смешались вкусы грязной шерсти и крови, но он продолжал сжимать зубы, вгрызаясь в собаку с яростью одержимого...

Пёс, не ожидавший ничего подобного, пронзительно визгнул и отпустив ребенка изогнулся всем телом, отталкивая Дениса лапами — клыки пса сомкнулись на ладони мужчины... Но боли Денис не ощущал, он лишь краем глаза отметил что Артём лежит там, где его бросил пёс, и не делает попыток встать... Второй рукой он яростно сдвинул глотку животного, но тому всё же удалось вывернуться из рук ослабевшего человека и броситься с повизгиваниями наутёк...

Денис со всей скоростью, на которую он был способен, на коленях кинулся к сыну... Но было поздно, ребенок лежал лицом в луже нежно розовой крови, смешавшейся со взрыхлённой от потасовки землёй... Перевернув Артёмку лицом к себе, Денис взял его на руки и встал — из его глотки не переставая доносился приглушенный вой... глаза ничего не видели, кроме испачканного кровью и грязью лица ребёнка.

Не переставая издавать скулящие звуки, Денис достал носовой платок и, окровавленной, дрожащей рукой, стал вытирать лицо сына... Аккуратно, Артёмке не нравилось когда он тщательно натирал, особенно запачкав-

шее место на личике. Он в такие моменты уворачивался и плаксиво говорил: «Нехаласоооо!» Но сейчас его бледное лицо не сжималось в гримаске и он не уворачивался от платка... Широко раскрытые голубые глаза ребёнка смотрели в весеннее небо с игривыми облачками, очень удивлённо. В них застыла обида и вопрос, детский вопрос: «Посему?!»

— Папуля!!! Смотри собачка!

Реакция Дениса не подвела, он молниеносно схватил Артёмку за воротник и подпернул к себе.

— Нет!!! Сынуля, это плохая собачка!!! — он, прижав к себе ребенка, медленно и настороженно обошел пристально глядящего на него пса.

Уже выйдя из сквера, он посмотрел в испуганное его реакцией на «пёсика» лицо ребёнка.

— Прости Артёмка, но собачка и правда плохая... Я так тебя люблю! — Денис обнял ребёнка и заплакал.

— А маму любишь? — испуг ребенка мгновенно прошёл. Он дотянулся своей маленькой ручкой в вязаной рукавичке до лица Дениса и размазал слёзы.

— И маму люблю! Пошли скорее домой, она наверно нас заждалась! — Денис улыбнулся сквозь слёзы и потрепал сына по шапке.

— Тойко сюр на шейке! У меня ношки уфтали! — серьёзно сказал Артёмка...

— Хорошо, солнце моё! — Он подхватил захохотавшего ребёнка и посадил себе на шею.

...На крыше соседнего дома сидел и улыбался солнечный человечек. Он так любил дарить второй шанс...

25.08.2008 / Весна, 2008

Патологичный ангел

Без описания.

Creiven

Моего лица никто не видел очень давно. Я и сам только ошупью могу увидеть его и понять, как оно изменилось с тех пор, когда я был ещё человеком. Та, другая жизнь под солнцем, почти изгладилась из моей памяти, заполненной сумраком дома, в котором я живу (живу ли?) уже много лет... после смерти.

Этот старый, забытый богом и людьми дом, стал моим. Хотя в его стенах могли бы укрыться другие души.

Однажды они всё-таки пришли. Я сидел в подвале и со спасительным безразличием перебирал чётки времени, когда услышал шаги наверху. Я был сильно удивлён, — впервые за моё длительное существование в доме я услышал других.

Несомненно, это были призраки. Кровное родство посмертных душ даёт возможность узнать своих даже по шагам. Я встал и направился к лестнице, ведущей к двери, за которой начинались «жилые комнаты».

В этих стенах как будто собралась вся пустота и отчуждение.

Идя вдоль этих комнат и коридоров туда, откуда раздались шаги, я гадал, кем окажутся мои гости. Смогу ли я заговорить с ними или их души претерпели такую деформацию, что даже я буду чувствовать себя неудобно.

Я отпер прогнившую дверь и увидел их, встревожено смотрящих на меня... Их было двое. Они стояли, прижавшись друг к другу, похожие на испуганных детей.

— Кто вы? — выговорил я.

Мой голос прозвучал так, словно исходил из ржавой глотки механического чудовища. Но это не смутило моих гостей. По их лицам я понял, что они ожидали увидеть

кого-то иного: выражение страха сменила заинтересованность и они как будто были рады, что их опасения не оправдались.

— Мы призраки, — ответил один из них. — И мы скрываемся. Этот дом показался нам местом, где мы, пусть ненадолго, будем в безопасности.

— Кого же вы боитесь?

Они переглянулись, и всё тот же призрак ответил мне:

— Его называют пожирателем душ. Он охотится за нами чтоб поглотить и тем укрепить свои силы.

— Я никогда не слышал о нём, — сказал я. — Наверное потому, что я не полностью принадлежу к вашему племени.

Больше мы ничего не сказали друг другу. Молчание, тягостное молчание посмертных душ, которое мы переживаем постоянно, поглотило все звуки. Между нами не было неловкой тишины, которую смертные торопятся заполнить словами. Каждый из призраков молчит в себе, прислушиваясь к отзвукам прежней жизни. И эта прежняя жизнь обычно заполнена личными чудовищами.

Почему призраки прислушиваются к прошлому? Потому что как бы ни горька была их жизнь, в ней, именно в ней мы были настоящими. Оттуда мы берём в займы своё бытие сквозь глухую стену перехода. Так что, памятуя о прошлом мы испытываем отчуждение в настоящем, и между нами не может быть ни любви, ни дружбы.

Эти двое призраков, что стояли рядом со стеной, казалось, вышли из общего прошлого. Они были очень похожи. И ещё общее между ними было то, что их лица были бесполы как у ангелов. И по голосу я не мог определить кто передо мной — женщина или мужчина. Они были идеальным олицетворением двойственности.

За большим квадратным окном была видна еловая роща. Отсюда не было видно крестов. Они глядели в окна северного крыла дома.

Я вспомнил о крестах с вполне объяснимой любовью, ведь для меня слово «загробный» имело обратный смысл.

С потолка посыпался песок, мелкие камушки. Я взглянул наверх.

В потолке была крошащаяся трещина на выпуклости, разбухшей от сырости строительной замеси. Раздался треск и вместе с камнями вниз обрушился ангел, повиснув на веревке. Это была глиняная, облупившаяся скульптура, застрявшая крыльями в верёвках. Ангел был отвратителен. Краска выцвела и облупилась. От этой деформации лицо ангела напоминало прокаженного, а улыбка искривилась в злобную усмешку.

Видя трепет призраков, прижавшихся друг к другу, у меня возникла мысль, не тот ли это пожиратель, которого так страшились эти двое? Они были странны тем качеством, которое я отметил выше — а теперь добавилось ещё одно необъяснимое в них — ужас призрачных существ перед предметным бытием глиняного ангела.

Я видел что их страх, который можно было приписать физическому вторжению размалёванной, уродливой куклы, слишком затянулся. Меня поразила гротескность ситуации — эта inferнальная пародия на богоявление. Я заметил в уголках безобразной улыбки ангела затаённую иронию. Как будто он был жив и входил в чей-то неведомый расчёт. Всё случилось вовремя...

— Чего вы боитесь? — мой вопрос повис в воздухе, потому что в комнате не было больше никого — только я и качающаяся скульптура.

03.10.2008

Инвазия

Без описания.

Creiven

То был хмурый, безрадостный день. Небо заволокли тучи, но в воздухе не ощущалось предвестия дождя. Кладбище, что находилось на западной окраине городка, являло собой самое мрачное зрелище в этот день — оно было как-бы квинтэссенцией разлитого в воздухе безотчётного тягостного чувства.

Даже люди, особо занятые собой, не могли нащупать узел магических связей.

И никто бы не смог этого сделать, не зная о демоне, что был захоронен на кладбище как человек — сама осведомлённость о бытии демона разрешила бы все вопросы.

Девушка по имени Диана, одиноко живущая в этом городе, подвергалась гнетущим чарам в большей степени, чем кто-либо другой. В этом была виновата острая восприимчивость её души. Многие считали Диану странной, — этот эпитет неизбежен для всех, кто рожден под знаком луны. И в этот день на неё обрушилась невыразимая магия демонических чар. Она не могла разобраться в себе и просто отдалась чувствам, переполнявшим её. Эти чувства были так сильны, что Диана не задумалась о сообразности своего поступка, пойдя вечером в сторону кладбища. Её притягивала магия луны.

На кладбище опустился туман, напоенный лунным светом. Туман не рассеивался за пределы ограды, будто притянутый кладбищенской землей.

Сторож куда-то пропал. Так что ненужного свидетеля удалось избежать.

Калитка поддавалась женской руке, и Диана вошла в напоенное туманом кладбище. Среди крестов и аллегорических надгробий, Диана, не твердо ступая, шла впе-

рѣд, оглядываясь по сторонам, будто наперѣд зная, что должна встретится здесь с кем-то. Опершись о надгробие, она, почти совсем обессиленная, готова была упасть на сырой дѣрн, когда туман мягко и нежно обнял её за плечи, словно накинув невидимую шаль. Нет, это не туман, это чьи-то влюблённые объятья коснулись её. Диана не успела даже испугаться, — околдованная чарами она запрокинула голову назад, отдаваясь «его» поцелуям, которыми он покрывал её шею. Это была уже не бесплотная тень. Сильные руки обхватили её за талию, и она ни за что бы не захотела освободится из плена его рук. Её глаза закатились в эротическом трансе, а лицо, обращённое к свету луны, было теперь пугающим, демоническим.

Она очнулась в ту же ночь на влажной траве. Поднявшись, Диана, ощущая боль в лоне и увидев испачканный кровью подол платья, поняла, что ей ничего не пригрезилось.

С тех пор демон, оживший от прикосновения Дианы, преследовал девушку каждую ночь, нашѣптывая в её снах жуткие обещания преданности и просьбы вернуться к нему вновь. Тягостная аура в городе только усилилась с последующими днями. А воля и настырность демона парализовали сопротивление Дианы. И она пришла днём на кладбище. Там её ждал демон.

Теперь она впервые увидела его. Разумеется, его симпатичную оболочку.

— Ты звал меня... — проговорила смущѣнно Диана.

— Да. Я хочу, чтоб ты была со мной... ненадолго, — добавил демон, заметив её недовольство, — только пока ты носишь моего ребёнка, — последние слова демона были как удар пощёчины.

Диана с ужасом и изумлением посмотрела на демона, не в силах вымолвить ни слова... Она не могла, не хотела в это верить.

— Я мёртв, и я рожусь снова из твоего чрева, — сказал демон.

Диана бросилась бежать, но демон быстро нагнал её и повалил на землю, навалившись всей тяжестью на неё. Он схватил рукой её за волосы, и приподняв голову злобно прошептал ей следующие: «Видишь, этот туман не рассеивается? Тяжесть, нависнув над городом, родит вместо дождя кошмары во плоти... и ты спасёшься только если будешь со мной».

Небо налилось свинцовой тяжестью и разразилось грозой и ливнем. Ветер, нахлынувший с запада, был так свиреп что самые старые в городе не помнили такого. Но самое страшное — город заполонили ночные кошмары — как и обещал демон, воплощённые и неуёмные в насилии.

По городу рыскали псы с человеческими головами в поисках свежей плоти. Они впрыгивали в распахнутые ветром окна, забрызгивая кровью уютные обои. С крыши на крышу прыгала проворная тварь, выискивая лазы в запертые наглухо дома́.

— Останови это! — кричала в истерике Диана, набрасываясь на демона.

Но тот схватив её за руки, спокойно глядя в искаженное гримасой боли и отчаяния лицо, и сказал:

— Мы уже близко. Скоро для тебя всё кончится...

Как безвольную тряпичную куклу демон затащил Диану под своды церкви.

Витражи, вспыхивая молнией, выхватывали из мрака чудовищ, рыскавших по сторонам. Церковь превратилась в череп какого-то безумца, переживающего очередной кошмар. У алтаря всё кончилось — демон рассёк ножом чрево Дианы и мир услышал плач новорождённого.

04.10.2008

Ожидание

Произведение из пяти сцен.

Creiven

Сцена 1

Ночь. Кладбище.

Радберт: Старик, зачем ты приходишь сюда, чуть не каждую ночь собирая могильные травы, и будто не замечая призраков, наблюдающих за тобой. Или ты не знаешь какая дурная молва ходит о доме на холме?

Отшельник: Нет, я не боюсь вас, насильников ночи. Я достаточно стар и слеп, чтоб видеть в вас людей, а не демонов.

Радберт: Да, мы и за гробом остались людьми. Я, Тодмурк и Лилиан, что белой бабочкой промелькнула в ночи, не испугав тебя вовсе. Мы много страдали в жизни, и потому ценим покой и счастье быть вместе. Мы это всё, что есть у нас. И потому я прошу тебя не приходить сюда больше, и обещать, что никогда никому не расскажешь о нас — по твоему следу могут прийти другие.

Отшельник: Обещаю тебе это. Но я хочу, чтоб ты сказал мне, что нас ждёт после смерти. Я очень стар и скоро сойду в могилу, но перед этим хочу быть готовым.

Радберт: *(устало вздохнув)* Спектакль заканчивается, но актёры продолжают играть в пустом зале. У каждого своя посмертная судьба, старик. Но бывает иначе.

Сцена 2

Радберт пошёл в противоположную кладбища сторону и увидел Лилиан, плетущую венок из сухих стеблей.

Лилиан: Ты прогнал его?

Радберт: Да. Что ты делаешь, Лилиан?

Лилиан: Разве не видишь — плету венок.

Радберт: А где Тодмурк?

Лилиан: В доме.

Радберт: Он начал бы сильно ревновать, увидев нас вместе. Он считает, что мы любовники.

Лилиан: А ты хотел бы чтобы мы ими были?

Радберт: *(невесело улыбнувшись)* Ты ведь знаешь, что это невозможно...

Лилиан: Но почему? Наши тела остались прежними. Мы такие же как прежде.

Радберт: Я люблю тебя как сестру.

Лилиан надевает на голову Радберта венок.

Лилиан: Святой Радберт, этот венок создан точно для тебя.

Лилиан уходит. Радберт снимает венок.

Радберт: Лилиан — белой лилии невинности цвет. Хрупка, пуглива и нежна. Цветок, сорванный смертью так рано. Какой чуждый ветер заставляет трепетать тебя... Я будто хочу заклясть безумие, говоря эти слова, все эти слова...

Радберт уходит. На траве в тени лежит брошенный венок.

Сцена 3

Спальня Лилиан. Лилиан лежит на постели, у изголовья которой сидит Радберт.

Лилиан: Расскажи, как мы умерли?

Радберт: Нас убили в туннеле. Я пытался защитить тебя, но не смог. Умирая я видел, как они истязают тебя, слышал как ты кричала... Потом появился Годмурк, который пытался отбить тебя у них...

Лилиан: Я понимаю что причиняю тебе боль... Прости меня. Я думаю, почему мы оказались здесь. Потому что умерли почти одновременно, или ещё потому, что наша смерть была мучительна? Недавно я случайно обнаружила имена, вырезанные на дереве — Элоиза и Валентайн. Это имена детей. Наверное, это имена брата и его сестры.

Радберт: Почему ты так думаешь?

Лилиан: Потому что имена были вырезаны на стволе дерева так низко, что мне пришлось наклониться чтобы разобрать их. Только ребёнок лет шести мог сделать эти надписи. И ещё такой слабый нажим ножа... Девочка тоже пробовала писать, но у неё толком ничего не вышло. Представь только что должны были чувствовать эти дети, оставшиеся здесь совсем одни. И эта последняя надпись Валентайна — «Валентайн мертв» — выполненная с хладнокровием обречённого.

Радберт: Так значит, всё это время тебя мучили мысли об этих детях? Но многое в твои словах домыслы. Откуда ты знаешь, что чувствовал Валентайн, вырезая надпись.

Лилиан: Достаточно видеть как она написана.

Сцена 4

Лилиан с Радбертом гуляют по кладбищу.

Лилиан: О чем ты думаешь?..

Радберт: *(помедлив)* Я думаю о тех, кто был здесь до нас. И куда они ушли. Раньше я надеялся, что мы можем быть счастливы, живя здесь вечно. Но приходит мо-

мент, когда ты не можешь больше жить тем, чем жил всё это время. И тогда приходит ожидание. Я думаю, это конечное состояние, уводящее души от сюда. Я упустил тебя, забросил Тодмурка. Я пытался поговорить с ним, но он совсем замкнулся в себе. И он ждёт.

Позади зашелестел кустарник, из-за которого вышел Тодмурк, бледный, и будто парализованный страхом.

Радберг: Что случилось, Тодмурк?

Тодмурк: Я нашёл наши могилы.

Лилиан: Что! Этого не может быть!

Радберг: Где ты их нашёл?

Тодмурк: У опушки леса, когда собирал хворост.

Тодмурк отвёл их к могилам.

Лилиан: Наши имена, даты. Как это возможно?

Радберг: Возможно это кладбище всех тех, кто попал сюда.

Лилиан: Тогда мы, наверное, сможем отыскать могилы Элоизы и Валентайна.

Они принялись искать, и вскоре нашли могилы Элоизы и Валентайна.

Лилиан: Посмотри на даты — они были совсем ещё детьми.

Сцена 5

Сильный дождь. Лилиан роет руками свою могилу. Она добирается до дощатой крышки гроба и начинает отрывать куски деревянной трухи. Там она видит свой безобразный труп.

Лилиан: *(рыдая)* Это я! Настоящая! В этом гробу... Что ты сделал со мной! Где моя красота... В этом гробу... Это я! Настоящая... Это я!..

Тодмурк и Радберт подняли рыдающую, обессиленную Лилиан и проводили в дом.

Радберт, Лилиан и Тодмурк сидят в гостиной на бордовых креслах, глядя на пламя камина. Ветер из самого большого окна дома проник в комнату. Тодмурк зажигает факел от огня камина и затем все они идут в то крыло дома, откуда доносится ветер.

Радберт, Лилиан и Тодмурк входят в комнату, и в проёме огромного квадратного окна видят пасть воронки из ветра.

07.10.2008

Мертвый. Enter-Exit

Это мой сжатый до рамок рассказа роман. Думаю, он выдерживает смысловую и прочую нагрузку.

Creiven

— ...Да, бесспорно, они существуют... в каком-то смысле... «Существуют в каком-то смысле» — идиотизм.

— Так в каком смысле они существуют? — гнул свое Смайл... И так снова и снова, до тошноты...

Среди ночи я проснулся, вспомнил тошнотворный сон и подошёл к окну... Я вдохнул бодрящий морозный воздух, вымывший из моего мозга муторный бред и затем снова вернулся мыслями к работе, моей триклятой работе. Итак. Никто из яйцеголовых ничего не доказал. Существуют «мёртвый народ» или нет — вопрос, о который можно биться башкой вечность. Если, конечно, метафизиков не отучить от привычки строить эпистемологический мостик к практике... Какого чёрта стоять перед входом и думать что-ж там такое, когда можно просто войти...

Зазвонил телефон. Вкрадчивый голосок в трубке извещил о сбытии моей мечты — философы сдались... Наконец-то! Через минуту я был уже в институте.

— Примите эти отчёты, — стряхивая пыль тыльной стороной грибоподобной кисти сказал Гносиус,

— Да, конечно, я трепетно возьму, это ваше дерьмо... и передайте... нет, не нужно. Я Гадесу всё сам скажу.

* * *

— Итак, господа!.. Давайте, сперва отчистим доску... Вот так. Там в углу ещё остался фрагмент формулы... Теперь всё. Итак, давайте построим модель входа-выхода,

откуда являются мертвяки. И затем введём инъекцию, содержащую в химических формулах эту модель, в мозг, — я начал чертить свою формулу с еле сдерживаемым ликованием.

Наконец-то после долгих безуспешных уговоров, после всех этих хождений по гнусно разветвляющимся бюрократическим лабиринтам, я добился своего.

* * *

Гадес протянул мне лицензию, перегнувшись через стол со странной улыбкой:

— Подопытным будете, конечно же, вы, — сказал он.

— Разумеется, — согласился я, пряча лицензию в карман пиджака.

— Желаю удачи, — с той же малоприятной улыбкой напутствовал Гадес.

* * *

Меня запеленали как мумию на столе в лаборатории. Я не мог шевельнуть даже пальцем. И свет лампочки на потолке заставлял меня мучительно жмуриться. Вокруг меня сновали невидимые халаты, готовя меня к «поездке», и мне казалось что время движется мучительно долго. Наконец я почувствовал слабый укол в руку, и затем как снотворная инъекция горячо струится по вене. Я уснул.

Я проснулся «другой ночью» на поляне. Я встал и пошёл вперёд, в сторону мерцающего света, без всякого страха, не думая на тот момент ни о чём. Мигающий фонарь освещал вход в шахту. Я вошел в «загробье» (как прозвали эту часть мироздания находчивые студенты). Я шёл вперёд в гудящем мраке туннеля. Мне стало страшно. Вокруг меня был страх, слепой ужас перед небытием, которое было готово проглотить меня. Мое сердце лихо-

рабочно билось заведённой бомбой, готовой взорваться...

Впереди я увидел свет, цедающийся сквозь щели досок, которыми был заколочен путь к выходу. Я набросился на них, рвя доски в клочья, как сети паутины, желая вырваться отсюда... Свет залил всё. Я лихорадочно дышал не в силах шевельнуться, вокруг меня доносились громкие голоса. Обезумевший, я не понимал где нахожусь. Затем свет стал медленно меркнуть, и я снова провалился во тьму.

Когда я очнулся, ночью, то увидел помещение лаборатории. Никого не было. И мне стало не по себе.

Путы больше не связывали меня, так что мне ничего не помешало подойти к окну. Из окна я увидел огромную толпу, глядящую на меня. Я увидел лицо Гадеса, улыбающегося мне, и лица многих других, кого знал я... Я — единственный живой человек!

08.10.2008

Элизабет Дан

«Бессознательная фантазия осознаётся таковой только после выхода из неё», — С. Айзакс.

Creiven

Элизабет выбросилась из окна. В тот день был дождь, и умирающая Элизабет видела высокого человека в плаще, стоящего в стене дождя и наблюдающего за ней.

— Что? Скажи? — допытывался у Элизабет взволнованный врач. — Скажи, мое дитя... — врач сжал её холодную, умирающую руку.

— Он уходит... я должна... ска... — Элизабет обмякла и уронила головку на грудь врача.

Доктору показалось что на него кто-то смотрит со стороны сада. Но за сплошной стеной дождя никого, конечно, не было.

На могиле Элизабет нашли музыкальную шкатулку с вращающейся балериной. Эту вещь никто из близких Элизабет не узнал. Но все были ошеломлены, узнав в механической музыке творение Элизабет. Будто душа Элизабет вернулась в этой музыкальной шкатулке неким прощальным подарком. Как таинственны и странны были эти аккорды, доносившиеся будто из-за глухой стены смерти... Где-то скрыта тайна, невидимая, как тот человек за стеной дождя. Что происходит? Все вдруг поняли, что никогда не знали Элизабет. Не призраком ли была Элизабет и столь же призрачной её смерть? Как пробуждение даёт осознать иллюзорность сна, так и смерть Элизабет привела всех к поразительной догадке что Элизабет не было никогда... А был лишь некий призрак, ставший таковым в сознании людей, когда этот призрак симитировал смерть.

Никакой Элизабет никогда не было...

Шкатулка играла музыку, которую её близкие слышали во сне.

Быть может, однажды во сне кто-нибудь откроет дверь в комнату, откуда доносится музыка, и Элизабет отвернётся от партитуры, и улыбнется нам прежней, светлой улыбкой...

13.10.2008

Арлекин, собака и веер

Без описания.

Creiven

Арлекин в красной маске сиротливо стоял у бордовой стены отстранённо наблюдая за карнавальным безумием, наводнившим главную площадь города. Двое ряженных со смехом промелькнули возле немотствующего арлекина. Никогда Монс не чувствовал себя таким отчуждённым и призрачным. И будто не маска была на его лице, а решетка тюремной камеры. Оболочка арлекина была исполнена горького сарказма и мазохистской самоиронией — повеситься в костюме шута может быть слишком патетично, но Монс, который не находил, как ему казалось, своего отражения ни в ком, скалился лишь самому себе: он сам был экзекутором, изливавшим всю свою злость за собственную ущербность на себя.

Монс пошёл вперед сквозь пёструю толпу. В его памяти возник тёмный тупик с фонарным столбом, на котором он повесится. Всеобщее ликование подталкивало Шута к заветному тупику. Он очень спешил, потому что хотел поскорее избавиться от всего. Шум всеобщей эйфории, дьяволы, изрыгающие огонь, ловкие черти, катающиеся на одном колесе, умудряющиеся в то же время подбрасывать высоко, в ночь, сразу несколько факелов, уродливые хари, попадающиеся на каждом шагу, — вся эта фантазмагоричность растворяла в иллюзорности весь мир, предваряя чёрный зев небытия.

Монс шёл уже тускнеющими переулками, — всё реже попадались ряженные, запрудившие площадь почти до конца.

Вот и тот коридор между стенами домов с тёмными окнами, ведущий напрямик к тупику. Монс запрокинул голову глядя на чернеющий на фоне звездного неба фо-

нарный желоб, одновременно вытаскивая из-за пазухи веревку. Но вдруг во мраке чья-то тень метнулась мимо него, прошуршав кринолином... Монс посмотрел в сторону входа, в коридор, куда только могла побежать вспугнутая им дама. Но в противоположном тупику светлом проеме не оказалось ничего.

Рядом, снизу у стены, раздался хрип. Монс нагнулся. Всё же можно было распознать в сумраке мужчину, сидевшего у стены... Наверно он был опоен опиумом и ограблен проституткой, которую Монс вспугнул.

Человек у стены что-то прошептал.

— Что? Что вы говорите? — спросил Монс.

— Вампиры...

Монс растерялся, не зная как поступить. В голове у него роились противоречивые мысли. Монс робко прикоснулся к плечу смолкшего человека. Тот никак не отреагировал...

— Вы слышите меня? — Монс легонько потряс человека за плечо.

Человек был мёртв, или находился в глубоком дурмане. Вампиры... Монс забыл о своем намерении, поглощенный мыслями о необычности только что случившегося. «Отдает литературностью», — подумал Монс. Вот человек решил повесится, как оказался втянут в историю, разумеется, гипотетическую. Вряд ли история выйдет хотя бы за порог проулка.

Этот эффект с вампирами показался жалкой пародией на Гофмана, чьи герои, спасаясь от обыденности вдруг отворяют среди бела дня, потаенную дверь в чудо. Монс был уверен в вампиров опия или во всяком случае в более прозаическую причину их упоминания. Но Монс уцепился за это происшествие, ведь самоубийство куда не ушло, терпеливо ожидая его возвращения. Уходя отсюда Монс почувствовал, что наступил на что-то. Это что-то оказалось лакированным узким предметом в дли-

ну ладони, с затейливой гравировкой, которую осязали пальцы.

Выбравшись снова на освещённые улицы в костюме шута (забыв об этом обстоятельстве своей внешности) Монс, поглощенный размышлениями, шёл не выбирая дороги. Наконец он вспомнил что непонятный предмет теперь можно рассмотреть под светом уличных фонарей. Достав предмет из-под лоскутной кожи Монс теперь увидел, что это складной дамский веер.

Раскрыв веер Монс нашёл его очень похожим на золотистый серп луны. Дерево, инкрустированное слоновой костью, дорогая золотистая материя, по которой словно артерии расходились серебряные нити — всё это могло принадлежать только весьма состоятельной даме.

Каким образом могла исчезнуть женщина, которую Монс вспугнул в тупике? Словно и вправду вампир растворился в полумраке. И этот странный веер, исполненный столь многих символических значений, который женщина в спешке обронила, добавлял мистицизма в это странное происшествие. Монс вспомнил чью-то стихотворную строчку: «...Одним взмахом крыла далеко оставить эти края». И вспомнив, изумленно возрился на веер, удивляясь своей фантастической догадке и одновременно тому, что он воспринимает её всерьёз. Взмахом веера исчезнуть? Чего проще. Монс взмахнул веером и оказался в незнакомом безлюдном городе. Ветры выли нестерпимо.

Горд был заброшен, казалось, тысячу лет. Но был он наверняка обитаем всякой нежитью. Ведь именно сюда бежал вампир — то, что это был все-таки вампир Монс не сомневался. «В крайнем случае я всегда могу вернуться обратно, стоит только взмахнуть веером, — подумал Монс, — но пока мне ничего не угрожает, я могу обследовать город». Монс шёл по мрачным ночным переулкам, освещаемым огромной луной. Вдруг из-за угла вы-

бежала, рыча, чёрная косматая собака и подбежала к Монсу, который хотел было использовать веер, как вдруг остолбенел от ужаса и удивления. Собака была с человеческим лицом, глумливым и злым.

— Шут? — удивилось собакоподобное. — Я понимаю хтонический символ, спускающийся в никею. Ну да всё ладненько.

Больше чем вид твари Монса поразило то, что она изъясняется как рафинированный французский интеллектуал.

— Я так и быть, стану твоим гидом. А то знаешь — здесь не любят шутов.

Монс и собакоподобная тварь шли по пустым проулкам, где стонал ветер изо всех щелей.

— Слушай, шут, откуда у тебя этот веер?

— Подарок.

— Вампиры не делают такие подарки своим шутам. В особенности Арестия.

— Ты знаешь её?

— А ты как будто бы да... — саркастично фыркнула тварь.

— Мне кажется ты здесь не на вершине социальной лестницы. Так?

— Что ты хочешь этим сказать?! — огрызнулась тварь.

— А то, что тебе не на пользу склочничать с гостями вампиров. Они ведь у вас аристократия.

— Аристократия... тоже мне... я философ и мне не нужны все эти фижмы и рюши, — презрительно фыркнула тварь.

— Но выслужится то хочешь.

Тварь злобно посмотрела на Монса, но ни чего ни сказала.

— Ты ведь сожрать меня хотел философ, верно? Это из-за веера ты проглотил слюну.

— Да, верно. Пора бы подкрепится, — сказала тварь. — Пойдем со мной, оставаться одному не безопасно.

Тварь побежала направо, и Монс за нею — в туман. В тумане среди крестов и аллегорических надгробий Монс шёл изумлённым красным шутом, будто попавшим с бала Вато в сумеречный край Доре I.

— Ты удивлен? — спросила тварь.

— Да, у нас тоже есть кладбище, но мы здесь никогда никого не хороним. Это изнанка твоего мира.

— Что «мы» здесь делаем? — спросил Монс.

— «Мы» здесь питаемся.

— Но ты же сказал, что здесь никого не хоронят? Значит ты питаешься не тем, о чём я подумал.

— Нет, именно этим. Отсюда копаем норы и пролазим в ваш мир. Можно уютно и без помех съесть в гробу покойника. Или выйти на свет божий и полакомится свеженьким. Люди приписывают убийства одичалым голодным собакам — отчасти это верно.

Тварь принялась рыть передними лапами нору у надгробия. Вскоре она зашла под землю целиком и пропала.

— Эй, где ты там? — забеспокоился Монс.

Ему не хотелось оставаться здесь одному. Монс заметил позади огромную фигуру какого-то великана, медленно и беззвучно шедшего в тумане. Страх пересилил отвращение и Монс заполз в нору.

Выйдя из-под земли рядом с верхним надгробием, Монс стряхнул с себя комья земли и огляделся вокруг. Был пасмурный, туманный день его родного мира, в который Монс решил вернуться обратно. Назад в реальный мир.

— Вот и всё — облизнув окровавленный рот улыбнулась собакаподобная тварь, выбежав из-за надгробия. — А ты что, собрался уйти? — спросила тварь.

— Да, — ответил Монс.

— Ха, ты неможешь, — сказала тварь.

— Почему?

— А ты верно забыл как скверно тебе было. Одиночество, отчуждение, желание умереть...

— Откуда ты знаешь? — изумился Монс.

— Я твоё создание. Ты зачал меня своей болью и кормил меня ею. Я рос и мне хотелось больше... Такие как мы, вырастая, начинаем преследовать добычу, загоняя в ловушку. И мне почти удалось. Если бы не эта шлюха... Да. Сдохнув, ты бы дал мне полное бытие, и я присоединился бы к своим воплотившимся полностью собратьям, убившем своих носителей... Но ничего, у меня ещё есть планы на твой счет. Там, в низу, — собакоподобная тварь преградила путь Монсу. — Залазь обратно, — злобно приказала она, — а не то я выпущу твои кишки...

— Нет.

— Нет?! — выкрикнула тварь. — Последний раз говорю — залазь в нору! — угрожающе наступая процедила сквозь зубы тварь.

Монс попятился назад и упёрся спиной в надгробие. Он огляделся по сторонам и увидел ржавый лом, валявшийся на траве. Монс бросился туда, но собака догнала и вцепившись в ногу повалила его на землю. Она фыркала и рычала, пытаясь добраться до горла Монса, который всеми силами сдерживал её. Наконец, Монс начал сдавать и тогда закричал:

— Хорошо! Хорошо, я согласен! — собака спрыгнула с груди.

— Молодец. Вот это умный мальчик, — тяжело дыша сказала тварь.

— Я пойду с тобой, — сказал, поднимаясь Монс. — Но скажи, кто была та женщина в тупике?

— Твоим хранителем, чёрт её подери, — ответила тварь.

— И что, мой хранитель живет в преисподней?

— Нет конечно. Веер подарен тебе чтоб ты встретился с тем, кто преследует тебя. То есть со мной.

— Зачем?

— Хватит вопросов. Теперь лезь... — тварь выжидательно смотрела на него.

Монс ловко поднял с земли лом. Тварь удивлённо воззрилась на него. Её одурачили и теперь она не бесспорный фаворит.

Пока Монс задавал вопросы, он как будто невзначай отходил к месту, где прежде заметил лом.

Вконец рассвирепевшая псина бросилась на Монса. Он парировал ломом её выпад, отбросив её в сторону.

Монс, не дав ей успеть оправиться от удара, размозжил ей голову.

Монс покинул кладбище. Он по-прежнему был в костюме шута когда шёл по незнакомому городу, удивляя своим видом прохожих, и более всего себя — он впервые чувствовал себя победителем.

14.10.2008

Выжить

Про трёх подруг и их невероятные приключения.

Элиза

Я достала рацию.

— Лена! — услышали мой голос все обитатели дома.

— Что! — произнес сонный голос по рации.

На экранчике высветилось: «3 этаж. Равнина. Заснула на апельсиновом дереве, читая книгу „Настольная книга для девочек“. Её сон охраняет спящая бенгальская тигрица Дина на том же дереве. Апельсинов на дереве осталось 128 из 170».

— Лена, а ну быстро дуй на второй этаж!

— Второй этаж, это где?

— В джунглях. Тут ещё неделю будут идти дожди, так что надень резиновые сапоги и перчатки.

— А перчатки зачем?

— Увидишь. Лети на крыльях.

Через два часа ко мне на полной скорости прилетела Лена.

— Ну? — спросила она.

— Какое завтра число? — спросила я.

— Первое, а что?

— А месяц?

— Апрель, — с совершенно тупым выражением лица сказала Лена.

— А что у нас бывает Первого апреля?

— Первого апреля в доме семьи Де Ригейра бывает великий Загул, в котором принимают участие все обитатели дома. Во время великого Загула бродить по дому крайне опасно — ведь тебе на голову могут упасть как вёдра с водой, так и вёдра с сушёными комарами и законсервированными дохлыми равликами. Приготовление к Первому апреля за день до него проводят Элизабет

Де Ригейра, Элисон Де Ригейра и те, кого они выберут к себе в помощники. И главное — остерегайтесь бродить по дому Первого апреля, ведь вас ждут не только вёдра! В 2008 году был такой случай, что сёстры Де Ригейра отправили дом в джунгли, а сами улетели на неделю по своим делам, хотя знали, что никто кроме них не умеет управлять домом. Но не бойтесь — с голодухи никто не помер, ведь в доме растут всевозможные растения, а на пятом этаже, в специальной комнате хранятся годовые запасы магазинного мяса, ведь сёстры не разрешают пускать на мясо собственных животных, хотя в доме имеются все земные виды живности. Сёстры разрешают убивать лишь съедобных насекомых, которых разводят в специальных...

Если б я Лену не остановила, то она, наверное, процитировала бы мне на память весь недавно заученный «Кодекс правил в доме семьи Де Ригейра».

— Ну, Лена? Будешь с нами пакости подстраивать?

— Здрате! Конечно, буду! Я ведь ещё никогда не делала этого!

— Значит так. Насыплешь пока во все бассейны «Щекотки», а потом отнесёшь в джунгли всех змей, и обеспечишь чтоб они не сбежали. Активизируешь «Темноту» во всех комнатах до завтра. Я тебя отведу в пункт управления. Там сидит Эля. Она тебе покажет, что нажимать. Там же узнаешь расположение всех змей. Но отлавливать их придётся руками. Главное — не бойся — они не кусаются.

— А зачем ты мне сказала перчатки надеть?

— А змей ты что, голыми руками ловить собираешься? — ответила вопросом на вопрос я.

— А-а! — протянула Лена.

— Бэ. Бегом в пункт управления!

— Бегу!

— Беги.

Наконец-то я вздохнула спокойно... И тут же вздохнула тяжело. Надо было готовиться к празднику.

Через час я прилетела на своих скоростных крыльях в пункт управления. Эля отчаянно ругалась на Лену, которая упрямо жала не на ту кнопку и во всём доме было слышно, как Земфира поёт песню «До свиданья». Песня переключилась.

«Да ты не такой как все, и не любишь дискотеки. Я не буду тебя спасать, догонять, вспоминать, целовать. Меньше всего нужны мне твои comeback'и...» — запела Земфира.

Я снова вздохнула и сказала:

— Горе мне с вами. Давайте уже сама всё сделаю.

Через час всё было готово. «Щекотка» присутствовала во всех бассейнах в количестве 2 мг на 100 мл. Такой дозы хватило-б, чтоб слониха Нина, попав в бассейн, затрубила на три этажа, а учитывая размер дома — это очень много.

Шлюзы с дымом «Темнота» откроются в пять утра во всех уголках дома. Я решила активизировать «Темноту» в пять утра потому, что дедушка Петя и кухарка Лера встают пораньше, чтоб приготовить завтрак и подготовить беговую дорожку в саду к утреннему оздоровительному бегу.

Также мы придумали много новых гадостей и активизировали их на завтра.

А ещё мы решили повторить подвиг 2008 года. Только полетим мы не в джунгли, как в прошлый раз, а в африканскую пустыню Сахару. А сами будем жить в оазисе Аиль-Тар.

Никто из обитателей дома не знает, как управлять летающим домом, так что в пустыне они пробудут около месяца.

* * *

И вот настало утро Первого апреля. Дом уже стоял на пустынных равнинах Сахары, а мы с Леной и Элей преспокойно себе загорали возле воды в оазисе Аиль-Тар.

Вскоре нам надоело загорать, и мы пошли в небольшое поселение рядом с водой.

Мы с Элей — королевы мира. Но мы не можем постоянно за всеми следить.

Население Аиль-Тар встретило нас довольно радостно. Даже Лену не обделили. Мы сняли комнату-люкс в шикарнейшей гостинице городка и провели остаток дня путешествуя по Сахаре на крыльях.

Мы слетали к дому. У ворот стояла служанка Оля, которая собралась сходить в магазин. Одними губами она прошептала «2008 год» и удалилась восвояси. Мы с девочками согнулись от несдерживаемого смеха.

* * *

На следующее утро к нам в номер зашла президент Аиль-Тар — Амелия Бродершнивт-Грошатати.

— Миледи, я приготовила вам подарок, — сделала она реверанс нам с Элей. — Это прекраснейший Камень Философов. Он переносит в прошлое любую вещь. Стоит вам только подумать про тот год, в который вы хотели-б перенестись, держа Камень на вытянутой левой руке, так вы сразу же окажетесь там. Но этот Камень Философов хранит некую тайну, которую знают лишь философы, которые его создавали. Философов этих вы найдете в Кхорад-Нуре, Жураг-Наре, Белльвью и Замке Штерненталь, что южнее Замка Ворона. Держите карту.

Я посмотрела на карту и не поверила своим глазам. От нашего мира остался лишь гостиничный номер, да

и то он исчезнет, когда мы из него выйдем. Мы оказались в игре. В игре, из которой нельзя выбраться просто так. В игре, в которой нас ждёт море опасностей. В игре Sacred.

Мы не в Сахаре. Мы не в Африке. Мы в игре. И единственный путь отсюда выбраться — идти к Кхорад-Нуру, к дракону, к философу.

Я передала карту Эле. Ужас был отчётливо виден на её лице. Она сказала:

— А как же дом, как же...

Не было необходимости передавать карту Лене.

Хорошо, что мы с Элей играли в Sacred. А то нам бы было вообще плохо.

В момент всеобщего горя я заметила на себе татуировку «23». Я сразу поняла, что это обозначает. Я двадцать третьего уровня. Теперь не страшно, они тут все девятнадцатого.

Я пошарила у себя в карманах. У меня было 56 973 монеты наличкой. Кредиток вообще не было — они превратились в мечи стоимостью 999 999 — ровно столько, сколько у меня было на кредитках. Да-а, ну и денёк сегодня!

Наши дорожные сумки превратились в большие рюкзаки.

И тут я заметила, что золото так и хочет порвать мне все карманы.

Я переложила деньги в специальный карман в рюкзаке и подняла его. Рюкзак оказался лёгким.

Я вытащила мечи. Они весили столько же, сколько игрушечные сабельки моего брата.

— Пошли, девочки, — сказала я. — Нам тут больше нечего делать. Вытягивайте ваши мечи.

Лена попробовала удивиться, но у неё не вышло.

Все вытянули мечи и последовали за мной.

Я хорошо знала этот оазис и сразу подошла к человеку в фиолетовом балахоне, чтобы повыситься у него до сорок второго уровня.

Через десять минут все были на нужном уровне.

Мы вышли за ворота. Там на нас напала целая орда орков и огров. На сорок втором уровне мы достаточно быстро с ними справились.

Вскоре добрались до Кхорад-Нура. Стражник сказал нам убить дракона.

Мы смело отправились в указанное место.

Дракон оказался нашего уровня. Бились мы с ним битых три часа.

Затем подошли к воротам Кхорад-Нура и показали стражнику чешуйку с тела дракона.

Разыскать Философа оказалось нетрудно. У него был трёхэтажный дом, возвышающийся над всеми одноэтажными домиками.

Как победительниц драконов, нас пустили вовнутрь. Философ был в столовой.

— Э-э... — замялась я.

— Сэр Малколм Пятьсот Шестидесятый в благородном роду Зибенайлююшных рыцарей Свиного хвостика. Единственный в роду философ и создатель, точнее один из создателей, Камня Философов. Дама сердца — благородная Марианна, принцесса Замка Ворона, дочь барона де Мордрея, — пришёл на помощь философ.

— Благородный Свиной Хвостик философского рода создателей философского камня, сын барона де Мордрея пятьсот шестидесятый, единственный в роду рыцарь, мадама сердца сэра Малкольма, дочка кроля Марианна...

— Идиотка! — закричал Малколм. — Убирайся из моего дома! И друзей своих тупых забирай! И запомни, что я не Свиной хвостик, а сэр Малколм!

* * *

— Ну вот, — сказала Лена когда мы вышли из дворца. — Что ты наделала. Теперь нам в Штерненталь пить придётся.

* * *

Через месяц мы добрались до замка Штерненталь, и там же узнали что для того, чтобы найти философа, надо спуститься в пещеру.

Вскоре мы нашли указанную пещеру и спустились в неё. Но через сто метров наткнулись на новую проблему — впереди было разветвление.

— Да-а! — сказала я. — Придётся разделиться.

— Но Элиза! Так ведь нельзя! — закричала Эля. — Мы должны действовать вместе!

— А ты можешь ещё что-то предложить? — парировала я.

В итоге, всем пришлось смириться с этим неизбежным фактом. Мы разделились. Теперь я буду рассказывать про каждого из нас по отдельности.

* * *

Лена пошла по своему проходу. Внезапно, она услышала чьё-то хриплое дыхание, и ужасающая тень показалась из-за угла. Она была похожа на гибрида дракона и сумасшедшей курицы в полосочку.

Лена кинулась бежать.

Она ощущала всем своим телом дыхание смерти.

Отсыревшие стены как будто говорили ей: «Остановись, Лена. Остановись! Тебя уже ничего не спасёт».

Она бежала, она убегала от неизбежного.

Но все её силы кончились. Лена упала на каменный пол пещеры. Она билась в конвульсиях.

Гибрид уже близко. Вот он уже показался из-за стены. Гибриду достаточно сделать ещё шаг, чтоб раздавить Лену.

Монстр приготовился к прыжку. Прыгнул, но промахнулся.

Этого времени хватило, чтоб у Лены открылось второе дыхание. Она побежала. Но природа наделила Гибрида большей скоростью. Монстр догнал девушку. Провал в чёрную пропасть и много разноцветных кружочков — это всё, что она помнит...

18.10.2008

Хроник

Бред.

resonoid

15:30

Как надоели эти дурацкие сны. Каждую ночь какие-то плагины из Winamp'a. Так, пора подниматься. Всё-таки работа ночным сторожем имеет своё преимущество — очень удобный график. Сутки дежуришь, двое дома.

15:36

Умыться, побриться... Ёлы-палы, я же сегодня к Юльке в гости напросился! Два дня назад в 21:32 увидел её в клубе «Айсберг», куда меня затащил Гарик — закадычный друг, заядлый тусовщик и прожигатель жизни. Сам-то я большого скопления народа не люблю, по мне лучше сидеть на кухне с кружкой пива и душевными разговорами.

За барной стойкой сидела девушка моей мечты. Задумчиво накручивая чёрный локон на палец, она смотрела в сторону танцпола. Лицо выражало безмерную скуку, а полные чувственные губы напевали какую-то, одной ей слышную, мелодию. Нога безупречной формы в чёрном чулке покачивалась в такт ревушей музыке. Вроде бы ничего особенного, но вот глаза... Они жили какой-то своей жизнью. Цветные вспышки цвета казалось, не тонули в их золотистой светло-карей глубине, а разгорались ещё сильнее. Это были не глаза покорной жертвы, передо мной была хищница, причём судя по их размеру из семейства кошачьих.

Где-то в области сердца у меня сладко заныло, и я понял что влюбился. Мой закадычный друг мигом просветил, что она живёт одна, неприступна, как крепость

и что её благосклонности давно добивается Серега Рыжий — местный криминальный авторитет — поэтому держаться от этой красавицы нужно подальше. Меня, прошедшего огонь, воду, армию и «психушку», это не остановило. Целый вечер я вился вокруг Юльки ужом, блистал умом, засыпал анекдотами, пока у дверей Юлькиного подъезда не добился своего — приглашения в гости, хотя было и надувание губ и сомнения в моей платёжеспособности.

15:39

Ну и рожа в зеркале! В очках хоть на человека похож. Как говорит друг Гарик: «Хрон, без очков ты похож на изумлённого крота-переростка, впервые увидевшего солнце». Хорошо ни ростом, ни внешностью не обделён, спасибо маме с папой.

15:40

Ненавижу бриться!

15:47

Так, что у нас в холодильнике? О, оказывается, вчера маманя заходила. К постоянным жителям — банкам пива — прибавилось большое количество продуктов.

15:48

Надо купить электрический чайник, а то пока этот пузатый никелированный аппарат вскипит, с ума можно сойти.

15:50

Ну, наконец, я попью кофе. А погода сегодня отличная, солнце светит в окно, птицы щебечут. Где моя люби-

мая чашка? Теперь кипяток... Солнце блеснуло на чайнике...

ВСПЫШКА...

Все предметы вокруг были размытыми и тусклыми. Окружающие меня звуки были слышны, как из зажеванного плёнку магнитофона. Над столом висела, а точнее зависла муха. Моя рука, потянувшаяся её смахнуть, двигалась неестественно и порывисто, будто кто-то включил стробоскоп. Лицо, отражающееся в чайнике, выглядело как размытое пятно. Но что самое интересное — скованности в теле я не было — только дыхание было частым, да в голове лёгкий шум.

16:20

Опять... Да, парень, с головой ты не дружишь! Кофе уже холодный. Может к врачу сходить? Достали уже эти отключки! Только что же воду в чашку наливал и уже остыло!

18:34

Что бы одеть? Перед Юлькой хочется предстать во всей красе. Благо выбрать было из чего. Спасибо маме с папой. Они чувствовали вину за то, что случилось с сунулей, и теперь всячески ему угождали. Мать до сих пор корит отца за то, что тот отправил их кровинушку отдавать долг Родине, ведь была возможность «отмазать».

Отец не успокоился в своих стремлениях сделать из меня «настоящего мужика» (господи какое словосочетание, пахнет портянками и немытым телом). Поэтому и работаю сейчас сторожем, узнаю, как зарабатываются деньги. Это не мешает мне иметь отдельную квартиру, значительную сумму карманных денег и приличный гар-

дероб. Конечно, мечтал я и о машине, но это был лишь вопрос времени. Отец на фирме давно держит для меня место, осталось только дожидаться, когда закончится моя «трудотерапия».

18:38

Телефонный звонок.

— Алло, — сказал я в трубку немного раздраженным голосом, ведь меня оторвали от такого «важного» дела.

— Сынок, проснулся? — услышал я из трубки заботливый голос матери, которая до сих пор видит меня худеньким маленьким мальчиком.

— Да, мам, уже давно, — честно говоря надоела уже эта чрезмерная опека.

— Ну, ты же любишь поспать.

«Я много чего люблю, особенно когда со мной не сюсюкаются», — захотелось сказать в ответ.

— Но не до такой же степени, мам! — но помню, однажды дрых двадцать два часа — личный рекорд!

— Сынок, я что звоню, сходи к бабуле, проведай, — ну началось в колхозе утро...

— Мам, а завтра нельзя? Мне сегодня некогда!

— Ну, ты же знаешь нашу бабушку. Если чего захотела — вынь, да положи!

Да, бабулю я свою знал, и знал, что мне предстоит. Очередная нравственная проповедь плюс рассказ о прелестях развитого социализма. А мне ведь надо к восьми успеть к Юльке.

— Ладно, мам, только я ненадолго заскочу, — снисходительно подытожил я.

— Вот и молодец! Пока. Целую, — обрадовалась мать.

— Пока, — надеюсь больше ничего срочного не предвидится.

18:40

Так, времени в обрез. Ещё надо успеть купить цветы, вино, конфеты и фрукты (не идти же в гости с пустыми руками) и заскочить к бабуле. Думать уже некогда, надену чёрные джинсы и шёлковую рубашку того-же цвета. Секунду постоял перед зеркалом, оценивая свой вид. Он был просто демоническим, учитывая блеск зелёных глаз из-под бровей, видный даже за линзами очков.

18:57

И куда делись все такси? Что за день сегодня такой! То руку поднимешь почесаться — десяток останавливается, а сейчас машины проезжали мимо, даже не обращая внимания на поднятую руку.

19:00

— Шеф, на Первомайскую, — почти прокричал, садясь в потрёпанного вида «шестёрку».

— Семьдесят, — даже не повернувшись в мою сторону пробубнил водитель, такой же потёртый как и его автомобиль.

— Идёт, — тут же согласился я.

19:16

— Бабуля привет! — пытаюсь придать голосу как можно больше радости, поприветствовал старушку.

— Ой, Матвеюшка! — всплеснула руками пожилая женщина с печатью вселенской мудрости на морщинистом лице.

— Бабуль, я ненадолго! — вот это я зря сказал.

Как всегда укоризненный взгляд из-под очков. Какая яркая у бабули лампа, глаз за очками не видно...

ВСПЫШКА...

Чёрт, опять! Только не сейчас! Прихожая разом потускнела, лампочка больше не резала глаза. Это было похоже на то, когда переключают дальний и ближний свет в машине. Бабушка застыла напротив меня памятником, который должен вызывать приступ раскаяния у неблагодарных детей и внуков. Её правая рука медленно поднималась в жесте дедушки Ленина, указывающем путь в светлое будущее. Губы медленно шевелились, но слова я разбирал с трудом. Да и не пытался вникать, меня больше беспокоило очередное выпадение из реальности. Так, Матвей, успокойся, дыши ровней. Надеюсь, быстро отпустит...

19:47

— Совсем меня старую забыл, а я же тебя с пелёнок воспитывала! — продолжала свою старую песню суровая воспитательница.

— Бабуль я пошёл. Некогда, — сейчас будет следующий виток накала страстей.

— Когда ты уже женишься, охламон! — перескочила на очередную тему наставница заблудших душ.

— Вот этим бабуль я сейчас и занят, — открывая дверь и быстро выскальзывая в подъезд, крикнул я.

19:50

На улице бросаюсь к такси, которое на мое счастье, стоит возле остановки.

— Шеф! Цветочный магазин, супермаркет. Два счетчика! — даже можно три, лишь бы успеть.

— Садись, — таксист видимо понял всю серьёзность моего положения, поэтому отложил газету и завёл мотор.

20:40

Ну, мне сейчас выскажут. Где эта квартира номер тринадцатая? Ага, и число удачное.

20:43

Звоню в дверь.

— Привет Юль! — перешагивая порог, с отдышкой говорю я, протягивая букет красных роз. Второй рукой, занятой пакетом, пытаюсь поправить очки, чтобы лучше разглядеть милое создание в коротком шёлковом халатике.

— Ну здравствуйте юноша. Время сколько? — с укоризной в голосе сказала хозяйка.

— Извини меня, пожалуйста, — попытался оправдаться я. — Надо было к бабушке забежать.

— Какой ты оказывается сентиментальный, — съязвила Юлька. — Ладно, заходи.

20:45

А ничего у неё, уютно. Однокомнатные квартиры видимо удел одиночек. И на кухне чисто. Хорошая из девушки получится жена... О чём это я?

— Ну что кавалер — чай, кофе, потанцуем? — начала разговор прелестница.

— Ага, пиво водка положим! — подхватил я. — У меня тут в пакете шампанское, вино, фрукты и конфеты.

— Основательно смотрю, Матвей, ты подготовился, — продолжала язвить Юлька. — Чувствуется опыт!

— Юлия, моё сердце принадлежит только вам! — сказал я с пафосом в голосе как в дешёвой мыльной опере.

— Вот ещё бы немного и меня не застал, — сменила тему обладательница длинных ножек.

— Пошла бы к Серёге Рыжему? — не скрывая раздражения, задал я вопрос.

— Может к нему, а может и нет! — начала злиться Юлька. — Тебе какое дело? Я девушка свободная!

— Ладно, Юль, проехали. Давай я лучше тебе помогу яблоки порезать.

20:52

Неплохое шампанское, тем более в такой компании, но лучше бы пива. Нет, это оставим для Гарика. Не могу поверить, что сижу рядом с такой красивой девушкой.

21:00

Так, главное не налегать на алкоголь. Есть у меня такая дурная привычка — в состоянии лёгкого опьянения людям душу изливать. И не важно близкий ли это человек, или я с ним час назад познакомился. Не хочется перед Юлькой показаться слабым.

21:19

— Матвей, может вина лучше откроешь? Не люблю я эту газировку, — Юлька вопросительно поглядела на меня.

— Конечно, слово дамы для меня закон, — ну вот предчувствия меня не обманули. — Где у тебя штопор?

Открывать вино китайским штопором — это как лотерея. Всегда есть много вариантов, но основных два — или сломается штопор, или произойдет чудо, и бутылка будет открыта.

21:22

Чудо произошло, красное вино было разлито по бокалам.

22:15

— ...Я уже подхожу к дому, прохожу мимо больницы, а тут навстречу Рыжий. Останавливает меня и говорит...

— Юль, может хватит про него? — раздражённо прервал я свою собеседницу. — Меня это совсем не интересует!

— Хорошо, тогда расскажи о себе, — промурлыкала девушка, подавшись ко мне через стол. В вырезе халатика показалась очень аппетитная грудь. Я невольно сглотнул. В голове уже немного шумело, тело становилось невесомым.

— Да что рассказывать... Закончил школу, поступил в институт. Ушёл из него со второго курса. Папа видел во мне будущего экономиста, а я всегда хотел стать пожарным, — ну что ты Юль смеешься. — Они спят по двадцать четыре часа в сутки, — ну это я конечно наврал. Просто не хотел учиться и всё. — Потом очутился в рядах доблестной российской армии, затем попал в «психушку»...

— А можно про это поподробнее. Наверно поэтому у тебя седина на висках? — с интересом поглядев на меня, спросила Юлька.

— Ты знаешь, я не хочу касаться этой темы, — я начал быстро трезветь. — Не бойся, ничего серьезного, просто «косил».

— Тогда знаешь что — открывай вторую бутылку вина, а то что-то разговор у нас не очень клеится, — как всегда спасла положение красавица. Нет, определённо она мне очень сильно нравится. Может быть даже более того...

22:35

— А довольно быстро мы с тобой вторую бутылку уговорили, — глаза Юльки уже блестели, движения приобрели плавность. — Может, потанцуем?

Я уже чётко представил себе, чем могут закончиться эти танцы, поэтому охотно согласился.

22:40

Из музыкального центра негромко звучала какая-то тягучая восточная мелодия, а мои ладони, лежащие на талии Юльки, становились влажными. Она прижималась ко мне всё сильнее. Очки по настойчивой просьбе пришлось снять. Они мешали моей партнёрше смотреть в глаза. Что она у меня там хотела разглядеть — не знаю.

— Ну что ты так дрожишь, глупенький? — жарко шепнула искусительница. — Поцелуй меня!

Два раза просить меня не пришлось.

22:58

— Подожди, я разберу диван, — Юлька отстранилась от меня.

Я стоял в расстегнутой рубашке с гулко бьющимся сердцем, в нетерпении ожидая продолжения.

23:01

Боже, как же она прекрасна! Мог ли я предположить, что получу такое сокровище. В свете настольной лампы распростёртая подо мной Юлька выглядела ожившей статуей древнегреческих скульпторов. Руки живой богини обвили мою шею. Я припал к её губам, как живительному источнику — пил и не мог напиться. Она медленно опустилась, на шее заискрилась цепочка...

ВСПЫШКА...

Всё замерло вокруг. Я входил в желанное тело как океанская волна, с таким же натиском и также неспешно. Видел только Юлькины глаза. Но они не были при-

глушённого цвета, как окружающий нас мир. Цвет янтаря горел в них страстью.

Безумно долго поднимался на вершину блаженства и целую вечность падал в пропасть опустошения. Я слился со своей любимой, растворился в ней.

23:31

Юлька, подперев кулачком голову, с растерянностью смотрела на меня.

— Слушай, Матвейчик, со мной ещё такого не случилось. Я обожаю тебя! Это был такой экстаз! Но почему так быстро? Кролик ты мой!

— Я не кролик, я — Хроник! — пробурчал в ответ обиженный любовник.

Это прозвище прилипло ко мне, когда я довольно успешно «косил» в психиатрической лечебнице. Безграничная тупость, которая царила в армии, за два месяца мне порядком надоела. По началу служить было интересно, был даже на хорошем счету. Но после очередного конфликта с «дедами» мои нервы сдали. Нет, меня не били, не заставляли делать грязную работу. Просто я не вписался в систему. С детства был сам по себе, а в рядах армии индивидуализм не приветствуется. Ждать когда меня сломают, или сломаюсь, сам не стал. Разыграл невменяемость я довольно убедительно, наверно во мне умер актер, и через некоторое время был направлен на обследование.

В «психушке» довольно быстро освоился. Какие таланты там пропадали! Были и свои корифеи. С одним я и столкнулся. Конфликт быстро перерос в драку, на шум прибежали два санитары. Меня быстро скрутили и доставили к нашему лечащему врачу. Личностью он был очень колоритной. Думаю, что в психиатрию он пошёл, чтобы избавиться от своих комплексов. Их было

немало. Один, например — это жалость к своим больным. От армии он спас не один взвод новобранцев, придумывая им душевные болезни. Из жалости видимо он и отдал распоряжение вколоть мне «коктейль». Состоял сей чудесный препарат из аминазина и ещё двух компонентов с труднопроизносимыми названиями. Я видел действие этой смеси на других «больных». Во-первых — это больно, во-вторых — спишь на ходу, в-третьих — галлюцинации почище наркотических, и наконец ты плохо контролируешь свои потребности в посещении туалета. Шанс стать настоящим психом вполне реален. После укола в моей голове начал твориться такой сюрреализм, которому позавидовал бы сам Сальвадор Дали. Казалось, вселенная вдруг остановилась, а я стал её центром. В ушах нарастал гул, и когда мои перепонки готовы были уже лопнуть, в глазах вспыхнул яркий свет. Хотел было зажмуриться, но понял, что свет идёт изнутри моего тела. А потом стало тихо, только где-то в центре моего мозга, словно в такт невидимому метроному, что-то щёлкало. Вселенная, не торопясь, продолжила своё движение... Очнулся от действия «коктейля» на вторые сутки. Девятнадцать часов двадцать две минуты, почему-то подумал я. С этого момента стали происходить странные вещи. Свет солнечный, или электрический, отраженный от блестящей поверхности, вызывал во мне странный приступ. Я входил в состояние, близкое к тому, когда находился под воздействием «коктейля». Всё двигалось вокруг меня неторопливо и плавно. Меркли краски и звуки, лишь моё тело сохраняло свой привычный ритм. Но самое интересное то, что я мог теперь безошибочно определять время с точностью до минуты. Этим неоднократно удивлял своих соседей по палате. Поверили мне только после того, как я несколько раз подряд включал телевизор в вестибюле ровно за минуту до начала новостей.

Однажды к нам в палату зашел санитар дядя Вася из соседнего отделения. Ему ужасно хотелось посмотреть на феномен, слава о котором быстро распространилась по больнице. Хотя сам он мог спокойно претендовать на эту роль. Представьте себе ожившего персонажа фильмов о вампирах, это и будет дядя Вася. Высокий, худой, с впавшими глазами и лысым черепом — вылитый вурдалак. Он сначала интересовался моим самочувствием, а потом вдруг неожиданно спросил: «Сколько времени?» Дождавшись моего ответа, поглядел на часы, провел рукой по лысине и произнёс: «Молодой человек, вы точны как швейцарский хронометр!». И тут своё слово вставил сосед по палате Васька, у него, скорее всего, с головой точно был неполадок: «Да какой он хронометр! Не дорос еще. Он — Хроник!». С тех пор эта кличка прочно приклеилась ко мне. Заведующий отделением, узнав про мои ненормальности, быстро сочинил диагноз и отпустил от греха подальше на все четыре стороны.

23:03

— Матвейчик, кофе будешь? — оторвала меня от моих невеселых воспоминаний Юлька.

— Да, пожалуйста, — ответил я, глядя как обнажённая девушка поднимается с дивана. И сразу почувствовал нарастающее во мне желание вновь овладеть ей.

Неожиданно прозвучал звонок в дверь.

— Юль, ты кого-то ждёшь? — резко садясь, поинтересовался я.

— Да нет... Может соседка — ей вечно что-то нужно, — сказала Юлька и пошла открывать.

Щёлкнул замок. В коридоре послышался неясный шум.

— Что, не ждала? — мужской голос. — А кто это у тебя? Сейчас посмотрим.

В комнату влетел разъяренный тип с огненно-рыжей шевелюрой. Его грудь часто вздымалась, волосы были взъерошены. Только что копытом не бил, как бык на корриде.

«А вот и Серега — настойчивый ухажер и бандит местного разлива», — подумал я, вскакивая с дивана. Хорошо, хоть простынёю успел прикрыться. Да, картина Репина.

«Не ждали». Ситуация меня почему-то забавляла.

— Оба-на! У вас здесь оказывается, радость моя, хабл-бабл шоколадные отношения! — повернувшись к Юльке, которая робко выглядывала из коридора, промолвил неожиданный гость.

Я хихикнул — не ожидал подобного остроумия от бандита.

— Ты откуда нарисовалось, чмо? — это уже в мой адрес.

— А хамить зачем? — возмутился я. — Юля девушка свободная...

— Да я тебя сейчас урою, гад! — не унимался Рыжий.

— Ага, если допрыгнешь, клоун! — глядя в бегающие маленькие глаза, с презрением бросил я в ответ.

А ростом неудавшийся кавалер действительно не вышел, да и умом наверно тоже.

Лицо соперника побагровело. Его рука полезла во внутренний карман пиджака и вынула оттуда приличных размеров пистолет.

«Видимо он внушительностью оружия компенсирует свою проблему с ростом», — промелькнуло у меня в голове.

Громко охнула Юлька.

— Получи, чмо! — палец Рыжего нажал на спусковой крючок.

ВСПЫШКА...

23:08

Боль. Какая сильная боль. В груди всё горело огнём. Слева, под ребром, засело что-то чужеродное. Пахло порохом. Я наклонил голову вниз. По животу стекала ручьем, падая на палас, кровь. «Как все глупо», — промелькнула мысль. А потом и без того тусклые краски ушли в темноту...

23:38

Куда меня везут?

23:45

Человек в белом, склонился ко мне...

23:49

Повезло, больница рядом... Как спокойно, и боль ушла...

23:52

Лицо в повязке смотрит на меня...

23:54

В висках стучит...

23:57

«Дайте наркоз!» — чей-то голос...

23:59

Лампа с четырьмя фонарями, в пол накала, перед глазами...

00:00

Резкий приказ: «Свет!»

ВСПЫШКА...

21.10.2008

За оградой

Насекомоведение.

resonoid

— Нет, вот ты мне скажи, нахрена ты сюда припёрся? — по телу Главного пробежала дрожь.

— Да я, хотел. Думал — устроюсь. У нас то не жизнь, а дерьмо, — сбивчиво оправдывался Пришлый, испуганно сжимаясь. Он, конечно, слышал о здешних порядках от Половинки, но от такого «гостеприимства» его былой задор быстро сошёл на нет.

— И почему ты думаешь, что нужен здесь? Да ты обычное чмо, таких в земле знаешь сколько? — продолжал свою гневную тираду Главный. Кожа его светилась красным, подрагивали длинные щетинки.

— Ну, я хорошо умею гумус делать, — Пришлый приподнял голову.

— Запомни, молодой, ты можешь делать только гавно! Делать гумус — это искусство! — Главный нервно куснул торчащий сбоку корешок. Пришлый начал пятиться назад. Он и сам был уже не рад тому, что очутился в этом ходе.

— Куда, стоять! — Главный резво продвинулся вперёд. — Уйдешь, когда я скажу. Что ж вы тупые такие, чужаки.

Пришлый замер, его хвост свела судорога. Главный, оказавшись перед пришлым, принялся внимательно его разглядывать.

— Блин, розовый какой. Что ты жрал то? — Главный пополз через чужака, намереваясь выяснить его длину.

— Ну корешки всякие, иногда с Половинкой наверху в куче лазили. Там листики прелые, вкусный мусор, иногда даже пёсья благодать попадалась. Она так хорошо

пахла. Вкусно! — бодро заговорил Пришлый, поняв, что прогонять его не будут.

Его тело задергалось — это Главный переползал через него обратно:

— Щекотно же.

— Ну вот что, молодой. Самец ты смотрю нормальный. Туповат правда и светловат ещё. Но, гниль с тобой, айда за мной, — почти по-отечески сказал Главный и с достоинством двинулся по ходу вперед. Пришлый, не веря своему счастью, спешно последовал за ним.

«Да, ходы у них тут, не в пример нашим. Вон как аккуратно всё, просторно. А ответов то сколько! Тут и заблудиться можно с непривычки», — думал Пришлый, двигаясь за маячившим впереди хвостом Главного. Впереди показалась просторная пещерка. Достигнув её, Главный остановился. Согнувшись, Пришлый скромно устроился рядом. «Ух ты, красота! Это сколько же рыть надо?» — Пришлый присвистнул от удивления.

— Не свисти, придурок, гумуса не наделаешь! — цыкнул Главный. А сам настороженно прислушивался к появившемуся шуму. Потом, свернувшись в кольцо, отпрыгнул в сторону и прошипел, — Принесла нелёгкая!

Сверху посыпались комья земли. У Пришлого от испуга побледнело кольцо возле не-хвоста. Сначала показались усы, скользнувшие по телам путешественников, потом принюхивающееся рыльце мокро тыкнуло в них. Заходила ходуном земля под здоровыми лапищами. Почти всё пространство пещерки заполнило самое страшное создание — Крот! Пришлый вытянулся и приготовился к смерти. Но у смерти видимо был выходной.

— Здорово, Кротище! Как сам, как жена? Как её драгоценная шуба? — это послышался голос Главного, который почему-то тоже был жив. Но Пришлый решил не рисковать и оставался неподвижным, изображая корешок.

— Слы, Главный, кончай борзеть! Кому Кротище, а кому и Крот! — глас кошмара подземелий гулко разносился по пещерке.

— Крот, кончай лапы гнуть. Как тебе последний подгон, понравился? Лично их подбирал. Один к одному, пожирнее, — залебезил Главный.

— Нормально. Только будешь зажимать, я тебя быстро, — Крот махнул чудовищной лапой.

— О чём речь, чтоб мне песок всю жизнь грызть! — Главный покачал не-хвостом. Крот повёл рыльцем.

— О, а это что за дохляк? Ты к какому участку приписан, паразит? — на Пришлого дохнуло ужасом.

— Я это... В общем... — проямлил он приподнявшись и повернул не-хвост к Главному.

— Ага, будет сегодня в колумбарии прибавление! Там и урна одиночная есть — тебя дожидается! — Крот подвинул лапой Пришлого.

— Ладно, Крот, это со мной. Отпусти чушонка, — это вступился Главный.

— С тебя десяток, да пожирней! — моментально отреагировал обладатель чёрной блестящей шкуры.

— Договорились, — Главный иногда позволял себе такую роскошь, как приступ небывалой щедрости. Да и было в этом молодом чужаке что-то. Похож он был на Главного в молодости. Эх, молодость, молодость.

— Ладно, пошёл я. Плодитесь и размножайтесь, сладкие мои, — изрёк напоследок Крот и быстро исчез, только земля из-под лап брызнула.

— Чего разлегся? Поползли. Запомни, за тобой должок теперь, — Главный боднул Пришлого в бок и продолжил прерванный путь. Два раза ему повторять не пришлось. Пришлый ринулся за удаляющимся Главным, будто догонял свою первую самку.

— Слышь, Пришлый. А по-честному, что ты сюда приполз? — Главный обернулся к Пришлому.

— Плоти хочу попробовать, мне Половинка говорил, что плоть — это самое вкусное! — внутри у Пришлого ёкнуло.

— Вот ты дурень! — засмеялся Главный. — До неё ещё добраться нужно.

— Да я понимаю, — вздохнул Пришлый.

— А самое главное, чтобы из плоти делать гумус, нужны крепкие зубы! — пасть Главного широко открылась, продемонстрировав Пришлому несколько рядов острых зубов. Пришлый осторожно попробовал щетинкой их остроту.

— Да, мне б такие, — Пришлый вздохнул ещё раз.

— Не бойсь, поработаешь у меня, покраснеешь, окрепнешь — там глядишь и вырастут, — нет, Главному определённо нравился этот молодой.

— Я уж и не знаю, как Вас благодарить! — хвост Пришлого ходил волной.

— На той тьме сочтёмся! — отмахнулся Главный. — Только до плоти надо добраться ещё. Не сразу она открывается. Сперва жуки проход грызут. Потом Великая гниль в дело вступает. Время, короче, нужно, — рассказывал Главный, а Пришлый слушал, приоткрыв небольшой рот, которому до пасти ещё грызть и грызть.

— Короче, я вот что решил. Поработаешь пока у меня на клумбе. А что, работа на свежем воздухе. Все с перегнойщиков начинали. Я скажу, там потом цветы засеют. Люблю, когда красиво. Вылезешь ночью, лепесток упавший пожуешь — красота! А ты говоришь, пёсья благодать, — Пришлый молча кивал, не смея перебить своего благодетеля.

— Главный, а скажите, что такое птицы? Мне Половинка про это страшилки рассказывал, — осмелел Пришлый.

— Птицы... Птицы — это высшее. Птицы, это посланники Большого червя. Кто его гневит, того птицы

уносят в страну Вечного песка. Вот его и жрут отступники потом целую вечность, — торжественно произнёс Главный. — А что за Половинка, про которого ты постоянно вспоминаешь?

— Это друг мой. В детстве его Мышь пополам перекусила, он еле сросся. Так и стали его Половинкой звать, — ответил Пришлый.

— Мда, у вас оказывается тоже движухи бывают, — хмыкнул Главный. — Ладно, хорош базарить. Тебя работа ждёт.

Пришлый, не смея перечить, послушно пополз за Главным.

Впереди забрезжил свет. Пришлый почувствовал это всеми своими щетинками. Было в свете что-то притягательное.

— Короче, куча листьев впереди. Начинай! Как закончишь, покраснеешь и зубами приличными обзаведешься, так и быть — отведу тебя к нашей Несравненной плоти, — Главный подтолкнул Пришлого к выходу.

— Спасибо, я отработаю, я... — у Пришлого перехватило дыхание и навернулись слёзы. Хотя, «какое дыхание и какие слёзы», — спросят мои внимательные читатели. «А вот так!» — скажу я и разведу руками.

Пришлый ввинтился в прелые листья. Он ликовал. Гавно осталось в прошлом, теперь он делал гумус!

А впереди его ждала плоть.

Главный направился обратно. Из бокового прохода высунулся белый вертявый не-хвост.

— Главный, ты где шляешься?

— Ты что-то попутал, Глист? — раздраженно выгнулся в сторону червя-альбиноса Главный.

— Не, ну тут такие дела. Короче, к нашей Несравненной плоти сегодня Плотьники приходили. Топтались — гул коромыслом, — быстро выдающий информацию Глист замолк.

— Ну, продолжай, — махнул хвостом Главный.

— Ну вот, чего эти Плотьники приходили — хрен его знает. О, сейчас бы хрену. Меня с него так вставляет! Эти Плотьники на землю Весёлой влаги дофига пролили, все наши уже там. А самочек сколько напоззло! Так и извиваются, — Глист замолчал.

— Веселая влага, это зашибись! И самочки, тоже зашибись! — оживился Главный, его кольцо между пятым и шестым сегментом пожелтело.

— Да вот ещё что. С соседнего участка обратились. На них медведки наехали. Налетели, восьмерых пожрали, только их хвостовые отростки и мелькнули. Помочь просят соседи. Говорят, у вашего Главного подвязки у Крота, — а вот это озадачило Главного.

— Ладно, поползли к Кроту, — решил Главный.

— А потом Веселая влага и самочки? — с надеждой спросил Глист.

— Да.

— Слушай, а что это за молодняк, которого ты на клумбу отправил? Я тут мельком учуял, — спросил Глист у Главного.

— Да чужак — Пришлый. Ползут и ползут к нам, за ограду. Кладбище им что — резиновое?!

21.10.2008

«ДР»

Плопадалово.

resonoid

Солнечный свет попал Серёге на лицо. Он зажмурился и спустя минуту открыл глаза. Его рука привычно потянулась за сигаретами, лежавшими на тумбочке. Покурив, Серёга сладко потянулся и, положив руки за голову, продолжал блаженствовать. Вставать раньше будильника вошло у него в привычку, и он с улыбкой на лице строил планы на текущий день. Сегодня был его ДР. И если бы не работа, день был бы просто чудесным. Зато весь вечер можно было приятно провести в компании Ирки. Сходить, например, в ресторан. А потом, придя домой, насладится её упругим телом.

Серёга покосился на будильник. Он показывал семь часов тринадцать минут. В сердцах ругнувшись, Серёга схватил наручные часы и уставился на серебристый циферблат. Ну, точно, он катастрофически опаздывал. Путь в штанинах джинсов, он принялся одеваться.

В подъезде, хлопнув дверь, Серёга помчался на улицу к своей машине, прыгая через ступеньки. «Йёпть!» — в самом низу у входной двери он вляпался кроссовкой в собачье дерьмо. «Опять Зинаида Петровна свою болонку выгуливала! — прорычал Серёга. — Блядь, животное маленькое, а срёт как мастифф!». Кое-как счистив вонючую коричневую массу с подошвы об обшарпанную стену подъезда, Серёга выскочил на улицу.

На ходу доставая из кармана брелок с ключами, Серёга подбежал к своей красавице — Мазде. И застыл на месте соляным столбом. Через всю дверь, прямо по лоснящейся лаком чёрной краске, было нацарапано гвоздем — Х**! Причём нацарапано от души — до железа. Серёга заскрежетал зубами, рывком открыл дверь и, заведя маши-

ну, дымя покрывками и пугая голубей во дворе рёвом мотора, рванул прочь. Время поджигало.

На работе, кивком головы здороваясь со встречными сослуживцами, Серега быстрым шагом направился к своему кабинету. Но внутрь он так и не попал. У самой двери его перехватила Ирка. Она, как всегда, была умопомрачительна. В короткой юбке и обтягивающей майке, не прикрывающей её плоского живота, она манила как маяк во время шторма. Но её прекрасное лицо было явно чем-то озабочено.

— Сергей, нам нужно поговорить! — очень серьёзно и официально заговорила Ирка.

— Ириш, в чём дело? Я и так опоздал, может позже? У меня вообще то сегодня ДР, могла бы и поздравить! — разразился словесной тирадой Серёга.

— Поздравляю! — Ирка привстала на носочки своих «матово» блеснувших туфель и чмокнула Серегу в щёку. — Но нам действительно нужно поговорить!

— Хорошо, пойдем в курилку, — сдался Серёга.

— Нет, в курилке всегда полно народу, пойдём лучше под лестницу спустимся.

— Ладно, пошли, — внутри у Серёги что-то шевельнулось.

Под лестницей Серега не удержался, и грубо облапив Ирку, присосался к её губам. Она поначалу пыталась вырваться, но потом её дыхание стало прерывистым, и она обмякла в руках Серёги. А он уже лез к ней под юбку. Трусики Ирки уже были мокрыми от возбуждения, и Серёга принялся дёргать ремень на джинсах.

— Нет, нет Серёженька, подожди! — запричитала Ирка. — Нам теперь нельзя, я беременна!

— Хренасибе! — скороговоркой вырвалось у Серёги. На него словно вылили ведро холодной воды. Но уже овладевшая им похоть затмила его разум.

— Тогда я полюблю тебя в попу, крошка! — загорбным голосом сказал Серёга и, обхватив Ирку сзади, принялся задирать на ней юбку.

— Поимей себя в мозг, идиот! — Ирка, изловчившись, вырвалась и побежала вверх по лестнице, цокая каблучками. Попутно она полосонула Серёгу по лицу своим ярко-красным маникюром. Нервно, ломая в пачке сигареты, Серёга закурил.

В кабинете разрывался телефон. Серёга рывком поднял трубку и рявкнул: «Слушаю!»

— Сергей Петрович, а что это вы раскричались? — звонил начальник, редкостная сука, к слову.

— Михаил Николаевич, извините, тут у меня проблемы, — начал оправдываться Серёга.

— Срочно зайдите ко мне! — голос начальника был резок и Сергей, сокрушаясь, отправился «на ковёр», потирая горящую щёку.

Секретарша Маринка подняла глаза от клавиатуры и взглянула на Серёгу. Хмыкнув, она склонилась обратно и пробурчала: «Проходи, ждёт».

— А, вот и вы Сергей Петрович! — лицо сидящего за столом начальника было как у кастрированного кота, который вспомнил для чего нужны кошки.

— Здравствуйте, — с дрожью в голосе сказал Серёга, присаживаясь на стул напротив.

— Э... с ДР-ом вас! — сквозь улыбку начальника были видны его жёлтые зубы. Точно такие же Серёга видел в детстве у нутрий, когда приезжал погостить к бабушке.

— Спасибо Михал Николаевич, — что-то было не так, но что Серёга не мог понять.

— Сергей, а как у вас продвигается работа по Подрастишке? — голос начальника приобрёл деловой тон.

— Так работаю, вон придумал персонажа для рекламы — Ростамэна.

— Очень хорошо. Только когда вы должны были всё это сдать? — глаза начальника гневно сверкнули из-под очков.

— Так вы сами сказали, что не срочно...

— Не срочно, значит в течение двух недель, а вы уже месяц возитесь, — теперь Михаил Николаевич напоминал злобного хорька.

— — Так вот, Сергей Петрович — вы уволены. Расчёт получите в бухгалтерии, до свидания!

Серёге показалось, что на него обрушился подвесной потолок. Почему-то захотелось срать. Ссутулившись, на негнущихся ногах он вышел из кабинета.

Погода была отвратительной. Над плавившимся асфальтом стояло море. Солнце пекло макушку, а над деревьями кружили стаи пыльных воробьёв, роняя помёт. Вокруг, подобно бездушным куклам, двигались люди. Серёга спустился со ступенек своего уже бывшего офиса и направился в кафе, что стояло через дорогу напротив. Перед глазами стояла глумливая улыбочка начальника.

В кафе, хотя какое кафе — так, забегаловка с гордым названием «Буревестник», стоял гул от голосов посетителей. Сквозь клубы табачного дыма и перегара вездесущих алкоголиков, Серёга подошел к стойке бара.

— Мне водки, бутылку... — Серега полез в карман за бумажником.

— Вам какой? — сверкнула золотым зубом дородная тётка.

— А пофиг! — Серёга махнул рукой.

Водка была тёплой и видимо палёной, но Серёга глотал её как воду, в надежде, что скоро наступит алкогольное отупение. Но голова его была прозрачной как стекло. Зазвонил сотовый.

— Алло, Сергей, это Марина.

— Да, слушаю, — Серёга узнал голос секретарши.

— Сергей, у меня плохая новость. Даже не знаю, как сказать, — голос Маринки заметно дрожал.

— Ну, говори, ну...

— Ирина... Она искала тебя, ей сказали, что ты ушёл. Она выскочила из офиса и тут... Её больше нет, Сергей, её сбила машина, — в трубке пошли гудки.

Мозг Серёги отказывался воспринимать эту информацию, он рассеянно поглядел в окно кафе. На другой стороне улицы толпился народ, и отбрасывала блики машина скорой помощи.

— Слышь, чувак, у тебя это, закурить есть? — послышалось из-за спины.

Серёга развернулся, на него по-шакальи уставились четыре глаза, принадлежавших двум субъектам с печатью перманентного пьянства и плохой генетики на лице.

— Я не курю! — голос Серёги отдавал металлом.

Дальнейшее развитие событий происходило как в дешёвом боевике. Замелькали кулаки, стулья, опрокинутые столы. Правый глаз Серёги заливала кровь из рассечённой брови. Он нашарил бутылку и со всего размаха опустил её на голову любителя халявного курения. Стёкла брызнули в стороны, искрясь как дешёвая чешская бижутерия. А противник, хрюкнув, осел на пол, повалился на бок и застучал ногами. Послышалась соловьиная трель ментовского свистка.

— Ну что, Михалыч, куда этого? — молоденький сержант с вздёрнутым курносым носом, вопрошал у старлея, строчащего что-то в бумагах.

— Да сунь пока в обезьянник, потом разберёмся.

Серёга одним глазом (второй окончательно заплыл) озирает отделение милиции, куда его доставили из кафе. Последовал грубый толчок в спину, и многострадальное тело Серёги направилось в указанном направлении.

В обезьяннике стояла невообразимая вонь. Пахло мочой и давно не мытым телом. Запах этот, скорее всего,

происходил из угла. Там скрючился на полу бомж. Увидев Серёгу он оживился, поднялся на ноги и почесываясь, направился к нему.

— Земляк, у тебя курить есть? — прошамкал беззубым ртом бомж.

— Сука, когда ж вы все накуритесь? Нет у меня, отвали шваль! — выругался Серёга.

Бомж обиженно забился обратно в угол. Краем здорового глаза Серёга видел, как тот чему-то улыбался, показывая остатки зубов в своем рту. Загремел засов клетки, и давешний курносый сержант втолкнул внутрь двух типов.

— Э, куда начальник! — запричитал бомж. — Сюда больше не надо!

— У меня ещё и работа! — непонятно с чего ответил сержант и, закрыв клетку, отправился прочь, звеня ключами.

Между тем типы присели на скамью, рядом с Серёгой.

— Курить есть? — пробасил один.

— За что закрыли? — спросил второй. Его голос был похож на шипение змеи.

— Пошли на**й! — заорал в ответ обоим Серёга.

— Ах ты, сука! Ну б***ь, попомнишь... — подскочил с места первый.

Дальнейшее Серёга уже воспринимал как страшный сон. Казалось, что вот сейчас он откроет глаза и окажется в своей постели, а рядом, прижимаясь мягкой, тёплой грудью, будет лежать Ирка. Но кошмар не прекращался. Серёга не чувствовал ударов, наносимых ногами типов по его рёбрам и спине. Он вообще больше ничего не чувствовал. В голове его звучал кретинский хепипёздей. Он не почувствовал, как чьи-то руки сдернули с него джинсы, и как его лицо было прижато к выщербленной грязной стене обезьянника. И только когда в его зад вошло

что-то чужеродное, он ощутил адскую боль и вынырнул наружу из небытия.

— Михалыч! Михалыч! — заорал сержант. — Блядь, тут пиздец какой-то!

— Что шумишь? — старлей возник возле клетки. — Ах ты ёб твою мать!

Загремел засов, и Серёгу выволокли в коридор.

— Всё, накрылась медным тазом наша премия! — заскулил сержант.

— Ну, кто ж знал, что так получится? — озадаченно произнёс Михалыч.

— Это, парень, ты умойся чтоль, — старлей под руку подвёл Серёгу к туалету.

Серёга тупо глядел на своё лицо в отражении грязного зеркала. Хотя лицом это можно было бы назвать с большой натяжкой. Серёга видел перед собой произведение сумасшедшего авангардиста. По правой ноге стекало что-то горячее. Не обращая внимание на боль, Серёга умылся и вышел из туалета. Он пошёл на голоса спорящих о чём-то ментов. И с каждым шагом внутри него поднималась горячая волна ярости.

— Всё, плакали наши деньги! — скулил курносый сержант.

— Да всё будет нормально, Леха, это ж форс-мажор, — блистал интеллектом старлей Михалыч. Они даже не заметили подошедшего Серёгу. Зато он заметил два висящих на вешалке, возле него, автомата. Сдёрнув один, он перевёл флажок на стрельбу очередями и нажал на спусковой крючок. Немую сцену прервал грохот оружия.

Сержант удивлённо глядел на три аккуратные дырки в своей груди, медленно падая на пол.

— Парень, не надо! Я всё объ... — договорить старлей не успел. Верхнюю часть его черепа снесло, а светло-синюю стену за его спиной, украсила картина из кусочков

мозга, потёков крови и осколков кости. А Серёга всё стрелял, пока в рожке автомата не кончились патроны и глаза не защипало от пороховой гари. Он подошёл к столу и взяв лист бумаги начал вытирать руки. На листке мелькнула надпись — Агентство Праздник, незабываемые воспоминания. Эксклюзивный подход.

Раздался приглушённый звук рингтона. Серега узнал сигнал вызова своего мобильного. Выдвинув ящик стола, он достал трубку и прижал к уху.

— Алло, Сергей? — весело прошебетала какая-то девушка.

— Да, — бесцветным голосом ответил Серёга.

— Вы ещё в отделении? — поинтересовалась незнакомка.

— Да.

— Тогда мы идём к вам! — телефон отключился.

— Идите, идите... — сказал в пустоту Серёга, и подошел к вешалке, снимая с неё второй автомат. Отстегнув рожок, он проверил наличие патронов, и довольно хмыкнув, направился прочь из отделения.

На улице он зажмурился от яркого солнца и с полной грудью вдохнул летний воздух.

Заиграл хеппипёздей, только на этот раз он играл не в голове Сереги, а доносился из машины, лихо притормозившей возле него. За ней подкатил микроавтобус. Двери его распахнулись и оттуда высыпали улыбающиеся люди: живая Ирка, Михаил Николаевич со своей секретаршей Маринкой. Полетели в небо разноцветные шары. Какая-то тетка замахала охапкой цветов, и все в разной степени закричали: «Розыгрыш! С ДР-ом, Сергей!»

— Ага, с хренером! — попытался перекричать толпу Серёга, но его голос тонул в этой какофонии.

И тогда он передёрнул затвор автомата и пустил широким веером от бедра очередь смертоносного свинца. И посреди мраморно-белого лобика Ирки расцвёл чудес-

ный алый цветок. А Серёга всё давил и давил на курок. Он смеялся, он был счастлив — это был лучший в его жизни ДР.

21.10.2008

Дурачок

Предания старины глубокой.

resonoid

«Ходит Дурачок по миру...»

Егор Летов

Во Купалинскую ночь собрался хмельной народ возле костров на опушке леса. Кто через пламя сигает, кто венки плетёт, а кто и по кустам блудит.

А Дуняша, не будь дурой, отправилась в самую чащобу заветный цветок папоротника искать. Он, люди сказывали, кладу указывает. Была Дуняша румяна, да грудями пышна, одно плохо — сирота. А без приданного, кто-ж в жёны возьмёт? Идёт она по лесу, а у самой внутрих всё обмирает. То ветка вдруг рядом затрещит, то филин ухнет, ажно сердце в пятки. Только вдруг видит, средь перьев папоротника светится что-то красным, будто уголек. Наклонилась она, дабы разглядеть получше. Предстал её очам цвет дивный. Только на радостях сорвать собралась, чувствует, как облапил сзади кто-то, да сарафан на голову задирает. Забилась Дуняша птахой, запричитала, да где там. А варнак то, знай, своё дело делает. Подмял Дуняшу по себя, да по голому заду ручищей поглаживает. Вскрикнула она, да и обмякла, а цвет заветный меркнуть начал, пока совсем не потух.

Лежит Дуняша, слезы горькие с лица утирает, повернулась на спину, очи вверх подняла. В небе луна светит полная, а рядом варнак порты подтягивает, да лыбится глумливо.

— Как зовут то тебя, краса? — пробасил варнак.

— Так Дуняшей-Безродницей кличут, — осмелела девка, поняв, что губить её не будут.

— А я Трофим-охотник. Зверя добываю, — варнак протянул ладонь широкую, помогая Дуняше подняться.

— Ой, горе мне, ой судьбинушка! — захныкала опять Дуняша. — Кто ж меня теперь в дом-то к себе возьмёт.

— Ты это, девка, не кручинься. А мож ко мне в жёны пойдешь? Дюже ты справная! — почесал затылок Трофим.

— А не обманешь? — стукнуло в груди сердце девичье.

— Не обману, — промолвил Трофим, и взяв девку за руку, повёл из лесу.

Сыграли они свадьбу шумную, а Дуняша с той ночи тяжёлая стала.

В положенный срок пришла пора Дуняше от бремени разрешиться, покликнул Трофим повитуху — Угрюмиху, а сам ушёл на двор, чтоб криков не слышать. Дюже мила ему Дуняша была. Не мог он мучений её перенести. А Угрюмиха напоила роженицу отваром дурман-травы, да приготовилась плод принять. Только не шло дитё никак из чрева материнского, Дуняша уж губы в кровь искусала. Трофим метался зверем раненым по двору, кулаком грозил в небо. Ужно светать начало, петухи прокричали, когда на пороге дома появилась Угрюмиха, неся в руках тряпья ворох.

— На вона, на дитё своё глянь, малой у тебя, — проворчала старуха, протягивая сверток Трофиму.

Отвернул край дерюги Трофим, да и ругнулся матерно. Ребёнок был на глаз кривой, зубат, да с горбом на спине.

— Тока вон чего сделалось-то, милай! Приставилась жена твоя, — прошамкала повитуха, и перекрестясь пошла со двора.

А Трофим столбом стоял, держа уродца на руках, душа его рвалась на части. А потом швырнул младенца через плетень в лопухи, и пошёл жену оплакивать.

Спустя месяц его медведь задрал — треснула пополам рогатина у Трофима, зверь ему башку-то и снял.

Ребёнок же заверещал визгливо, из тряпок развернулся, и приготовился смерть принять, едва народившись. На счастье его бежала мимо сука ценная. Услышав визг подошла, обнюхала, сунула сосок свой в рот к нему. Засосал младенец, успокоился, в шерсть собачью уцепившись. Сука, накормив его, утащила к сараюшку возле церкви, где её выводок ждал.

Дьяк Ефимий как всегда поутру шёл курей да свиней в сарай кормить. Зашедши внутрь, узрел он на сене суку с выводком, да младенца подле неё.

Перекрестился дьяк двумя перстами, подхватил дите и бегом к попу побежал.

Тот подивился этой находке Ефимия, бороду окладистую огладил и изрёк, что ребёнок при дьяке будет, ибо знак это божий. На том и порешили.

Так и зажил найденыш при церкви. Иваном его окрестили. Да только народ его больше Дурачком кликал, за лик чудной, да ум блажной. А дьяк, как подросток приёмышь, принялся его грамоте учить. Голова светлая оказалась у Дурачка, светлая да пытливая. Ефимий уж и не рад был, что отрока к грамоте пристроил. А как пошёл отроку восемнадцатый год, стал он дьяку вопросы задавать про бога, и про земли устройство. Ефимий ему и растолковал, дескать, бог есть создатель всего живого, а про устройство земли сунул книгу с картинками.

Там Дурачок увидел, что земля плоская, держат её на спинах звери иноземные, у которых нога пятая из головы росла, а стояли они на рыбе-кит, которая в Акияне плавала. И загорелось ему край земли повидать. Ну так охота — пуще неволи. Собрал Ефимий ему в котомку снедь скоромную, перекрестил троекратно. Поковылял Дурачок по дороге прочь.

Дьяка же на следующий день молнией убило. Одежа его сгорела, а крест нательный в грудь ушел, и сверкал средь плоти обугленной.

Дошёл Дурачок до околицы, и узрел под березою Ерёму, сына Аникеева.

Тот обнимался с девкой Агрипиною, да шелуху от зерен подсолнуха сплёвывал.

— О, здорово Дурачок! Куда собрался то? — осклабился рыжий детина.

— Да вот, край земли иду посмотреть, — Дурачок недобро посмотрел на Ерёму, тот завсегда его обидеть хотел.

— Да ну! Вона, хош лучше девку повалить? — изрёк Ерёма, а девка надула губы и дёрнула плечом, убирая руку со своего плеча.

— Чтоб тебе! — промолвил в сердцах Дурачок, да и пошёл прочь.

А Ерёма с девкой захватили браги жбан, на сеновал подалися. Там девка захмелела, и подставила свое место срамное Ерёме, а тот и рад. Только обрюхатилась Агрипина, а тятя её, узрев сие, проломил колуном буйну головушку Ерёмину.

Солнце пекло спину Дурачка неистово, марево стояло на пыльной дороге, а он знай себе, идёт. Вдалеке смерч пыльный появился, послышался стук копыт. Увидел всадника Дурачок. И вот вскоре предстал пред ним цыган чернявый. Конь гнедой ходил под ним игриво.

— Что, человек, понравился мой скакун? — сверкнул глазами цыган. — Так купи, недорого отдам!

— Ни к чему мне он, — ответил Дурачок, покачав головой непокрытой. — Я на край земли иду, а конь мне обуза лишняя, да и издохнет ещё по дороге. Знамо дело, далёк путь мой.

— А, дурак ты! — оскалив зубы белые, засмеялся цыган и стукнув пятками по бокам чудо-коня, поскакал

прочь. Аж красная рубаха на спине пузырём. Дурачок, загребая пыль лаптями, продолжил путь свой.

Токма Цыгана того изловили возле села Кукуева люди добрые. Подвесили на осину, конь то ворованный был у него. Так и болтался он до осени. Вороны глаза ему склевали, да потроха выели.

День сменялся ночью, а Дурачок всё шёл. И еда его давно кончилась, пил он из луж. И вот в одну ночь повстречал Дурачок человека странного. Одет он был богато, но шёл пешком. Борода была его длинна, да седа, а в руке его был посох с главой мерзкой наверху. За спиной у человека прыгали создания чудные с бородой и рогами козлиными, да копытами раздвоенными, заместо ног. Дюже походили они на Фавну, которого Дурачок на лубке, на прошлогодней ярмарке, зрел. А незнакомец подмигнул ему правым глазом, беседу завел.

— Что въюнош, в ученики ко мне пойдёшь? — руки незнакомца упёрлись в бока.

— А чему вы научить меня сможете? — заинтересовался Дурачок.

— Ну, порчу наводить, мор насылать, злато и богатство наживать! — сказал незнакомец и закашлял. — Колдун я. Будимир!

— А вот енти бесы у тебя в услужении будут! — колдун махнул рукой на рогатых.

— Я край земли ишу, некогда мне время терять, да и не жилец ты видно! — отвечал Дурачок.

— Не будет тебе покоя! — наслал проклятье на Дурочка колдун и свистнув бесов, пошагал своей дорогой, только звук кашля ево долго звучал в темноте.

И ведь прав был Дурачок, сгубила лихоманка колдуна. Долго умирал он в своей избе, так и не успев передать дар свой чёрный ученику. А когда совсем дурно ему стало, накинулись на него бесы-прислужники и ну давай

рвать с него мяса куски, ну плясать в лужах крови, натёкших из жил.

Дурачок же продолжал свой путь. Уж и листья желтели на деревьях, и ветра его тело кривое студили, и лапти его давно развалились. Присел он как-то на пенёк возле тропинки лесной, с голодухи жевать принялся лебеды стебли. Как вдруг предстала пред ним старуха в рубище чёрном, да с косою ржавой в руке.

«Никак косить собралась травушку? Вот чудная, осень на дворе!» — подумал Дурачок. Старуха же, открыв рот свой беззубый, ямой чёрной зиявший на лице её страшном, прокаркала:

— За тобой я человеце! Хватит, нагулялся. Пора!

— Да ты с ума либо сошедши? — погрозил старухе пальцем Дурачок. — Я ещё тебя переживу!

Засмеялась старуха, затряслась, аж синицы с деревьев испуганно взлетели. Тряхнула редкими седыми патлами на обтянутом кожей черепе.

— Насмешил ты меня человеце, потешил. Куда путь держишь? — старуха опёрлась на косу свою.

— Да на край земли хочу попасть, — со вздохом ответил Дурачок.

— Ладно, первый раз дурака такого вижу, помогу тебе. Но потом заберу к себе на веки вечные! — страшным голосом произнесла старуха, и в тот же миг сверкнуло в глазах Дурачка.

Звезды драгоценными камнями сверкали в чёрном небосводе. Дурачок сидел на краю земли и болтал ногами, покрытыми цыпками. Душа его ликовала, он с интересом смотрел вниз и видел спину животного с ногой на голове. Рядом стояла старуха, ветер развевал её рубище, обнажая тело костлявое. Она нетерпеливо постукивала косою возле Дурачка и повторяла: «Пора, пора...»

Тут Дурачок не удержался и смачно плюнул вниз, в зияющую темноту. Туда, где внизу слышался рокот Акияна.

— Что ты творишь отрок? Или ты не хочешь в царстве боже? — громогласно раздалось сверху. Дурачок испуганно поднял голову, но там лишь звезды и полный месяц дарили свой холодный свет земле.

— А кто со мной говорит? — со страхом произнес Дурачок.

— Пастырь твой, неразумный отрок, и даритель жизни всему! — голос эхом разносился вокруг. Старуха, стоящая рядом замерла и нервно теребила край рубища.

— Ну, жизнь ты свою провёл праведно и поэтому я живым заберу тебя в царствие свое! — голос немного смягчился. Таким голосом говорил с Дурачком дьяк Ефимий, когда заставлял его за богоугодными занятиями.

— Мой он, мой по праву! — вдруг закричала старуха и замахала косой.

Ответом ей была тишина.

Дурачок вдруг почувствовал, как неведомая сила подхватила его, и начала подымать его всё выше и выше. Он улыбался, из глаз его подслеповатых катились слёзы.

Хорошо жилось Дурачку в райских кущах. Только заскучал он, затосковала. Не с кем поговорить ему было. Ангелы испуганно шарахались от Дурачка в стороны, роняя белые перья. И вот однажды предстал он пред очами бога.

— Что ж ты творишь последнее время отрок! Зачем амброзию, забродившую на манне небесной, потребляешь? Зачем хитоны ангелам задираешь? Бесполы они, неразумный, ничего там нет! А яблоки кто все понакусал с моего древа познаний? — голос бога был строг и недоволен.

— Так скукатища! Для того-ль я господь праведно себя вёл, чтоб потом вечно во скуке жить? — с укоризной произнёс Дурачок.

— А, что тебе прописные истины вешать! — разорвался господь. — Иди ка ты обратно на землю брENNую, и да не будет тебе ни счастья, ни смерти!

Сказал бог и громом грохнул. Дурачок полетел вниз, сквозь перину облаков, вереща, как заяц пойманный. Шлепнулся в сена копну, скатился вниз, да и сел почёсывая затылок.

Так и бродит с тех пор Дурачок по миру. Счастья ищет. Кто ему яичко даст, а кто затрещину. Кто хлеба краюшку подаст, а кто по спине дрыном перетянет. Кто приголубит, а кто и в глаза плюнет. Одни его кличут Вечным Странником, другие Блажным Святым. А всё одно — Дурачок!

21.10.2008

Живое мясо

*Стихия рыб — вода. Стихия птиц — воздух.
Стихия животных — земля. А у живого мяса
нет стихии. А то, что есть — так лучше бы
ничего не было.*

NicholasNN

Предмет №1: тело. При поверхностном осмотре повреждений не обнаружено, кроме нескольких глубоких царапин на лице и горле. Под ногтями обнаружена кровь той же группы. Непонятным является положение тела — почти на метровой глубине под рыхлой землёй. Следов вокруг обнаружено не было — что говорит о несостоятельности гипотезы, будто тело было закопано злоумышленниками с целью сокрытия улики преступления.

Предмет №2: тетрадь. Общая, с клеёнчатой обложкой, лежит в четырёх метрах от тела; направление — северо-запад. Почерк резкий, неаккуратный, с множеством вписок и исправлений; подписи нет. На первой странице большой заголовок:

Жаркий летний день и я иду по улице, а жёлтые дома покрыты пылью. У стены сидит нищий с протянутой рукой, и она, из-за тёмно-коричневой грязи, похожа на тёплую, аппетитную котлету. Несколько мальчишек стоят на другой стороне улицы и показывают на него пальцем. Они громко разговаривают и смеются над его лохмотьями, а солнце бьёт в них своими лучами, но они не замечают этого. Я подхожу к нищему и даю ему пять копеек. Он молча берёт деньги и даже не поднимает головы. Пожав плечами и стараясь не смотреть на мальчишек, я иду дальше, но скрипучий голос нагоняет меня. «Сколько времени?» — я смотрю на руку и вспоминаю, что у меня нет часов — я их продал ещё позавчера. Сер-

дито оглянувшись я говорю: «Я, кажется, оставил часы дома», и иду прочь. Тихий смех нищего шелестит мне вдогонку.

Я сижу в своей комнате. Там солнечно и пусто. Косые лучи скользят по стенам и вязнут в тёмно-серой тени разошедшегося шкафа. Я сижу в кресле и курю. У меня почти совсем не осталось денег — а я ещё подал этому нищему с вьевшейся в ладонь грязью. Мне становится досадно и я начинаю думать как получить деньги. Можно пойти в союз и занять десятку у редактора. А он скажет: «Как же так, милый мой! Вы мне ещё не вернули прошлый долг и опять занимаете!» Или он скажет: «Послушайте, у меня с собой только три рубля, я не могу одолжить вам». А может быть так: «Вы бездельник и ничего от меня не получите!» Мне неприятно осознавать то, что у меня нету денег. А тут ещё этот нищий! Внезапно меня охватывает порыв: нужно написать рассказ про него! Пусть у нищего будет богатая родня, с которой он из гордости не общается, и теперь он вынужден просить подавание. Тысячи сцен и диалогов мечутся у меня в голове, и в возбуждении я беспокойно поворачиваюсь в кресле. Это будет настоящий шедевр! А многие мои знакомые считают, что я уже не способен написать гениальную вещь.

Мне нужно писать, но я совершаю массу бессмысленных поступков — хожу по комнате и бесцельно открываю и закрываю с грохотом ящики стола, и он яростно хрипит под моим напором. Потом я кидаюсь к двери и закрываю её на два оборота. Замок металлически щёлкает — и теперь никто не помешает мне. Я сажусь к столу и подвигаю к себе чистый лист. По улице за окном катится стеклянный звон и ругань — это мешает мне сосредоточиться и я с нетерпением жду. Наконец всё утихает. Я хватаю перо и пишу: «Нищий сидел у стены и руки его были покрыты тёмной вьевшейся грязью». Но тут в ко-

ридоре начинают громко ругаться соседи и я, отодвигаясь от стола, снова закуриваю. По крыше дома напротив ходят два человека — они показывают друг другу на трубы и что-то говорят. У одного из них в руках конторская папка, а другой одет в белую косоворотку. Мне становится неприятно смотреть на них, и я закрываю глаза. В голове у меня вспыхивают образы нищего человека — вот он сидит под дождём, а мимо проходит дорого одетая публика. Заливисто хохочет дама. А вот его выгоняют из парка. У сторожа мясистое лицо, а ручка метлы отделана костью. «Это заслуженный дворник» — думаю я и медленно засыпаю.

А просыпаюсь от стука в дверь. За окном дома уже не жёлтые, а грязно-серые от сумерек и мне неприятно, что я потерял целый день. Я встаю, а кресло изумлённо скрипывает и качается, пока я иду открывать дверь. За порогом стоит нищий и тихо смеётся. На коричневой голове у него белый пух. Мне непонятно, как он нашел мою комнату, но нищий проходит вглубь и садится в моё кресло. В нерешительности я останавливаюсь перед ним и мне видно, какие у него гнилые жёлтые зубы — а он продолжает тихонько посмеиваться. На меня нападает какая-то апатия — я не могу вымолвить ни слова и только смотрю на него. Наконец он говорит мне: «Садитесь, молодой человек» — и я сажусь прямо на пол. Он смотрит на меня сверху вниз и со свистом втягивает воздух. По его шее ползёт жирная блоха. «Тюк!» — говорит он и постукивает пальцами по подлокотнику. Мне становится неудобно и затекают ноги. «Что вам нужно?» — говорю я наконец и апатия медленно спадает. Что этот оборванец делает у меня в комнате? «Ничего, — отвечает нищий, качая головой, как китайский болванчик. — Выйди из комнаты».

Странно, но я почему-то выхожу из комнаты и закрываю за собой дверь. Мне слышно, как нищий возится

там. Некоторое время я стою в коридоре и смотрю на обои. Они в жирных разводах, и я почему-то вспоминаю, как нищий сказал: «Тюк!» «Тюк!» — говорю я сам себе и почему-то пугаюсь собственного голоса. Из своей комнаты выходит соседка. Она склочная и отвратительно любопытная женщина в застиранном ситцевом халате и всё время распространяет запах горелых котлет, а мне это очень не нравится. На голове у неё намотана грязная тряпка. «С кем вы разговариваете?» — спрашивает она. «Ни с кем, здесь никого нет. Никого» — зачем-то повторяю я. «Но я же слышала, что вы с кем-то говорили» — продолжает настаивать она, а я смотрю, как у неё прыгает лошадиная челюсть. «Нет, — отвечаю я. — Нет. Вам показалось». И она постепенно втягивается в свою комнату. Сначала исчезает одна нога, потом вторая, а корпус всё ещё висит в коридоре, но затем тоже вползает внутрь. Последним исчезает чёрный настороженный глаз. Это выглядит так противно, что мне хочется закричать. Сколько я буду ещё стоять здесь? Я начинаю понимать весь абсурд своего положения. Скорее, в комнату, пока этот проходимец ничего не стянул! Я толкаю дверь и захожу внутрь. Сразу же становится видно, что никаких ценных вещей не пропало. Нищего нет в комнате, а окно закрыто изнутри. Куда он мог деться? На столе безучастно лежит лист бумаги, на котором написано: «Нищий сидел у стены и руки его были покрыты тёмной вьевшейся грязью». В комнате темнеет. Может быть, он приснился мне? Конечно, приснился! Иначе я бы не стал вести себя так нелепо — слушаться какого-то негодяя и ещё оставлять его в своей комнате. Смех наполняет и душит меня. Давясь им и качая головой, словно китайский болванчик, я включаю свет. Я оборачиваюсь и сразу вижу нищего проходимца — он стоит за ширмой, грязной спиной ко мне. «Эй, вы!» — говорю я, но он не оборачивается. Я подхожу к нему и меня начинает бить дрожь, потому что

теперь мне ясно видно, что он не стоит, а именно висит между ширмой и шкафом. Всё очень тихо. Мне кажется, что мебель удивленно вытянулась. «Тюк» — говорю я и почему-то вспоминаю, как смеялись мальчишки. Я сажусь в кресло и закуриваю, шурясь на труп, который отвратно покачивается от сквозняка и теперь я слушаю как поскрипывает веревка. Скоро я ловлю себя на том, что тоже тихонько покачиваюсь в кресле взад и вперед в такт самоубийце и я начинаю думать — теперь начнётся канитель с управдомом, милицией, соседями. Меня охватывает злость. А может быть он не умер? Я подхожу к нему сзади, почему-то зажав себе рот рукой и чувствую, как мои пальцы произвольно оплетают челюсть и впиваются в щёки — мне даже становится больно. И я тихо дотрагиваюсь до спины — она кажется мне шершавой и немного липкой, и от неё неприятно пахнет. Я перевожу взгляд на его голову — и там снова ползёт жирная блоха. Может быть это та же самая? Я не знаю этого, но мне делается противно. Брезгливое раздражение снова охватывает, кажется, всю комнату. Мне видится, будто мебель дрожит в отвращении, а ширма жалобно вытянулась, и я чуть-чуть отодвигаю её. «Вот сволочь!» — говорю я нищему и сажусь на кровать. Всё произошедшее очень нелепо, и даже глупо. «Да, именно глупо!» — говорю я вслух и начинаю представлять, как я буду объяснять управдому и в милиции, что здесь произошло. Мне становится до судорог мерзко от того, что незнакомые люди в сапогах, начищенных чёрной ваксой, буду заходить ко мне в комнату, скрипеть по разохшемуся паркету и громко разговаривать. И может быть даже смеяться.

Тут я вспоминаю, что с самого утра ничего не ел и сразу же начинаю чувствовать острый голод. У меня даже начинают дрожать колени. Я подхожу к шкафчику, где я обычно держу еду — но там пусто. Я пересчитываю

деньги — у меня ещё хватает на колбасу и табак. Это придаёт мне уверенности в себе — в конце концов что с того, что кто-то повесился у меня в комнате, ведь всем ясно, что это просто сумасшедший старик и больше ничего. В милиции я скажу, что он пришел за подаванием, а меня позвали к телефону. А пока я ходил, он повесился. Я не при чём тут. Настроение мое улучшается, и я уже благосклонно гляжу на труп и мне даже становится немного жалко его. Я думаю о том, что нужно бы снять его, но тут же вспоминаю, что придется положить его на кровать. Нет, пусть висит, а то еще подумают, что это я его удавил. А что если решат, что я его задушил, а потом специально подвесил? В беспокойстве я хожу по комнате, а нищий всё поскрипывает и поскрипывает веревкой. Это раздражает меня и я в бешенстве захопываю окно, а висельника закрываю ширмой. От этого усилия у меня темнеет в глазах, и я решаю во чтобы то ни стало сначала поесть. Я одеваю ботинки, и, стараясь не смотреть в сторону ширмы, закрываю дверь. В коридоре никого.

Я иду в магазин, надменно глядя прямо перед собой и сжимаю зубы. Спазмы в желудке у меня страшные и я еле сдерживаюсь, чтобы не застонать. От этого у меня прямая и жёсткая, словно у памятника, походка.

Я захожу в магазин и сразу же становлюсь в мясной отдел. Вокруг меня стоят и двигаются множество людей с жирными глазами и красными лицами. Они тяжело дышат и смотрят на куски мяса. Я тоже смотрю на витрину и вижу как по говяжьей вырезке ползет зелёная муха. «Тюк» — говорю я сам себе и думаю, как бы труп не протух у меня в комнате. Наконец подходит моя очередь и я становлюсь перед красным продавцом. Он одет в белый халат с какими-то жёлтыми пятнами, и от него неприятно пахнет свежей мясной кровью. И между нами происходит следующий разговор:

Я: Взвесьте мне, пожалуйста, двести грамм говядины.

Он: И как он тебя нашёл?

Я: Простите, что?

Он: Я говорю — что-нибудь ещё?

Я: Нет, всё, пожалуй.

Он: Он превратится в мясную массу.

Я: Что вы сказали?

Он: Я говорю — встаньте в кассу!

Я: Д-да... Скажите, а мясо свежее?

Он: Свежее, чем в комнате у некоторых!

Я: Простите?

Он: Я говорю — комбинатное, свежее некуда.

«Глухой какой-то!» — говорит жёлтая старуха за мной в очереди, и они с продавцом смеются, а я, неприятно улыбаясь, иду в кассу. Глаза у старухи слезятся, но всё равно видно какие они злые. У кассы я замечаю, что у меня остаются деньги на бутылку водки. Я покупаю её, и понимаю, что мне страшно возвращаться, вот так вот просто, к себе в комнату, где висит этот грузный и нелепый труп. Поэтому я забираю её с прилавка и еду на трамвае к своему приятелю Михаилу Степановичу. В трамвае страшная давка, все кричат и ругаются с друг другом, а некоторые даже просто так, в воздух. Всё это страшно раздражает меня и я схожу с трамвая с искажённым от злости лицом. Я прихожу к Михаилу Степановичу. Он встречает меня в коридоре, одетый в какой-то странный костюм — на голове его брезентовая фуражка, а на ноги надеты резиновые калоши. Старый халат волочится по грязному полу и собирает жирную пыль.

«Здравствуйте, Михаил Степанович, — говорю ему я. — Вот, посмотрите, у меня тут мясо и бутылка водки. Давайте с вами выпьем её и закусим?»

«Конечно, заходите! Только зачем же вам было беспокоиться и покупать говядину? У меня самого есть пре-

восходное мясо из подливки, водка отлично пойдет под него. Проходите!»

Пока я раздеваюсь в коридоре, Михаил Степанович идёт в комнату и снимает свою брезентовую фуражку. Я прохожу вслед за ним и сажусь за стол, на котором стоит белая эмалевая кастрюля с красными цветами. Я поворачиваю её так, чтобы не видеть их — они неприятны мне, потому что я вспоминаю мясную язву на шее нищего, и она похожа на такой цветок.

— Что у вас в кастрюле? — спрашиваю я Михаила Степановича. — И откуда только вы достали такую мерзкую кастрюлю, — продолжаю я, а Михаил Степанович мечется по комнате в поисках рюмок.

— Это купила жена, — отвечает Михаил Степанович. — А вот и рюмки! Давайте же сюда вашу бутылку. Мы поставим её на стол и будет у нас стеклянный Кремль, — он радостно смеётся, — а рядом поставим консервы. Смотрите, получилась Красная площадь!

Я тоже смеюсь. Эта идея кажется мне остроумной, поэтому я быстро вырезаю из бумаги, лежащей тут же, несколько бумажных фигурок и расставляю по столу. Коробочка с засушенным богомолем становится мавзолеем, и я расставляю фигурки вокруг неё.

— Скажите, Михаил Степанович, а где ваша жена? Её никогда не видно, но следы от неё повсюду в вашей комнате — кастрюля, занавески, обои — это ведь она выбрала?

— Да... видите ли. Она умерла очень нелепо — её задавила толпа в кинотеатре после фильма «Сало или 120 дней Содома», — он натянуто смеётся, — а следы... Ну что же, следы остаются после смерти каждого человека, множество предметов и вообще, ощущений. Я стараюсь освободить её от них, — неожиданно и не совсем понятно добавляет он. — Интересно, какой след оставите вы, вот ведь что любопытно! Написали сегодня что-нибудь?

— Да, весь день писал... — говорю я и мне становится обидно, что из-за какой-то нелепости я вынужден пить водку над фальшивой Красной площадью вместо того, чтобы работать. Но я стараюсь заглушить в себе это чувство и быстро выпиваю рюмку. И это помогает мне.

— Ну что же, за ваши успехи! — говорит Михаил Степанович и тоже пьёт.

Некоторое время мы сидим молча. Наконец Михаил Степанович встаёт и говорит:

— Давайте пересядем в кресла, близость Кремля как-то меня беспокоит, — я делаю движение убрать бутылку, но Михаил Степанович делает страшные глаза. — Нет-нет, что вы! Я не это имел в виду. Это — ни в коем случае, — у него даже дрожит нижняя мясистая губа. Мы пересаживаемся в кресла, и Михаил Степанович ставит на столик другую бутылку, а рядом кастрюльку с мясом — и снова начинается канитель с поворачиванием цветков.

— Что это у вас в бутылке? — спрашиваю я.

— А! — Михаил Степанович оживляется. — Это настойка, очень хорошая. Вам понравится, — он лукаво улыбается и мне тут же очень хочется попробовать эту настойку. Пока Михаил Степанович разливает в рюмки я рассматриваю старую картину на стене. На ней изображен человек с куском бифштекса вместо головы и мне становится неприятно. Мне не нравится эта картина и я стараюсь не смотреть на неё — но против моей воли глаза всё время устремляются в эту сторону.

— Вот, попробуйте! — говорит Михаил Степанович и я, погрозив картине пальцем, поворачиваюсь к столику. Настойка имеет приятный вкус и чуть-чуть пахнет лесом. Вообще же она больше отдает грибным супом, но как если бы его ели в лесу.

— Очень хорошо, — говорю я и с удовольствием втягиваю воздух. Картина уже не кажется мне плохой — краски на ней переливаются очень красиво, и я удивляюсь — как

это я сразу не заметил. Со стола несется разноголосый гул. Я глупо усмехаюсь и говорю ленинским картавым голосом: «Вот, Михаг`ил Степан`ович! Г`еволюция!» — на что он посылает мне косо́й взгляд и отворачивается. Я слышу как он быстро шепчет: «Мясо, мясо, мясо», а потом ещё быстрее: «Мясомясомясо». Я делаю вид, что не слышу и постепенно весёлость охватывает меня.

— Скажите, Михаил Степанович, а вы боитесь покойников? — спрашиваю я с неприятным смехом.

— Ну как вам сказать... не то чтобы боюсь. Я больше боюсь исчезнувших людей. У меня вот был один знакомый — так он однажды пошёл в булочную и не вернулся, — Михаил Степанович смотрит на меня — я вот теперь всё думаю: «Может быть его вовсе не было, а?» — и глаза его наполняются страхом.

Мне тоже становится страшно — вдруг я тоже так исчезну? И Михаил Степанович скажет: «А, да ведь его и не было никогда!» Я исчезну, а картина с бифштексом так и останется висеть, и часы будут стучать дальше и дальше, и по асфальту во дворе так же будут шаркать люди. И мне очень неприятна эта мысль.

— В общем-то в том, что он исчез ничего страшного нет, — говорит между тем Михаил Степанович и добавляет неожиданно пьяно. — Я даже ему завидую, хотя и боюсь о нём думать просто так. Ведь неизвестно, где он сейчас и что с ним происходит.

Я пытаюсь успокоить себя мыслью, что он не исчез. Может быть его просто забрали куда следует — так часто бывает, прямо из булочной... Но по прыгающей челюсти Михаила Степановича мне становится ясно, что никто его никуда не забирал, а он именно что исчез. Сам. И я беспокойно поворачиваюсь в кресле.

— Хотя, судя по тому, что происходит на столе, можно подумать, что он попал в послереволюционную Москву, — добавляет Михаил Степанович.

Я смотрю на стол, и вижу, что фигурки столпились возле коробочки с богомолем, а одна из них забралась на него и рубя воздух рукой, встряхивает бумажной головкой. Я чувствую какую-то иррациональную неприязнь к этому и говорю:

— Оставим это, Михаил Степанович, это пустое. Да, пустое! — говорю я, пораженный внезапной мыслью. — Вот вы скажите мне лучше, как вы относитесь к самоубийцам? — и я хихикаю в кулак, настороженно бегая глазами.

— Да никак в целом. Самоубийцы обычно тихие создания, не могут никому помешать.

— Нет, могут! — вскрикиваю я громче, чем нужно, и Михаил Степанович непонимающе смотрит на меня. Потом он отворачивается к стене и опять быстро шепчет: «Мясо, мясо, мясо», а потом еще быстрее: «мясомясомясо», и мне почему-то становится легче от этого торопливого шёпота, грязной комнатки, криков на столе и грустного, покрытого трещинами, шкафа.

— Самоубийцы — это те, кто по ошибке осознали пустотность земного существования, но, поняв, не смогли её преодолеть, — я снова слышу голос Михаила Степановича.

— А вы, стало быть, смогли? — спрашиваю я иронически и с ударением на последнем слове.

— А я, стало быть, смог, — также иронично говорит мне Михаил Степанович и добавляет. — Они, видите ли, не хотят быть просто живым мясом, но сделать ничего не могут. Жить же дальше с осознанием этой достаточно простой истины они не могут тоже — представьте себе!

— А вы как же? — спрашиваю я всё более насмешливо и уже не скрываю издевки. Есть всё-таки в этом Михаиле Степановиче что-то раздражающее. Картина эта... совершенная мерзость.

— Но истина-то эта открывается им по ошибке! — говорит между тем он. — Так, что вспышка внезапной правды не освещает им путь, а сжигает их самих, — продолжает он глубокомысленно рассказывать и делает какие-то движения руками, а мне видно, что зубы у него гнилые и жёлтые, а халат затёрт до дыр. И мне становится смешно — почему этот человечек с сальными волосами говорит так глубокомысленно и так поучающе? Кто дал ему это право? Прочь отсюда! И наскоро попрощавшись, я выхожу на улицу. Летний вечер душит меня, но бисер фонарей освещает дорогу и вскоре я уже подпрыгиваю в креслице валкого трамвая. Домой. Домой.

Оставшись один и тщательно заперев дверь, Михаил Степанович оказался в комнате и некоторое время стоял в дверях, разглядывая происходящее. За столом сидел человек с бифштексом вместо головы и, судя по её наклону и отчаянной жестикуляции, внимательно наблюдал за фигурками на столе. Они беспорядочно носились по гладкой поверхности вокруг стеклянного Кремля, а некоторые подбегали к самому краю, опасливо заглядывали вниз и снова начинали свой хаотический бег. Михаил Степанович подошел к старому бюро и стал, минутно сверяясь с какой-то бумажкой, что-то рисовать на стене. Постепенно из легких и почти невесомых штрихов получился горбатый контур висельника. Осмотрев своё произведение Михаил Степанович весело расхотался и снова подошёл к ухнувшему бюро. Из ящика он достал клеёнчатую тетрадь и записал там:

«И до чего бестолковое мясо! Приходил сегодня ко мне один озорник — всё вопросами небытия интересуется, а у самого в комнате труп висит. Забавник. Вот, впрочем, что у нас сегодня.»

759850356583
436489703859
098765434558
109457456837
109283746547»

Покончив с этой записью, Михаил Степанович осторожно обошёл человека с бифштексом, стараясь не коснуться его, и подошёл к другой стене. На обоях висела грязная тряпка, и когда Михаил Степанович сорвал её стал виден сложный символ, написанный прямо на обоях синей масляной краской. Усевшись на пол потурецки и не сводя с него глаз, Михаил Степанович зашел:

Мясистое мясо мясные мясá
Мясистые речки мясные леса
Мясистое тело и мысли мясные
Мясистые вещи в мясистой квартире

Мясо живое ест мёртвое мясо
Время ест мясо к часу от часа
Видится небо мясу мясным
Кажется мясо мясу своим

Постепенно его голос переходил не то в «ууууууум», не то в «ооооооом» и через некоторое время Михаил Степанович исчез, а единственным звуком в квартире стал торопливый бумажный шелест.

Я поднимаюсь вверх по изломам лестницы и отчётливо чувствую, как у меня дёргается веко. Вот, наконец и моя дверь, и я осторожно прикладываю ухо к её равнодушной и чуть-чуть холодной поверхности. У меня возникает ощущение, что я произвожу массу шума, но это только кажется — просто удивительно насколько напряжены мои нервы. Лестница прыгает у меня в глазах, а коридор видится далеко простирающимся туннелем, в кон-

це которого неожиданно появляется соседка и я снова смотрю на её лошадиную челюсть и чувствую запах горелых котлет, и это становится теперь совсем невыносимым, и я со стоном закатываю глаза. Она устремляется ко мне с приветственным рычанием, несмотря на бледные протесты с моей стороны, подходит всё ближе, безобразно выворачивая стоптанные в бесконечной погоне за жизнью плоские ступни, и при виде тарелки с бифштексом у неё в руках мне едва не делается дурно. Она открывает рот как рыба, но звуки долетают до меня не сразу: «Вас там дожидается какая-то женщина». О, Боже мой! Только этого ещё не хватало сейчас, какая женщина? Она тяжело дышит и смотрит на меня: «Не знаю, с час уже ждёт». Это какое-то мучение и я прохожу через вывихнутый коридорный сустав (соседка остается наблюдать из комнаты так, что мне видно в зеркале половину её лица: нос, глаз и губы) и вижу какую-то тёмную глухую тень, скрюченную в углу, и слышу запах нищеты. Я останавливаюсь напротив неё и молча жду — что произойдёт дальше. Пол качается у меня под ногами. На свет выходит одетая в отрепья женщина и смотрит мне прямо в лицо. Я прислоняюсь к стене, я слышу: «Мой муж... у вас мой муж, он шёл к вам, да-да, к вам и не нужно отворачиваться...» Хотя я и не думал отворачиваться — наоборот, прилив радости, бодрости и сил охватывает меня всего! Как, это его жена! Значит мне не нужно будет возиться с милицией и управдомом, с соседями, со своей совестью, наконец! О, какое это счастье... Я даже немного не верю и тру глаза. Но нет, женщина не рассыпается в призрачной полутьме коридора, а продолжает стоять передо мной и нервно теребит в руках гнилой кусочек материи, в котором я с трудом узнаю носовой платок. Я путаюсь в словах и восклицаниях: «Да, конечно, проходите, вот сюда... да, здесь...» В припадке весёлости я сильно бью в соседкину дверь (она явственно шипит от-

туда) и сильно сжимаю ладонями лицо. Она заходит и только здесь я говорю ей: «Видите ли... ваш муж. Да. В общем — он... Видите ли. Он — вот, он повесился, и почему-то у меня в комнате». Совершенно неуместны мои вывернутые руки, как будто я собираюсь пуститься в присядку... Но куда прикажете их девать? И я чуть-чуть заикаюсь. Я жду грохота, взвизгов, истерики и заранее мну в кармане бумажный рубль (какая, в сущности, пошлость!), но ничего этого нет. Она только опускает глаза и говорит: «Да... Да. Я всегда ждала (она ждала! Боже, Боже...) чего-нибудь в этом роде. Вы... вы знаете, он был удивительный человек. Удивительный». Я молчу. Нищий не кажется мне удивительным. Более того — он кажется мне чрезвычайным пошляком. Она продолжает: «Теперь, если вы не возражаете, я бы хотела... ну, если вам угодно, попрощаться, что ли... В общем, вы не могли бы?..» Я всё понимаю и молча выхожу в коридор, где волна радости обрушивается не меня с новой силой! О, это неимоверная лёгкость! Я бегу на кухню и озорно оглядываясь на дверь вылавливаю из соседкиного супа куски отборнейшего мяса! И торопливо запихиваю их в рот! Почему-то я при этом глупо ухмыляюсь и грожу пальцем своему отражению в тёмном окне. Если бы кто-нибудь заглянул с улицы, он бы решил, что здесь живет сумасшедший! Но меня это совершенно не беспокоит, и я отплясываю вприсядку перед треснувшим мутным зеркалом. Затем, погуляв некоторое время по скрипучему коридору и выкурив папиросу я решительным шагом направляюсь к себе. «Живые, в конце концов, тоже требуют к себе внимания! — хочу крикнуть я. — Забирайте вашу падаль и уходите!» Просто удивительно насколько может быть бестактен внезапно счастливый человек, но это я осознаю уже потом. И тут меня останавливает тишина — внезапно и непреодолимо, словно глухая стенка в конце длинного коридора. Страшная тишина стоит

у меня в комнате, притаившись за дверью и только ждёт когда я войду, чтобы набросится на меня, растерзать, уничтожить! Так страшно тихо не бывает в помещении, когда там кто-то есть, пусть даже он не двигается и даже не дышит... Нет, это особая, мертвенная тишина, тяжёлая словно свинец и вязкая как свернувшаяся кровь. Перед дверью я замираю с поднятой для стука рукой и не могу пошевелиться, словно налетев на непреодолимую преграду. Волосы шевелятся у меня на затылке. Я стою и не понимаю, почему это могло остановить меня, но сердце с замиранием проваливается куда-то вниз, и я всё равно просто стою и жду. И слушаю удары собственного сердца. Они почему-то очень гулкие и отдаются по всему телу так, что меня в конце концов начинает колотить крупная и редкая дрожь. Наконец я открываю дверь, как-то неестественно, боком, она страшно скрипит, и я вижу краешек присевшего от ужаса стола, открытый в немом протяжном крике буфет, искажённое дрожью окно, и в нем моё перекошенное отражение. И ещё жену нищего, тихонько покачивающуюся рядом с мужем за перепуганной ширмой.

Вполне вероятно, что у меня сделалась истерика, потому что я развернулся и ни слова не говоря понёсся на улицу и долго бежал по тёмным аллеям пока не обнаружил себя полуослепшим и судорожно хватающим воздух на скамейке под вывеской «Северный Мясокомбинат». Наверное, по дороге меня рвало, потому что рот был полон мерзкого вкуса, а колени противно и слабо дрожали. Ветер хлещет меня по лицу и гремитверху чёрными ветками. Фиолетовый свет фонарей. Белесая скамейка. Жёлтая вывеска. Тёмное зеркало витрины. Я сажусь на поребрик и долго ни о чём не думаю. На тротуаре валяется бумажная тарелка, испачканная грязью, и вся в пыли, а на её уголке лежит розовый кусочек сосиски измазанный чем-то красным. Вскоре порыв ветра

сносит эту дрянь прочь, и я почему-то чувствую грусть. Помню, я ещё долго думал о чём-то большом и пугающем и почему-то Михаил Степанович с мёртвыми глазами сидел рядом со мной, и я не смел пошевелиться... и... знаете, как получаются звезды? Это наши перемолотые кости на тёмном бархате, вот что я вам скажу. И мне непонятно, то ли это всё ещё действует проклятая настойка или я брежу? Теперь, конечно, уже никто не поверит, что это не я убил нищего. Да и хоть бы поверили — уже без толку, я слышал, как люди пропадали за гораздо меньшие вещи... и их перемолотые кости усеивают тёмное низкое небо. Это я, впрочем, брежу опять. Мне нужно хотя бы забрать некоторые ценные вещи из комнаты. Спотыкаясь и весь трясясь я очень долго иду к себе домой, и не знаю, сколько времени прошло с тех пор, как я вынесся из парадного. Может быть час, а может быть три часа. А может быть десять минут. Снова обшарпанная лестница, надпись «Васька — мясо!», оплывающие перила, отражение перекошенного человек в осколке окна (это я) и вот дверь.

Я захожу в коридор и тут же у меня всё окончательно темнеет в глазах и мне страстно хочется упасть в обморок, чтобы не видеть ничего, потому что смотреть как любопытная соседка выходит из моей незапертой комнаты я не в силах. Но она направляется ко мне, и я не вижу признаков страха, или ненависти, а впрочем, откуда я знаю, как следует смотреть на человека, имеющего на своей жилплощади двух висельников, я не знаю этого... Я вообще не вижу никаких изменений в её лице. Между тем, она, оказывается, обращается ко мне. И я слышу: «У нас опять сломался холодильник (при чём, при чём здесь холодильник?). А мясо-то свежее, ему не следует пропадать, мясу-то! А у вас окошко открыто. Я и повесила, перед окошком-то, значит, на верёвочке. Два куска там. Чтобы не стухло. Пусть на сквозняке по-

висит? Всё равно ведь окно на ночь не закрываете?» Она искательно смотрит на меня, а я гулко глотаю слюну. Наконец я киваю («Вот и хорошо» — это опять она) и снова оказываюсь на пороге страшной комнаты. Странное предчувствие томит меня и снова валится в чёрную яму сердце, и я никак не могу переступить порог. Я стою в тишине коридора и мне отчётливо слышно, как скрипят мои крепко сжатые зубы, но боли нет. Я неестественно улыбаюсь и роняю слюну прямо на пол, но сделать ничего не могу. Я чувствую, как у меня на лбу страшно движется кожа. «Так и стоять. Так и стоять» — крутится у меня в голове и мне кажется, что я стою уже целую вечность. Наконец, отчасти помогая себе руками, я чуть-чуть продвигаюсь к двери и со скрипом, очень медленно, открываю ее.

И тут меня страшно ударяет по глазам. Я вижу свою комнату очень яркой, чудовищная белая вспышка бьет от окна, и на этот раз освещено всё. Я быстро захлопываю дверь и прищемляю себе палец, но боли опять нету.

Рядом с окном висят два жирных куска мяса просто так, а за ширмой висят два куска мяса в гнилой одежде. По одному мясу ползет изумрудно зеленая муха, а потом перелетает на другое мясо и под окном стоит тазик с тошнотворной жёлто-красной жидкостью, и я понимаю, что это стекшая с первого мяса кровь. Что-то капает у меня с пальца в тазик, и я вижу, как в нем растворяется кровь с мяса моего защемленного пальца!

Я яростно улыбаюсь, потому что теперь мне становится всё понятно, я подхожу к столу, хватаю старый листок и пишу на нём: «У стены сидел кусок мяса с протянутым мясом, и рядом проходило тоже мясо с другим мясом». И всё. Вот настоящий шедевр, а многие мои знакомые считают, что я уже не могу написать гениальную вещь!

Видимо я издаю много звуков, потому что мясо за стенкой начинает шевелиться и бить мясом в дверь,

но мне смешно, потому что теперь всё понятно, и я громко смеюсь над ним! Стоит мне только посмотреть на него, и я сразу вижу все постыдные тайны этого мяса. Вот, например, у неё потемнение в том месте, где начинается филе — это она отравила другое мясо в 1920-ом году и так получила комнату. А вот высохшее место — это она отдала в детский дом совсем ещё маленький кусочек мяса. Мечтает она о том, чтобы можно было регулярно есть мёртвое мясо и ещё о другом большем куске рядом, но не для еды.

Мне страшно весело и, подпрыгивая, я раскачиваю висящее мясо и мне очень смешно смотреть как они сталкиваются и как неугомонная зелёная муха перелетает с куска на кусок!

Я подхожу к умывальнику, чтобы снять кусочки чужого мяса со своего.

И вижу зеркало.

Вижу зеркало.

Зеркало.

Но я не вижу себя в нём.

А вижу я живой мясной кусок вместо своего лица и большие белые шары с маленькими чёрными точками. Хрящевой отросток посередине. Переплетение жил. Вены и артерии. Вскипающую пену у чёрной щели рта. Я вижу живое мясо перед зеркалом рядом с мёртвым и кусочки мёртвого на моем живом.

И мне становится дико, и холодный пот выступает у меня по всему лицу. Я вижу настоящего себя и мне очень, очень страшно! И я что-то выкрикиваю тонким фальцетом... и теперь мне понятно, почему Михаил Степанович быстро шептал «мясо, мясо, мясо» и почему он при этом так отворачивался. И мне всё окончательно ясно. «Мясо!» — кричит моё мясо и судорога скручивает другое моё мясо, и со стоном обрывая с себя это ненастоящее, чужое лицо, я выбегаю из комнаты уже в последний раз.

Предраcсветный лес наваливается на меня сырой тяжестью, но земля ещё тёплая после жаркого дня. Я ложусь на землю и слушаю лес. Где-то вдалеке скороговоркой стрекочет дятел, а высоко в розовых с голубым небесах поёт жаворонок. Я всхлипываю и плачу в голос, громко, и мне очень, очень холодно. Пытаюсь согреться, я подгребаю тёплую землю к себе.

И ещё.

И ещё.

Тетрадь отбросить подальше.

Всё.

20.11.2008

2009

Бракованная жизнь

Чему посвящена жизнь человека? Здесь я выдвигаю свою теорию.

alivedeath

Мне досталась бракованная жизнь.
Жалкое, невнятное отрепье.
Ты думаешь я пишу стихи, улыбаюсь, шучу
От весёлой и радостной жизни?
Так нет же!
Блядь, как меня всё вокруг достало.
Весь этот мелкий быт,
Несовершенство пропорций.
Постоянная суета, когда
Некогда подумать даже о смерти.
И стук стрелок часов,
Бьющий так громко,
Что разум начинает не выдерживать
И выдаёт мерзкие картины,
Которые как калейдоскоп крутятся,
Летают у тебя в голове
Заставляя содрогаться
И давая понять, что радость
Это как наркотик, как занавес
Который со временем открывается,
Неизбежно. Помимо твоей воли.
И обнажает всё то, что в здравом уме
Даже понять не пытаешься.
И начинаешь снова искать радость.
Ту, которая раньше тебя согревала
В своих нежных, и правильных объятиях.
Ту, которая напоит тебя своим воздухом чистым,
Прямо из своих лёгких,

Вдохнёт в тебя уверенность,
Заглушит запах смрада и реальной жизни.
В руках который ты почувствуешь себя ребёнком.
Свежим, и не порочным. С лёгким запахом новизны.
Но когда-то последняя сигарета сгорает,
И последний бокал заражается пустотой.
Так же, как и ты.
И снова, чтобы не потерять разум
Ты ищешь её. Радость.
Не для того, чтобы любить,
А для того, чтобы выжить.
Ты — потребитель, а она — продукт потребления,
Который если не используешь сам,
То использует кто-то другой.
Более дерзкий чем ты.
Такая же мразь, как ты.
И всё равно, на каждом стоит
Свой срок годности,
Который на стороне правды
Виден только пустым. Просроченным.
Ты зол на неё.
Раз она всё равно оказывается с тобой,
Лишь в разных обличиях,
То почему бы ей не остаться одной.
Той единственной.
«Мразь», — говоришь ты.
«Ты мной пользуешься, сука!» —
Говоришь ты, когда её срок пользования
Проходит, и ты используешь пустоту,
Которая ничего не даёт взамен.
Ни-че-го. Совсем.
Ты закончил эту мысль?
(не разборчиво написано)

Так запомни, это ТЫ жалкая мразь!
Это ТЫ её используешь!
И не жди конца.
Ты уже в его начале.

12.01.2009

Маленькая зайка

Каждый, читая какой ни будь мерзкий рассказ или смотря порнофильм, для драматичности момента говорит: «Как же это противно». И замолкает. Потому что в это время переваривает свои мерзкие моменты жизни. И когда оказывается, что они во много раз более пошлые чем только что увиденное или прочитанное, то вжимается в кресло, в ужасе лелея своего зверя внутри.

alivedeath

*Я упиваюсь любовью твоей красоты.
Я ублажаюсь твоей маленькой смертью.*

I

ПривэйТ!
Хочешь, я расскажу тебе сказку,
Моя маленькая зайка.
Хочешь, ты узнаешь про страны,
Где люди-уроды нападают на сознание.
Где девственницы рисуют на деревьях
Причудливые палочки
Своей кровью, смешанной с внутренностями
Своих возлюбленных.
Где чёрные леса пожирают сами себя,
Потому что нет у них больше рук,
И у деревьев нет разума.
Про маленьких человечков, которые
В данный момент жадно облизывают

Твои внутренности,
В надежде что ты скоро умрёшь,
И они наконец-то смогут их сожрать,
Моя милая зайка.
Не хочешь?
Почему?
Можешь ничего не говорить.
Я вижу это по твоим заплаканным глазам.
Тушь оставила вокруг них трупные узоры,
Которые похожи на маленьких ягнят из моих снов.
Твой ротик.
Он самый прелестный.
Я помню какое великое удовольствие
ты мне доставляла,
Нежно шевеля им, в надежде что останешься жива,
Если ублажишь меня.
Ты всегда глотала.
Я видел по твоим глазам,
Тебе это нравилось.
Ты долго описывала мне вкус,
Который сопровождал тебя постоянно.
Тебе нравилось, как я курю,
Как я выпускаю дым губами, которые
Через мгновенье целовали тебя,
И твою ауру.
Я помню, как ты стонала.
Дерзкие крики вырывались у тебя изо рта,
И пытались пронзить скорлупу материи.
Но она обращала всё пространство против тебя.
Я делал тебя больно.
Я делал тебе — сладко.
Ты нежно закусывала губку,
Как будто тем самым зажимала какой-то рычажок,
Отвечающий за грани твоего удовлетворения,
Моя милая зайка.

Ты придумывала всё новые и новые извращения,
Которые я так обожал.
Иногда я чувствовал, как докасаюсь до
Твоего мозга.
Он такой приятный на ощупь.
Даже приятней, чем на вкус.
Чувствуешь, как я слизываю капельки
Твоей крови с твоего животика,
Которая смешалась с моей кровью.
Ты была до последнего девственна,
Моя милая зайка.
Но когда-то радость заканчивается,
И начинается то, что происходит вокруг нас.

II

После того как я начал есть
Мясо твоей бабушки,
У меня начались провалы.
Куда-то на ту сторону.
Я помню, как ты обнажённая,
С одним маленьким колечком,
Которое я вставил тебе в шею,
Стояла у камина и жарила плоть
Ещё живой, твоей бабушки.
Помнишь, как я сжимал её челюсть,
И мы кормили её своей же плотью.
Я навсегда запомню эти крики старухи.
Она была мерзка до крайности,
И от этого божественна.
Я ещё тогда сам съел её крылья.
С перьями и чешуёй.
Тебе нельзя.
Ты на диете.
Её плоть начала приживаться в моём желудке,

От того вызывая сбои подачи кислорода
В маленький шарик, который я называю сердце.
Я не хотел этого.
Хотел просто чувствовать
Себя в тебе.
Только это.
Я начал привязывать тебя к себе,
Вырывать твои прелестные волосы.
Но не много.
Я вырывал только лишнее.
И до сих пор я влюбляюсь только в девушек
С абсолютно прямыми волосами.
Это моя фобия.
Моя страсть.
Только тсс, а то зубная фея
Не заберёт семь твоих выпавших зубиков,
А откусит тебе уши и улетит,
Оставив пыльцу на твоём милом личике,
Которая вызовет раздражение.
Твой организм начал отторжение моего семени.
Когда я кончал на тебя, это вызывало
Жуткие красные пятна, которые со временем
Превращались в гноящиеся шрамы,
Моя милая зайка.
А случаться это начало из-за того,
Что мясо твоей бабушки ещё при
Её жизни, на теле, было тухлым,
Закисшим, и немного с червинкой.
Вкус моей спермы стал горький,
Терпкий, и больше не мелодичный.
Ты перестала смешивать её с чёрным кофе,
И жадно выпивать эту жидкость
Заедая долькой лимона,
Которые у меня были аккуратно упакованы
В свиной желудок,

Моя милая зайка.
Ты начала сильнее гладить мою спину,
Сдирая с неё куски мяса и надписи,
Оставленные мною в прошлом по глупости.
Но мне нравилось, когда моя кровь с твоих пальчиков
Размазывалась по твоим крахмальным губкам.
Позже, когда спина стёрлась до рёбер,
А твои ногти были съедены
Вместе с кусочками моей плоти,
Я начал добиваться этого эффекта
Разбивая твоё личико.
Но быстро отказался от этой идеи,
Потому что перестал узнавать тебя
За кусками мяса, свисающего с твоего милого личика,
Моя милая зайка.
Каждый твой пальчик,
Я знал вкус каждого твоего пальчика.
Больше половины тебя было в мне.
Я счастлив. Меня переполняла радость.
Какая же ты у меня маленькая.
Ты мой самый сладкий ребёнок.
У тебя только начались месячные.
Я ими просто упивался.
Это давало мне снова и снова
Лишать тебя девственности.
Это самое сладкое.
Но тебе почему-то это не нравилось.
Я так до сих пор и не понял, почему,
Моя милая зайка?
Ты не сильно стала беспокоиться о родителях.
Они тебе перестали звонить.
Это я постарался. Это я их убил.
Всё как ты мне рассказывала в мечтах.
Кровь из артерии матери, перебитой
Их садовой лопатой,

Стекала на лицо твоего отца,
Изо рта которого торчали ручки твоего братика.
Как бы тянутся к матери из плоти своего прародителя.
Со стороны смотрелось очень драматично.
Я даже сохранил фотку с мобильного.
Но тебе я её никогда не покажу.
Это ранит твой хрупкий, и без того искалеченный
разум,
И твоё мировоззрение,
Моя милая зайка.
Ладно, на сегодня я и так рассказал больше,
чем хотел.
Твои глазки сами не закрываются, но я помогу тебе.
Спи, моя милая, любимая зайка.

12.01.2009

[пере-имя]

Проза, белого цвета.

tai

7 3:49:54

0_08 [21.1]

На парте лежит книга и обещает способы достигнуть ЭйфОриИ не без помощи «шоколадных» пластинок. В ушах — Земфира, можно бы остановиться, закурить или помедитировать на свой пупок. Свиток с бешеными хаотическими выдачами Гоголя на рабочем столе, в твоём блокноте, в твоём разуме, прокисшем сердце и прочими {чуть более прочными} внутренними органами. Твои руки не могут быть спокойными, блуждают, трогают картины Босха, отчуждённые линии досок, кривые безразличия по обе стороны нагих ублютков.

Я не шла там вовсе! Просто так подвернулось пламя, сизые мотыльки формалина больше не машут своими крыльями, ныне они не ведают о тайнах фонароздания... а может и к лучшему? Сохраняют в фольге свои эмоции-амбиции-псевдовозможности, держат посты, бдят обещанья. Нам же так легче!

Ободранные локти, НЕБО СВОДИТ СУДОРОГАМИ от начала мизинца на левой ноге. Где-то в квартире ключ, отпусти меня: я не хочу слышать о твоей осени, о твоём жаре на улице Гашека, 20/08, о «Практике», о бездарности подражателей Канта в своих метафизических квантах. [о том, что ты простишь мне любую мою ложь]

Ту, которую ты слышал в минуты забвения, в бессонницу. Я твоё вдохновение. И ты не можешь прощать мне мою ложь. Она — всё, что у тебя есть. Всё, что у тебя останется, когда я покину это минное поле, где мы взрывались не раз, и не раз казались друг другу калеками.

В чужих постелях алый мак и его слёзы, всё тело есть продолжение пустоты, обёрнутой в бумагу оттенков зелёного. Белые песчаные полоски в туалетах клубов и офисов. Мы у черты. Я ОДИН, БЛЯДЬ, И РАЗБИТОЕ ЗЕРКАЛО! Синдром фомы на позицию иуды.

12.01.2009

Буто́н розы

Лустяк.

Creiven

Было сумеречно, таинственно, и тяжело на душе. Внемя моему томительному ожиданию, приоткрылась дверь, впустив на порог, луч лунного света. Я вышел в ночь. Туманы, клубящиеся в лунном свете, и неподвижность дремучей темени леса, покой камня в тёмных пятнах мха, и движение белых бабочек, похожих на стайку белых лепестков, уносимых ветром: такую ночь увидел я, освобождённый неизвестным.

«Зачем ты вышел», — спросил меня тот, на кого я не смел поднять глаза. Сырая земля дышала мне в лицо тяжелым запахом, который я ненавидел и всё же я предпочёл лежать у раздвоенных копыт.

«Потому что пришло время», — ответил я.

«Время бутон или кокон?»

Когда тень сойдёт с меня, уступив место лунному свету, тогда я буду свободен, и раздвоенное копыто не будет сурово смотреть мне в лоб, дознаваясь чтобы впустить или уничтожить.

Я промолчал, решив не отвечать на вопрос.

И тень сошла...

Я встал, и увидел полную луну, а под ней в полумраке низины, сереющие кладбище, — всех тех, кто не выдержал испытание раздвоенным копытом.

29.01.2009

Обыкновенная история

Без описания.

oldingt

«Он лёг в траву и заплакал».

Антуан де Сент-Экзюпери, «Маленький принц»

А есть ли начало?

Мужчина улыбнулся женщине. Женщина улыбнулась мужчине.

Кричи!

— Кричи! Кричи, мелкая тварь! Что, не можешь?

Перекошенная физиономия женщины напротив заплаканного личика маленькой девочки — буквально вплотную, чуть ли не упираясь носом в её маленький носик.

— Не можешь, паршивка? Не можешь!

Женщина точно отрывает из себя слова, рычит сквозь плотно сжатые зубы. Глаза воспалены — налитые кровью, как у дикого зверя. Она брызжет слюной, и слюна летит на личико ребёнка, смешивается с его слезами. Женщина матерится. Женщина хватает ребенка за короткие волосёнки, трясёт, рывками откидывает его голову назад и плюет в лицо.

— Отродье! Воешь, сучка писклявая?! — её слова смешиваются в неразборчивую речь.

А девочка, не способная закричать во всё горло, надорвано воеет. Её ротик туго залеплен скотчем, и вой вырывается через нос с каждым новым выдохом, пока женщина не решает сжать его.

Лица

Мне снились лица. Прекрасные лица женщин и мужчин, но я сторонился мужских лиц, стараясь замечать лишь женские, и любовался ими. Их красота и успокаивала и возбуждала, рождая в этом сочетании некое чувство блаженства. И больше ничего — ничего до, и ничего после, — лишь оставалось смотреть на красоту лиц, придавая этому чувству.

Во время сна у меня случилась поллюция. Проснувшись далеко за полдень, я продолжал лежать в постели с липким ощущением в паху, почему-то забавляясь этим. Кажется, последний раз произвольная эякуляция во сне у меня случилась лет в пятнадцать. Не подумал бы, что такое может случиться годы спустя. Нестерпимо захотелось мастурбировать. Сунув руку в трусы, я предался самоудовлетворению. Отличное пробуждение, новый день окрасился тёплыми светлыми красками удовольствия, несмотря на то, что за окном стояла пасмурная погода и накрапывал дождь, а голова слегка гудела от выпитого вчера.

Нитка

Уходя, женщина бросила:

— Так надежнее. Меньше будешь рыпаться.

Слова были кинуты. Слова повисли в сжатом пространстве ниши, зацепившись за мрак. Слова продолжали звучать — казалось в полной тишине, — будто бесконечное эхо.

Невидно ничего. Дверь в нишу плотно заперта. Но в темноте, привязанная к табурету, сидит девочка. Она боится дышать, она боится проронить хоть мелкий звук. В её рот запихан грязный носок, её рот криво зашит шерстяной ниткой. Кровь уже перестала течь — за-

сохла, покрыв губы и подбородок тёмно-багровой корочкой.

Тихо-тихо сидит девочка, не роняя даже слез. Но плачет её душа, и вместе со слезами томиться по ещё чему-то неясному. И тянется что-то из детского сердечка, так похожее на молитву, к... «Что такое Бог?» — неожиданно подумала девочка.

Отражение

Я смотрю на себя в зеркало ванной. Мне нравится эта процедура, по возможности стараюсь всегда её придерживаться. Смотрю на ноги — насколько позволяют размеры зеркала, — смотрю на висячий пенис — теперь он не так внушителен, как при эрекции. Легонько бью по нему щелчком и ухмыляюсь его непродолжительному раскачиванию — неудавшийся маятник, не желающий отбивать время жизни организма, которому принадлежит. Эта мысль вызывает смех, представляю себе картину, если бы всё мужское население было обременено тем, что их, так горячо ими же любимые и оберегаемые члены, от природы раскачивались из стороны в сторону, да еще у каждого со своим тактам. Как маятники, или же метрономы, в зависимости от положения. Женщины точно с ума посходили бы от смеха.

Смотрю дальше: лобок, живот, грудь, руки, плечи, шея. И повсюду зажившие порезы. Мне приятно проводить по ним пальцами. Эти тонкие полосочки, словно оголённые провода, через которые тело чувствует прикосновения заметно ярче.

Последнее на что смотрю — это лицо. Оно некрасиво, обезображено, но я не смущаюсь представившемуся виду. Нос немного свёрнут влево, свежие шрамы по всей левой части лица, от чего бровь вьётся прерывистым зигзагом, щека в рубцах, а верхнее веко неудачно срослось

с нижним. Теперь левый уголок глаза затянут. В этой уродливости есть место и смешному — вокруг губ остались следы от затянувшихся проколов, оставленных иглой. Не знаю, но как-то забавно это выглядит. Вообще всё тело, всё лицо — забавны!

Руки

Девочка лежала на кровати рядом с засыпающим младшим братом. Она так много хотела бы сказать ему ласкового, нежного, но с недавних пор её лишили возможности внятно говорить, а она не хотела осквернить его детский, непорочный слух своими хрипами и протяжными стонами. Девочка просто гладила мальчика по мягким тёмным волосам и не могла нарадоваться его милому личику, его посапыванию, ласкающему слух. «Какой же ты у меня красивый», — любовно думала она. «Дай Боженька тебе счастья!» Она гладила его и гладила, без усталости, с наслаждением. Пока не открылась дверь в комнату, и острый луч света не резанул по её лицу, глазам. Девочка зажмурилась, а в следующее мгновение еле сдерживала крик. Женщина тащила её за косу к выходу.

— Сколько раз тебе говорить, гниль мерзкая, чтобы не касалась брата своими чумными граблями!

Расстояние

У меня множество имен. У меня разный возраст. Я проживаю в десятках городов. Я двуполой. И все это — ложь! Ложь похожа на слоёный пирог, она ложиться одна на другую, вырастая до невероятных размеров, когда уже не можешь отличить её от правды. И с удовольствием заглядываешь кусочек за кусочком, пытаешься наестся. Голод же так и остается, ибо ложью невозможно насытиться. Но мне это безразлично — я кормлю ложью, и мне неважно, чем потчуют меня.

Интернет — вот та штука великого обмана, где ты можешь быть кем угодно. И этим я пользуюсь. Разве что только перед одним человеком я откровенен на столько, на сколько могу быть откровенным. Что-то в той девушке мне приглянулось, и я потянулся к ней, а она ко мне. Возможно... возможно и здесь скрыт обман, но почему-то мне так не кажется. Я называю её любимой. И одно её «Привет!» лучезарнее солнечного света.

Включил компьютер, зашёл в интернет.

В ICQ её не оказалось. Нас разделяло огромное расстояние — тысячи километров, — но к этому времени она обычно уже появлялась. У нас день в разгаре, у них ещё только утро, но вставала она всегда довольно рано и сразу включала ICQ в телефоне — проверить, вышел ли я в сеть.

Просидел два часа, тупо уставившись в монитор. Заходили и уходили другие пользователи, с которыми я временами общался, и для каждого из них сочинил свою историю о себе. Но сегодня мне не хотелось с ними перекинуться и парой слов. Настроение оставалось хорошим, но из-за отсутствия виртуальной подруги стало немного грустно.

Решил включить музыку. Не громко. И не тихо. Выбрал альбом «Viva La Vida Or Death And All His Friends» группы «Coldplay».

Пузырики

Мальчик, прижимая к груди подушку, потирая сонные глаза, вошёл в гостевую. Женщина курила у окна, выдыхая нервно дым в форточку. На ногах она держалась не крепко. Облокотившись спиной о стену, на полу сидел противно всхлипывающий голый мужик. У его ног лежала голенькая девочка, кровь покрывала полностью её лицо и внутреннюю часть бедер. Девочка часто моргала,

а из свернутого носа то и дело надувались кровавые пузырьки.

Брат посмотрел на сестру, и, кажется, она ему улыбнулась. Посмотрел на мать.

— Мама...

— Она же меня укусила!!! — заорал во всю глотку мужик, устремив взор на вздрогнувшего от неожиданности мальчика.

А девочка смотрела на испуганного брата и думала: «Какой же ты у меня красивый. Боже, сохрани тебя». И так радостно стало на её душе, и так мирно на сердце, и так сильно захотелось спать.

— Ты тут, Господи? — неслышно прошептала она, не чувствуя языком зубов. Но уже было всё равно.

Прощание

Не дождавшись любимой, я выключил компьютер. Стало как-то совсем пусто. Дождь за окном прекратился, сквозь рваные тучи подглядывало солнце, уходя на закат.

Я пошёл в соседнюю комнату, где находилась спальня матери. Прежде чем открыть дверь постучал, но не дождавшись ответа, решил войти. И замер на пороге. Значит, это произошло на самом деле, теперь вспомнилось всё отчетливо. Стало горько и стыдно, и я отвел глаза. Но сильного сожаления не было, в конце концов, не этого ли я хотел столько лет.

— Прости.

Начало подташнивать.

— Прощай.

На краешке кровати я оставил фотографию. Черно-белый снимок, старый как моя жизнь. На нём, на фоне залива: стою я, совсем карапуз, сидит на корточках мать, держа меня за руку. По другую руку от матери розовым

фломастером нарисовал человечка — на его месте должна была стоять сестра, но её всегда оставляли дома. Со мневаюсь, что о существовании её вообще кто-либо знал. Правду порой так легко скрыть.

Монолог

Он впервые был пьян. Напился тёмного пива.

— Привет, мамуля. Тёмное пиво — тёмные мысли. Понимаешь?

Алкоголь помог справиться со страхом. На улице ночь. Окно в комнате зашторено наглухо. Свет зажжён.

— Узнала меня, мамуля?

Прошли всего сутки, как его не было дома. Но узнать парня было тяжело.

— О, да, мамуля! Теперь я похож не неё, правда?

Он нависал над нею, лыбясь в её перепуганное лицо. Ему тяжело было держать голову, и он уткнулся своим лбом в лоб матери.

— Я старался, мамуля. Очень старался. Было жутко больно, но так приятно. Всё ради тебя.

Язык у парня заплетался. Руки дрожали. Он весь немного дрожал, как на холоде, даже покрылся гусиной кожей.

— Узнаешь во мне её? Узнаешь, маман?! Ты всегда спрашивала, откуда у меня берутся каждый раз раны. Теперь отвечу правдиво — я сам их себе наносил!

Сорвался на крик, и сам же озлобился из-за этого.

— Смотри на меня! Скули! Скули, как... — не сразу нашёлся, что сказать, — как сука!

Засмеялся хрипло.

— Помаши туда. Нас снимают.

Он указал на камеру, поставленную на угол стула принесённого с кухни.

— Не можешь? Будь благословенен крепкий сон!

Явившись ночью домой с цифровой камерой — неизвестно откуда раздобытой — и верёвкой он, пока мать спала, распял её, привязав руки и ноги к ножкам кровати. Когда она начала просыпаться, он уже заклеивал ей рот клейкой прозрачной лентой.

— Петелька туда, петелька — сюда. Ты, мамуля, похожа на звезду.

Сын сидел на матери. Закрыв глаза, отстранился от неё. Выдохнул громко.

— Я запомнил до мелочей каждый сантиметр её прекрасного тела. Знаешь, давно лелеял мечту стать её образом и подобием. Ты говорила, что она ошибка природы, гниль. Ты поила сказкой, что она от семени насильника. Ха, маман, я только потом понял, что ты её оставила лишь для того, что бы, — парень ошерился, — чтобы отплатить ей за боль, причинённую её отцом тебе! Провинность взрослых, всю тяжесть, всю боль — на плечи невинного дитя. Шикарно, маман! — парень икнул. — Что я несу? Смотри, мать! Я грубая подделка, но ведь похоже?! Похоже!

Затуманенным взглядом посмотрел на неё — испуганную, дрожащую ещё сильнее его, поскуливающую. Всё так, как он себе и представлял.

— Последний штрих, мамуля, и я подарю тебе то, чем ты одарила её. Смотри на меня, я — воскресшая она!!!

Достав из кармана деревянную прищепку, парень зажал ею нос матери. После чего начал стягивать с себя штаны.

Уход

Я снова включил компьютер, вошёл в сеть, подключился к ICQ и отправил короткое сообщение любимой: «Я еду к тебе». После чего включил форматирование жесткого диска. Кассету из камеры я засунул в микро-

волновую печь и немного «подогрел». Так и не прояснилось, зачем я снимал эти ужасы на видео? Хотел после пересматривать и наслаждаться победой? Но теперь абсолютно не возникало желания смотреть это тошнотворное действо.

Взял с собой самое необходимое — вместилось в маленькую спортивную сумку. Больше ничего не трогал, оставил всё как есть. Входную дверь закрыл на один замок, на один оборот ключа. Поклонился дому и ушёл.

Сотовый

В жизни всё устроено довольно смешно и забавно. Забавно многое, как я не раз уже говорил. Забавно тело человека, легко подверженное изменениям, забавны ситуации. Забавно и то, что случилось со мною. Удивляться нечему, за всё нужно платить, и расплата рано или поздно настигнет каждого. Лучше рано, пока воспоминания ещё не зажили окончательно. Вот и меня постигла интересная кара. Я много раз резал себя, чтобы придать чертам лица, виду тела, тот образ, который я запомнил в сестре. Всё, что коснулось её и изувечило, я хотел перенести на себя, хоть так уподобиться, стать похожим на неё. Физически сблизиться и... отомстить той, кто позволял увечить и увечил сам. Сестра приняла смерть от матери, мать от сына. Сыну же уготована смерть от призабавнейшего недоразумения.

Все же я решил отбить SMS девушке из интернета и так увлёкся сим процессом, что не замечал что впереди, под ногами. Просто при очередном шаге я не почувствовал под ногой земли, но было поздно и я уже летел вниз. Ударился сначала рукой, потом подбородком о противоположный край ямы. Канализационный люк, мелькнула догадка. А затем я рухнул на дно, и что-то обжигающе больно вошло в меня. Кажется, что разорвало всю спи-

ну — боль мгновенно заполнила всё тело, голова дико разболелась, и я не мог пошевелить ею. Не мог пошевелиться вовсе, кроме как ворочать языком.

«Чёрт, вот же пропасть! Так и не отправил сообщение».

Перед глазами плыло, сжималось в узкую полоску. Пока не исчезла и она.

Дыши!

Будто невидимая рука вытолкнула девушку из сна. Она резко села в кровати. Пот заливал её лицо, покрывал тело, длинные тёмно-русые волосы прилипли к спине, к груди, к плечам. Выглядела она ошалело, можно было сказать, что она не в себе. Девушке нездоровилось со вчерашнего вечера. Жар, температура, вялость. Приняв анальгетиков, ей удалось к часу ночи уснуть. Но казалось, что причина сейчас не в хворобе. Отсутствующий взгляд, одеяло сжато так, что побелели костяшки пальцев, и непрерывный шёпот: «Дыши, дыши, дыши, дыши, дыши, дыши, дыши...» Одно слово, слившееся в непрерывном повторении, вроде магического заклинания. «Дышидышидышидышидышидышидышидыши...»

Запах

Пахнет лугом, пахнет мёдом. Пахнет слезами матери. Я смертельно обидел тебя, мама. Прости! Пахнет тёплым прикосновением ласковых рук сестры. Я не защитил тебя, сестренка. Прости! Пахнет землей, окропленной слепым дождиком. Да, это особенный дождь — от него жмуришься, радостно подставляя лицо каплям и лучам солнца, и тогда кажется, что оно, солнышко, проливается на тебя своим светом — таким осязаемым. И совсем не горячо, а даже упоительно свежо и прохладно! Контрастный небесный душ — вот, что такое

слепой дождик. А мы бежим с сестрой наперегонки по полю среди жёлтых снопов. «Уху-ху-у!» — кричу я. «Догоняй!» — кричит она. Я так хочу, чтобы это было на самом деле, а не фантазией.

А ещё пахнет любовью. Эта любовь тянется издалека и у неё особый аромат — аромат самой жизни.

А есть ли конец?

Захотелось кричать. И тогда я закричал...

09.02.2009

Немой эскиз

Мы художники своей и чужой жизни...

oldingt

Контур

Девятого августа две тысячи второго года Илья ослеп. Произошло это довольно быстро, но двенадцатилетний Илья успел почувствовать дикую боль прежде, чем перегруженное этой самой болью сознание решило отключиться, чтобы не перегореть вовсе. Интересно ослеп Илья: сначала на левый, а потом, когда уже он ничего не чувствовал, заваливаясь навзничь, на правый глаз. А ведь он так любил читать! Очень любил. И когда произошла трагедия, первой мыслью, прорывающейся сквозь горячие глыбы боли и накатывающую холодную волну темноты, была мысль о книгах — неужели он больше никогда не сможет читать их?! Илья хотел бы закричать, больше не от физической боли, но от другой, сдавившей сердце мгновенной печалью. Не закричал. Потому что неумел кричать. Потому что появился на свет немым, и с плохим слухом.

Когда она узнала об этом, придя в себя после тяжелых родов, то сильно изменилась. Хорошо то, что изменилась в лучшую сторону. Она дала новорожденному мальчику имя — Илья. Она очень полюбила его, несмотря на врожденные дефекты. Пожалуй, только тогда в ней по-настоящему родилась любовь к ближнему, и не важно, что этим ближним оказался родной сын. Раньше новоявленная молодая мама вообще мало о ком думала и заботилась. К своим двадцати двум годам она успела попробовать всё, что хотела испробовать, томимая любопытством и извращённым интересом. Конеч-

но, не одна она. Судить и винить не за что. Она отдавала дань моде. Через курево, выпивку и секс. А как же без него! Столь приятный, хоть и смутный, когда в губах дымятся останки сигареты, в желудке плескается крепкое пиво, сдобренное парой стопок водки, а над тобой пыхтит расплывающийся образ кого-то. Презерватив? Если он и есть, всё равно часто рвется. Главное, чтобы упорный образ, всё больше и больше превращающийся в нечто аморфное, вовремя вытаскивал свой член, пусть лучше кончает ей на живот. Не успел? Вот же убогий какой, давай тогда бабки на таблетки. Я тебе уйду, сука, деньги гони, тварь! Любопытство удолетворилось, переросло в привычку. Что-то неуловимо притягательное было в различных пьянках-гулянках. Однажды ей предложили наркоту. Слава Богу, хватило ума отказаться, пусть и через нетрезвый смех. А кто-то ведь укололся, заторчал. Или их было несколько? Этого она уже не помнила, но точно знала, один из них и оставил ей подарочек, совсем скоро репероплотившийся в зародыш. Ну, разводила руками, хоть гадость какую не намотала. Миловал Господь на протяжении всей разгульной жизни. Миловал, спасибо ему. Это она теперь говорит, держа младенчика на руках. Дрожит, смотрит влюблённо, плакать хочет, а слезы не текут, лишь в душе водопад горечи: бедненький мой сыночек, родился у мамки испорченной, у дуры никчемной... А тогда, узнав что залетела? Испугалась? Еще бы! Чуть не покончила с собою. Одумалась вовремя, но курить и пить не перестала, разве что в меньших количествах. Когда впервые плод дернулся, когда она ощутила его брыкания, на сердце вдруг навалилась такая грусть, снова захотелось разом от всего избавиться — от ребенка и жизни своей пустой. И опять не смогла, но погрузилась в апатию, что и спасло её от дальнейшей деградации. Послала куда подальше всех и вся. Положительно

это сказалось на мозгах. Но бабки, вечно восседающие на лавочках у подъезда, будто памятники на постаментах, не перестали называть её шалавой и потаскушкой, между собой, конечно же.

Самый праведный суд на свете — это суд бдительных старух на лавках при подъезде. Мучимые запором или поносом, распираемые словоблудием, вооруженные остро заточенными языками, и ловко орудующие плетью сплетен, они каждый день выходят на смертный бой со всем человечеством, по уши утопшем в собственном дерьме. Они призваны очистить мир посредством святых пересудов. И пусть взгляд уже не так зорок, это нисколько не мешает обличать всех во всех смертных грехах. Для них нет людей, есть лишь цели для язвительных хорал. Каждая из них — пуп Земли, прочие — не что иное, как побочные элементы, жить которым позволено затем, чтобы на них наводили язву слов. Раньше их сидело у подъезда семь штук, теперь же осталось шесть. Одна ушла, но не в магазин на углу дома, а окончательно и бесповоротно, туда, откуда не притащишь и узелок сплетен. Умерла, в общем, самая рьяная собирательница и сеятель различных, но постоянно гнусных, толков. Умерла в тот момент, когда костила будущую мать Ильи, заприметив, что именно её отвозят в роддом на карете скорой помощи. Так разошлась, что околела, предварительно порадовав очумевших подруг предсмертными кривляньями. О, те ещё долго будут вспоминать этот случай, каждый раз насыщая его новыми художествами. Вновь будет перепадать и той, при осуждении коей и протянула, изъеденные варикозом, кривые ноги бабуля. Но, всё-таки, стали осторожнее на высказывания, переживая, как бы и их не убило от усердия. У помершей была семья. Честнее сказать, что от понятия сего слова осталась только название. Дочурка её жила отдельно. Дочурке было на тот момент, когда старушенция сверлила угасающим взором

непроницаемую серость туч и булькала слюнями, надеясь, что не откинет так скоро коньки, так вот, было дочурке сорок с хвостиком лет.

Сорокалетняя дочь жила в однокомнатной квартирке, где воняло кислятиной от перегара, от дыма сигарет и папирос, набитых дурью, от смрада невымытых тел и спермы, от мочи и другой мерзости. Кругом стеклянная и пластиковая тара, пакетики с какой-то тошнотворной гадостью, условно напоминающей о еде. Закинутый под скрипящий диван свёрток шевелился — в нём проходил процесс разложения, и уже всюду орудовали черви, дожидая остатков человеческой пищи. Мебель если и была, то грязная, пыльная, залапанная, местами поломанная — большей частью это были следы от падения пьяных до бесчувствия тел. Падала, даже чаще остальных, и пьяница дочь. Она начала свое падение уже давно, с первой рюмкой коньяка, которой её угостил муж, тогда еще живой. Быстро вошла во вкус. А когда мужа не стало, то нашла великое утешение среди целой изгороди пенисов. Словно сорвавшаяся с цепи сука, вдова набрасывалась на каждый новый член, сосала его остервенело, будто хотела вылезать до зеркального блеска, потом позволяла запихнуть его в себя, не важно куда, хоть в зад, лишь бы поглубже. Её трахали, а она рычала, стонала, от сладостного чувства, что распирал её изнутри бурным вождением. Ей хотелось больше, ей хотелось чаще, ей хотелось всегда и со всеми. Убогие мужички снабжали дочурку пойлом, порой приносили перекусить; они знали, что и этого хватит, чтобы раздвинуть ей ноги или насладится её глубокой глоткой. Их, бомжеватых, приводило в восторг, что она проглатывает сперму, позволяет кончать в неё. Какой долгий полет, какие отвратительные стены бездонной ямы. Бездонной ли? Рано или поздно грядет удар — встреча с неминуемым дном. Да пропади она пропадом, окружённая вонючими мужиками! Так хочет-

ся крикнуть. Но дело ещё в том, что вместе с нею делит сложившийся быт ещё один человек. Человеку семь лет. Он родился мальчиком, но уже не знает кто он на самом деле.

Когда отец погиб на шахте, мать пустилась во все тяжкие. Он смутно помнил отца, ведь тот умер, когда пацану было три годика. А скоро — каких-то ещё три года спустя, — в один светлый день, он перестал ощущать себя человеком. Он стал кем-то неясным, а светлый день превратился в непроглядную ночь. Мальчик плакал и давился криком, но широкая, мозолистая рука крепко зажала ему рот. Пальцы другой сковали его руки, заведённые за спину. Мать смеялась приглушенным, квакающим смехом. Она ничего не видела, ничего не понимала в пьяном бреде, но что-то забавляло её. Как и того, кто всем весом налёг на мальчугана. Он подумал, что его хотят раздавить. Но дальше стало хуже. Что-то большое пыталось проникнуть к нему в попу. Дальше была истерика, и всё завертелось в общем водовороте событий. Несколько дней у него всё болело там, он не мог нормально сидеть, а порой оттуда начинала идти кровь, тогда он пугался и плакал. А потом всё повторилось с шокирующей точностью, точно назад отмотали видеопленку и прокрутили вновь. И раз за разом, пока пацан не сбился со счёта, пока всё это уродство не слилось в одну сплошную линию, завязавшейся на его горле, извратившей его психику. Мальчик стал уродом, мальчик вырос уродом. Хотя внешне ничего не было заметно, разве что странная походка, как у заядлого ковбоя. Но он, всё же, превратился в настоящего урода. Этот урод жил в нём, управлял им, заставляя делать различные ужасные вещи. Урод как бы твердил, что вся та боль, которую он перенёс, слишком велика для него одного, ею стоит поделиться. Звери, птицы, дети — все те, кто не мог дать отпор, все они разделили с ним

его личную боль. Страшный путь из чирикающих и мяукающих смертей и избиений. Наконец парень превзошёл сам себя. Скорее всего, рано или поздно, но это должно было случиться. Ему дали сдачи, на подмогу карапузу пришёл его отец. Болела шея, на разбитых губах запеклась кровь, ныли зубы, сдержавшие удар кулака. Всё что мог сделать в ответ парень, только отбежать подольше и крикнуть: «Пи**рас!» Знал он таких. Все они такие! Все они мечтают сунуть в его жопу свои грёбанные х**! Но теперь он оторвется на том шибздике, что сидит на скамье и счастливо болтает, зараза, ногами. И вот семнадцатилетний урод берёт огарок электрода, валяющийся на земле среди других огарков. Берёт самый длинный, с налипшей грязью. Всё происходит быстро. Сначала Илья слепнет на левый глаз, затем — на правый.

Штриховка

Илья ничего не видит, плохо слышит и не может говорить. На ощупь он идёт по коридору: здесь висит зеркало, дальше должен быть столик с вазой. Илья ищет маму, она где-то в квартире. В ванной, в малой комнате или на кухне. Илья выбирает кухню, ему кажется, что мама именно там. Он мычит, пытаясь привлечь внимание. В душе у него образовалась пустота, где есть место только для горячо любимой мамочки. И сейчас он хочет прильнуть к ней, вдохнуть её запах — у него очень хорошее обоняние, — почувствовать её теплую ладонь на голове. Мама так нежно гладит по волосам! «Мммм» — мычит Илья, продолжая неспешный поход.

Она сидит на кухне. Хочется плакать. Слезы подступают всё чаще и чаще, но днём она не может плакать, а ночью, утыкаясь в подушку, ревёт во весь голос

и не может остановиться. Хорошо, что её мальчик не слышит её плача. Нет, лучше бы он слышал! И видел! И говорил! Господи, за что ему это?! Он же никому не сделал ничего плохого. Он же ангелочек! Зачем Ты позволяешь калечить своих ангелочков? Нет, это не ты. Это люди. За окном моросит дождь, сказочный слепой дождик. Солнце бьет в глаза из-за листвы, колышущейся на лёгком ветру. Ветер проворен, он залетает в форточку, овеивает пылающие щёки и что-то шепчет. Может в третий раз повезет, думает она? Может попытаться опять покончить со всем разом? Всего-то и нужно — один шаг, или один надрез. И ей становится страшно от этих мыслей. Она не сможет. Она понесёт дальше свой крест. А сзади становятся слышны мягкие шаги её любимого мальчика. Ему так нужна её любовь, и теплота, и забота.

Бабок осталось пятеро. Отдала концы ещё одна покровительница слухов. А через неделю лавочки спилили к чёртовой матери. Остались лишь обрубки ножек, глубоко вкопанных в землю.

Пожелания, чтобы б**дь, вдова шахтера, мать уroda, дочь мёртвой великой сплетницы, захлебнулась-таки семем орошающих её гниющих самцов, не сбылось. Разъярённая тасканием по судам, из-за этого дегенерата сыночка, она, оголодавшая, пуще прежнего принялась заниматься излюбленными делами. Желать ей смерть? Она уже мертва. Дышащий винными парами, трахающийся труп.

Пока суд да следствие, уроду исполнилось восемнадцать лет. Совершеннолетнего, его посадили на долгий срок, за который он всё равно не вытравит в себе уroda, но есть шанс, что окончательно выпустит его на свободу, потеряв остатки человеческого. Он тоже мало похож на живого, и живым его можно назвать только потому, что он жрет и справляет нужду. Иногда ещё плачет и подывает, когда его используют как бабу.

Наконец Илья добрался до мамы. Сразу стало как-то спокойней. Счастливый, он прижался к счастью...

11.02.2009

Обман

...подожди немного.

oldingt

— Как дела? — спросил он и на секунду посмотрел на соседнее сидение, где покоилась большая корзинка с младенцем. Улыбнулся. Перевёл взгляд обратно на дорогу.

Машина мчалась по утреннему шоссе, не то чтоб быстро, но верно увеличивая ход. Влажная трасса радостно приняла гостя, столь редкого здесь в это время суток. Она пустовала, и машина шла беспрепятственно, быстро разгоняясь. Немногие повороты были так плавны, что не требовали сброса скорости, хотя, очевидно одинокий водитель и не собирался её скидывать.

— Они хотели тебя у меня забрать, — вновь заговорил он, горько усмехаясь. — Представляешь?! — Ударил кулаком по рулю. — Сволочи!

Взлеянные щедрой рукой природы по краям дороги густо росли деревья, они провожали мчащийся автомобиль безучастными взглядами, вялым шуршанием листьев. Пересекая шоссе, пролетел над крышей машины мрачный ворон. Каркнул вдогонку, скрываясь за макушками сосен.

— Ты бы видел их слащавые физиономии, сплошная карамель на губах, — продолжал он, насыщая слова бесильной злобой. — Их вздохи. Пожимания плечами. «Делали, что могли», — передразнивает. — Уроды! Они ещё пытались меня этим утешить, слышишь?! Эти сволочи! Они убили её и... — он снова посмотрел на младенца. В глазах застыли слёзы, которые он и не думал вытирать. — Они. Убили твою. Нашу маму!

Потянувшийся с левой стороны глубокий овраг, скалился острыми уступами, журчал протекающим на дне

ручейком. Солнце же всё больше озаряло небо, показывая его девственную чистоту, на которую не смело посягнуть ни одно облако; и рассеивало лёгкий розовый туман, покорно отступающий перед светом.

— Чёрт! — он несколько раз ударил руками по рулю, от чего машина резко вильнула. — Я не могу в это поверить — взяли и убили. Каково, а?! — теперь он не отрываясь глядел на младенца, полностью выпустив руль из рук. Словно обмяк. — Я так устал, — в покрасневших светлых глазах — как небо на грани с зарёй — читалась отрешённость. Его мысли были где угодно, но только не здесь, вне салона, дороги, много дальше, за горизонтами. — Её нет. С нами. Рядом.

Машина выехала на встречную полосу, опасно приближаясь к опрагу.

— Я знаю, от их варварских рук, — коновалы! — пострадал и ты. Потрошители! — скрежещет зубами. — Боже, как они её порезали... лишь бы вытащить тебя, — яростно сжимает кулаки. — Какого хрена, ты и так был мёртв! Зараза! — спохватывается. Виден страх и волнение в глазах. — Нет, нет, я не виню тебя, малыш, ты не виноват, нет... Только они, поганые твари!

Всё ближе и ближе к провалу.

— Что я без вас?..

Автомобиль слетел с откоса и, на мгновение зависнув в воздухе (он ещё успел сказать, положив тёплую ладонь на прохладное тельце ребёнка: «Мой черёд...»), врезался, скребя днищем, о неровности впадины. От удара машину подбросило и развернуло так, что следующее соприкосновение с каменистой землёй заставило её перевернуться, и, кувыряясь, она рухнула вдоль ручья, замерев на правом боку. Изрядно покорёженная, с разбитыми стёклами и фарами, она некоторое время, скрипя, покачивалась. Наполовину придавив корзину, из разбитого лобового стекла вывалился он, усеянный осколками

и порезами, в разорванной рубашке, с неестественно повёрнутой головой, смотрящей уцелевшим глазом в сторону возвышающийся дороги. Кровь, не спеша, неохотно расставаясь с хозяином, капала в подвижную воду, и ручеёк скоро уносил её, растворяющуюся без остатка.

Тишина царствовала не долго. Испуганные шумом падения, возобновили щебет и пересвист птицы, незримые за стеной близкого леса. Печально завыл ветерок, удручённый представившейся ему картиной. А на замену отстучавшему взрослому сердцу, спешил новый, совсем молодой — он нёс первый детский вдох и надрывистый плач. Торопилась следом надежда, намереваясь пригреться в младенческой душе — вдруг кто, да и услышит. Присела на камень и смерть, задумалась, медля с уходом, наблюдая маленькую струйку, что сочилась из проколотого бензобака. Она ещё немного подождёт.

12.02.2009 / 2004

Лужицы

В среднем сигарета горит 5 минут.

alivedeath

В среднем сигарета горит 5 минут.

0:00: Фильтр оказывается во рту. Безвкусный. Загорается конец сигареты. Пламя обхватывает её и начинает жадно поглощать. Вздох. В голове мельком что-то проносится. Слегка не приятный вкус. Удар в голову.

0.13: Вздох. Клубы белого дыма выходят через рот, рассекая нервные окончания воздуха. Застилаются белой дымкой глаза.

0.17: Нежно люблюсь на тлеющее тело сигареты. Провожу взглядом по всей её поверхности. В голове начинается лёгкая круговерть.

0.42: После третьей затяжки края зрения немного начинают трястись. Доволен. Умиротворён. Немного начинает покалывать сердце и подташнивать. Выпускаю дым медленно, широко открыв рот. Дым выходит сам по себе, маленькими стайками.

0.59: Оглядываюсь вокруг. Подъездные стены немного наваливаются на меня. Опираюсь рукой на перила. Сигарета тлеет в левой руке. Дым подымается по ней куда-то в верх.

1.40: Затяжка. Задерживаю дыхание. Пролетают мысли о том, что было и что будет, медленно обходя настоящее. Приятно.

2.17: На первом этаже бережно хлопает дверь. Это помешало сделать затяжку. Резко поворачиваю голову. Всё идёт не по плану.

2.33: В клубах дыма слышу звуки шагов. Скурено больше половины сигареты.

2.41: Со мной поравнялась моя соседка в коричневой шубке, с этажа выше. Она часто играет на пианино. Вы-

дыхаю дымом ей в лицо. Беру сигарету в левую руку. Хлопок, разнёсшийся по всей лестничной площадке, далеко вверх. Выдыхаю.

2.47: Провёл ногой по лужице. Сплюнул туда же. Немного с трудом. Слюна вязкая. Присел на корточки. Затычка.

2.59: Затычка. Ещё одна затычка. Тушу окурок об ящики для писем. Говорю, что брошу курить.

В среднем сигарета горит 5 минут. Я справился за 2 минуты 59 секунд.

Беру тело девушки и заносу в свою квартиру.

15.02.2009

Подума́в — приветствую!

«Не ведаю, почему, но для меня то, что здесь написано — самый большой ужас, который могу вообразить...» — отзыв моего друга.

oldingt

1

Солнце встало, когда я ещё спал. Вероятно, досматривал порнографический сон о брачном периоде парнокопытных. Радио закончило говорить и молчало.

2

Но стоило, разлепив веки, подставить воспалённые глаза под низкие лучи утреннего света, как сон тут же забылся и впоследствии не всплывал в и без того травмированном мозгу.

3

Красные зенки сверлили меня прищуром из зеркала, напоминая о вчерашней бессонной ночи и времени, что я провёл у гипнотизирующего телевизора. Довольно больно смотреть в отражение, щиплет немного, а изо рта каплет пена.

4

Пена с мятной свежестью и натрием фтористым обильно вырабатывалась из-под щётки, скользящей по зубам, и производилась зубной пастой, что утром и вечером заботилась о дёснах, зубной эмали и свежести дыхания. Полоскать рот и умываться приятней тёплой водой, но горячую воду включают разве что по будням. Зато холодной бодрее.

5

Сегодня и одеться можно иначе. Лифт же от этого работать не станет; значит, вниз по ступенькам, с седьмого этажа. Главное — день хороший и деньги в кармане, и в дерьмо на лестничной площадке первого не наступил — здесь постоянно обновляемое «минное» поле от кишечного тракта бездомных собак и кошек.

6

На улице стоял кордон милиционеров и мирно покуривал, бросая вялые взгляды, при этом позёвывая, на митингующих личностей преступного мира. Особенно бесновались, но не решались идти на приступ, вору-домушники. Их транспаранты весело гласили: «Каждому вору — по отдельной хате!!!» На праздниках митинговали и теперь, да всё в неправильном направлении — налево от Белого Дома.

7

У пивных заведений уже трудились пьяненькие, с искренностью подпирая лицами асфальт. Как ни странно, не спали и «ночные бабочки» — летали от тротуара к тротуару, мелькали их загорелые ножки. Плакали молоденькие девочки, сидя на корточках под вывешенными за ночь предупредительными знаками, официально утверждающими: «Растлевать несовершеннолетних с 09:00 до 21:00 — запрещено!» Вдыхали сокрушенно педофилы — им таблички не нравились тоже. Но такова жестокость выходных.

8

В выходные и праздничные дни народу на улицах города особенно много. По центральной площади, где рас-

положился огромный шатёр бродячего цирка и витала вонь неубранных клеток для животных и мазохистов, бегали размалёванные, небритые клоуны, и, смеясь, гоняли прохожих, хлеща их влажными полотенцами. Пара клоунов с повреждённым гримом на разбитых лицах уже грязно валялись у мусорных корзин. Рядом топталась компания не менее развесёлых подростков — они сами, без посторонней помощи, лихо гоняли циркачей.

9

На памятнике неизвестному вождю висели, переругиваясь, неизвестные негры в белом, прибывшие на заграничном корабле... случайно. Смотрели на них с сожалением и мимо, в сторону танцующих у собственного товара китайцев. Негры висели, возвращаясь к истинному происхождению, покрываясь густой шерстью, а китайцы хитро обсчитывали нашего брата.

10

По загорающим на песчаном берегу аккуратно топтались измученные мужички — с виду батраки, тащившие за толстый канат немаленькую шхуну. В косых парусах судна прятались матросы и усердно ждали, когда их отыщет ветер. Но ветер стих, задумался, а солнце пекло и проступало потом под одеждой, и хотелось чесаться. У фонтана резвились дети, не обращая внимания на мерно плавающих зелёных человечков. Языки у гуманоидов вывалились, глаза закатились, а тело распухло.

11

Небо атаковали сектанты — парили голые на искусственных крыльях, стремились к светилу, но падали вниз и расшибались об мостовую и крыши домов. Кровель-

щики тихо цокали языками и неохотно, качая головой, отшкрябывали остатки неудавшихся поклонников Чкалова от рубероида. За Домом Бывших Пионеров, на стыке трёх дорог, образовалась пробка, и всё по вине гаишника, что разлегся на проезжей части и, дуя в свисток без свиста, перебирал ногами и руками по воздуху, словно жук, перевернутый вверх лапками.

12

Только купил бутылочку пивка и пакетик сушёного водолаза, как тут же нашлись потерявшиеся друзья. Потерялись они после прошлой попойки — это недели две назад. И вот предчувствие и острый нюх заставили их определиться. Я же молчал и пил пиво. Они молчали и глотали слюни. Подумал, что неудобно просить, но денег маловато... глядь, а рядом-то уж никого.

13

С моста через пролив, прыгали на «тарзанке» оккупанты — петля жгута крепко держала их за тонкие шеи. Хохотали, сидя на стропах проезжающего крана, революционеры. Им помогали хриплым смехом подвешенные и скрытые в общественных, похожих на цветные гробы, туалетах. В троллейбусах, распевая пошлые частушки и распивая спирт, жался старческий интеллигентный народ. В автобусах, распевая новый жаргон и распивая напитки нового поколения, тряслись молодые и не очень, вечно левые и временно правые. Брали старт такси, но со своей исторической начинкой.

14

Помятые верующие, чванливые католики, кичливые православные, простенькие протестанты... Манят ли-

стовками, лживыми словами. Они подают отвращение... Покупаю библию с лотка, чтобы отбиться от нападающих «прислужников» Божьих. Разбиваю неосторожному очки, других отвлекаю выкинутой священной книгой — они стремглав, точно псы, на четырёх конечностях устремляются за ней, в разлом водостока. На щеках отпечатался чужой стыд.

15

Заполонив корт, выгуливает хозяев живность. Из окон рвётся тишина. Это должное. Дубася друг друга газетами, гоняют мух любители домино, но мухи возвращаются, а доминушки исчезают. Красят фасады домов маляры, изредка подкрашивая зады помощников. Дымятся в садиках беседки от забитой в папиросы наркоты. Из туманного дыма хлопают суженные в кайфе зенки растаманов. Футбольные фанаты расставляют совместные стенки. Точат нос комары, предвкушая вечер.

16

Кинотеатр полон народу. В нём многие и не смотрят, но пьют, едят и щупают губами чужие губы, и громко говорят. А после сеанса ещё голодны и не наговорились, но в туалет, опорожнить мочевой пузырь, хотят многие. В клубах растёт молодежь и мечтает. Стелятся мечты на прилавках.

17

Кордон прорвали, и теперь остепенено грабили квартиры. Остались бастовать лишь все остальные — хрипят иными требованиями. Воры издевались над этими всеми остальными, показывали длиннющие языки, но и старались обчистить комнаты до того, как сядет солнце.

Смотрю, и вижу пустоту. Окружают одетые в обои стены и поломанная мебель. Зато на улице, перед подъездами и под окнами, все остальные бьют нещадно воров-домушников, а те неуважительно кричат, откупаются на грабленным... Кровать на положенном месте, нетронута, не застелена.

Зубная паста решила закончиться, поощряя кариес, прыснув остатками в раковину на текущую в кран воду. Унитаз зашумел, принимая ненужную часть пищеварения. Ложиться позже нельзя, надо успеть под говор из оставшегося радиоприемника: «Сограждане, очередной первый выходной окончен. Выявлено семь правонарушителей, не пожелавших покидать дома. Расстреляны на месте. Доброй ночи, сограждане». Засыпаю.

Сплю и вижу простор саванн, где гуляют коровы и быки. Быки жадно мычат, наваливаются бешеной тушей сверху на вздрагивающих коров, мешают щипать траву. Простор вокруг.

Солнце встало, когда я ещё спал. Вероятно, досматривал порнографический сон о брачном периоде парнокопытных. Радио заканчивало говорить и начинало молчать.

17.02.2009

Прелюдия

«Мой любимый рассказ», — личное мнение автора. — «Метафизическая притча».

oldingt

— Дедушка, почему вокруг так темно? Или это Солнышко обиделось на меня и спрятало свет?

Руки старика затряслись, пальцы разжались, выронив наполненную бульоном чашу.

— Внучек...

Мальчик сидел неподвижно, крепко сжимая края пледа. Он смотрел в сторону окна, откуда струился утренний солнечный свет, оживляемый тенями от листьев вяза, но теперь его глаза были остекленевшими.

— Кто поёт эту красивую грустную песню, дедушка?

* * *

Престарелый путник с котомкой за спиной оставлял позади родной дом, родную землю — не оглядываясь и не прощаясь, он шёл искать лекарство, которое могло бы помочь внуку. Тяжела была ноша, но старик не ощущал её. В котомке сидел мальчик и тихо плакал, и его слезы, скатываясь по щекам, превращались в маленькие алмазы...

* * *

— Бог благословил вас! — увещал лживый. — Он даровал вам сокровища, взяв взамен всего лишь тленные глаза. Отдай, старик, нам этого ребенка, и мы сделаем из него посланника божьего, пришедшего спасти народ от горестей мира!

У деда отняли внука. Мальчик бился в чужих руках, кричал и плакал на радость разлучникам. Сотни алмазов

падали на землю, раскатывались в разные стороны — в грязь, в траву, под ноги алчным. Блеск драгоценностей отражался в глазах толпы. «Скорей! Бери!», — визжала жадность. И обезумев, люди бросались собирать алмазы, накрывая ногами, хватая руками и зубами.

— Моё!

— Отдай!

— Верни!

— ...

— ...

— ...

— Убью!

Грязь стала багровой, земля стала багряной, трава стала пурпурной. Разжались руки, раскрылись рты, отступили ноги. Рассыпались красные алмазы среди красных тел. Бесшумно стало вокруг и спокойно.

Сдерживая слёзы, смотрел избитый старик на мальчика, стоявшего посреди жуткой картины, стоявшего молча, залитого кровью, тянувшего руки к небу.

— Дедушка, красивая песня теперь ещё грустнее. Кто же поёт её, дедушка?

* * *

— По пути ко мне ты кого-то встретила.

Она посмотрела на свои руки, испачканные землей. Посмотрела на него — прикованного к стене пророка, пошедшего против их веры и приговорённого старейшинами к вечному заключению в пещере. В начале каждого месяца, вот уже одиннадцать лет, она проходила длинную дорогу от своего селения через мрачный лес до пещеры, каждый раз рискуя попасть в руки разбойникам. Только ей одной было разрешено навещать пророка, поддерживать в нём жизнь. В четырнадцать лет первый раз она ступила под своды холодной пещеры и увидела

молодого юношу, распятого на камне. Патлатого, осунувшегося, до того исхудавшего, что рёбра готовы были разорвать истончившуюся кожу и вырваться наружу. Обнажённый, с окоченевшими тоненькими конечностями. Лишь грудь медленно вздымалась, лишь глаза лучились жизнью, тепло и радостно смотрели на неё, лишь гулко стучало сердце. За одиннадцать лет она стала прекрасной женщиной. За одиннадцать лет он стал чудовищем, почти полностью превратившись в камень; но его неугасающий юношеский живой взгляд, его доброе сердце...

— Расскажи мне о том, что ты видела, Расскажи о том слове, что ты слышала.

Она поднялась с колен, прильнула всем телом к его отвердевшему телу, обняла за косматую голову, зашептала на ухо:

— Сегодня я повстречала маленького мальчика. Он лежал на сырой земле и рыл её голыми руками. Одежка на нём была изорвана, а на спине кровоточили полосы от плети. Он всё рыл и рыл землю, бесконечно повторяя: «Люблю!». Страшно. Было страшно смотреть на это — на маленькие пальчики, вгрызающиеся в землю, на израненное тельце малыша, на... сама эта сцена впивалась в сердце, рвала его в клочья. Но я не смогла заплакать, мне не дал заплакать слепой взгляд мальчика. В его глазах я увидела такую невыносимую боль, словно слетевшись со всех уголков мира, она нашла в этом ребёнке свое прибежище. Но была в глазах и сила, которую не сломить, не разбить никаким отчаянием. Я поняла, как жалки и ничтожны будут мои слёзы рядом с бедным дитём. Я ничего не могла сделать, кроме как помочь ему рыть, не спрашивая, зачем, не спрашивая, для чего. Под слоем земли мы откапали старика. Удивительно, его рот, нос, уши, глаза были забиты землёй, но седые волосы оставались чисты и светились лунным светом. Мальчик смочил губы старика своими слезами и оживил его, я

омыла старика и оставила им воду и еду. Прости, сегодня я ничего не смогла принести...

Пророк молчал. Он всё знал, он всё чувствовал, он всё предвидел.

— Я жду, моя дорогая.

Из рукава она достала острый стилет и пронзила его грудь. Пока пророк истекал кровью, теряя остатки жизни, она плакала навзрыд и всё повторяла: «Люблю!». Когда пророк замер и стук его сердца прекратился, она вонзила стилет себе в грудь... «Я люблю тебя!»

И мрачный, холодный свод пещеры.

* * *

Тысячи миль, сотни селений. Мальчик научился не плакать. Он потерял слёзы. Он забыл, что такое плачь. Тихо таясь в котомке, он разучился ходить. А старик прошёл все страны, все континенты, каждый уголок планеты, пока один совет не отправил его на самую высокую гору этого мира.

* * *

Старик взбирался всё выше и выше. Покрытые струпами пальцы нервно хватались за уступы заснеженной скалы. За спиной, за стуком зубов, слышалось детское шептание: «мама... мама... мама... мама... мама...». Мальчик ничего больше не чувствовал, кроме прекрасной грустной песни. Эта песня жила в нём. Его ручки замёрзли, его ножки превратились в лёд, вместо волос свисали льдинки, а на глазах образовались красивые снежинки.

— Мама!

* * *

Мальчик кричал! Мальчик погибал! Холод завоёвывал его тело. Мальчик превращался в лёд.

— Дедушка! Дедушка! Мама! Мама! Мама! МАМА!
Остекленевшие глаза мальчика лопнули...

* * *

Старик стоял на самой вершине самой высокой горы. В его руках корчился погибающий внук. Из лопнувших глазёнок малыша струилась яркая кровь. Ноги старика замёрзли, руки посинели, но он не отпускал внука. Старик кричал, поднимая умирающее тело внука над головой:

— Ты примешь его?! ТЫ! Ты заберешь его с собой?! Так забирай скорей! Забирай!!! — крик срывал лавины, трескались скалы. — Забирай его! Он прошёл столько дорог, пережил столько терзаний! Забирай! — Старик замерзал, превращаясь в лёд, но не отпускал малыша и не прекращал кричать: — Ты же слышишь меня?! Слышишь! Его тело изломано, его душа растоптана, его сердце разбито! Он пережил то, что никому и не снилось! Ему выдирали ногти, выкручивали пальцы, ломали кости, резали сухожилия... За что?!

Слёзы топили снег.

— За что он ослеп?

* * *

— Дедушка! Я понял, кто поёт эту песню! Деда!
Это же мама!!!

* * *

Мама!

* * *

«Здравствуй мама! Я люблю тебя! Я люблю всех! Дедушка не отпускает меня из своих объятий, он холоден как ледышка, но это так приятно ласкает мои раны. Мама, я люблю тебя! Я уже говорил это?! Мама! Из моей груди растет дивный цветок. Прекрасней его нет ничего на свете. Этот цветок моё утешение и счастье. Мама — ты этот цветочек? Мама?! Мама!»

* * *

Ветер пролетает над телами. Снег покрывает тела. Мечты замирают над утёсом. Холод...

* * *

Свет так ярок. Свет улыбается и тянет к малышу нежные руки.

— Мама?

* * *

— Обними меня, мамочка!

К небу тянется остекленевшая детская ручонка.

— Я так тебя люблю!

* * *

Тишина над всем миром.

* * *

«Так почему же малыш ослеп?»

18.02.2009 / 2008

Прятки

— *Раз, два, три, четыре, пять — я иду искать!*
oldingt

Сегодня у Толеньки было радостное настроение. Он был готов играть хоть весь день, с утра до вечера, а потом — ух! Толя чуть ли не засверкал от счастья, — потом, он точно знал, ему должен был присниться самый долгожданный сон. Раз в год сон обязательно снился, и всегда в одну и ту же ночь. Такой волшебный, такой дорогой... Мальчик весело закружился на месте, но тут же спохватился и прижался к ограде. Не время, не время пока ликовать — ещё успеется. И сам себе кивнул. И затараторил громко: «Раз, два, три, четыре, пять — я иду искать! Кто не спрятался, я не виноват!»

— Я иду искать! — повторил Толя и обернулся. — Ага!

* * *

«Ну, кто же так прячется, дядь Петь?! Говорил же вам — тут вы, как на ладони, — и он показал открытую ладонь. — Надо же додуматься — спрятаться на самом видном месте, на холме. Хи-хи. Дядь Петь, вы неисправимы, и нечего делать такое лицо, что вам нет до этого дела, — мальчик прищурился. — Да ну вас, дядь Петька, вы бука какой-то». И ещё добавил напоследок: «Бу!» — и убежал с холма.

«Анфиса Сергеевна! Нашёл! Ха-ха. Хи-хи. Я нашёл, я нашёл вас. Утю-тю-ри-тю-тю, — мальчик прыгал и скакал. — Нашёл, — сказал приглушенно, улыбаясь во весь рот. — Забавно как-то, а в школе мне приходилось от вас прятаться, помните?! Вижу же, помните конечно. Уху! Классно было, — мальчик высоко подпрыгнул. Мальчик радостно сиял».

«Опа! Никогда тебе от меня не спрятаться, Алёнка. Никогда и нигде, — Толя напустил на себя серьёзность. Он знал, с девчонками порой нужно быть серьёзным, так сразу старше выглядишь в их глазах. — Хм-м-м... Но место хорошее выбрала, — похвалить тоже нужно — девчонкам это очень нравится. — Такое... такое вот... — мальчик силился вспомнить подходящее слово. — О, точно! Романтичное! — надулся от важности Толя. — Эй, ты чего смеёшься?! Чего? Не так сказал? Романтичное? Ну и пусть, — кажется, даже обиделся Толенька. — Знал и без тебя, шутил просто, прикалывался над тобой. И это... некогда мне тут у кустов сирени с тобою болтать, искать ещё многих надо. Алёнка, сегодня я обязательно всех отыщу! Вот увидишь, Алёнка — и убежал».

Еле слышно говорил Толя, очень-очень тихо, обходя большое дерево: «кто не спрятался, я не...» — и как закричит, выпрыгнув из-за ствола: «...я не виноват! Ха-ха-ха-ха!!!» — Залился звонким смехом. «Ромчик, ты чего такой, с лицом перекошенным? Испугался! Ха-ха-ха. Да ладно тебе, не обижайся, ведь здорово получилось, ведь правда. Не будешь ты заикаться, точно говорю. А это у тебя икота просто. Ты что, сам что ли не видишь? Ну, даёшь, Ромчик. Не злись. О! Смотри, что это? — мальчик показал куда-то вдаль. И тут же юркнул прочь».

«Андрей Геннадьевич! Верка! Димка! Шура! Костян! Ирина Федоровна! Баб Люся! Семён Константинович! Дания! Юра! Дядька Захар! Дед Володя! Антошка-лукошко! Баб Женя! Баб Соня! Дмитрий Иванович!..»

* * *

Так и случилось — до позднего вечера, без усталости играл Толя в прятки с друзьями, да со знакомыми. Всех нашёл, всех отыскал. Везде, с каждым посмеялся, поделился своим радужным настроением. Ох, наигрался. Устал

даже, бедняга. «Домой пойду, — кинул Катюше, которую последней нашел, — спать охота». Зевнул даже в подтверждение слов. Так сладко зевнул, что прослезился. «Ух!»

* * *

Тихо здесь. Только плач еле слышно горький. Одиноко здесь. Только одна живая душа среди крестов и памятников склонилась над маленькой могилочкой. Плачет хрупкая, согбенная, не по годам постаревшая женщина. Ладонки прижала к личику, а слезинки катятся сквозь пальчики, текут по ладоням, по запястью текут. Срываются слезинки капельками солеными и падают на сухую землю могилки. А день такой тёплый, день такой ясный, день такой светлый, но печальный, но грустный, но тяжким грузом на сердце.

Наплачется сейчас мать над могилой сыночка своего. Прижмется к курганчику, поцелует окропленную слезами землю, поцелует металлический памятник, тронутый ржавчиной. Но не взглянет на пожелтевшую фотографию — непереносимо ей увидеть улыбку смышлёного мальчика, доверчивые глазки его, копну тёмных волос. Повздыхает глубоко, сдерживая новый накат слез, проведёт ругой по выгравированной надписи на памятнике, ощутит самое важное слово и захолонет сердце на мгновение. Выть захочется.

— Толенька, мальчик мой...

* * *

Мальчику снилось самое желанное, самое дорогое, чего на свете нет и быть дороже не может. Снилось ему мамочка, как всегда красивая, как всегда самая-самая. Грустила мама, но не чувствовал грусти мальчик, только улыбаться хотелось ему, любоваться мамочкой. И целовать её руки изящные, целовать в губы алые, в очи

светлые. Целовать и целовать. И обнять её. «Мама!» — позвать. Тогда коснётся она его, но почему-то зажмурившись, и назовет самым сладким голосом по имени: «Толенька, мальчик мой».

И всё закружиться! И всё засверкает! Радость, точно карусели, закружит, Счастье, точно яркие цветы, расцветёт неописуемым садом. Аха-ха-ха-ха... Плескаешься в смехе, как в искрящемся озере. «Я люблю тебя, мама!»

* * *

Скоро опустится на землю лунная ночь. В сон погрузятся ещё живые. И тогда проснутся другие, тоже живые, тоже живущие. Просто ушедшие, просто приютившиеся по соседству. Надолго ли, и куда дальше путь свой направят? Неизвестно это. Но встретятся все, кто желает. А пока будут спать живые, другие живые проснутся — начнется для них новый день.

* * *

— Раз, два, три, четыре, пять — я иду искать!

20.02.2009

В первый раз

Чудеса в каждом мгновении!

oldingt

— Алёнка!

— Что-о?

— Алёнка, — повторил, крича, Димка, — ты дура!

— Сам дурак! — крикнула в ответ девочка.

Он сидел на ветке, болтая свешенными ногами, и грыз ещё зелёные кислые абрикосы.

— Дурак, — уже более спокойно повторила Алёнка. — Живот болеть будет.

Она потирала затылок — именно туда угодила твердая косточка, пушенная меткой рукой мальчугана.

— Неа! — заверил Димка. — Сто раз ел — не болело.

— Потому что ты — дурак!

— Дура!

— Да ну тебя, — обиженно сказала Алёнка. И стала уходить от дерева.

— Эй! — закричал мальчуган. — Ты куда?

Его совсем не прельщала возможность остаться одному, ведь так совсем неинтересно.

— Ну, Алёнка, подожди! — слезая, продолжал орать он. — Я больше не буду обзывать, — он спускался ловко, быстро преодолевая расстояние до земли. Один раз нога соскользнула на отслоившемся кусочке коры. — Блин... — вырвалось тогда у него. И тут же следом, когда ноги почувствовали твердость земли: — Да стой же!..

Но девочки нигде не было видно. Димка видел, как она пошла налево от абрикосового дерева, в сторону деревни, через всю зеленеющее поле. А справа высился лес, уже совсем одетый в густую листву, достойно примеривший наряд нового года.

«Так, — подумал Димка, — не могла же она успеть перебежать всё поле. — И добавил уверенно: — Я быстрее бегаю». Закричал, надрывая горло:

— Алёнка-а!!!

Почему-то ему стало не по себе. Абрикосовое дерево находилось на самой опушке леса, а вечер близился, и первые тени, достаточно плотные, начинали подступать именно от него. Ряд деревьев — липкая зелень и коричневая шероховатость — стал ещё выше, ещё темнее, ещё грознее и страшней. Дима боялся ходить в лес, как бы Алёна не звала его, и приходилось ограничиваться этим самым абрикосом. Темнело не то, чтоб быстро, но мальчугану, оставшемуся в одиночестве, казалось, что очень уж быстро.

— Алё-ёнка-а!!! — пуще прежнего заголосил Димка, и в голосе что-то надорвалось. Он тут же охрип, закашлялся. — Алёнка, — ещё раз попробовал он крикнуть, но ничего не получилось — лишь хрипота.

Каким бы крепким мальчик ни казался в свои шесть лет, он был готов разреветься как... «Как девчонка...» От этого становилось ещё обиднее; слёзы сами спешили навернуться на глазах, и скатятся по покрасневшим щекам. В девочке, всего на год старше его, но на полторы головы выше, он, как бы ни противился внешне, видел и ощущал защитника от всего неизвестного. Да вот, к примеру, от того, что может выползти из мрачнейшего леса. Выползти?! Дима поёжился. Ох, выползти — это противнее всего. Он сказал бы: «Так мерзко», но ещё не слышал подобного сочетания и ограничился внутренним: «Фу-у». В лесу могут водиться самые разные существа. Нет, конечно, волков он не боялся, да и медведей тоже — они лишь животные, такие симпатичные на фотографиях и рисунках; но вот леших и бабок-ёжек он боялся до жути — видел однажды рисунок к какой-то сказке, потом не мог заснуть две ночи.

В лесной чаще что-то щёлкнуло, а затем ухнуло.

— Мама! — казалось, дико проорал Димка, на самом деле только прошелестев сорванным голосом. А негодяй ветер лишь издевательски сыграл шелестящий вальс на миллионах листочков.

Димка дал деру к деревне. Бежал быстро, резво перебирая короткими ногами. Синие шорты немного сползли на левое бедро, чуть оголяя ягодицу. Из носа показалась кристальная сопелька. Губы и брови скривились в неестественные зигзаги. Глаза расширились и видели одну конечную цель — дома деревни со столь же широкими глазами-окнами, залитыми закатным ярко-красным огнем. Солнце садилось. Тени удлинялись. Страх усиливался.

А когда за ногу что-то схватило, и мальчуган плашмя полетел на землю, казалось, сердце выскочит из груди и само даст дёру, забыв о хозяине. Падение не было болезненным, напротив, каким-то медленным, ленивым и мягким. Широкие стебельки травы хрустнули, окрасили зелёными полосками коленки, локти и жёлтую майку. На майке полосы оказались темнее, почти чёрными, но Димка этого не увидел. Закрыв глаза, он замер, затаил дыхание, делая вид, что расшибся в смерть. Но сердечко слишком сильно стучало, аж оглушая его самого.

— Дурак, — раздался знакомый девчачий голос, — на меня чуть-чуть не наступил.

Радость, вспыхнувшая в детской тесной груди, которая уже не будет разорвана предательским сердцем, окрылила трясущегося мальчика и вылилось в одно ёмкое, но так симпатично-признательно прозвучавшее слово:

— Ду-ура-а...

Алёнка хмыкнула. Так, наверное, хмыкают серафимы, иронично умиляясь над двукрылыми собратьями.

— Помолчи лучше, а то не покажу кое-что.

О! Это меняло дело. Кое-что показать стоит и испуга, и падения, и много ещё чего! Но вот, всё-таки, надо раз-узнать — стоит ли на самом деле?!

— Что там? — как можно небрежней сипло спросил Димка. Но нет, даже от маленькой девочки не скроешь, как сильно его заинтересовало предложение. В наступающем сумраке, лежа на полторса впереди, мальчишка не мог увидеть улыбки девчонки. Улыбки тёплой, как прошедший день, улыбки нежной, как абрикосовое цветение. Пройдут года, и он узнает, что улыбка эта слаще сахарной ваты. Ей было смешно от напускного спокойствия друга, от его выдуманного безразличия; но смешно как-то... как, она и сама не смогла ответить. Больше всего подходило: ласково. Мальчик был симпатичен, он давно нравился ей.

— Эх, — легонько вздохнула девочка. — Ползи за мною, — и подумала: «Бедняжка». Имея ввиду, конечно, севший голос мальчишки.

За спиной Димка услышал шорох, поспешно развернулся и пополз за Алёнкой, проворно перебирающей руками и ногами по рыхлой земле. Стало ещё темнее, трава из ярко зелёной превратилась в серую. Но и среди сумрака мальчуган замечал, то и дело показывающиеся из-под платяца трусики девочки. Видел он девчачьи трусики не в первый раз, даже смеялся над ними, но не мог понять, почему так сильно они привлекают его взгляд. «Дурацкие трусы», — только так он мог объяснить это.

Солнце скрылось за пиками леса, небо красиво сложилось багрянцем облаков. Птицы уже не пели, тише стали и насекомые, разве что сверчки стрекотали.

— Тихо, — предупредила Алёна, неожиданно остановившись.

— А, — неопределенно изрёк Дима, ткнувшись носом в сандалию девочки.

Она чуть слышно хихикнула, он же нахмурился, молча оползая её и пристраиваясь рядом.

— Ну? — кинул он.

— Тссс... — прижав палец к губам, цыкнула Алёнка. — Должно сейчас случиться. Смотри вперёд, на норку. И помалкивай! — резко добавила она.

Неразборчиво пробубнив что-то себе под нос, мальчик опёрся подбородком на руки и стал смотреть, куда сказала подруга. И только он глянул, как тут же увидел. Это было волшебно! Поражённый, он хотел вскочить, начать дергать Аленку, что-нибудь начать восторженно, пусть хрипло, голосить. Но не смог даже пошевелиться — зрелище заворожило его. К норке, как-то неуверенно, постоянно оглядываясь и смотря по сторонам, подползла маленькая мышь-полёвка. Усики так и подрагивали на её малюсенькой мордашке. Она уже почти сунула головку в нору, как из ближайшего пучка травы молча вынырнула мышка побольше. Большая мышь быстро схватила маленькую цепкими передними лапками, что та запищала. По тому, что произошло дальше, Димка понял, что крупная мышка есть не кто иная, как мама мышонка. Она села на камушек у норки, положила себе на колени (именно так думал мальчуган, не находя других слов) мышонка, и начала хлестать того незаметной до этого травинкой — маленькой-маленькой. Маленький продолжал надрывисто пищать, а мама пищала тоже, но более грозно, назидательно. Тут девочка не выдержала и хихикнула, добавив громко:

— Попался, Полик! А я тебя предупреждала!

И засмеялась уже во всю силу. Следом засмеялся и Дима. А мама-мышь юркнула в норку, крепко держа малыша за шиворот.

Дети смеялись; вскочили и начали прыгать, размахивая руками, улюлюкая. Мальчуган подхватил оброненную мышью травинку, и они побежали наперегонки

к деревне. На этот раз, словно в благодарность за показанное чудо, Димка поддался и позволил Аленке прийти к финишу первой.

— Ух! — выдохнула добежавшая до ближайшей изгороди девочка. — Я победила! — её радости не было предела. Как бы закрепляя победу, она, тяжело дыша после быстрого бега, показала язык, игриво насупившемуся, подоспевшему мальчику. — Бе-бе-бе! — торжествуя, донесла она.

— Ну и что, — продолжал притворяться Дима, морщась от першинки во рту. — Один раз не в счёт.

Уже неспешно, обмениваясь впечатлениями, они добрались до своих домов, расположенных по соседству; только вот мальчик приезжал летом с папой к бабушке, а девочка здесь жила с родителями с самого рождения. Подойдя к домам они услышали, приглушённые деревянными стенами, ссоры. Одна вязко текла из дома мальчика — папа о чём-то спорил с бабушкой, другая из дома девочки — мама и папа ругались. Детям сразу стало грустно, заметно притихшие, они сели на лавочку и облокотились на невысокую ограду, вытянули ноги.

— А откуда ты об этом узнала? — спросил Дима, чтобы хоть как-то отвлечься от грозных взрослых голосов. — И как его зовут, откуда знаешь?

Прищурив глаза, Алена смотрела на первые звездочки.

— Вот знаю. Полик сегодня маму не послушал, в лес с друзьями удрал. Он ещё маленький, и ему нельзя так далеко забегать.

Казалось, Димку вполне удовлетворил ответ. Он мотнул согласно головой. Она же украдкой скосила на друга взгляд — смотреть на него даже чем-то приятней, нежели на засеиваемое звёздами небо.

— А почему раньше не рассказала?.. — спросил он, подразумевая, наверное, не только произошедшее невообразимое представление.

— Я только этой весной замечать начала, — Алёна вновь посмотрела на стемневшее небо. — Точнее, они сами первыми со мной познакомились.

В общем, не стоило и объяснять, кто это — они. Детским чутьем Димка понял, что одними мышами здесь не ограничивается.

— Да-а, — протянул он. — Классно-о!

Девочка улыбнулась: поделиться заветным секретом и увидеть такую ответную реакцию — что может быть лучше?!

— Только никому не говори, — попросила она.

— Ага, — кивнул Дима. — Никому не скажу.

— А хочешь, — Алёна поднялась с лавочки, — а хочешь, мы завтра на речку ходим? Там ещё забавней и чудесней. Но это в лесу, — добавила.

Он хотел, он очень хотел, но всё же еще боялся леса. Ему казалось, что деревья — а их так много — могут ожить. Ужас!

— Ну, э-э...

— Не бойся, — бодря, сказала Алёнка. — Я там много раз была. И совсем не страшно. Честно.

И мальчуган верил ей, но...

— Согласен, — твёрдо произнес он. — Пойдем...

— Только завтра.

— Угу, завтра!

Она внимательно посмотрела на него и, склонившись, прошептала: «Герой». У Димки отвисла челюсть, а Алёнка, задорно хихикнув, побежала к себе домой; благо, её родители уже перестали кричать друг на друга.

— До завтра, — крикнула напоследок ему. — Спокойной ночи, дурачок!

Но мальчишка не обиделся, да и «дурачок» было сказано так мягко, что ли. Мягче, чем... Сравнения так и не шли.

— Ага, — тихо сказал он. — До завтра.

И покинув нагретое место, под росчерками не замечаемого им звёздного дождя, поплёлся в дом к себе.

23.02.2009

Реквием по двору

Альтернативная реальность.

oldingt

Что можно рассказать вам об этом дворе? Располагался он в конце Промозглой улицы, на самом краю города. Дальше только утес и шум разбивающихся о скалы морских волн. По утрам жителей двора будил пронзительный гудок покидающего залив какого-нибудь судна. Двор просыпался, и каждый начинал заниматься своими делами, немного раздражённый из-за бесцеремонной побудки. Только Валёк Фронтовой воспринимал сигнал с радостью и благодарностью, — его ночная работа сторожем заканчивалась, и он, с чувством выполненного долга, отперев ворота проезда, шёл домой. На лестничной площадке второго этажа он неизменно — за редчайшим исключением, — изо дня в день, из года в год, встречал Лаврентия Скупого, бывшего работника некогда существовавшего совхоза им. Клубневого. С недавних пор Скупой законно вышел на пенсию; с готовностью покинув совхоз, он занялся собственным бизнесом. Бизнес этот можно было наблюдать из окон квартир, выходящих во двор: все клумбы были засажены помидорами и огурцами. Часть культуры Лаврентий продавал, часть — закатывал и... продавал тоже, но уже не на базаре, а среди соседей, желавших в зимнюю пору поживиться солёными овощами. Отдельной графой проходила обязанность Фронтового — охранять, как зеницу ока, посадки Скупого. За это Валюша получал перед каждым выходными десять рубликов. Вот как сейчас: пожав руку выходящему из квартиры Лаврентию, сторож почувствовал под ладонью прямоугольник сложенной денежки. Будет на что выпить с друзьями с субботы на вос-

кресенье, неизменно думал Валя. Смотри не подавись, думал, непроницаемый лицом, пенсионер-огородник.

Домá — трехэтажные, с одним подъездом каждый, — ромбом окружавшие просторный двор, были порядком изношены. Кирпич и дерево. Половицы скрипели, кладка кое-где осыпалась, виднелись трещины в стенах. В подъездах воняло сыростью и канализацией. Трубы в подвалах то и дело лопались, с включением отопления начинали течь батареи. Приезжали вызванные слесари — чинили, латали, — но каждый год всё повторялось сызнова. О проводке и говорить нечего. При лёгком дождике её либо начинало коротить, либо замыкало; стоило же сверкнуть молнии и жახнуть грому, так и вовсе отрубало. А всё из-за того, что крыша прохудилась, изоляция — прогнила. Громоотвод, ещё при строительстве, попросту забыли установить. Тем не менее, люди здесь жили, как бы ни замечая подобные неудобства. У других и того хуже, говорили они, у других даже туалет на улице расположен; такая вонь там стоит в тёплые времена, что глаза режет, а от ассенизаторов ни слуха, ни духа.

Как и всегда, только Валюша Фронтовой заходил в подъезд своего дома, пару минут спустя оттуда выходил Лаврентий Скупой. С тяпкой, граблями, содовыми ножницами, торчащими из кармана потёртых штанов, и ещё невесть с чем, он принимался окучивать, подрезать, прореживать, — в общем, истязал огород нещадно, намереваясь получить от него как можно больше плодов, а значит и больше выручки. Но только попробуй кто другой, хоть краем носка наступить на его землю, хоть плюнуть из окна, да что там, просто посмотреть на огород «как-то не так», пенсионер Лаврентий тут же впишет того в чёрный список. Уже были такие случаи, когда Скупой, по ряду ведомых лишь ему причин, не спускался к огороду день-другой, но это не значило, что он не следит за своими владениями. Абсолютно нет. Звучал гудок ка-

тера или корабля, пожилой бизнесмен вскакивал с кровати, оставляя под одеялом обрюзгшую жену наедине с её же храпом, влетал на кухню, где наспех съедал целый лимон, запивая его сладчайшим кофеем, и садился у окна, где стояло ружьё. В такие дни Лаврентий Скупой принимался за охоту — наказывал каждого, кто посягал на его имущество. Особо пугаться не стоит, ружьё было пневматическое, и маленькие свинцовые пульки не сильно ранили. Больше походило на укус разъярённого шершня. Стоит признать, для пенсионера Лаврентий стрелял очень метко. Даже в зимнюю пору, когда огороду ничего не угрожало, ибо оставалась одна голая оледеневшая земля, даже тогда он награждал выстрелом невнимательного прохожего, всегда попадая по оголённой части тела. Так, однажды, он разбил губу местному хулигану Илюше, подростку шестнадцати лет, что тот так и остался губошлёпом. За это пенсионера хотели привлечь, но свидетелей не нашлось, пулька потерялась. Нет улик, нет дела, сказал тогда следователь и, прошепствовав напрямик через огородик к выходу, покинул двор. То был единственный раз, когда виновник избежал наказания. Каких сил потребовалось Скупому, чтобы не запустить в милиционера камнем, ведаёт один Бог.

Что касается переростка Илюши, вымахавшего к своим годам под два метра, то лишь в русском языке найдётся точное определение тому, кем, по сути, был этот самый Илюша. Порядочным гадом! Точнее не придумать, не подобрать. В школе, при учителях, дома, в гостях — это был суший ангел, пример гордости для родителей. На Небесах забили бы тревогу, увидев такое земное соперничество. Но не всё так гладко, как казалось на первый взгляд. И уж где-где, а с Небес всё прекрасно было видно, — кто есть Илюша. Молокосос-симулянт, вот кто он! Вследствие чего подросток и стал порядочным гадом. Он мог побить любого, кто был слабее его, за просто так;

мог обгадить лестничную площадку за здорово живёшь; мог издеваться над животными дела ради; мог... Господи, да чего только он не мог вытворить! Потому что... правильно! — порядочный гад! Его родители были люди занятые. Она преподавала в школе русскую литературу, а он — называл себя писателем. Отец печатался в различных газетках, под различными псевдонимами, выставляя на суд читателей то рассказ, то эссе, а то и вовсе памфлет. За один такой памфлет его чуть было не арестовали как врага народа. Вполне могли, но спасибо редактору, который удовлетворился рукоприкладством и замечанием, что неосторожный писатель обязан ему тремя первоклассными новеллами. Но это было, и прошло. Теперь отец Илюши упорно преследовал цель стать самым великим писателем современности. Он денно и ночью корпел над романом, который должен был совершить переворот в умах сограждан!

Но пора переходить к самому главному. К тому, что случилось в этот день.

В этот день, летний, но не обещающий жары из-за налетевшего северного ветра, принёсшего монолитные серые тучи, когда Валя уже примостил уставшую голову на пуховую подушку, а Лаврентий начинал уход за посадками, прочие же просыпались и начинали заниматься каждый своим делом, во двор въехала, слепящая белизной, новенькая «Тоёта». Первым её увидел, конечно же, присутствовавший во дворе пенсионер. Собираясь прореживать грядки, он так и замер с тяпкой в руках, уставившись на диковинную машину. Сначала ему показалось, что это новая модель «Волги», потом представилось, что некая модификация «Москвича». «Неужели „Жигули“?! — удивлялся он. — Нет, скорее „Лада“...»

Пока Скупой перечислял все возможные марки известных ему автомобилей, из машины, со стороны водителя, вышел полный мужчина в очках, белом халате, и с чёрным чемоданчиком, на котором был нарисован жирный красный крест. На всё это Лаврентий Скупой обратил внимание в самый последний момент, когда новоявленный гость приблизился к нему, первое же, что он заметил, было то, что автомобиль оказался праворульным. От такого открытия нижняя челюсть пенсионера отвисла, а тляпка выпала из рук, больно огрев по голове, так как приезжий застиг его в самый момент замаха.

— Вот, — гость в белом халате, протянул Лаврентию скляночку с таблетками.

— Чего это? — спросил тот, потирая ушибленное место.

— Обезболивающее, — сказал гость. — От головной боли хорошо помогает.

«Доктор, наверное, — подумал Скупой, запивая таблетку водой из лейки».

— А вы здесь по какому? — поинтересовался Скупой, возвращая склянку.

— Ни к кому в отдельности, — заверил врач. — Ко всем сразу.

Подобное замечание не понравилось пенсионеру. Он скосил глаза на ноги холёного толстячка, заметил, что его туфли в налипшей с боков грязи. Стоило Лаврентию проследить по следам путь гостя от машины, как в нем тут же вспыхнула ярость, он побледнел и надулся.

— Что с вами? — забеспокоился врач. — Вам плохо?!

Но пенсионер-трудоголик уже не слышал его. Он трясся мелкой дрожью, и выделял страшные рожицы.

— Мои ог-г-гурч-чи-ик-ик-к-ки, — прошипел он.

— Простите? — не понял гость.

Врач, с самого начала проявления агрессии у собеседника, стал потихоньку пятиться обратно к машине. Когда же ушибленный тяткой вновь потянулся за ней, докторишка решил дать стрекача. В его мозгу созрело полное объяснение происходящему: то, зачем он сюда ехал, чтобы предупредить, уже началось. Вирус добрался-таки, и здесь все заражены, вертелось у него в голове. Укатить же незадачливому врачу не суждено было.

Встав пораньше, чтобы незаметно сделать перед чьей-нибудь дверью совсем уж неприличную вещь, Илюша увидал через подъездное окно неизвестный ему агрегат, до боли похожий на автомобиль. Штуковина была очень красивая, а значит, из самых откровенных завистливых чувств, стоило её немного испоганить. Первым делом, пока ненавистный дядя Лаврентий разговаривал с каким-то типом, паренёк-дегенерат решил, скрываясь за машиной, проколоть ей колёса. Такому усердию, с каким орудовал перочинным ножичком хулиган, позавидовал бы закоренелый бандит с большой дороги. Пацан попросту в лоскуты изрезал шины. За этим делом его и застал убегающий гость.

— Какого черта ты творишь, выродок?! — заорал пораженный врач.

— Не смейте орать на ребенка! — тут же раздалось сверху. Это мамаша Илюши на одну треть вылезла из форточки.

— Да какой же это ребенок! — возмутился врач. — Это чудовище!

Толстячок хотел наподдать попавшемуся хулигану, но тот — вовремя или не вовремя, судите сами — начал подниматься с корточек, разгибаться, пока не предстал всем своим немалым ростом. Доктор струхнул.

— Покажи ему, сынок, где раки зимуют! — всё от той же мамаша. (Отец Илюши посапывал на письменном столе, заливая слюнями написанное за ночь.)

Сынок ничего не успел показать, кроме неровных не знавших годами щётку зубов. Об его здоровую, но пустую голову, с глухим стуком, ударился камень размером с кулак боксера тяжеловеса. Илюша пошатнулся, пригрюнулся и грузно осел на землю. Там и остался, тупо моргая глазами. Камень был пущен рукой пенсионера, и предназначался гостю, но и полученным результатом Скупой не разочаровался.

Что тут началось!

Первой завершала мамаша порядочного гада, взывая к медицинской и милицейской помощи, к возмездию и наказанию. Вывалил весь народ: уже разбуженный гудком, ему было невтерпёж поближе познакомиться со всем, что творилось во дворе. Кого-то интересовал диковинный автомобиль, кого-то приключившееся бесчинство — такие, вторя голосу матери, тоже стали галдеть, больше для шума, — а кого и огород Лаврентия Скупого — эти вообще, под общий шумок, старались как можно больше навредить доставшему их бизнесмену, затаптывая всходы. Бывший работник совхоза, рвал и метал, ревел точно медведь, размахивая в вытянутых руках злощастной тяпкой. Ох, скольких она успела угостить по горбам, или другим частям тела, пока не произошло то, что произошло.

Как было сказано, все жители, покинув берлоги квартир, высыпали под хмурое небо. А как же! Изо дня в день практически ничего интересного не происходило в пределах их двора. Жизнь текла более-менее размеренно, разве что иногда Скупой или Илюша устраивали маленькое представление. Но весело было только тем, кто не страдал от их выходок. Конечно, таких насчитывалось большинство, но и до них, рано или поздно, доходил черёд примерять шкуру потерпевшего; тогда-то те, над кем посмеивались, пусть украдкой, отыгрывались сполна. И вдруг, столько веселья, столько приключений! Такого

нельзя пропустить! Один ругает матом, вертя дачным инструментом, другая, застряв в проеме форточки, раздражается истеричными криками, да ещё кем-то пришибленный Илюша, с саднящей раной, что-то бубнит себе под нос, да ко всему прочему — интригующий незнакомец на чудной белой «карете». Это же — нечто!

Нестройный шум, отражаясь от стен домов, заполнил пространство над людьми, среди людей. Врач, теряя над собой контроль, вертя головой из стороны в сторону, дико взирал на происходящее. Все сливалось для него в одну нечёткую кишасую массу. Тянулись из неё чьи-то руки, дёргающие его за халат, хватющие за плечи; проявлялись, совсем близко от глаз, что-то говорящие рожи, от которых хотелось поскорее зажмуриться; ноги, пальцы, волосы... всё так и лезло на него. Что они все от меня хотят? — растерянно думал он. Люди подступали, обступали, дотрагивались до машины, тыкали в его сторону. А ещё этот не проходящий гвалт. Доктора снова осенило: да они же все заражены! Точно, все подверглись заражению! Больны! Со скоростью электронно-вычислительного аппарата, который доктор видел в Японии, рассудок совершил анализ сложившейся ситуации и привёл к единственно верному решению проблемы.

Распихивая напирющий любопытствующий народ, вспотевший толстячок нырнул в салон «Тоёты», плотно захлопывая за собой дверцу. Здесь, стараясь не обращать внимания на постукивание по стеклу и металлу автомобиля, на доносящиеся возгласы, он сосредоточился на предстоящем. Раз люди заразились, то иного выхода не существовало, думал доктор. А раз больны они, то вполне вероятно, что и я уже болен. От этого ему стало грустно и одиноко. Возвращаться нельзя, иначе он грозит перезаражать всех в округе. Если этого еще не произошло, поправил он себя. Но это уже не его дело, главное

выполнить долг, возложенный на него верхами. Автоматически, при упоминании верхов, гость помолился за вечную память Леонида Ильича.

Протерев линзы очков, он положил себе на колени чемоданчик, открыл его, уставившись на ярко-красную большую кнопку, выделяющуюся на тёмном фоне непонятного механизма. Больше в чемоданчике ничего не было.

— Прощай, жена! — вслух выкрикнул доктор.

— Прощайте, дети...

— Привет!

Ошарашенный, прерванный во время излияния души, врачеватель повернул голову в сторону голоса. На соседнем сидении, широко улыбаясь, сидел небритый субъект в семейных трусах и поплёкшей жёлтой майке. За ухом у соседа торчала мокрая зубная щетка, которой, по-видимому, недавно пользовались.

— Привет! — радостно повторил не прощенный субъект. — Понимаешь, там холоднова...

Доктор нажал на кнопку.

За мгновение до взрыва, в голове незнакомца, прикатившего на «Тоёте», пронеслась растянувшаяся мысль: «Лучше бы я оставил её в гараже, а приехал бы на „Запорожце“. Ведь только купил, красавицу».

Затем — рвануло!

Мамаша Илюши, наконец, смогла высвободиться из оков форточки, но обрадоваться этому не успела. Сам Илюша так и не удосужился прийти в сознание, на веки вечные оставшись порядочным гадом. Его отец отправился в дальний полет на столе-самолете, — жаль, написать ему об этом не суждено. Лаврентий Скупой, не выпуская древка тяпки, словно вертолёт взмыл к тучам. А его жену не подняло взрывной волной даже на сантиметр — её необъёмное тело так и осталось лежать на кровати, но уже под развалинами дома. Прочий люд либо

разлетелся кто куда, соревнуясь в скорости с собственными и чужими частями тел, либо сгорел на месте, превратившись в горсточку пепла, который, впрочем, скоро тоже унесло.

Взрыв отгремел. Пронесся часто повторяющимся гулом над городом. Затих.

На месте двора остались сплошные руины. Как будто издеваясь, подгоняемый ветром, по курганам развалин, точно перекасти-поле, прошелестел целлофановый пакетик. И тишина.

...Валя Фронтовой проснулся от грохота и недолгой тряски. Ему подумалось, что это гром балуется, но когда он открыл глаза, то увидел удручающую картину. Необъяснимым чудом он остался невредим. Здание осело, крыша над головой раскололась и развалилась в разные стороны, по счастью не задев Валу. Не переодетый ещё с работы, сторож лежал на кровати, засыпанный пылью и пеплом. Кровать с погнувшимися ножками теперь стояла на самом верху холма из камня и крошки кирпича. Кое-где проглядывали обломки досок, некоторые из них тлели. Видны были и другие вещи, по большей части поломанные переломанные. Ничто из этого не интересовало Фронтового. Встав с кровати и отряхиваясь, он всматривался вдаль. Насколько хватало зрения, везде лежали все те же руины домов. Где-то пылали пожары; разрываемые ветром, поднимались черные клубы дыма.

— Да-а, — протянул чуть изумленный Валуша. — Дела-а...

Но одна внезапная думка насторожила его. А что если?.. Нет, такого быть не может! Так не бывает, подумал сторож. Но уверенность быстро таяла.

С мрачного неба, вопреки ожиданиям синоптиков, вместо дождя закружились крупные пушинки снега.

Живо сбжав с возвышенности, обогнув глубокую воронку, на дне которой одиноко лежал оплавившийся зна-

чок «Тоёты», Валюша Фронтовой зашагал неведомо куда. Ему страстно захотелось пить, и уж поверьте, не крепкий кофе. Валя отправился на поиски. Он надеялся, что хоть один пивной ларек, да остался невредимым.

05.03.2009

Спаси и сохрани

Приснился такой вот сон. Вещий ли?

alivedeath

Вокруг меня бегают маленькие, пушистые зайчики, мигая своими грубыми иллюзиями.

Вижу как кто-то вблизи прячется за маской енота, и отрещивается непропорционально маленькими и поломанными лапками.

Подношу руку к своему лицу, что бы сорвать маску. Собеседник из последних сил пытается отвернуться, но больше чем на пару градусов его закаменелая плоть не поддаётся.

Резко срываю с него маску. За ней либо темно, либо пусто. В этот же момент чья-то рука дёргает за нить, конец которой привязан мне к позвонку, который находится чуть ниже шеи. Он вырывается с корнем. Два соседних позвонка срastaются, стягивая скелет из буквы «i» в букву, обратную букве «с». Видя лишь только небо, которое подобится потолку, ищу дорогу домой, проходя по оживлённым улицам.

Останавливаюсь таким как был, у своей могильной плиты. Девушка грустит, разворачивается и уходит с моей надгробной плитой, в виде половины вытянутого круга, за ручку, домой, оставляя меня вкопанным в землю, без возможности шевельнуться и закричать.

10.03.2009

Я собираю снежинки

Короткое эссе, написанное тёмной зимней ночью.

Dan

Я иду по ночному городу... Мои следы совсем не слышно, мой образ размыт... Может быть, я привидение? А может меня кто-то выдумал и я нереален? Просто я должен был тут быть, но меня нет... вот и придумали...

Когда все спят я беру свой огромный мешок и собираю в него снежинки... «Зачем?» — спросишь ты? А я не дам ответа... Ведь все наши поступки лишены смысла. Всё, что вокруг нас — тленно. Всё, что мы делаем — ненужно. Я и сам не знаю «зачем», просто вот в эту ночь мне захотелось сохранить немного памяти про зиму. Сложу снежинки в мешок, положу в морозильник, а летом достану и вспомню что прошла ещё одна ненужная зима жизни.

Лицо обдувает холодный ветер, руки совсем замерзли, я не чувствую мешка в руке. Метель хочет проникнуть под мою синтипоновую куртку. А снегопад усиливается. Такое впечатление, что снежинки пытаются закрыть телом своих сестёр, которых я забираю в никуда... А вместо этого сами попадают в мешок. В такие моменты я ощущаю себя Богом, ведь только он может решать кому быть на земле, а кого он заберёт с собой.

Да, я сумасшедший... Ведь все, кто делает то, что ему хочется, и выпадает за рамки разумного, у нас оказываются в дурдоме... А те, кто предпочитает кланяться серым будням, плакаться на свою скучную обыденность и ничего не делать чтоб стать морально свободными, завтра встанут и будут снова идти на работу и истопчут снежинки в чёрную массу. Так же и новорождённые — такие невинные, чистые, портятся под подошвами цивилиза-

ций. Ведь я спасаю их души, души снежинок, чтобы их не смешали, чтобы люди не убили их своими ногами...

28.03.2009

Другу

Письмо другу. Некоторым нравится читать чужие письма, некоторые считают это аморальным. Но письмо имеет адресата, а это послание уже никогда к нему не дойдет... Жаль... Но такова проза жизни.

Dan

Она сидела возле окна и смотрела как падают снежинки... Одна за одной, всё вниз и вниз. На щеке одиноко блестела слеза... В руках непрочитанное письмо, которое он так и не успел тебе передать... А в глазах бездонная печаль.

Ну что ты себя мучаешь? Может пойдёшь спать? Ведь так больно смотреть на страдание молодой, симпатичной, девушки.

Нет... Ты дальше будешь сидеть и смотреть как падают снежинки. Я знаю... Вы часто так делали, когда он был... но... Но, теперь его нет. Я знаю, мне тоже тяжело это принять, сложно понять, а ещё невозможней поверить. Такое впечатление, что он нас с тобой предал: меня как друга, тебя как девушку. Он просто оставил нас одинокими среди людей... Он уже ничего не почувствует. А что я? А мне нужно жить... Ходить теми дорогами, которыми ходил он, слушать ту же музыку, что слушал он, говорить тем же голосом, петь те же песни... Может начать всё по-новому, с чистого листа. С того, где тебя уже нет и как будто бы небыло. Нет, Друг, я так не могу. Ведь ты вправду был Другом. Я не знаю, как тебе можно туда позвонить, слышишь ли ты меня, когда я с тобой говорю... Видишь ли, как мы все по тебе скучаем.

Не плач, девчонка, вытри слёзы... Иди поспи... Он придёт к тебе во сне, я обещаю... Закрой глазки и вспомни его улыбку, ту, которая дарила столько радости всем

нам. И он придёт... Он тихим ветерком прилетит и поцелует тебя в щёчку, и летним дождиком обнимет тебя за плечи. Я буду рядом, буду защищать тебя от всего плохого... Я знаю, он бы этого хотел...

28.03.2009

Как красиво ты поешь

Твой голос — сказка, твой голос — мечта...

Dan

Как красиво ты поёшь... Твой голос — сказка, твой голос — мечта... Когда я слушаю эту песню, мне кажется, что я переносусь куда-то очень далеко: на небо, на весеннюю поляну, в зимний лес — не важно куда, но уж точно не остаюсь сидеть на диване в этом скучном, никому ненужном мире...

На столе лежит открытая тетрадка, рядом валяются измятые два билета в кино... На полу разбитый горшок для цветов, по ковру рассыпана земля и одинокий кустики домашней орхидеи с надеждой разворачивает смятый лепесточек, ищет корнями немного воды. Домашние тапочки больно дотрагиваются до сбитого об косяк пальца... В такие моменты думаешь о своей ненужности миру, о своей обречённости... Мысли путаются... И зря я пытаюсь разложить всё по полочкам своего изрезанного ножами слов внутреннего мира... В голове что-то авангардное, похожее на театр абсурда или скорее на поток сознания обкуренного шалфеем подростка.

Сердце ещё стучит от обиды. Что это была за сора между нами? Мы же почти всю жизнь дружим... А тут, как у нерадивой семейки... Скандал между друзьями... Смешно, непривычно, но иначе это не назовешь. Ты уехала на такси, а я смотрел вслед за тобой. Я уже вижу, как тебе дарят улыбки фаны, как просят автограф... И я знаю, ты им не откажешь. Ты поставишь милую закорючку им в блокнотик и только меня обойдешь стороной.

А помнишь летнее солнце, а помнишь свои слёзы на моем плече, а помнишь ту радугу, ту волшебную сказку, что ты мне помогла создать в моей жизни и жизни моей любимой принцессы...

Прости, подруга, я виноват. Для меня работа и вправду важнее чем дружба и это моя ошибка, непоправимая ошибка... Я ещё раз смотрю на ту идиотскую статью, со злостью бросаю её на ни в чем неповинную погибающую орхидею... Злобный голос в голове нашептывает: «Ну и ладно», нахожу брошенные за кресло наушники и ухожу из реальности в милое каждому уставшему от реальности царству Морфея, в царство сна...

В ушах звучит знакомая мелодия... О Боже, как красиво ты поёшь... Твой голос — сказка, твой голос — мечта...

Когда я слушаю эту песню, мне кажется, что я переносусь куда-то очень далеко: на небо, на весеннюю поляну, в зимний лес — не важно куда, но уж точно не остаюсь сидеть на диване в этом скучном никому не нужном мире...

28.03.2009

Inferno

Простая история, завёрнутая в вычурную упаковку...

Creiven

Старик захлопнул крышку золотых часов и долгим удивленным взглядом посмотрел на девушку, сидящую рядом. Девушка, со спокойным взглядом мутно синих глаз, сидела на земле, обхватив согнутые ноги руками. Затем она встала, отряхнув листья, приставшие к её белому платью... и ушла прочь. Остался лишь Старик, лес, и речка перед ним.

* * *

Золотые часы медленно погружались в мутную глубину вод. Во мраке илистого дна они нашли вечное, невидимое ни кому, пристанище. А воспоминания, настырные, не успокоенные воспоминания, стаяй ночных мотыльков бились в заляпанное, старое окно.

Миллионы чешуекрылых роилось в ночном воздухе за окном. Их шелест мог свести с ума. Потому Старик так старательно клеивал липкой лентой прорехи в оконной раме. Он вынужден был делать это снова и снова, потому что клейкая лента так скоро отслаивалась.

* * *

Его дом находился на вершине скалы, в месте, где всегда были сумерки. В мутном воздухе, вокруг дома на скале, роились миллионы мотыльков. И в этом одиноком доме, словно приговорённый к заключению, считал часы Старик, не желая сдаваться.

Он смотрел на старые фотографии, развешанные по стенам в незатейливых рамках. На одной из них девуш-

ка в белом платье, под потускневшим от времени солнцем, согнулась над маленьким мальчиком, повернув в пол оборота к нам мило улыбающееся лицо.

Эта фотография словно из другой, настоящей жизни, пробивалась сквозь сумрак гнетущего мира, в котором жил Старик.

- Я призрак.
 - Я одинок.
 - Вокруг никого.
 - Тихими словами.
 - Уйти в небытие.
- Silensium.

27.04.2009

Он

Без описания.

Creiven

Когда живёшь прижатый к стене и отхаркиваешь боль в одиночестве долгие годы, душа претерпевает деформацию, и больная мысль рождает больного ангела, с которым она шепчется во тьме.

Он верил в своего ангела, как дети верят в придуманного друга, которого оставляют в тёмной комнате своих фантазий, когда выходят в ярко освещённую гостиную, в которой родители просят детей разложить тарелки на праздничном столе.

Свет в гостиной давно потух, и он, уже взрослый, одинокий, предоставленный самому себе, был сам для себя сломанной головоломкой, бессмысленные попытки решать которую он предпочитал по возможности избегать.

Он глядел в окно и дивился пустым улицам Дедмарка; и когда набралось достаточно часов безмолвия, город как будто кивнул ему; да, в городе никого больше нет...

В мире случился сбой, и он винил в этом ангела, которому он отводил первостепенный статус в своем пандемониуме.

Его больные ноги исцелились. И он вышел на улицу.

Идя по улицам, он с удивлением рассматривал раскрытые двери домов, раскрытые окна, ставнями которых хлопал ветер.

Слышен был только ветер и те звуки, что издавали тревожимые им предметы.

На опустевшей улице впереди его кто-то ждал...

05.05.2009

Дорога

...посвящая детству, познакомившему и с радостью и с болью.

oldingt

Как замечательно светлое детство — в каждой травинке, в каждой былинке видится сказка, каждый шаг — шаг полный чудес и неподдельных переживаний. А сколько таких переживаний выпало на долю поражённого Сашки, когда он только-только, вместе с бабушкой, приехал в деревню, где до этого ни разу не был! Да, первый день, на самом деле, преподнёс много чудного и интересного, с чем маленький Саша ещё не сталкивался. Да взять хотя бы ту же корову! До этого он мог её видеть лишь на рисунках и фотографиях в различных книжках, которые ему показывала и читала мама. Корова оказалось такой огромной — сначала даже страшно было от одного её вида, — с такими пугающими рогами, что мальчик не сразу согласился подойти и погладить животное. Но, поупрямившись и немного поныв, Саша решился и подошел к корове. Прикоснулся, погладил. Гладить было чем-то интересно — твердый живот жующей сено коровы был тёпел, а толстая с жёстким волосом кожа приятно щекотала ладонь. А то, как она оставляла лепёшки на сырой земле, вообще рассмешило мальчугана, и он сразу же проникся симпатией к большому рогатому животному. А дальше-то что было, дальше?! Эмоции за эмоциями, и все наполненные радостью и весельем. Бесстыдно хрюкающая свинья, вальяжно валяющаяся в грязевой жиже и ею же, этой самой грязью, облепленная с копыт по закрученный хвостик. А как милы, до дикого восторга, были розовенькие, визгливые поросята! Одного Саше даже дали подержать. Ещё он увидел в тот первый день во дворе у баб Любы:

кур и петуха со шпорами, жёлтенькую, пищащую ораву цыплят — к ним он тоже смог прикоснуться. На улице же ему удалось повстречаться с высоченным чёрным конём, с утками и гусями, передвигающимися так смешно, вперевалочку. Увидел уже знакомых коров, среди которых пасся и могучий бык с обломанным одним рогом, а непонятное существо с противной красной сосулькой вместо носа, которая извивалась как червяк, бросилось на Сашку с уханьем и оханьем, когда тот проходил невдалеке. Но мальчик, от страха залившись слезами, смог убежать от чудовища. А пожаловавшись бабушке, баб Любе и дед Толе, узнал, что чудовищем оказался индюк; тогда он и вспомнил, что, кажется, тоже видел такого в какой-то книжке. В общем, многое, смотревшее на него со страниц книг и журналов, теперь предстало в реальности. Саша был чрезмерно доволен, а от впечатлений и перевозбуждения к вечеру его быстро сморил сон.

Потекли неспешно дни жизни в деревне. Первое удивление прошло и сменилось на привычную детскую игривость, когда за обычным рисованием на земле палочкой, пролетал час за часом, и вот уже темнеет, садится солнце. Сашке было не по пути с разочарованием и скукой. Он смог познакомиться с двумя мальчиками, жившими в доме напротив. Старшему, Мише, было аж шесть лет, и он на целых две головы был выше Саши, а младшему, Вите, было столько же, сколько и самому Сашке — четыре года. Когда Витя и Саша поспорили, кто из них выше, Сашка испытал гордость за себя — оказалось, что именно он-то и выше, хоть и на чуть-чуть. А Витя, кажется, немножко обиделся. Все втроем они гуляли по деревне, правда Саша далеко не уходил от дома баб Любы и дед Толи, потому что не разрешала бабушка. Братья смеялись над этим, подговаривая Сашку всё же пойти с ними, но он отказывался, как бы

сильно его не подмывало послушаться наказа и последовать за мальчишками, обещающими показать нечто интересное.

— Да пойдем, — говорил Витя. — Сходим к речке и обратно, никто не заметит.

— Всего десять минут идти, плюс обратно пятнадцать, — добавлял Миша.

— А почему обратно дольше? — искренне любопытствовал Саша.

— Устанем ведь, — пожимал плечами Миша. — Это же, как дважды два!

— А это как? — спрашивал Саша.

— Ха, — приподняв бровь, усмехался старший брат. — Ты что, умножать не умеешь?!

Сашка обижался:

— Ну и что. Я на канкуляторе посчитать могу.

— На чем?

— Канкуляторе.

Миша заливался слезливым смехом, а мальчишки непонимающе смотрели на него, Витя даже крутил пальцем около виска, махал на брата рукой и начинал идти в сторону речки. Потом Мишке приходилось догонять Витю и отвешивать ему подзатыльник, после чего между ними обязательно начиналась перепалка и возня с тумачками.

— На счетах дуй посчитай! — кричал, махая руками и всё ещё посмеиваясь, Миша.

Но Саша не обижался, попросту не понимая, с чего тот веселится.

* * *

На тринадцатый день пребывания в деревне, Сашка не выдержал и нарушил данное бабушке обещание не уходить далеко от дома.

— Ну а сегодня пойдёшь с нами? На дорогу смерти, — уже просто так, без надежды спросил Мишка, и готов был тут же отвернуться.

— Пойду вот! — выпалил Саша.

— Ух ты, Санёк, молодец! — искренне обрадовался Витя.

Миша хмыкнул и поинтересовался:

— Так ты же не хочешь обманывать бабулю. Или...

— А я скажу ей. Спрошусь.

— Не-е, — протянул Миша, — тогда точно не пустит.

— Пустит! — сказал, нахмурившись, Сашка, и топнул ногой. — Пустит, вот увидите. — И побежал к дому, кинув через плечо: — Я быстро!

Только за Сашей хлопнула калитка, как он тут же закричал:

— Бабушка! Бабушка!

Из кухни выглянула баб Люба.

— Чего раскричался?! — глухо сказала она.

— Баб Люба, баб Люба, а где бабушка?

— Не знаю я, вроде на задний двор уходила...

Не дослушивая, мальчик кинулся на задний двор, но на нём никого не оказалось.

— Бабушка!..

— Асиньки? — послышался голос бабушки из деревянной будки туалета.

— Ба, я с Мишей и Витей можно пойду к... речке схожу?

— Какая ещё речка?! Никаких!..

— Но мама бы разрешила!

Саша не хотел уступать, в нем проснулась обида на то, что он так и не сможет больше никогда посмотреть на дорогу с такой интригующей репутацией — смерти. О смерти он много разного слышал, но так и не уяснил что или кто это, а тут появилась возможность своими же глазами посмотреть на неё. Интересно же!

— Здесь мамы нет, и я за тебя отвечаю...

— Ну, ба-а! — заорал Сашка. — Ну что ты такая!

— Какая?..

Обида нарастала, обрастая другими огорчениями дня. Одно огорчение было очень свежим и сильным. А именно: на завтрак Саша не хотел кушать гречневую кашу с овощной подливкой, а хотел пойти в дом взять пластмассовых солдатиков и поиграть с ними у будки Чухрая. Чухрай был большим псом, сначала гавкал и рычал на прибывших гостей, но через несколько дней уже подпускал к себе и вилял при этом хвостом, поскуливая, просил, чтобы его погладили, и мальчик с радостью гладил собаку. Но уйдя из кухни и подойдя к двери дома, Саша не смог открыть входную дверь, как он ни старался и ни пыхтел от усердия. Пришлось возвращаться, спрашивать у дед Толи и баб Любы, почему дверь не открывается. «Мало каши ешь», — сказала сидевшая тут же бабушка, а баб Люба поддакнула, а дед Толя согласно закивал головой. И все они при этом улыбались и перемигивались. Тогда Саша съел одну ложку каши и пошел вновь пробовать силы. Его ждала неудача. Процедура повторилась — мальчик съедал ложку каши и отправлялся открывать непокорную дверь. Так продолжалось до тех пор пока вся каша не была съедена. А потом бабушка сказала ему: «Пойдем, Саша». Они пошли и бабушка, посмеиваясь, открыла ключом оказывается до этого запертую дверь. Мальчуган негодовал — его провели, воспользовавшись детской наивностью.

И вот теперь бабушка не хочет отпускать его с ребятами. Не бывать такому!

— Ну,пусти! — взмолился Саша. — Что тебе, жалко что ли?

— Поговори мне! — голос из туалета становился громче и строже. — Раз сказала — нет, значит — нет!

— Блин, — впервые Сашка позволил себе сказать плохое слово (Мама уверяла, что «блин» и другие — как-кие, Саша не знал — нехорошие слова, говорят плохо воспитанные дети, но он же у неё умница!) — Камардирша нашлась!

— Вот выйду я, никуда не пойдешь. Дома сидеть будешь.

На глазах у мальчика уже наворачивались слёзы от обиды и злобы на бабушку. А последние её слова заставили его и вовсе сделать отчаянный поступок. Схватив палено из груды дров, сваленных под навесом у стены сарая, Сашка удачно примостил его к двери туалета, оперев о камень, выступающий из земли.

— Вот так, — сказал он, испугавшись собственных действий, но не собираясь отступить.

Через несколько секунд до ушей мальчугана донеслись стук по дереву и грозные крики бабушки: «Открой немедленно, паразит! Уши надеру, негодник! Саша! Саша, открой дверь, мерзавец! Выпорю-у-у!!!» Но Саша, выбежав за калитку, уже мчался к скучающим мальчикам; через минуту все трое скрылись в лесочке.

* * *

До дороги, оказалось, идти достаточно долго, но Сашке понравился поход. Пусть небо затянуло тучами и собирался пойти дождь, зато он впервые переходил через речку по сваленному, заросшему мхом дереву. С этого дерева они вместе плевали в журчащую воду, а Миша вообще геройски пописал в неё. Потом они пинали грибы, попадающиеся на пути, называя их все, без исключения, поганками; кидались друг в друга волчьей ягодой — так её называл Миша; играли в войнушку, представляя автоматы вместо палок... В общем, весело провели весь путь.

Сама дорога оказалась небольшой, по крайней мере, Саша видел в городе дороги намного шире. Да и машины здесь носились не так часто.

— А почему дорога смерти? — спросил он, озираясь по сторонам, словно ища скрытую тайну.

— Скоро узнаешь, — сказал Витя, ложась под кустами у самой полосы дороги. — Здесь каждый день они умирают.

— Они? А кто? — допытывался Саша.

— Увидишь, — кинул Миша, ложась рядом с братом.

Недолго думая, мальчик присоединился к друзьям. Так они и лежали, разговаривали, мечтали вслух, делились разными мыслями, затихая лишь в моменты, когда появлялся шум летящего автомобиля. Машина легко замечалась ещё издали — асфальтированная дорога была прямой, хорошо просматривающейся в обе стороны, — потом она со свистом проносилась мимо и скоро исчезала в противоположном направлении. Несколько раз Саша замечал каких-то маленьких зверьков, неспешно перебегающих через дорогу то туда, то сюда. Когда один из этих зверьков в очередной раз пересекал гладь дороги, Сашка спросил у ребят:

— Кто это?

— А? — Они посмотрели в указанном направлении.

— Бедняги, — непонятно высказался Мишка. А Витек только вздохнул, но почему-то улыбаясь.

Привлекший к себе внимание мальчишек зверь медленно полз в их сторону. Он был настолько близко, что Саша, сощуриль глаза, смог разглядеть в зверьке ёжика.

— Ух!.. — захлебнулся от восторга мальчик. Он как-то видел ежа, его приносили к ним в садик родители одной девочки и показывали всем детям группы. Он так смешно шевелил носиком и сворачивался в клубок, что невозможно было отвести глаз.

— Ух!.. — хрипло воскликнул Саша.

Одновременно с выкриком послышался гул приближающейся машины.

— Смотри, смотри! — оживились братья. И подчиняясь общему волнению, мальчик притих, внимательно наблюдая за ёжиком. Сердце почему-то начало стучать быстрее, дыхание стало глубже и ускорилось.

Вот зверек замер на дороге, и свернулся за миг до того, когда переднее колесо автомобиля наехало на него. Саша зажмурился, ему показалось, что он расслышал через шуршание шин, рев двигателя и свист рассекаемого воздуха, жалобный писк зверька, сменившийся хрустом, похожим на хруст переламываемой щепки.

— Вот это да! — услышал Саша восторженный крик Вити. — Ты это видел? Эй, Санёк...

Сашка открыл глаза, бледный, выбрался из кустов и подошел к тому месту, где некогда находился ёжик. Его взгляду предстала печальная картина — влажное красное пятно, усеянное маленькими иголками.

— Вот что значит: одно мокрое место осталось! Ха-ха-ха... — слышал Саша за спиной смех Миши.

Теперь, стоя в полный рост, Сашка мог видеть куда большую поверхность дороги, и на сколько у него хватала взгляда, он видел десятки, если не сотни, маленьких пятен с иголками. Где-то они были уже почти стёрты, а кое-где ещё достаточно свежи и можно было увидеть всё тот же красный их цвет.

— Дорога смерти, — отрешенно прошептал Саша, присел на корточки и заплакал.

* * *

На обратном пути мальчишки ещё поиграли, чтобы идти было веселее. Но Сашка участвовал в играх без былого энтузиазма, и всё же это как-то отвлекло от увиденной смерти ежа. Дома его встретила разгневанная бабуш-

ка, от которой пришлось убежать по улице. И чтобы она его не достала, он решил забраться в пруд, где мирно плавали гуси и утки. С разбега, еле успевая переставлять ноги, тревожа птиц, он скатился в пруд по самую грудь, когда почувствовал, что ноги сковало что-то вязкое, но крепко держащее. Сашка погрузился в глину выше щиколоток и теперь совсем не мог сдвинуться с места. Мысль, что он увязнет, утонет, молнией поразила его детское сознание; Сашка забился в истерике, хлопая руками по воде, заверещал, завыл, залился крупными слезами, стал звать бабушку на помощь. А она и сама не на шутку перепугалась, но достать внука никак не могла — слишком высок был склон пруда.

— Толя! Толя, милый, спасай Сашку! Скорее! — кричала бабушка. А дед Толя мчался с длинной палкой к водоему, прыгал вниз к Саше, вытаскивал его, и сам, опираясь на палку, выбирался следом.

Бабушка уже и забыла о наказании, крепко прижимала рыдающего внука к груди, гладила по намокшим от брызг волосам.

— Всё хорошо, всё хорошо, всё хорошо... — не уставая, повторяла она, идя к дому.

Сашку трясло и продолжало трясти всю ночь. У него появился сильный жар, лоб аж горел, а щёки стали чуть ли не пунцовые. Изошедшая горем бабушка, не зная, что предпринять, как помочь внуку, сбегала на железнодорожную станцию, откуда позвонила в город матери Сашки. К обеду следующего дня, мама, наконец, приехала на такси. Встревоженная, только глянув на сына, она тут же приняла решение везти его в городскую больницу. На том же такси всё маленькое семейство отправилось обратно. Бабушка села на переднее пассажирское сидение, а мама с Сашей, положив его голову на собственные колени, устроились сзади. Мальчика продолжал бить озноб, а из груди вырывался страшный хрип.

— Поедем по новой трассе. Быстрее так будет, — решил водитель такси. И они рванули.

Радостные, беззаботные часы, пережитые в деревне, оставались позади, как, впрочем, и сама деревня. Остались лишь воспоминания, которые, может, успеют поблекнуть или вовсе раствориться с возрастом. Но детство пока будет помнить.

Поворот, и деревня совсем исчезла из виду; еще несколько поворотов, и машина выехала на недавно проложенную через лес трассу. Набрала скорость на прямой дороге, легонько вздрогнула, потом еще раз, и еще. А из Сашиных глаз, при каждом новом содрогании автомобиля, вытекали капельки слезинок, и движением одних губ, прорываясь через бред и жар, он шептал повторы: «Дорога смерти...»

06.05.2009

Биография Суманара

Пролог.

Sumanar

Год 1349 от Р. Х. Эпидемия чумы косит Европу... Время войн и анархии. Суманар Вирановский, потомственный румынский воин, зарабатывал своим умением. Наёмнические войска в то время были весьма популярны. Летом полк располагался в Германии неподалёку от города Эрфурт. Суманар не понимал ни цели своего пребывания тут, ни срочности сборов. Утром 24 августа, спустя три дня после прибытия полка, это началось... По всей Европе прокатилась волна еврейских погромов, которые начались когда пошли слухи, что богатые евреи отравляют колодцы и являются причиной чумы. В город ввели войска, повсюду звучали крики, под ногами хлюпала кровь — ретивые горожане уже начали «чистку»... Суманара назначили десятником и направили в южную часть города для зачистки от «чумного народа». Это был приказ, послушаться которого он никак не мог... Он рубил, колот, рвал... Это было доведено до автоматизма, он не видел лиц, он видел врагов и истреблял их беспощадно... День близился к вечеру, ещё одна дверь помеченная шестиконечной звездой Давида. Удар ноги превратил хлюпкое дерево лачуги в щепки, Суманар был один, отряд рассеялся по улице. Сопrotивление практически не оказывалось, это была бойня, а для бойни было достаточно и одного закованного в доспех война... Старик еврей и молодая женщина с грудничком, забившиеся в угол, из освещения тусклая, почти прогоревшая лучина. Суманар занёс над головой лезвие и сделал шаг по направлению к ним.

— Стой! Богом прошу тебя стой!!! — старик вскочил и загородил собой женщину с ребёнком. Ах, сколько их

также кричало и загоразивало близких. Воин не слушал. Колющий удар проткнул старика насквозь, нанизав на себя ещё и женщину. Рывок вверх и на себя, лезвие с хлюпаньем и хрустом покинуло плоть. Старик завалился набок и издал хрип, женщина оставалась сидеть в прежнем положении и только кровавое пятно, ширящееся с каждой секундой на её груди, да пустые остеклевшие глаза, выдавали её кончину.

— Будь ты... проклят... кхрррх... убийца! — это подал голос старик, каким-то чудом ещё сохранивший жизнь. — Пусть ляжет на тебя Каиново проклятье, мразь! Гореть тебе в огне солнца, исчадие! — с каждой секундой голос старика становился громче и чётче. Суманар отшатнулся в приступе суеверного ужаса. Ему показалось, что глаза умирающего полыхнули зелёным огнём. Он еще что то говорил на непонятном и чуждом уху языке, лежал на полу с пузырящейся открытой раной на груди и говорил. Мгновения растянулись в вечности...

Детский плач заставил выйти из транса, рука матери наконец то разжалась и ребёнок упал на пол бесформенной грудой тряпок. Суманар тряхнул головой и огляделся. Старик был уже давно мёртв, рот его злобно ощерился, борода торчала окровавленными клоками...

— Чёртова резня... Привидится же... — пробормотал воин и тряхнул головой повторно, пытаясь сбросить оцепенение. Он посмотрел на грудку шевелящегося тряпья... Ребёнок надрылся, кричал о несправедливости мира во всю глотку. Суманар подошёл и поднял его, заглянув в голубые глаза. Ребёнок не успокоился, он заплакал ещё сильнее, от напряжения он весь побагровел. И тут воин заметил, как красиво набухла венка на шее малыша, как искрится и переливается в ней живительная влага. Он не смело потянулся к ней губами...

Так началось нынешнее существование вампира по имени Суманар. В его жизни произошло ещё много

приключений и невероятных событий, во время одного из которых он и попал в этот мир. Но это уже совсем другая история...

18.05.2009

Глава I. Ни шагу назад

— Они подступают... Что будем делать? — заметная дрожь в голосе, растерянный взгляд... он выбил меня из колеи. Хотя я младше, но выше по рангу. Он ветеран войны, он видел всё это и сейчас напуган как ребёнок, знающий что сейчас получит от отца за то что провинился. Напуганный не столько ожидающим его наказанием, как его неотвратимостью... Некуда бежать, некуда отступить... Ситуация прямо как у нас. И Николай испугался... Лучший боец, настоящий воин, готовый отдать жизнь, не боящийся смерти и неизвестности, так манящей любителей. Самый уважаемый из нас, никогда и никто не называл его иначе как Николай. Гордо и трепетно перед его силой и мощью... И он напуган...

— Они пробили кордон?

— Чёрта с два они его не пробили, прошли как будто его и не было. Также как пройдут через нас.

— Думаешь что с нами тоже самое будет? Нет, мы ещё потрепываемся малость. Всё будет хорошо, — хорошо... слово, так часто используемое нами, и это абсолютная ложь. Когда всё хорошо об этом никто не говорит, а когда уже ничего не хорошо, все успокаивают себя обратным.

— Ну зачем врать? Мы оба знаем что все, кто остался прикрывать группу эвакуации, все кто не сбежал, кто не настолько молод чтобы не участвовать в бою, кто не настолько стар... никто не уйдёт отсюда. Мы их не остановим, только задержим.

— Дима, успокойся. С таким настроением слона не продашь. Мы — элита, мы — лучшие... И потом, нами

руководишь ты, — он заулыбался. Его знаменитая лучезарная улыбка, появляющаяся в самый неудачный момент, но дающая людям надежду, свет в конце тоннеля. Но его глаза... Глаза испуганного, загнанного в угол тигра. Он знает что его ждёт, что от этого не уйти и потому напуган, но он не собирается сдаваться просто так. Вместе с тем по его глазам было видно насколько он со мной согласен.

— Да Николай, вы правы, — даже язык не поворачивался обращаться к нему на «ты», — отчасти. Умирать, так с музыкой!

— Дима. Ты должен поговорить с ними. Со своими людьми. Они знают что нас ждёт. Помощи не будет. Отступать нельзя. Мы — смертники, Дима. Если кто-то хочет уйти, пускай уходит сейчас. Мы должны стопроцентно рассчитывать на тех, кто остался. Мы все — как один. Сражаемся вместе. Побеждаем вместе. Умираем вместе.

— Да уж, один за всех и все за одного.

И вот стук, входит Никита. Он командир ударных войск.

— Главнокомандующий, докладываю: первая линия готова — крупнокалиберные пулемёты на каждом посту каждые 15 метров, далее — стена, на которой установлены гранатомётные расчёты с поддержкой снайперов, мины по периметру установлены, также автоматические турели и дроны готовы к запуску. Боевые машины ждут распоряжений за первой городской стеной, основные ударные войска за второй городской стеной, тротилом заминировано ущелье — на крайний случай, это их удержит на некоторое время. Разведка докладывает что они примерно в пятнадцати минутах отсюда.

— Отлично Ник, хорошая работа, только в следующий раз не так формально и говори не так быстро, хорошо? А то не всё понятно.

— Дима, твой выход, — Николай как будильник, никогда не опаздывает и не даёт опоздать... Даже сейчас.

— Да, пожалуй я пойду... — и я пошёл, пошёл на последний разговор с моими людьми. Пошёл что бы сказать им что это их последний бой, что они не вернуться... Ну что же, начнём. — Я пришёл что бы сказать вам всё, что я думаю на самом деле. Хватит лжи и напрасных обещаний. Я думаю что никто не уцелеет, — заметное оживление и негодование в строю... — Но если мы уйдём, то не будет шансов и у тех, кто позади нас. У наших семей, наших друзей. Мы — последний рубеж. Мы вступаем в финальную игру, в которой ставка — наша цивилизация. Столько раз мы стояли на краю пропасти, у двери в бездну... но всегда, в последний момент мы сворачивали со скользкого пути. И сейчас мы должны устоять на нём чтобы суметь свернуть позже, а не рухнуть на землю. Вспомните тот день, когда вы здесь оказались... Пусть каждый вспомнит свой первый день. Вы пришли сюда потому, что здесь безопасно. О храбрости, мужестве и боевых подвигах наших людей ходят легенды. Вы пришли сюда и стали одними из нас, одними из уральцев. Теми, кто охраняет хрупкий баланс. Но пришла угроза сравнимая лишь с той, что однажды почти уничтожила род людской. И теперь, как и раньше, мы должны устоять для того, чтобы победить. Как Царь Леонид и триста спартанцев ушли на встречу своей судьбе, навстречу славе. Так и мы должны встретиться со своими страхами лицом к лицу. Мы живём в беспокойное время, но мы можем это изменить. Вы хотите, чтобы ваши дети через двадцать, тридцать лет спокойно приходили с работы к любимой жене и своим детям и... просто жили, жили, не вглядываясь в тьму и не прислушиваясь к каждому шороху? Мы можем дать им такую возможность, мы должны дать им такую возможность! Мы победим, и Наши имена будут высечены Нашей кровью на пьедестале

Нашей победы! Каждое имя будут воспевать и перед каждым именем будут трепетать! Вы хотите, что бы вас помнили? Вы хотите защитить свою семью? Готовы ли вы назвать себя мужчинами?

— Да-а-а-а!

— Мы готовы!

— Они не пройдут.

Внезапный взрыв вдали разогнал воодушевлённые крики из строя. Они готовы. В их глазах страх, непередаваемый ужас, но вместе с тем и звериная ярость. Всё, что есть в человеке от зверя, всё вот-вот выплеснется наружу. Осталось моё последнее слово...

— Ну что же, наш выход. Слушай мою команду! НИ ШАГУ НАЗАД!

Глава II. Оборона Урала

Атака началась... Нам сказали что мы все умрём... Мило, но я не сдамся. Толпа кричала: «Да! Мы готовы!» Но я не готов, я не часть толпы, не часть серой массы, не часть сложного организма, я не хочу прыгать вместе со всеми в пропасть. Я не побегу, не уйду, я смогу защитить своих близких, но я не погибну. Не имею права. Не для того за меня погибли родители, не для того я рос в унижении, войне и разрухе. Это замкнутый круг. Родители гибнут за детей, чтобы те, в свою очередь погибли за своих детей. Я должен выкарабкаться. Я буду выживать, хвататься за жизнь из последних сил. Я буду рвать глотки, я разорву эту цепь, этот круг. Я смогу защитить, победить, а не «задержать»... Я должен.

Первая линия обороны ушла, как будто её и не было. Дроны, турели... Всё, остались только мы. Стена... Грохот, их жуткий визг и эта огромная, колоссальная конструкция рухнула, сложилась как карточный домик. Так легко... Как от порыва ветра разлетаются листья, так

и сейчас в разные стороны разлетались куски бетона и арматуры. Падали наземь люди, как солдатики на миниатюрном поле боя от всемогущей детской руки. Руки, не знающей пощады и жалости к пластмассовым фигуркам, которых можно использовать... Убрать, когда надо-едят, а затем, когда вновь понадобятся, снова использо-вать. Да и в мире сейчас творился бедлам. Точно как в нездоровых фантазиях трёхлетнего ребёнка...

Они шли на нас... Неслись с нечеловеческой скоро-стью.

— Ждать!

Дима спустился к нам. Глава военной ассамблеи СПА, почётный рыцарь внутреннего круга. Генеральный канцлер Уралграда. Генерал Шимардонов. Легендарный воин и полководец достойный править нашим великим городом. Он то и сказал что мы все погибнем... Как-то глупо он пошутил, надеюсь что пошутил...

— Ждать!

Зачем ждать? Они нас сметут! Спокойно, только не бойся. Спокойно... Здесь ушелье, легче их сдерживать, а у нас ограниченное количество боеприпасов, дроны ушли, теперь мы одни...

— Ждать!.. Запускаем дроны!

Внезапно, метрах в ста от нас из-под земли показа-лись шляпки дронов. Одно из очень немногих достиже-ний, которые остались от прошлой цивилизации... Ци-вилизации, закат которой болезненно продолжается до сих пор, но пока мы боремся она не зайдёт за гори-зонт навечно... Левитирующие лёгкие боевые машины, оснащённые крупнокалиберным оружием и искусствен-ным интеллектом класса «Буратино Б-IV». Я что-то при-поминаю из детства. Вроде это был какой-то мальчик, но не настоящий. Что-то вроде живого робота. Это из сказки. Глупое по-моему название для летающей шту-ковины, несущей смерть всем вокруг... Они поднялись

за долю секунды, ещё быстрее навели орудия и открыли огонь. Их было около десяти — они полностью перекрывали вход. Выстрелы прогрохотали оглушительно громко, кто-то в строю не выдержал и зажал уши. А как он собирается сам стрелять, раз не выносит этого звука. В ущелье звук от выстрела усиливался многократно — на это мы и рассчитывали. Они не выносят шум ещё больше чем мы... Но видимо на свинец у них тоже аллергия. Как косою их скашивали пулемётные очереди, передние ряды буквально складывались напополам, падали и об них спотыкались и также падали следующие ряды, сражённые смертоносной машиной, чтобы остаться там навсегда... А нам не сказали о дронах. Я думал что они все находились снаружи. Секрет нашего Генерала. Никогда не выкладывает все козыри. Он знает всё о всех, а о нём никто не знает ничего. Беспристрастный судья. Верховный судья уральского синедриона. Интересно, откуда это название, кажется какой-то дедушка так их назвал, вот название и прижилось. Синедрион... по-моему красиво звучит, гордо...

— Ждать!

Задумался. Если раньше между дронами и врагом было метров семьдесят, то теперь между ними было не больше десяти, они прорывались... Вот вот... Дроны буквально утонули в тёмной массе, пожирающей всё вокруг... Послышался выстрел где-то слева. Видимо, сдали нервы.

— Я сказал ЖДАТЬ!

Они понеслись на нас. Непроглядно чёрная, злоеющая, от одного взгляда на которую всё внутри сжимается как от холода, тут же проходящего через всё тело, несоместимая с жизнью волна.

— Ждать!

Какого чёрта! Они уже так близко! Надо стрелять... Не я один так думал, с обеих сторон слышались нервный

шёпот, клацанье предохранителя туда-сюда и наэлектризованная, напряжённая атмосфера... Они были уже в метрах пятидесяти. Только бы не спасовать, не убежать. Если бы кто-то сдрейфил, то за ним бы убежала половина наших людей. Все тряслись от страха, дула автоматов беспорядочно рисовали в воздухе нервные кардиограммы... Все были на грани. Только бы никто не побегал... — За Урал!!! — заорал кто-то слева.

В этот момент пружина распрямилась, напряжение выстрелило и страх сменился звериной яростью. Нервная тряска холодной уверенности... В атаку! Слово за Димой.

— Огонь!

Глава III. Выживает сильнейший

Пальба, повсюду пальба. Ад, хаос, в котором не разобрать никого и ничего. Люди, в которых от людей остался только внешний вид, эти горящие глаза, ярость, парящая в воздухе и заражающая собой всё что с ней соприкоснётся. Люди, которые просто стреляют во всё что движется. Во всё вокруг, свой-чужой... эти вещи теряют значение в таком месиве... Снял ещё двоих. Наверное это приходит с годами, то, что ты убиваешь на автомате, а сам рассуждаешь на вечные темы. Да, смешно. А зачем мне мозг в данный момент. Тактика, какие-то манёвры... в мясорубке всё отпадает само собой за ненужностью, только сила, ярость и победа имеют значение. Выживает сильнейший. То есть я и те, о ком я должен позаботиться. Я ведь старший, Николай, легендарный воин. Да, смешно, такой крутой и в подчинении младшего брата, ну что поделывать, Димке досталось больше мозгов, зато мне — больше силы. А что же досталось самому мелкому? Кирилл. А где он, кстати? А, вон там, на передовой, чуть позади меня, Дима сразу

спустился к нему, волнуется, всё-таки средний ребёнок в семье должен приглядывать за младшим. А Кирилл не спасовал перед атакой, только глазами бегал. Многие переминались с ноги на ногу, чуть ли не плакали, но стояли, а он — просто сама невозмутимость, только те самые зелёные шарахающиеся глаза его выдавали. Надо приглядывать за этими оболтусами.

А враги подходили всё ближе и ближе, медленно, но верно. Как в средневековье, таран так приторжено и печально подкатывали к воротам, последнему шансу на спасение, и он сметал их как бумагу. Как ничто... Ближе и ближе. Чёрные существа, как люди, только какие-то ненастоящие, вокруг них какой-то... туман, что ли. Не видно деталей, черт лица. Видно две ноги, пара блестящих чёрных глаз и всё. Такие же хрупкие как и люди, много для их убийства не надо, но их гораздо больше. Больше, чем можно себе представить... Зачем сражаться, зачем пытаться выиграть заведомо проигранную битву? Дима тоже думает так. Он так открыто и сказал солдатам... Идиот! Ну нельзя же так прямо в лоб! Но, видимо он психолог лучше, чем я. Солдаты его поняли и все думают примерно так же. Они сражаются отчаянно, свирепо. Люди, которым нечего терять... Все, кроме Кирилла. Он другой, непохожий на остальных. Из последних сил он будет цепляться за жизнь. Мы уже 60 лет пытаемся возродить давно погибшую цивилизацию, нашу великую цивилизацию. Альянсы, союзы, конфедерации. Все предрекали конец света, но никто не говорил о том, что будет после него. Чистилище? Возможно... Эх и хреново же тут, братцы! — Ни шагу назад, за нами город! Только вперёд!

Дима не замолкал ни на минуту. Любитель поговорить по душам. Но его слушались, вот он пошёл вперёд. Сразу за ним Кирилл. Два идиота блин... Нифига, три, я тоже пошёл вперёд, я-то ближе всех к границе наших

войск. За нами пошли и остальные... Да, Дима — мастер, несомненно. И случилось невозможное, мы начали оттеснять их... Оттеснять дальше и дальше... Невозможно, но, они отступают? Как? Почему? Всё дальше и дальше... Мы их оттесняли... Не укладывалось в голове... Они способны думать? Я видел шок и на лице Димы, который явно не ожидал такого поворота событий... И всё? Не может быть, они ушли перегруппироваться, вернуться снова, с новыми силами. Но мы тоже подготовимся, лучше чем в первый раз, учтём их слабые стороны и нанесём удар, смертельный, молниеносный. Раз они отошли, значит их войско не так велико, как мы думали, значит они опасаются что проиграют, значит... мы можем победить, мы победим. Ну я очень постараюсь — спортивный интерес. Они скрылись из поля видимости. Оставили двоих часовых. Ну точно, у них есть мозги и они ими пользуются! Вот это — самый настоящий шок. Хорошее у нас время, каждый день шок... Но как правило не сильно приятный. Ну например: «Похоже к нам миграция насекомых идёт. Вчера в лес пошли два охотника, так один только прибежал и сказал что второго жук съел... один жук... большой». Ну нихрена себе «жучок»! И таких очень много шло к нам. Ну ничего, пробились. Действительно стало не по себе, когда сказали что они проснулись вновь. Где-то в Антарктиде, в месте падения.

— Так, Виска, Чернин, соберите команду и заберите дроны, я не вижу сильных повреждений и хочу чтобы до следующей волны они были в порядке.

— Есть!

— На месте дронов установить крупнокалиберные орудия и укрепления.

— Есть!

— Так, в разведку за ущелье, Терадов, Гулин, Невиденко... кто ещё...

— Ещё иду я и хватит для небольшой разведгруппы. Так, соберите пару трупов этих уродов, к биологам, пускай посмотрят, что же это за твари, — ну вот я и вернул правление разведкой в свои руки.

Дима бросил на меня злобный, растерянный взгляд... Странное сочетание.

— Так, полковник Шимардонов не идёт, он нужен здесь, для организации второго кордона обороны, — нет, ну малый слишком много себе позволяет, главное жёсткость. Так, я почти неслышно подошёл к нему и резко схватил за руку. Дима чуть дёрнулся от неожиданности, напряжён. Надо расслабиться, хотя... в такой ситуации, только такой маньяк как я это может. — Я иду, и ты меня не остановишь братишка.

— Ты не идёшь, это приказ, — так, он уже перешёл на крик. Ненавижу когда кричат, — это всё равно что пустить себе пулю прямо в лоб! — Ты не идёшь!

— Я иду, не порти наш авторитет и не повышай голос на старших, малой! Я пока старший, так что как я сказал, так и будет. И ещё раз гаркнешь на меня, я твою голову тебе же в задницу запихну, понял?

— ...Да... — он опустил глаза как нашкодивший ребёнок в разговоре с родителями, — ...будь осторожен.

И я пошёл, возможно в последний свой поход, возможно в последний на Урале, или последний на земле...

Мы шли по верху, взобрались на правую сторону ущелья, оглянувшись назад видели город... Он огромен, а в самом низу, как муравьи, копошатся люди, пытаюсь отсрочить неизбежное. Все остальные тоже остановились, замороженные величественной картиной.

— Ну что стали, выживем — ещё будет время видом насладиться. Идём дальше.

На самом деле между городом и нами было совсем немного расстояния, достаточно для того, чтобы вселить в сердца людей надежду, мысли о том, что они мо-

гут победить. Чтобы люди расслабились. Достаточное расстояние для молниеносной атаки, которая сметёт неподготовленных людей. Человечество, видимо, уже не доминантный вид. Очередная бактерия, которую нужно уничтожить для выживания. Так думали они... Не-е-е, я повертел головой, отгоняя какие-то странные мысли и в этот момент увидел это... Мы все стали как вкопанные, как на ладони... Но им до нас нет никакого дела, они стоят и смотрят в пустоту. Думают о чём-то? Это неважно, важно то, что мы не видели конца их полчищу... Тёмные пятна на земле простирались до самого горизонта и дальше... Зачем они остановились, не смели нас.

— Может они...

Гулин остановился на полуслове. Взгляд остекленел, он начал падать вниз, с края обрыва... Терадов успел схватить его за шиворот. Обернувшись, я увидел одного из них, уставившегося на Терадова. Какие же они уроды... Они как люди, только костлявые, со впалыми глазами, полностью голые... только без... а как они тогда размножаются? Кожа у них на самом деле светлая, очень бледная... Просто в какой-то дымке... Отвратительный смрад... Он мельком взглянул на Терадова. Тот также как и Гулин где-то потерялся... Уставился в пустоту... Они вдвоём упали в обрыв... Всё так быстро... Невиденко кинулся за товарищами, но не успел. А враг не успел посмотреть на него. Выстрел из пистолета в моей руке... Так, у них реактивные ранцы, быстро включают их, до падения. Команда всем остальным — за мной. Невиденко и так рядом, а снизу звук включающихся двигателей в ранцах. Невиденко немного расслабился, повернулся и вдруг глаза округлились в удивлении, на одно лишь мгновение, затем он вырубился как и остальные и упал мне на руки. Обернувшись я увидел всё того же врага... Дыра на его лбу прямо на моих глазах затянулась...

— Я тебя убил... Твою мать...

Такого я не ожидал... Он посмотрел мне прямо в глаза и... ничего, вообще. Он просто смотрел на меня и всё. Он только что... ожил, воскрес, или вовсе не умирал. Но если так, то все остальные в городе — трупы. И те, кого исследуют биологи... Они нас сломают...

— Нет... Хрена уставился урод!

Удар ноги сбил его в пропасть, я включил ранец и полетел. Невиденко за мной, он в отключке. А вот и остальные... Только Гулин... Не успел включиться ранец второго... Дерьмо!

— Город, город, ответьте! Говорит полковник Шимардонов! — связи нет... я всего метрах в трехстах!

Пронзительный крик. Человеческий крик со стороны города... А вот и сам город. Перестрелка. Из ущелья идут ещё. Дроны... только два отстреливают наступающих. Где-то идёт уже почти рукопашный бой... Ну как бой, наши просто ложатся штабелями без всякой видимой на то причины. Нет... нас слишком мало чтобы так ложиться. На подлёте выпустил пару очередей по чёрному сгустку. Трое упали. Я пролетел над ними...

— Не смотреть им в глаза!

Безостановочный огонь скосил их.

— Сторожите их. Эти твари очень сложно убиваются. Медики!

Так, наши... В отключке. Пульс... Его нет. Я посмотрел в стеклянные глаза... Они мертвы. Стрелой метнулся к своим приземлившимся. Невиденко... Гулин... мертвы...

— Нет. Твари! Не смотреть в глаза! Где Дима?

— Он в лаборатории, вместе с биологами пошёл их осматривать. Это, — он указал на лежащих врагов, — те, которых не успели отнести. Связь с лабораторией сразу прервалась, как только они начали вставать...

— Нет... а... малый...

— Он с ещё одним парнем прямо перед началом этого заносил одного из них в лабораторию, из прохода сразу были какие-то крики, а потом тишина... Мы сразу туда, но нашли только того парня, Лёшу... — он опустил голову. — Дверь в лабораторию заблокирована, вон несут автоген.

Наверное, Лёша был его другом... На войне кто-то кого-то теряет... постоянно. Я хотел скорее вскрыть дверь и как медведь ворваться туда, уничтожая всё на своём пути. Но надо подготовиться к атаке.

— Быстро, все трупы за линию обороны, продолжайте готовить дронов!

Пока шёл к линии, всё думал, почему я всё ещё жив, почему они мне ничего не сделали...

Глава IV. Патриарх

— Что за чёрт!

Труп врага, которого мы несли, начал дёргаться... Потом посмотрел на Лёшу и тот рухнул на землю. Посмотрел на меня... а я... я в шоке, он что, нахрен, воскрес что ли? Я до сих пор держал его ноги, но тут же бросил, прицел прямо на голову... Очередь... Его голову разнесло по всей округе.

— Теперь оживи, урод!

Надо проверить Лёшку, он что, в обморок упал. Какой нежный... Я улыбнулся... Нет... Он был мёртв. Стекланные глаза уставились в потолок, даже не было нужды проверять пульс... Невольный крик вырвался из груди, он всё нарастал и набирался злостью и ненавистью... Убили... Лёшку... А может я кричал от понимания того, что убили одним только взглядом. Или что он воскрес. В ярости спустив автомат с предохранителя, развернулся выпустить очередь по трупу врага... но его не было. Только тёмно-красная кровь на полу... Направо, нет. Налево,

нет. На потолке, нет... Услышал шаги за спиной, сам не понял как за секунду оказался в другом конце комнаты и как развернулся, только рефлексы, инстинкты, борьба за выживание... Никого нет, только подсвеченный коридор в лабораторию... Лаборатория, там Дима, биологи... и много трупов врагов, которые возможно тоже ожили, нужно идти... Дверь начала опускаться, сигнал карантина... прорыва защиты в лаборатории... Они там. Дверь наполовину опустилась, успею, и тут я увидел голые ноги в тёмной дымке... Это тот, который убил Лёшку. Я ускорился, в последний момент проскользнул под дверью. Вскочил... Никого...

— Ну, иди сюда урод!

Никакой реакции. Какой-то шум, звук борьбы дальше по коридору, нужно проверить. Чёрт... Двухметровый здоровяк в тёмной дымке держит за шиворот вырывающегося лаборанта. Но стоило ему лишь взглянуть этой твари в глаза, как он безжизненно обмяк, свесив руки и ноги и уныло повесив голову, упёршись подбородком себе в грудь. Вот и всё... Он жил, сражался, учился, любил... Ради чего... Насколько же мы хрупки, нужен всего лишь один мимолётный взгляд и всё... Как сражаться с таким врагом... Нельзя, нельзя сдаваться, ты уже проиграл если считаешь, что бой проигран. Нужно биться до конца... здоровяк только начал разворачиваться в мою сторону как его скосила очередь из соседнего коридора.

— Кирилл! — это был сержант Барко... потомок какого-то французского полководца... ближайший помощник Димы. — Твой брат отрезан в лаборатории, там туча этих, — скривившись показал дулом автомата в сторону лежащего здоровяка, — так что будет туго, но...

Внезапно он замолчал, взгляд округлился... Он рухнул как Эйфелева башня во время первой волны... На колени, а потом лицом на землю. Вот и всё, прервался род великих французских полководцев... Я поднял глаза.

В конце коридора стоял тот самый урод, убивший Лёшку... и теперь Жана... даже в глаза необязательно смотреть чтобы уйти далеко и навсегда... СДОХНИ! Очередь... Он упал на колени. Очередь... Он упал на четвереньки. Поднял голову в тот момент, когда я хотел выпустить одну, последнюю очередь... И я поймал его взгляд... Такой грустный, печальный, как у пса, который всю ночь не спал, лаял, спасая дом хозяина от птиц и кошек, а утром, вместо вкусной косточки, получившего ботинком за то, что не давал спать своим лаем... Я как будто прочитал его мысли, он как будто сказал мне: «За что... Я ничего тебе не сделал...»

— Ты убивал моих друзей!

— Нет...

— Ты хотел убить меня!

— Я никогда не поднял бы на тебя руку...

— Ты хочешь уничтожить всё, что мне дорого!

— Нет...

Только сейчас я понял что он мне отвечает. Не раскрывая рта, точно так же... Это написано в его взгляде, на его лице... Невообразимая печаль...

— Они не твои друзья, ты не принадлежишь им... Мы — твоя семья, мы — всё что тебе дорого... За что ты наказываешь меня, патриарх?

Нет, это невозможно. Патриарх... Что за чёрт... Дима в лаборатории. К нему. Развернувшись, я посмотрел на врага... Его лицо, почти человеческое, по его щекам текли слёзы... Как обидевшийся ребёнок, считающий что наказание несправедливо. Его опасно оставлять позади... Взял на мушку его голову... Такое живое лицо... Вот она, слеза, потёкшая по его щеке. Чувства, эмоции, он их испытывает... Я... Я не могу! Развернувшись в гневе я сам чуть не заплакал. Побежал по коридору дальше, брату я сейчас нужнее. О них поговорим потом. Но прямо перед поворотом я развернулся и подумал...

— Если ты ещё кого-то убьёшь, будешь наказан!

Он чуть заметно кивнул головой... Невероятно, у них есть не только разум, но и чувства. Они как дети, они не понимают что делают, и я могу приказывать им, я могу остановить это, закончить... Это вселяло надежду. А вот и поворот на лабораторию. Пусто... Никакой засады, ничего похожего на то, о чём говорил Барко, только... только трупы, трупы солдат, лаборантов, и... семьи... Двинулся дальше... Лаборатория... Везде кровь, кровь моих детей... И лишь трупы солдат и биологов, здесь всё началось. Одна стена была разрушена и был виден какой-то ход, вырытый совсем недавно. Я пошёл по нему вглубь открывшейся пещеры. По дороге думал о разном... о своём детстве, о первой любви... Лёгкая улыбка проскользнула по лицу... О первой ночи, но затем вдруг всё это утихло и я подумал: «А с каких пор я называю врагов семьёй и своими детьми?» И мне стало страшно... Действительно страшно. Я знал что заходя в эту пещеру уже из неё не выйду, а если и выйду, то совсем другим. Диминого трупа я не видел, да и не надеялся увидеть, он уже в пещере. Его тоже не тронули. Николай тоже жив, и его не тронут, в этом я был уверен... Что же за тайны скрывает наша семья... Какой секрет я сейчас раскрою... Я был уверен, что прежней жизни уже не будет. То, что меня ждёт... неизвестность, пугала с каждым шагом всё больше и больше. Я не видел ничего, фонарь был выключен. Да мне и не надо было видеть, я просто шёл вперёд, навстречу... судьбе... предназначению... Я покрутил головой, вытряхивая всю эту чушь оттуда. Откуда эти мысли вообще взялись! Я просто приду туда, заберу Диму, и уйду. Или же буду поступать в зависимости от ситуации. Как гласит устав. Но при всём уважении к нему, не думаю, что он предусматривает ДАННУЮ ситуацию. Я увидел еле заметный свет в конце туннеля. Он так давил на мозги. Свет становился всё ближе... А на какой глу-

бине я нахожусь? Туннель шёл вниз под небольшим, но ощутимым углом. Шёл я... минут десять... Да какая к чёрту разница где я. Вот, выход уже прямо передо мной... Что бы не лежало по ту сторону, какие бы тайны не скрывала тьма, я набрёл на свет, который откроет нам всё... Этот свет оказался обычным факелом в крошечной тьме, казавшимся яркой лампой дневного света. Сегодня я открою все тайны.

А стоит ли?

И я шагнул навстречу факелу...

Глава V. Новая волна

Ещё не принесли резак... Успокойся, Колян, всё в порядке. Они оба могут сами о себе позаботиться, а если и нет, то Дима за малым присмотрит. Он у нас в семье самый ответственный! Я рассмеялся, наверное начинается истерика... У меня? Да ну, неправда это, просто шутки разума. Конечно, и не такое будет, насмотревшись на такое. Воскресающие монстры, убивающие одним лишь взглядом! Во как завернул, только я неубиваемый. Как в одном древнем фильме «Дункан МакЛауд»! Снова рассмеялся, вспомнив про кино... То, что сейчас утеряно в пылу войны... Кто-то пытается возродить театр, не говоря уже о кинематографе, но их сразу поднимают на смех. А разговоры о том, чтобы взрослые мужики перед камерой бегали с палками и изображали бой на мечях! Детский сад! В нашем мире больше нет места искусству. Мужчины строят и воюют. Женщины готовят и рожают. Мы превратились в машины. И никто даже не знает ради чего мы воюем. Чтобы захватить новые земли, поставить там свой флаг и уйти обратно? Да, не спорю, идея стоящая. Мы уже потеряли даже причины для войны и всё равно воюем. Да, конечно, есть ещё учёные, врачи, они у нас в почёте... Потому что их очень мало...

Какой-то омерзительный визг и рёв раздался по всему ущелью, и я увидел... Понеслась... Новая волна. Они летели как ракеты, мы успели подключить ещё трёх дронов и в этот раз мы были все вместе, в одной линии. Больше нас просто не осталось, так мало нас стало.

— Вы, двое, не останавливаться! Несите резак и вскрывайте дверь!

Закрылась из-за прорыва карантина. Значит они и там воскресли. Но ничего, резак на месте, этих ребят я знаю, сделают всё быстро и эффективно.

— Так, всем внимание! Не смотреть им в глаза! Повторяю, не смотреть в глаза! Стреляем по ногам! Ясно?

— Да!

— Да!

— Так точно!

Как-то оптимизма маловато для боя...

— Ну-ка парни, а ну врежьте себе пощёчину! Вот, больно, значит ещё живые, веселее!

Они засмеялись. Но как-то неправдоподобно и наигранно. Слишком испуганные глаза. И через мгновение фальшивая улыбка, и та слезла с их лиц. Только страх, напряжение... усталость... Вдруг один из парней упал на землю...

— Андрей, Андрей!

Товарищ пытался растормошить его, но все уже знали что Андрей не встанет... Это наш последний бой... Он трудный самый...

— Поехали парни... Огонь!

И пошла по новой. Собиралась гроза. Пропитанный озоном воздух за несколько секунд был изрешечён огненными шлейфами от пуль. Дроны тоже начали стрелять. Как и в прошлый раз враги ложились штабелями под нашей мнимой огневой мощью. Разница лишь в том, что теперь они не претворялись, а тут-же вставали вновь. Упал ещё один боец... второй... третий... Один из ряда

повернулся чтобы бежать, но тут же рухнул лицом вниз. Даже уйти нельзя. Они подошли вплотную когда подошли огнемётчики... Плотная стена огня закрыла их от нас. На секунду я перестал стрелять... Ничего не видно за огненной завесой. Возможно мы защищены... Один из нас упал, за ним второй... Нет, не защищены. Следующим рухнул ближайший огнемётчик и появилась брешь в стене. Я увидел их, они... улыбались? Стояли и улыбались! Не может быть. Затем улыбка слезла, лицо сразу стало серьёзным. И через секунду одновременно упали остальные огнемётчики. И новая волна... Мы даже не успели ничего сделать...

— Отходим!

Да что там, отходить было некому. Я и ещё несколько человек начали пятиться назад. Один из них упал как бревно. Глупо получилось — назад отклонился, а ногу уже не смог поставить. Я услышал голоса. «Остановись, не стреляй, зачем ты это делаешь...» Я обернулся к оставшимся у дверей лаборатории людям... Их стало раза в два меньше. Стрельба, стрельба... Никаких знаков того, что кто-то что-то мне сказал. Я развернулся и оказался лицом к лицу с одним из них... Чёрт, как же они похожи на нас. Только черты лица какие-то... детские что ли. Игривая улыбка на лице... «Не надо стрелять, мы ничего тебе не сделаем...» У меня отвисла челюсть... Это он со мной разговаривал, только не говоря ни слова. И в этот момент все они... враги, развернулись в мою сторону. «Не надо», «Не делай этого», «Пожалуйста»... Нет, вы не люди. Я достал свой кинжал и пошёл в рукопашную. Один, второй, третий... Как на бойне, они даже не сопротивлялись...

— Полковник, мы...

Он замолчал. Я вырвался из толпы врагов... Дверь открылась и оттуда вышло двое... Тот, кто сказал мне о двери лежал на земле, раскинув руки. Они все лежали на зем-

ле, больше никого не было... Только я... Очередь, те двое лежат. Я залетел в коридор и крикнул, обернувшись.

— Стоять! — начавшие движение враги вдруг остановились, — Лежать! — они легли, — Вернитесь откуда пришли!

— Нет? — они начали вставать и медленно идти в мою сторону. — Нам приказано уничтожить их всех, приказано первым из патриархов...

Я развернулся и рванул в лабораторию. Внезапно я так проникся симпатией к семье... Они просто дети, которые не знают всей своей силы и лишь исполняют приказы... Что? Какая семья! Что за чушь. Я остановлю этих тварей. Теперь я знаю почему это произошло, я знаю кто виноват... Я вошёл в лабораторию, в которой был вход в пещеру. Мало времени, нужно спешить.

Только ещё один человек умрёт сегодня...

Я влетел в пещеру... Каков будет исход?

Глава VI. Исход

Пещера была залита багровым светом... Красиво. Сама по себе она была огромна. Свет от фонаря, который я удосужился включить, не доставал до противоположной стены пещеры. А в центре был провал, до дна которого не доставал даже взгляд. Освещения хватало. В центре этого провала возвышался какой-то корень... а может и камень. Но он светился изнутри багровым, кровавым светом. От него издалека веяло теплом, и... уютом... Ощущение как когда приходишь домой после долгого отъезда. Сам этот провал был огромен. Метров четырёхста в объёме. Но в пещере больше ничего не было кроме него, и я решил обойти его по кругу. И я нашёл Диму. Он стоял с обратной стороны этого корня и с начала его не было видно. Он стоял с торжествующим и несколько... печальным лицом...

— Вот и всё, братишка... мы победили.
— Дима, уходим, скорее. Они могут вернуться.
— Не нервничай так... У нас в семье нет идиотов, ты сам всё понимаешь, — мои самые страшные опасения, самые страшные мысли полезли на поверхность словно тараканы.

— Это, то что ты пытаешься сказать... это... это чушь!
Я не приму этого!

— Это? Это просто эволюция. Дама, которая не спрашивает нашего желания.

— Дима! Мы же люди, а не животные!

— А вот тут ты не прав братишка... Мы не люди. Мы уже давно не люди. Всё человечество. Его уже нет. Они приспособились, а мы всего лишь очередная ступень. Мы даже приспособились к этим нашим «врагам». Даже более, мы научились ими управлять. Зачем? Я скажу зачем. Мы должны уничтожить всех. Посмотри на нас. Мы сражаемся за то, что... мы уже сами забыли за что. Наш мир почти уничтожен. Взгляни! Чтобы сохранить его необходимо нечто большее чем наше желание уничтожать! Человечеству конец! Но на обломках мы построим новую цивилизацию. Мы — омега старого мира и альфа нового! Неужели ты не понимаешь! Мы уже давно не люди. На вот, ознакомься, — он протянул какой-то прямоугольник... фотографию, голографическую. Ух какую старую. 2038 года. За 2 года до первой волны. Я посмотрел на часы. 20 июня 2080 года. Вторая волна. Ровно 40 лет нам было дано чтобы подготовиться. Но мы этого не сделали. Я снова взглянул на фото. Там стоял человек... Наверное... совсем не похожий на нас. Кожа такого цвета... кремового, только... бледнее. Тёмные волосы... Красиво... Голубые глаза. Нет, только радужка, а зрачок чёрный. Уши аккуратно заканчивались на уровне бровей. Он улыбался... Ровные, белые... нет желтоватые зубы. Я прокрутил в памяти последний раз, когда утром

смотрелся в зеркало... Белая кожа... почти ослепляющая... не человеческая... Такие же волосы... Острые уши, достающие почти до макушки. Глаза... Абсолютно чёрная радужка и белые зрачки. А зубы... вот зубы почти человеческие, только в верхнем ряду слишком длинные выпирающие клыки... Мы уже не люди. Даже внешне. Мы приспособились, прогнулись под этот изменчивый мир. Мы уже потеряли себя. Помню мы с друзьями нашли какую-то карточку... страницу из журнала, там было написано, что самый сильный человек мира поднял в 17 лет 216 кг. Мы подумали что там описка, потому что в свои 14 вдвоём катали многотонные валуны... Оказывается не было никакой описки. Но мы ещё можем всё вернуть. Если не облик, то природу... Мы не должны потерять это. Тогда, сорок лет назад, упал метеорит с первичным веществом. Из него в итоге появились они. Я думал метеорит упал в Антарктике. Но он обрушился на землю здесь. Именно поэтому Азия и могучая Россия пали первыми... В Антарктике они просто ждали. Ждали часа чтобы вернуться. Они дождались...

— Почему сейчас? Почему мы?

— Мы пришли с ними. Мы их лидеры. Мы просто были как люди. Наша семья, весь наш род изменялся вместе с людьми. Чтобы понять, когда нанести решающий удар, когда время смести человечество с лица земли. Сейчас я могу приказать им уйти ещё на сорок лет, а могу дать команду идти в атаку, идти дальше. Мы не люди. Даже если в тех животных и осталось что-то от людей, то мы не они. Мы пришли очень издалека. Со временем тебе откроется история наших «врагов», мне она открылась несколько лет назад. Тебе она должна открыться со дня на день. Пойдём со мной, братишка. Мы нашли новый дом для нашей великой цивилизации. Мы покорили множество миров и не знали поражения. И мы с тобой станем во главе нового мирового порядка.

- Это не моя цивилизация. И как насчёт Николая?
- Он — боец. Он призван защищать. Он не смирился. Ему память вообще не откроется. Он не пойдёт с нами. Он слишком слаб. Мы будем сотни лет править миром, братишка.
- Сотни лет?
- Конечно! Мы не стареем. Мы не болеем. Никогда. Нам не нужно еды чтобы прожить. Мы созданы покорять.

28.05.2009

Nightwork

Не знаю как вам, но автору нравится «ночная работа».

Creiven

Чёрная вакханалия происходила в эту ночь под сводами готической часовни. Смерть для своего танца выбрала место, безусловно согласное с её эстетическим вкусом — эту уютную часовню, чьё внутреннее убранство было совершено из костей и черепов. Смерть устроилась в кресле, уютно свернувшись в нём как кошка. Она вдыхала табачный дым из папиросы и улыбалась алыми губами, получая удовольствие от зрелища ночной работы.

Ночная работа демонстрировала с искусной виртуозностью жонглёра изошрённые способы демонстрации срезов Смерти. Но макабрическое веселье имело и другую изнанку. За маской шута скрывалось хладнокровное и сосредоточенное лицо исполнителя.

Всё происходило под аккомпанемент музыки, исполненной обаяния зловещей красоты. «Красота зла» — кому трудно смирится с этим прискорбным фактом существования, тому ещё приходится больше печалиться и досадовать, влюбляясь исподволь в эту пленительную красоту. Смерть знала тонкости обращения с юными душами и пыталась расположить их к себе в этом деликатном вопросе. Да, она была развратна.

Люди исполняли свои роли, диктуемые сюжетом. От них мало что зависело. Они были лишь материалом для ночной работы. Но здесь не было жестокости, потому что всё происходило на зыбкой почве мечты и драмы.

Из-за занавеси на сцену, не хотя вышел Арлекин. Пугливо озираясь вокруг и приминаясь ногами, он стоял на сцене, похожий на растерянного и испуганного ребен-

ка. Видя его робость смерть встала с кресла, и с располагающей улыбкой гостеприимной хозяйки поспешила Арлекину на помощь. Она протянула ему руку, и тот робко взял её, недоверчиво глядя на бледное лицо с дружелюбной, алой улыбкой.

В это время музыка перестала звучать. Было очень тихо.

— Вас нам так не хватало, — с сожалением сказала смерть.

— Где я? — спросил Арлекин.

— В бальном зале. Но бал уже закончился. Ведь скоро утро.

После короткой паузы смерть добавила:

— А не хотели бы вы проводить меня домой?

— С радостью. Вы ведь так красивы, — Арлекин неуклюже улыбнулся.

— Ну, раз так, — ответила смерть, — пойдёмте.

Арлекин, нелепо смеясь бубенцами, вёл под руку смерть, рассказывая ей что-то смешное, и смерть раскатисто хохотала, теснее прижимая к себе своего кавалера. С которого спала глупая личина — под маской-лицом, которую он теперь держал в руке, оказалось чудовищное лицо демона.

В последние минуты ночи дьявольский хохот возвестил об окончании ещё одной ночной работы.

29.05.2009

Чёрная история

Чёрный юмор.

ss.33

Удивительная штука случилась совсем недавно, либо очень давно, что впрочем, не важно, в старинном городе Н. Странное название и неудобное местоположение дало толчок к фантазиям жителей. «Мы Энцы!», «Мы Нерцы» — в одноностишь твердили они, радуясь каждому приезжому. Впрочем, нужно заметить, что жители были не столь глупы как казались. Частые ЧП и невозмутимость жизни заставляет притупляться чувству безопасности. Эта среда застаёт врасплох, рано или поздно. Она уничтожает привычную жизнь.

Больница не может без врача, пациенты не могут без профилактик. Старый врач отошёл в мир иной прямо на операции, совершенно не своего профиля, распоров при падении живот своего пациента. Увидевшая то окровавленная медсестра пошатнулась рассудком и побежала прочь. Секунда и хрустнул нос, сложившись набок, а гвоздь, торчащий из стены? вошёл в висок, подвеса тело, словно куртку на вешалку.

Это был последний врач в городе Н., как и последняя надежда для больных. Узнав эти новости, разум их пошатнулся, и град мешкоподобных трупов завалил городок.

Трактора беспощадно размесили «останки», помазав дорогу песком. В их грязных кабинах сидели обезбашенные водители под действием дешёвого самогона и частенько путали трупы с живыми людьми, даже мольбы о пощаде с хрустом костей их не останавливал. Крик стоял на всю деревню, а реки крови насиловали берега. И вдруг, из гущи леса, равнин поля, выбежал испуганный человек в грязных джинсах и рваной майке, оголяю-

щей свежий шрам во всю грудь. Руки украшали наручники, видимо давно врезавшиеся в кисти. Он просто бежал, искал помощь. На вышке городских ворот бедолага был замечен и короткая очередь разрывными патронами превратила его тело в раскалённое масло невиданной формы с раздробленной грудной клеткой. Органы вывалились на траву, как будто на прилавок мясника.

Город был неподступен. Многие пытались попасть туда, но изуродованные тела только украшали землю, неестественными позами. Мародёры тут же раздевали их, попутно обгрызая кости бедняг и выпивая глаза. Голод носился над забытым Богом городом Н.

Были и смельчаки, типа Бориса, инвалида с детства, изнасилованного собственным отчимом с его же друзьями, малолетками. Он оснастил свою коляску китайскими петардами и разможил свою голову, не успев тронуться. Просто ракета оторвалась от связки и сделала ему черепной салют. Осколки «кочана» сожрали мародеры, приговаривая давно забытую фразу «Сахарный арбуз».

Было много случаев! А кто ещё мыслил, охраняли ворота, да и то спустя «рукава». Многие не выдерживали нагрузки и кидались лицом на шипованную стену, пропуская между гландами острые вилы, на глазах своих маленьких детей. Те не теряли момента и обгладывали своих родителей, дерясь за «деликатесный» глаз, голубого цвета.

Всё бы так и шло, если бы не нашёлся в городе туннель, странный туннель. Жители собрались у входа, начали обсуждать. Говорили до темноты, но никто не решился войти в сумерки. Вдруг одному из охранников пришла идея, позвать Петрушу. Молодой парень с полным отсутствием головы прибежал через минуту и за обещанный кусок сахара вбежал в туннель. Сверкнули лезвия и две половинки местного «дурачка» упали в проём водостока, забрызгав слепую доярку Норку, алой

кровью. Та подумала, что корова «раздоилась» и, шагнув в пустоту, была размазана как паштет об летящий молот. Все ахнули, но не отчаялись силой впихнуть туда одного из охранников города. Тот умолял до последнего, пока накотивший валун не перемолол его кости, наклеив тело на потолок как использованную жвачку. В тот день все решили успокоиться и завалили вход в подземелье, правда, не заметив многодетного папашу. Камни растёрли его конечности в порошок, а последний булыжник размозжил черепную коробку. Тем самым детишки были обеспечены тёплым ужином.

Вышки следили за окраинами днём и ночью, поэтому заметили толпу зомби, плетущихся на запах горожан. Кочевники пытались укрыться от них в стенах города, но стражи обильно поливали «бомжей» кипящим маслом и закидывали огненными стрелами. Люди горели как спички, изображая смертельные гримасы, а глупые жители городка веселились, говоря детям что это клоуны. Подойдя к стенам крепости зомби углубились в толпу, разгрызая тела ещё живых кочевников, откусывая руки и ноги, пожирая кишки, выпавшие из разорванного брюха. Ещё дышащие умоляли впустить, но разрывные патроны сторожей лопали головы как тыквы. Через пару минут всё затихло. Правда один из кочевников остался, но спустя мгновение превратился в обглоданный труп, протянувший костлявую конечность в сторону городских ворот, ещё секунда и огненная стрела зажгла его словно факел. Черепная коробка полыхала как канистра с бензином, дожигая остатки мозгов, получивших два высших образования в престижном институте.

Впрочем, такой режим дня для города Н. был обычен. Каждые новые сутки беспощадно забирали жизни. Частенько смерть приходила и от ерунды. Шёл, споткнулся, очнулся уже без половины тела с болтающейся прямой кишкой, забрызгивая себя неконтролируемым потоком

поноса, а всё это из-за самогона бабы Руди. Странное было зелье.

На следующий день намечалась свадьба, всё напились до беспамятства, а жених перепутал свадебный торт с мальчиком десяти лет и долго резал, тупой лопаткой, его на кусочки. Из артерии хлестала кровь, и все гости удивлялись сочному пирогу. Потом под крики «Горько!» молодожёны целовались, но жених не выпускал лопатку из рук, пропоров невесте спину. Позвоночник тут же выпал, задев сковороду с кипящей кислотой. Последняя разлилась по залу и двадцать два человека остались без ступней, через мгновение, их ноги подкосились и лица упали в лужи кислотной жижи. Началась паника и выжившие гости ринулись к выходу. Один из них попытался дать возможность женщинам и детям выйти первыми, но получил за своё благородство лишь раздавленные рёбра и пробитое лёгкое, правда растекающаяся лужа помогла ему умереть, путём разъедания всего тела. Дети не хотели уходить, не выпив глаза, за что многие из них были раздавлены. Маленькие головы под весом взрослых горожан весело хлопались, а через ноздри и уши задорно выдавливались метровые дорожки мозгов.

Как и в каждом городе, здесь был мэр. Звали его Алексей. Честно говоря, как глава города он был никакой, но самое главное никуда не лез. Правда, пьяным любил рассекать по мостовым на своей заряженной Дэу Нексии, насаживая попрошаек на передний бампер, украшенный колями. Носил всегда спортивный костюм и взятки брал исключительно ящиками алкоголя и ложками наркотиков. Особенно любил «спиды», поэтому частенько в городе устраивались вечеринки по два, три дня. Тех, кто засыпал, уносили в загон для скотины и кидали в навоз. Обычно в конце вечеринки их будили и ставили вдоль стены. Алексей брал старый, ржавый пулемёт и с глазами в пять рублей, прокручивал бедолагам по три, четыре но-

вых диска. Тушки превращались в набитые свинцом мешки, остатки органов принимали причудливые узоры на облезлой стене. Это мэр называл арт искусством. Через секунды их уже обгладывали, убивая друг друга, вонючие попрошайки. Кстати у последних была целая банда с лидером по прозвищу Кирилл пахучий. Он ходил в рванье, поверх которого был надет старый кожаный плащ, матерился как сапожник и выпускал газы при дамах. Что такое мыться просто не знал, но, тем не менее, любил важничать и отправлять на заведомо провальное задание. Один раз он разработал операцию под кодовым названием «2141», направив десять человек на верную гибель. Приказ заключался в следующем. Давно попрошайки хотели захватить город, поэтому Кирилл-пахучий решил подорвать экономику и приказал десятку своих лучших бомжей напасть на железных монстров, по нашему комбайны. Выдал им лучшие доспехи, состоящие из картонных коробок на тело и ржавых вёдер для защиты головы. Дал трухлявые колья и щиты из ДСП. Долго объяснял план, рисуя его гвоздём на голой спине своего пажа и после совместного опорожнения приказал выдвигаться на поле. С полной самоотдачей побежали они на сельскохозяйственную технику, крича «За Родину, за Кирилла-пахучего». Правда один споткнулся, получив колом в спину от своего брата, трава покраснела, и тело шмякнулось о землю как мешок с дерьмом. Девять воинов всё же добежали до лезвий комбайна, за километр были видны разлетающиеся доспехи и вёдра со срезанными головами внутри. Фонтаны крови летели на лобовые стёкла, а отчаянный вой, хруст костей с рёвом двигателей, наполняли эфир. Правда, водители ничего не заметили, так как были чертовски пьяны. Мэр и лидер попрошаек ненавидели друг друга и пытались всё время насолить. Алексей сбивал людей Кирилла-пахучего, а последний всячески старался уничтожить комбайны. Один раз правителю города это

надоело и он, собрав армию из колхозников и двух милиционеров пошёл в Бомж-таун. Это место за городом пользовалось дурной славой, так как многие оттуда возвращались в виде обглоданных костей. Дома были построены из мусора и коробок, улочки хитро пересекались, образуя тупики в самых неподходящих местах. Пахло тухлятиной и жареными крысами. После каждого дождя или лёгкого ветерка, дома рушились, заваливая бродяг картоном с привязанными кусками арматуры, которая норовила войти в глаз и пройдя весь организм сделать цветок из анального отверстия. Таким образом, бедолага оставался стоять и попрошайкам было удобно его жарить, облив бензином ещё живого человека. В центре поселения находился особняк Кирилла-пахучего. Верные холопы в рванье охраняли вход, а несколько наложниц с разбитыми лицами и поводками на шее, стоя на четвереньках ели навоз. Рядом стоял привязанным к дереву за член, сумасшедший человек по имени «святогор». На его горбу хозяин ездил по городу, а для резкого ускорения втыкал вилку в ухо. С ужасающим воем, бедняга, начинал бежать. Хватало таких дурачков ненадолго, обычно либо у них стучало сердце и посреди поездки они падали на частокол, либо гнивали от сифилиса и разваливались по дороге. Неподальёку от особняка была казарма, где находилось около тридцати солдат и пяти бумажных танков на чело-вечьем ходу. Это была гордость правителя и на всех парадах шла колонной, топча зевак. Один человек залезал на другого, надевался бумажный корпус и пока нижний шёл, верхний кидался камнями и шипел на врага. Ни один такой танк так и не вернулся на базу, так как его за километр расстреливали из автоматов, вспарывая животы разрывными патронами. Соседним зданием был военный аэродром. Между двумя берёзками была натянута каучуковая резинка и человек с прибитыми к голым рукам деревянными крыльями, запускался в небо, обычно

пролетев пару сотен метров, «лётчик», падал в вечно-горящую помойку и, вспыхивая как свечка, визжа, носился по городу устраивая пожар. Обычно пожарная служба тут-же забивала их вилами, но иногда загорались и дома, сжигая всё на своём пути.

Итак, Алёша пошёл со своей дружиной на войну. Подступив к городу, колхозники стали поджигать себя и горящими биться о ворота, через мгновение ворота запылали и повалились на пятерых бойцов, размазав тела тонким слоем, а глаза, под тяжестью лопаля как петарды. Попрошайки, схватив колья, стали отбиваться, челотанки двинулись в бой, шипя и кидая булыжники, челосамолёты стали обливаться бензином и, польхая рутьиться на врага. Милиционеры Алексея вызвали по рации комбайны, а сами тем временем отстреливались из рогаток, с двух рук, изображая полёты МакПейна. Тут душераздирающие крики затмили двигатели сельхозмашин, пьяные трактористы, перепутав своих и чужих, стали кромсать всех подряд. Слезы и кровь текли по земле, Кирилл-пахучий искал в толпе Алексея, а последний тем временем кололся под одним из комбайнов. Верный холоп-попрошайка разыскал его и только замахнулся убить, как горящий чело-самолёт упал на него, сломав в три погибели позвоночник. Желудок мертвеца опорожнился, и тело, упав на колени, повалилось на Алексея. Рука дернулась и шприц упал на траву, разлив всё содержимое. «НЕТ! За что?!» — прокричал Лёша и, схватив пулемёт, стал расстреливать всех подряд. Под пулемётным огнём тела стали танцевать в стиле диско под свист прошивающих насквозь пуль, а мэр, рыдая, всё нажимал на курок.

Неожиданно послышалась команда «Попрошайки, газовая атака!» и все бомжи одновременно испустили зловонные газы. Небо почернело, глаза колхозников заслезились, а тела стали протыкаться трухлявыми кольями

и ломаться от града камней. Алексей дал команду отступить и побежал в сторону своего города, ему наперез, бродяги пустили валун, который благополучно «переживал» ноги мэра. На руках он пытался ползти, но Кирилл-пахучий на своём боевом «святогоре» нагнал беглеца и принялся бить бревном по голове. Лёша достал нож и воткнул в ногу врага, лидер попрошаек упал и обгадился со страху. «Святогор» попытался спасти честь хозяина и вылизывал анальное отверстие, но подавился вчерашними орешками и, посинев, свалился замертво. Кирилл-попрошайка пополз на мэра, оставалось каких то пару метров, когда пьяный тракторист переехал обоих даже не заметив. Бой близился к концу.

На следующий день все собирали трупы, на руках с поля боя вынесли мэра, а Кирилла-пахучего, привязали за ногу к комбайну и катали по городским улицам, не догадываясь, что он ещё жив. Стёршаяся кожа оголила черепушку, и искры посыпались, когда она волочилась по мостовой. Нос и губы стёрлись, а кожаный плащ слетел, запутавшись в петлю. Через пару кварталов петля зацепилась за встречный трактор, и тело бедолаги разорвало, выкинув кишки на дорогу, как желток из разбитого яйца. Тут же водитель остановился, топором отрубил голову с висящим языком, надел её на палку и дал какому-то мальчишке со словами «Вот тебе игрушечная лошак». Паренек сразу засунул её между ног и попрыгал, прицокывая языком. Полуживого Алексея понесли на кладбище, где пьяные трактористы уронили его, насадив всем телом на оградку. Потом один из них плюнул и пошёл пить самогон, остальные, подумав секунду, решили похоронить «как время будет» и гуськом удалились. Через мгновение налетели попрошайки и, не обращая внимания на вопли, обглодали несчастного, выпив глаза.

Город вернулся к привычному ритму, выжившие сделали день битвы выходным и избрали нового мэра. Но,

тем не менее, в стаде попрошаек начал явно выделяться новый лидер — Роман-наркоманистый. Так что война ещё не окончена. Хотя ходят слухи, что с востока движется отряд обкурыша Ильи Музыкального из славного города Эрафия. Поговаривают, что он казнит всех своих подданных ради забавы. Поэтому новому мэру ПалПалычу нужно собирать войско и готовиться отражать набеги. И кстати, чуть не забыл, бабке самогонщице устроили самосуд за такой странный самогон. Привязали к дереву и влили в горло почти все её запасы, а это ни много ни мало тридцать литров. Лицо её позеленело, нос ввалился, а внутренние органы успешно вылезли вместе с рвотой. Глаза вывалились и повисли на сосудах. Жителям показалось этого мало и как только бабка начала опорожняться, засунули трубку одним концом в анальное отверстие, другим в рот. Получились сообщающиеся сосуды.

ВСЁ.

30.05.2009

Колхозные битвы 2072

Данный рассказ, не является следствием неуравновешенной психики писателя, а всего лишь, черным юмором и средством расслабления автора.

ss33

Эта история началась в далеком 2009 году, когда в канун Нового Года стало ясно, что запасы природных ресурсов почти истощились, а земля перестала приносить столько урожая, сколько хватило бы на всё население планеты Земля, да и те ресурсы, что оставались, были частично заражены «Ураном 220»! Первые лица государств, известные актеры и спортсмены, а также просто очень обеспеченные люди смогли купить себе места на шатлах, которые унесли бы их с погибающей планеты на Марс (где к тому времени всё было уже готово к переселению). Льды Марса были растоплены огромными тепловыми бурями, что в свою очередь помогло создать атмосферу, пригодную для жизни людей! В общем все они, прихватив с собой лучших представителей разных наций для восстановления популяции, улетели с планеты, оставив простой народ бороться за свою жизнь! В городах и сёлах люди начали сбиваться в кланы, группы, банды, для захвата территорий, продовольственных складов, фабрик и что самое главное плодородных земель. Не стала исключением и Россия (точнее то, что раньше являлось таковой). Люди ушли из больших городов, так как в них всё равно было отключено водоснабжение и свет, а вырастить еду на асфальте НЕВОЗМОЖНО. Таким образом люди начали разбегаться по территории страны и делиться на группировки, которые по сути были похожи на колхозы середины 20 века, в них были работяги с нематыми руками и вонючими ногами, они строили дома и возводили крепости, их грязные дети, которые с малолетства

росли в полях, а когда холодало под вечер и мерзли пальцы на ногах, то они запихивали их в теплые коровьи лопатки, жены работяг — которые не пользовались спросом — кроме их мужей, т. к. были тощие, с волосатыми ногами и подмышками и от них разило потом, да к тому же лицом они мало отличались от мужей!!! Другое дело крестьяне, точнее их дочери, с босыми ногами, в красных юбках да белых кофтах, с большими грудями да с румянцем на лице, всегда были в почёте у вельмож и простолюдин, так как можно было незаметно подойти к ней сзади, пока она доит корову, порвать на ней кофту, чтобы грудь вывалилась наружу, прислонить к стогу сена, задрать юбку и трахать пока не устанешь, правда было одно но, мог прибежать отец крестьянки, проткнуть живот вилами, потом поднять обречённое тело над головой и перебить хребет каблуком сапога! И вот одно такое поселение носило название колхоз «Гнилозубы», а по соседству с ним был колхоз «Дрочево». Вместо председателей там были вожди, в первом колхозе таким был Вячеслав, а во втором бывший бухгалтер Витя. Слава, был среднего роста, имел Мерседес, который помнил его первое сентября в первом классе и которым продолжал гордиться, в плоть аж до 2072 года, нечёсаная борода, нелепая одежда, опухшее от алкоголя лицо, одутловатые руки, в общем с такими данными он никогда не пользовался спросом у женщин, был подвержен идеями поработить всех и вся, но при этом подчас отдавал настолько нелепые указания, что у многих волосы на жопе шевелились. А пост вождя получил благодаря своей манере величия. Когда наступил хаос, он собрал группу работяг, крестьян, и прочих «одаренных» умом людей и нарек себя великим полководцем, а после просто — Королем. Витя был высотой метра под два, лицом напоминал Австралопитека, обладал густой растительностью на теле (чем страшно гордился), ударом кулака в нос мог убить

носорога, на ногах носил сандалии, а в руках дубину с закруглением на конце, из которой торчали гвозди! Завоевать расположение своего народа ему удалось не прилагая особых умственных усилий. На одной из демонстраций бывших трудящихся он взошёл на поливальную машину, с которой вещал оратор (другой претендент на пост предводителя) и без разговора засунул огромный циркуль ему в нос (стыренный из местной школы), при этом продырявив бедняге мозг. А дальше всё банально, обезумевшая толпа, увидев сильного, гориллоподобного человека, сама понесла его на руках. Суть их раздора состояла в том, что во владении Вити находился склад-фабрика с запасами сухого порошкового спирта (его хватило бы на всё поселение не одному поколению, а Слава без него не мог, т. к. с двенадцати лет являлся пропитым алкашом!!!). Но своими запасами Витя обменивался с другими племенами на одежду, еду, баб. А Слава, хотел забрать всё бесплатно, т. к. меняться ему было не на что, еды едва хватало его подчинённым, чтобы передвигать ноги, одежда истлевала на его «племени», а их женщины не являлись ликвидным товаром, поэтому, он посылал группы безмозглых подчинённых на штурм склада. Эти самые люди были из прислуг (холопов). По мудрому указу «Короля», их снаряжали в броню из фольги для запекания, вместо касок служили старые футбольные мячи, разрезанные на двое, а в руках верёвка с привязанным к ней булыжником, которую они при атаке раскручивали над головой, произнося непонятные звуки, и бросались на амбразуру. Витя знал о коварных планах «великого вождя» и необразованного сброда. В его армию входили бывшие кузнецы, грузчики, не удавшиеся штангисты, да и одеты они были в штаны, кофты и каски — собранные из кусков древесины, шифера и ДСП, хоть и не удобно, но защищало лучше фольги. Таким образом к семи убитым холопом Славы добавлялся всего лишь один убитый

солдат в деревяшках Вити. Шли годы, менялись холопы, одни умирали в страшных муках из-за самодурных приказов вождя (например попадая друг в друга камнями), а другие вступали в их ряды свежим мясом. Некоторым холопам всё же удавалось добежать до фабрики и ценой ожогов полости рта пронести в своих щеках немного спиртового порошка (почему в щеках, да потому что если бы они были с сумками, то бежали бы медленнее), для своего вождя, который к тому времени допился до того, что перестал стареть. Шел 2072 год, Витя не молодеел и стремительно угасал. Почувствовав слабину как от больного животного, Храбрый Слава собрал всё население своей деревушки-колхоза, детей, женщин, инвалидов и стариков и присвоил им номер первой ударной армии, а прикрывать тылы отправил всех боеспособных мужчин.

Снарядив Женщин тазами и ведрами он приказал им обходить стены противника с флангов. В случае удачного наступления они должны были взять детей и идти драть-ся мокрыми полотенцами да детскими совочками, против людей с наковальнями да цепями.

Инвалидов сажали в катапульты, с костылями, каталками и клюками, насыпали им полные штаны камней, дабы утяжелить снаряд, и запускали в сторону крепости.

Старики в свою очередь, т. к. были бесполезны для колхоза, должны были «бегать» перед крепостью, кричать, махать руками. Короче отвлекать внимание и огонь на себя.

По приблизительным расчетам инвалидов в колхозе «Гнилозубов» должно было хватить на четырнадцать—семнадцать запусков, а стариков, на семь—девять минут боя. Но этому не суждено было сбыться, девяносто процентов выстрелов катапульта с инвалидами на борту либо перелетали основные стратегические укрепления и падали на колья забора, установленного с другой стороны го-

рода, которые были пропитаны ядом курары, либо недолетая падали на стариков или размазывались головами о неприступные стены крепости. Женщин поймали и сделали из них общую, круговую «потеху», а детям засунув в штаны порох и горящие угли, запустили восвояси. Деревушка «Гнилозубов» была разрушена почти дотла.

От такого удара, обезумевший «вождь» Слава, приказал собрать всех мужчин, оставшихся в деревушке, раздать им штакеты от забора, рогатины, вилы и мотыги и пойти на штурм злейшего врага. Глаза Славы налились кровью, изо рта шла пена, руки тряслись не то от злости, не то от похмелья. Схватив казачью шашку со стены своего жилища, он запрыгнул в свой всё ещё «почти новый, модный Мерседес» и принялся выжимать из него все соки, догоняя свою армию и размахивая шашкой из отгнившей двери. Толпа немых работяг и крестьян, оказавшись под стенами крепости, попала под шквал раскаленной смолы, кипятка и камней. От страха они начали отступать по головам своих товарищей, втапывая их лица в грязь и наступая на руки раненых, просящих о помощи, но сами попали под сдутые за годы колеса своего предводителя. Он рассчитывал, что въедет в осаждённый город победителем, на «коне», но раздавив остатки своих людей, оказался один. Когда мотор его авто издал последний лязг, он замер посреди поля боя и подошедший не спеша Витя, на правах победителя отобрал шашку и дал леща нерадивому вояке. После этого в деревне Вити устроили огромную пьянку, а казнь Славы назначили на утро. О, что это была за пьянка! Все пили, ели, и танцевали на головах убитых! Бабы давали любому и везде, хоть посередине стола, за которым 300 человек, хоть в хлеву стоя на голове, и стару и младу, ВСЕМ!!! Славу же, поместили в яму, в которую каждый мог насрать сверху, блевануть или просто харкнуть.

На утро, очнувшись от похмелья, победители решили не медлить и покончить с врагом. Посадив его на кактус, перед всеми жителями, они начали рассуждать, как же с ним расправиться, ведь убить быстро не хотелось никому. В итоге решили.

В начале оторвали от повозки колесо, поставили его боком на пень, затем положив на него славу и привязав начали крутить, что есть сил, после это трое здоровых мужиков взяли дубины и начали бить по вращающемуся Славе. Переломав ребра и руки, они соорудили подобие карусели, привязали его за одну ногу и раскрутили так, что всё его тело летало по кругу с бешеной скоростью! Затем засыпали ему в рот два килограмма сухого спирта и... залили пятьюстами граммами воды. От такой смеси он покраснел, а его щеки изнутри начали шипеть и наливаться волдырями. Деревня взревела от восторга, как на рок концерте.

И пока он еще был в сознании, закопали на скорую руку столб в землю, привязали за руки и за ноги к коням, попытались разорвать, но видимо вкопав столб не очень глубоко, он просто упал, а у Короля всего лишь вылетели суставы. Но быстро исправив недочет, под громкие аплодисменты и овации, да взяв разгон метров в двести, порвали его на клочки, а то что собрали, разложили в клетки для попугаев и завялили на солнце.

После этого они прожили еще четыре года, пока «Уран-220» не уничтожил всю жизнь на земле...

12.06.2009

Туман

Без описания.

Creiven

Я не один. Кто-то или что-то поселилось около меня. Я просыпаюсь среди ночи с тяжелым чувством, что что-то живёт рядом, невидимое и тягостное своим многозначительным молчанием. Ни кого в доме. Так же как нет никого снаружи. Только клубящийся туман, что надвигается на мой дом. Я шарю напрасно руками в пустоте, и уже не боюсь найти, потому что здесь никого нет. Но чувство чуждого присутствия остаётся. Я оставил тёмные лабиринты комнат и выглянул наружу.

Вот уже туман совсем близко. Клубящийся в свете лунной ночи, он медленно приближается ко мне... Я вглядываюсь в него...

И чувствую, как он вглядывается в меня!..

18.06.2009

Зазаабсурдые

Без описания.

tuboltsev

Точилка для воды

Буратино мечтал заняться подводным плаванием, но у него не получалось. Инструктор сказал, что нос слишком длинный.

Резонанс строк

— Судя по линии снега, тут описана какая-то перекошенная виртуальность и слишком прямая реальность, — прочитал, глядя на листок с многоточиями, учёный Пинг Винг и мокнул листок в снег ещё раз.

— Форма некруглая, нелепица какая-то, — глядя на сугроб с отпечатками листка решил Снеговик.

— Может, поднести этот листочек ко льду и посмотреть, что отразится? — предложило Эхо.

Но подул ветер, листочек выскользнул и улетел.

— А вертру-то листок зачем, он же не умеет читать, — удивился Пинг Винг.

— Не умеет, — подтвердило Эхо.

Прямолинейность

В этом круге где-то есть угол.

— Найди.

— И найду!

Бумажные беглецы

— Слушай, писатель! Что ты вообще имел в виду?

— Даже не знаю, надо спросить у моих персонажей.

— А я думала, это ты сочинил.

— Да, но, оказавшись «на бумаге», герои стали жить своей жизнью и думать по-своему. Им уже нет дела до того, что я в них вкладывал.

Снег и Вика

— Слушай, снеговик, что ты делаешь летом?

— А что такое лето?

— Время, когда растёт морковка.

— Морковкой почему-то называют мой нос, но он не растёт.

— Ты, вообще, где живёшь? Элементарных вещей не понимаешь

— А ты, я уверен, не знаешь, что такое снег.

Неодарвинисты (разговор двух бибизян)

— Ты веришь в чудо?

— Нет.

— А мне рассказывали, что мы произошли от людей.

— Не, вряд ли, живут они как-то по-тупому, даже бананы не с той стороны чистят.

— Ну да, действительно, есть мнение, что раз за последние 100 лет ни одна обезьяна не деградировала в человека, значит это в принципе не возможно.

— Ты веришь в чудо?

— Нет.

— А я верю, что люди когда-нибудь обратно станут обезьянами!

Взаимность

— Ты кто?

— Пастух облаков.

— Ты можешь нарисовать дождь зимой?

— Могу, но зачем?

— Ладно, не надо. Сделай так, чтобы в одной капле дождя сконцентрировался весь мир!

— Для этого не нужно ничего делать. Каждая капля — это вселенная...

— А можно, я тоже буду пастухом облаков?

— Конечно...

Зри в корень

— Ты кто?

— Облако.

— Я тебя сейчас разоблачу.

Забывалка

Однажды забывалка забыла, кто она такая.

— А ты не знаешь, кто я? — поинтересовалась она у дракончика.

— Если ты забыла, кто ты? Значит ты уже не забывалка.

— А кто я?

— Наверно, забывалка.

Так появился новый цветочек — забывалка. Единственный и неповторимый!

Квакушки

Однажды лягушка обнаружила клюкву.

— Клюква, а ты почему не квакаешь? — поинтересовалась лягушка.

— А букварь и Москва тоже не квакают.

— Ну, это ещё не известно, — сказала лягушка и пошла искать Москву или букварь.

Действительно, интересно, квакают они или нет...

Две девочки

Одна девочка посмотрела сразу в два зеркала и поняла, что она — две девочки...

Кошеева тупость

Однажды Кошей Безбашенный встретил Ивана Бесмертного.

— Где мудрость твоя хранится? — спросил Кошей у Ивана.

— У меня просто много жизней, — ответил Иван. — Если в одной жизни я натуплю, то начинаю жить в другой, в другой натуплю — перехожу жить в третью и так до бесконечности.

— А если не тупить? — поинтересовался Кошей.

— Неа, тупость — она бессмертна! — ответил Иван.

И Кошей призадумался...

Соревновались

Однажды две мухи соревновались, кто сильнее врежется в окно. Рядом была открытая форточка, но это было не важно. Мухи соревновались...

Ы

Он многозначительно молвил: Ы

Она, ещё более многозначительно, ответила: Ы

К ним подлетел ангел и тоже сказал: Ы

Ы — было у них в душе. Они чувствовали это Ы. И было Ы. И Ы витало везде!

Буратино-пожарник

Буратино взяли в пожарники. Огонь от удивления потух.

Буратино-водолаз

Буратино взяли в водолазы. Рыбы от удивления чуть не утонули...

Путь мастера

Сухим разломом китайской кисточки он писал без чернил. Его называли лучшим каллиграфом Японии, а он считал себя безграмотным...

Неробот

- Сколько будет дважды два?
- Пять.
- А мне кажется, что семь.
- А почему не пять?
- Семь лучше.
- А может, всё-таки четыре?
- Нет, я не робот...

Семечки

- Взвесьте мне, пожалуйста, килограмм одиночества.
- Вы так долго стояли в очереди, чтобы так мало взять?
- А я ещё одновременно стою в двух других очередях.
- Наверное, за счастьем?
- Не угадали.
- А за чем же ещё?
- За семечками
- На улице семечки грызть не прилично!

В любви нужны лишь столкновенья

Однажды
Влюбились
Друг в друга
Два трамвая.
Но рельсы,
Чувств не понимали.
И машинисты —
Чувств не понимали.
Мимо, мимо, мимо.
Мимо друг друга
Всегда трамваи проезжали...
м м м м
и и и и
м м м м
о о о о

Гений

Он считал себя великим писателем. Хотя... он был автор только одной книги. Но эту книгу он перечитывал всю жизнь. Это была его записная книжка...

Постматигра

— Мат!
— Давай играть дальше.
— Зачем?
— Мы живем в такую эпоху, если не продолжать играть в шахматы после мата, ты не поймешь, что такое двадцать первый век...

Ктулху фхтагн

— Зачем ты расставил свои фигуры как шашки, а мои — как шахматы?

— Ты будешь играть по правилам шашек, а я против тебя — по правилам шахмат.

— Но зачем?

— Чтобы игра была похожа на жизнь...

Противник тоталитаризма

— А давай у нас в шахматах будет по два короля.

— Зачем?

— А я принципиальный противник тоталитаризма!

Особозабавный разыскивается

— Так... значит это Вы Рогакрыл Носопотамович Ключохобот ака Носохвост?

— А как Вы догадались?

— А Вы на него похожи!

Выхухоль

— А можно с тобой на ты?

— Нет, нельзя. Я же выхухоль!

— А тыхухоли бывают?

— Конечно.

Тыхухоль

— А Вы не подскажите, который час?

— Я не выхухоль! Я тыхухоль! Не надо мне выкать!

— Извините, а я Вас за выхухоля принял.

— Тыхухоли совсем другие. Не понимаю, почему все нас путают...

Тыдра и Выдра

Жили были две подружки, тыдра и выдра. Жили не ту-жили. И вдруг однажды тыдра неожиданно заявила, что выдр — не существует. И что выдра — это тоже тыдра! Выд-

ра возмутилась и... пошла на конфронтацию. Она заявила, что тыдр — не существует, а бывают только выдры. И с тех пор жили были две уже не подружки, тыдра и выдра...

Отражение ёжика

- Это, наверное, ёжиконос, — сказал зебронос.
- Нет, это ёжикокрыл, — сказал рогокрыл.
- Нет, это хоботоёжик, — сказал хобокрыл.
- Нет, это ёжиконог, — сказал крылоног.
- Нет, это рогоёжик, — сказал рогахвост.
- Ну, кто же я? — удивился ёжик, глядя на себя в зеркало.
- Ты — зеркало, — ответило зеркало...

Просто ёжик

Зебронос — ёжиконос, рогокрыл — ёжикокрыл, хобокрыл — хоботоёжик, крылоног — ёжиконог, рогахвост — рогоёжик, а если просто ёжик, то кто? — подумал любопытный ёжик и задумался...

Человек-бюллетень

Человек-бюллетень никогда ни за кого не голосовал — принципиально. Он считал, что тени от бюллетеней не оттеняются ничем, кроме случайности. Но вдруг однажды он всё-таки пошёл на выборы. Он хотел проголосовать против всех, но... его спутали с бюллетенью и проголосовали им самим...

Разговор двух часов

- Как думаешь, если все люди на земле вдруг забудут завести часы, время действительно остановится?
- Да, если время вовремя не заводить, оно не будет дальше идти...

Философики

- Во что ты веришь?
 - В Микки Маусов.
 - Я тоже в них верю, а ещё?
 - А ещё я думаю, что весь мир — это деревня Мультяшкино, а все люди — персонажи мультиков.
 - Я тоже так считаю...
 - А ты веришь в религию?
 - А что это такое?
 - Я тоже не знаю, что это. Воспитывался в СССР.
- А во что ты веришь ещё?
- Я верю в искусство.
 - Как это?
 - Ну, я думаю, что искусство делает мир светлее, воспитывает людей.
 - Я тоже так думаю.
 - Так, наверное, все думали в СССР.
 - Наверно...

Носастость

- В чём можно измерить носастость? — поинтересовался у меня нос.
- Если ты программист, то в носабайтах, если водитель — то в носакилометрах. А пловец измеряет в носамиллях. А что?
- А если я просто — нос.
- Тогда твою носастость не измерить, — сказал я и всерьёз задумался о своей носастости...

Новое поколение выбирает паркер

Человек-карандаш всегда себя стирал. На другом конце у него был ластик. Он считал, что на свете и так написано уже слишком много слов, и, если слова не сти-

рать, то писать уже будет негде. Но вдруг появился человек-ручка.

— Пардон? Вы... вы... вы..., — человек-карандаш даже не знал, что сказать...

— Я — человек-ручка..., — ответил человек-ручка и обвёл только что написанные человеком-карандашом слова.

— Как? Но зачем вы это сделали? Теперь же моё творчество нельзя будет стереть? — возмутился человек-карандаш.

— А это уже не Ваше творчество, а моё! — возразил человек-ручка.

Человек карандаш, удивлённый происходящим, начал писать и... сломался. Больше после этого он вообще никогда не писал...

Люди и гуси

Он был современником Пушкина и Ломоносова, у него даже были дальние родственники из хозяйства Екатерины... Все были гуси-как гуси, а он... изучал людей. Читал Лермонтова и Некрасова. Однако...

— Людям вообще не стоит писать! — считал он... Да, кстати, гуся звали Никифор Петрович...

Никифор Петрович мечтал обсудить этот вопрос в дворянском собрании. А потом — записаться на аудиенцию к его императорскому величеству и, заручившись поддержкой благородного общества, отменить письмо...

— Вы гусь утончённый, наверняка вам не чужда поэзия, — наверняка скажет, сидя в роскошном пушистом кресле Никифору Петровичу государь.

— О! Да... — ответит Никифор Петрович.

— Но позвольте... перья, которыми вы пишете. Они же, они же... — и тут он многозначительно промолчит... Государь всё поймет сам...

Вдруг... Никифор Петрович проснулся... и... опять наступил двадцать первый век. Увы...

— За что бороться? Зачем жить? — безысходно вздохнул он...

Сон

Он любовался собой в зеркале. Вдруг его отражение исчезло.

— Самый красивый, что ли? — услышал он голос зеркала.

— Да, и самый умный! — немного удивившись ответил он.

Вдруг в зеркале вместо себя он увидел обезьяну.

— Ну и шуточки! — засмеялся он.

— Ой! Обезьяна! — заорала его жена, глядя на него.

— Это зеркало прикалывается! — объяснил он.

— Говорящая обезьяна! — ещё громче заорала его жена.

— Возмутительно! — сказал он и проснулся...

Спящий Будда

Однажды Будду разбудили.

— Я не ставил буддильник! — возмутился Будда и опять уснул.

Разбуддизм

Однажды Будду разбудили. А Будда опять заснул. Так и не сформировался разбуддизм...

Кенгуру отдыхают

Великий австралийский подпрыгивальщик Шлепна-попу всегда подпрыгивал выше всех.

— А себя я всё равно не перепрыгну, — говорил великий австралийский подпрыгивальщик Шлепнапопу.

Й

— Буквой Й можно объяснить весь мир! — говорил выдающийся японский мыслитель Й и говорил «Й».

А ученики его слушали часами...

Выдающийся японский мыслитель

— Сочините песню из буквы «Й», — выдал задание ученикам выдающийся японский мыслитель Й.

Но ученики у него этого задания не взяли.

Непроизносимое Й

— Чтобы понять и постигнуть «Й», надо «Й» не произнести, — сказал ученикам, не произнеся «Й», выдающийся японский мыслитель Й.

Ученики «Й» не услышали и поняли, и постигли «Й».

Полифония

— «Й» можно произносить двухстами различными способами, — говорил ученикам выдающийся японский мыслитель Й, а сам почему-то одинаково произносил «Й».

Но ученики слушали «Й» каждый раз по-новому.

Великий Неуч Йо

Скромный гон-конгский великий Неуч Йо мечтал стать образованным. Но не он ходил к учителям, а учителя ходили к скромному гон-конгскому великому Неучу Йо и... мечтали стать неучами.

Гепотиза

Однажды из мультика вышла зверюшка. Остановилась, оглянулась, осмотрела землю и... стала человеком. Так что все мы — люди — родом из мультфильмов.

Гороха.net

- Как жаль, что в интернете нет гороха.
- А почему?
- Принцесс от лжепринцесс не отличить...

Бараноосёл

Однажды бараноосёл посмотрел в зеркало и увидел там ослобарана.

— Вы осла с бараном перепутали! — сказал бараноосёл зеркалу.

— А ты учись смотреть на себя по-новому! — ответило зеркало.

Дегустатор смыслов

Однажды дегустатор смыслов попал в заабсурдые. Заабсурд его проглотил.

— Не все смыслы можно дегустировать, некоторые смыслы могут съесть тебя самого! — понял дегустатор смыслов.

Сверхзадача мимоцентризма

Они играли в мимофутбол, били по заворотью, но ворота были кругом. В заворотье никто так и не попал...

Квазимудр

- Квази, — сказал лягушк.
- Мудр, — ответил коров.

— Квази мудр, — передразнил лягушка и корова философ...

Добро казола

Казол был добрым и мечтал раздобрить мир. А все почему-то считали, что казлы злые. Тогда казол решил переименоваться и стать кадобром. Поэтому, если вы когда-нибудь встретите казла, возможно, что это на самом деле кадобр.

Пельм-дональдз

Однажды чизбургер, гамбургер и фишбургер прикинулись пельменями. Но посетителям Макдональдза было всё равно. Никто и не заметил...

Кароче

— Кароче! Кароче! Кароче! — посоветовала ворона.
— Ну куда короче? Я шью по меркам! Ты же в этом не разбираешься? — возражал ей портной.
— Кароче! Кароче! Кароче! — настаивала ворона.

Аромашки

— Я самая вкусная на всём ромашковом поле! Я аромашка! — сказала аромашка.
— Я тоже аромашка, — сказала соседняя аромашка.
— И мы тоже аромашки! — послышалось вокруг.
Так ромашковое поле превратилось в аромашковое.

Невруотражение

— Почему я вижу мышь? — спросил у зеркала слон.
— Я никогда не вру, но ты можешь посмотреться и в другое зеркало, — ответило зеркало.

Отражение в зеркале

— Почему я вижу мышь? — спросил у зеркала слон.

— Ты можешь посмотреть на себя и по-другому, — ответило зеркало.

Взгляд на себя

— Почему я вижу мышь? — спросил у зеркала слон.

— Чем крупнее зверь, тем мельче он в своих глазах, — объяснило зеркало.

Паутинизм

На планете Утюг тупая зверюшка Паутка плела небылицы, а кино-книго-газето медиаимперия переплетала эти небылицы в сплетни. Прилетевшая с земли экспедиция мгновенно была заплетена. Но расплести себя космонафты не стали. Они взяли тупую зверюшку Паутку на Землю, чтобы она плела небылицы для людей... но Паутка их так запутала, что они прилетели на планету Паутон.

Девочка по имени Ноздрепучка

— Всё пучком, хрюша! — сказала девочка по имени Ноздрепучка и щёлкнула по носу розетку.

А за стеной жили обладатели хвостика. Девочка по имени Ноздрепучка любила везде совать нос и щёлкать всех по носу. А вокруг ходили пучки носов. Не понятно, зачем носы кучковались пучками, но девочку по имени Ноздрепучка это даже радовало. Пучки носов иногда вели себя странно — они зачем-то пучковались. А девочка по имени Ноздрепучка пучковаться не умела. А однажды носастый пучок тоже захотел стать девочкой.

— Давай поменяемся, — предложил он.

А девочка по имени Ноздрепучка просто щёлкнула его по носу. Ей не хотелось быть носастым пучком.

Тышки, вышки и любопышки

Жили были тышки, вышки и любопышки. Тышки выкали, вышки — тыкали, а любопышки интересовались.

— Почему вышки тыкают, а тышки — выкают?

— А может, наоборот, тышкам лучше тыкать, а вышкам — выкать?

— А почему бы им всем не тыкать или им всем не выкать?

А тышки всё равно выкали, а вышки — тыкали, а любопышки интересовались...

Чушистики и чушки

— Однобокие зверюшки чушистики и чушки размножаются чувседением, — записал капитан экспедиции на планету Чу и включил фильм Бунюэля...

— Караул! У чушистиков и чушек несварение, они подавились, проглотив киновещание нашего корабля... — вдруг заорал учёный чувшеграфист.

— Мы к вам ответный визит делать не будем! У Земли не вкусная киночуть! — заявили чушистики с чушками и попросили космоэкспедицию покинуть планету Чу.

Отражение и отражаемое

— Почему отражение и отражаемое не совпадают?

— Ты же сам сегодня решил посмотреть на мир другими глазами.

— А зеркало тут причём?

— А оно просто ещё не пересмотрело своё отношение к вещам...

Смысль

Однажды отражению надоело быть похожим на отражаемое. Так появилось не-зеркало. Из отражения не-зеркал и возникла мысль...

Отражающее и отражаемое

— Зачем ты меня улыбнуло? У меня ведь серьёзный вид! — сказал он зеркалу.

— А у меня сегодня хорошее настроение! — ответило зеркало.

— Но зеркала всегда похожи на своих хозяев, — возразил он и отнёс зеркало в ремонт.

— Любое отражающее — это искажающее, любое отражаемое — это искажаемое, — объяснили ему в ремонте зеркал.

Тогда он улыбнулся, а зеркало почему-то сделало серьёзный вид...

Выше гор

— А зачем летать выше гор? — спросил у мамы орлушка.

— Чтобы чувствовать себя орлом, — ответила мама.

Полёт мысли

— Зачем нужен разбор полётов? — спросил у мамы орлушка.

— Полёт измеряется не высотой, а смыслом, — объяснила мама.

Вечный вопрос

— Если я полечу, я буду сначала падать, — сказал маме орлушка.

— Если ты не будешь падать, ты никогда не полетишь, — объяснила мама.

Переосмысление

Чтобы отразить смысл, надо её переосмыслить...

Кверхэпоха тормашек

— А тормашки наоборот — теперь норма?

— Да, настала кверхэпоха тормашек...

Граблеступ и лопатоход

— А грабли можно переделать в лопату? — поинтересовался лопатоход.

— Это наоборот, лопату можно переделать в грабли, — возразил граблеступ.

— Вы явно что-то недокапываете, — сделал вывод лопатоход.

— А вы, я вижу, на грабли никогда не наступали, — попытожил граблеступ...

Залепость отражения

Читатель — это кривое зеркало, поднесенное к книге... Книга — это кривое зеркало, поднесенное к читателю.

Носощёлка

В любом тексте можно найти нос, по которому можно щёлкнуть, а можно и не щёлкать...

Теория абсурдософии

Абсурдософы признают залепость отражения смыслов любого текста, обусловленную своелепием читателя...

Так как из рифмы нельзя взять логорифму, логика сочитания слов зависит от зачитания... Любое зачитание не засчитывается верным, но должно по-разному перечитываться...

Кверхрмодерн

Постмодерн сменился кверхмодерном, когда смысл выворачивается наизнанку в бессмыслицу, а изнанка бессмыслицы выворачивается в смысл...

Теория невесомости

Если бы на Земле хотя бы на одну минуту наступила невесомость, люди бы задумались, к плохому они притягиваются или к хорошему...

В поисках себя

Однажды фарфоровая тарелка решила стать летающей.

— Зачем тебе это надо? — удивились другие тарелки.

— А я ищущу себя! — объяснила фарфоровая тарелка, взлетела и... не разбилась...

Действительность и видимость

— А почему действительность не отражается? — спросило у мамы зеркало.

— Потому что действительности не существует, есть только видимость, — ответило зеркало-мама.

Соавтор

Переплетая буквы собственными мыслями, читатель становится соавтором любого текста.

06.07.2009

Такси

*Первый рассказ, в общем-то, который нравится
самому.*

arseniyGE

Она подошла к машине. Ночные окна, жёлтые, уса-
тый таксист. Пора. Открывает дверь, и — поворот ключа...

С лёгкими руками, юноша на её месте. Улыбка,
немного вправо. Описала дугу каблуком, провела по сво-
им длинным волосам.

Мальчик-девочка, Девочка-мальчик...

Он спит, милый ребенок, под одеялом. Наклониться
и поцеловать — в закрытые веки. И дрожь под губами —
от пробуждения.

Снова улыбнулась, едва заметно склонила голову
к окну.

И поздно жать на тормоза — Нас не найдут в одной
постели...

Пальцы, едва соприкасаясь... Проводит по его ладо-
ни. Почувствовать тепло.

— Его печальный добрый взгляд. А мои блестят!

Закружиться в тумане, подняться над землей. В ночи.

Серые облака, хмурая башня, вверх, высоко над ни-
ми. На фоне чёрного, искристого неба.

Таксист. Посмотрел в глаза.

— Карие... карие глаза.

Много фотографий, объятья. Он, немного даже с си-
лой, и целует в переносицу, легко. Сухими губами.

Вдруг пробуждение: вспрыгивает, глотает воздух
и сидит на кровати, поджав колени. А луна заигрывает
с крупинками на лбу.

— Куда он меня везет?

Тронула холодную улицу.

Прильнуть к стеклу, одновременно, как в зеркале.
Лбами, через миг — ладонями — соприкоснуться.

Хорошо бы сейчас дождь. Россыпью налип...

Послать такси дальше, своей дорогой, и маленьким
вертолётником улыбнуться счастью.

10.08.2009

Автобиография. Детство

Без описания.

nehochuha 1975

Сегодня мой первый рабочий день в должности охранника одного из самых обычных бизнес-центров Санкт-Петербурга.....приехал я на работу к 9-ти утра и сразу «в бой».....а «бой» таков.....сидишь на входе и всех кого не знаешь.... (а я не знаю никого) записывать в журнал посетителей.....в какой офис идут....смотреть чтобы ничего не вынесли лишнего....когда увидел на собеседовании с начальником СБ своё будущее рабочее место почему—то сразу подумал о том, что буду замечательно ночи на пролёт во время дежурства писать этот вот не хитрый шедевр.....возможно кто-то его и прочитает....хотя на это можно и не рассчитывать.....Шарль Перо из меня никакашка!!!!!! А Грибоедов и Бунин и подавно....так что буду каким-нибудь.....ну даже не знаю.....ну хоть даже Пургеневым что-ли..... как в Камеди Клабе....гыгыы... ладно....лирику в сторону.....ну что... погнали наши городских)))))) Что такое детство в Советском Союзе? Да многие из вас, дорогие мои, об этом знают по рассказам... думаю так, потому что рассчитываю на читателей моложе 27-ти лет... почему, спросите вы???? Даже не знаю.....по крайней мере я так только предполагаю... ну в любом случае я не пожалею и о читателях иного возраста....просто не хочу никого обидеть читайте на здоровье..... Так вот... детство в СССР.....рождён я был своими родителями в самом завершении 1975 года... был прекрасный зимний вечер... мама родила меня двое суток....бедная моя... она так страдала....я даже представить себе не могу как это женщинам тяжело даётся....родился я под самый Новый Год в предгорьях Ура-

ла. Об этом промежутке времени совершенно ничего не знаю, только могу вспоминать рассказы моей милой мамы. Прожили мы втроём с папой и мамой где-то около года. Потом отец нас с мамой оставил. Он уехал куда-то...к другой женщине, а может просто уехал...куда глаза глядят... причина этому мне тоже не известна... и я вряд ли когда-то станет известна, ведь все кто как-то к этому причастен, увы, давно уже не с нами. Мама, папа, бабушки и дедушки...они все канули в лета и память нашу...так бывает с людьми рано или поздно. Примерно когда мне исполнилось 2–2,5 года мы с мамой уехали в большой северный город. Ухххх...ну там и морозы ЁПТА))))до — 60 градусов столбик падает вниз... настоящий север!!!!!! Там мама работала на ГРЭС... ну и махина, помню, здоровенная!!!!!! Пипец.....так как у неё работа была посменная, то и ночевать меня туда тайком проводила.....а меня просто не с кем было оставить, а это всё таки режимный объект, а не хухры-мыхры какие вам!!!! Помню огромные котлы и как они гудели... даже наверное ревели своей огромной мощью. Вот это было зрелище впечатляющее!!! (поющие фонтаны, сука, впечатляют!!!! =)) у меня даже уши от того гула закладывало. Спал я там на каком-то столе, и укрывали меня всё время какими-то мягкими и пушистыми вещами: шубами, дублёнками или ещё чем-то интересным. А знаете мне тогда было очень клёво!!!! Ведь мамка могла в любой момент ко мне прийти и быть рядом всегда!!! Чтобы ни случилось...какой-то мужик с золотыми передними зубами мне рисовал карандашами разноцветных лучников, когда я был у мамы на работе....мне это тоже нравилось. Быть может один из мамкиных воздыхателей... а что???? Она у меня была очень красивой и довольно молодой тогда... ещё и одинокой совершенно. Жили мы с ней в те дни в одной из многих бесподобно оди-

наковых общаг...там видимо был городок для работников ГРЭС. Там было всегда много детей в её коридорах. Она была ещё и двух этажной к тому же. Ой, блин....пирог.... стыдно мне... но буду писать всё как было и как есть... какой-то мужик учил меня материться уже в три года....напьётся гад... и учит в коридоре общаги... а я довольный....взрослой жизни обучаюсь....Так я научился азам русского пьяного мата)))))) гордиться конечно не чем... но что было то было... чего греха таить!!!! Ну с матом у меня получалось быстро.....кстати... я упустил одну важную деталь....извините меня ради бога)))))) в том же городе жила и мамина старшая сестра, ну то есть она в семье была средней, а мама младшей дочерью....ну вообще вы меня поняли!!! Так вот всего у мамы в семье было трое детей, она, средняя сестра и старший брат. У маминых брата и сестры тогда тоже были дети и все мальчишки. Я декабрьский. У средней сестры сынок майский и у старшего брата мамы — сын январский. Ещё когда мы все, то есть малышня... братья двоюродные в те времена собирались вместе у бабушки на Урале нас родственники называли: САЛО, МЯСО И МОСОЛ... я кстати был мослом, т. к. был маленьким и худеньким)))))) так вот мы с Салом жили вместе с родителями в той самой общаге тогда....и даже ходили в один детский садик! Иногда нас обоих забирала моя мама, а когда-то и моя тетка. А чего нам... какая разница была тогда кто нас заберёт. Однажды в детсаде я уснул под батареей и воспитатели не смогли меня разбудить. Подняли панику, мол ребёнок умер. Вызвали скорую, сообщили мамке на работу. Ну и паника тогда была. А мамка приехала раньше всех и меня разбудила. Я просто носился целый день по группе и видимо так жестоко устал, что меня срубило просто с ног и всё)))))) так я иногда пугал родителей, но вы же понимаете что не специально.

Помню ещё возле общаги нашей стоял дворец культуры. Я даже был ростом с метр всего, да меньше даже, но меня уже учили играть в настольный теннис)))) всё это отрывками вплёскивается в моих мозгах... какие-то картинки и коротенькие отрывки фраз!!! Много каких-то ярких воспоминаний в жизни той, совсем ещё не осознанной и такой беззаботной)))) прекрасная пора... очей очарованье!!!!!!!! Дааа...какие строки, бя)))) жаль не вернуть тех лет уж никогда...ну да ладно... о чём это я)))) Помню, однажды летом, ну во всяком случае было тепло очень....решил я прогуляться по территории, окружающей общежитие. Недалеко находился курятник. Он был отгорожен сеткой от малышни. Ну а какому мальчугану не охота посмотреть, что же там за этой, довольно прозрачной сеткой. А там были цыплята. И довольно много. Цыплята уже были подростками и в белом оперении. Я не знаю что меня заставило так поступить, но я это сделал)))) гыыы... аббасаца и не встать)))))) вообще читайте дальше. Я снял штаны, подошёл к этой самой сетке....взял писюн в руки и стал писать на этих долбанных цыплят! Видимо я хотел в кого-то из них попасть. К сожалению этого я не помню сейчас. Но и среди бройлеров оказался сообразительная котлета по-киевски. А этот недожарок подошёл ко мне и клюнул меня прямо в письку... ..ООООО....вот это было соплей и криков!!!!!!!!!! МААААМААААА.....так кажется я кричал и бежал домой жаловаться....вот так я был атакован впервые домашней живностью)))) Ну слава богу всегда мой «енг», даже будучи клюнутым в детстве, меня никогда не подводил вообще)))) гыыыы....во что рассказал вам..... Аж самому смешно)))))) Было ещё и такое. Однажды мама купила пиво себе бутылочку и мне одну бутылку лимонада. Они же раньше все были одинаковые, те советские бутылки....вот в чём и была подстава случая))))

ещё на них обоих не было этикеток!!!!!!!!!!!!!! И стояли они рядом в двери холодильника!!!!!!!!!! Вообще так... они были обе открытые и мне как назло попалась с пивом)))))) я ж особенный)))) ну я как должен был сделать всё правильно налил немного «лимонада» в кружку, потом отпил чуток.....и понял.....и опять МААААМААААА.... «меня подставилилиииии»!!!!!!!!!!!!!! !!!! вообще в последующие три-четыре года я ничего шипучего не пил)))) И ещё был один случай с алкоголем и маленьким мной)))) мама с коллегами по работе ездила в какой-то местный профилакторий!!! Помню что было это зимой. Жили в какой-то «казарме» все вместе)))) как в коммуне, бля))) и взрослые и дети... все на соседних койках! Так же помню, что мы купались в гейзерных лужах... прикольно было... на улице снег идёт, а мы там плаваем в горячей воде)))) ощущение суперское!!! Ещё нас, то бишь детишек кто-то из взрослых угощал компотом собственного приготовления красного цвета. Всем он понравился. Мы его облопались тогда да ещё и с ягодками!!!! МММММ... ням-ням....а взрослые тем временем посасывали какое-то вино... и как вы думаете кого оно цвета было???? Правильно, тоже красного! Ну я тут как тут оказался как обычно)))) один из нерадивых больших «детей» оставил на подоконнике кружку с этим огненным компотом. Ну а как водиться эта кружка почему то мне приглянулась. Ну а что, мне же понравился компот красного цвета)))))) вообще одним махом я её осушил. И через минут пять я уже спал как убитый!!! И проспал так больше суток. А в это время родители вокруг меня вьются, переживают, думали я заболел после гейзеров. Но не тут то было. Вообще кто был поумнее из них, тот проверил кружку и понял что я из неё испил!!! Ну а потом все как обычно долго и счастливо ржали над юным дегустатором!!! И смех

и слёзы прямо таки!!!!!!!!!!!!!! Были и ещё разного рода приколы со мной. Как-то мамка везла нас с САЛОМ из детсада. Зима. Лютый мороз. Холодно, бррррр. К остановке, на которой мы втроём мёрзли подъехал «скотовоз». Ну так раньше рейсовые автобусы марки ЛиАЗ называли, кто их застал-помнит... внатуре СКОТОВОЗ! Как обычно для времён застоя и в автобусах застой и на остановках. Автобус битком, мы туда еле влезли. Взрослые нас поближе к водителю переставили с САЛОМ. Ну мы там с ним и тусовались чаще всего. И вот на какой-то из остановок народу набилось в автобусе как кильки в банку консервную. Нас немного придавили взрослые. И тут САЛО заверещал. Ну вы же помните что меня в коридоре общаги мужик учил материться чуть раньше)))) ну я видимо не стерпел этот писка со стороны САЛА и по матери и отцу его пронёс)))))) мамка говорила что долго с красным лицом своим стояла в стороне от нас, чтобы никто не заподозрил что мы вместе)))) вот так вот я впервые публично оскорбил матом человека!!! Тоже нечем в принципе хвалиться, но это было. И чего тогда такое прошлое скрывать? Не вижу причин для того)))) так что читайте мои дорогие! Мне ничего для вас не жалко. Прошло какое-то время ещё... я понемногу взрослел. Как-то раз мы ехали с мамой на такси. Мужик, водитель такси оказался милым дядечкой, мамка с ним о чём-то беседовала. Ну я решил тоже слово вставить. Таксист меня спросил почему-то кем я хочу стать. Ну я ему и ответил, что хочу стать ассенизатором!!! Потому что они много денег зарабатывают на шабашках. Видимо до этого меня кто-то опять из общаге научил)))) весёлым наверное был тот советчик!!! А время бежало неумолимо вперёд. Через какое-то время мама познакомилась с отчимом.....высокий блондин с голубыми глазами....мама его сразу полюбила и была от него про-

сто без ума!!!!!!! Закрутили роман. Его отец в том городе тогда работал директором ресторана «Интурист», да ещё к тому же был чистокровным евреем... Вениамин Борисович!!!! Вообще мамка стала курить «Мальборо», пить Скотч «Белая Лошадь»...а я ел тарелками чёрную и красную икру)))))) даже в стаканах её смешивал ...типа игрушек других не было!!!! Я бы себя за это убил бы сейчас)))))) гыгыы... ну да ладно....вообщем нас он очаровал... как впрочем и мы его!!!! Вскоре мы все втроем переехали в другую, более тёплую часть СССР, в один из областных центров, в 500 км от Москвы)))))) оказалось что у нас там в спальном районе города уже есть большой пятикомнатный дом, в котором живёт бабушка. Эта бабушка была родной сестрой матери отчима... пипец сказал да???? Просто не буду называть имён и других географических координат, так как много будет людей, которых не хотелось бы афишировать без их согласия. Уж простите за это меня, грешного. Ну мы стали жить в этом доме просто замечательно. В километрах двух ходьбы от него был ж/д вокзал. Совсем рядом дет/сад и школа. В которых я потом учился. Отчим устроился работать на один из заводов сварщиком, а мама на другой завод. Я пошёл в садик как водиться всем детям советской эпохи. Тогда ведь не было проблем с очередями в них. Я нашёл там новых хороших друзей. Всё стало просто великолепно. Отчим меня и мамку любил и показывал это на деле. Мы все выходные проводили вместе. Кстати и Вениамин Борисович с мамой отчима тоже уже к тому времени перебрались туда же, только квартиру купили в другом районе города. Так вот о выходных в семье)))))) мы гуляли по городу и много. И чаще всего пешком. Это было здорово!!! Мы много фоткались, так как оба моих родителя увлеклись фотографией. К сожалению для людей среднего сословия тогда до-

ступна была только чёрно-белая фотография. Помню этот запах проявителя и закрепителя, фотобумага «Унибром», «Бромпортрет», самодельный рукав для вытаскивания плёнки из фотоаппарата, чтобы её не засветить. Его мамка сшила сама из каких-то спортивных тёплых штанов с начёсом. Они также были нужны и для размещения фотоплёнки в специальном бочке, для промывки в жидком фиксаторе. Потом ещё помню как отчим с мамой меня учили работать с аппаратом для печати фоток. Это было прикольно, я просто летал в облаках от их заботы и любви. Я был самым счастливым ребёнком в мире)))))) мы выключали свет в комнате с отчимом и начиналось целое представление. Зажигалась тусклая красная лампа. Включался аппарат для создания фотографий. Набирались две ванночки, одна для фиксации изображения, а другая для его закрепления на фотобумаге. Я может что-то путаю, но это не главное. Главное процесс. Когда на чистом листе фотобумаги появлялись силуэты знакомых мне родных людей, в том числе и меня. Вот было радости полные штаны когда фотографии получались по качеству хорошими. Не «Фотошоп» конечно, но это было лучшее в те времена. Потом, после того как лист фотобумаги в обеих по очереди ванночках стал похож на снимок его помещали в специальную машинку для сушки фотобумаги. Она была похожа по принципу работы на вафельницу тех же времён)))))) только вертикальную. И вот было суперско, когда сухую фотку хорошего качества, ещё довольно горячую, в прямом смысле этого слова, доставать оттуда....мммм....это был пик счастья шестилетнего пацана. Параллельно отчим учил меня играть в шахматы и настольный хоккей..... дааа... хоккей, тогда вся страна просто болела хоккеем. Всего два телеканала и только по одному показывали все матчи сборной СССР. Красная машина

накарячивала тогда весь мир вдоль и поперёк!!!! И мы гордились нашими звёздами спорта!!! Они были героями времени безусловно в хоккее всего земного шара!!! Такими не достижимыми и великолепными!!! С отчимом мы играли почти каждый день, особенно зимой, когда рано темнело на улице и меня пускали гулять только во дворе дома. А там обычно не было друзей и приходилось играть дома!!! Но чёрт побери... мне это нравилось же!!! И мы играли... и радовались всей семьей так искренне каждой моей победе над отчимом! Было всё просто, весело и мы были счастливы! О честности. Меня всю жизнь учили что воровать нельзя, что это плохо и т. п. Однажды, когда мне уже шёл седьмой год, я стырил у соседки с завалинки дома старый, ржавящий напильник. Он был даже без ручки и его видимо там оставили хозяева умирать и предаваться ржавому забвению навсегда. Я его принёс домой и мама спросила где я его взял. Я всё честно рассказал. И получил пиздюлей шлангом от стиральной машинки «Вятка»!!!! Срака горела как кумачовый стяг!!! С тех пор я не воровал никогда)))) ну почти никогда в таких количествах)))) меня отвадили быстро от этого дела и думаю, что это многое во мне изменило. И даже сейчас я буду умирать с голоду, но ни за что и никогда нигде ничего не спижду)))))). Это честно и искренне. А годы всё летели и летели. В детсад я попал сразу в подготовительную группу. После неё я в школу не пошёл, т. к. декабрьского меня такого всего замечательного не взяли. Пришлось в детсаде остаться на «второй» год и снова там пребывать в выпускной группе. Но я об этом не жалею. Из второй подготовительной группы со мной в школу пошли все. Человек 5—7 даже попали в мой класс. Мы здорово уже ладили. Жили все рядом. Ах да....чуть не забыл....был в шесть лет и первый опыт курения....ну если честно то это было не в затяжку!!!!

Гыбыы.... Так как у нас был свой дом, в котором как во всех советских частных домах не было водопровода и канализации, то и «обсерватория» находилась на улице как у многих советских людей того времени. И вот однажды находясь внутри этого замечательного заведения я заметил отлично спрятанные папиросы марки «Любительские». Ну и решил попробовать как это делают взрослые... попускать так сказать дымку. Прикурил и стал громко кашлять. В это время, а время было утреннее, да ещё и выходной день, отчим был не далеко, в огороде, там же где и был туалет. Он увидел кучу дыма из всех щелей. По жопе я не получил, это точно помню, но абдристался там же на месте сильно от одного вида отчима. Вот так и покурил впервые в своей жизни. А чё мне... я ведь уже и бухал однажды... немного ранее)))) гыбыы..... В 1982 году я пошёл в первый раз в первый класс. О да... школа это было что-то очень такое интересное, манящее к себе. Мне там нравилось. Я просто глотал не прожёвывая весь материал, который отдавала нам наш классный руководитель. Я много читал, много писал, уже хорошо получалась литература, тогда назывался это предмет «Чтение». Многие уроки внеклассного чтения мне давались с лёгкостью. Я очень много рассказывал о прочитанных рассказах и книгах. И естественно получал «пятёрки»!. Ко второму классу я стал лучшим читателем школьной библиотеки. Я читал всё подряд. Рассказы, прозу, стихи, о войне и пионерах-героях, в первом классе я уже прочитал «Петропавловскую крепость». Все библиотекари школы меня любили и давали мне за раз по 2—3 книги, потому что знали, что если даже они порваны — я их обязательно склею. Английский язык, да и все остальные предметы в начальных классах мне давались легко. Первый класс я закончил на круглое «ПЯТЬ». Перед каникулами торжественная

линейка. Я пришёл нарядный, в белой рубашке и красивом джемпере. Но классной руководительнице свитер не понравился и она мне пригрозила, что я не получу «похвальный лист» с портретом дедушки Ленина. Я очень сильно расстроился. На глазах проступили слёзы обиды. Но мне всё равно его вручили и ни кто-нибудь а директор школы! Я даже фамилию её помню...Сырица!!! после этого родители мне купили наручные часы «РАКЕТА». Я был доволен полностью)))))) что называется на все «СТО»!!! Первые школьные каникулы. Они были чем-то волшебным!!! Я поехал в областной пионер-лагерь для отличников «Юный Ленинец». Кажется он так назывался. Ну не суть важна. Там я пробыл 2 смены. Ко мне два раза в месяц приезжали родители. Они всегда привозили колбасу и всякие другие вкусности)))))) кормили до отвала, а я после такого экстренного поедания другую половину недели обсирался в летнем туалете, в котором и без меня воняло!!! Ну и конечно же первая любовь в лагере была тоже. Я не помню как её звали. Она была брюнеткой с длинными, чуть ниже плеч волосами. Глазами цвета утреннего неба!!! Красотка одним словом. И поскольку я был скромным и боялся ей сказать о том что без ума от неё я смог лишь в одну прекрасную ночь, перед самым окончанием смены спящую её измазать зубной пастой)))))))) и представьте себе меня сдали)))))) мне всегда с брюнетками в жизни везёт на этот счёт!!! А девчонки в ту ночь все проснулись в зубной засохшей на их юных телах пасте!!! А у мальчиков почти у всех тубики были пустыми, поэтому триндюлей получили все вместе и сразу))))). По армейскому принципу!!! Второй класс у меня прошёл так же достаточно активно во всех направлениях деятельности второклассника! Так же в конце года грамота и фото на почётной доске. Лето в тот же лагерь. Там были уже футбольная коман-

да и борцы-вольники. Девчонки были от них в восторге! В нашем отряде было две вожатых. Бляяять....какие они были красавицы... просто уфффь.....малядесь)))))))) (Жорик Варганов) ...все мальчишки отряда ...да что отряда, всего лагеря влюблены были в них. Одна черноволосая, другая русая кудряшка... конфетки такие)))) кудряшку прозвали римлянкой, потому что у неё были сандалии как у римлян....с длинными ремешками. Мне даже однажды повезло и я с ними обеими станцевал по одному медленному танцу)))))). Они для всех были фантастикой! Такие красотки, которые только закончили школу....даааа.....обзавидоваться можно было тем, кто ими обладал тогда... и завидовали, хотя ещё не понимали толком, что и куда)))))). Тогда, после окончания лета в школу ко мне приехал тренер по вольной борьбе и просил меня записаться к нему в секцию, но т. к. ездить было довольно далеко родители сразу отказались. Мама хотела чтобы я стал высоким и отправила меня на школьную секцию баскетбола. Но я не добрасывал мяч до кольца)))) и очень много не добрасывал....шпендиком был чуть выше метра ростом. Не получился из меня король NBA! Пришлось оставить эту затею почти сразу. Потом плавание. Ездил далеко, сразу после уроков. Возвращался с треньки часам к пяти вечера. Это родителей тоже не порадовало. Плавать меня тоже не успели научить. Двое моих одноклассников тем временем перевелись в спортивную школу олимпийского резерва «СПАРТАК». И стали уже серьёзно заниматься футболом. Вместо физ-ры — тренировка и сразу по два часа. Клёво! А что ещё нужно для пацана?!!!!! Я тоже туда приходил на тренировки, после учёбы. Но эта школа тоже оказалась слишком далека от дома и меня и родителей хватило всего на три-четыре месяца!

13.08.2009

Автобиография. Мои барышни

Без описания.

nehochuha 1975

Их было не так много, как кажется.

Оксана!!! Блондинка
с побережья))

У меня хорошо получалось в дзюдо. Много тренировок и огромное желание сделали своё хорошее дело. Через год тренировок я стал уже чемпионом региона и имея первый юношеский разряд я легко справлялся с КМСниками своего возраста и веса. Просто на ура всех ронял на татами как надо. И вот я попал в сборную города и региона и поехал со всеми этими юными дарованиями на Чёрное море в спортлагерь. Жили где-то под Туапсе на самом берегу моря. Отдельно от обычных пионеров, в отдельном корпусе за пределами пионерлагеря)))) утром пробежка к морю, тренировка на пляже. Потом купание и завтрак после возвращения, обратно бегом. Кормили нас на убой... уж в чём тогда нефтяники не скупились так это в спорте для детей)))) и огромное им за это спасибо!!!!

В общем отдыхали как пионеры только по вечерам и в выходные, а в остальное время-ТРЕНИРОВКИ, тренировки, и ещё раз тренировки.

Наш корпус стоял прямо на границе с маленьким посёлком. Наши старшие товарищи, которые были уже после армии и приехали достигать спортивных вершин с нами вместе, уже познакомились с ровесниками из этого хуторка. И вот у одного из аборигенов и увидел младшую сестру!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!! Оксана.....белокурая красавица... всегда весёлая, жизнерадостная, такая милая и смышлё-

ная девушка... нам было по 14-ть лет...она была настоящей блондинкой... просто шикарные золотого цвета волосы.....её голос волновал мои все фибры.....а что со мной произошло, когда мы впервые поцеловались с ней!!!!!! Я влюбился в неё как сумасшедший... мы каждый день были вместе, купались, загорали, смеялись... шутили... она была всегда весёлой и мне было так приятно её видеть!!! Это просто русалка, златовласка и кто ещё не знаю... кем она только для меня тогда не была.....я не мог без неё ни минуты!!! Ни даже секунды!!! Влюблённый Шекспир..... да и только.....её брат всё это видел... бесился.....при удобном случае мешал нам встречаться, вплоть до того что просто загонял её домой и не выпускал оттуда сутками... я всё равно приходил к ней тайком и мы обнимались через забор её дома, целовались. Всё было как сказочном сне, и милая принцесса, и принц на белом коне и злой кощей)))))) последние 2—3 года вспоминаю об Оксане часто.....она сейчас замужем..живёт там же, на берегу моря, родила двух детишек.....и всё равно осталась такой же жизнерадостной, безумно красивой и удивительно искренней....

Так мы встречались ещё около месяца и вот наступил момент расставания... наши сборы закончились и мы собрались уезжать. Нас ждал автобус, который собирался отвести нас в аэропорт г. Сочи. Я был уже в автобусе и ждал когда придёт ко мне моя беляночка. Но её брат ей запретил это делать и пригрозил строго-настрого не высовываться из дома. А юные сердца трепетали от радости увидеть друг-друга хоть на секунду. Оксанин брат встал в дверях автобуса и разговаривал со своими новыми друзьями из младших тренеров, заодно и чтобы я не вышел к Оксане. Она всё же пришла к автобусу. Она плакала, хотела меня обнять, но он её не пустил. И когда я попробовал пройти на выход он меня остановил за шкирку и втолкнул обратно в автобус. Что я, 14-ти летний пацан

мог противопоставить силе 20-22-х летнего парня??? Да и наши младшие тренера, видимо от зависти, тоже были того же мнения и поддержали его. В общем тогда я ощутил впервые не справедливость и подлость толпы, противопоставленную любви двоих юных сердец. Она стояла и плакала навзрыд у моего окна автобуса, я смотрел на неё и глотал собственные слёзы не показывая их наружу. Я просто разрывался внутри на куски. Она пришла ко мне с букетом цветов, что видимо нарвала в своём палисаднике, а он отобрал букет и выкинул его на землю... её брат. Ржал сволочь над нами!!! Наши страдания быстро закончились. Автобус так стоял не долго, минут 20-ть и мы поехали. А она редела! Её мокрые глаза меня убивали, я страдал, метался по салону автобуса, но всё было тщетно. Я ничего тогда не смог исправить. Я долго хранил потом, года 2—3 веточку полыни, которую она успела мне закинуть в окно автобуса, когда мы тронулись. Она мне написала несколько писем на север. Я их с жадностью перечитывал по сто раз на дню. Я ей тоже писал и отправлял их. Но после этого мы с ней больше никогда не виделись. И вряд ли когда это будет!

А о ней я иногда узнавал у одного из тех наших младших тренеров. Он до сих пор дружит с её старшим братом семьями. И часто ездит туда на море))) я просил недавно передать ей большой привет от меня. Очень хотелось бы чтоб он его довёз. Но никаких надежд я не возлагаю... просто хочу передать ей свой огромный привет из детства! Я её любил! И никогда не забуду! Она в моей жизни навсегда светла, непорочна, красива и весела! Такой больше никогда не будет в моей жизни....НИКОГДААААА не будееет!!!!!!

Вскоре, по своей личной глупости, я оставил занятия спортом! И больше никогда не ездил в те края на море!

Светлана (Лёва)

С ней мы вместе занимались спортом и учились параллельно в ПТУ. Не могу сказать что между нами была любовь, но определённое осознанное влечение мы испытывали друг к другу. Часто виделись. Жили рядом. Она была из разряда «крутых» девчонок. Курила, немного выпивала на молодёжных вечеринках. Ну всё как у всех любознательных девушек лет 16-ти от роду. Конечно у неё был парень старше меня лет на пять, так часто бывает. Не знаю для чего я ей был нужен. И смутно помню для чего она мне. Но нам было вместе хорошо, это факт. Никакого секса, как и в прошлый мой РОМАН на море! Детская непосредственность с моей стороны, способная лишь на поцелуи и что-то подобное!

Однажды, когда близился Новый Год, ну так получилось...мы его встретили вдвоём, в квартире моей мамы. Мы спали с раннего вечера часов до десяти вечера 31-го декабря. Потом проснулись, накрыли на стол. Бой курантов встретили как положено с шампанским. Вдвоём.....хотелось романтики... но она как-то не очень получалась. И мы решили пойти к моим друзьям в гости. Пришли, напились... кто-то как обычно настругал в ванную прямо (хорошо что это была не моя ванна, гыыы))))она там свободно флиртвала с моими одноклассниками, т. к. их тоже знала не плохо. Я был расстроен. Я не мог тогда быть ярче многих и как-то оставался в тени остальных парней. Мне не хватало решительности, причём заметно не хватало... да что греха таить... я был не популярным у сверстниц тогда вообще! Теперь-то мне известно почему.....слава Богу я это спокойно пережил)))))) гыыы.....

В общем наши долгие встречи так ник чему и не привели. Никаких отношений так и не развилось у нас. Но вот однажды, перед тем как мне уйти в армию она мне сказала, что будет меня ждать. Я не помню обстоя-

тельств этого разговора, но мы были у неё дома! И кажется я пробовал её раздеть.....я такой был стеснительный....ну просто ващеееее!!!

Флорида (Фаина)

Когда мне было 16-ть лет, я приехал в деревню к бабушке на Урал. Там было весело и много родни всегда. Ровесников-друзей тоже было полно. В деревни люди и шас проще чем в городе. Как в СССР. Так вот....как-то сижу дома у бабушки. Жара. Окна распахнуты. Вечер. Часов девять наверное. Ещё светло. Вижу по улице девчата идут. Двойняшки из дядькиного класса и с ними девушка старше их. Идут, балаболят, смеются. Думаю... блин, что-то она больно по-городски одета и раскована))))). Узнаю потом. Это старшая двоюродная сестра этих близняшек.

Ну мы с братьями и дядьками подъехали к девочкам. Разговорились. Её звали Флорида (как штат в США)))))). Она мне приглянулась. Такая хорошенькая. Но, сука, старше на 8 лет... и я вначале очканул к ней подкатывать))))). В конце моей улицы, где я жил у бабушки, была поляна большая и овраги. За ними лес. Так вот тогда уже от той поляны почти ничего не осталось. «Нарезали» участков под строительство и огородили «вымыслом» забора. Во многих случаях стояли просто бревенчатые срубы с крышами и верандами. Решили когда стемнеет, пойти туда всей компанией пить винцо, жарить мяско и гитарить))))). Так и сделали. А что, в деревне с закуской легко летом. В огороде куча всего растет и фрукты и овощи. Запивон в колодце всегда холодный.

Сели под один из свежестроенных навесов. Разожгли костерок, гитарка, сидим, пьём, кушаем. Красота-ЛЮКС))))). Ну я же такой скромный, но не ОЧЕНЬ))))).

Поэтому и присел возле Флориды. Вообще мы тогда хорошо накушались, меры же в 16-ть лет почти никогда не чувствуешь и торкает быстро)))))). В общем как домой меня принесли — не помню)))))). Ну пока был трезвый мы долго и чудно ладили. Мы ж городские оба. У неё голосок такой тонкий был, льющийся какой-то. В общем, очаровала она меня тогда, юнца!!! Понеслась «пизда по кочкам»!!!!!!! люблю и всё такое. Она была в общем не против. Я за ней ухаживал, дома все цветы у бабки в палисаднике вырвал для неё за месяц)))) каждый день их воровал, а бабка даже не понимала куда они пропадают... одно время нарки повадились по ночам мак рвать... много красивых цветов потоптали, падонки))))).

В общем очаровал я её не по-детски!!!! Она тоже втюрилась. Мама с бабушкой в ахуе были))))). Она за мной через день приходила, гулять звала. Мы с ней ночи напролёт гуляли по тёмной притёмной деревне. Целовались везде, где только хотели, на берегу речки, у неё во дворе, у меня. В общем настал момент истины быстро, недели через две))))). Мы сидели у неё на летней кухне. Кто не знает, это летний домик во дворе почти каждого дома есть))). Смотрели кино какое-то. Потом болтали лёжа на диване. Потом начали целоваться... я уже её хотел... у меня аж зубы сводило!!! И вот случилось то, о чём я мечтал. Какое у неё было тело, литое, всё как слеплено по самому лучшему. Мне 16-ть, а ей 24.....это было очень прикольно))))). В сексе я ещё был неумёха. Но она всему научила)))) короче было СУПЕР-СУПЕР))))).

Так она была привлекательна, сексуальна, что понравилась не только мне одному и тут меня начали преследовать не только проблемы, но взрослые мужики, которые их нам начали создавать!!! Пиздец какой-то... все крестьяне, возрастом старше 25-ти лет в буквальном смысле устроили на меня охоту. Таких было человек

пять-шесть. Они считали, что она должна по-любас быть с кем-то из них, т. к. имели «вес» в деревне, да и вообще я типа малолетка!!! ХААА... идиоты Блять)))))). Как-то так из них ни у кого не выходило. Она была со мной везде: на дискотеках, на прогулках по городу, в кино, да везде где только можно было там отдохнуть культурно. Даже часто, находясь у неё в летнем домике кидали камушки в стекло, типа **ВЫХОДИ** к нам....мы же лучше. А она их всех **НАХ** посылал всегда.

Я не хочу вам показаться каким-то особенным мачо в юном возрасте, просто рассказываю так, как было на самом деле у меня в жизни.

Среди нас было много крепких парней, так что когда мы шли на дискотеку своей «гопкой» — нам никто был не страшен. Мы там пили шампанское из горла, балдели как положено было отрываться тогда на булкодроме в городе)))))). Вот однажды мы так и отрывались. Были и все кто меня хотел отвадить от Флориды))))). Но на откровенное противостояние они были не способны... мы бы их потом по одному выловили и пипец))))). Они это знали хоть мы и малолетки, но уже в городе стенка на стенку каждый из нас ходил... и не раз... так что мы как нормальные пацаны и бить ебальники умели ...ну и так же не редко их «просерали» в таких стычках.

Я решил сходить поссать. Туалет находился за клубом. Я вышел с дискотеки. Пошёл на задний двор. Там стояли два мужика лет по 26—28 из той компании. Короче попал я тогда под раздачу не хило. Слово за слово, они бухие были. В общем отоварили меня. Пиздили как мужика взрослого. Кулаками показалось мало, я немного успел побрыкаться, так мне по еблу ещё и штaketиной от забора в морду!!! Не знаю сколько я в отключке был... минуты две-три не больше. Очнувшись, понял, что моя нижняя губа пробита собственными нижними передними зубами. Короче, живой я оказался))))). Флоридка под-

бежала ко мне... я весь в кровище... кругом паника началась... я ещё в белой футболке был... ваще ...бабы в рёв наши)))) ...короче эти уродцы куда-то свалили отмечать победу над малолеткой... потом, случилось так что они все куда-то поразъезжались... одного потом видели, но не стали его пиздить... гандон длинный сука... и сухой как глиста в обмороке, а ростом под 190 см!!! короче жалко его стало, так то он не принимал участия в битье меня))) ну а нажрался он тогда, всё равно бы не вспомнил где ебло просрал))))).

Зря конечно, с другой стороны, мы ему пизды не навешали тогда!!!! Этот мудака великовозрастный работал в то время на Урале-самосвале!!! Хрень всякую в лесхоз из деревни возил! Мы с Флоридой шли по её улице как обычно под ручку, а может в обнимку... не помню. Он ехал нам на встречу на этом самом Урале. А когда узнал нас прикинь прямо на нас попёр!!!! Короче чуть сука нас не задавил, бухой, наверное был, уёбище!!! Мы еле успели в канаву спрыгнуть!!! Короче попадалово полное чуть не произошло в тот день!!!

А то что меня отпиздили, да ещё нас потом чуть машиной не задавили нас с Флоридкой только сблизило!)))) ещё больше она меня полюбила... и я её тоже.

Так пролетело лето. Я тогда окончил первый курс ПТУ в СЕВЕРНОМ ГОРОДЕ!!!

Настала пора расставания. Оно было коротким. Но довольно болезненным. Плакала она, долго плакала, ещё до моего прихода. На вокзале ей нельзя было появляться. Там со мной мамка была. И она была против наших встреч. Ну в общем прощались у неё на пороге дома)))) целовались час наверное целый. Потом я уехал.

Увиделись на следующий год... так же почти два месяца встречались... всё было здорово. Всё по правильному и доброму сценарию. Ослы те, которые меня пиздили,

в то лето вообще даже в сторону нашу не смотрели. И нам было вообще прекрасно.

Так прошло и второе лето. Потом опять разлука. На полгода. Сразу после нового года умерла моя бабушка. А мне 30-го декабря пришла повестка в армию. Военком дал отсрочку на 10 дней. Я поехал с мамой к бабушке на похороны. Естественно, после всей панихиды и 9-ти дней я съездил в город к Флоридке. Виделись чуть больше пол дня... были у неё дома. Она меня не ждала. Мне её сестры объяснили как ехать. Я её нашёл. В общем обещала из армии ждать. Но что было потом вы уже знаете из первой главы АРМИЯ... а потом и вторую напишу.

А знаете, она мне открытку прислала однажды с днём рождения в 2004 году. К тому времени мы уже не виделись вообще 11 лет. Надо же ...вспомнила... через столько лет спустя...ЛЮБИЛА ОНА... я чувствовал это!!! Хорошая она была... и есть наверное такая же хорошая... искренняя... могла крутить мной как хотела, ведь была на много старше и опытнее, а она так не делала... никогда не обманывала и даже не пыталась!!! Кажется, я иногда жалею о том, что мы тогда не были ровесниками ((((... но что прошло то прошло... как говориться — СЕ ЛЯ ВИ))).

Людмила!!! (Мадонна)

Очаровательная Люда. Ты мне была симпатична все школьные годы....с пятого класса....она была тоже «крутой» и шabutной....куча поклонников в школе просто не оставляли шансов никому.....они были ей тогда под стать!!!! Такие же безбашенные, постоянно курящие у входных дверей в школу, матерящиеся и самые крутые!!!! Гыыыы... о ней по школе ходили легенды.... «Легендарная Личность». Потом я её увидел после первого

года службы в армии. Я приехал в отпуск и не узнал в некогда бесшабашной девчужке, более спокойную и уравновешенную барышню. Увидел её случайно, когда покупал сигареты в магазине... она мне их продавала)))))) пригласил в гости её и ещё Лариску... они в классе были хорошими подругами... было здорово... на моей домашней вечеринке две самые красивые девчонки из класса, мама и сестра... ещё кто-то был из взрослых, но я то был увлечён Людмилой.....и мне не было дела до других гостей.

Мы курили у меня в ванной комнате и долго о чём-то беседовали. Из этой беседы я понял, что мне ничего не светит....а суть её слов была такова... я вообще самая дрянная девчонка... а ты такой весь прямо ух какой, так что найди себе лучше!!! Пипец! Я предполагал такой исход встречи, но увы надежда умерла последней! Сейчас мы хорошие друзья! Она тоже вышла замуж и родила сына! У неё всё хорошо и без меня! Я её уважаю как человека... она многое пережила! И достойна того счастья что есть и что ещё впереди у неё! Чмок!

Галина! (Галчонок)

Зайка....я тебя любил.....а ты была всего лишь потаскухой....в момент нашего знакомства ещё не до конца раскрывшей свои «лебляжьи» таланты многим кто тебя имел после!!! Я отслужил уж 2,5 года. И снова приехал домой в отпуск. И встретил тебя. Очаровательное маленькое создание... с великолепно сложенной фигурой, слащавым голосом и такой искрой заманчивой в глазах!!! Это просто разряд 1000 вольт меж нами пробежал!!! Страсть... такая страсть мной овладела бешенная и я в неё окунулся с головой и по большому счёту ни о чём я не жалею.....ты была на две недели супер!!! Такой корот-

кий отпуск у меня тогда и был. Я познакомил её с мамой перед отъездом. Мамка даже давала нам несколько раз ключ от квартиры подружки. Мы там ночевали!!!!!!!!!!!! Это было великолепно обладать твоим телом и давать тебе своё!!!! Простите ...это не эротический роман, поэтому никаких подробностей!!!! Она мне писала в армию потом полгода. В любви признавалась, писала что ждёт. Но как-то получил я письмо от мамы в котором было сказано что мамина подружка видит её часто с разными парнями....очень часто, потому что была её соседкой по подъезду. Потом мне мои друзья писали что ты едешь с лёгкостью по баням, тебя там имеют, а ты мне в письмах о любви!!!! На следующий год у тебя родилась двойня!!! Вообще шлюха ты!!!! Но всё равно тогда была самой красивой для меня!

Светлана (студентка)

С ней мы познакомились в канун дня всех влюблённых через пол года после Галины. Спесивая, с безумно голубыми глазами, крепкой, упругой грудью второго с половиной размера. Каратистка. Любому мужику могла дать отпор физически и была с многими из них резка. Но со мной была маленькой, беззащитной и робкой! Мы хорошо подходили друг к другу!!!!!!!!!!!!!!!!!!!! С тобой был самый замечательный секс во вселенной!!!!!!!!!!!! И сколько его было... страстного, неудержимого....такого раскованного и неутомимого!!!! И какая красивая у нас всё же была любовь....ммммм.....цветы, романтика, ночи, самоволки ради встречи с тобой на 15-ть минут на другом краю города....эти вылазки к тебе на третий этаж в окно общежития)))))) как это было всё!!!!!!!!!!!!!!!!!!!! Как нечаянно любовь нагрнула тогда!!!!!!!!!!!! И как быстро она закончилась!!!!!!!!!!!! Из-за какой-то глупой ревности

твоей к неодушевленному предмету по имени ГАЛИ-НА!!! Фу.....и всё же ты дура надменная тогда была....меньше бы гордости твоей и всё было бы... но ты сама себя всего этого лишила.....а обиднее всего что и нас обоих всё же (((((ну да ладно... Бог тебе на встречу....не подумал бы иначе... если бы ты мне не написала через 12-ть лет после расставания в одноклассники... где я тебя даже и не думал искать.

Жена (самая большая любовь моей былой жизни)

Всё теперь уже в прошлом. Всё 10-ть лет. Мы разведены теперь и многое легко сказать и написать. Ты была моей первой и единственной женщиной после распределения в войска после окончания ВУ. С тобой мы встретились в ночном клубе. На самом деле много о тебе писать не буду... ну по крайней мере щас. Признания в любви. Бурный и скоротечный роман. Прощение руки и сердца у твоих родителей. Всё как в кино, но не по сценарию, а по зову сердца. Всё было естественно, искренне и обоюдно!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!! Наша любовь была взаимной!!! Ведь от других чувств не рождаются такие чудесные сыновья! Он у нас получился самым лучшим, самым замечательным ребёнком на свете! Когда я говорил тебе слово ЛЮБЛЮ, я всегда говорил правду!! я всегда говорил тебе правду!!!!!!!!!!!!!! Очень много ярких и самых запоминающихся моментов моей прежней жизни я пережил с тобой, и если бы вернуть время вспять я бы их снова испытал с тобой!!!!!!!!!!!!!! Ты замечательный человек и хорошая женщина и жена!!!!!!!!!! Я хочу чтобы ты осталась моим самым лучшим другом до конца моих дней!!!!!!!!!! И сына мы будем растить вместе с тобой... я клянусь что его не брошу никогда!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!! ТЕБЯ МНЕ НЕ ЗАБЫТЬ НИКОГДА!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!! Пусть тут написано

всё коротко, но я считаю этого достаточным, потому что ты меня поймёшь и без слов...ты их слышала когда они были нужны и когда я их хотел тебе говорить!!!!

Нам этих слёз не жаль

Москва ждёт февраль

Юлия. (Бусинка.)

Оооооооооооооооо, Юлька))))))))) ты просто необузданная, раскованная, весёлая, жизнерадостная... ты очаровательная красотка... ты просто идеал моей женской красоты и женственности в принципе... но всё же ты — хитрая татарка!!!!!!!!!!!! Хотя и молодая, но уже такая хитрая....скажу тебе по секрету... такого секса как с тобой у меня не было никогда))))))))) и лучшего тела в своей жизни я не любил никогда....это ОГОНЬ, это СТРАСТЬ, это бешенные ЭМОЦИИ, это два знакомых для тебя слова «БАТАРЕЯ и ТОРТ»!!!!!!!!!!!! и бешенный СЕЕЕЕЕЕКССССС)))))))))а я не мог с тобою быть тогда сразу и навсегда, а когда смог, то ты уже от меня отказалась... думаю, что тебе повезло в жизни больше с ним, чем бы повезло со мной. Ты ведь вышла замуж за него и родила ему ребёночка уже!!! А ты мне всё равно мила!!!! Ты чудо-девочка моя!!! И останешься всегда такой в моей памяти!!!!!!!!!!!! В те дни, что были мы с тобой — Я САМ СЕБЕ ЗАВИДУЮ!!!!!!!!!!!!!!!! Господи, спасибо тебе за всё что ты для меня сделал!!!!!!! Я не жалею ни о чём что со мной в жизни происходило!!!!!!!!!!!!!!!!!

Алеся.....

Этот период моей жизни можно было бы описывать отдельной главой.....это та любовь о которой я мечтал, наверное, всю жизнь!!!! Куда она делась??? Куда пропала

страсть? Где это всё??? Ответ уже известен, но я каюсь что всё так произошло!!! Что я не смог, что ты не смогла!!! Я просто скопирую сюда нашу переписку, которую ещё не удалил!!!

13.08.2009

Автобиография. Армия

Без описания.

nehochuha 1975

Армия....навверное, в памяти и понимании каждого мужчины сейчас не всегда это слов ставиться в один ряд со словом ДОЛГ и ЧЕСТЬ. Какая бы она ни была наша армия — там много замечательных военных. Вот и я решил сам пойти в армию, хотя и в то время уже можно было спокойно купить военный билет. Однако это было не для меня.

Помните. Я получил повестку перед Новым Годом и ушёл в армию 17 января 1994 года. Так как пункт распределения призывников тогда находился в областном центре нас и отвезли двоих туда. Со мной из нашего маленького городка поехал мой ровесник, простой азербайджанский парень. Он тоже сам захотел и он это вместе со мной сделал. Из военкомата до аэропорта нас увезли на стареньком КАВЗике с мигалкой на крыше. Подвезли прямо к трапу самолёта. Я ехал служить в самой старой одежде. В фуфайке, старых брюках и старых зимних сапогах. На голове у меня была новая шапка из крашенного ханорика. До сих пор не знаю что это за зверь такой.....гыгыы)))))). Я должен был её снять перед автобусом и отдать маме а взамен получить вязанную спортивную шапку. Но сделать это забыл. Мамка попросила друзей забрать у меня её и они следом за нашим автобусом поехали в аэропорт. Парень и девчонка прибежали прямо к трапу и я обменялся шапками и одел вязанную «пидорку», как их тогда называли... тоже кстати не задавался вопросом ПОЧЕМУ!!!!

Долетели нормально. Приехали с капитаном из военкомата в призывной пункт. Он нас сдал двоих по описи дежурному пьяному мичману и свалил бухать куда-то,

пожелав нам удачной службы. Зашли мы в казарму, куда нам указали. Она была построена в форме креста. Там внутри все пили и блевали, как в фильме «ДМБ» в первой части. Только в ещё более гигантских масштабах. Однако кого ловили с бухлом — направляли в гавняные части. В самую жопу труда)))))) при мне одного спалили что пьяный и прапор ему об голову разбил бутылку водки. Благо что он был в зимней шапке. Вот вы думаете зверюги, но я считаю что у прапора там не было выбора как-то по-другому сдержатъ пьянствующих тел, которые обзывались тогда призывниками и ещё никому вообще не подчинялись.

Пьяный 18-ти летний подросток понимал только силу и кулак!!!! И это правда. Пусть мамки на меня обижаются, но вы бы не смогли гордиться в такие минуты своими отпрысками!!! Чес слово....я бы не хотел, чтобы меня мамка видела в те два дня, что я находился на рассылочном пункте.

Утром, после того как «сыграли» подъём во всём этом человеческом обезьяннике мы там нашли ещё двух представителей нашего городка. Они там уже были до нас целую неделю и завидно устали от всего что там происходило. Это было написано у них на лицах)))))) а они были похожи на лица шахтеров, вернувшихся после глубокого забоя)))))) грязные, пьяные и ваше отрешённые от мира сего. Они обрадовались, что нашли нас там тоже)))) ну а что бывает после того как встречаются земляки... ну конечно суровая правда действительности — ВОДКА ПЕЙ, ЗЕМЛЯ ВАЛЯЙСЯ!!!! Так и было, но нас никто не «спалил». Так продолжалось два дня, точнее двое суток.

Было ещё и настоящее не однократное боестолкновение с местной шпаной. В заборе, который огораживал областной накопитель, как и положено русскому забору была совсем огромная дыра и можно было спокойно в полный рост в неё входить и выходить. Ну а то что

у призывников были деньги, которыми их родители снабжали в дорогу известно было любому кто был хоть раз на проводах в армию. Через ту дыру такие как мы бегали в ларьки и магазины (первый опыт самоволок). А там с другой стороны забора кроме поздней ночи и раннего утра «дежурили» хулиганы, которые пытались всё время отобрать у кого-нибудь денюшки. И между прочим это у них получалось, когда в самоволку уходило меньше пятерых человек. Потому что их там как минимум стояло до одного десятка... и ещё в машинах у обочин столько же. Сука, как в карауле стояли и менялись, кто замёрз грелся.))))) а кто согрелся — шёл отбирать деньги. В общем наши как-то пошли целой кучей, человек 15-ть. Одни как физическое прикрытие, другие с большими баулами и ещё они должны быстро бегать)))))))). В общем пока качки наши начинали разруливать по ФЕНЕ с местными, «бегуны» быстро неслись в магазин. Потом завязывалась потасовка, а в тот вечер была просто бойня, т. к. один из призывников забежал на плац и крикнул «НАШИХ БЬЮЮЮЮЮЮТ».... Вот тогда толпа ломанулась к забору и местных напиздили как «добрый вечер»!!! Вообще их сутки не было потом... гыыыы....))))). Типа фанаты «СПАРТАКА» против фанатов «ЦСКА».

На третий день приехал «покупатель» из сухопутных войск Дальнего Востока в сопровождении двух курсантов третьего курса. Построили нас, какдвигающийся остаток смутно соображающих получеловеков аморфной консистенции. Спросили у кого есть удостоверения трактористов — выйти из строя. Человек 30-ть вышло. Ему нужно было примерно 65. Потом спросили кто хочет уметь ездить на БМП и БТРах. В тех рядах был и я Я имею ввиду что захотел внезапно этого. Нас так и отобрали около шести десятков. Утром мы уехали на ж/д вокзал и чух-чух на поезде в столицу Уральского региона,

а там нас объединили с единомышленниками из соседнего региона. И того нас стало 130 пьяных и уставших будущих защитников Родины)))))). Потом самолёт в Хабаровск. Там ещё сутки на местной «пересылке». Там-то как раз уже не было ни денег, ни балабасов (еды, которую родители нам собрали в дорогу), ни водки. Все просто тупо трезвели и спали. Потом опять дорога на ж/д вокзал и ещё одна столица региона у наших трясущихся от усталости ног.

Приехали в часть. Это было моё, как оказалось потом, родное училище. Построили нас. Объявили что мы будем экспериментальной ротой. И вместо того чтобы нас направлять в сержантские школы на пол года, нас обучат на кафедрах военного училища за 3 месяца. Ну во всяком случае попробуют это сделать. Выдали новую форму, подстригли мы друг-друга. Потом нас сводили в баню....Всё как в кино. Потом началась учёба. И она действительно была учёбой. Та, которая должна быть и в регулярных войсках, конспекты, преподаватели, имевшие боевой опыт. Макеты БМП и БРТ прямо в кабинетах. Стрельбы и всё такое. Через месяц, на 23 февраля, мы приняли присягу. Ну и уродец нас фоткал... пипец... кого-то бивня притащили преподы в училище. В общем не справился он с заданием партии. Когда фотографии были готовы их разложили на столе и каждый по очереди подходил к нему и искал свои. Я себя узнал на фотке только с третьего захода. Он нас снимал во время того как мы читали текст присяги. Ну и рожа у меня получилась тогда, какая-то сморщенная вся... бля, шарпей какой-то получился)))))).

И этот ужас с подписью на обратной стороне я отправил, чтобы мама за него порадовалась, что оно стало зольдатом)))))))).

После присяги нам пару раз разрешили сходить на дискотеку, которая проводилась в выходные и празд-

ничные дня в клубе училища. Вход тогда стоил 10 рублей. А нас, солдат пустили оба раза бесплатно. Там царила своя, особенная атмосфера, ещё не ведомая нам. Там было больше сотни курсантов, в основном с третьего курса и выше. И в два-три раза больше девчонок. Кстати во время дискотеки на территорию училища наряд по КПП пропускал только девчонок, потому что мальчишек сразу били и отправляли домой)))))). Дабы избежать лишних эксцессов приглашались только барышни. Мальчиков и своих хватало. Нормально организованные танцы, свой ди-джей, бывший курсант. Цветомузыка, стробоскопы, пар с приятным запахом. Всё как надо. Ну подробнее я остановлюсь позже, когда буду рассказывать о дискотеке своими глазами курсанта, это реально прикольной!!!!!!!

Три месяца пролетели незаметно. Пришёл приказ о расформировании по ротам уже внутри всех солдатских подразделений в училище в связи с окончанием обучения. Нам раздали удостоверения в зависимости от классной квалификации. У меня было написано «МЕХАНИК-ВОДИТЕЛЬ БМП 3 класса». И шикарная подпись генерала-начальника училища.

Я как и хотел — попал в батальон БПМ. Прибыли в этот батальон в конце апреля. Нас расквартировали по казармам. Потом, через несколько дней приехал военный оркестр из училища, а он там был клёвый очень!!!! Нас построили в парке военной техники и под звуки фанфар и «Прощание Славянки» каждому раздали формуляры БМП и БРТов (паспорта на боевые машины). Некоторым везунчикам, как мне, досталось по 2 единицы техники. У меня были БМП для вождения курсантов и учебная штука с восемью башнями, ну такая же как первая, только не стреляет, а в ней курсанты учат как в движении командовать и т. д.

Ухххх...ну и «гробики» мне достались. Обе машины стояли в консервации более двух лет под открытым

небом и нифига не ездили. Даже не заводились. Начался повальный ремонт этой техники. Мы днями проводили в позе «пьющего аленя» под и над и сбоку своих машин....короче «ебались» с ними как взрослые, без трюсов....Ремонт, сука, утомляет!!!! И всё это под открытым небом.

В общем ремонтировались, параллельно ездили на вождение и стрельбы курсантов учить в качестве инструкторов по вождению и т. д. Больше всего из той учёбы мне понравилось водить БМП. Классная штука, если рассматривать с точки зрения мощности двигателя, проходимости и удобства вождения. Особенно было классно на 100-км марше. То есть каждый из закреплённых за боевыми машинами гнал на своей тачке 100 км по пересечённой местности. Аааааа ... Ваше было супер. Ветер и снег в морду, романтика, сука)))))) есть какие-то моменты, одни из самых ярчайших в жизни, которые запоминаются больше всего, так вот МАРШ — один из таких))))).

Пока служили, замполит батальона нас агитировал для поступления в училище. Многие хотели просто побыстрее отслужить и домой вернуться. Кстати, я забыл сказать, что срочную службу попал служить сроком на 1,5 года. Было такое время, когда осенний призыв набирали на такой срок службы. Так вот, вообще у замполита не плохо получалось и нас поступало в училище 5 человек одного призыва. Один сразу после того как нам подписали рапорты попал в госпиталь. Там он отпиздил двух солдат каких-то и ещё не успев поступить был отчислен и направлен в войска, причём в другую часть. А мы четверо благополучно начали проходить абитуру. Так действующие военнотружущие шли при поступлении без конкурса, то и абитура у нас была раньше.

16.08.2009

Автобиография. Северный город

Без описания.

nehochuha 1975

Помню, приехали с мамой туда вдвоем. Самый конец августа 1987 года. Я готовился пойти в пятый класс. Сестра осталась у бабушки на Урале. Поселились у родственников. Жили втроём. Ещё с нами туда приехал мой двоюродный брат, он ровесник моей сестрёнки. Денег не было, потому что мы с мамой сбежали от отчима, когда он был на работе. Просто собрали вещи, которые смогли унести в руках и сбежали. Об этом подробно в главе другой (почему и как)!!!

Денег почти не было. В куртке брата нашли 10 рублей!!!! Дома не было даже ни крупинки. Купили продукты, стали кушать хорошо. Жили мы тогда в квартире у маминого брата, а он тем временем был на «вахте». Обычно нефтяники, работающие на нефтяных промыслах работают вахтовым методом, т. е. 15 дней через 15, ну или неделя через неделю. Как руководство установит. Платили им тогда на севере огромные по тем временам деньги. Люди тут, даже простые водители, могли себе позволить каждые выходные летать на самолёте обедать в Москву или Ленинград. Средняя зарплата составляла 600—700 рублей. Дядька мой был руководителем среднего звена, типа бригадира, и поэтому получал немного больше. Что-то около тысячи!!!

Кое-как мы прожили несколько дней, осваиваясь на севере с мамой, потом приехал её брат с вахты. Привёз кучу рыбы (наловил). Блииин. Я такой здоровенной никогда не видел, ну т. е. не представлял что такая тут в реках и озёрах водиться и что её ловят на удочку или спиннинг. Язь, сорожка, щука. Её было столько много, что мы заполнили половину ванной!!!!!!!!!!!! Язи и сорожка были

по 1—1,5 кг, а щука от двух кг!!!!!!! Ну в общем... нам нужны были деньги и мы решили часть этой рыбы продать. Раньше же всё было проще, да и милиции тогда, наверное, было человека 2—3 на 30 тысяч населения. Поэтому вечером мы с мамой и младшим двоюродным братом пошли к центральному продуктовому магазину города. Там стояли железные ларьки, без окон и дверей, как прилавки с крышей. Ну короче вы меня поняли)))))) разложили рыбу... стали орать с братом как заправские торгаши!!! «Рыба, свежая рыба!!! Подходи, покупай честной народ!!!» Эффект был достигнут прямо на глазах!!! Короче, мы кг 10-ть рыбы продали всего за 2—3 минуты. Заработали рублей 30—35!!! Это было так здорово!!!

Наступило время идти в школу. Приехала тётка с курорта, со своим старшим сыном, это который МЯСО!!!! Буквально пару дней и вся любовь с её стороны пропала к нам с мамой. Какие-то претензии тупые и всё такое....в общем как-то раз....когда на улице в октябре уже лежал снег, точка кипения у тёти дошла до критической и мы с мамой оказались в подъезде дома где только что жили!!! Вышвырнула она нас из квартиры как паршивых котят!!! Нам даже одеться сначала тётка не дала. Я дык ваще был в одних носках без тапочек!!!! А в подъезде как на улице....МИНУУУУС (((((. Я не помню всех тонкостей ссоры взрослых, но факт тонкое дело — МЫ С МАМОЙ в чужом городе, без денег совсем и на улице!!! Идти некуда (((((((((((

Потом, через некоторое время, мама, поплакав, постучалась в дверь. Нам разрешили быстро собрать вещи и свалить. Мы так и сделали, собрались и уехали в старую часть города. Благо что деньги на автобусные билеты были. Доехали на рейсовом автобусе до маминой новой напарницы. Тогда мамка устроилась в котельную оператором и их в смене было две женщины и дежурный электрик-мужик... хороший такой дядя Юра!!!!

В общем тётю ту, пусть земля ей будет пухом, звали т. Люда. Она чистокровная украинка. Её семья жила в общежитии, которых в старой части города было около сотни....простые одноэтажные панельные строения, примерно по 30-ть комнат в каждой. В общем мы к ним зашли. Т. к. у них была большая семья, то все они размещались не в одной как все, а в двух комнатах. Короче их семья состояла из: папы, мамы, 4 дочерей родных, одной приёмной и ещё родного их сына. Ещё с ними жила бабушка. И ещё тут мы двое как снег на голову. Семья у них оказалась дружная, нас встретили как родных, приютили. Ведь тогда все дружной семьёй жили, русские и украинцы, белорусы и азербайджанцы... все-все....рождество праздновали с мусульманами и евреями, Ураза Байрам с русскими и буддистами... всегда все вместе. Вот представьте себе как все доверяли друг-другу, что даже оставляли ключи от комнаты под ковриком перед входной дверью... а бывало и такое, что вообще не закрывали на ключи, а просто подпирали чем-нибудь, палкой или верёвочкой вообще)))) так было... жаль что больше так не будет....раньше все были равны, а теперь все — из независимых государств и разных религий и политических взглядов (((((факккк ((((...

А что... мы с т. Любиным сыном ходили колядовать в дома к таджикам и узбекам, к азербайджанцам и дагестанцам....и вы знаете... нас ни разу не прогнали, а даже больше... нам всегда там денег больше всего давали и конфеты килограммами!!!! Мы мальчишками-пятиклассниками были довольны. Первый самый раз, когда колядовали после встречи нового 1988 года мы собрали 45 рублей вдвоём)))))) и кг 8—10 конфет и печения)))) всю семью накормили за три часа)))) даааа... времена тогда были хорошие, как их взрослые тогда не кленили....

дома кроме неё и картофельных клёцок больше ничего нет, даже хлеба месяц подряд — ЭТО КАКА!!!! Ташниловка одна (((((

Но чуть позже стало ещё хуже.....в доме были только макароны, изредка что-то другое... хлеба не было неделями, его просто никто к нам не привозил (((((видимо забыли про нефтяников на почти год (((((но иногда были и радостные по детским меркам дни. Приезжала фура из соседнего, более крупного города и привозила полную машину лимонада «ИСИНДИ». Кто жил на севере, тот знает, что это за чудо напиток... его пили все... и молодые и старые,...а просто другого ничего не было. Ну он на самом деле был очень вкусный. Кстати его меняли по очень выгодному курсу. За два ящика пустых бутылок давали один ящик лимонада!!!! Мы просто им обпивались всей «деревней». Ещё было и такое, когда не было большинства продуктов в магазинах, то взрослые обменивали талоны на эти продукты на сгущёнку)))) и у многих дома она хранилась месяцами во флягах по 10—20 литров. Её мы тоже обжирались, но потом также не могли смотреть на неё и постоянно угощали детишек из тех семей, кто недавно на север перебрался))))

Я поступил в 6-ой класс и решил заняться спортом. В соседней школе открылась секция бокса и я с радостью в неё записался. Со мной в неё пошли ещё два моих одноклассника, Лёха и мой брат МЯСО))) получилось так, что нас троих разбили на пары с родными братьями-азербайджанцами. Лёху с младшим, меня со средним, а МЯСО со старшим. Ну Лёхе первые месяцы тяжело было... попадало ему от напарника на спаррингах хорошенько. Я и брат мы были, может, посмышленнее руками махать и с братьями очень быстро стали орудовать перчатками на равных. Причём я только потом узнал что все эти братья занимались уже второй год. А мы только пару месяцев. Ну они были опытными уже по сравнению с нами и очень

крепкими физически)))) и вот однажды тренер объявил что в выходные будут соревнования в спортклубе и мы все должны хорошо постараться на спаррингах. Т. к. это был своеобразный экзамен для того чтобы попасть на соревнования на уровне города. Ну у нас с братом получилось хорошо....мы оказались оба чуть сильнее своих оппонентов и немного поколотили ребят. Но что сделал Лёха)))) пипец.....он всегда получал от напарника так сильно, что часто со слезами уходил с тренировок... ему просто было обидно, что он ничего не мог противопоставить противнику на спаррингах, а тот ещё иногда всё делал немного с издёвкой. Лёхаааа....только раздался удар гонга... начался бой... Лёха загнал противника в угол ринга и так его отхреначил)))) даже тренер офигел....у многих просто не было слов... противник даже ни разу не смог отбиться от атак Лёхи....в общем он выиграл бой меньше чем за минуту. Не оставив шансов своему противнику....а когда он спустился с ринга... все увидели его бледное, но до чёртиков ужасное лицо и бешенные глаза — все просто были ошарашены!!! И многим показалось, что Лёха и сам тогда был испуган не меньше побитого им напарника!!! В общем это было такое зрелище, которое он и сам то наверное до сих пор не забыл. Потом наступили трудности с временем для тренировок. Нас перевели во вторую смену и последний урок заканчивался впритирку с началом тренировки. Заканчивалась тренировка часов в 9-ть вечера и мне нужно было ехать в старый город на рейсовом автобусе, который к тому времени ходил примерно раз в 30—40 минут (((. В общем я физически не успевал заниматься спортом и учиться. Пришлось выбрать учёбу. Хотя я и учился первые четыре класса в центральной части СССР на одни пятёрки, то на севере я скатился сразу на тройки. Не знаю почему так произошло, но что было то было. Так закончился шестой класс, а в начале седьмого года обучения нас перекинули сразу в восьмой класс и сказали, что

мы будем учиться до 11-го))). С начала учебного года меня сманили одногодки в секцию дзюдо. А что, оказалось очень даже здорово! Только так как на севере были проблемы с поставками всей хуйни... такая же проблема была и со спортивным инвентарём. Поэтому первые месяц или два я не мог себе позволить кимоно и ходил на тренировки в школьном пиджаке советских времён. Знаете, оказалась очень прочная штука))) он так ни разу и не порвался, сколько меня в нём не швыряли на татами (борцовский ковёр). Началась моя быстрая карьера борца. Она просто летела ввысь... да так стремительно, что я сам даже удивлялся)))) может я тоже как-то сильно испугался как Лёха в секции бокса)))) гыгыы...ну не знаю точно...Вообщем начал я бороться... очень старался, изучил все основные движения, страховку, приёмы и начал драть всю свою весовую категорию в городе направо и на лево)))) Может это звучит как-то с моей стороны не скромно, но так было... и я просто хочу вам об этом рассказать... не для того чтобы выебнуться, а чтобы вы просто были гордыми за меня хоть на минуту, а мне будет приятно... я почувствую это))))).

Вообщем через три месяца я уже тренировался в другом клубе, а тогда это был не просто клуб, а уже спорт школа (ДЮСШ). И её возглавлял тренер сборной города по дзюдо. Через полгода я уехал на соревнования на кубок ВДФСО профсоюзов области и выиграл его в своей весовой категории. А в ночь до соревнований мне приснился сон. Будто я приезжаю домой после соревнований, стучусь в дверь и мне открывает мама. А на груди у меня висит медаль за третье место, и главное что не на ленточке, а на каком-то шнурке от обуви. Вот такой вот сон «в руку». Вообщем я привёз маме в подарок свою первую медаль за первое место. Потом были всесоюзные и всероссийские сборы, победы и поражения. Но через три года тренировок я защитил кандидата в мастера спорта по дзюдо и получил значок и удостоверение.

Но ещё через год я бросил спорт и щас расскажу как это было. Зимой, где-то в январе-феврале в нашем городе проводились соревнования по самбо среди юниоров. Приехал даже Казахстан и Беларусь. Участников было много, более ста человек.

За два дня до соревнований я заболел, сильно простыл и в последний день сборов не тренировался, т. к была температура под 40 градусов. Я лежал пластом на кровати дома. Приехало областное телевидение. Я проснулся в день открытия соревнований в поту и с температурой около 38. Опоздал на взвешивание, благо что мой Тернер был главным судьёй соревнований, меня допустили. В свой вес я влез, даже можно было попасть и в категорию ниже, но в моей не было ни одного кроме меня для защиты чести города. Я отборолся первый день нормально, хоть и было тяжело. Меня рвало после каждой борьбы долго. Во второй день я вышел в финал с парнем из соседнего города и проиграл ему всего два балла.....это не так много. Просто сил уже не хватило на последний рывок. В общем я занял второе место, но всё равно подтвердил что я не зря получил КМС. В минуты награждения мне за второе место не подарили наручные часы. Меня просто забыли. Я обиделся и больше не стал ходить на тренировки вообще. Тренер несколько раз приезжал ко мне в школу, заходил в класс во время занятий, беседовал со мной. Но я ему так и не сказал почему бросил спорт. Гордость видимо не позволила. Да если честно дурачком малолетним был. Сейчас все кто со мной боролись тогда и на мир ездили и на Европу и на олимпиаду... а я КМС ((((((не хватило силы воли признаться тренеру что я из-за часов тогда так.

А потом я начал курить, как и многие ровесники... сначала понемногу... потом уже сам покупал сигареты. И понеслось....вино начали по праздникам пить с одно-

классниками на школьных дискотеках и т. д. а мои товарищи по спорту развивались и я им завидовал. Меня и спустя годы звали обратно, но я уже обленился тогда.

Исполнилось мне 16-ть лет. Перешёл в одиннадцатый класс. Через две недели после начала учёбы меня исключили из школы!!!!!!!!!!!!!! Дело случая. Однажды на перемене мы стояли и курили под аркой школы с одноклассником. Он был ещё меньше меня ростом на голову, где-то 160 см. увидели лохов-девятиклассников. Со мной который был подозвал одного из них и сказал принести завтра в школу для него блок сигарет... тогда времена были такие... начало 90-х... сами понимаете. Вообще не принёс этот жиртрес сигареты, а рассказал всё своим родителям. На следующий день нас с парнем и родителями нашими вызвали к директору школы. Его отчим сидел, закрывал лицо и ржал над словами завучей и всего педсовета, а моя мамка плакала, редела крокодильими слезами. И вот итог. Он заставил принести сигареты малолетку, а меня исключили из школы. А он закончил школу и сейчас живёт в Германии. Может на данные обстоятельства повлияло то, что его мамка тогда работала директором Дома Быта. Я не знаю. Со мной не церемонились и на следующий день после педсовета меня пнули под зад.

Я оказался перед дилеммой — КУДА идти (((((((((((((. Везде уже началась учёба. Срочно поехали с мамой в ПТУ. Там работала директором хорошая тётка, которая раньше была директором в моей школе. Она меня взяла в группу операторов добычи нефти и газа. Там был срок обучения три года, но только спецпредметы. А это значит что у меня по окончании этого ПТУ не будет диплома о среднем образовании. Вообще я учился там меньше трёх лет. В первый же год меня мастер группы назначил её старостой. Я хорошо руководил ребятами. Среди них было много спортсменов из моего клуба и из моей сбор-

ной, они мне помогали если кто-то ебло своё открывал. В общем было нормально и у меня с физической подготовкой. На третьем курсе, перед Новым Годом мне пришла повестка из военкомата, прямо в день рождения, а оно у меня 30-го декабря. Я должен был явиться на призывной пункт 6 или 7 января. А ещё в те дни умерла моя бабушка, мамина матушка. После НГ мы поехали к ней на Урал на похороны. Военком дал отсрочку на 10-ть дней. После похорон я ушёл в армию. Проводы были скромными. Из взрослых только мамка и её подружка по работе и несколько друзей и одноклассников. А что было потом в главе об армии. Здесь я коснусь её лишь мельком.

В описанные мной ранее времена, в период с 1987 по 1994 годы наш городок был сереньким... стройка велась слабенько. Все дома одного цвета, «пермяковского» и «московских» проектов. Дороги в городе были плохие. В самом начале, когда мы только приехали туда жить он даже не был похож на город то (((...так... пародия. Сейчас конечно он яркий, дома все разукрашены во многие цвета радуги. Дороги хорошие, всё цивильно. Природа там классная, тайга)))))). Последние годы много грибов и я год, просто море всего. Кедровые шишки)))))) там вообще богатые края на витамины и всё такое. Я люблю этот город. Он меня вырастил и дал путёвку в жизнь. Там щас живёт мой сынок!!!! Надеюсь что из него я смогу вырастить достойного человека)))))) хоть я на большом от него расстоянии, я буду делать всё что возможно для него. Он там и родился)))))).

В общем я уехал в середине января 1994 года служить Родине своей. Попал на Дальний Восток. Через полгода из своей части подал рапорт о поступлении в военное училище. И поступил. В свой родной город за время учёбы приехал лишь трижды. Первый раз зимой 1995 года, и два раза летом в 1996 и 1997 годах. Так как отпуск был

умерла. Сестра учиться в школе в 10 классе. Офицерская зарплата не позволяет прожить одному, не то чтобы содержать сестрёнку. Принял решение сразу уволиться. В начале августа 1999 года я вернулся в родной северный город. К тому времени в том же городе познакомился с первой девушкой, которая стала моей женой))))). Через 4 месяца она со мной уехала.

Куда пойти работать молодому лейтенанту. Попробовал в ФСБ. Начальник хотел меня взять очень, но им не давали дополнительную единицу, поэтому я туда не попал. Конечно пошёл сразу в милицию. Взяли. Присился в уголовный розыск или отдел по борьбе с наркотиками. Было место в ГАИ. Согласился. Работа очень понравилась. Выделили отдельный кабинет. Первые 2—3 месяца ходил на работу как истукан. Не понимал чего делать, учить было некому. Узкая специализация была. ГОСты и СНИПы по строительству и ремонту дорог.

В этой должности я проработал почти четыре года. Жили мы с женой в маминой квартире. Сестра поступила в институт и жила в общежитии этого института в другом городе. В 2001 году мы с женой расписались. Странно как-то. Денег было немного. В ЗАГСе мы с ней были вдвоём и ещё мальчишка знакомый, которого попросили фоткать и снимать на видео. Кольца для росписи купили в ларьке «1000 мелочей». Бляяя...точно... так и было... какие-то железяки, которые через неделю потускнели (((но у нас были чувства, искренние, сильные, и было огромное желание сыграть свадьбу. В 2002 году родился мой сынок!!!!!!
!!

Такой лапочка!!!! Кровинушка моя!!!!!! О сыночке тоже хочу отдельно написать, поэтому просто скажу я его люблю больше всех на свете и за него свою жизнь отдам даже ни на секунду не задумаюсь!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Потом в ГАИ ещё сменил три должности. Всё мне нравилось, все должности. Работа в ГАИ вообще штука

интересная, психологическая. Большой поток людей. Приятно с вами всегда мне было работать. ЧЕСТНО. Не смотря ни на что. Я никогда вас не обберал. Я себе этого никогда не позволял. Трудно поверить — но это тоже факт. Иначе бы не работал в охране простым клерком.

В общем весной 2008 года я получил повышение и перевод в другой город региона и уехал туда работать зам. начальника ГАИ города. Через месяц получил капитана. Понравилось. Коллектив хороший. Просто не захотел уже дальше работать в милиции. Им меня не хватало. Я без них тоже скучал. Но в один момент понял, что не хочу больше жить на севере. И решил рвануть в Питер. Найти работу и перевести семью. Однако судьба распорядилась моими желаниями иначе. Я остался тут один. Развёлся и бросил сына. Отдал ему и бывшей жене всё что у меня было и приехал сюда к вам жить. Строить всю жизнь заново. Знаю что многое сделал не правильно. Где-то не дотерпел, где-то перегнул. Но я решил. Буду строить жизнь в 33 года заново, с нуля. И строю. А как это шас получается я напишу в другой главе эпопеи «Как я покоряю Питер».

Знаете друзья. Я пишу вам не для того чтобы вы меня отругали, не для того чтобы получить комменты, тем более не для славы. Хочу написать о своей пройденной части жизни как оно было на самом деле и понять для себя что я сделал не так а что так. Хочу вспомнить и понять кто я на самом деле. Ну и конечно же просто хочу рассказать о своей судьбе. А вам уже судить о ней!!!! А вообще... пишите в комментах что считаете нужным... мне всё будет дорого от вас))))). Люди... Я ВАС ЛЮБЛЮ!!!!!!!!!!!! И мне не страшно от того что вы меня нет!!!!!!!!!!!! И так счастлив!!!!!!!!!!!!

По-моему рассказа о городе не получилось толком. Больше о том как я в нём жил и что он мне дал.....я же не Грибоедов)))))) гыгыгы....вообще. Так надоело по-

стоянно быть на работе, в то время когда жена и сын были без меня.

16.08.2009

Автобиография. Весь мир — это ты

Без описания.

nehochuha 1975

Ты. Стоишь в своей комнате у окна. Шторы слегка распахнуты, только чтобы едва видеть ночь за окном. Твои глаза уже устали за целый день видеть всё новое и старое вокруг происходящее. Автобусные остановки и люди на них стоящие. Одни и те же и всегда разные выражения их лиц. Снова лица, уже в салоне автобуса. Потом пешком до детского садика и обратно в автобус. И опять домой по одной и той же дороге домой. Ты от этого устала всего. Каждый день как один пролетает и никаких просветов. Серость и пустота. Только единственное событие в жизни, что не может не радовать тебя при любом расположении духа — рождение и воспитание сына. Он всегда с мамой, когда ей плохо или хорошо. Когда грустит или смеётся. Всегда вы с ним вместе. Он твоё единственное счастье в жизни. Он никогда не предаст, никогда не обманет. Он часть тебя, даже большая. Ты так думаешь, немного грустишь, потому что этими мыслями просто не с кем поделиться. Ты молода, стройна, красива, интересна. Твой голос завораживает. Твой взгляд ошеломляет и умиляет одновременно. Ты умеешь себя преподнести всегда правильно. Ты как и многие девушки ведёшь свой электронный дневник где оставляешь свои мысли и желания, может быть самые потаённые. Кто-то ими гордиться, сравнивая со своими и думаю.....ёлки-палки, а почему я не могу хотеть чего хочет она??? Почему я не могу так писать или так думать, или слушать такую же музыку или даже писать такую. И оставляет свои комментарии. Кто-то перечитывает их по несколько раз. И долго думает над тем, что ты хотела сказать, что у тебя было в душе, когда ты это писала.

Ты всегда искала его, того мужчину, с которым было бы интересно, весело. С кем сможешь пройти ещё не раз огонь, воду и медные трубы. Ты знаешь кто тебе нужен и чётко представляешь себе его портрет и темперамент. Знаешь как он бы мог вести себя находясь рядом с тобой. Ты трезва всегда в таких желаниях, потому что ты выдержана и рассудительна. Ты знаешь «себе цену». Где-то даже немного высокомерна и смотришь на многих мужчин с презрением, потому что понимаешь, что всего что ты можешь и хочешь получить они тебе не смогут дать, возможно и из-за высоких требований. Возможно по этой причине с тобой рядом нет такого мужчины, о котором ты мечтаешь всегда.

Время летит. Ты часто подходишь к окну ночью, когда твой сынок уже укутан твоей материнской искренней и нежной любовью и своим тёплым одеялом. Он мирно посапывает в вашей кровати. А ты оберегаешь его сон. Ты находишься всегда рядом. Всегда. И каждый раз снова и снова подходишь к тому окну, чтобы понять что же там... что там в той тёмной и пустой дали. Ты задаёшь себе вопрос, а может даль не пуста, может там просто кто-то играючи с тобой выключил свет??? Всё может быть. Всё. Но только не с тобой. И ты это прекрасно знаешь и понимаешь.

Интернет. Хорошее, в меру, интересное и завораживающее изобретение человека. На сколько оно упрощает жизнь и общение на огромном расстоянии многим людям. Ты общаешься часто с разными не знакомыми тебе людьми. Чаще в «Одноклассниках», немного реже «Вконтакте». Оставляешь свои комменты к их фото, пишешь им короткие сообщения. Получаешь комплименты о своих фото и том как ты на них прекрасна и обольстительна. Кому-то отвечаешь взаимностью, но так, играючи. Зачем тебе они все. Таких воздыхателей и в реальной жизни предостаточно. К чему же ещё и виртуальные.

Ты знакомишься с ними, понимаешь что в чём то ваши судьбы, нравы, желания, занятия, да всё что угодно, любая сфера деятельности, немного схожи. И вот ты находишь её. Она красива, раскованна, обаятельна. По мере общения с ней ты понимаешь что вы чем-то похожи и внешне и внутренне. Вы друг-другу становитесь симпатичны. Возможно ты хотела в жизни всегда иметь такую подругу. Всё возможно. Ты рассказываешь без стеснений о своих предпочтениях в мужчинах, делишься сокровенным. Она отвечает взаимностью. Вместе с тем ты ведёшь переписку с мужчинами и молодыми парнями. Они тебе чем-то симпатичны, где-то ты ими польщена и растрогана от части. Но всё это фарс, ведь они далеки и не реальны. Нет их голоса, нет живой внешности, подвижной и разнообразно выражающейся в мимике, походке, фразами и всё кажется не настоящим. Что-то не так. Да всё не так. Всё это не то. Переписка. Да какая к чёрту переписка. Ты хочешь любви, хочешь его рук и объятий. Ты хочешь чтобы на тебя смотрели и чтоб ты могла смотреть. Ты хочешь дышать его запахом, который ты себе нарисовала в голове. Чувствовать его губы на своих. Чтобы его дыхание слегка щекотало твои уши. Хочешь каждое утро говорить «Доброе утро, милый!» но каждый раз просыпаясь утром ты понимаешь что его не было рядом. Он лишь в твоей голове и твоих снах.

Однажды твоя подруга тебе написала, мол есть один парень. Он хочет любить, хочет практически всё то же самое что и ты. Напиши ему, я его предупрежу о твоём появлении. Ты не долго думая написала, а подруга его ещё не успела предупредить.

Он. Приехал из мегаполиса для того чтобы развестись с женой. Ему хочется любви, которой он давно не может найти в своей супруге. Может он не там это искал, и может совсем не так как нужно. Единственное в чём он уве-

рен сейчас — он хочет получить развод и уехать. Хочет получить его безболезненно для всех, для сына. Которого безумно любит. Даже для бывшей жены. Просто отдать всё что есть материальное и окунуться с головой в новую, которую сам себе выбрал, жизнь. В которой нет места более сомнениям. Он знает что ему предстоит вынести. Но не может предполагать что его ждёт впереди!!!

Он получил твоё письмо. Оно было коротким, но чем-то привлекательным. И вот он сказал тебе «ПРИВЕТ». Пошил письма друг-другу. Летели с завидной частотой. Ты узнала многое о нём, но сама не спешила раскрывать себя. Твоей таинственностью он был очарован, но не сдавал свои позиции до конца. Ты давала ему информации о себе по не многу. Так что ему захотелось ещё и ещё. Ты сказала откуда ты пишешь, где живёшь, чем занимаешься. Рассказала о своём одиночестве душевном. Ему всё это было привлекательно, но он писал, что ему нужна немного другая и гораздо ближе находящаяся географически. Он испытывал несколько раз расставания и на долго это запомнил. Ему казалось, да это ОНА! Но расстояние его не до конца соблазнило. Месяц ты писала, всё ты делала правильно, всё как сделала бы самая лучшая, но он держался. Он был не преступен всё равно. И вот ты получила весть от него — он официально разведён! И едет в мегаполис искать счастье. Время разлуки с ним, что заняла его дорога в город «больших возможностей» тебя немного напугало. Но он как скоро смог так и вышел на связь. Переписка стала сумасшедшей. Столько тепла в ней и ласки, столько внимания. Столько нежности. Он не понимал что происходит с ним. Ведь это виртуальная девушка, живущая в другой стране, как это возможно. Ты стала для него МАГНИТОМ. Ни минуты разлуки, ни секунды без твоих писем и твоих слов он не мог терпеть и сам писал и писал, строчил как из пулемёта. Он ждал тебя часами в Интернете, только чтобы

получить от тебя «ПРИВЕТ. КАК ДЕЛА?»... и он та- ял и млел от каждого твоего письма. О боже... что ты де- лаешь со мной? Как это возможно. Ведь я совсем не знаю её, я даже не слышал ни разу её голос, думал он. Господи.....господи, что это всё значит. Что с моим разумом, куда он меня ведёт? Где она. Почему её до сих пор нет в сети. Может она меня уже забыла? Так, поиграла и бро- сила.....слёзы....слёзы взрослого мужика в подушку... он рыдал как ребёнок, но так тихо, чтобы его никто не мог слышать. Боже мой! Неужели она в сети....быстро пи- сать... что угодно писать лишь бы она снова не пропала... сердце колотиться в груди дико и так быстро словно го- ворю с ней а не читаю её строки. Ну почему она так мед- ленно пишет? Почему так долго идут сообщения от неё? Может что не в порядке с Интернетом? Может.....а может ещё быть что угодно.....тук... тук... тук... сердце... не оставляй меня....ты мне нужно....я хочу тебя ей от- дать....голова кругом уже. Как медленно... ну почему у неё только телефон, почему у неё нет Интернета в ком- пьютере?

Утро. Он не успев умыться включает Интернет. Где???? Где её сообщения??? Почему их нет??? Почему она молчит??? Час, два, три....ожидание смерти хуже са- мой смерти. В его голове крутится эта известная фраза так часто!!! Может он сошёл с ума? Да нет....наступает вечер....он искал на разных сайтах себе работу. Напра- вил много резюме. Ответа нет, так же как и от той пре- красной незнакомки. Что случилось с миром? Почему он перестал вокруг него крутиться. Почему он не может завертеть его и закружить по той привычной траекто- рии.....где же она????тук-тук-тук... бешенное серд- це... ты словно хочешь выпрыгнуть из моей груди....по- стой... не стучи так бешено. Ну наконец-то ты тут. «красавица, ты со мной сегодня на долго?». «Да, зав- тра же выходной! Я с тобой сегодня буду пока не усну».

Хорошо. Я так тебя ждал, я скучал. Я всё время проверял на всех сайтах и ждал хоть слова от тебя. Извини, у меня было много дел. Я раньше не могла. Хорошо.....
...тук-тук-тук... застучали клавиши его ноутбука и её телефона.....он не знал усталости и печатал, печатал, печатал.....вдруг, совсем неожиданно.... МИЛАЯ... Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!!!!!!!! Я без тебя жить не могу!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!! Я не хочу без тебя жить!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!! Дорогой, ты правда так считаешь? Да, любимая, несомненно. Я не могу уже это держать в себе!!!!!!!! Я ЛЮБЛЮЮЮЮЮЮ ТЕБЯЯЯЯЯЯ!!!!!!!! Я НАЗОВУ ТЕБЯ СВОЕЙ НЕВЕСТОЙ!!!!!!!! ТЫ ЭТОГО ХОЧЕШЬ????

Да, я этого хочу, скажет она...и вот обмен телефонами....дикое ожидание звонка... о боже, твой голос... как он обворожителен, как он сладок.....Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!!! И Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!!! А У НАС ДОЖДЬ. И У НАС ДОЖДЬ. А ЗНАЕШЬ, ЭТОТ ДОЖДЬ — ЭТО НЕБО ПЛАЧЕТ МОИМИ СЛЕЗАМИ СЧАСТЬЯ! Это правда? Да, крошка моя, это правда. А у нас уже солнце!!!! И так тепло на улице!!! Вот здорово!!! А теперь небо улыбается солнцем тебе, потому что я безумно счастлив от того что ты есть у меня!!!! Как хорошо, милый, что есть ты тоже у меня!!! Ты мой единственный мужчина!!! Я люблю тебя тоже!!!

И так казалось что эта сказка может продолжаться вечно. Это какое-то чудо чудесное. ГОСПОДИ, спасибо тебе за то что она есть теперь у меня!!! Умоляю никогда меня с ней не разлучай больше!!! Она — всё что я искал в жизни....как же я счастлив)))) как я безумно счастлив!!! Я пишу ей стихи, они просто выходят из меня как выдох, необходимый человеку, чтобы снова продолжать жить, чтобы снова набрать воздух в лёгкие и сделать следующий выдох. Сумасшествие какое-то, но такое сладкое!!! О миг, стань вечностью!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!! Я умоляю, время остановись, дай нам насладиться друг-другом

и вечностью рядом друг с другом!!!! Я умоляюуюуюую.....

«А ты бы хотел увидеться со мной?» Конечно, родная!!! Хорошо, я смогу к тебе скоро приехать сама!!! Невестушка моя, это действительно так? Да, конечно, это так. Я приеду к тебе на выходные и мы замечательно их проведём!!! Здорово, ты чудо чудесное!!! Я жду тебя!!!!!! !!!!!!!!!!!!! Я всегда жду только тебя, ведь Я ЛЮБЛЮ!!!!»

Две недели начали тянуться как-то медленно. Угнетало это вновь сумасшедшее ожидание! Минуты, часы, дни, как они тянутся долго. Как будто вечность прошла уже!!!

Еду на вокзал. Покупаю билет. Ехать ночь. 14 часов. И вот новая для меня страна. Новые нравы и порядки. Всё кажется размеренней и спокойней чем в РОССИИ. Возможно это первое впечатление. Но оно такое. Выхожу на площадь главного входа. Ищу остановку, про которую она говорила. Иду по подземному переходу. Бабушка. Продаёт тюльпаны. Да, они прекрасны, хоть и не полуметровой длины. Она их выращивала сама. Без всякой селекционной науки, без новейших удобрений и тем дороже! Купил букет. Она просила купить два, ведь всего столько их осталось у неё. Я ей ответил, прости бабушка, но у меня одна невеста, и второй букет мне ни к чему. Сел в автобус, потом на нужной остановке пересел на другой. Кондуктор подсказала где моя остановка. Вышел. Предо мной лес. И несколько тропинок. Домов с дороги не видно. Тук-тук-тук.....сердце... не покидай меня... осталось немного, самую малость... только 200 метров меня отделяет от той, что отдам тебя навсегда ей. И буду счастлив только уже за это!!!! Господи, хоть бы она была дома, хоть бы это была та остановка и хоть бы всё не перепутал....тук-тук-тук-тук-тук!!!!!! Сердце что ты делаешь со мной.....курю и стою на остановке! Хочу успокоиться. Да куда там к чёрту спокойствие)))))) я не хочу

быть спокойным, я хочу быть с ней, я хочу уже скорее увидеть её зелёные глаза, что смотрели на меня два долгих месяца с фотографий в «Одноклассниках». Господи, неужели я сейчас её увижу. Ноги и руки что-то затряслись. Мандражирую)))))). Иду медленно, но уверенности набрался и пошёл. На плече на перевес спортивная сумка. В одной руке цветы, в другой шоколадные собачки. Их я купил на вокзале своего города. Она сказал что любит шоколад, да и сыночку тоже будет в радость такой скромный гостинец из соседней страны))))). Вижу ворота. Большие. Любой легковой автомобиль проедет свободно. Смотрю у ворот вправо. Вижу дом с бедой крышей и спутниковой антенной))))тук-тук-тук.....медленно уже стало биться сердце.....стой сердце, не угасай.... Как же я без тебя... постой.....

По асфальтовой дорожке едет малыш, лет трёх на маленьком велосипеде. Рядом идёт мужчина лет пятидесяти. Делаю несколько шагов к ним навстречу. Господи. Это её сын, а рядом. Видимо, отчим)))))) тук-тук-тук..... РЯЗРЯД!!!!!! ТУК-ТУК-ТУК!!!!!! СЕРДЦЕ!!!!!!!!!! Дай мне вздохнуть поглубже... иду дальше и не понимаю что я должен говорить в таких случаях... просто иду навстречу судьбе и всё. Вижу в мальчике на велеке её сына с фотографий. Это точно он. Подхожу....на мгновение в горле пересохло.

Здравствуйтесь, этот мальчик её сын? Да, отвечает серьёзно нахмуренный мужчина.

А я тот самый, что приехал к его маме. Я из далека. Как я могу увидеть НЕВЕСТУ свою??? Вы знаете, её сейчас нет дома, она в университете. Господи. Она существует!!!!!!!!!!!!!! Она есть!!!!!!!!!!!!!! Она настоящая!!!!!!!!!!!!!!

Дальше состоялся разговор, из которого мы немного узнали друг и друге. Меня пригласили в дом. Я узнал те обои и тот диван, на котором моя любимая фотографировалась. Сын разделся. Немного стеснясь боится ко

мне подойти, отчим меня же никак не представил и он чувствует чужого дядю, которого никогда раньше не видел. Но через несколько минут осмелев всё-таки подходит, показывает свои машинки. Их много, модельки в основном. Мы начинаем понемногу ладить и играть....малыш забавный, голосок такой нежный, на мамин похож. Озорной пацан растёт. Неугомонный. Играем, здорово подружились. Парень осмелел и достал сам из моего пакета шоколадных собак и цветы. Букет отдал деду и наказал поставить в воду, чтобы не завяли....сообщает... и о маме заботиться, подумал я. Отчим невесты подумав спросил, знает ли она о том что я должен приехать. Я сказал что я инкогнито. Он ответил что надо позвонить предупредить что ты здесь. Я согласился. Звонит. Говорит к тебе приехали издалека. Хотят видеть тебя. Звонок прервался. Звонит отчима телефон, слышу обрывки его фраз. Говорит с невестой моей. Протягивает мне трубку... там молчание. «Алё. Ты правда приехал. Да, мы с сыном играем в зале в машинки.....смех....кажется она немного растеряна....ты правда приехал???? Да, я приехал, ты не рада? (вот дурак, что я несу.....) ...я скоро приеду, я уже еду, скоро буду дома, дождись меня!!!! Пип-пип-пип....)))))

Жду... проходит полчаса... её нет... терпения набраться не могу... говорю её отчиму.. **Я ПОЙДУ НА ОСТАНОВКУ И ЕЁ ТАМ ПОДОЖДУ...** малыш не хочет меня отпускать. Дядь, давай играть дальше. Я ему всё объяснил. Он меня понял. Ушёл играть один и ждать маму со мной!

Иду уже знакомой тропой. Курю, лихорадочно хватая воздух вперемешку с дымом.

Блин, где цветы?...точно, малыш же их забрал, шустрик! Ну вот. Теперь я точно жених-латыш!!! Дошёл до остановки. Сел на лавочку в павильоне. Нет, не могу сидеть. Вижу автобус. Подъезжает. Её в нём нет. Ещё ми-

нут 15. второй автобус. Господи, её там тоже нет ((((((. Что за испытания??? Я же уже тут... рядом... а где ты? Почему тебя так долго нет????

Примерно, полчаса прошло, а тебя всё нет. Третий автобус уже на горизонте. Гад, почему он так медленно едет. Открываются двери. Никто не вышел. Он начинает трогаться с места и вижу она выходит из последней двери. ГОСПОДИ... это ОНАААААА. Что ты со мной сделала, ещё не видев тебя я уже не могу представить жизнь без тебя совсем. А тут вот она. Живая. Настоящая. Ты идёшь ко мне. Снимаешь наушники. Ты слушала музыку в автобусе. Улыбаешься. Так робко обнявшись, потом сильнее и сильнее. Я не хочу тебя никогда больше отпускать, но понимаю, что через три дня уеду обратно. Мы молча стояли с минуту. Я не решился тебя поцеловать. Бляяяяяя. Вдруг я ей не понравился????????????? Что я теперь буду делать????? Что буду делать если она отвернётся и пойдёт.....да что за мысли. Что тебе ещё надо дурак. Она с тобой и это главное!!!! Ты сделал это, ты приехал. Она рядом. Ты же этого хотел все два долгих месяца!!!!!!!!!!!! Говорим, как-то робко. Что она мне шепчет. Я её не слышу. Я только смотрю на неё не отрывая глаз и ничего не слышу. Идём взявшись за руки. Обнимаемся. Как я хочу тебя поцеловать. Твои губы. Они так двигаются, когда ты что-то шепчешь мне. Я не смог сдержаться, я тебя поцеловал. Это божественный нектар. Гуляем по лесу, решаем где и когда встретимся. «У меня дома проблемы, мы сегодня не увидимся, но завтра я постараюсь, я очень сильно буду стараться. Я обещаю!» говорит она. Я немного расстроен. Идём вместе к её дому. Я забираю сумку. Еду в гостиницу. Весь вечер и всю ночь говорим по телефону. Часа в 4 утра усталость свалила полностью, да и она не меньше моего устала. Уснул.

Утром проснулся. Жду звонка. Иду на остановку. Встречаю. Целуемся долго, несколько минут, прямо

на ходу. Господи, она богиня. Она святая. Как она, такая вся самая лучшая на свете обратила на меня внимание? Я смущён. Я на седьмом небе. Я не иду — я лечу)))) я парю. Гостиница. Номер. Это не секс, это бешенная страсть и любовь. На обед — суши в постели. Прямо из рук кормлю её. Она не умеет есть палочками!!! Я тоже их держу в руках впервые. Смеёмся. Фотографируемся. Радеемся каждой минуте, проведённой наедине. Смотрим в глаза подолгу. Я не могу отвести взгляд. Не хочу уезжать. Хочу остаться, остаться навсегда!!

Наступает время расставания. Едем в автобусе. Всё время говорим, словно не можем наговориться. Провожая её до дома. Еду обратно в номер. Долго не могу уснуть. Представляю. Вдруг я не смогу её больше увидеть. Вдруг она не сможет или не захочет...что тогда? Что будет дальше....погружаюсь в себя....опять до утра говорим по телефону....столько нежности и ласки... столько всего и так много и всё сразу.....разве я не сплю??? Разве это не сон??? Разве это со мной всё происходит??? Да-да, идиот... это ты, и ты её видел, это она... говорит мне внутренний голос)))) Щипаю себя больно за руку!!! Блять... больно....понимаю что это всё было со мной... ЛЮБИМАЯ!!!!!!!!!!!! МЫ НАКОНЕЦ-ТО ВМЕСТЕ!!!!!!!!!!!! Утром опять встречаемся у автобусной остановки. Я с вещами уже. После обеда у меня поезд. Я должен ехать обратно. И мы оба это знаем. Гуляем по городу. Сдаём мою сумку в камеру хранения ж/д вокзала. Ржём над тётками, которые там работают))))). Заходим по пути в аптеку. Там удивительно редкий шедевр фото-рекламы!!!!!!!!!!!! Блять-ьььь...кто этот мудака что её придумал....я показываю ей картинку, точнее большой плакат на всю дверь. Два пенсионера, бабушка и дедушка. Оба в полосатых махровых халатах. Стоят к зрителям спиной, нагнувшись раком!!! Реклама какого-то препарата, способствующего лечению

старых людей в кратчайшие сроки. Что именно не помню. Но я прокрутив у себя в голове эту картинку представил лечение дыхательных путей пердежом. Комментирую это громко. Фармацевт, отпускавший лекарства невесте всё это слышит. Невеста ржёт, я валяюсь. Вообще спокойно мы из аптеки уйти не смогли. Смеялись ещё полчаса, даже когда ушли фиг знает куда, сели в автобус, там всё равно вспоминали этот чёртов плакат)))))) гыгыы.

Стояли в автобусе и обнимались, целовались. В толкучке только этого и хотелось. В общем провели время так чудесно!!!!!!!!!!!! Без подробностей. Я хочу ими с вами поделиться, но это ТАБУ. Она моя невеста. Это не художественная книга. Я не могу позволить себе рассказать всё. Я уважаю наши чувства и хочу их сохранить навсегда. Так что извините.

Наступило время отъезда. Она домой, я на вокзал. Я её вновь проводил к дому. Вернулся на вокзал. До поезда полчаса. Звоню ей. Говорим. Она плачет. Мне как «серпом по яйцам». Боль души режет горло и не даёт словам выйти наружу. Еле сдерживаю слёзы. А она ревет в трубку...**ТЫ НЕ ВЕРНЁШЬСЯ... ТЫ НЕ ПРИЕДЕШЬ БОЛЬШЕ....**пытаюсь её успокоить...**Я ЖЕ ЛЮБЛЮ ТЕБЯ....**я специально приехал к тебе для этого...я теперь всегда с тобой хочу быть... и мы будем вместе... всё равно плачет...сажусь в поезд... еду... до полуночи говорим по телефону... уже она упокоилась... говорим на приятные темы...пока не переехал границу с РФ... связь пропадает. Утром звоню. «Милая, я добрался нормально. Всё хорошо. Уже скучаю».....потом опять бесконечная переписка... бешенная страсть на мониторе... слова... сколько в них страсти и нежности... сколько бесшабашности, сколько фантазии....**ЛЮБОВЬ!!!!!!!! ЭТО НАСТОЯЩАЯ БЕШЕШЕННО-ФАНТАСТИЧНАЯ ЛЮБОВЬ!!!!!!!!!!!!**

Прошёл месяц. Мы ещё не виделись. Пишем друг другу. Работаем. Реже и реже созваниваемся. Причина —

не достаточно средств для существования с обеих сторон. Она теряет работу. Я тоже. Паника в переписке возрастает... глубокое напряжение и дикая депрессия от всего происходящего...паника (((((((((((((((неужели мы так и не сможем быть вместе???)? Всё больше и больше в голосе панических ноток ((((((боже, дай сил, умоляю... ..слышим со всех сторон ото всюду....да брось ты её, она тебе не нужна, зачем тебе чужой ребёнок???) Да он к тебе не вернется....он не будет за тебя бороться....гадость... какая гадость от близких людей в трудную минуту льется со всех сторон... её оставляют друзья... все... сразу...никому не досталась, кроме меня (((((((...все её бросили.....у меня нет поддержки....нас одолела паника!!!! Как будто весь мир сошёл с ума.....письмо.....прощай... я не могу больше так жить... я устала от всего... я ухожу.....молчание.....почему ты всё время молчишь????? Письмо... знаешь... мне надоели твои истерики... я хочу другого... я хочу спокойствия и ровных отношений....я теперь ухожу и больше не хочу тебя видеть и слышать... молчание... месяц прошёл... он тянулсяон был самым долгим в жизни, наверное.....

Понимаю....я не выдержал... я мужчина, а так легко подвергся панике... я не выдержал стремительно развившихся событий... это безумство.....тук-тук-тук.....сердце ...не покидай меня ((((((а впрочем... делай что хочешь... ведь его теперь некому отдать... остальные мне не нужны....ничего не хочу... просто буду жить, существовать... может как-нибудь проживу.....

ДУРАК... ЧТО ТЫ НАДЕЛАЛ???? ЧТО ТЫ СУКА НАДЕЛАЛ, УПЫРЬ....ЧТО С НЕЙ ТЕПЕРЬ???) Как она там???) Что она делает, как живёт теперь???)

Письмо... привет.....я полный кретин....я осёл (((((((пощади меня я умаляю (((((((пощадиииии..... статус вижу в одноклассниках « ЗА ТОБОЙ ПЕРВЫЙ ШАГ»

Почему-то не так

Это мой первый рассказ (хотя так назвать его тоже сложно).

арин

«Он каждый раз звонит... не знаю почему. И правда почему? Разве я не делала что-то такого, отчего ему просто не захочется меня видеть? Делала, не раз... и даже не два и даже не десять... иногда ко мне приходят мысли, что ему просто нравится эта игра (чем-то смахивающая на извращенные игры: я — госпожа, он — жалкий раб), но мысли эти уходят так-же быстро, как и приходят... Вот и сегодня он снова позвонил и назначил встречу, опять в том же месте, вернее в той квартире — у него. Сейчас ты думаешь: „да, двое людей не в силах пересилить влечение, только и делают что хентаяться“. Неправда. В том-то и дело — у нас не было секса. Мы ничего не делаем и почти не разговариваем, это начинает бесить... Хотя говорить что-то бесполезно...»

— Аня?! Аня?! Ты слышала, что я тебе сказал? — говорит он.

«Он что-то сказал? Да, я действительно немного ушла в себя... хотя сам виноват, он сделал это слишком неожиданно».

— Прости я не расслышала, — говорю я каким-то глупым голосом.

— Правда это ужасно? Если тебе что-то не удаётся хотя бы не выпендривайся, не говори что можешь... — сказал уставши, как будто он выдавливал эти слова из себя вечность...

— Человек всегда то, что он о себе думает, если думает что может пусть так и говорит, пусть показывает, а не боится мнения окружающих... я сама такая...

— Так изменись, — говоришь ты.

«Все, все, никто! Никто, не имеет права мне говорить что делать, не знаю почему, но это бесит меня в нем! Одна фраза, всего одна, раньше я терпела такое, но не с ним, почему-то не с ним...»

— Не говори так, я всегда такая, какая я есть — «и ненавижу себя за это» — я не изменюсь — «а вот за это я ненавижу себя ещё больше...»

«Вот теперь мы говорим много, но от части это только маты... Мы ужасно орём, бедные соседи... Я снова ушла, а ты... ты дома, но ты позвонишь... позвонишь... ведь знаешь, я гордая, я не позвоню сама... И мы снова поругаемся... и это будут снова самые счастливые минуты моей жизни. Иногда приходят мысли что мне просто нравится эта игра (чем-то смахивающая на извращённые игры: я — госпожа, он — жалкий раб), но мысли эти уходят так-же быстро, как и приходят... уходят в то время, когда я, поднимая трубку телефона, слышу: «Я люблю тебя СИЛЬНО, СИЛЬНО, СИЛЬНО, и если хочешь... прошу... приходи ко мне, сейчас... — тишина... гудки».

20.08.2009

Автобиография. Карьера в ГАИ

Без описания.

nehochuha1975

Вернулся я в северный город через 4 месяца, после распределения в войска. 6-го августа 1999 года я был уволен из рядов Вооружённых Сил РФ и выписку из приказа получил прямо на крыльце штаба военного округа. Месяц прождал расчётные деньги. В тот момент бородастое гандонство припёрлось в Дагестан грабить и убивать. Когда новости посмотрел — пиздец ахуел как сильно!!! Опять меня пронесло, подумал я (((но я хотел быть на войне!!! Я всем сердцем переживал за всех кто там остался на веке и кто вернулся со сломанными душами и психикой (((. Я выехал из города на север 16-го сентября 1999 года, а 18-го сентября мой полк подняли по тревоге и увезли на поезде в Чечню. Наш полк был сильно потрёпан в первую компанию. Он прикрывал всем не безызвестную Майкопскую бригаду. Многие офицеры старше капитана в звании все принимали участие в первой войне. О том, что тогда там происходило я на 4-ом курсе училища готовил большой обзорный доклад по предмету «военная история». И получилось на два часа рассказа. И это был ужас. Продали тогда всех наших на той неправильной войне. За большие деньги продали. Я разговаривал с офицерами в части. Ещё тогда, летом 99-го года, с их слов, на отстойниках ж/д вокзала Ростова стояли рефрижераторами с нашими с первой компании....НЕ ОПОЗНАНЫЕ!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!! Ну да ладно... я не об этом.

Приехал сразу с будущей женой в тот северный городок, откуда в армию призывали. У меня там от мамы осталась однокомнатная квартира. Вот мы в ней и стали благополучно жить и не тужить. Я пришёл в городской

отдел милиции и поднялся в отдел кадров. Показал выписку из приказа о моём увольнении из армии. Мне дали заявление, автобиографию и анкету и сказали через 2 дня принести эти документы заполненными)))))). Что я вовремя и сделал. Пришлось 2 месяца ждать пока пройдёт спецпроверка. Будущих сотрудников милиции проверяют через ГБ....как при совке)))) всё строго и конфиденциально ...гыгыы))))). Вообще когда пришло «разрешение» из ФСБ о том, что я нигде не запятнан, мне дали направление на медкомиссию, которая проводилась не каждый день в строго утреннее время и за 160 км от того места куда я утраиваюсь на работу. Советский, блять, парадокс.....он нас долго ещё ебать будет.. всю страну подбрасывать, сука (((((. Почему нельзя всё это на месте проводить — ХЗ!!!!!!!!!!!!!! Надо ещё стадо врачей-теоретиков и одновременно взяточников держать за каким-то хуем в отдельной такой клинике, которая ещё и не практикует, а только лишь занимается решением судьбы будущих ментов, будут ли уже они ими....и действующих будут ли они ещё ими!!!!!!!!!!!!!!

Вообще съездил я в ту поликлинику, решал тесты почти три часа с тупыми перефразированными вопросами, типа....писаетесь ли вы ночью???. Ночью ли писались вы???. И в таком роде. Некоторые вопросы по 4—5 раз повторялись в различных вариациях. Немного бесило. Ну, в общем я всё успел за один день. Через две недели мне позвонили из отдела и сказали, что меня приняли на работу. Так были места только в ГАИ, то и служить мне пришлось там. О работе ГАИ мне ничего не было известно. Меня пригласили в кабинет к начальнику ОВД. Там был уже какой-то толстый маленький мужик в жёлтой ДПС-ной куртке с усами. Начальник сказал этому «усачу» чтобы он меня довёз до здания ГАИ и уже начал меня обучать работе. Меня приняли на должность госавтоинспектора службы дорожной ин-

спекции и организации движения (контроль над качеством содержания дорог, улиц, дорожных знаков и светофоров и многое другое). И было это 04.11.1999 года. С того дня начался отчёт моей службы в милиции.

Стажировали меня не долго, примерно месяц. Человек, у которого я принимал должность сам имел опыт работы не большой. Тем более в тот год вышел новый приказ МВД, который регламентировал деятельность этой службы в ГАИ. Вот мне и пришлось ставить эту службу на другой бок. Мой наставник вскоре уволился и выехал за пределы города, кажется в Ставропольский край. И остался я со всеми этими ГОСТами и СНиПами один на один лицом к лицу. У меня был свой отдельный кабинет. Я работал в нём один. Он находился на первом этаже нашего здания. А само здание ГАИ было двух этажным блочно-панельной конструкции и по своей сути являлось прототипом общежития для нефтяников на месторождениях. А в нашем северном городе, как и во многих других из них делали офисы, жилые дома и всё, кроме общежитий для работяг!

Полы были довольно прогнившие и скрипели сильно. Недалеко от моего кабинета была дежурная часть. Там всегда был инспектор, который координировал работу нескольких нарядов ГАИ. Мне почти сразу в первый или во второй день выдали нагрудный знак сотрудника ГАИ и переносную радиостанцию. А так же таблицу позывных, чтобы я мог нормально общаться с коллегами в сети ОВД.

С начала декабря я начал самостоятельную деятельность. Практически автономную, т. к. мало кто в этом направлении деятельности шарил вообще и знал с какой стороны подходить к работе. В общем настали времена для меня в целом суровые. Я не понимал долго с чего начать работу. У меня на и в столе лежала хуева туча стандартов по дорожному и мостовому строительству. Какой

из них главный... думал я...в общем решил всё-таки раз я мент — надо учить административный и уголовные кодексы.

Пока мне установили испытательный срок на 2 месяца мне должны были платить без северных надбавок, а это значит что всего 3—3,5 тыщи по тем временам. Ну это копейки вообще. Примерно так же как щас тыс.6—7 в рублях. При том что моя будущая супруга не имела прописки тут, а соответственно её не брали никуда на работу. Так подыскивали разные шашки. Так и жили на 3 тыс. в месяц. Ну в принципе из еды была только мука и макароны, но зато всегда ((((((Денег я не занимал, потому что если с такой ЗП ещё и долги отдавать, то вряд ли протянуть было до следующей не занимая вновь. Впрочем, кажется занимал у коллег по цеху.

Здание ГАИ находилось на территории, которая была между промышленной зоной города и её спальной части. Рейсовые автобусы туда ездили. Сначала я ездил на автобусах. Остановка была прямо у ГАИ. Так чтобы людям было удобно. Потом меня стали забирать коллеги. На обед и с обеда тоже подвозили на работу.

Тогда у нас не было начальника ГАИ, а был его зам, который исполнял его обязанности. Хороший довольно таки мужик, как оказалось на 2 года меня старше всего. И как начальник он тоже клёвый был. И вот наступил момент когда меня позвали в сауну поехать всем коллективом. Я охотно согласился. Мне сказали что денег раз нет, значит не скидывайся, мы сами всё притарим))))). Там, куда мы поехали была хорошая сауна, с бассейном. Там был завод по переработки газа, попутно добываемого вместе с нефтью. Вот там руководство для себя на его территории эту сауну и забабахала))))). В общем всё как в «Особенностях национальной охоты»...много водки, много еды и суровый мужской коллектив))))). Набухались, напарились в сауне.....всё как у людей....тогда я

увидел сколько менты настоящие пьют... и не только увидел))) сам стока же выпил!!!!!! Домой от меня приехала никакашка)))))))))). Хорошо, что на следующий день было воскресенье, одним словом!!!!

Близился конец 1999 года и в конце декабря мне принесли форму отчёта, которую я должен был заполнить. Мне показал начальник ГАИ как и что считать. Я его три раза переделывал. Вот кстати есть такая поговорка, что в России две беды: дураки и дороги. Это не всё так... ещё третья беда есть — — -ТУПЫЕ И ОГРОМНЫЕ НИКЧЁМНЫЕ ОТЧЁТЫ. Которые я считаю придумывают вышестоящие начальники для замыливания глаз руководству ещё выше и т. д. вверх по цепочке... ну потому что я видел отчёты и за город наш, и за регион... и за государство... такое это всё гавно, ребята (((. Думаю так же всё и в других ведомствах и структурах государевой службы... такое очковтирательство, пиздец всему ((((((((((. Каждый в маленьком городишке или райончике наврёт и отправляет в региональный центр. Там ещё от себя что-то исправят, добавят или отнимут и дальше.

На самом деле все эти попойки и бани не были панацеей или чем-то ещё важным. Главной целью было успеть по трезвому решить все важные вопросы в коллективе вне службы. Хорошие тогда мужики работали, Федя, Алексей, Генка, Олег, Вадим... и много ещё кто в те годы ждал пенсии или просто уволился по собственному желанию. После Нового Года администрация города нам, типа, выделила здание нормальное, а денег на его ремонт почти забыли перевести. Типа ну вы же гайцы... давайте уж сами как-нить ебитесь... вообще двухэтажное здание. Нам отдали первый, а на втором уже несколько лет сидели муниципальные транспортники.

Спланировали с начальником ГАИ схему размещения помещений. В общем пришлось попотеть... сносили стены, возводили новые, всё что сломали грузили в само-

свалы, при всём что на улице стояли крещенские морозы, а помещение было слабо отапливаемым. И ещё всё это делали мы в выходные дни или сразу после окончания рабочего дня (чаще так).

Так мы прозанимались больше месяца. И вот наступил момент переезда. Грузились и переезжали долго. Все выходные. Каждый уже знал где будет его кабинет. Мой был под номером 11. почти напротив входа в здание. Ремонт получился не плохим. Подвесные потолки, стены «защиты» под дерево. Мебель правда пока всю старую привезли.

Где-то в начале февраля стали функционировать в новом здании. Народу попёрло — вассееее))))). Казалось что многим было просто интересно поглазеть на ремонт и новое здание.....так почти и было. В общем ко мне в кабинет ещё посадили тётеньку из Бюро Добрых Услуг))))). Т. е. та, которая печатает заявление и всё такое... почему Бюро — у неё вход в программу регистрации был ограничен возможностями печати заявлений, справок, других бланков не строгой отчётности, ну то есть она в саму базу данных экзаменов и транспорта доступа не имела, а лишь вносила нужные данные в буфер на сервере....так вот её ссылка и называлась БДУ. Ну вы сами представьте... сидит тётя у меня перед глазами и к ней не зарастает народная тропа (((((это бля испытание было пиздеееееец ((((. У меня ж типа творческая работа, можно сказать философская!! А тут придёт гундос сука и блеет у тебя в кабинете перед Надеждой... это хорошо если он славянин... а если ара, бля)))) ...я иногда встревал в тупую перепалку с такими идиотами. Не понимал ещё смысла работы с людьми, что всё должно быть по-другому с моей стороны. Однако всегда я был предельно корректен.

Слава богу так не продолжалось больше дней 10-ти. Надю пересадили в отдельную лачужку и к ней все очере-

ди мира стали стекаться, но меня ещё месяц будоражили вопросами не я ли случайно печатаю заявления.))))))

В общем я решил заняться организацией движения в городе. Сам достаточно внимательно изучил ГОСТы по знакам и светофорам, а так-же СНиПы по ремонту и строительству дорог и мостов. Наступала весна. Она конечно сильно отличается от той весны, что бывает в центре страны, т. к. снег тает только в мае. Я изучил все письменные пожелания жителей, администрации и наши, ГАИшные. И пришёл к выводу что происходит какое-то хуеплётство словесное.... И никакого изменения в лучшую сторону для людей. Я зол ...ох блять как зол был тогда. Это я про первую жалобу на меня в прокуратуру. Был такой комуняка в северном городе Заяц... условно его так назовём. Магазин его оргтехники находился в одном доме с квартирой мэра Иванова. Гандила ещё тот кнешна, но он гражданин же....напротив входа в его магазин была стоянка машин на десять. Её и дом разделяла полоса шириной метров 25, которая состояла из газона и тротуара, довольно таки широкого. Когда Иванов стал мэром он запретил всем жителям города пользоваться этой стоянкой, видимо не хотел чтобы его чуткий сон кто-то нарушил в ночное время. Ну не мог он себе в этом отказать))))). Заставил моего предшественника установить там знаки, запрещающие остановку и стоянку. Вот Заяц, видимо подумал таким образом на меня «наехать», мол я ж молодой и всё такое. В жалобе просил прокурора отодрать ГАИшников и мэра за эти знаки....в общем я каким-то Макаром ещё умудрился жалобу оставить без удовлетворения. Дело в том, что в том районе ещё и пролегал маршрут между банком и РКЦ города. Тогда уже во всю полыхала Чечня во время второй компании. И приказы и директивы антитеррористического характера всё сыпались и сыпались из центра. Там запретить, тут улучшить, там углубить и закрепить...

в общем пипец за пипцом!!!!!!!!!!!!!! Подстава подстав!!!!!! Ну вот одна из таких директив и уточняла то, где было запрещено временно, до особого распоряжения, стоянки и остановки транспорта....в общем моя ИЛИАДА с Зайцем только ещё начиналась....всё ещё было впереди... самое фкусненькое))))). (у него ещё был младший брат и зять!!! Собрались в кучу три козла.)

В общем, я пересчитал тогда все знаки и светофоры в городе, установил их потребность в новых, обошёл все улицы и дороги в городе пешком за всё лето по несколько раз. Машины служебной у меня тогда не было ещё. Как раз в тот момент прошли выборы мэра и Иванова нахуй, а вместо него пришёл еврей. Иванов хоть ар гонял, а еврей какой-то сука «лысый» попался. Бывший генеральный директор энергетического предприятия))))). Там баб-ло нормальное всегда водилось.

Вроде начала его команда работать, или создавать видимость работы. Мы стали свои претензии на бумаге излагать, мол это предприятие не выполнило столько то, то предприятие не делает столько то. Вроде стали собирать комиссии по БДД города. Там вице-мэр председателем был, а наш начальник его замом. И вот однажды сам мэр решил поучаствовать в такой комиссии. И даже для этого предоставил свой кабинет. А осень тогда выдалась снежная... уже в середине октября снега было дохера, а у коммунальщииков для чистки дорого в микрорайонах был всего один трактор, на 10-ть микрорайонов и куча баб с лопатами!!! Ну вот и решил я показать свою осведомлённость в подконтрольной мне сфере и изложить на данном совещании. Так случилось, что мы с начальником сидели по одну руку от мэра, а все гражданские, а это 100% муниципальщиики, по другую. И я был к мэру ближе чем мой шеф))))). Подставил, гад!!!! Я проявил решительность и непреклонность и изложил всю проблему, мол не успевают они, снега много, прогноз такой же

на всю зиму, в ночное время ваще нихуя не делают и всё такое... ну в общем директриса той структуры, что руководила всеми ЖКХ города, слегка стала подванивать потом. Ну потому что мы пару раз через мэрию вставляли пистон некоторым чиновникам, да и сами так на дороге прессовали по-хозяйски. И видимо она этого испугалась. Аааа, ещё телевидение нефтяной компании было и телевидение администрации. А так же 2 городские газеты. Я думал шас Оскарыч (мер) порвёт эту вредную и скверную бабушку и чуть было не возрадовался этому. Ну хотелось же как лучше, чтоб ты мог встать утром и не заебался откапывать машину, чтобы поехать на ней на работу, или ты чтобы ребёнка в детсад пешком мог отвести спокойно, а не ползти по тротуару по пояс в снегу... так то оно так думал я...но вот еврей то блять и умирает евреем. Вообще он как на дыбы встал и попёр буром на меня....и такое ощущение что уебать хотел, но не достал!!! Я слышу в свой адрес: «Что ты меня учишь работать и всё такое!!!» В общем заручившись однажды поддержкой мэра перед выборами мы её так же неожиданно потеряли как и нашли!!! А эта мымра старая хихикала в уголке, как маленькая девочка, напакостившая пока родителей не было дома. У в общем ещё два года она была при той кормушке руководителем, но вскоре это управление упразднили и всё-таки я её выдрал как суку последнюю при первой же возможности... так она в других предприятиях работала... вот по закону ей и по делам воздал я А не ради мщения... просто много раз она кидала кучу людей хороших и ей всё аукнулось.

Я продолжал бороться за свою правду. Закидывал мэрию представлениями о недостатках в содержании дорог. И такое ощущение что эти бумаги все в корзину падали, не доходя до мэра. А может и он их даже не читал. Сложно это было проверить тогда. Я работал на покладая рук, и вновь и вновь мне отказывали в участии в совещании

при администрации города. Я много требовал, всех дробил....а всё ради людей, думаю поэтому и проходил старшим лейтенантом почти шесть лет (при положенности в 3 года). Такие как я видимо были не угодным ни моему начальству ни градоначальникам. Я набирался опыта быстро, потому что мне было всё интересно. Я везде лез где только мог. Всё что касалось моего направления деятельности я никому спуска не давал. Но мне хорошие люди рассказывали с каким смаком меня в администрации обсуждали, поливали помоями и так далее!!! А мне было пох... мне нравилась моя работа, и я её делал лучше всех во всём регионе. Я так заебал мозги муниципальным дорожникам и мэрии, что они через год сдались, и статья в бюджете города на ремонт и содержание дорог значительно пополнилась и в том числе из средств губернатора-вседержителя.... Потому что я и руководству в регион своему писал. Там тоже в правительстве региона кое-кому пальцы в дверях иной раз прищемляли!!!

Так вот администрация согласилась даже дать денег на разработку проекта организации движения в городе. Ну это такой строительный документ, в котором указаны все дорожные знаки и разметка в городе и всё имеет там техническое обоснование. Ну просто должен был кто-то начинать порядок наводить в этом деле. Вот мне и пришлось этим заниматься. Приехали спецы из Омска и мы в общем неделю делали с ними всё чтобы скорее всё закончилось. В общем они потом уехали обратно к себе в институт и стали уже заниматься графической частью проекта. Скажу так... эпопея с этим проектом длилась почти три года. То денег потом неожиданно не оказалось, то проблемы другие начались в администрации города. В общем всех нахуй устраивало ездить по городу с тупыми знаками и режимами светофоров, а так же тонуть каждые весну и осень на дорогах и тротуарах в связи с отсутствием ливневой канализации.

В общем проблем хватало.

А было и такое. В 2002 году, летом, когда сын с женой были у тёщи мне поступило предложение с городского телевидения о том, чтобы снять обо мне документальный фильм... ну просто как о человеке со своей судьбой и т. д. была там раньше у них такая рубрика ежемесячная. Ну я согласился. Снимали дня 3—4. Мне понравилось, клёво как-то себя ощущать в роли звезды, если так не часто))))). Получилось не плохо. Фильм этот раза 4 показали за месяц. Весь северный город узнал обо мне. Что я вот такой вот там живу. Жаль только что вот не записали его мне на видеокассету тогда. И до сих пор теперь меня завтраками кормят телевизионщики....гады (((. Сыну бы щас вот можно показать. Уже взрослый и всё понимает.

Кроме своей работы существовала ещё побочная. Например, дежурили на посту ДПС по графику. Выходило по трое суток в месяц. Ну это так, чтоб мы сильно не скучали в кабинетах по дороге... как говорили многие «руководители». Дежурили на избирательных участках, когда там хранились бюллетени. Ходили по квартирам и домам и проверяли как себя ведут ранее судимые, как храниться оружие у охотников. Проверяли как и где живут чеченцы и ингуши, а так же все кто к ним приехал из СКР (северокавказский регион). Вообще чем бы милиционер не занимался лишь бы заебался. Так считали некоторые начальники городского отдела, коим ГАИ подчинялось.

Однажды был случай. Поставили работать меня в экипаж в городе с молодым инспектором. Дали «девятку» и маршрут патрулирования. По радио станции слышим.... изнасилование в дежурную часть заявили. Мол девушку 15-16-ти лет в районе аэропорта отжарили два взрослых мужика в своей машине, их приметы дали, машину и т. д. ну мы быстрее всех проехали по адресу. Один из мужиков был по национальности татарин. Звоним

в дверь. Жена открыла дверь. Где муж, спрашиваю. Нет его, пьёт где-то. А что его ищите, спрашивает она. Да, говорю подозревается в изнасиловании несовершеннолетней. Она как в панику ударилась))))). Убежала от двери... сама маленькая ростом и худенькая, лет 35. притащила мужа сонного из спальни за шкирку, и ведь разбудила его)))) ...короче приняли мы его с напарником. Привезли в отдел. Передали в дежурку. Приехал следак прокурорский, пообщался с потерпевшей, с пьяным татаринном... следственная группа составила все необходимые документы. Как оказалось потом, этой девочке 19-ть лет уже было тогда. Купалась на озере. Домой решила ехать на попутках. Остановила машину легковую, пятёрку, по моему. Там сидели «наш» татарин и его какой-то друг. Они ехали с работы. Уговорили тёлку искупаться, типа жарко и всё такое. Доехали до следующего озера. Там бухнули. Девочка дала им всем сразу. Толи с пьяну, толи с испугу. В общем её никто не бил, ни одного синяка у неё не нашли. Ну короче прокурорские отказали в возбуждении уголовного дела за отсутствием события преступления (((. Ни хуя не было, так можно сказать.

Так я проработал в этой должности до начала февраля 2004 года. Пока учился этому делу параллельно изучал компьютер. Научился быстро набирать текст. Вроде бы ничё особенного, но до ГАИ я вообще с компьютером не виделся, кроме как в школе с 286-ой айбиэмкой))))). (ВОТ ЩАС ПИШУ КНИГУ, А ПО ТЕЛЕКУ ИДЁТ МОЙ ЛЮБИМЫЙ ФИЛЬМ О ЛЮБВИ «ВАМ И НЕ СНИЛОСЬ.» обожаю этот фильм) ...ну ладно отвлеклись!!!

В то время наш начальник ГАИ решил подать в отставку и перевестись на должность в нашем же ГАИ на ранг ниже. Мотивировал тем что хочет жить немного спокойнее. Я его понимаю теперь, когда сам понюхал порошу руководя целым ГАИ города. Он перешёл

на должность старшего в регистрационно-экзаменационной деятельности. Ну это там где машины регистрируют и экзамены на право вождения сдают))))). Вот и меня в начале февраля позвал к себе. А мне нужно было то всего перейти в кабинет напротив. Там работало 3 офицера и три паспортиста-женщины. Они были вольнонаёмными, но пантов в них было больше чем во всех остальных вместе взятых. Так то тётки хорошие, их просто давно в кабинетах никто на место не ставил. Просто они привыкли что к ним с конфетами и шампанским подкатывают и т. д.

В общем я взялся там за дело. Было два кабинета и архив. Начальник (бывший, назовём его Шура). Так вот Шура сказал чтоб я порядок наводить начал в этой клоаке, так как он с лета собирался уходить на пенсию. Второй Саня, который тоже регистрацией занимался уже был на пенсии и тоже мне все бразды правления передал. В общем они занимались текучкой — принимали и выдавали документы и делали отчёты. А я занялся «административными» реформами, стал карающим мечом правосудия для паспортисток!!! Я не феминист, но блин нельзя так борзо себя вести со своими начальниками. А девки даже пытались меня застроить....ахуеть попутали они))))). В общем я им сказал, кто ещё хоть раз вонючку откроет — под хуй и на волю!!!!!!!!!!!!!!!!!!!! Сразу притихли, перед этим Алка поплакала на публику!!! А ещё меня много чего поразило, когда окупнулся, казалось в знакомую структуру. Однако — не тут то было!!! Вроде одно здание, одно ГАИ, а в тех двух кабинетах своя возня, причём незаметная от всех.

Так вот...девок построил... так я подумал, но они так не считали. Прихожу как-то я утром на работу — кабинет, где был архив — открыт (((((((((((((((((Пиздец думаю... Шурик в отпуске, Саня никогда раньше меня не приходил... у дежурного спросил кто пришёл — грит

бабы ваши из РЭО. Расскажу щас почему я так удивился, что кабинет без меня открыли. Вообще оба кабинеты находятся под охраной на пульте Вневедомственной охраны МВД, ну нашей ментовки тобишь))))). Каждый день я уходил из кабинета последний, закрывал его на ключ и ставил под охрану на пульте. У нас в дежурной части был маленький пульт. Туда я вводил код после включения сигнализации, после чего звонил на пульт охраны и говорил свою фамилию и говорил ещё одни пароль. Утром, когда приходил на работу так же вводил пароль в пульт, звонил и всё тоже самое, как и вечером!!! Короче, тётки не знали ни пароля ниуя вообще, а просто тупо ключом открывали дверь входную и заходили. А я в тот день пизды получил от начальника ГАИ за то что они вошли вперёд отключения сигнализации. В общем баб опять пришлось застроить. С тех пор как только раньше меня приезжали — стояли сучки и ждали меня. Или когда другой кабинет с охраны снимут.

Через неделю после нахождения в этой должности я разобрался с архивом. Там хранились новые номера и чистые бланки строгой отчётности. Я выбрал все номера, зеркальные, с двумя нолями и все, которые были «валютой» для начальника ГАИ и многих других. Я их просто спрятал... там же в архиве... никто кроме меня не знал где они лежат...не подумайте... я не пытался свергнуть царя....просто многие из «старослужащих», вместе с начальником ГАИ решили меня всерьёз не воспринимать... вот и я решил сказать веское словище своё))))). После этого я такой сразу стал «весомый»))))))))). Даже начальник ГАИ у меня спрашивал когда можно будет номер другу дать))))))))). Да не суть важно. Быстро я в работу влился))))). Скока мне денег предлагали!!!!!!!!!!!! Ужас!!!!!!!!!!!! Не сосчитать!!!!!!!!!!!! А я не брал!!!!!!!!!!!! Никогда....я не кристально чистый человек, однако это было не для меня....

Работал в той должности не долго, месяцев 8-мь. Была куча доброжелателей и откровенные подставы.

В мае 2004 года приехала ко мне проверка из регионального ГАИ. Три рыла, которые пьют и жрут без меры и не скромничают. Мои «позиции» среди местной элиты северного города, к моменту приезда проверки, слегка упрочились благодаря личным качествам, но в большей степени благодаря занимаемой должности. Всё это было ради взаимовыгодного существования обеих сторон. Они меня спонсировали в том числе и для «встречи» таких вот делегаций с проверяющими, а я им помогал по службе. Кому номер «блатной», кому с экзаменами помогал. Так и жили я и некоторые люди нашего города, считающие себя «могущими»!!!

Проверяющие начали пить ещё с дороги в наш городок. И когда приехали к нам Саша сутки с ними пил и больше не мог. По приезду «сдал» мне их и ретировался, ссылаясь на больное сердце и кучу выпитого «ВАЛИДОЛА». Типа я буду принимать документы и так далее, а ты сопровождай проверку, где надо, сказал мне Саша))). В общем меня тогда дома почти четверо суток жена не могла найти. Я приходил спать на часа 3—4 в день и сразу опять к ним. Пили прямо с утра до поздней ночи. Помещения и деньги предоставляли не менее заинтересованные в положительных результатах нашей проверки люди. Они тоже получали у старшего из проверяющих определённые документы в региональном ГАИ для процветания своего легального бизнеса. Просто могла быть для них там создана искусственная ситуация по временному отсутствию необходимых документов, что существенно тормозило развитие части их бизнеса в городе. Поэтому они были за меня «ГОРОЙ» тогда. А вообще проверяющие были не плохими людьми, только в некоторых городах их баловали через чур радушными встречами.

Был и с участием моего проверяющего один случай, который в скором будущем напрямую повлиял на мою карьеру в ГАИ (((((. В тот день проверка уже не пила и они сидели в моём офисе и проверяли хранящиеся в архиве документы. Честно, как должны это делать. Можно сказать с пристрастием. Я всегда находился рядом со старшим целый день. Примерно часа в 4 вечера ко мне в кабинет заявился офицер из ОВД... начальник службы ППС в ОВД. Всё что он говорил, было в присутствии проверяющего меня офицера из регионального управления ГАИ.

Командир ППС предложил мне сделать следующее. У него на руках было водительское удостоверение старого образца, книжечкой ещё. Такие заполняли раньше вручную. Срок этого удостоверения истёк ещё за полтора года до того как он мне его в тот день показал. Так вот... он мне показал все необходимые документы для обмена водительского удостоверения (далее — ВУ). С такими «книжками» в современной работе ГАИ куча проблем всегда. Сейчас объясню. В общем сейчас при выдаче или обмене ВУ все данные вносятся в специальную электронную программу, данные которой потом направляются в центральный архив МВД. Так как старые ВУ заполняли вручную, да ещё и компьютеров тогда с такими программами не было, то все вопросы о проведении проверки подлинности такого бланка выясняли так же в ручном режиме. Т.е. тупо писались и посылались запросы в те ГАИ, где их и получали люди эти ранее. А это часто бывали ГАИ, которые находились уже в других государствах (СНГ). То есть... это делалось для того, чтобы кому-нибудь не выдалось новое с другими... или дополнительными категориями, то есть вместо «В», например «ВС». Получается незаконно выданное ВУ — возможен и срок за это!!!!!!! Прокурорские или УСБшники этого только и ждали всегда. Так вот

при выдаче ВУ кроме того что раньше составлялась специальная карточка на его владельца, ещё данные о его выдаче вносились в специальную книгу — РЕЕСТР. При том не важно сколько в реестре осталось чистых страниц, по истечении 3-х лет с момента его заведения это РЕЕСТР сдавался для хранения в архив регионального ГАИ. Пипец запутал, да???? Я к чему рассказываю такие подробности чтобы вы поняли в чём смак истории. В нашем случае, ВУ того командира ППС выдавалось вручную и нужно было писать запрос в ГАИ региона. А человек, который обрабатывал такие запросы в регионе в этот момент сидел у меня в кабинете и проверил мою работу и ещё был там у меня 4 дня. Ещё тот ППСник мне сдал один документ в руки с подделкой. Там была приписана категория «В». То есть мы ему должны были выдать новое ВУ с категорией «С», а он хотел «ВС». Вдобавок этот ППСник ещё и молдаван. И ещё ему нужно было всё это сделать за 2 — 3 часа, как он пожелал того ((((((. Типа он мент, я — мент, а все менты — друзья и всё такое. Ну в общем я ему объяснил, что если я у него сейчас под роспись приму документы, то ему светит 3 года за подделку.....ну как минимум его бы из милиции пизданули восстанавливать сельское хозяйство!!!!!! Но, блять, он же МОЛДАВАН, сука!!!!!!!!!!!!!! Он на меня буром попёр, типа вы тут в ГАИ все охренели, мы там грудью на амбразуру преступности, а вы тут в кабинетах как в тылу))))). Проверяющий сам увидел эти документы и тоже самое ему повторил!!! А ему похуй... он бля, видите ли рано утром хочет на машине с семьёй в Молдову ехать... да ещё за рулём. А с просроченным ВУ его таможня и погранцы не пропустят))))). Ну в общем «ТУЗ» блять козырный ко мне пришёл на приём и хоть ёбнись для него!!!! Проверяющий ему объяснил, что если войти в его положение и решить ему помочь, то это просто физически

не возможно. Потому что запрос по подлинности его ВУ нужно посылать в регион, что кроме проверяющего этот запрос никто не сможет обработать и проверить, т. к. проверяющий шас не у себя в офисе а в нашем северном городке. А МОЛДОВА ни хуя так и не понял, обиделся и ушёл. Послал я его с такими документами куда подальше... он уехал в отпуск на поезде или самолёте, но точно не на машине. Полтора года ездил, казёл, на просроченных правах а мне пришёл предъявлять, сука. В общем через неделю мне звонит один из замов начальника милиции и меня трёхэтажным матом кроет... тот же пурген несёт, что мы, ГАИшники, ахуели в кабинетах и всё такое... через пару дней я уехал в отпуск. Отпуска у нас были огромные... по 2 месяца. Примерно в середине месяца я позвонил на работу и хотел поздравить хорошего человека с переходом ко мне отдел регистрации. Однако от него я услышал, что свободное место было занято ППСником по кличке «ПАМПЕРС». Какого же было моё охуение, когда я это гнусное ебло увидел в окне выдачи документов (((((((Я приехал в северный город чуть позже середины отпуска. Надоело гостить уже везде. Немного приболел сынок и я с ним вышел на больничный. Когда ему стало лучше, когда сбили температуру — мы с ним поехали на мою работу, в ГАИ. Я два дня подряд ездил в ГАИ, объяснял и рассказывал «памперсу» что и как в его новой профессии. Пока был в ГАИ мне довелось принять трое документов (двое «Жигулей» и УАЗ)эти люди даже не были мне знакомы. Просто человеки из толпы))))). Я принял у них документы, пока был в отпуске и поставил их машины на учёт. В самих то документах и машинах не было никакого криминала. Не суть важно....прошёл мой отпуск и я вышел на работу... примерно через неделю после выхода из отпуска меня к себе пригласил (в субботу, кажется) второй зам. начальника

милиции города. Я вошёл в его кабинет. Там были уже его зам, начальник отдела кадров и юрисконсульт отдела. Я попросил разрешения войти и прошёл к столу, за которым сидел этот подполковник. Как только я вошёл в кабинет его зам закрыл кабинет изнутри и на ключ (тот, который на меня матом в телефонную трубку орал, когда я молдавана нах послал). Мне сказали присесть на свободный стул. В общем спокойного разговора не получилось и не ожидалось. Не думал я что вся эта «свора» ради меня собралась. Самый «главный» начал речь. Так и так, ты охуел вконец, ведёшь себя не красиво по отношению к ментам, всех драчишь, никаких авторитетов среди сотрудников для тебя не существует. Я попросил перейти от слов к делу и объяснить причину моего приглашения. А смысл оказался весьма прост!!! Главный передал мне стандартный лист бумаги, заполненный шариковой ручкой. В конце текста я увидел фамилию и подпись «памперса». Я прочитал его «стуканину» на меня, что называется из рук в руки (((. Вот уж и не ожидал что я мешал кому-то на этой должности своим присутствием....а в рапорте «памперса» значилось... я такой сякой... приходил в отпуске и регистрировал машины в ГАИ, брал для этого документы строгой отчётности, ставил печати, пользовался сейфом для хранения спец продукции и архивом ГАИ. В общем весь расклад моих действий, даже сына моего хворого туда приплёл, дэбил блять!!! У главного, в его сейфе, была заветная папочка, которую он достал и мне показал. Оказывается на меня уже досье целое собрали!!! Представьте себе начальство высшее в милиции города, которое таким образом как неуловимые мстители собирает всякую дрянь о своих подчинённых, чтобы их шантажировать и ими манипулировать в любой удобный момент. А в моём случае просто сместить меня с занимаемой должности для того, чтобы поста-

по беспределу с должности одного старшего лейтенанта и поставить на его место другого... своего жополиза....

Слушайте... дорогие мои... а я всё понял... это только представьте какую они мне честь оказали)))))))))) аха-хахаха)))))) точно ведь...все замы начальника милиции города собрались вокруг меня в тот день.....чтобы я ушёл с должности, на которой работал хорошо и честно по отношению к простому народу...всем своим существом я им там мешал....и ещё понял, но это ещё в тот миг...не нужна была кому-то из них моя честная работа, видимо... нужно было всегда брать и делиться....а те кто щас там работают — теперь счастливы и до сих пор там работают... они видимо не слушали тогда песню группы «ТАТУ» «не верь, не бойся, не проси!!!» Видимо в ГАИ должны работать люди не с моими принципами... В общем с начала следующего месяца я работал на дороге уже... но это уже другая история...

Эта глава ещё далеко не закончена, ведь я отдал работе в ГАИ ровно 9 лет. Поэтому ждите продолжения этой истории моей госслужбы!!! А это будет скоро, уверяю Вас, друзья!!! Мир Вам!!!

Ни в коем случае не хочу заставить Вас пожалеть меня или защитить.

Поверьте. В том отделе ГАИ ещё есть несколько человек, которые работают достаточно честно, по отношению к простым гражданам... но их совсем мало осталось.

Другой случай был такой. В году 2005 под весну где-то. Часа в два ночи дежурный по ГАИ сообщает нам по рации так и так в таком дворе стоит пидрило пьяное и сигналиит под окнами, спать хорошим людям мешает. Мы как раз проезжали мимо этого двора со стороны дороги. Видим грузовичок стоит Тойота, на месте водителя мужик молодой. Пока подъезжали, он из салона вышел, машину закрыл и к подъезду идёт. Мы остановились. Он нас увидел и как ломонётся быыыстрооо, бегом....))))

и дверь пытается в подъезд открыть плечом и видимо с пьяну то забыл что там домофон. За шкирку его поймали. Бабушка со второго этажа из окна таращиться и кричит. Я мол всё видела, как приехал, как сигналил. Я согласна письменно это подтвердить. Шас грит выйду я к вам. Выходит. А мальчик этот ни в какую не сознается. Бабушка вышла из подъезда и стоит с нами базарит в дверном проёме и дверь собой держит в открытом состоянии. Оленя этого мы вдвоём держали сначала, а Игорь, мой напарник, подошёл ближе к этой старухе. Мальчик начинает вырываться из моих рук, но блять, я же борец с детства.....инстинктивно ему заднюю подножку. В тот момент мальчик делает подшаг назад, и падает ухом об угол мусорного бака.....сука, по моим расчётам он должен был полметра до него не долететь и упасть на снег. Но он шагнул назад ((((((А там углы были острые, сварены их металлического уголка и он прямо мочкой уха в самое острие. Кровь фантаном из него как хлынула, бухой же (((((давление высокое... В общем бабуля эта на нас кинулась с кулаками, что ж вы ироды делаете... ..там ещё какая-то тётка откуда-то взялась. Мы стоим с Игорем в кровище, нас колотят две тётки)))))) пипец картина. Там с пробитым ухом шмыгнул в подъезд и дверь закрылась. Короче упустили мы его. Бабки воют. В общем чуваку повезло. Он был бухой....если бы мы его оформили и бабка бы всё подписала его лишили бы на 1,5 года. А он водителем работал я знаю где. В дежурку приехали мы с напарником в крови все. Пацаны к нам с аптечкой, что мол перевязать и т. д. а мы дежурному мол с нами то всё нормально, а вот с тем уродцем такой казус вышел.

Ещё случай был про болото и мои туфли))))). Летом работал в автопатруле в ночную смену. Под утро решили с напарником проехать в старую часть города. У нас как и в Питере белые ночи, поэтому видимость после

02:00 замечательная, как днём. Заехали в самые трущобы. Там вместо дорог везде песок. Видим ЗиЛ-131 едет. С эмблемой известной нам организации. Но у них объекты все за городом, поэтому решили его проверить. А он газу наоборот дал. Мы по песку за ним. Хорошо что мы на девятке, она всё-таки переднее приводная и нормально по плотному песку идёт. Догнали его, а водитель остановившись у болота, оно почти пересохло, ломанулся туда... в самую жижуху...мы с напарником за ним. Я сделал два-три шага понял что мои туфли остались в чёрной хлюпающей гадости, а я бегу в носках. Я заржал.....громко... и бегу... а напарник вообще упал мордой в болотную плесень....и тоже ржёт когда поднялся....я по колено в гадости, а он спереди полностью)))))). А тот «беглец» попал в «окно» и завис в жижухе по самые плечи и орёт.. СПАСИТЕ-ПОМОГИТЕ, держась за ствол дерева, которое росло рядом. Пипец картина. Мы его достали из болотины. Дали ему пизды хорошенько!!! Чтoб больше нас не тренировал так. Оказалось следующее. Чувак, настоящий водитель приехал с месторождения на обед, а это «бегущий человек» — таджикистона мана)))) просто работяга. Решил подождать водилу в кабине. Так был бухой — решил прокатиться... как часто бывает. А тут откуда ни возьмись гайцы в нашем обличии нарисовались — хуй сотрёшь. Ну вот тут та мы его и приняли. Оформили, водительское таджикское изъяли и нахуй с пляжа такого бегуна.

Ещё был случай прикольный... тоже про болото)))))). У нас раньше на въезде в город стоял пост ДПС. Около поста есть мост через речушку. В то лето этот мост ремонтировал спец. мостоотряд. Они прямо за нашим постом в лесочке жили, метрах в 20-ти. Ну они нам не мешали совсем и мы им тоже. У них там была с собой столовка. Даже хавчик с собой не возили на работу. Там кушали, не дорого и вкусно. Рабочих там было человек

20-ть от силы. Начальство каждое утро у них приезжало из соседнего города а вечером обратно сваливало. Это было плохо; дальше скажу почему. Ведь человек, особенно если он обезьян — над ним нужен всегда кнут и пряник. Ну вот несколько таких обезьянов и набухались вечером. Баню истопили. Прямо у моста она стояла...и они по ночи ныряли из бани в речку))))). Так то бы всё нормально, но вот однажды они, самые молодые из обезьянов растопили баню слишком уж, так что труба снаружи раскалилась. В общем баня сгорела быстро, а эти идиоты малолетние напившись решили покататься на машине одного из себя))))). У них даже была тогда тёлочка бухая в компании. Но далеко, как известно, бухим за рулём не уедешь. Вот и у них не получилось. Первый же поворот оказался для них непреодолим!!! В общем попали они в ДТП в 500-тах метрах от поста ДПС. Улетели в кювет. Девочку доставили в больницу с переломами и ушибами. Машина их, Жигули «пятёрка» — в хлам!!! Когда я приехал на это ДТП увидел картину. На улице поздняя северная осень, градусов 7—10 тепла. Вечер. В трусах и майке, по пояс в болотной жиже стоит чувак лет 25-ти в метрах 100 от наряда ГАИ. Я из далека увидел его синее от холода лицо. Он там простоял примерно с пол часа и боялся выйти из воды. Мы его вытащили из воды уговорами, потому что если бы ещё немного и он бы крякнул от переохлаждения (((. Отвезли его в наркологию и оформили как положено. Девку казёл пьяный чуть не угробил!!! Проспал он в «стакане» с таким же другом до утра. А потом мы их выпустили, т. к. не имели право держать больше и они уехали к себе домой, в соседний город. А к девчонке той даже в больничку ни разу не приехали, даже пачку сока не привезли. В таких случаях не редких зачастую сотрудники милиции были единственными посетителями таких больных в палатах.

И с одной стороны по принуждению, служба того требовала, а с другой стороны чисто по человечески. Так и работали мы с друзьями. Как и чем их наказали — мне не известно, т. к. всё что мы зафиксировали в тот вечер в материалах о том ДТП я направил по месту их проживания для вынесения решения в ГАИ их города. Обычно, для себя мы иногда с напарником звонили и узнавали результат. Просто уже не помню что тогда в конце было!!!

07.09.2009

Путь

Откров (л) сние в XX эпизодах.

alef

«Мы просветлимся, посмотрев этот фильм?»

Хельга

«Вряд ли.»

Пит

«Мне уже интересно.»

Ксюша

«Борхес, Борхес... Достали уже!»

Г. Г. Маркес

Эпизод I

«Каждый день — одно и тоже...»

Солдат, расстреливающий коммунаров

Каике открыла только что пришедшую коробку. Внутри ровным рядом лежали книги. Каике вытащила разноцветные тома и аккуратно разложила на столе. Потом пересчитала и сверила получившуюся цифру с той, что была на квитанции.

— Всё верно? — спросил Почтальон, очень похожий на стандартного почтальона.

— Да, — ответила Каике, и, расписавшись в протянутом Почтальоном листке, попрощалась с ним.

Почтальон вышел не простившись.

Протерев книги влажной тряпочкой, Каике присо-единила их к тем, что уже стояли на витринах. Затем до-стала из-под стола другую книгу и села читать, так как сегодня у неё не будет ни одного покупателя.

Каике была бы очень красивой девушкой, если б не её миниатюрность. Росту в Каике очень мало, всего лишь чуть более полутора метров (метр пятьдесят три), и вся её фигура гармонична её росту. Похожа Каике на кинодиву Мэг Райан, если немного добавить к её внешности суро-вых северных тонов.

Всю жизнь Каике работает в книжном магазине, где продается свыше трех тысяч наименований книжной продукции, и с каждым годом эта цифра увеличивается. Здесь можно найти книги на любом земном языке, даже на тех, что были когда-то очень давно, и на тех, что ещё появятся на земле не очень скоро. А некоторые книги были изданы на тех языках, которых никогда в этом мире и не было. Единственное, что объединяло все книги — это авторство. Дело в том, что все книги, которые прохо-дили через магазин Каике, были написаны одним чело-веком — Хорхе Луисом Борхесом.

В магазине Каике можно было найти любое издание Борхеса, любую подборку его произведений, самые раз-нообразные переводы, с самыми разнообразными всту-пительными статьями. Но, тем не менее, все книги при-надлежали перу одного из самых именитых писателей — Х. Л. Борхесу.

И уж не знаю, важно это или нет, но покупателей у Каике было ровно восемьдесят четыре человека в год.

Эпизод II

«Это невозможно!»

*Леонардо да Винчи после посещения
аэропорта*

Дверь открылась, и Каике подняла взгляд. В дверном проеме возникла фигура Охотника, и вместе с самим Охотником помещение наполнилось запахом серы и затхлости.

— Натан, вы опять бродили по Топям? — недовольно поморщилась Каике.

Охотник кивнул и грузно осел в кресло.

— Вот у меня сейчас был Почтальон, и от него не пахнет болотом. А ведь он тоже каждый день пересекает Топь.

Охотник не спеша раскурил свою сигару и только потом ответил:

— Так он же по Дороге ходит.

Охотник был очень высоким и крупным. И совсем старым. Сколько Каике жила тут, столько она слышала об этом бродяге, и всегда Охотник был старым и большим. Только раньше у Охотника была собака. А теперь и её нет.

Всё своё время Охотник проводит на болотах, как говорят, ищет Камень. Но что это за камень, и зачем он нужен Охотнику, никто не знает.

Каике Охотник нравится. У него всегда много самых увлекательных историй, и некоторыми он с удовольствием делится. Поэтому Каике терпит уже не покидающий Охотника запах.

— Что новенького принес Почтальон? — спросил Охотник.

Каике указала на полку. Охотник, прищурившись, некоторое время рассматривал корешки книг, окутанный дымом сигары.

— Моя бабушка говорила, что видела магазины, где продаются не только книги Борхеса, но и многие другие. И даже очень часто в тех магазинах не бывает ни одной самой заваливающей книжонки Х.Л.

Каике рассмеялась.

— Вы меня разыгрываете, Натан.

Охотник улыбнулся своей доброй улыбкой вечного странника.

— Бабушка говорила, что в этих магазинах не надо покупать книги. Их можно просто взять почитать, а потом вернуть назад.

Каике залилась смехом. Всё-таки этот Охотник был великим фантазёром.

— А в некоторых магазинах было столько книг, что там ставили высокие шкафы, и до верхних полок можно было добраться только с помощью специальной лестницы. А ещё моя бабушка говорила, что те магазины каждый день посещали сотни и даже тысячи людей.

Каике уже не могла остановиться, и хохотала, держась обеими руками за стол. А когда пробовала представить те картины, о которых говорил Охотник, то у неё просто подкашивались ноги, а смех больше походил на стоны и всхлипывания.

Конечно Каике читала у Борхеса о том, что якобы существуют другие книги, Х.Л. даже приводит примеры из этих вымышленных книг. Но других книг не существует, это знает каждый, а то, что рассказывает Охотник, просто бабушкины сказки.

Охотник затушил свою сигару и поднялся.

— Ладно, жду ровно в семь.

Каике в ответ кивнула.

Эпизод III

*«Роджер, вы ещё и книги пишете?»
Из интервью с Р. Зелазни*

За полчаса до закрытия магазина зашёл Маркус, шляпных дел мастер, чьё ателье стояло прямо напротив книжного магазина.

Марк — очень воспитанный человек, и излишне скромный, чем-то напоминая Вечного Студента. Его одежда всегда опрятна и чиста, а широкополая шляпа в столь ухоженном состоянии, что можно смело выставлять её на витрину. Впрочем, Марк сам является витриной своего ателье, и хотя он лучший в городе мастер, у него очень мало клиентов, шляпы нынче не в моде.

Прежде чем зайти, Марк осторожно постучал.

— Заходите, Марк! — окликнула его Каике.

Стараясь быть как можно более непринуждённым, Марк вошёл и остановился на пороге.

— Добрый вечер, — мягко сказал он.

— Добрый, — эхом откликнулась Каике.

— Хотел предложить вам своё общество... Вы ведь идете к Натаниэлу?

Каике кивнула.

— Только мне нужно будет заскочить домой, за подарком.

— Ну тогда я зайду к вам, сразу как закрою ателье.

Каике снова кивнула.

Марк хотел уже выйти, но тут Каике сказала:

— Марк, как вы думаете, может быть такое, чтобы еще кто-нибудь, кроме Х.Л., мог написать книгу?

— Да, — сразу ответил мастер шляпных дел, — я сам пишу книгу.

Глаза Каике удивленно распахнулись.

— Вы?

Марк пожал плечами.

— И в другие города вы верите?

— Почтальон же каждый день ходит.

— Ах, да... — Каике печально вздохнула и отвернулась. Молчание ловко овладело пространством.

— Ну, я пошел? — тихо сказал Марк.

Каике молча кивнула.

Эпизод IV

*«Эх, всё могло бы быть иначе...»
Всходящий на эшафот*

Марк остался ждать на улице.

Каике быстренько забежала домой и вернулась с огромным коробом, в котором были просверлены дырочки, и внутри этого короба что-то тяжело перекатывалось.

— Ого, — только и сказал Марк, сравнивая свою небольшую шляпную коробочку с коробом Каике.

Рядом с Маркусом стоял высокий и очень худой Музыкант.

— Привет, Орфей! — сказала Каике Музыканту.

Музыкант кивнул. Он вообще был не очень разговорчив. Оживлялся только тогда, когда брал в руки свой саксофон, или флейту, или свирель, которые он всегда носил с собой.

Но без Музыканта в городе не проходило ни одно маломальски значительное событие.

— Что там у тебя? — спросил Марк у Каике.

Та лишь загадочно цыкнула.

Марк забрал короб у Каике, и они поспешили к Охотнику.

— Что новенького? — спросил Марк у Музыканта.

— Пытаюсь придумать новый инструмент, — задумчиво бросил Музыкант, — он будет совсем не похож на другие.

— Зачем тебе новый инструмент, Орфей? — сказала Каике. — Ведь и на тех, что у тебя есть, никто, кроме тебя, играть не умеет.

— Как ты не понимаешь... — начал было Музыкант, но потом лишь махнул рукой.

— Да, — задумчиво высказал Марк, — я вот тоже придумываю всякие новые шляпы, а ведь у меня и старые никто не покупает...

— А я вот еще думаю о том, как бы перенести свой голос на пластинку, как у Охотника, ты слышал?

— Но ведь у него на пластинках Жанна Бичевская? — изумился Марк.

— Так вот наверное её голос кто-то перенес на пластинки.

Каике почувствовала себя лишней, но мешать не стала, хотя многое ей было не понятно. Она понимала, что сейчас в этом диалоге происходит нечто очень важное.

— А я всегда думал, что она только в пластинке и живет.

— Я тоже так думал, — ответил Музыкант, — а потом вдруг подумал: если она одна, зачем же тогда много пластинок?

— Но они же все разные?

— Да, — кивнул Музыкант, — у меня тоже много песен, но я-то один. Один?

Марк кивнул.

— Значит и она одна. Я это нутром чую. И потом я заметил — она всегда поет одинаково...

Музыкант сделал многозначительную паузу. Марк напряженно ждал продолжения.

— А ведь у меня каждый раз одни и те же песни звучат по-разному.

Марк уже перестал воспринимать информацию, и лишь заморожено слушал Музыканта.

— Вот скажи, ты сможешь сейчас до единого слова пересказать наш разговор?

— Я смогу, — сказала вдруг Каике и до единого слова воспроизвела весь диалог, начиная со слов «Что новенького?»

Музыкант слушал Каике не перебивая, лишь несколько раз многозначительно кивнул.

— Вот видишь, — заключил он, когда Каике закончила, — может и с Бичевской так...

Эпизод Y

«Ну как ты не понимаешь?..»

Лищица курице

Вирджиния по своей природе фаталистка, однако это никоим образом не мешает ей заниматься постоянным самосовершенствованием. За свою недолгую жизнь она успела овладеть всеми возможными ремёслами и науками. Но лучше всего, может быть виною тому японские корни, ей удавались бумажные игрушки — «оригами», и поэтические трехстишия — «хокку».

Когда в дверь позвонили, и спустя несколько мгновений в коридоре послышались голоса Марка, Орфея и Каике, Джина методично обрезала длинные свалявшиеся лохмы с головы Охотника. Тот безропотно сидел на невысокой табуретке. Вирджиния была очень красивой девушкой, чья экзотическая восточная красота не сочеталась с западным именем. И была в ней какая-то восхитительная грация, отчего взгляды, особенно мужские, подолгу не могли оторваться от этого прекрасного создания.

— Привет, Джина! — сказала вошедшая в зал Каике.

— Вечер добрый, — грациозно ответила Джина и ещё грациозней срезала очередной локон с головы Охотника.

Каике понаблюдала немного за работой Джины и сказала:

— Сколько лет я сама мечтала это сделать.

Вирджиния тут-же передала Каике ножницы и расческу.

— Держи, — и грациозно удалилась на кухню.

— Но я же не умею стричь? — воскликнула ей вслед Каике.

— А там особо и не надо уметь, — легкомысленно отозвалась с кухни Джина, — он даже никогда не расчёсывается.

Каике ошарашено посмотрела на Охотника. Тот лишь пожал плечами. Каике решительно выдохнула и принялась за дело.

Вошел Марк и осторожно положил в угол огромный короб, немного потоптался и сел в самое незаметное кресло.

Орфей остановился на пороге и, склонив голову набок, наблюдал за работой Каике.

Учтиво поздоровавшись, прошагал Учитель.

— Все, — сказала Каике и отступила назад, оглядеть результат своего труда.

— Я сейчас, — сказал Охотник и быстро юркнул в ванную.

Ожидание затянулось, как вдруг что-то громко бахнуло на кухне, затем донеслись ругательства Джины.

— Я помогу, — сказал Марк и пошел на кухню.

— Может поставим пластинку, — предложил Музыкант.

Эпизод VI

«То-то будет сюрприз.»
Сапёр на работе

— Сейчас, — сказал Марк и долго распаковывал коробочку.

Наконец все завязочки были развязаны и Марк извлёк из нутра коробки прекрасную охотничью кепи. Торжественно покрутив её над головой мастер шляпных дел вручил её Охотнику.

— Я сам её придумал, — гордо заявил Марк.

Охотник тут-же водрузил подарок на свою остриженную голову.

Потом очень долго и красиво говорил Учитель, правда его монолог для всех остался загадкой, но к финалу Учитель вручил Охотнику логарифмическую линейку, вязь знаков и цифр на которой всегда завораживала Охотника, и Охотнику эта линейка всегда казалась каким-то магическим жезлом. Он очень часто приходил в гости к Учителю и подолгу смотрел на эту загадочную линейку, не смея к ней прикоснуться.

Вот и теперь Охотник бережно взял в руки линейку и тут же убрал её за стекло серванта, и только потом принялся блаженно её созерцать, пока Музыкант не потребовал его внимания.

Орфей сыграл на своей свирели, потом кратко рассказал о том, как на ней нужно играть, и вручил музыкальный инструмент Охотнику.

Но Натаниэл не принял этот дар. Он просто не мог себе этого позволить, и напрасно Орфей говорил о том, что он себе сделает новую. Для Охотника свирель была продолжением Музыканта, как, допустим, его рука или нога, и, естественно, отдельно от Музы-

канта этот музыкальный предмет он представить не мог.

Тогда Орфей пообещал написать специально для Охотника охотничью балладу. На том и порешили.

Джина долго говорить не стала, лишь поздравила, а потом вытащила новую автоматическую винтовку и вручила её Охотнику. Все восхищались.

Наконец подошла очередь Каике. Она так долго ждала этой минуты.

— Натаниэл. Подойди и открой вон ту огромную коробку, — Каике указала на огромный короб в углу, на который уже весь вечер все глядели с явным интересом.

— А что там? — спросил Охотник.

— Нет, ты открой, — нагнетала интерес Каике.

Охотник некоторое время присматривался к коробке, потом осторожно стал её вскрывать. Он открыл две верхние створки, за ними ещё одни...

Замерев в неудобной позе, Охотник лишь тихо всхлипнул...

Потом вдруг резко схватил короб и бросился с ним на кухню, захлопнув за собой дверь. С кухни послышался лязг разбивающейся посуды и громкая ругань.

Все удивлённые взгляды обратились на Каике. Но та была поражена не меньше их.

— Что там было? — спросил Марк.

— Собака... — ответила Каике.

— Собака?!

— Да. Её три дня назад прислали. Я спрятала её в погреб, хотела сделать сюрприз...

Эпизод УШ

«А что я такого сделал?»

Адольф Гитлер

— Ну кто же мог знать? — успокаивал Марк Каике.

— Я бы тоже его в погреб спрятал, — поддакнул Учитель.

— Её, — автоматически поправила Учителя Джина.

Однако Каике продолжала рыдать.

— А если бы её прислали на день раньше?.. или на неделю?..

— Но ведь не прислали, — резонно возразил Музыкант, — и вообще, самое главное — то, что собака жива.

— А вдруг... — сквозь слезы начала Каике, и зарыдала ещё пуще.

— А вот этого не надо, — отрезал Музыкант.

Вечер не удался.

Стали постепенно расходиться. Первым, сильно смущаясь, со всеми попрощался Учитель. Вместе с ним, приветственно махнув рукой, ушёл Музыкант.

Каике успокоилась, но уходить не решалась. Марк ждал, чтобы проводить её до дому. Вирджиния сидела одна за столом, и что-то тихо напевая, поела бутерброды.

Наконец насытившись, она решительно подошла к двери кухни и постучала.

— Натан!

Из-за двери послышалось шипение.

Джина решительно распахнула дверь.

На полу, среди разбитой посуды сидел Охотник, держа на руках пушистый комочек. Когда открылась дверь, он посмотрел на Джину глазами, в которых было столько любви и тепла, что Джине стало немного уютно.

— Так! — многозначительно сказала она, — значит, мы зря пугаем девушку. Каике!

Каике тихо подкралась и осторожно выглянула из-за спины Джины.

— Вот. Видишь, он рад.

Охотник гордо и демонстративно показал спящего у него на руках щенка.

— Так это и есть собака? — спросил Марк.

Эпизод VIII

«Ну конечно она квадратная.»

Галилео Галилей (за час до трагедии)

Охотника теперь просто распирало от гордости, когда он выходил погулять со своей собакой.

Каждому встречному он мог часами рассказывать о своей собаке, её умности-разумности, а так-же сотню с лишним весёлых случаев из её жизни (большинство из которых, правда, были вымышлены, так как за столь короткий промежуток времени этот щенок органически не успел бы совершить столько подвигов).

Но при встрече лучше спросите как зовут его собаку.

— Бальтазар, как один из героев книг Борхеса, — гордо ответит он, — это ей Каике такое имя дала.

Марк бросил своё ателье, ссылаясь на то, что у него так и не купили ни одну шляпу, и решил стать Охотником. Натаниэл это решение одобрил.

— Вот подрастет Бальтазар, мы с тобой погуляем по Топям, — многозначительно заявил он, — только вот одеться тебе надо попримичнее. Ну хотя бы как я.

Музыкант наконец изобрел свой новый инструмент. В него совсем не надо было дуть. Музыкант сказал, что имя этому инструменту — гитара.

— Чудной он какой-то, — сказал Охотник, но было ли это сказано про инструмент, или про Орфея, никто не понял.

Вирджиния попросила Музыканта сделать ей такой-же.

Учитель выразил догадку, что Жанна Бичевская на пластинках у Охотника поёт свои песни под аккомпанемент «этой самой гитары», и, прослушав заново пластинки, все согласились с правильностью этого вывода.

В магазин Каике завезли ещё шестнадцать экземпляров разнообразных книг Х.Л., причем двенадцать из них были написаны на тех языках, которых не знал никто в городе.

Учитель высказал предположение, что существует по меньшей мере свыше миллиона городов, и люди там живут совсем по другому.

Никто ему не поверил.

Однако Почтальон сказал, что слышал нечто подобное в том городе, почтовое отделение которого он постоянно посещает.

На что многие заявили, что другого города не существует.

Эпизод IX

*«Да, я знаю прекрасную и удобную
дорогу.»*

Иван Сусанин

— Вот отсюда и начинаются Топи, — сказал Охотник, охватывая рукой «свои владения».

Марк с Охотником стояли на клочке сухой земли, окружённом мелкой чёрной водой, где, как в зеркале, отражалось бездонное небо. Чем дальше вперёд, тем реже

и более были торчащие из воды хилые деревца, а вода вообще полностью скрывалась за болотной ряской.

Пахло правда прескверно.

— Сначала я покажу вам местные достопримечательности, — сказал Охотник, и, закинув на плечо новое ружьё, решительно зашагал вперёд.

Бальтазар смело ринулся за хозяином. Марк, держа в руках старое ружьё Охотника, осторожно последовал за ними.

— А оно заряжено? — спросил Марк, выискивая места посуше, и уж совсем на крайний случай — помельче.

— А зачем? — удивился Охотник.

— Мы разве не будем охотиться?

— Конечно нет, — ответил Охотник не оборачиваясь.

— А чего же мы тогда будем по болотам бродить?

Охотник не ответил. Марк переспрашивать не стал.

Сухие участки закончились, и Марк обреченно захлюпал по чёрной воде. Обильно брызгая, носился рядом Бальтазар, гоня лягушек и прочую болотную живность. Охотник лишь одобрительно цыкал, с умилением поглядывая на разыгравшегося щенка.

— Ну будет тебе, будет, — схватив за поводок Бальтазара, сказал Охотник и погладил его по голове. — Сейчас осторожнее, — обернувшись к Марку предупредил он, — тут места опасные, иди прямо за мной.

Ступая за Охотником след в след, Марк всё же немного осматривался по сторонам.

Вода стала чище, даже вонь почти исчезла, но зато очень часто стали попадаться на пути глубокие колодцы, в глубине которых мерно танцевали водоросли. Сквозь воду порой проступали куски покрытого кафелем пола, заваленного непонятными предметами.

— А разве болота должны быть такими? — спросил Марк.

— Не знаю, — пожал плечами Охотник, — здесь всегда так было.

Тут Марк заметил торчащий из воды кусок дерева, на котором полустершимися буквами было написано:

Только для Сталкеров

— А кто такие «Сталкеры»? — спросил он

— Не знаю, — ответил Охотник, — как-то очень давно видел я тут одного человека, он назвался «сталкером». А на вид — человек как человек.

Марк кивнул, и только потом подумал, что Охотник не мог увидеть его жеста, так как шёл впереди.

— Комнату он какую-то тут искал, — неожиданно продолжил Охотник, — говорил — волшебная.

— Ясно, — сказал Марк.

— Ничего, — сказал Охотник, — сейчас впереди поляна будет, там и передохнем.

Эпизод X

*«Как же мне не терпится её испробовать.»
Фараон, осматривая собственную
гробницу*

Наскоро пообедав, охотники отправились дальше.

Вода вновь почернела, кафельный пол с непонятными предметами закончился. Теперь идти приходилось по пояс в воде, а некоторые участки переплывать.

Ни сил, ни времени осматриваться не было, Марк целиком был поглощен тем, чтобы преодолеть сопротивление болот. Охотник тоже ничего не говорил, лишь натужно сопел, следя больше за Бальтазаром, чем за Марком. Ко всему прочему, вода здесь была просто ледяная, да ещё кишела крупной рыбой, которая щипала охотников за щиколотки, иногда очень чувствительно.

Но наконец вновь стало мелко, из воды опять потянулись корявые деревья, стали попадаться относительно сухие кочки.

— Ну самое сложное позади, — сказал Охотник.

Однако спустя полчаса пути воды опять стало больше. Но Марк ожидал приятный сюрприз. Возле очередного узловатого дерева была привязана небольшая лодочка, в которую они сели и поплыли.

— Вон видишь, — указал Охотник на что-то, возвышающееся вдаль, — это Храм. Туда мы и плывем.

Солнце уже коснулось горизонта, когда лодка наконец причалила к небольшому островку, где ещё высились развалины древнего храма.

Самая вершина острова была когда-то давно выровнена, и потом на этом ровном участке был выстроен храм, от которого остались только центральная арка, некоторые грубые статуи богов, да центральный алтарь.

Ещё среди руин Марк разглядел некоторые куски ужасающей лепки.

— Самое интересное тут, — сказал Охотник и потащил Марка на другую сторону острова, где на ещё одном малом алтаре горел огонь. — Он тут всегда горит, — гордо заявил Охотник, как будто это чудо было делом его рук.

— Не может быть, — сказал Марк и подошел ближе к огню.

Никаких дров не было, однако огонь горел, выходя из какой-то дыры в глубине алтаря, и даже обжигал (Марк проверил), но никакого объяснения этому факту не было.

Кто-то положил камней вокруг горящего огня, видимо, чтобы ставить котелок, и когда Охотник действительно приспособил на камни походный котелок с водой, Марк понял, кто был этот «кто-то».

— Сейчас, — многозначительно взмахнул Охотник руками, и куда-то исчез, спустя недолгое время появив-

шись с огромной рыбиной в руках. — Ох, мы сейчас поедим, — качая головой в сладком предвкушении, сказал он и принялся разделывать рыбу.

Эпизод XI

«Какой дурацкий сон.»

Менделеев

Марк неожиданно проснулся. Ему вдруг захотелось пойти посмотреть на древний алтарь.

Он тихо поднялся, чтобы не разбудить Охотника, и пошёл на вершину холма, где нежились под лунным светом развалины храма.

Ещё издалека Марк увидел, что алтарь не пустует, на нём теперь стояла большая и очень красиво сделанная чаша. Подойдя ближе, Марк заглянул внутрь чаши. На дне её что-то блеснуло. Марк опустил в чашу руку. Почувствовал что-то мокрое...

Когда он вынимал руку, что-то в окружающем мире изменилось. Марк огляделся.

Теперь он находился в целом и ухоженном храме, из каждого угла которого высывалось по божеству. Алтарь, у которого стоял Марк, был весь выложен золотом и осыпан ароматными травами. Слышалось пение. Вокруг Марка стояли люди, некоторые обнаженные, некоторые скрытые одеждой и масками.

Какой-то мужчина в маске неизвестного животного с ветвистыми рогами взял Марка за руку и вывел из храма. На улице стояли люди и дождь с неба щедро осыпал их тела.

После долгого пения люди вынесли из храма какой-то предмет и поднесли его к Марку. Марк пытался разглядеть его, но не мог.

Марка о чём-то спросили. Он что-то ответил.

Потом Марк повёл людей к северной оконечности острова и указал людям место, топнув по нему ногой. В этом месте стали рыть яму. В неё положили вынесенный из храма предмет и закопали, а сверху посадили дерево.

После этого загадочного ритуала все вернулись к храму и снова начали петь.

А когда луна закатилась за горизонт, на остров высадились полуголые вооруженные люди и завязался бой.

Последнее, что помнил Марк, это пика, которая вонзилась ему в живот...

Эпизод XII

*«А ты уверен в том, что дикие медведи
очень боятся людей?»*

Турист-любитель

— Я знаю, где они его спрятали, — сказал Марк, сразу, как только проснулся.

— Где? — спросил Охотник, как будто знал о чём идет речь.

Марк указал рукой.

Спустя несколько минут они стояли у подножия огромного дерева, чьи узловатые корни крепкой хваткой держались за землю.

Марк поковырял в земле палкой, которую подобрал по дороге. Спустя какое-то время в выкопанной лунке что-то блеснуло. Марк подцепил предмет палкой, нагнулся и взял в руки.

— Это он, — сразу сказал Охотник, выхватив предмет из рук Марка.

Охотник поскрёб предмет руками, счищая с него грязь. Потом показал Марку.

— Красивый камень, — сказал Марк.

Охотник долго любовался камнем, затем убрал его за пазуху.

— Ты за один день сделал то, чем я занимался всю жизнь, — сказал Охотник Марку.

— Ты всю жизнь искал этот камень? — удивился Марк.

— Пошли, — не слушая Марка, сказал Охотник, — надо ещё зайти в башню.

Они быстро позавтракали и, сев в лодку, поплыли назад. Обратная дорога показалась Марку вдвое короче.

Однако после того как они оставили лодку, Охотник повернул в другую сторону.

Теперь они пробирались сквозь заросшие тростником дикие места, где постоянно слышались грозные рыки камышовых котов да хрюканье чёрного кабана. Шли они по сросшимся в довольно крепкий ковёр водорослям.

Одному Бальтазару эти заросли оказались не под силу. Через сотню метров он в кровь изрезал себе лапы, так что Охотнику пришлось взять его на руки.

На пути им часто встречались предупреждающие надписи, например: «Будь честен!», или «Всегда улыбайся». А один раз даже попалась надпись: «Осторожно, дети!», хотя никаких детей они не встретили.

— Больше всего меня заинтересовала вот эта надпись, — сказал вдруг Охотник.

«Берегись поворота платформы!», — прочитал Марк.

— «Поворота платформы» — это, наверное, зверь такой, — предположил Охотник, — только вот я его никогда не встречал. Но будь настороже.

Марк кивнул.

«Долой Гэндальфа!», а ниже «Даешь свободу Мордору!» — гласила очередная вывеска.

— Или вот ещё, — сказал Охотник, указывая на надпись «Платная автостоянка».

Но вот надписи стали попадаться всё реже, а потом исчезли совсем. Последняя гласила: «Ночью дешевле!»

Постепенно болото перешло в густой лес.

— Ласковый, — поправил Охотник.

— Что? — спросил Марк.

— Лес. Ласковый Лес.

— А-а.

Сквозь густые заросли вилась узенькая тропка, по которой с трудом продирались Марк с Охотником.

Зато теперь Бальтазар лихо забегал вперёд, гоня мелких грызунов, и вновь возвращался назад.

— Ну всё, пришли, — сказал Охотник, выпрямляясь во весь свой высокий рост.

За ним вынырнул из густого подлеска Марк и оказался на просторной поляне, в центре которой стояла покосившаяся ветхая Башня.

Эпизод XIII

«Александр всегда видел дальше, чем конь его Буцефал.»

«О приоритетах»

У основания Башня была выложена кирпичом, где зиял чернотой вход, выше шли деревянные балки. Крышу венчала черепица.

Марк не спеша направился прямо к Башне. Охотник следовал за ним. Бальтазар бегал вокруг них кругами.

Когда Марк зашёл в Башню, она уже не показалась ему тёмной, наоборот, внутри было множество окон, ко-

торых снаружи Марк не увидел. Да, и ещё витая лестница уходила вверх, спиралью прилепившись к стенам.

Марк поднялся на восемь ступенек и оказался на уровне первого окна. За окном был небольшой город, все стены и крыши которого были выкрашены красным. Марк даже разглядел людей, которые были одеты исключительно в красное, понуриив печально головы с красными волосами, они занимались бытовыми делами, ежесекундно оглядываясь на ворота, как будто ждали чего-то. Или Кого-то.

Марк прошел ещё семнадцать ступенек и оказался на уровне следующего окна.

Теперь он видел несколько городов, цепочкой раскинувшихся по земле, и каждый город был отличен от другого и все они были в чём-то схожи.

Марк прошёл ещё шесть ступенек и посмотрел в очередное окно. За окном он увидел огромный-преогромный мир, где умещались миллионы городов, и в этом мире было всему место: добру и щедрости, мудрости и дружбе, холоду и темноте, звёздам и людям. И даже таинственному и всеобъемлющему Создателю.

Марк прошёл ещё десять ступеней и оказался у самого верхнего окна.

Теперь он мог видеть дальше и больше, чем это возможно человеку. Марк даже увидел несколько цветов, которых не видел никто. Марк видел миллионы трав и животных, и восхищался всеми. Марк видел миллионы лет, и понимал важность каждого.

А ещё Марк увидел своих друзей: Каике, Охотника с Бальтазаром, Учителя и Музыканта, Вирджинию, Почтальона и даже самого себя.

А потом Марк повернулся и стал спускаться вниз.

Эпизод XIII (А)

*«Говоришь, это будет забавное
приключение?»*

Фродо Бэггинс

— Нам нужно доставить этот Камень туда, — сказал Охотник, — и я готов хоть сейчас же отправиться в путь.

— Но ведь это может быть опасным? — воскликнула Каике.

— Это путешествие может быть очень опасным, — согласился Марк, — но согласен с Натаном, мы обязаны вернуть им этот Камень.

— А что он вообще делает, этот Камень? — спросил Учитель.

Марк пожал плечами.

— Не знаю, — сказал Охотник.

— Я пойду с вами, — сказала вдруг Джина, — со мной вы точно не пропадете.

— Я тоже, сказал Музыкант.

— Учитель? — спросил Марк.

Учитель отрицательно покачал головой.

— Я остаюсь.

— Каике?

— Я наверное иду.

— Вот и отлично, — сказал Охотник, — тогда сбор завтра, к рассвету. У меня дома наверное?

Все согласно кивнули.

— Может ты всё-таки пойдешь с нами? — спросил ещё раз Марк Учителя.

— Нет, — твёрдо сказал он, — кто-то должен ждать вас здесь, иначе вы не вернётесь. А для путешествий я слишком стар...

Эпизод XIII (В)

« — Это правда, что вы не вскрываете писем?

— Да.

— Прекрасно, ведь я вложил туда триста франков.»

Солнце встретило путешественников уже в пути.

Впереди всех шагал Охотник с огромным вещмешком за плечами. У его ног трусил Бальтазар. За ними шли Музыкант и Вирджиния. Музыкант нёс с собой гитару. У Джины был небольшой рюкзак. Потом шла Каике, с сумкой, в которой лежали пять книг Борхеса, и замыкал шествие Марк, везя небольшую тележку, в которой были спальные мешки, сухофрукты и два ружья с коробкой патронов.

— Вы знаете маршрут? — спросила Каике Марка.

— А здесь только одна дорога — вперёд, — ответил Охотник, — так что не заблудимся.

Они шли по дороге, которой ходил Почтальон, и к полудню пришли в город, забитый почтовыми тележками и дилижансами, а в центре города высилось единственное крупное здание — Центральная Почта.

У самого начала города их встретил огромный транспарант, на котором было написано: «Город Почтовый. Через нас проходит вся почта мира».

— Так значит это правда? — спросила Каике.

— Что — «правда»? — откликнулся Марк.

— Что существуют другие города?

Вместо ответа Марк пожал плечами.

Когда они проходили мимо Центральной Почты, Каике сказала:

— А может отправить Камень почтой?

- Почтой?
- Ну да. Книги Х. Л. же мне присылают почтой.
- Нет, — сказал Охотник, — а вдруг с ним что-нибудь случится?
- Действительно, — согласилась Джина, — что мы зря в путешествие собрались?
- А идея хорошая, — сказал Музыкант, — вот когда запишу свою пластинку, я пожалуй отправлю её в какой-нибудь далекий город.

Эпизод XIII (С)

«Ну что вы сидите просто так? Хотя бы делайте вид.»

Соломон, думая о книге Эклезиаста

- «Занятый Город» — встретила их следующая надпись.
- Наверное, они хотят сказать, что это город уже заняли жители, — предположил Охотник.
- Значит, есть города пустые, незанятые? — домыслила Вирджиния.
- А кто его знает, — отмахнулся Охотник.
- Город оказался очень большим, с очень высокими домами, и здесь было очень много людей. И все эти люди куда-то бежали, распахнув рты, не обращая ни на что внимания, видимо, в городе что-то произошло.
- Марк поймал одного человека за руку.
- У вас что-то произошло? — спросил Марк.
- Да, — ответил человек и опрометью кинулся дальше.
- Что случилось? — спросил Марк спешащую женщину с тяжелыми сумками.
- Оставьте меня в покое, — выдохнула женщина и растворилась в бурлящей толпе.

— Мне некогда, — сразу отмахнулся от Марка следующий мужчина.

Ещё несколько раз Марк пытался спросить людей о происходящем, но так и не смог добиться от них вразумительного ответа.

Они уже прошли самый центр города, где непонятная суета достигала своего апогея, как вдруг Марк углядел вывеску на одном из домов: «Справочная».

— Вот куда нам нужно, — сказал Марк, указывая на «Справочную», и ринулся в ту сторону.

Возле Справочной стояла огромная очередь, которая совсем не убывала, и Марку пришлось выстоять в ней. Наконец он пробился в помещение, которое представляло собой небольшую конторку, с тремя стульями, одним столом, заваленным бумагами, и одним маленьким человечком.

— Скажите, что здесь происходит? — спросил Марк маленького человечка.

— Не знаю, — ответил человечек и громко крикнул, — Следующий!

— Ну уж нет, — сказал Марк и закрыл дверь, — вы мне скажете, что здесь случилось, или я не оставлю вас в покое.

— Вы что не видите, — взвизгнул человечек, — я занят!

Когда Марк вышел из Справочной, лицо его было безоблачно чисто, но, не выдержав, он все-таки расхохотался. Спешащие мимо люди удивленно на него косились.

— Я кажется понял что означает название этого города, — сказал он, когда отсмеялся, — это не они город заняли, а город занял их.

Эпизод XIII (D)

*«Красота должна быть не внешней.»
Ван Гог, отрезая себе ухо*

Следующий город был совсем небольшой.

«Город красивый» — сообщала вывеска, украшенная вьющимся растением.

Ещё издали город поражал своим благоуханием, а когда путешественники вошли в город, тот порастил их своей красотой.

К центру города вела красивая аллея, вдоль которой симметрично чередовались кучные акации, стройные кипарисы, мужественные пихты и скромные ивы. А за деревьями грелись на тёплом солнышке аппетитные полянки, украшенные томными розами, игривыми аютиными глазками, простодушными ромашками и задумчивыми ландышами. И среди всего этого великолепия красовались уютные симпатичные домики, возле которых играли милые озорные детишки.

— Вот каким надо сделать наш город, — сказал Охотник.

— Да, — подтвердил Марк, — может задержимся тут на несколько дней?

— Какой ужас! — вдруг послышался вскрик.

Но кричавшего так никто и не увидел.

— Наверное показалось, — заметила Каике и вновь погрузилась в созерцание.

— О боги, не может этого быть! — услышали путники ещё один вскрик, но, обернувшись, увидели лишь захлопнувшиеся ставни.

— Как они посмели?! — послышался ещё один крик.

— Да что здесь происходит? — наконец решила задать вопрос Джина.

— Стойте! — обернувшись, путники увидели спешащего к ним со всех ног человека, — остановитесь немедленно!

— Вот он и ответит на наши вопросы, — сказал Музыкант.

Они остановились и стали ждать.

— Как вы посмели?! — крикнул человек, ещё даже не добежав до них, — Немедленно поворачивайте назад!

— А что мы такого натворили? — воскликнула Вирджиния.

— Как — что?! — в гнев кричал человек, — да как вы осмелились в таком виде появиться в нашем прекрасном городе?!

— Что ты сказал? — Джина ошарашено смотрела на топающего ногами человека.

— Вы портите нам весь вид! — надрывался человек, покраснев от гнева. — Вон из нашего города!!!

Одним мгновенным шагом Джина оказалась нос к носу с кричащим человеком.

— Что ты сказал? — медленно сказала она.

Человек ойкнул и стал медленно пятиться.

— Я п-представитель городских влас-стей, — заикаясь пробубнил он, — вы не им-меете п-права появляться в т-таком виде... У нас д-даже есть з-закон...

— Закон, — эхом отозвалась Джина, нависая над представителем городских властей, — а теперь слушай меня, «представитель», я сейчас пойду к твоим властям и такое...

Но тут её схватил за руку Музыкант.

— Оставь его, — тихо сказал Орфей, — пусть идет.

— А ты, — обратился Орфей к «представителю», — слушай меня внимательно. Сейчас мы пройдем через ваш город и уйдем своей дорогой. И пусть никто нам не мешает. А если кто-то попытается, то мы сделаем ваш красивый город очень некрасивым. Ясно?

Представитель кивнул и со всех ног бросился бежать прочь.

— Идёмте скорее, — обратился Музыкант к своим друзьям, — что-то мне этот город совсем разонравился.

— У-у, как разошелся, — толкнув в бок Марка, заметил Охотник, — никогда его таким не видел.

Эпизод XIII (Е)

«Работа не волк, в лес не убежит.»

Волк

«Рабочий Город» — встретил их следующий населённый пункт.

— Надеюсь, — сказал Охотник, — из этого города нас не будут выгонять.

— Пусть только попробуют, — пригрозила Джина.

Город набросился на них всевозможным грохотом и скрежетом, дороги были забиты грузовыми машинами, повсюду сновали люди в рабочих комбинезонах.

Заглянув в одни распахнутые ворота, они увидели как группа из трёх человек распиливает металлические бруски, другая, тоже из трёх, соскабливает с распиленных кусков краску, третья группа вновь сваривает куски в брусья, а четвертая — красит. «Завод» — гласила вывеска над воротами, а ниже, от руки, приписано, — «Андрею Столярову наш почёт и уважение». Пройдя дальше они увидели как разгружают вагоны: один человек вытаскивал из вагона мешки, а другой, тут же, брал эти мешки и снова складывал в вагон.

— Интересная у них жизнь, — сказал Охотник.

Они еле успели отскочить от несущегося на огромной скорости грузовика.

— Идиоты! — вдогонку крикнул водитель.

— Я думаю, — сказал Музыкант, — нам лучше побыстрее покинуть этот город.

— А то ещё нас заставят работать, — продолжила мысль Вирджиния.

Эпизод XIII (F)

«А что там уметь?»

Художник-экспрессионист

— Если вы хотите действительно познать искусство, — сказал Музыкант, — вы должны также внести туда и музыку.

Это был следующий город, который назывался «Городом искусств», однако в этом городе знали лишь искусство написания картин.

В этом городе все были художниками: кто живописцем, кто портретистом, иные увлекались графикой, были и сюрреалисты, и импрессионисты, кубисты и модернисты, а так же приверженцы прочих направлений. Но художниками дело и ограничивалось.

— А что такое музыка? — воскликнул один художник, — и разве может она выразить то, что выражают наши картины?

— Но ведь музыка также относится к искусствам, как и живопись, — стоял на своем Музыкант, — а вы зовёте свой город Городом искусств, в то время как у вас процветает лишь одно.

— И к тому же, — добавил Марк, — так можно зайти в тупик, отдавая предпочтение лишь чему-то одному. Ведь вы же не учите ходить лишь одну ногу, напрочь забыв о второй?

— Стойте! — воскликнула Джина, — так вы скатитесь до взаимных оскорблений! Хватит слов! Орфей, играй!

Музыкант снял с плеча гитару и заиграл.

Художники слушали молча. Сначала недоверчиво, а после всё более и более проникаясь музыкой, а когда Орфей запел, каждый с жадной ловил каждое слово.

— Да, — сказал художник, который первый выразил свое недоверие к музыке, — я ошибался.

— Развитие искусств должно быть всесторонним, — сказала Каике и вручила художникам одну книгу Борхеса, — есть ещё искусство слагать слова.

— Как? — удивился художник, — есть и ещё искусства?

— Им нет числа, — подтвердил Марк.

— Но как же мы сможем с ними ознакомиться?

— У меня есть одна прекрасная идея, — вдруг сказал Охотник, — почему бы вам для начала не овладеть искусством странствий?

Эпизод XIII (G)

*«Поспорим на „Фэйри“?»
Вилларибо и Виллабаджо*

Следующий город представлял собой двух сросшихся близнецов, которые звались «Лучше» и «Лучше», причем жители это двойного города, где одна половина зеркально отражала вторую, прекрасно отличали одно название от другого.

— Я тут вспомнила один из рассказов Х.Л., — прокомментировала это событие Джина, — где Бог не может отличить двух человек, потому что для него они совсем одинаковы. Вот и тут то же самое.

— А может на самом деле второго города нет? — вдруг сказал Марк, — вдруг это действительно только отражение?

— Ну нет, — возразил Охотник, — тогда на второй половине города где-то должны быть наши отражения.

— А может поискать? — предложил Музыкант.

— Мы не сможем их найти, — сказала Каике, — стоит нам пройти из настоящего города в его отражение, мы просто перестанем существовать.

Охотник почесал свой небритый подборок.

— Может, ну его, ребята, — сказал он, — а вдруг мы действительно исчезнем?

— Не может такого быть, — возразила Джина, — как так — «исчезнем»?

— Мне лично что-то вообще хочется убраться из этого города подальше, — высказала своё мнение Каике.

— Есть идея! — воскликнул Музыкант, — нам надо разделиться на две команды и искать в разных городах.

— А вдруг вместо нас настоящих ты встретишь наши отражения? — сказал Охотник, — да и уйдешь с ними? А нам тогда что делать?

На это сказать было нечего.

— А вдруг на самом деле мы и есть отражения? — неожиданно сказал Марк, — и как только они уйдут из города, мы исчезнем?

— Может мы пойдем? — совсем тихо сказала Каике, — что-то мне вдруг захотелось быть подальше от этого жуткого места.

— Стойте! — вдруг крикнул Марк, когда они поспешили прочь из этого города, — Стойте! Ведь если мы отражения, значит настоящие «мы» тоже спешат убраться из города!..

— А как только они выйдут из города, мы исчезнем... — продолжила Джина, когда Мрак запнулся.

— Мапочка, что же нам делать, — расплакалась Каике.

— И что, мы тут останемся навсегда?..

Эпизод XIV

«Мне почему-то кажется, что путешествие будет очень удачным.»

Капитан Джеймс Кук

«Нет, — подумал Марк, предчувствуя такие события, — лучше отправить Камень почтой.»

А потом Марк повернулся и стал спускаться вниз.

Но в путешествие он всё-таки отправился, правда совсем в иную сторону, и сопровождал его, как это ни странно, Музыкант.

Когда Марк смотрел в самое верхнее окно Башни, он увидел неподалеку от своего города Дерево, столь великое, что его крона скрывалась в облаках. И захотелось Марку увидеть небо с самой макушки Великого Дерева.

Стоя у подножия Дерева, Марку и Орфею казалось, будто они стоят у стены, которая, — что вверх, что вправо, что влево — бесконечна.

— Ну, — сказал Марк, — в добрый путь.

Музыкант, что взял с собой лишь старую свирель, первым ступил на основание огромного корня и твёрдо зашагал вперед. Марк последовал за ним.

Однако спустя полчаса подъём стал тяжёлым, ствол огромного корня круто взмыл вверх, так что Марку с Музыкантом пришлось карабкаться, используя руки и ноги. А когда они, к закату, добрались до первого более высокого участка, то их локти, ладони и колени были изодраны в кровь.

— Наверное, на сегодня хватит, — сказал Марк, рассматривая свои кровоточащие руки.

— Да, — согласился Орфей, — а то я так и сыграть не смогу.

Они устроились как смогли, и спать им пришлось лишь на захваченных с собою плащах. Правда, ужин их был горячим, — здесь можно было сколько угодно наковырять коры.

— А зачем мы вообще взбираемся на это дерево? — спросил Музыкант, когда они укладывались спать.

— Да по большому счету — незачем, — ответил Марк.

— И это наверное самая лучшая причина, — довольный, высказал свое мнение Музыкант.

Удивлённый Марк не нашёл что ответить, он ожидал, что придётся объяснять Музыканту свои полусмутные стремления, а всё оказалось так легко.

— Спокойной ночи, — сказал Марк.

— Приятных тебе сновидений, — в ответ пожелал Музыкант.

Эпизод XV

«Посмотрим, что у тебя внутри.»

Любопытный Джек

Утро встретило их птичьим гомоном и сыплющейся сверху водяной пылью, раскинувшей над ними шатёр радуги.

Наскоро позавтракав, Марк и Орфей продолжили подъем.

Половину дня они карабкались по отвесному древесному склону, пока им не посчастливилось обнаружить гигантское дупло.

— Надеюсь, что там никого нет, — сказал Музыкант и решительно пошёл внутрь.

— Ну, что там? — крикнул в темноту Марк.

Ответа не последовало.

— Орфей?!

— Уже иду, — откликнулся Музыкант, и действительно почти сразу же за голосом показался из темноты и он сам, — там есть дорога лучше.

Сначала Марк ничего в темноте разглядеть не мог. Но постепенно сквозь черноту стала проступать картина внутренней жизни Великого Дерева, которая вероятно рисовалась тысячелетиями. Пересказать это невозможно, просто не хватит слов. Жилы, по которым струились живительные соки, перегоняя различные вещества из одного конца дерева-страны в другой, змеились вдоль внутренних стен Великого Дерева, местами эти нити складывались в какие-либо предметы, части каких-то известных вещей, при наличии желания можно было даже увидеть тела животных или людей, а то и их лица.

И эту огромную разнородную картину прорезали иглы световых лучей, видимо все дупла Великого Дерева выходили в этот общий зал.

Ко всему прочему здесь стоял невообразимый гвалт. Здесь, во внутренней древесной стране, гнездились миллионы различных птиц, орущих на самые разные лады. Здесь же скопились и всевозможные поедатели этих птиц, а так же поедатели поедателей.

— Я думаю, нам лучше подниматься с этой стороны, — высказал свое мнение Музыкант.

— Да, — согласился Марк, но всё же его одолевали некоторые сомнения, — по крайней мере, так будет быстрее.

— Если что, вон там вылезем, — Музыкант указал на световой луч, пронзающий ствол высоко над ними.

— Ну тогда в путь.

Эпизод ХУІ

«Скукотища у вас тут.»

Принц Гаутама

Они долго карабкались по извивающимся канатам, прошивающим изнутри стенки ствола, пугая птиц и мелких грызунов.

— Да, с санитарией у них не очень, — заметил Музыкант.

— Чья была идея? — откликнулся Марк, остановившись на мгновение, чтобы дать рукам отдых.

— Так я же не жалуясь, а констатирую, — объяснил Музыкант, тоже притормозив, — зато какова скорость подъёма.

— Ну это да, — вынужден был согласиться Марк.

Через два часа они уже добрались до очередного дупла в стволе, и, прикрывая рукой глаза от яркого света, вылезли наружу.

— Вот это да! — восхищённо присвистнул Музыкант.

Прямо перед ними убегала вдаль горизонтальная ветвь, на поверхности которой росли небольшие деревца, а местами даже зеркалились небольшие озёрца.

На коре, прямо под ногами было вырезано:

«Добро пожаловать, Каменный Бог!», и ниже более мелко, и менее пафосно:

«Долго же ты спал!»

Ф. Д. Фармер.

— Посмотрим? — предложил Марк.

— Обязательно, — откликнулся Музыкант.

Но так и не сделав ни шагу, они стояли и наслаждались красотой открывшегося мира.

— Я тут вспомнил, — неожиданно сказал Музыкант.

Марк повернул к собеседнику лицо.

— Ты читал у Борхеса про Будду?

Марк кивнул.

— Там было написано, что Будде ведомо столько, сколько песчинок в Гангах, которые всего лишь песчинки другого Ганга.

— Да, — согласился Марк, — было такое.

Музыкант замотал головой

— Вот мне и подумалось: «А вот эта картина была ему ведома?»

Марк пожал плечами.

— А мне почему-то подумалось о божественных бесконечностях, кальпах, то же из этого же произведения. Помнишь, чему равняется одна кальпа?

— Железной стене шестнадцать миль в высоту, которую протирают лишь раз в шестьсот лет, — сразу ответил Музыкант, — я на этих кальпах чуть ума не лишился, когда пробовал их себе представить...

— Вот я и думаю, сколько времени понадобилось, чтобы появилось вот это? — Марк окинул рукой окружающий их мир.

— Проще простого, — хитро ответил Музыкант, — всего лишь мгновение...

И когда Марк удивлённо вскинул брови, закончил:

— ... равное вечности.

Эпизод XVIII

«Первое свое слово я написал на заборе.»

Бог (из интервью)

Спустя три дня они уже поднимались сквозь крону Великого Дерева.

— Как ты думаешь, — спросил Марк, — что может быть выше Великого Дерева?

— Ты имеешь ввиду, — откликнулся Музыкант, — что мы увидим, поднявшись на самую вершину?

— Ну да, наверное.

— Мне уже и самому интересно.

Музыкант перелез через ещё одну огромную ветвь и резко остановился.

— Смотри, а здесь уже кто-то был.

Марк подобрался поближе и посмотрел туда, куда указывала рука Музыканта.

«Здесь был ДИСКАВЕРИ» — прочитал он вырезанную на дереве надпись.

— Интересные у людей бывают имена, — сказал, качая головой, Орфей.

— Значит не только нас интересует этот вопрос, — задумчиво пробормотал Марк, — ладно, полезли дальше.

Ещё три дня и им пришлось пробираться сквозь облачный слой. Сразу стало холодно, хорошо они захватили с собой тёплые плащи, из которых они теперь не вылезали, хотя одежда так и норовила зацепиться за ветки.

— В следующий раз нужно взять с собой куртки, — сказал Марк.

— Так ты собираешься сюда ещё раз лезть?

Марк не ответил.

Ветви стали мокрыми и скользкими, так что пришлось сбавить темпы подъема и быть более осторожными.

— Если отсюда свалишься, лететь придется долго, — сказал Музыкант.

— Вряд ли. Скорее всего зацепишься где-то ниже.

Музыкант в ответ что-то невразумительно промычал.

— Но в этом тумане кажется, что придётся падать вечно, — продолжил Марк.

— Вот-вот.

Ночь была холодной и слякотной, и наутро Марк с Музыкантом шмыгали простуженными носами и кланцали дрожащими зубами.

— Ещё один такой день и подниматься будет уже некому, — проворчал Марк.

— Зато ты посмотри, что я сделал, — гордо заявил Музыкант, и показал Марку вырезанную на стволе надпись.

«Поднялись выше. Орфей и Марк»

— Оригинально, — одобрил Марк, — но нужно приписать что-то еще.

— Да я тоже думаю, — сказал Музыкант, — может «Следуй за нами»?

— Нет, — покачал головой Марк, — слишком пафосно.

Они задумались.

— «Ждем вас наверху»? — предложил Марк.

Теперь не согласился Музыкант.

— То же как-то не очень.

— «Рады, что мы не одни»?

— «Спасибо за внимание»?

— «Привет верхолазам»?

— «Кто быстрее до вершины»?

Но все варианты отметались суровой критикой.

— О-оу! — вдруг воскликнул Музыкант, — придумал!

— Ну?

— «Ау, Дискавери?»

— Точно! — крикнул Марк, и чуть не полетел вниз, поскользнувшись на ветке, но вовремя ухватился рукой, — даже так: «А ты где, Дискавери?»

Они радостно рассмеялись, и потом очень красивыми и аккуратными буквами вырезали правильную фразу.

— А ну! — крикнул Музыкант, когда они закончили, — Кто круче?!

И полезли ввысь.

— Марк! — спустя некоторое время позвал Музыкант, и когда из тумана вынырнуло лицо Марка, кивком указал ему направление.

Марк повернул голову.
На стволе огромными ажурными буквами было вырезано:

«КАК ТЫ ДУМАЕШЬ, ЧТО ТАМ НАВЕРХУ?»

Эпизод XVIII

«Ну кто тебя учил падать?»

Чёрная немочь (в просторечье — Падучая)

Солнце всюду разбрасывалось своими тёплыми лучами, и продрогшие путники с упоением подставляли ему свои холодные спины.

— А я уже и не надеялся, — сказал Музыкант, разглядывая свои синие пальцы, — интересно, я ещё играть смогу?

— Обязательно, — уверенно ответил Марк и привалился к тёплой ветви, — всё, сегодня я никуда не иду.

— Да, — согласился Музыкант, — будем отогреваться.

Они замолчали, наслаждаясь теплом и покоем, пока от их одежды поднимался пар, исчезая на солнечном ветру.

— Однако печёт, — спустя полчаса заявил Марк, ища тень.

— Есть такое, — довольно промурлыкал Музыкант.

— Так!.. — воскликнул вдруг Марк, но поперхнулся.

И неожиданно Музыкант тоже понял. И мгновенно вскочил на ноги...

И тут же упал, чувствуя, как ухает сердце.

«Ну вот...» — подумалось ему, и представилось бесконечное падение...

Захрустели мелкие ветви, ломаясь под тяжелым падающим телом, послышался вскрик Марка, блеснул попавший прямо в глаза луч.

И в одно мгновение представилось Орфею всё: вереница музыкальных инструментов, сопровождаемая множеством музыкальных композиций, книжный магазин с ровными рядами книг всеми уважаемого Х.Л., дом, друзья, радостные и исполненные жизни, и, уже на излёте, озабоченное и хмурое лицо Марка да бесконечная вертящаяся пластинка Жанны Бичевской...

— Держу! — сказал кто-то совсем рядом.

И Орфей мгновенно ухватился за крепкую ветвь прямо перед его глазами. А сверху, распластавшись по стволу, вниз головой лежал Марк, держа одной рукой край плаща Музыканта.

— В такой важный момент ты решил оставить меня одного, — сказал с улыбкой Марк.

— А что, мы уже пришли? — делая невинное лицо, ответил Музыкант, залезая на дерево, — а я так, решил прогуляться.

Эпизод XIX

«НУ И ЧТО?»

Кто угодно

Одним порывом они преодолели последние метры и неожиданно оказались на равнине, земля которой была пухом, а вдалеке в легкой дымке загадочно высился Город.

А на небе огромными буквами сверкала неоновая надпись:

DEUS EX MACHINA

— Да! — многозначительно выдохнул Орфей, и сделал шаг по направлению к Городу.

— Стой! — окликнул его Марк.

Орфей обернулся. Марк стоял на месте, стараясь не смотреть вперед. Неожиданно Орфей понял, почему Марк остановился. Но теперь он был на один шаг мудрее Марка. Маленький шаг, но в этой Обители он значил многое.

— Ты хочешь вернуться, — сказал Орфей.

— Нужно сказать остальным, — ответил Марк.

— Нет, — сказал Орфей, — не поэтому.

— Мне уже достаточно доказательств, — тогда сказал Марк.

Секунду Орфей смотрел на Марка. Он чувствовал, что тот ещё не готов, что время Марка не пришло.

— Ты не сможешь вернуться, — сказал Орфей, — и не сможешь никому сказать. Они должны сами пройти весь Путь!

Марк не ответил.

— Помнишь Будду? — спросил тогда Орфей, понимая, что помочь Марку он не в силах, но пытаюсь дать ему хоть самые захудалые маячки.

— Ну? — откликнулся Марк.

— Человеческий разум — это огромный ему подарок в череде бесконечных перевоплощений. Только разум способен вырвать нас из болота материальности.

— Не понимаю, — сказал Марк, и Орфей понял, что теперь их отделяют бесконечные пропасти, равные одному небесному шагу.

— Дзэн! Дзинь!! Дзянь!!! — крикнул Орфей.

Эпизод XX

*«Это ничего, что темно.»
Афроамериканец*

А потом Марк повернулся и стал спускаться вниз.
«Надо будет посоветоваться с Х.Л.», — устало подумал он, и последние блики небес растворились в его открытых человеческих глазах.

14.09.2009 / 31.10.2005

Метро [вторая версия]

*Одна единственная поездка может изменить
твоё восприятие мира навсегда...*

Leona

Пробудываясь, я задаю себе вопрос: «Не уж-то снова проспала?!», и понимаю, что это так. Одевая разные носки, понимаю, что не успеваю накраситься. Кое-как расчёсываясь, закрываю квартиру на ключ. Выбегая на улицу с криками: «Твою налево!», сбиваю несколько прохожих. В ответ слышу ругань про «молодёжь» в моём лице. Мчусь к метро, словно угорелая. Проходя пропускной пункт вижу, что приехал мой поезд. Сбегаю вниз по ступенькам и, как на зло, дверь закрывается перед моим носом.

Я достаю айпод, вставляю наушники в уши и включаю «Crystal Castles — CRIMEWAVE» и жду следующего поезда. В забитый до отказа вагон метро меня вносит толпа, что образовалась за моей спиной в ожидании транспорта. Кто-то стоит на моей ноге, несколько человек впиваются локтями мне в бок, а я ругаю себя за то, что вечно просыпаю.

На следующей станции бабулька, что выходила, случайно треснула меня авоськой с консервами по голове. Глаза заслезились и из них посыпались искры.

Через некоторое время поезд подъехал к станции, в которой есть переход на другую ветку и вагон начал понемногу пустеть. Голова трещала, к горлу подкатила тошнота. Я заметила одно свободное место и поплелась к нему. Села, потянулась, наклонилась вперёд и посмотрела на время — 08:47. Обхватила голову руками. Закрыла глаза.

Открыла глаза. Оглянулась. Посмотрела на время — 08:47. Закрыла глаза.

Открыла глаза. Оглянулась. Людей, кажется, стало меньше... Посмотрела на время — 08:47. Закрыла глаза.

Открыла глаза. Оглянулась. Да, меньше... Посмотрела на время — 08:47. Неужели часы остановились? Достала мобильный. Там тоже 08:47. Закрыла глаза.

Открыла глаза. Оглянулась. Вагон пустой. Ни души. Посмотрела на время — 08:47. Поморгала. Всё также никого. Встала. Прошла по вагону. На экране высветилось: «Следующая станция — ****».

Господи, неужели я с ума сошла? И не сплю же вроде. Только что-то не даёт мне покоя. И дело даже не в отсутствии людей, а в присутствии чего-то другого.

Я почувствовала холод, словно в вагоне температура понизилась сразу на градусов десять. Я обернулась. Сзади меня только тень. Объёмная такая... Холод сжал меня в стальную перчатку, кожа стала гусиной, а ресницы почти мгновенно покрылись инеем. Из рта при дыхании шёл пар.

Как горная лавина неспешно сметает всё на своём пути, так и осознание ситуации требует времени. Медленно, но уверенно до меня дошло, что это не моя тень и она вообще никому не принадлежит. Это самостоятельное существо, не являющееся частью чьего-то организма.

Я сделала шаг назад, тень повторила моё движение. Я прижалась к двери, она сделало то же самое. Я помахала рукой и существо ответило мне тем же.

Я открыла рот, и фраза: «Ты кто?», вырвалась сама по себе. Тень в ответ пробулькала мне что-то невнятное. Я сделала два шага вперёд и протянула руку. Тень сделала то же самое. Я зажмурилась и почувствовала, как мы коснулись друг друга кончиками пальцев...

Я открыла глаза. Оглянулась. Посмотрела на время — 08:47. Закрыла глаза. Снова открыла. Мир стал чёрно-белым. Сотни чёрных, серых и белых пятен находились во-

круг меня. Они пульсировали, меняли оттенки, шептали одновременно и от этого стоял жуткий гул. Мне стало странно тепло, будто во время жуткого мороза меня закопали в снег.

Я дотронулась до одного из пятен, того, которое было ближе всего. Оно надулось и лопнуло. Из него выпал новорожденный ребёнок и мгновенно исчез. На фоне всей этой чёрно-белой «жизни» он ослепил мои глаза своей яркостью. Меня что-то дёрнуло за плечо, я обернулась и увидела себя. Я посмотрела на свои руки. Они стали тенью. Я стала тенью. Тень, которая обрела мою форму, помахала мне рукой и улыбнулась. Я помахала рукой и улыбнулась в ответ, хоть и понимала, что никто не увидит этой улыбки. Тень протянула мне руку и зажмурилась. Я сделала тоже.

Я открыла глаза. Оглянулась. Посмотрела на время — 08:48. Рядом сидящий мужчина толкнул меня локтем. Я закрыла глаза...

28.09.2009

Парк

Про парк и людей с их самодействием.

Leona

Две девушки сидели на трибуне, что в народе зовётся «амфитеатр». Они смотрели на парк. Одна, — та которая была в чёрном строгом костюме, в туфлях на шпильках и с ярко-красной помадой на губах, — закурила сигару и повернувшись ко второй, что была одета в медицинский халат, промолвила:

— Ну, Доктор, что скажите?

— Я думаю, вы ошибаетесь. У него нет социофобии. Только вторая стадия апатии и эксгибиционизм.

Ветер трепал им волосы. Доктор поплотнее закуталась в халат и задрожала.

— Вам холодно? — спросила первая.

— Да, холодно, — Доктор поправила очки. — Но не из-за ветра или апатии осеннего парка, а из-за девушки, которая сидит на два ряда ниже...

— А что с ней?

Они обе посмотрели на то, как израненную до крови голову девушки клюют две сотни птиц.

— Это вороны? — спросила первая в руке которой ниоткуда взялась чашка горячего эспрессо.

— Нет. Это проблемы, которые она сама себе создала. Вы разве не видите характерную пятнистость этих птиц?

— Смотрите, — тыкнула пальцем первая, — они расклевали ей череп и принялись за мозги!

— Да, мой друг. И пока они не доберутся до самой главной проблемы, которую она запрятала внутри себя, птицы не улетят, — Доктор повернулась к девушке с сигарой. — У вас не будет ещё чашечки эспрессо с молоком и двумя кубиками сахара?

— Да, конечно, будет! — она взяла сигару в зубы и в свободной руке появилось ещё одно кофе. — Возьмите.

Доктор взяла чашку, отхлебнула напиток и закрыла глаза наслаждаясь им.

— Это бойно? — сквозь сигару пробулькала первая.

— М? О, это безумно больно! Такие мучения и в её-то возрасте! Не каждый вытерпит такое.

Девушка застонала, обхватила голову руками, взвизгнула. Встала и начала отгонять птиц руками. Птицы впивались своими острыми клювами в её нежные руки и выдирали куски кожи и мяса. Наконец, девушка сдалась. Она опустила руки, села на ступеньку и безвольно упала набок. Две девушки безразлично посмотрели на неё.

— Так с парком всё будет в порядке? — спросила та, что с сигарой.

— Да, — ответила Доктор, — он это переживёт...

14.10.2009

Дождь

Без описания.

✕Self-Destroy✕

Вот так стою уже минут двадцать... уставившись на пейзаж за окном, он такой же жалкий, как все мы... он также скоро умрет... он не вечен... жёлтые листья слетают с деревьев теряя свою жизнь... дождь со злостью стучит по крыше не в силах что-то изменить... у него нет власти над судьбой, он ничтожен, он видит не то что надо а то, что есть... ветер кричит на него... ведь дождь мешает, он говорит правду... и это никому не нравится, все боятся... закрывают уши... называя это БРЕДОМ, а он — СТРАХОМ... ветер-герой прогнал дождь, ведь он патриот, его задача — оберегать листья... а я жалея, о том что дождь сдался, отхожу от окна с чувством грусти...

19.12.2009 / 18.10.2009

Всему приходит конец

Всему приходит конец. Даже слабости и трусости.

✕Self-Destroy✕

В одном направлении... с напряжением... трудно... многое неясно... непонятно и неизвестно... прямо... не оборачиваясь... не вспоминая... не надеясь... её просили вернуться... простить... забыть обиды и жить в дружбе... лезть... обман... выгода... нет!!! стоп!!! этого она больше не позволит... никакой любви... никакой тоски... никаких слёз... только лишь правда в глаза... хватит!!! всему приходит конец... даже слабости и трусости...

Я знала, что она думает... я знала, что сегодня прошло три года после изменений... после того, как она решила не сдаваться, идти вперёд и побеждать... сейчас напротив сидела полная решимости и сил девушка... нечего ей сказать... она не примет всерьёз восхищения... я лишь улыбнулась... но девушка даже не вздрогнула...

19.12.2009

Больница

Я всю жизнь если и попадала в больницы, то попадала только в реанимацию. И там я уже не могла посмотреть в окно, и там никакой глупый маленький мальчик не доставал меня глупыми детскими песенками. Тебе ещё повезло. Тебе хоть раз ставили капельницу с неисправной системой? О, это довольно приятно — глядеть, как твоя кровь вперемешку с физраствором вытекает на пол из каниюли, а медсестра пытается зажать неисправные трубочки корнцангом.

арин

«Пусть не заметит, пусть губит, пусть пьёт

только скорее домой заберёт...»

Палата №7

Этот больной мальчик выводит всех. Поёт песню дни и ночи напролет, даже когда спит. Но в чём-то он прав — каждый хочет, чтобы его забрала мать. Или отец. Даже если некому забрать. И даже я. Зная, что меня никто не заберет, жду, безнадежно считая дни до выписки. Взрослая кобыла, смотрящая в окно, ждёт своих не появляющихся родителей. Глупо. Но есть одна тайна. Больные хотят не видеть хоть кого-то, кто ставит им уколы и с доброй улыбкой на лице говорит то, от чего люди умирают. Или гниют изнутри, как я. Служащие больницы никогда ничего не могли поделать со мной, но и выпустить не могли. А лечить как? Через жопу, тут всех так лечат. Даже если болит мозг, уколы ставят в жопу и это печально. Хотя нет, печально то, что мой растущий

не в меру организм отвечает на антибиотики гноящими-ся ранами. Медсестры пугались этого. А мне... Мне хуже уже не будет никогда. Родители давно не ходят. Месяц назад мне сожгли вену, лекарством — сильным и безжалостным (как и сама медсестра, введившая антибиотик в вену), которая с наполовину введенным шприцем вышла поболтать по телефону. Одно радует — уколы мне больше не ставят. И да, последняя фраза что я слышала в жизни — «С Новым Годом, Елена Петровна».

31.12.2009

2010

Символ и загадка

Без описания.

Creiven

В туманное утро мы обнаружили, что К. куда-то пропал. Не совсем ещё трезвые, в карнавальных костюмах которые не успели снять после ночного карнавала, мы шли, похожие на диковинных чудищ, пробираясь мимо кустов, спускаясь к озеру. Мы окликали К. по имени, и наши голоса доносились почему-то слабо и отдалённо, в это матовое утро. Ближе к озеру туман уплотнился, растворив до подобий смутных теней деревьев. У самого озера сквозь прозрачную белизну темнело дерево, а с его длинной ветви, похожей на простёртую вправо руку свисало нечто, притянувшее нас своей загадочностью. Туман как по волшебству разошёлся, и мы с ужасом увидели повешенного на дереве К. Ни кто не проронил ни звука, — все замерли и неотрывно глядели, некоторые сквозь прорези маски, на повешенного. В левой руке мертвый держал голубой цветок, так нежно и твёрдо, как только может держать нечто хрупкое и деликатное только живой человек. Всё, что произошло после, в этот день, померкло в моей памяти. Моё пребывание в поместье Р. закончилось молчаливым стоянием перед символом и загадкой, не перестающими волновать меня по сей день.

08.01.2010

Заповеди

А почему ты решил, что это — кусочек моей жизни?

арин

Я никогда не меняюсь. Меняются мои мысли, мои слова, мои убеждения. Я остаюсь прежней.

Может это звучит слишком самоуверенно, но людям пора бы понять это. Или хотя бы принять. За каждое слово, которое говорит человек (неважно когда), отвечает только этот человек. За каждое слово, что говорю я, отвечаю только я. Наверно то, о чем я сейчас пишу, вам не совсем понятно... ладно, попробую объяснить. Весь мир вокруг построен на тех заповедях, которые придумывают себе люди... Я не говорю о: «не укради», «не убей»... это нечто совсем другое. У меня таких заповедей *. Начну по порядку.

Каждый день я просыпаюсь (если ты, конечно, просыпаешься каждый день), подхожу к зеркалу, ужасаюсь и резко начинаю приводить себя в порядок. Ничего необычного я не делаю, все как всегда...

Прихожу в место, в которое прихожу очень часто и слышу:

— Доброе утро, Аня. Ты сегодня так хорошо выглядишь, — и вот тут ошибка, первая заповедь: «комплименты это зло», если по его теории ты сегодня так хорошо выглядишь, значит вчера ты выглядела, как помятый суслик? Или как кто? То же касается и комплимента «ты так похудела» или чего подобного... это скорее оскорбление, чем возвышение красоты человека. Он меня оскорбил, но я даже не обиделась. Зато, теперь минуту можно погордиться собой, под предлогом «Какая у меня всё-таки сила воли!»

Проходишь дальше, хотя как проходишь, падаешь

на стул, стоящий рядом, смотришь в окно... погода сегодня не очень, значит, лыбу давить придётся до последнего. А кстати вот она и вторая заповедь: «поведение обратно пропорционально погоде» если погода хмурая, я буду солнцем. На улице солнце — я стану прохладным дождём. Моё поведение не соответствует моральным устоям. Мне всё равно. Абсолютно. «Что-то запрещённое — не обязательно что-то плохое, возможно это просто что-то новое» — третья заповедь. Натягиваю улыбку. Некоторые считают меня идиоткой, другие же просто супер-девчонкой. В любом случае я оригинал.

День дальше идёт как обычно, кто-то ругается, кто-то дерётся, кто-то сосется, Я сижу... я сижу и, с присущей только мне манерой, делаю вид, что мне вроде бы не наплевать на то, что происходит вокруг. Мне наплевать. Все эти люди, давят друг друга чужими проблемами, обвиняют в чём-то «За каждое слово, которое говорит человек (неважно когда), отвечает только этот человек». Никто не должен знать, что тебе плохо, это только твои проблемы, и только ты сам себе их создал, остальные люди тут совсем не при чём, не вмешивай их. Вот я и не вмешиваю, никого, особенно тех, с которыми знакома уже давно. Чем больше вы знакомы, тем сильнее они волнуются за тебя. Но на самом деле это обычная рутина. И даже то, что, как говорят некоторые, запомнишь на всю жизнь, забывается через неделю, вот и любые проблемы можно забыть — это не составляет никаких трудностей. Но всё же было несколько вещей которые я помню.

* * *

Он стоит на периле моста, поразительная ловкость. Мы с Катькой неподалеку, стоит только два шага сделать.
— Что ты застыла, он сейчас прыгнет, иди к нему!
— А я то тут при чём?

— Ну ты даёшь, ты его девушка, он завёт тебя, ты не пойдешь?

— Раз зовёт, то пойду. Он пьян? — отрицательный кивок. — О... как замечательно. Пойду.

— Ну и чего ты тут расстоился, — спрашиваю я с некоторой усмешкой, — народ своим суицидом пугаешь?

— Я тут просто думаю над мыслью, прославиться как Курт Кобейн, что ли. Элегантно сдохнуть, на славу поклонникам и на горе друзьям.

— А, ясненько.

— А что ты будешь делать, когда я прыгну? — он поворачивается ко мне своими голубящими глазами, теперь он стоит спиной к своей смерти, но по нему видно, что он даже не боится и тем более не сомневается. Не бояться смерти, так умеет только он. Этот парень точно не передумает. Я знаю.

— Ну, если ты прыгнешь, а смысла без тебя жить нет, тогда, — я делаю шаг. Хотя КАКОЙ ШАГ, НАФИГ Я ЕГО ДЕЛАЮ?! Встаю на перилу и падаю вместе с ним прямо в реку (всё-таки я не такая ловкая как он).

* * *

Да... этот человек заставил меня почувствовать что я живу. Всё-таки это было ненужно. Ведь мы выжили, оба.

* * *

— Почему ты не любишь звезды? — глупый вопрос, да и сам он глуп. Мальчишка, хоть и старше меня.

— Звезды совершенны, уникальны. А я человек. Обычный, который никогда не станет уникальным. Я восхищаюсь ими. Но ненавижу за то, что они так далеки от меня.

— Понятно. Скажи, а почему мы до сих пор вместе? — ещё один глупый вопрос. Мы встречаемся всего ничего.

— Не знаю... — он уходит. Что опять не так? Что опять не так? — ТЫ КУДА?

— Домой.

— Зачем? — он оборачивается и в меня вонзается острый, как лезвие ножа, взгляд.

— Потому что я так хочу, — уходит. Странное ощущение, как будто я говорила по телефону и ОН бросил трубку. Сказать нечего и некуда.

* * *

Кстати, все заповеди, которые есть, тоже создал он, но я никогда раньше их не замечала, пока мы не расстались.

* * *

Вода капает из крана, а по телику идут «Букинисты», какая банальность. Но мы всегда встречаемся в это время. Если, конечно, я иду к нему.

— Ты сучка, — сарказм, он всегда так говорит, когда говорить в общем-то больше не о чем. Я улыбаюсь.

— Конечно.

— Хорошо, что ты это поняла. Нам нужно расстаться. Мне не интересно с тобой. Да и внешность, прости, тебя подкачивает. Вали из моей квартиры.

— Э... НО...

— Просто уйди. Неужели до твоей глупенькой головки не доходит? Мы расстаёмся, — он выпихивает меня из дому и хлопает дверью.

10.01.2010

Дворник

Без описания.

Creiven

Шорох. Шорох. И снова. Этот мерный звук доносился из-за угла дома, направо от стены, у которой стоял я. Не может быть, подумалось мне, неужели в мире остался в живых ещё кто-то. Мерный шорох, доносившийся из-за угла, нарисовал в моём воображении образ дворника, подметающего сухую осеннюю листву, которую разметал по улицам ветер. Я вошёл через проход между домами в круглый двор, образованный тесно прижатыми друг к другу многоэтажками, и увидел со спины дворника, подметающего в кучу сухую листву. Дворник был в тёмных брюках и грязной, бледно жёлтой куртке с капюшоном, накинутым наголову.

— Эй! — позвал его я.

Человек с метлой замер, но после короткой паузы снова продолжил уборку. Я направился к человеку, который не обращал внимания на звук приближающихся к нему сзади шагов. Подойдя почти в плотную к нему я робко дотронулся до его плеча. Человек обернулся и я увидел полуразложившееся багровое лицо трупа. С криком отпрянув от мертвеца, я упал, подкошенный ужасом, на спину и ползком попятился к стене. Живой мертвец, равнодушно поглядев на меня, отвернулся и вновь занялся своей монотонной работой.

Прошло несколько месяцев, в течение которых я наблюдал за однообразным поведением живого мертвеца. Я свыкся с ним и, теперь его абсурдная, бесцельная работа, стала действовать на меня умиротворяюще. Проще говоря — мне стало всё равно... Но порой, ночуя в покинутой давно квартире, я слышал протяжный стон, который вызывал во мне тревогу, как-то связанную с одино-

чеством. Так стонет пустой поезд, прибывающий ночью на покинутую станцию, везя с собой призраков из потусторонности. Я выглянул в окно. В свете фонаря подъезда дворник, услышав стон, выпрямился, прислушиваясь, отвечая в своём непостижимом бытии потустороннему голосу. И вот он снова метёт сухие листья, как ни в чём не бывало. А меня всё ещё волнует этот стон, заполнивший собою тишину моей комнаты, и двор за окном, и весь мёртвый мир.

Однажды ночью я вышел прогуляться, небеззаботно, с навязчивым чувством незаконченного дела, которого я ни как не мог вспомнить. Когда я проходил мимо дворника, тот впервые оглянулся в мою сторону и поглядев несколько секунд на меня, вернулся к своей работе. Я закурил и пошёл дальше, намереваясь пройти так далеко, как смогу. Я шёл по лоснившемуся сальным блеском асфальту, освещённому редкой шеренгой уличных фонарей и... вдруг я удивился, наконец осознав, что «фонари горят». Они ни как не могли гореть без людей, и тем не менее... то, что я так поздно осознал этот очевидный факт, заставило меня задуматься о том что быть может я так-же легкомысленно пропустил некие более значительные вещи. С мрачным, подавленным настроением я продолжил прогулку, справедливо чувствуя себя преданным самим собой. Я вышел на перрон и сразу же увидел справа приближающийся огонёк поезда. Я потёр ладонями зажмуренные глаза и посмотрел снова. Поезд, горя жёлтым фонарём, стремительно приближался. Послышался гудок. Отгрохотав, поезд качнулся и остановился у перрона, шипя парами. Дверца со скрипом отворилась. Из неё вышел высокий, бледный кондуктор.

— Пора отправляться, господин — он назвал моё имя.

— Я не хочу ни куда ехать, — ответил я.

— Вы сами отозвались на наш зов, увидев поезд, который воплотился перед вами сейчас. Люди уходят. По-едем с нами...

Я отказался. И вот, уже спустя много лет, я помогаю дворнику убирать двор, ни сколько не досадуя на то, что моё тело приобрело истинный вид — такой, как у дворника.

11.01.2010

Экзистенциальный вакуум

Ты можешь сесть. Ты можешь встать. Ты можешь дотронуться до стены. И повторить всё с начала. Или не повторять. Ты можешь так-же сделать всё в другом порядке. Или не делать ничего.

Creiven

Ты можешь коснуться рукой стены, но между рукой и стеной останется безмерное расстояние пустоты; ты можешь подойти к стулу, но между тобой и стулом останется безмерное расстояние пустоты. И в каждом твоём действии, как и между самим тобой, останется безмерное расстояние пустоты.

12.01.2010

Интернет-любовь

*Рассказ о поисках счастья на сайте знакомств
(автобиографический).*

Инесса

Был обычный рабочий день, такой же, как и все предыдущие, похожий на остальные своим однообразием и монотонной серостью. Она сидела в своём кабинете, сосредоточенно глядя в монитор, изредка постукивая по клавиатуре. Со стороны казалось, что она задумалась над очередным бухгалтерским отчётом, только о работе можно было думать с таким серьёзным видом. Но на самом деле эта девушка уже второй час сидела перед компьютером, разглядывая до тошноты знакомые анкеты сайта знакомств. Одни и те же лица, одни и те же фразы, не меняющиеся годами фото, нестареющие, вечно молодые и свободные извращенцы, бездельники, просиживающие штаны в офисе и скучающие примитивные самцы, блещущие своим скудоумием... Как это всё надоело! С каждым посещением этого виртуального мира депрессия наваливалась на неё с утроенной силой. В очередной раз хотелось удалить свою анкету и забыть о всех разочарованиях и тщетных надеждах на встречу своей половинки. Всё это бред, здесь не может быть ничего серьёзного. Неужели за четыре года она всё ещё не поняла этого? Неужели не надоело ей наступать всё время на одни и те же грабли? Сколько ещё времени понадобится чтобы понять, что нормальный, полноценный, уверенный в себе мужчина не будет тратить время на эти глупые сайты? Но она не понимала этого или не хотела понимать.

Может в её анкете что-то не так? Фото недостаточно привлекательное? Возраст? Имя?.. Анкета девушки постоянно менялась, создавались новые профайлы, немислимо отличавшиеся друг от друга. Эта игра становилась

интереснее, забавнее, она затягивала, становилась навязчивым хобби, и всё же не приносила желанного результата. Джек-пот в виде сказочного принца и вечной любви был недостижим.

Но почему-то при каждой свободной минутке она открывала страничку надоевшего сайта и снова и снова разглядывала потенциальных «женихов», пытаясь за чужими фотошопными лицами и вымышленными именами найти кого-то... кого она искала — она не знала и сама. Не было готового шаблонного стандарта, типа высокий зеленоглазый брюнет на спортивной машине, или интеллигентный бизнесмен сорока лет без вредных привычек, любящий детей и животных... Не важны были ни цвет глаз, ни рост, ни наличие машины и жилплощади. Она искала того, с кем просто было бы хорошо, спокойно, уютно. Она хотела душевного комфорта, понимания и нежности. А главное — искренности и порядочности. Но вряд ли интернет — это то место, где можно обрести своё счастье...

Был обычный рабочий день, ничем не отличавшийся от предыдущих. Знакомые лица сайта снова бездушно глядели на неё с монитора. Незатейливая фотография, явно скачанная с какого-то форума про дебилов, ничем не привлекала внимания. Она уже давно перестала обращать внимание на фото, возраст и имя. Но анкета была местная, и это единственное, что её заинтересовало. Ну-ка — что там пишут?.. Полный бред... Автопортрет — пусто... Ничего интересного. Снова ничего... Может попробовать зацепить его — если местный — хоть на кабак раскрутить, погулять, развеяться, всё не так скучно будет... Анкета — даже не за что ухватиться. Как же заинтересовать его? А никак — что-нибудь напишу и ладно. В конце концов не так и важно — ответит или нет этот очередной виртуальный маньяк...

К её удивлению местный «маньяк» откликнулся почти сразу и завязалась обычная, вялотекущая, бессмысленная переписка. Но она не любила терять время зря и принялась решительно и прагматично вытягивать ещё одного виртуала в реал. Она чётко знала правила этой игры и не собиралась просиживать всю оставшуюся жизнь у компьютера, погрязнув в сладкой, тягучей паутине придуманной, ненастоящей жизни.

Первая встреча была спланирована безупречно. Найден реальный повод — нужно посмотреть рабочий компьютер. Он как будто разбирался во всех этих железяках, а у них как раз уволился очередной системщик и возникли проблемы. Она спокойно и уверенно чувствовала себя в привычной обстановке, как кошка-хозяйка на своей территории. К тому же — если он ей сразу не понравится, можно будет быстро и без проблем его выпроводить, всё-таки — работать тоже нужно... Они обменялись телефонами и вскоре оба с любопытством, но тщательно скрывая интерес, наблюдали друг за другом, вели ненавязчивую беседу, делая каждый свои выводы.

Она показалась ему строгой, слегка неприступной, гораздо моложе своих лет и симпатичнее, чем на фото в анкете. Он производил хорошее впечатление, одет был по-летнему просто — шорты, футболка, шлёпки, но бесформенная одежда не портила его спортивную фигуру. Приятный голос, интеллигентное поведение, лёгкость в общении с ним — а почему бы и нет... Тем более завтра суббота, можно подумать и о прогулке вечером, если не будет никаких других интересных вариантов. Иногда она и сама поражалась своей практичности и целеустремленности. И хотя привычка добиваться того, чего хотела, не всегда приносила положительный результат, она всё же решила назначить ему встречу.

Выпитое вино приятно расслабляло. Непринужденная беседа о жизни под тихий шорох морских волн,

звёздное небо, освещённые луной причудливые скалы, атмосфера свободы и лёгкости кружили голову. Хотя нет — всё же это видимо был тот лишний третий стаканчик вина, или четвертый?..

С каждым днём их общение становилось всё более продолжительным и откровенным, взаимная симпатия перерастала в страстные встречи, а бессонные ночи с разговорами до рассвета обо всём, что только могло прийти в голову, — это было что-то новое для него. Непонятные и необычные чувства к этой девушке перевернули всю его жизнь. Всё, что было раньше, — потеряло смысл и казалось просто чёрно-белой фотографией, безжизненной и размазанной картинкой из его прошлого. Ему хотелось просто быть рядом, бесконечно слушать её голос, смотреть в прекрасные глаза, прикасаться к ней, видеть и ощущать её... Ей хотелось заботиться о нём, дарить ему своё тепло и ласку, радовать его и радоваться его счастью вместе с ним. Столько нерастраченных чувств накопилось за эти годы одиночества и страданий, и теперь он нежился в этом потоке тёплой энергии, исходившей от неё, как кот, гревшийся на солнышке. А он и действительно был немного похож на бродячего кота, который соскучился по домашнему уюту и доброй, любящей хозяйке.

Как быстро пролетело лето! Неизбежность разлуки, страх лишиться того ощущения спокойствия и счастья, которое только появилось, неизвестность и пустота — пугали их обоих. Но они знали, что вскоре снова встретятся и уже не расстанутся никогда. А это испытание лишь подтвердит то, что их чувства — настоящая любовь...

Был обычный рабочий день, такой же как и все предыдущие, похожий на остальные. Она сидела в своём кабинете, глядя на монитор и что-то быстро печатала. Со стороны казалось, что она работает... На экране быст-

ро мелькали сообщения «агента», а её счастливые глаза и ямочки на щёчках говорили о том, что ей сейчас совсем нет никакого дела до работы, в принципе как и до сайтов знакомств. Она снова жила какой-то своей виртуальной жизнью, но была счастлива!

Но, впрочем, это уже совсем другая история...

12.02.2010

Великая вещь

Ты сидишь и глотаешь слёзы, голова кружится... хочется удавиться и тут кто-то пишет: «Не плачь, я с тобой»... но от этого ничего не меняется...

арин

Интернет — великая вещь... Он заставляет думать не сердцем, не душой, а разумом. Ты сидишь, глотая слезы, и тебе так больно, что хочется удавиться. Ты сидишь, и шлёшь ему смайлы, понимая, что то, что ты чувствуешь — неправильно... это плод твоего воображения, просто ты не должна его грузить.

Интернет — великая вещь... Он не делает так больно, как разговор... Кто-то по ту сторону сидит и печатает: «Прости заяц, мы должны расстаться»... Но нет ощущения той боли. Его нет, как и нет того, кто это печатает сейчас перед тобой... Интернет смягчает удар.

Интернет — великая вещь... Ты сжимаешь руку в кулак, ты видишь её — свою грань. Ещё чуть-чуть и всё — нервный срыв... Но всё равно на вопрос «Как дела?» ты отвечаешь «Всё норм =)», и никто не видит, что ты лжёшь... что тебе больно...

Интернет — великая вещь для тех, кто по ту сторону экрана... Но так ли он велик для того, кто улыбается через силу, для того, кто врёт...

04.03.2010

Батон

Сказание про батон.

arseniyGE

- Тоша, пойдём батон крошить.
- Отъебись, мы идем Валю снимать.
- Я сейчас Валю сам крошу.
- Вторым будешь.
- Заебал.
- Заебал, пойдём.

Пошли. Ночью далеко добираться: батона обычно можно найти в 204 квартале. Он собирает пыль или сохнет под Луной: «загорает» — говорит.

Тоша и Целый обошли на корточках лужу на входе в квартал.

- Ни черта не видно.
- Мог и нырнуть, утырок.

Перелезли через забор. Тоша снял шапку, закинул её на масляный фонарь. Опытный Целый пошёл вперёд, завернул в третий налево проулок, где батон имел обыкновение обсасывать иглы выброшенных шприцев. Кушает...

- Пойдём к бидонам.
- Пустые, бля. Утром свежее будет.
- Да куда ты смотришь! Он обезжиренное любит.
- Нету его здесь. Пойдем к трубе.

Труба — единственное место, где ещё можно было найти батона. Там он придавал себе форму. И идти до неё еще минут 15.

- Целый, я тебя убью, он, похоже, в гости ушел.
- И Валя уже свалила.
- Да куда он мог уйти?
 - К булочкам, не к Вале же.
 - Стой! Пойдём к нему домой.

— Какой домой!!

— К маме его, Ватрушке. Я знаю номер квартиры.

Звонок.

— Здравствуйте, Ватрушка Сочниковна, я принес немного масла для вашего батончика.

Немой треск трубки. Батон показался на пороге. В момент оценив обстановку, он запрыгал в кусты, извиваясь как червяк. Но Тоша уже поджидал возле и поймал батона в воздухе, уцепившись за прорезанную бочину.

Целый достал зажигалку и стал сушить. Тоша держал за концы.

12.03.2010

Волки знают дорогу в рай

Куда-то глубоко дыша, увидел ответ. Любезно жал. Упал. За что-то призрачно борясь, ответил «нет», но сам не знал

Каков был правильный ответ. Авантюрист? Скорей не он. Но всюду лез, пусть даже в гладь, за что боролся — не нашёл, а что нашёл, готов отдать.

арин

Как говорит мой любимый друг: «Если человек станет жить по законам, он перестанет называться человеком». И может это печально — зато правда. Наивная такая, детская правда, но, по-моему, самое оно. Так как всю жизнь я мечтал только об одном, чтобы завтра было не как сегодня, но как сегодня — я был счастливым. Мечта эта преследует меня всё мое сознательное существование. Поэтому я и не составляю планов на будущее, не строю надежд. Знаете, когда-то я слышал историю о женщине, которая даже детей родила именно тогда, когда запланировала. Но разве ей было не скучно? Не одиноко? Не спорю, она была успешной, но скорее удовлетворенной, а не счастливой. У меня вот все получается само собой, конечно не совсем само. Главное — уметь выкручиваться и быстро учиться, а так-то само. И пусть я потеряю всё, но это я сделаю как мне будет угодно. Я встречу своё будущее как захочу. И пусть я буду грешником, в отличие от вас я всё равно попаду в рай. Ведь рай — это не то место, где есть надежда на будущее, рай — это не то место, где есть вера в будущее, рай — это не заблуждение о будущем, рай — это настоящее... я живу в раю...

09.04.2010

Снежная королева

Сказка, мои фантазии.

arseniyGE

Малыш проснулся в холодной пещере, укрытый кукушкиным льном. На стене была ледяная глыба с большими сосульками, в двадцати шагах от него — широкий выход.

Дул ветер, в пещеру заносило снега. Малыш поднялся и пошёл посмотреть: снега собиралось всё больше, пока он не вырос в женский образ: без обуви, в белом платье и сером плаще. Женщина держала в руках подснежник. «Теперь ты будешь жить здесь», — сказала она и передала цветок в руки мальчика. На одежде льдинки, голос — сильный и звонкий. «Не испугался, мальчик с чёрными глазами», — подумала она и ветер, подувший назад, частичками снега унёс её обратно.

И теперь, на расстоянии в тысячи горизонтов, за-сверкал ледяной замок, пропуская сквозь себя лучики рассветного солнца. С каждым шагом вперёд мальчику становилось холоднее и потому ему не удалось рассмотреть вершин башен из-под сводов пещеры.

«Наверное, она королева», — подумал он.

Внутри всё было покрыто инеем, и жива была лишь та часть, где он проснулся: камень там был тёплый и мягкий, с широкими трещинами.

Королева пришла на следующее утро, накинула свой плащ на его плечи и пошла к выходу. С глыбы на стене капала вода. Мальчик последовал за ней.

— Смотри: вон мой замок, но для тебя там слишком холодно. Там — провал.

— А что в провале?

— Туда стекает наше счастье. Нарисуй свое желание, — она улыбнулась краешком губ и исчезла.

Мальчик кутался в плащ и смотрел на замок. Погода всегда была ясная, и только с приходом королевы началась метель. Белый мир, без изъяна, в далекой стороне обрывался в никуда. Провал. В кармане он нашел кусочек мела.

Она приходила каждый день на рассвете, приносила конфеты, веточки с почками, большую снежинку, которая тут же растаяла у мальчика в руках. В пещере становилось тепло, лёд на стене таял, под ним оказалось зеркало.

Однажды королева принесла яблоко. Её белые волосы тускнели от таявшего снега. Мальчик бросил в сторону яблоко и схватился за плащ: «Не уходи!» Она оглянулась и взяла зеркало. На плаще остался блеклый отпечаток.

* * *

На дне каменной комнаты сидел мальчик. Он рисовал на полу кресты. Получались птички или буквы «У». Но со временем вся комната покрылась паутиной белого цвета.

Мальчик поднялся и пошёл прямо к провалу. Он заплакал, и льдинкой стала слеза на щеке.

10.04.2010

Убей ёжика

Я скажу: «Пожалуйста, убей», – и ты не раздумывая сделаешь... А если я скажу: «Пожалуйста, не убивай», – ты будешь очень долго думать...

арин

Убивай ёжиков, почему нет? Ты же мужик, ты охотник. Наведи свое беспощадное ружьё на тельце, пробей шкурку, смотри как крохотное создание истекает кровью от пули, которая практически больше него самого... Убей ёжика. Вчера ты палил по зайчику, но не попал, сегодня ёжик, а завтра, наверное, пулями по комарам палить будешь... Убей ЁЖИКА, а потом хвались своему малолетнему сыну, что ты крут! Ты добытчик! Чтобы он смотрел и думал: «Когда я вырасту, я тоже убью такого монстра! Мой папа такой смелый». **УБЕЙ ЁЖИКА** если рука не дрогнет... она у тебя точно не дрогнет. Правда?

15.04.2010

Тёмное небо

Без описания.

Creiven

Серое небо гнетуще нависло над долиной, окаймлённой горной грядой. Эта обширная долина была мало заселена, и дом старого Илии был одинок на многие вёрсты вокруг. Илия вышел из дому и стал, глядя в серое небо, ожидая вестника который снизойдет к нему с высот. Каркнул ворон. Илия обернулся и увидел на шесте окликнувшую его птицу. Во всяком случае, Илии так показалось, ведь теперь всё могло говорить. Случайность ушла, уступив место откровению. Илия сел на крыльцо, подперев подбородок кулаком, глядя усталыми, поблѣкшими глазами, куда-то вдаль. Небо стало тёмным. Илия встал и разглядел в потемневшем небе чёрную птицу, которая летела в сторону его дома. Птица увеличивалась в размерах по мере приближения, пока не приблизилась настолько, что можно было увидеть, что это вовсе не птица, а человек, с огромными чёрноперистыми крыльями, который опускался всё ниже и ниже. Крылья превратились в чёрный плащ когда человек спрыгнул на землю. Царственной походкой молодой принц в серебряной диадеме подошёл к изумленному Илии. — Кто ты? — спросил Илия. — Я тёмное небо. Илия, разбуди спящего. Ворон вспорхнул с шеста и улетел прочь. Илия протёр глаза. Его посетило ведение. Илия, потирая руки от волнения, шёл, раздумывая над тем, что сказало ему тёмное небо. У сарая он увидел мёртвого малыша. Тот играл с железным обручем со спицами, некогда служившим колесом для детского велосипеда. Малыш был так увлечён своей возней с колесом, что даже не прекратил своей игры, когда заметил появление Илии, который с интересом глядел на мёрт-

вого ребенка. Этот малыш не был призраком, он был ожившим мёртвым телом. Поэтому он был неестественно одутловат и левый его глаз всегда выражал изумление, так как почти вышел из глазной впадины и порой выпадал совсем, держась на кровавой нитке; когда это случалось, малыш не всегда удосуживался это исправить, и его порой приходилось заставлять, чтобы он вставлял пальцем глаз обратно. Все кто жил в здешней долине ласково прозвали его трупиком. Этот малыш пришел из за гор, — из мест, где людей убило тёмное небо. Очень редко тёмное небо убивая могло вновь даровать кому ни будь жизнь. Но тех кто воскрес таким образом из мёртвых воспринимали либо как благих избранных либо как проклятых. В этой долине трупака воспринимали как первое. Илия улыбнулся малышу и пошёл в сторону ближайшего соседского дома. Через несколько секунд он услышал настигающий его, торопливый бег. Илия обернулся. Малыш стоял рядом, глядя ему в лаза, обхватив руками колесо. — Ты хочешь пойти со мной? Я не буду против. Только сперва мне понадобится вот это. Илия нагнулся и подобрал длинную палку. — Теперь можно идти. Старик с посохом и мёртвый малыш, что катил за ним колесо, шли по дороге, среди вересковой пустоши. Время от времени малыш упускал колесо, которое разгонял, и оно частенько падало. Тогда малыш подбирал его и бежал с ним за Илией, словно боясь, что тот успеет уйти без него. — Очень давно, возможно когда я был таким же маленьким как ты, малыш, мне явилось видение. Тогда чёрное небо обратилось ко мне. Оно сказала; ты будишь призван мной, когда я приду чтобы собрать жатву. Ни кто не придавал значения моим словам, когда я рассказал об этом. Да и ни какого тёмного неба в у пору не было. Я ждал когда придет тёмное небо — откровение. И вот оно пришло. Но я не знаю что я должен сделать... Постой, я поправлю те-

бе глаз. Стой смирно... Вот так... Куда мы идём? К ближайшему дому от моего. Он не жилой. Его заколотили давно... — после этих слов Илия с помрачневшим лицом устремил взгляд в даль, пронзая время, вспоминая былое. Настала ночь когда Илия и малыш увидели огни впереди, там, где стоял заколоченный дом. Илия уверенно пошёл вперед. Пламя плясало на незнакомых лицах. Глядя на этих людей Илия понял, что они ждали его.

08.05.2010

Он в замешательстве

Впервые за много-много лет ОН в замешательстве. Куда: в рай, в ад или снова на землю?

арин

— Мама, мама, купи мне чупа-чупс, — попросил трёхлетний мальчик.

— Сынок отстань, видишь, маме на пиво не хватает, — ответила его мамаша восемнадцати лет. — Мама, а что такое пиво, а мне можно?

«Что хорошо для мамы, то неплохо для её сынка», — подумала мамаша и подала своему сыну бутылку.

Гену не стали поддерживать его друзья после того, как у него умерла мать. Это стало для него сильнейшим ударом. Гена решил, что больше не будет выходить из дома. «Почему она умерла? — думал Гена. — Почему мы не можем с ней жить в прекрасном мире, как и хотели?» Через месяц, лазя по какому-то сайту Гена наткнулся на рекламу. Вся остальная жизнь Гены состояла из набора левелов в игре «Прекрасный мир», его квартира со временем стала жутко выглядеть, как и он сам, но... знаете, Гена добился того, чего хотел — он живет в прекрасном мире.

На стене дома, в котором жила Маша Кубкина, была написана фраза, из-за которой к ней не подходили парни. «Маша Кубкина блядь, она болеет спидом», — полгода назад написал парень, которому она не дала.

Мать Тёмы Спирина всегда говорит то, что считает правильным. Когда в личном деле Тёмы Спирина написали: «Покончил жизнь самоубийством», только мать знала, что в день его смерти она сказала: «Такие как ты, Тема, должныдохнуть» и вложила в его руку пистолет. Мать Тёмы Спирина всегда говорит то, что считает правильным.

С года маленькому эстету твердили: «Всё уродливое должно исчезать». В своём дворе семья эстета отстрели-

вала грязных голубей и топила облезлых котят. Когда эстету исполнилось 30 лет он сломал себе пальцы на правой руке, которые после неправильно срослись. Заносся топор, он повторил: «Всё уродливое должно исчезать», и отрубил себе запястье.

После очередной пьянки Маша попала в психушку. Миша больше не мог заниматься сексом ни с кем. Ни с мальчиками, ни с девочками. Саше повезло больше всех. Он впал в кому.

Возле врат ада и рая стояли люди... Алкоголик, геймер, «шлюха», самоубийца, человек без правого запястья, и Саша... Впервые за тысячелетия их не пускали ни туда, ни туда, — им даже не позволяли стать демонами. «У человека всегда должен быть выбор, всегда выбор», — повторял про себя ангел-распределитель. «У человека всегда должен быть выбор, всегда выбор, но был ли выбор у них?»

30.06.2010

Книга Дзынь

Без описания.

tuboltsev

Дзыньдзыньизм

— Всё на свете звенит, — говорил великий китайский мастер Дзынь-дзынь.

И всё вокруг, действительно, звенело.

Пустозвонство

— Всё, что ни говорится — пустозвонство! — говорил великий китайский мастер Дзынь-дзынь.

— Даже Ваши слова? — спрашивали у него ученики.

— «Дзынь-дзынь», — отвечал им великий китайский мастер Дзынь-дзынь.

Великий китайский мастер Дзынь-дзынь

— Чем звонче учитель, тем он тише, — говорил великий китайский мастер Дзынь-дзынь, а ученики его даже и не слышали.

Дзынизм

— Перезвон мудрости — это тишина, — говорил великий китайский мастер Дзынь-дзынь про себя, но ученики его всё равно слышали.

Незвениящая Незвения

Пришла однажды царевна Незвенияна уму разуму у великого китайского мастера Дзынь-дзынь учиться.

— Звени! — сказал царевне Незвенияне великий китайский мастер Дзынь-дзынь.

А царевна Незвеняна незазвенела.

С тех пор мудрость великого китайского мастера Дзынь-дзынь стала известна не только в Китае, но и во всем мире.

Дзынь-буддизм

— Мы Вас не понимаем, — сказали великому китайскому мастеру Дзынь-дзынь ученики.

— На то он и Дзынь-буддизм, чтобы его не понимали, — дзынькнул Великий Китайский мастер Дзынь-дзынь и его протяжный дзынь услышали даже те его ученики, которые были далеко в горах, но, как всегда, не поняли зачем это дзынь-дзынь звенит.

Дзынь-дзынь

Однажды великий китайский мастер Дзынь-дзынь дзынькнул.

— Вы постоянно дзынькаете, а не однажды, — сказали ученики.

Дважды дзынь

За глубокомысленное дзыньканье великого китайского мастера Дзынь-дзынь прозвали дважды дзынем. Но великий китайский мастер Дзынь-дзынь отрицал, что он дважды дзынь.

— Дзынь удваивать не стоит, — скромно говорил великий китайский мастер Дзынь-дзынь.

Наполнение Дзын

— А дзынькает только то, что пусто? — спросили ученики.

— Да, без пусто дзынькнуть невозможно. В слове «дзынь» есть много пустых мест, которые каждый запол-

няет по-своему, — объяснил великий китайский мастер Дзынь-дзынь.

Нота Дзынь

— А правда, что когда-то в древности была нота Дзынь, но её потеряли, а теперь Вы её нашли? — спрашивали ученики.

— Да, и опять потерял. Мудрость всегда теряется, — признавался великий китайский мастер Дзынь-дзынь.

Недзынь

— А возможно недзынькнуть? — спросили ученики.

— Недзынь! — недзынькнул великий китайский мастер Дзынь-дзынь и его после этого стали называть ещё и великим китайским мастером Недзынь-недзынь.

Игра на флейте сякухати

— Почему нет окончательного варианта игры на бамбуковой флейте Сякухати? — спросил Цзы.

— Потому, что перетекание нот никогда не повторяется, — ответил мастер Дзынь.

Секрет извлечения нот

— Какой секрет извлечения нот на бамбуковой флейте Сякухати? — спросил Дзы.

— Надо играть себя, — ответил мастер Цзынь.

Лучшее упражнение

— Какое лучшее упражнение игры на бамбуковой флейте Сякухати? — спросил Дзы.

— Надо взять ноты и выбросить их, — ответил мастер Цзынь.

Нота «соль»

— Как не пересолить мелодию, играя на бамбуковой флейте Сякухати? — спросил Дзы.

— Забыть о том, что существует нота «соль», — ответил мастер Цзынь.

Восточная мудрость

— Стоит ли играть европейские мелодии на бамбуковой флейте Сякухати? — спросил Дзы.

— Только если ты в совершенстве овладел японскими мелодиями, — ответил мастер Цзынь.

Облачный лев

— Можно ли играть на бамбуковой флейте Сякухати «Облачного льва» в солнечную погоду? — спросил Дзы.

— Но тогда облака скроют солнце, — ответил мастер Цзынь.

О гармонии

— Какие гаммы на бамбуковой флейте Сякухати ведут к гармонии? — спросил Дзы.

— Любые, если гармония есть в тебе, — ответил мастер Цзынь.

Настоящая игра

— Стоит ли играть на бамбуковой флейте Сякухати избитые произведения? — спросил Дзы.

— Настоящая игра — это когда любую твою мелодию слушают, как в первый раз, — ответил мастер Цзынь.

Совершенство игры

— Какие ноты при игре на бамбуковой флейте Сякухати основные? — спросил Дзы.

— Совершенство возможно только при равноценности и равнозначности всех нот, — ответил мастер Цзынь.

04.07.2010

Парадоксальная афорология

Без описания.

tuboltsev

Треплолингвистика

— Снять со смыслов ярлыки обозначающих их слов — значит снять со стола лист, чтобы читать стол.

Осознание текста

— Добиться абсолютного осознания текста — значит прочитав текст молча, не произнеся ни слова про себя.

Мир многообразия

— Слово пёстро и многообразно, сколько людей, столько словоцветий и словообразов.

Лингвоинквизиция

— Догматик читает текст, держа в руках щипцы идеологии, которыми он вырывает слова из контекста.

Закон искажения

— Текст виден только сквозь всегда искажающие линзы личного опыта.

Дребезги смысла

— Пробелы — это дребезги разбитого типографским станком чистого смысла пустого листа.

Гастрономия смыслов

— Наестся смыслом может только книжный червь, философ же остаётся вечно голодным.

Смысловое дунавение

— Подуй на листы и поймешь смысл текста, — говорил учитель Дзынь.

Миропыль

— Мир — это словесная пыль. Дышите аккуратно на книжный лист! — говорил учитель Дзынь.

Переписка

Меня читает мир и я читаю мир.

Пишу вселенную, зачеркиваю, рву и переписываю мир!

Меня зачеркивает, рвёт и переписывает мир!

Друг друга пишем мы, одновременно...

Лист истории

— Фиговый лист истории прикрывает нагость цивилизации.

Словообразец

— Слово — это образец, создающий образ человека

— Слово — это образец, образ личности — это одновременно собираемая индивидуальностью и собирающая индивидуальность мозаика из слов-образцов.

Наскальные надписи

— Все смыслы переносные, даже если они написаны на горах.

Диоптрии мудрости

— Книгу жизни нужно читать сквозь линзы позитива.

Глубина рисунка

— Как буквы ни рисуй, на листе всё выглядит плоско! Хочешь глубины — сверни лист в трубочку! — говорил учитель Дзынь.

Мойщик окон и мухи

— Я мою окна, чтобы протереть мухам глаза, — говорил мойщик окон.

Зима и мухи

— А благо ли для мух, когда им открывают окна, особенно зимой? — задумался мойщик окон и ухмыльнулся.

Мухопрозревание

— Я мою окна, чтобы помочь мухам прозреть, — говорил мойщик окон.

В мире окон

— И для людей, и для мух, жизнь — это путь от окна до окна, — говорил мойщик окон.

Нужная профессия

— Чем чище окна, тем яростнее долбёжка мух, — говорил мойщик окон.

Оспаримость слова

— Ос-паримое слово парИт в круговороте дискуссий, неоспоримое слово пАрит и сушит диалог.

Необозримость текста

— Текст обозрим, если читать закрыв глаза, — говорил учитель Дзынь.

Смысл

— Смысл толкования — вечно переталковывать наталкованное, но не однозначно растолочь.

Урна

— Если-бы урны для мусора рассматривали как избирательные, я бы обязательно стал президентом, — говорил Жихреновский.

Бесконечность осмыслений

— Об-основание всегда об-основывается об-об-основыванием старого основания так, что каждое последующее основание открыто для пере-об-оснований.

Клубок многосмыслия

— Нити рассуждений образуют клубок многосмыслия, а не цепь, которую можно разрушить разрывом одного кольца.

Великий китайский мастер Дай

— Любовь к знаниям рождает знания, — говорил великий китайский мастер Дай.

— Текст надо любить умеренно, — говорил великий китайский мастер Дай.

— Любовь к знаниям должна предохраняться критичностью, — говорил великий китайский мастер Дай.

— Любящий знания всегда рискует заразиться вирусом фанатизма, — говорил великий китайский мастер Дай.

Философия с запинками

— Истинный философ всегда излагает свои взгляды с запинками.

Словонеповторимость

— Повторимость слов обусловлена их неповторимостью.

Бытие Ваньки-встаньки

— На-стоящему предшествует не прошлое, а на-лежащее, — говорил Ванька-встанька.

Текстовзломачивание

— Чтобы глубже понять текст, лист надо встряхнуть.

Мяжкушка

Жила была мягкая игрушка: вида мягкого, рода мягкого, класса — мягкого и по имени — мягкая.

— Ты слишком мягкая, чтобы тебя классифицировать, — говорил ей мальчик.

— Сам ты мягкий! — отвечала мальчику мягкая игрушка и твердела, возмущаясь.

Текстторнадо

— Дуновения всех книжных страниц, которые одновременно перелистывают читатели, может вызвать ветровой шторм, если страницы слишком поспешно листать.

Литературный воздуходув

— Ветер дует благодаря сумме дуновения всех книжных страниц, которые в данный момент перелистывают читатели.

Великий китайских учитель Ем Ням Дзинь

— Книгопищу не с об-ложкой, а с ножом с об-вилкой подавать надо, — говорил великий китайский учитель Ем Ням Дзинь.

Сопричастность пробела

— Пробел — это часть, сопричастная целому текста.

Суперчтение

— Прежде надо прочитать книгу закрытой, а потом уже её перечитывать листая.

Раскрытие смысла

— Раскрывая лист, мы раскрываем те стороны листа, которые сокрыты внутри нас.

Соль критичности

— Духовную пищу надо приправлять солью критичности.

Белый смысл

— Пробел — стержень смысла.

Хвостоносые

— Ваши носы — это на самом деле хвосты, которые виляют под мою дудочку! — сказал Жихреновский избирателям.

Опять нефартануло

— Если бы у меня был хвост, меня бы тоже выбрали в президенты, — сказал Жихреновский.

Фундаментальный пробел

— Пробел — это фундамент, на котором стоит слово.

Целосмысленность

— Целость смысла можно на-делить словами, но только без слов смысл цел.

Вера

— Если Вам жарко, возьмите веер и по-верьте, кто верит, тому не жарко! — сказал слушателям проповедник и включил кондиционер.

Бубноворчуны

— Не ворчи! — Сказал комар мухе.

— Я жужжу, а не ворчу, это ты бубнишь, — ответила муха.

— Нет, ты ворчишь, а я не бубню, а пищу, — ответил комар и засмеялся.

Классы

— Правящий класс делится на три группы: носители классового сознания, большие классовым сознанием и руководители, — говорил Ленин.

Закон падения невкусных яблок

— Яблоко кислое! — сказал Ньютон и бросил яблоко вверх.

Получив яблоком по башке, Ньютон вывел закон падения невкусных яблок.

Урожай смысла

— Зёрна слов возрастают урожаем смысла, только если их орошать водой со-мнений.

Умный жёлудь

— Не буду дубом, буду умным, — сказал жёлудь.

Самозарисовка

— Одни рисуют себя, другие — просто рисуются.

Пробелослов

— Слово не выкорчует из пробела.

Кручение смысла

— Пере-ворачивая листы, читатель пере-выворачивает и пере-вворачивает по-своему смыслы.

Аштаны

— Наличие полотенца не гарантирует, что вы не будете вытирать руки а штаны.

Правды и истина

— Правд много, а ис-тина — это тина, стоя на которой можно утонуть в болоте нетерпимости к другим правдам.

Урожай смысла

— Буквы — это семена, урожай которых у каждого читателя-пахаря не похож на урожай других.

Смыслопыль

— Попробуйте, глядя на лист, увидеть не смысл, а пыль, — сказал ученикам великий китайский учитель Дзынь.

Противоречивость смысла

— Противо-речия неиссякаемы, противо-речия — источник смысла.

Дунчик

— Я не капризный, я просто так надулся! — сказал воздушный шарик.

От умности до глупости

— От умности до глупости, от глупости до умности — шаг в один пробел.

Песчинкометрия

— Всего от одной песчинки зависит, чётное ли число песчинок на пляже.

Замечания гениев

— Прояснилось! — сказал Эйнштейн после дождика.

Дождедел

— Каждый душ — это часть облака, — говорил называющий себя специалистом заоблачной квалификации — сантехник.

Гурман Маугли

— Мухи к чаю — это роскошь, — сказал Маугли, повторяя слова лягушки.

Загадки цивилизации

— Как же вы читаете по звёздам, если вы не умеете перелистывать облака? — удивился в библиотеке Маугли.

Кузница личности

— В кузнице жизни внутренний стержень личности оттачивается книжным листом.

Речь смыслов

— Книга — спасательный круг плывущих в речи смыслов людей.

Книжный лист

— Голая истина не привлекает, для эротичности смысла истину надо прикрыть книжным листом.

Истинный эротизм

— Когда истина обнажена, она не возбуждает мысль. Философ, прикрывая истину, делает её эротичной.

Текстозрение

— Текст выточен из точек зрения.

Правило здорового чтения

— Текст — это продукт, который надо критически пережёвывать.

Душевная строчность

— Личность человека соткана нитями книжных строк.

Зеркалослов

— Слова зеркальны, они глядят в тебя сквозь себя и в себя сквозь тебя, отражая тебя-себя.

Из рая — вон!

— В раю голословность наготы не стыдилась, пока змей не посоветовал ей прикрыться человеком.

— Что такое человек, которым слово прикрылось? — удивился всевышний и изгнал прикрытое человеком слово из рая.

Теперь не слово прикрыто человеком, а человек — словом...

Прихоть алигарха

— Я куплю земной шар, чтобы играть им в футбол! — сказал Абрамович.

Книгостоятельность

— Люди не самостоятельны, люди — книгостоятельны. Человек на книги опирается.

Химия души

— Химерия слов — это химия души.

Блуждание смысла

— Блуждать в смыслах — значит заблуждаться. Кто не заблуждается — тот не мыслит.

Смыслодуй

— Дунь на лист так, чтобы слудь смысл, — сказал ученику учитель Цынь.

Гербарии

— Книги — это не гербарии листов, украшающие шкаф. Книги надо читать.

Смысловой калейдоскоп

— Книга — это смысловой калейдоскоп. Переворачивание листа всегда ведёт к «встряске» смыслов.

Себявидение

— Каким бы кривым не было зеркало, надо уметь видеть в нём себя.

Зри в пробел

— Читай текст, не глядя на слова, зри в пробел, — сказал ученику учитель Цынь.

Потрясение Ньютона

— Я прежде потряс яблоню, а потом уже потряс научный мир, — объяснял Ньютон.

Смыслоткание

— Ручка подобна иголке, строчить которой надо так, чтобы не уколоться и других не уколоть.

Ширмословие

— Слово — это ширма, прикрывающая нагую глубину мысли.

Яблокопад и относительность

Как-то Эйнштейн споткнулся и упал на яблоко.

— Я ведь это яблоко должно было на меня упасть! — удивился Эйнштейн и понял, что всё относительно...

Научная байка

Студенты стали трясти яблоню, под которой стоял Эйнштейн.

— Значит я только относительно не Ньютон! — понял Эйнштейн.

Теория положительности

— Не всё, что можно положить, положительно! — понял Эйнштейн, когда на него свалился с неба помёт птички.

Обмен мнений

— По какому курсу вы меняете мнения? — спросил Эйнштейн в обмене валюты.

Прямой совет

— Вглядываясь в себя, не смотри в зеркало с обратной стороны, — говорил Клёпа.

Вдыхание букв

— Чтобы душе не было душно, нужно открыть книгу.

Входовыход

— Выход — это всегда вход, а вход — это всегда выход.

Киватель

— Даже если читатель не согласен с текстом, он всё-равно кивает, читая.

Взрыхление смысла

— Текст — это почва, которую каждый по-своему рыхлит.

Шут с нами

— Народу нужен не депутат, народу нужен шут! — говорил Жихреновский.

Смысловыжималка

— Смыслоотжим всегда нуждается в этическом фильтре.

Смыслотёк

— Текст — это не однонаправленный поток букв, а множество переливающихся течений смысла.

Рыбный фатализм

— Еда — это всегда потенциальный крючок, — говорила рыбка.

Точка зрения

— Я-то стою на одном месте, это земля крутится, — говорило перекаати-поле.

Неотразимость

— Зеркало переполнено. Мест для отражений больше нет.

Атлас

— Книги — это карты, ориентирующие человека на жизненном пути.

Безбрежность пробеловодия

— Слова — это острова в безбрежном океане пробелов.

Утроба души

— Книга — утроба души.

Говорил фокусник

— Жонглируя землёй, не спотыкнись! — говорил фокусник.

Смыслотюль

— Текст — это тюль смысла, сотканная из пробелов, промеж которой — дыры слов.

Сооружение смысла

— Кирпичики слов скрепляет глина пробелов.

Трудности становления

— Засохнуть — это ещё не значит стать изюминкой — говорила виноградинка.

Перевоплощение

— Девушка, вы себя потеряли! — сказал парень.

— А я себя выкинула, теперь буду другой! — ответила девушка.

Воблоохватывающее

— Исписав философскими суждениями лист, он озаглавил его «всеохватывающее» и завернул исписанным листом воблу.

Галактика смысла

— Линии пробелов — это орбиты смыслов, отличающиеся друг от друга на каждом листе.

Не судьба

— Ты никогда не станешь бабочкой! — сказал змее Адам.

— А зачем мне? — удивилась змея.

Надпись на ломбарде

Общечеловеческие ценности не принимаем...

Вкат-перекат

— Чтобы вкатиться в себя, надо из себя выкатиться, — говорило перекаати-поле.

Друзья человека

— Кот и собака царапаются, потому что гомо-сапиенса не поделили.

Талант и фальшь

— Фальшивить могут все, даже таланты.

Смыслоковка

— Философ куёт слово, идеолог сковывает пробел.

Мето-интерпретации мето-да

— В тексте всё имеет смысл, даже пятна от чая, пролитого на лист.

Ред-булл окрыляет

— Выпей ред-булл, станешь бабочкой, — сказала Ева змею.

Изгиб бумаги

— Лист всегда надо сгибать вдвое, чтобы у каждой стороны был противовес, — говорил учитель Цынь.

Сорви-голова

— А кто это у тебя оторвал голову? — спросили у ко-
лобка.

Равновесность текста

— Текст — это всегда и согласные буквы, и не соглас-
ные.

Ростки смысла

— Личность — это сад растущих слов.

— Слова — ростки смысла, которые взращивает лич-
ность.

Свет мой — зеркальTVце

— Среднестатистическая личность — это зеркало, смотрящее телевизор.

Теория положительности

— То, что можно отнести — относительно, а то, что можно положить — положительно, — говорил Эйнштейн.

Гончар-оптимист

— Для каждого цветка на свете я хочу слепить отдельный горшок! — говорил горшечник.

Добролеп

— Я хочу перелепить землю так, чтобы осталось только добро! — говорил гончар.

Самолеп

— Человек лепит себя сам, человек — это непрерывно лепящий себя самолеп, — говорил гончар.

Яйцо смысла

— Буквы — это скорлупа от вылупляющейся пустоты пробелов.

Объемность текста

— Структура текста двойственна — в каждом пробеле есть буква, в каждой букве — пробел.

Неискоренимость многочтения

— Даже самому прямолинейному писателю пробел не отбелить.

— Линии текста не выпрямлинить, пробел не отбегать.

Лепомания

— Когда-нибудь я слеплю из земли красивый горшок, — говорил горшечник, слепив очередного человека.

09.07.2010

Афорогенезис постнеоабсурда

Без описания.

tuboltsev

Философия зеркальности

— Жить — значит непрерывно вглядываться в себя, — говорило зеркало.

Псевдоэволюция

— С развитием радио и телевидения монотипы сменились стереотипами, скоро все будут ходить в 3D очках и стереотипы сменятся 3D-типами.

Пробеловысь

— Пробел — это пространство для надежды.

Пробел мира

— Пробелы сглаживают конфликт.

Тваретворение

— Человек — это марионетка, у которой столько ниточек, сколько слов.

Даль и мельник

— Богатый не тот, у кого больше зерна, а тот, у кого богаче словарный запас, — говорил Даль мельнику.

Буквосвет

— Буквы — это лучики света. Не читать — значит жить в темноте.

Занудософия

— Если земля висит, это ещё не значит, что все мы — в подвешенном состоянии, — говорил сэр Зануда.

Острое меню

— Слишком острый вопрос может порезать собеседника.

Знаки препинания

— Для вдумчивого читателя каждая точка — вопрос.

Шерше ля фам

— А что это ты на мои рёбра уставился? — спросил у змея Адам.

— Ищу женщину! — ответил змей.

Астрологизмы

— Я не стремлюсь к полной ясности, так как понимаю, что тучи тоже необходимы, — говорил звездочёт.

Башмачные хлопоты

— Был бы у меня материал, я бы сшил сапог и для земли, — говорил босой сапожник.

Босософия

— Сапоги никогда не порвутся, если ходить без сапог! — говорил босой сапожник.

— Самые удобные сапоги — это когда ходишь без сапог, — говорил босой сапожник

Личность и промокашка

— Личность — это промокашка информации, которая сама выбирает, что впитывать, а что — нет.

Земля крутится

— Одни держат землю под правым крылом, другие — под левым, а она всё равно крутится! — говорил высокопарящий орёл.

Великая застенчивость

— Не будь заносчивым, будь застенчивым! — сказал великий китайский философ царю.

А царь понял его буквально и построил Великую китайскую стену.

Луковый гурман

— Я не прихлебатель, я гурман! — говорила муха, плавающая во французском луковом супе.

Зёрна от плевел

— Творческая атмосфера — это круговорот идей, нуждающийся в постоянном очищении свежими смыслами.

Чувствосорка

— Девушка, вы чувство потеряли! — сказал парень.

— Я его не потеряла, а выкинула, — ответила девушка.

— Не сорите чувствами! — сказал, покачав головой, парень.

Криворожье

— Не кривых рож не бывает, — говорило кривое зеркало.

Огорошиватель

— Каждой бабе — по гороху! — говорил Жихреновский.

Абсурдознание

— Вероятность каркнуть так, чтоб сыр не уронить, увеличивается, если во рту два сыра, — говорила ворона.

Рифма в нас

Порой и в чайники наливают кофе.
Порой — в кофейники наливают чай.
Порой мы пьём,
Порой — пьют нас.
Порой даже рифмы нет в стихе,
Порой рифма — вне,
Порой — рифма — в нас.

Неудивледи

— Девушка, это вы удивление потеряли? — спросил молодой человек.

— А я его выкинула. Я больше ничему не удивляюсь! — ответила девушка.

Необъяснимо

— Девушка, а можно вас понять? — спросил парень.

— Нет, я необъяснима! — ответила девушка.

Путаница

— Путаница — это тоже путь.

Лужаход

— Если ты переплыл три лужи, это не повод соваться в океан.

Антропоцентризм

— А откуси кусочек солнца! — сказал Змей.

— Да нет, я повесила солнце на яблоню для красоты, — ответила Ева.

Любовь к драгоценностям

— Это не твоё колечко, а Сатурна! — сказал Змей.

— Было Сатурна, стало моё, — ответила Ева.

Прессабойка

— Зачем на полке так много мухобоек? — удивлялась муха, глядя на газеты.

Кофечай

Жми на ссылку,

Качай —

Кофечакру, мантрачай,

Что кипят в интернете!

Не качай кофечай!

Только чай или кофе качай!

Бродвей смыслов

— Даже в самом глубоком тексте можно найти брод, даже в самом поверхностном суждении можно нащупать глубину.

Смысломания

— Скомкав лист, не деформируешь смысл.

Способ правления

— Возжи нужны для того, чтобы лошадь управляла кучером, — говорила кобыла.

Куй пока горячо

— Книга — наковальня личности.

Диалог

— Закрой душу, сквозняк, простудишься!

— А я всегда держу душу нараспашку, я закалённый.

Мой-додыр

— Помою Россию! — сказал Жихреновский.

Технократизм

— Не я расту из земли, а из меня растёт земля, — говорила косточка яблока, которое съел Адам.

Жизнеответственность

— И я расту из земли, и земля растёт из меня, — говорил кустик.

«Горы во-о-от такой вышины!»

— Не бывает слишком высоких гор, бывают ленивые улитки! — говорила улитка, взбирающаяся на вершину горы.

Пробелословие

— Пробел пуст без слова, слово пусто без пробела.

Кашу маслом не испортил

— Он рисовал картины маслом на каше.

Теория обходительности

— Всё обходимо, необходимости нет, — говорил Эйнштейн.

Словесное меню

— Из одной крупницы кашу не сварить, а суп можно.

Теория поверхностности

— У всего есть поверхность, всё поверхностно, — говорил Эйнштейн.

Эхомнение

— Интонацию не повторить, — говорило эхо.

Перепределье

— Стремясь к запределью, можно попасть в беспредел.

Умение читать

— Читать надо, пропуская слова и артикулируя пробелы.

Точка зрения

- Своя точка зрения есть у каждого, даже у слепого.

Пустософия

- Всю пустоту не заполнить.
- Отксерокопировать чистый лист — значит перелить пустоту из пустоты.
- Мы теряем и приобретаем не только вещи, но и пустоту.
- Мы видим пустоту, но делаем вид, что её не замечаем.
- Трудно не заметить пустоту.
- Пустота — это симулякр пустоты.

Пустота

- Если в пустоту поместить пустоту, снова получится пустота.

Круговорот пустоты

- Всё в пустоте, всё — пустяк.

Пустое

- Пустяки — это дрожжи теста пустоты смысла.

Пустошь

- Пустосмыслие опустошает.

Телевакуум

- Абсолютная пустота существует только в вакууме или в телевизоре.

Обманутые надежды

— Учебники по архиМЕДОВОЙ геометрии никакие не архи-медовые, — огорчился медведь, откусив учебник.

Геометрия смысла

— Слова — это конвенционально принятые аксиомы, на которых строятся теоремы смысла.

Бюрократы

— Даже пустота без справки, что пусто — не пустота, — говорил чиновник.

Философия шарика

— Атмосфера земли надута воздухом, который был у меня внутри, — говорил воздушный шарик.

Теоретическая лепица

— Снеговики могут быть круглые, квадратные и даже треугольноватые! — относительно и задумчиво произнес Эйнштейн.

Станция «бесконечность»

— Жизнь — это бесконечное ожидание.

Из подданных в шахи

— Это вы меня назвали Шахом? — удивился Астап, услышав от любителя слово «шах».

Что главней — крылья или хвост

— А где твоя лошадь? — спросил у колобка всадник
без головы.

— Не лошадь нужна, а голова! — возразил колобок.

Путь философа

— Камни моего пути — философские, — говорила
улитка, ползущая на вершину Фудзиямы.

Рекосолизм

— Щепоткой соли пресную реку не пересолишь.

Мутации смыслов

Текли словечки по слогам,
Не концентрируясь на ритме.
Кисть разогналась,
Рисуя буквострочки,
Круша смысловой тупик,
Мчится поэт напролом,
Руша мир сознания пером!
Врезаясь в банальность слога.
Так закаляются мысли.

Смысловой калейдоскоп

В центрифуге слов
Метаются рифмы

В букв очертаний
Зажат нежно смысл

Смыслам тесно
В телесности текста

Одеваю в рифмы слова,
Но язык для смыслов тесноват!

По творческой траектории
Двигается мышка

Распутываю сети интернета...
А на экране — пыль,
Пыль — это жизни стиль...

Выдохнул в лист осеннее вдохновение,
Поцарапал бумагу стихотворением.

Застрял в бумаге смысл,
Но был ли чист тетрадный лист?

Не могу осмыслить
Длинный смс
Что за странный интерес
Сочинять столько словес?

Искусство быть собой

— Человек — это художник, который рисует сам себя.

Эйнштейновы внятности

— Всё внятно относительно, всё относительно невнятно, — говорил Эйнштейн.

Оспоризм

— Неоспоримо только то, что можно оспорить,
но и это спорно.

Психиотия

— Каждый когда-либо мнил себя психиатром, называя ближнего идиотом.

Умножение пустоты

— Заполняя пробелы, учёный только увеличивает их число.

Иван Непьющий-Некурящий

— А можно удвоить фамилию, добавив к ней «некурящий»? — спросил в паспортном столе Иван Непьющий.

Мастер Цынь и чистый лист

— Попробуйте отчистить чистый лист от пустоты! — сказал ученикам мастер Цынь.

— Нарисуйте на пустом лице своё лицо и попробуйте прочитать себя, — сказал ученикам мастер Цынь.

— Нарисуй себя на чистом листе таким, какой ты есть, а потом дорисуй себя таким, каким ты хочешь быть, — сказал ученику мастер Цынь.

— Сотрите с автопортрета себя так, чтобы остались только изъяны, — сказал ученикам мастер Цынь.

— Сотрите с автопортрета лист так, чтобы оставить только себя, — сказал ученикам мастер Цынь.

— Стирая изъяны с портрета, можно остаться с чистым листом.

— Даже стирая портрет до чистого листа, не сотрешь изъянов!

— Нарисуй себя на чистом листе таким, каким ты себе кажешься, а потом дорисуй себя таким, какой ты есть, — сказал ученикам мастер Цынь.

— Изъян на автопортрете — оказался складкой на листе.

Таинство личности

— Нарисуй на одном листе своё лицо, а на другом — своё истинное лицо, а потом наложи листы друг на друга, — сказал ученику мастер Цынь.

Вкусное блюдо

— Юмор — это соль жизни, сатира — перец.

Парадокс утверждения

— Утверждать можно что угодно, но твёрдости не достичь.

Вакуум беспредельности

— Когда обе чаши весов идут вверх, это уже вакуум.

Внизголовье

— На мне растёт земля — говорил куст.

Юморосфера

— У земли две атмосферы — юмор и кислород.

Орудия лова

— Иногда можно попасть и на пустой крючок, — говорила рыбка.

Наживка

— Рыбу можно зацепить и пустым крючком, человека — пустым словом.

Всхождение личности

— Книга — это семя, всход которого — личность.

Приоритеты

— Важна не скорость, важна целеустремленность, — говорила улитка.

Закон воли-неволи

— Если клетку вынести на волю, воздух в клетке останется невольным.

Грамотный барон

— Вероятное отличается от невероятного только приставкой «не», — говорил барон Мюнхгаузен.

Речетечь

— Речь течёт, поэтому любые значения слов всегда расплывчаты.

Выбор

— Только собак может устраивать собачья жизнь.

Вхождение в речетечь

— Суть речи текуча, дважды в речетечь не войти.

— Уместить всю глубину речи в одной ложке фразы — задача философа.

В круговороте смыслов

— Чтобы не утонуть в волнующих речах, нужно не заплывать за буйки иронии и критичности.

Тавтология

— Осмысление — это импровизация импровизации интерпретации интерпретации.

Двоеветрие

— Ветер гасит, но и раздувает, всё в жизни двойственно, — говорила искра.

Человекудруг

— Не каждая собака — друг.

Обмен знаниями

— Репа — это тоже свёкла, — сказал свекловод реповоду.

— А свёкла — это тоже репа, — ответил свекловоду реповод.

Крылица

— Все люди рождаются с крыльями, но большинство людей не знает, что они крылаты.

Мечта

— Все люди рождаются с крыльями, но большинство людей не знает о том, что они могут летать.

— Все люди рождаются с крыльями, но только единицы летают.

Не в масть

— Нет такой карты, которая всегда — не в масть.

«По мастям!»

— Сколько карты не тасуй — по мастям они сами не разложатся.

Тасософия

— Нельзя тасовать колоду так, чтобы масти не смешивались.

08.08.2010

2011

Ира и Кот

Девушка пытается помочь подруге пережить сложные времена, но сама оказывается под влиянием той же мистической проблемы...

Leona

Ира сидела на подоконнике, скрестив ноги и дыша на стекло, писала слова. Эта игра называлась «письма небу». О ней ей рассказал один пожилой мужчина, которого она встретила восемь дней назад, в парке. Девушка как раз ждала Аллочку, свою древнюю подругу, с выпиской из больницы, когда к ней подсел этот странный незнакомец.

Слово за слово и как-то совсем неожиданно Ира обнаружила, что увлеклась беседой.

— Ты веришь в ангелов? — неожиданно спросил мужчина, на что она лишь неопределенно пожала плечами. — Даже если и нет, я всё равно хотел бы рассказать тебе одну легенду...

Когда-то на земле жил Ангел, что дарил людям свет. Он ловил молнии и приносил в дом огонь, который извлекал из этих самых молний. И имя ему было Огниэль.

Однажды, когда он вновь нёс огонь в ладонях, Ангел увидел вдалеке, как волчья свора гонится за раненой девушкой. Огниэль помчался ей на встречу, на ходу бросая лепестки огня в волков. Когда в руках Ангела остался всего один лепесток пламени, он сорвал с себя свои белые шаты и переложил лепесток огня на них. Точно плетью, размахивая перед собой одеянием, он отгонял волков от невинной до тех пор, пока свора не разбежалась. Обессиленный Огниэль пал наземь нагой. А возбуждённая дева, взобравшись сверху на Ангела, впитала своим лоном его семя.

Дева знала, что богиня Кисте, чьей жрицей она являлась, наказала её бесплодием за кошачью похоть, потому позволила себе впитать частицу Ангела.

Через девять недель Огниэль наконец смог разыскать жрицу Кисте. Он застал её в тот момент, когда та хотела убить новорожденного, его сына. Огниэля охватила ярость и он вознёс праведный огонь над девой, но та, обратившись пантерой, кинулась на Ангела. Расцарапав его тело жрица бросилась и на ребёнка.

На последнем дыхании Огниэль воссоздал свой огонь и бросив его в кошку, пал навеки. Жрица Кисте металась в пещере, пытаясь погасить вечный огонь Ангела, но не смогла. Истлевая в мучениях её дух покинул тело.

На шум сбежались жители соседних пещер, но нашли лишь тела Ангела и Кошки.

— А что случилось с младенцем? — спросила Ира, но незнакомец не ответил, поскольку увидел приближающуюся Аллочку.

— Если хочешь узнать — дыши на стекло во время дождя. Это будут письма небу, — протараторил седовласый и откланявшись скрылся за деревьями.

— Я сделала это... — сказала Алла и обессилено упала на лавочку возле Иры. — Я убила её... — глухо добавила она закрыв лицо руками в которых держала больничную справку.

С тех самых пор, как Алла избавилась от ребёнка, Ира старалась всегда находиться с ней рядом, потому предложила подруге переехать к ней. Уже неделю девушка жила у Иры и выглядела будто зомби. Некогда ухоженная Алла со всегда аккуратной причёской, идеальным маникюром, строгим макияжем и стильно подобранной одеждой превратилась в замухрышку, которая сутками лежала на кровати.

Ира делала что могла: пела подруге колыбельную, давала препараты, что выписал доктор, а в первые дни даже

мыла Аллу, но та всё никак не поправлялась. Временами Ире казалось, что подруге становилось хуже: Алла по неизвестным причинам стонала и металась на кровати, словно её мучал жар. Но температуры не было и Иру вводило это в недоумение, изматывало её. Потому она, в отчаянии, молилась всем богам, чтобы её подруге стало легче. «И пусть Алле станет легче ценой моего здоровья, — шептала она дождю. — Я больше не могу жить полной жизнью, зная, что она мучается...»

С каждым днём Ире всё сложнее давалось ухаживать за больной: угнетённое состояние подруги сказывалось на нервах девушки, ей стало тяжело просто находиться рядом. Она себя упрекала за то, что делает всё что в её силах, старается поддержать морально и физически, но этого не достаточно. Ира ненавидела это чувство беспомощности в себе, ведь Алла часто помогала, поддерживала, вытаскивала из беды, даже в ущерб себе. И она этого не забыла.

Потому уже третий час Ирина сидела на подоконнике в позе лотоса, прислонив лоб к стеклу, и слушала шум дождя. Она надеялась, что гром и молния смогут заглушить стоны подруги. Шёпотом, еле шевеля губами и выписывая слова молитвы на стекле, Ира просила у неба, чтобы Алла поскорее поправилась.

Затёкшие ноги дали о себе знать: Ирино левое бедро схватила судорога. В попытке освободить ногу девушка повалилась на деревянный пол.

Что-то будто клацнуло, и Ира не сразу заметила, как вокруг резко стало темно. В эту самую секунду она ощутила в квартире присутствие кого-то третьего, невидимого, чёрного силуэта, что тенью навис над ней.

«На мгновение мне показалось, что я потеряла сознание. Стало совсем тихо. Казалось мир просто замер. В моём мозгу что-то будто переключилось и я подумала, что отчаяние взяло верх: я перегорела. Силы и нервы бы-

ли на пределе. Я открыла глаза. Нет. Я ошиблась. Всё как раньше, кроме света. Он пропал... Пропал свет?! — по Ириной коже прошла дрожь, дыхание стало более неровным. — Нужно поскорее проверить электрощиток».

Темнота в квартире вызывала у Иры отвращение, страх, скованность. А в моменты, когда пропадал свет, она чувствовала себя ещё более беспомощной, беззащитной, слабой. Возникало желание свернуться в клубочек и покрепче прижать к животу колени. Пасмурное небо, гром и молния ещё больше накаляли обстановку, но девушка смогла взять себя в руки. А спустя несколько минут, она очень тихо поднялась, надеясь что не потревожила крепкий сон Анны, такой редкий в последнее время.

Ударил гром, и молния в очередной раз осветила гостиную. Алла вновь застонала, но уже как-то тихо. Сказать, что Ирино сердце в такие моменты обливалось кровью — это не сказать ничего. Потому очень осторожно, на самых носочках, она помчалась в коридор. В парадном было темно.

Тьма, что всегда скрывала в себе какую-нибудь опасность, в этот момент стала для Иры ещё более зловещей. Будто смола, она растекалась по стенам и давила на грудь, заставляя видеть в себе то, чего, казалось бы, не существует. В неестественной тьме этого мрачного вечера девушка ощущала на себе чей-то тяжелый взгляд. От этого по коже бежал холодок. А сейчас этот взгляд стал более пристальным, ещё более осязаемым.

Ира потянулась за зажигалкой в карман кенгурушки, но не обнаружила её на привычном месте.

— ...ать! — выругалась Ира, когда поняла: зажигалку она забыла в квартире.

— Девушкам нельзя ругаться, — услышала она мягкий, почти кошачий голос. И страх темноты мигом рас-

сеялся, но появился новый — страх потерять этот голос, что завораживал, гипнотизировал манил.

— Кто здесь? — удивлённо прошептала Ира в надежде, что ей не показалось. Её глаза резанул свет зажигалки незнакомца. Она увидела у самого своего лица ясные синие глаза. И невесть почему отпрянула от огня.

— Всё в порядке? — уже в кромешной тьме тихо промурчал незнакомец. Ира ненадолго потеряла ориентиры, ведь этот голос сводил её с ума.

Она не могла понять откуда появился этот парень, кто он такой и что здесь делает. Всю жизнь прожив в этом доме, зная всех соседей, она ни разу не видела его и не представляла себе, с кем бы из них он мог общаться.

У неё от голоса этого парня подкашивались ноги, кружилась голова, захватывало дух. Её влекло к нему без видимых на то причин.

После нескольких неловких секунд молчания Ира собрала с духом и решила что-то сказать:

— Кто ты? — шёпотом, почти одними губами сказала девушка и подняла взгляд на «синеглазого». Слова, даже такие короткие, дали девушке нелегко. Чуть привыкнув к темноте, она поняла, что обращается к стене. — Эй! — всё в том же тоне продолжила она. — Ты ещё здесь?

— Здесь, здесь, — послышалось со спины. Девушка резко обернулась и упёрлась прямо в парня. Её сердце стало биться так, словно захотело вырваться из тела, а сознание и вовсе помутнело. Единственное, что она понимала в этот момент, так это то, что «Синеглазый» дурманяще пахнул кофе и дорогими сигаретами.

— Хей, — муркнул парень, — с тобой точно всё в порядке? — и попытался отклеить её от себя. Одно мгновение Ира ещё решала: стоять ей на ногах или провалиться в беспамятство, когда незнакомец зажёл свечу, что была в его руке. Синие глаза внимательно изучали лицо де-

вушки, а белозубая улыбка придавала смазливому смуглому лицу загадочности.

— Тебе плохо? Ты вся шатаешься... — обеспокоено заурчал кот.

— Да-да... Это всё проблфк. — булькнула девушка в ответ и покраснела. «О, — простонало сознание, — веду себя как маленькая девочка! Слова сказать не могу!» Ирина глупо смотрела ему в глаза и тонула в них, не замечая, что лицо изрезано мелкими белыми шрамами. Эти глаза, как и сам парень обладали тем животным магнетизмом, что присущ немногим людям. «Прям чеширский кот» — напоследок сказала её сознание и отключилось.

— Что-что?

— Проблфк, — бессвязно пролепетала она и покраснев ещё больше, отвернулась.

— Что? — переспросил кот и улыбнулся.

— Ну, — умоляюще глянула на него Ира. — Проблфк!

— Ты имеешь в виду «пробки»? — мурлыкнул он, улыбаясь ещё шире. Ира активно закивала, надеясь, что парень поймёт её жест, и говорить ей больше не придётся.

— Аааа, — потянул «синеглазый». — Ты пришла посмотреть, не выбило ли это пробки?

Ира продолжила кивать, как китайский болванчик.

— Ну... Сейчас посмотрим.

Своим ключом он открыл электрощит и одним движением поднял рычажки. Во всём доме загорелся свет. Девушка захлопала глазами, привыкая к свету. Чеширский кот задул свечу и повернулся к ней, всё так же улыбаясь.

При свете Ира смогла его рассмотреть получше: правильные мужские черты лица, аккуратный нос и слегка пухловатые губы. Тёмно-каштановые, почти чёрные волосы, зачесанные назад. Крепкое тело облегал серый свитер и простые джинсы, но лицо... При свете лампы

стало лучше видно шрамы словно от когтей дикой кошки (пумы или пантеры), совсем тонкие, но так заметны на смуглой коже.

Его чеширская улыбка не исчезала даже когда, вопреки здравому смыслу, Ира начала водить пальцами по его лицу и шрамам, что у шеи.

— Свет уже есть. Теперь тебе не так страшно... — «Откуда он знает?!» — промелькнула острая мысль в Ириной голове, но тут же утонула в тумане её сознания.

— Ну... я пошёл? — мурлыкнул парень.

— Угу, — бессознательно ответила она не переставая водить пальцами по шрамах. Чеширский кот взял её за запястья обеих рук, отвёл их в стороны и глядя ей прямо в глаза начал отходить к квартире, что напротив. Было в его походке, движениях, жестах, грация от кота и спокойствие от ангела.

— Ты это... не сиди долго у окна. Так можно и простудиться, — на прощание помахав Ире рукой, кот повернулся к девушке спиной и зашёл в квартиру. Ещё несколько мгновений у неё перед лицом стояли нарисованные на свитере парня крылья.

Парень закрыл за собой дверь и улыбнулся. Новая жертва попала в капкан его мести. Мести всем тем матерям, что хоть раз избавлялись от жизни в себе, всем тем девушкам, что вопреки своей природе убивали детей. И не важно — в зачатке или уже родившихся. Он мстил всему женскому, похотливому роду, что не хотел исполнять свои обязанности перед матерью-землей.

Из их мучений он получал жизненную силу для продолжения своей миссии в этом мире, а в своей миссии он видел смысл, не понятный простым смертным. Он — Огникрист, получал немалое наслаждение от процесса истязания своих жертв, хоть другие дети ангелов его за это осуждали. Но ему, ребёнку жрицы Кисте и Ангелу, было всё равно.

После встречи с котом Ира забыла про осторожность напрочь. Она случайно зашла в комнату к Алле. Несколько мгновений девушка не могла понять почему тут так тихо. Ира подняла взгляд и опешила: Алла неестественно сидела на кровати, тупо уставившись на подругу.

— Ты встретила его? — глухо прорычала Алла. Взъерошенные волосы и агрессивный взгляд подруги смутил девушку. Ира опешила.

— Кого?

— Того... в шрамах.

— Кого?! — Ира не могла понять откуда Алла может знать того парня, что она только что встретила в парадном.

— Того, что дарит свет!

— Аллочка, тебе плохо? — дрожащим голосом спросила Ира. — Может таблеточку дать?

— У него были крылья, — хрипло, как бы, выплёвывая из себя слова Алла тряслась во время разговора.

— Нет... Не было, — булькнула она в ответ, а у самой внутри всё похолодело.

— Были! — гаркнула Алла поддавшись вперёд от чего Ира прижалась к стене. — БОЙСЯ! Теперь тебе не спастись, — прохрипела она и обмякнув повалилась на кровать.

— Сумасшедшая! — дрожа крикнула Ира спящей девушке и на ватных ногах побежала в гостиную.

После этого разговора Алла больше не стонала.

Сладко потянувшись Ира легла на диван и включила телевизор. Монотонное бубнение диктора и пелена дождя заставили девушку прикрыть глаза, окунувшись в приятный сон дневной усталости.

Заснув, она не заметила, что чья-то нежная рука водит пальцами по её бархатной коже шеи и лица. А на месте, где коснулись пальцы — проступали капли крови,

появлялись ожоги, которые почти тут-же исчезали. Но Ира не чувствовала боли. Ей снились синие глаза и чашки с кофе.

— Помнишь, — шептала белозубая улыбка, — ты принимала таблетки, что бы избавиться от жизни в тебе? Помнишь и то, что не один раз так делала. Помнишь... — мурлыкали губы.

Девушка вздрогнула и её накрыла волна боли.

Грянул гром. Ира застонала.

18.03.2011

2012

Алиса

История из моей жизни. О друге, которого я потеряла.

Klounessa

Здравствуй, Алиса. Сколько мы уже не виделись — месяц, два месяца или три? Кто-то скажет, что это небольшой срок, но, учитывая ту неразрывную нить, что раньше связывала нас, я могу смело утверждать, что это целая пропасть. Пропасть, в которую ты провалилась и исчезла из моей жизни. Почему ты оставила меня? Почему ты больше не приходишь ко мне? Вспомни... вспомни как близки мы были. Как вместе радовались и грустили. Прости меня за эту банальность, что сейчас впитывает бумага с чернилами, но... выразить свою тоску по-иному у не в силах. Мне одиноко без тех наших ночных разговоров, что продолжались, пока не взойдет солнце, без безумных, спонтанных идей, как например эта, помнишь? Мы рванули через полгорода в проливной дождь, чтобы успеть на последний сеанс в кино. О, дождь! Его можно выделить в отдельный клубочек большого мотка наших воспоминаний. Помнишь тот весенний дождь, когда мы возвращались привычным маршрутом домой, в плеере, как обычно, крутилась какая-то музыка, а ты попросила переключить на «Where is my mind» группы Pixies. И вскоре пошёл дождь. Сначала он был слабый, потом стал набирать обороты, и, в итоге, превратился в ливень. Я промокла до нитки, сняла свои балетки, шла по мокрому асфальту босиком, просила тебя, чтобы мы ускорили шаг, но ты не позволила. В итоге прохожие пробежали мимо нас, лихорадочно и наивно пытаюсь укрыться от небесных тёплых слез с помощью пакетов, портфелей, да ещё чёрт знает чего! А мы просто шли, вдыхая этот сладостный аромат свежести, глотая эту свободу, впуская

её в свои вены. Музыка продолжала играть, мы смеялись и были такими счастливыми. Спасибо тебе за то, что предложила поставить именно «Where is my mind», теперь эта песня прочно ассоциируется с тем тёплым весенним дождём.

А помнишь, когда мне было плохо, ты всегда успокаивала меня, внушала, что всё будет хорошо? Ведь у меня совсем никого не было, только мама и... а впрочем, в этом человеке впоследствии я жестоко ошиблась. В общем, только мама и ты. Но маме всего не расскажешь, а ты знала всё. Ты изучила меня наизусть, знала каждое настроение, чувствовала меня. Порой мне казалось, что ты знаешь меня даже лучше, чем я сама. Пойми, я нуждалась в тебе, твоей заботе и поддержке, твоей искренности и неподдельному интересу ко мне. И, наверное, нуждаюсь до сих пор. Я зову тебя, но ты не приходишь. Мы обе знаем причину, но ведь я пыталась донести до тебя, что такова жизнь — да, теперь моё сердце и душу посетила неведомая ранее Любовь, но я не забыла про тебя, слышишь?! Алиса, услышь меня! Приди ко мне, и мы снова поговорим. Как раньше. Словно и не было той пропасти, что возникла между нами.

Я могла бы написать тебе, но не знаю адреса. Могла бы позвонить, но не знаю номера телефона. Могла бы спросить о тебе через общих знакомых, но тебя никто не знает. Почему я не могу всего этого сделать? Потому что тебя не существует. В реальности. Ты есть только в моей голове... только в моей голове. Или уже нет?..

24.06.2012

2013

Людам о людях

Вы этого хотите?

Wolf_LorD

Давайте посмотрим на себя :

1. Что Мы делаем днём? Мы погрязли в алчности... Любыми способами пытаемся урвать кусочек. И не важно, деньги это или еда. Мы готовы загнობить друг друга. Утром как тараканы набиваем пустые желудки общественного транспорта. Мы ежедневно однообразно проводим свой день: работа, учеба, дела... Вечно жалуемся на Жизнь — даже тогда когда у нас всё есть. Постоянно взваливая на себя новые тяготы. Вы пытались хоть раз изменить свою жизнь? Пытались?! И естественно, столкнувшись с проблемами и преградами тут-же бросали это «гибкое дело»... Затем обед: мы стараемся вместить в свои желудки как можно больше вкусной пищи, не заботясь о полезной. И эту «вкусную», но вредную пищу, мы сами придумали. А потом жалуемся... Вечер: вроде всё утихает, Мы возвращаемся домой, встречая знакомых, улыбаемся, спрашиваем как дела, сами думая: «Ну чё Ты пристал, я на маршрутку опаздываю». Приходим домой, снова набиваем желудки. Всё тихо и спокойно. Но это затишье перед бурей. Наступает ночь. О да... Ночь Наша пора. Ночь пропитана развратом и похотью. И люди, которые днём были милыми и приветливыми, по пьяни или накурке бьют друг другу лица, с жадностью наслаждаемся чьим-то стонущим от экстаза телом, врем в глаза, пытаясь совратить очередную малолетку или замутить бутылочку пива.

Продолжать? Я продолжу...

2. Люди очень противоречивы. Мы просим оставить нас одних когда нуждаемся в поддержке и мысленно оскорбляем тех кто послушал нас и ушел, думая: «И по»

чему Ты не понял (поняла) что я в Тебе нуждаюсь?!». Браво! Мы удаляем телефонный номер только если помним его наизусть. Отсюда вопрос: зачем же удалять, если когда звонит телефон, Мы надеемся что звонит именно тот человек? Дальше... Дальше интересней. Часто мы смотрим видео и картинки с надписью «НИКТО НЕ СТОИТ ТВОИХ СЛЁЗ, А КТО ДОСТОИН ИХ — НИКОГДА НЕ ЗАСТАВИТ ТЕБЯ ПЛАКАТЬ» даже не задумываясь о том, что самую сильную боль нам причиняют те, кто когда-то сделал счастливыми... Мило.

3. Часто мы голосуем на разных сайтах за спасение тюленей, альпийских тигров, зеленоглазых почемудиков и прочей живности. Вопрос: вы реально верите в это? Или просто пытаетесь морально повысить самооценку? Мол «Я же поставил галочку чтоб не кастрировали того самого самца меланезийского пучеглазика». А котёнка с улицы домой забрать не пробовали? Вот это реальная помощь животным. Но ведь за ним нужно ухаживать! А так поставил галочку и уверен что сделал Мир лучше... А давайте все вместе отдадим свои старые носки голодающим детям Африки! Бред...

4. В общем подумайте, такое будущее вы хотите для себя, родных, друзей и детей?

Пы. Сы. Я рад что еще есть люди которые улыбаются видя на улице играющих котят, смеющихся детей и просто новому утру...

20.01.2013

Протест

Без описания.

ТаРаНТуНо

Бесит! Как же меня бесят эти личности которые засовывают свои комплименты тебе так глубоко и так плотно в уши, что ты уже не можешь расслышать изменения интонации в тот момент когда они переходят на лесть. Как же бесят эти личности, которые привлекают к себе внимание и потом ослепляют собой так, что ты не можешь увидеть руку с ножом, заносимую тебе за спину. Как же бесит это лицемерие что ты ешь на завтрак, обед и ужин, притом запиваешь это слащавой пошлостью, что наливают тебе в непомерных количествах. Как бесит этот пафос, что выращивают у себя на балконе в маленьких горшочках, ублюбки потерянные в нормах морали, которые не понимают что их растения уже давно корнями сломали все границы посуды с почвой и занимают уже большую часть их пустого и без форточек балкона, так похожего на их мозг. Как же всё таки радуется что есть люди, которые открывая рот соблюдают человеческие принципы и не выпускают вонь подобно мразям что размножаются через десять степеней защиты. Как же радуется что то, что меня так бесит, уже давно идет на*уй, спотыкаясь по пути о каждый камень, и поскользывается и падает в каждую лужу желчи что вылил впереди идущий, который быстрее доберется до места назначения и сделает хоть что-то приятное за время своего жалкого существования.

19.03.2013

Маски шоу

Драсьте! Для вас сегодня какую масочку?

ТаРаНТиНо

Драсьте! Для вас сегодня какую масочку? А, это та, которая с глазами полными сочувствия и сострадания, и подбадривающими кивками и изредка вылетающими фразами «Да, понимаю...», «Да все будет нормально!»... хм... нет? Не та?.. А какая?.. А, ну так у меня есть такая!... Да! Да!.. Готово!..

Как же достало постоянно их переодевать! Ну точно... сглупил... тебе самому не легче... сколько уже за сегодня поменял? Ну ты мастер!.. А пробовал без маски?.. И как?.. Девушка отшила? Сказала — ты слишком хороший? (Одеваю маску сострадания.) Да с кем не бывает... ты главное знай, что всё будет хорошо... (Переодеваю масочку.) Ну чё, загуляем седня?.. Ну канеш!.. И масочку не забудь, а то получится как с твоей бывшей... (Одеваю маску заботливого и милого парня.) ...пара длинных гудков... Алло, привет зай... тоже рад тебя слышать... соскучился... вот решил позвонить... давай сегодня ходим... разведемся... Ну возьми подруг... ну я тогда тоже друга возьму... Ну давай, до вечера... (Снимаю маску.) Братан! Всё, тёлки на вечер есть! Давай! Родителям позвонить... ну звони быстрее... Стой! Я те маску забыл отдать... я же тоже родителям звонил... ну ту, что с невинным голосом! Дааа!.. Кто-то звонит... (...) Да солнце! Давай к 8 лучше... Договорились! (...) Заеб*ла она уже названивать... Дружище, ТЫ позвонил уже? Давай кароче иди хату готовь, увидимся к вечеру (...) С*ка, сам ничего не может организовать. Я ему еще тёлочку ищущу! Оборзел! (...)

27.03.2013

2015

Швабра

Рассказ о школьных проблемах.

Olen7769

Из цикла рассказов «Всё это было бы смешно...»

Часть 1. Школа...

Завуч школы, высохшая, бледная, с жёстким и аскетическим лицом монаха, фанатично преданного своей вере, цинично и мрачно разглядывала молодого учителя, будто он был экзотическим животным. Длинный, нескладный, с мальчишеской физиономией, он уже заранее виновато смотрел на своего начальника, переступая с ноги на ногу. Кабинет завучей был тёмным, единственное окно занавешено тяжёлой портьерой, и казалось, что солнце сюда никогда не заглядывает. Осмотрев всё это, учитель почувствовал себя узником ордена иезуитов, чужим не только здесь, но и во всей школе. Именно так, по-иезуитски, подловато-насмешливо, даже садистски, улыбнулась ему завуч и обратилась как к пустому месту:

— Иван... А-фриканович... э-э, на вас жалуются... Тамара Трифоновна... Вы после своего урока её кабинет не убрали, и швабра пропала... а это уже чепэ.

Учителю почудилось, что на него сверху опустили клетку, что он теперь попугай на жёрдочке, на которой еле держится, и ни улететь, ни убежать никуда не может.

Единственный его выход — повторять за своим начальником-дрессировщиком те фразы, которые она будет ему вдалбливать.

— Так ни в коем случае делать нельзя, — заключила завуч, смотря сквозь учителя, — у нас вся школа на этом держится.

— На швабре? — спросил Иван Африканович, желая лучше усвоить преподаваемый ему урок.

— Как на швабре? — переспросила завуч и впервые взглянула учителю в глаза.

— Извините, на чистоте, дисциплине, — дошло наконец до Ивана Африкановича.

— Вот именно! Зайдите к Тамаре Трифоновне, она вас многому научит. Но швабру найдите обязательно, это ваша первоочередная задача!

Завуч опустила голову к лежащим перед ней бумагам — клетку подняли, Иван Африканович открыл дверь, почему-то незапертую, и очутился на свободе. Но радости он не чувствовал: теперь главная для него задача — не уроки вести, не обсуждать с ребятами достоинства и недостатки «лишнего человека», Г. А. Печорина, а искать пропавшую швабру. «Ученики ни читать, ни писать толком не умеют — это не важно, а вот швабру потеряли — это чрезвычайное происшествие», — подумал Иван Африканович и рассказал ребятам Тамары Трифоновны о разговоре с завучем.

Накануне Дня учителя как обычно прозвенел звонок, Тамара Трифоновна пошла в свой 7б класс. Она была полная, надменная женщина, не шла, а несла себя, покачивая бедрами, как подарок. И этот «подарок» всем нравился, потому что всегда отвечал интересам администрации, учителей и даже учеников. Тамара Трифоновна умела ловко лавировать между этими тремя основными слоями школьного общества, из-за чего её всегда ставили в пример другим, нерадивым, как Иван Африканович.

Но сегодня ученики встретили своего классного руководителя необычно. Прямо с доски, с большого листа ватмана, на неё строго смотрела нарисованная во весь рост, несколько похожая на неё учительница, держащая в одной руке маленькую книгу, а в другой — большую

швабру. Чётким, маршевым шагом к Тамаре Трифоновне подошёл староста класса, поздравил её от имени своих товарищей с Днём учителя, вручил шикарный букет осенних листьев и... швабру, богато раскрашенную в разные цвета и упакованную в целлофан.

Держа в дрожащих руках осенний букет, учительница с ужасом смотрела на швабру, а когда взяла её в руки, то увидела яркую надпись, вьющуюся вдоль ручки: «Мыть — не перемыть!» «Мать — перемать!» — прочитала Тамара Трифоновна и упала в обморок.

Конечно, Иван Африканович отругал ребят за хулиганский и жёстокий поступок; конечно, отругал себя за непрофессиональную невыдержанность: нельзя было передавать им разговор с завучем. Но всё же в душе почему-то остался доволен и ребятами, и собой.

21.06.2015

Щука и Крокодил

Школа перед перестройкой и после.

Olen7769

Из цикла «Всё это было бы смешно...»

Часть 3. Взрослые сказки

В одной мелководной речке, в одной мелкорыбьей школе тихо плавали по течению рыбы-учителя и рыбёшки-ученики. Все они были будто на одно лицо, плоское, маловыразительное, и говорить умели только шёпотом. Многого от жизни не требовали, и всё бы шло хорошо, если бы не появилась в этой школе Щука. Откуда она могла взяться в мелкой воде, но рыбы шептали, что её само Междуреченское РОНО прислало для контроля над выполнением «Закона об обязательном мелкорыбьем образовании». Словом, времена наступили тяжёлые.

Когда Щука, эта здоровая рыба с зубастой пастью, ввалилась в школу и вдавила себя в кресло завуча, которое сейчас же рассыпалось, окружающие её рыбёшки и шептать перестали. Грозная, тупая морда её высилась под самым потолком, а хищные зенки высматривали свою жертву. Но она помнила, что не просто так жрать приплыла, и предъявила директору свои документы: назначение от РОНО в Мелкорыбью школу завучем и аттестат о присвоении ей звания Ведущего педагога всех рек и озёр Мелкорыбья. Вздохнула директор, пустила пузыри и подписала приказ о назначении Щуки завучем по учебно-воспитательной работе. Теперь действия зверюги обретали законную силу.

В первый же день были съедены все несоответствующие закону об обязательном образовании ученики и учителя, то есть ленивые и вольнодумцы, которые

не считали мелкорыбье образование обязательным. Свою администрацию Щука пока щадила, но изредка покусывала: то ли опору в ней свою видела, то ли время её пока не пришло. Правда, завуч-организатор уже две недели с оторванным боком плавала, потому что плохо учеников культуре поведения обучала, цель которой — исполнение инструкций РОНО по претворению в жизнь «Закона об обязательном мелкорыбьем образовании».

В конце концов все ученики и сотрудники школы, если не съеденные, то покусанные и побитые, старались плавать не так, как хочется, а по правилам мелкорыбьей этики: боком, с лёгким наклоном морды в сторону предшественников мелкорыбьей правящей партии. Так Щука инструкции РОНО выполняла, поэтому процент качества обучения неуклонно повышался.

Но вот течение принесло мелкорыбий народ к эпохе гласности и демократии. Теперь Щука не только боком, но и прямо плавать разрешала, а если порой и задом наперед проплывешь, то и на это зенки закрывала. Но не умели, да и не хотели мелкие школьные рыбы жить по-новому, привыкли они всё боком да боком, по правилам и инструкциям, а чтобы на свой собственный плавник опереться, свободу свою почувствовать да своими мозгами подумать — духу не хватало. Но, слава Богу, и по-старому жить можно, ведь сколько лет жили, Щуку пережили, а всё не переводится мелкая рыбёшка.

Знатное место пусто не бывает: на место Щуки ужасного Крокодила назначили. И опять шептали рыбы, что яйцо с его зародышем само Министерство образования аж из Африки выписало. Не повезло мелкорыбьей школе: чуть дунул на неё ветерок свободы, чуть начала она избавляться от процентомании, от огромного количества бумаг отчётности и документации, как снова лезет на неё новая сволочь.

Крокодил был гигантский, толстокожий и как лёг на дно нелепым зелёным бревном, так и перегородил всё течение мелкой речушки. Какая тут гласность и демократия, когда все водные и жизненные пути для рыбёшек закрылись, когда сама речушка должна была обтекать это бревно со всех сторон, чтобы живой остаться.

Крокодил, в отличие от Шуки, никого не убеждал в необходимости обязательного мелкорыбьего образования, а просто жрал, особенно ту рыбёшку, которая сама в поисках выхода ему в пасть лезла. Другими словами, Крокодил был просто скотиной, поэтому должностные свои обязанности понимал своеобразно. Главное в жизни, считал он, — наслаждение в жратве получить, поэтому рыбёшек не сразу проглатывал, а сначала медленно ломал им хребет, а потом кости и мясо зубами перетирал. При этом всегда из его пасти слышалось: «Демо-кра-кра-кратия», а когда разевал пасть и проглатывал, звучало другое: «Гу-ма-а-нность».

Но учителя-рыбы и ученики-рыбёшки молчали: во-первых, потому, что и этот Крокодил выполнял «Закон об обязательном мелкорыбьем образовании». Как без этих инструкций на мелководье жить да ещё в мелкорыбьей школе работать и учиться — они не знали. Во-вторых, они были просто мелкими рыбёшками, молчаливыми и трусливыми.

22.06.2015

Солнце поздней осени

Судьба учителя в последние годы советской власти.

Olen7769

*Из цикла «Всё это было бы смешно...»
Часть 1. Школа...*

Сквозь замерзающие окна большой современной школы солнце поздней осени освещало фигуру молодой учительницы, рассказывающей на педсовете о своей работе с учениками. Она стояла в большом актовом зале перед множеством сидящих учителей — очень тонкая и стройная, сильная и в то же время простая, беззащитная, как мелодия Моцарта.

«Да, она прекрасна, — с грустью подумал старый учитель и перевёл глаза на амбарный замок на крышке пианино, стоящего на сцене. — А я?..»

А он, нелепо зажатый креслами сидящих учителей, с нелепо торчащими длинными ногами, казался себе отжившим и никому уже не нужным. Сгорбленный, некрасивый, непропорционально сложенный, почти старик.

Прошла зима, наступил май, но весна запоздала: по-прежнему было холодно, почти так же, как прошлой поздней осенью. Изредка среди тёмных туч отчаянно прорывалось солнце, стараясь согреть землю, но постоянно дующий злобный холодный ветер лишал его жизненной силы.

Но солнце не знало, что в классе, за железобетонными стенами и большими двойными окнами, оно уже светило и грело по-майски, по-весеннему. Десятиклассники сдавали экзамен по литературе, а Иван Иванович, старый учитель, ассистировал Вере Николаевне, которой любовался прошлой осенью.

Перед Иваном Ивановичем села небольшая, очень светлая, словно запечатлевшая майское солнце ученица, с тонкими, умными чертами лица. «Прошлое, настоящее и будущее в пьесе А. П. Чехова «Вишнёвый сад», — прочитал Иван Иванович в её билете и сразу вспомнил начало пьесы: «Уже май, цветут вишнёвые деревья...».

— Ну вот, Раневская и Гаев любят себя своим именем, Гаев обращается с речью к старому шкафу, благодарит его, но сам Гаев — бездельник — для него вся жизнь — игра на бильярде, и больше он ничем не интересуется, — говорила девочка, изредка заглядывая в свой исписанный листочек.

Иван Иванович с интересом наблюдал, как штампованные, заученные фразы в её речи казались вдохновенной импровизацией, создавали видимость размышления, творчества, знания. Света так и светилась человечески тёплым майским солнцем и располагала, привлекала к себе, настраивала на хорошую оценку.

— В общем, Лопахин прибрал к рукам имение Раневской, землю он сдаст в аренду дачникам, а Раневская уедет опять в Париж, к любовнику.

Света закончила и удовлетворённо, хотя и неуверенно, посмотрела на Ивана Ивановича.

— В чём же сила Лопахина? — спросил он.

У девочки недоумённо поднялись брови, будто она не понимала, как после её, такого умного и подробного, ответа можно задавать вопросы. Секунду подумала:

— Ну, он купил имение, стал хозяином.

— Это так, но в чём же его сила, сила класса, который он представляет? К какому общественному классу он принадлежит?

Света заёрзала, заволновалась.

— Ну, он был крепостным у Раневской и теперь очень рад, что купил её имение...

— Почему он смог купить?

— Был богатый.
— Значит, его сила...
— В деньгах, — девочка облегчённо вздохнула.
— Ну вот, — тоже с облегчением сказал Иван Иванович, помолчал и задал следующий вопрос:

— Света, скажи, пожалуйста, с чем связано прошлое Раневской и Гаева, что больше всего они ценят в своём имении?

И только тут он почувствовал, что рядом с ним, близко, сидит Вера Николаевна, светлая и сияющая, как это солнце в классе, и переживает, трепещет за свою, наверное, одну из множества любимых учениц.

— В имении прошло их детство, поэтому оно дорого им, — ответила несколько ободрённая присутствием Веры Николаевны Света.

— Это так, но что самое дорогое для них в этом имении?

Девочка задумалась.

— Света, вспомни, на что смотрят, чем любят Любость Андреевна и Гаев, когда вспоминают детство, — мягко, но настойчиво сказала Вера Николаевна.

— На сад, на вишнёвый сад, — быстро проговорила Света.

— То есть, что он для них значит? — спросил Иван Иванович.

Девочка наморщила лобик.

— Там ещё Любовь Андреевна маму видит. — подсказала Вера Николаевна.

— Да, детство, юность, там у Раневской сын утонул... — снова так же быстро ответила Света.

— Значит, вишнёвый сад для них — самое дорогое, чистое, прекрасное, — не выдержав, закончил за неё Иван Иванович. — А как живут владельцы имения сейчас?

— Ну... ничего не делают. Гаев на бильярде играет, Любовь Андреевна последние деньги раздаёт...

— Могут они спасти вишнёвый сад — самое ценное в своей жизни?

— Нет.

— Да уж хватит с неё, Иван Иванович, — не выдержала Вера Николаевна, — Света много готовилась, вся измучилась, может, что и забыла...

— Ну ладно, иди, — сказал Иван Иванович Свете и увидел, что его рука сама поставила против её фамилии «четыре». «Знания у неё есть», — подумал он, но что-то внутри запротестовало, засверлило, заболело.

К концу экзамена в классе было почти жарко, всё заполнил свет майского солнца, и Ивану Ивановичу стало стыдно, что своими вопросами он будто старается погасить его в лицах учеников. Потом выводили экзаменационные оценки. Теперь вместо ребят перед комиссией сидела Вера Николаевна и боролась за их баллы.

— Царёва у меня во всех олимпиадах участвовала, на смотре читала свои стихи, наверное, ей можно «пять» поставить.

— Да, да, — соглашалась председатель ШМО (школьного методического объединения), — если не ей, то кому же...

— А вы как считаете, Иван Иванович? — спросила Вера Николаевна.

— Да... я не против... вам виднее, — опять само собой и добрым голосом выговорилось у старого учителя, но в ту же минуту он ясно почувствовал, что опять заболело сердце. «Давно не было», — подумал он.

Иван Иванович встал и подошёл к окну. Там, внизу, за стенами школы, по-прежнему было холодно и сумрачно, по-прежнему зябко ёжились в куртки и плащи прохожие, одиноко стояли голые деревья и кусты.

«Я не имел права ставить им хорошие оценки за такие знания, некоторые не заслуживали даже троек, — всё это блеф и обман!» — зазвучало в голове и отдалось

в сердце Ивана Ивановича. Он повернулся к сияющему в весеннем солнце классу, к людям, светящимся его светом и теплом. «Но как сейчас им скажешь всё это, как можно совершить такую ужасную жестокость и подлость, лишить их весны и солнца?! Нельзя, пусть будет так, как есть!».

Итоги экзамена были подведены, ребята зашли в класс, и теперь, по просьбе Веры Николаевны, каждый член комиссии высказывал свое мнение. «Десятый класс сдал экзамен хорошо, показав отличные знания, умение анализировать текст, высокую степень подготовки!» — таково было единодушное заключение.

Но вот предоставили слово и Ивану Ивановичу. Встал он с трудом и сразу увидел большой класс, в котором сияли тридцать маленьких весенних солнц в ослепительно белых рубашках и блузках. Учитель забыл о своей боли в душе и сердце, переполняясь их светом и теплом, всей атмосферой этого райского места вдали от холода и тревог улицы за окнами.

— Поздравляю вас, ребята... — с энтузиазмом начал говорить Иван Иванович и неожиданно для себя стал вглядываться в их лица. Смотрел и думал, знал, что скоро они выйдут на улицу, туда, где солнце осеннее, где холодно и мрачно, где настоящая правда жизни, и будут обмануты, восторженные, беспомощные, преданные своими учителями.

— Ребята... — Иван Иванович снова остановился: сердце судорожно и быстро билось, сжатым, диким комком боли подкатывало к горлу. — Ребята... вас обманули...

В классе сразу стало тихо, заметно посерели лица. Повеяло холодом, никто уже не чувствовал весеннего солнца, хотя оно, кажется, светило ещё ярче.

— Эх... дядя Ваня! — будто эхом отозвался с задних рядов насмешливо-осуждающий басовитый голос.

Перед Иваном Ивановичем раскрылась бездна, но дороги назад не было.

— Я повторяю, вас обманули: вы не знаете литературы, только некоторые из вас могут пересказать... тексты... которые не понимают.

— У-у-у... — опять откликнулся этот басовитый голос.

— Вы не можете самостоятельно раскрыть смысл... того или иного героя... темы, идеи художественного произведения. Поэтому... ваши ответы на билеты... заслуживают... в лучшем случае... тройки... а иные недостойны и этой оценки. Мы, я и мои коллеги... мы обманули вас, наставив вам четвёрок и... пятёрок, опираясь больше... на вашу общественную работу, активность на уроках... заслуги по другим предметам, а то и... просто за красивые... глаза. Мы... предали... и себя, и вас. Я предал вас... прости...

Как будто кто-то в упор выстрелил в грудь старого учителя, ударил в неё, в сердце, в самую душу, мощным, жестоким кулаком. В глазах всё потемнело, а весеннее, отражённое новыми лицами учеников солнце сейчас светило ему прямо в глаза. Он увидел, что оно превратилось в невыносимо яркие белые и красные вспышки, которые запыльхали перед ним множеством маленьких, злых, сжигающих его солнц. Старый учитель закрыл рукой глаза, другой схватился за грудь и стал медленно падать, наклоняясь вперед, как бы моля учеников о прощении, спасении, а солнце о милосердии.

Раздалось несколько криков, кто-то в ужасе завизжал. Все кинулись к Ивану Ивановичу, перевернули его на спину, подняли и положили на учительский стол: на листочки с дутыми оценками, протокол, заранее подписанный всеми, на классный журнал. Побежали за мокрой тряпкой, к медсестре и директору, вызывать «Скорую помощь»... Скоро около учительского стола стало тихо, как у постели умирающего, лишь из-

редка прорывался испуганный шёпот или сдавленный голос.

Вдруг за дверью послышались весёлые крики парней, звуки хриплого рока, и в класс ввалилась группа пьяных подростков. Увидев сгрудившуюся вокруг стола толпу ребят, они ринулись было вперед, но, разглядев среди них завуча и учителей, остановились. В разноцветных куртках, с маленькими, почти безволосыми головками, они замерли, а самые осторожные и трезвые попятились назад, таща за собой товарищей. Но один, очень длинный, худой и наглый, оттолкнув их руки, выступил вперед. Узкие глазки и широкий рот улыбались, делая его лицо уродливо-клоунским, он, хотя и покачивался, выпрямился и уверенно положил руки на пояс, как хозяин и победитель. Его приятели один за другим исчезли за дверью, он оглянулся, но позы не изменил, так же покачиваясь и нагло улыбаясь.

— Так, — громко сказал он, — все здесь передо мной в натуре... А Светик?.. Здесь... привет!

Все сейчас смотрели на него, девочки и некоторые парни стали отходить назад, и тогда прямо перед ним как бы выдвинулся из толпы стол, на котором лежал старый учитель.

— Мать твою... у вас тут что, похороны что ли? — идиотски ахнул он и скорчил такую рожу ужаса, что многие фыркнули.

— Глухов, немедленно выйди из класса! Ты что, не видишь: человек умирает?! — строго и напористо выступила вперёд маленькая и толстенькая руководитель ШМО.

— Те-те-те, — строго остановил её, подняв руку, длинный. — Так со мной разговаривать теперь нельзя, Татьяна Евгеньевна, я уже, — он икнул, — не ваш ученик.

Глухов смотрел на неё сверху, со своей недосыгаемой высоты, всё так же покачиваясь, и руководитель замолчала.

— Кроме того, — добавил он, резко вскинув голову, — я начинающий коммерсант!

— Да что же это такое?! — вскипела заплаканная Вера Николаевна. — Давайте выведем этого хулигана отсюда, не справимся с ним что ли?!

Она кинулась на Глухова, схватила его за руку, к ней на помощь поспешили завуч и учительница девярых классов. Но длинный вырвался и, расставив ноги и полусогнув руки, принял боевую стойку каратэ.

Ученики засмеялись.

— Ребята, да помогите же кто-нибудь, неужели не сладим с ним?! — Вера Николаевна обернулась: — Кочнев, Шайдуллин! Идите же сюда!

Но ребята не двинулись с места и теперь громко смеялись: свободное поведение Глухова притягивало их к себе.

Поняв это, длинный снова положил руки на пояс, обошёл учителей и приблизился к лежащему на столе Ивану Ивановичу.

Без пиджака, в белой рубашке с расстёгнутым воротом, из которого высунулось мокрое полотенце и была видна половина груди, он напоминал жертву, предназначенную жестокими славянами, учениками и учителями, своему жестокому богу, весеннему Солнцу. Лицо его покрылось серой тенью, дыхание стало незаметным, лишь над правым глазом изредка, беспомощно вздрагивала густая седая бровь.

— Те-те-те, вот оно что... — Глухов склонился над умирающим учителем, не снимая рук с пояса, оставаясь в позе хозяина и победителя. — Значит, кранты, дядя Ваня?... Кранты!

В распахнутой ярко-красной куртке, накинутой на цветастый шутовской спортивный костюм, со своей довольной, циничной улыбкой Глухов казался палачом, извращённым, дьявольским воплощением древнего язы-

ческого бога Солнца, грозно нависшим над учителем, предназначенным ему в жертву. В классе стало тихо и жутко.

Но вот в дверях показалась директриса, за ней два завуча и несколько учителей, медсестры, врача не было. Директор, крупная, осанистая женщина, деловыми, тяжёлыми шагами направилась к длинному. Лицо её, грубо скроенное природой, сейчас напоминало остроугольный восклицательный знак:

— Глухов, немедленно выйди из класса!

— Те-те-те, — поднял он перед ней руку, всё так же покачиваясь, — я ведь не ругаться, а благодарить пришел... вас, Ирина Прокофьевна, в первую очередь.

— Не время теперь, немедленно выйди из класса!

— Ну как же не время, когда вон, в натуре, правда победила?!

— Как победила?

— Да вон, дядя Ваня-то в ящик смотрит!.. Помните, тогда, год назад, на педсовете вы ему сказали, что он не жилец на белом свете?

— Ничего я такого не говорила!

— Ну... тогда, на педсовете... короче... сначала меня отругали... что я лентяй, мудака...

— Глухов!..

— Короче, потом меня выгнали, а его обвинили, что он... как это... инди-индивидуальной работой со мной не занимался... а потом, в натуре, все учителя проголосовали, чтобы он за три дня мне годовую исправил... Я ведь за дверью стоял и всё слышал.

— Не он исправил, а ты!

— Нет, он... Как я мог за три дня два полугодия исправить?..

— Ну исправил же...

— Нет, он тогда отказался... Ну вы ему, короче, сказали, что ему не только в школе, но и в жизни нет места.

— Не говорила я такое.

— Говорили, и правильно говорили, потому что, в натуре, нельзя человека из-за одной литературы будущего лишать.

— Но тройку же он тебе поставил...

— А куда он денется: ему тоже жить надо.

— Короче... — Глухов обернулся ко всем в классе, — живу я теперь классно, тачку вот недавно купил, хотите прокачу? А почему я так живу? Потому что вы, уважаемые учителя, вы, Ирина Прокофьевна, пожалели меня: не поставили двоек, хотя я их вполне заслуживал, и дали спокойно уйти из школы в коммерцию.

— А ты, — он, опять приняв надменную позу палача и древнего бога, повернулся к лежащему так же неподвижно Ивану Ивановичу, — старый козёл, ставил мне двойки, хотел со справкой выпустить по своей поганой литературе! Вот и подыхай сейчас, как собака: ты никому не нужен! Человеком надо быть, козёл!

— Глухов!! — в один голос закричали учителя, завучи и директор.

— Те-те-те!.. А вам, дорогие учителя, огромное спасибо, что сделали меня, в натуре, настоящим человеком!

— Светик... Царёва... Как сдала?.. Пятнашка?.. Я так и думал: ведь ты, в натуре, и во всех олимпиадах участвовала, и стихи на смотрах читала... Короче, пошли отмечать, наш «Мерседес» у подъезда. Вы разрешаете, Ирина Прокофьевна?

— Да, Света, уведи его отсюда скорей, чтобы глаза мои его больше не видели!

— Обижаете, Ирина Прокофьевна: я ведь к вам, в натуре, с добром пришёл.

Света, стеснительно улыбаясь, победно оглядела всех вокруг и, восхищённо посмотрев на Глухова и майское солнце в большом окне, взяла с подоконника сумку и пошла к своему герою.

— Ну мы, короче, пошли... Спасибо вам за всё, за Светика... Извиняйте, что не так, — Глухов, обняв Свету, уже подошёл к двери, но вдруг остановился и обернулся.

— Да, забыл... — он засунул руку в карман и вынул пачку смятых денег. — Я знаю, уважаемые учителя, что зарплата у вас... нищенская, короче... — он положил на стол несколько крупных купюр, — вот вам от бывшего ученика... подарок... матери-анальная помощь, короче...

— Глухов!! — взревела директор. — Возьми свои поганые деньги немедленно и убирайся отсюда к чёртовой матери, пока я милицию не позвала!! Нахал!!

Но Глухова и его подруги Светы уже не было в классе, лишь далеко за дверью раздался их молодой, радостный хохот, а внизу, за большим окном, победно заурчал мотор ожидавшей их машины.

Заверещали возмущенные голоса завучей и учителей, но их перекрывал густой и яростный рёв топающего и размахивающего руками директора. Ребята, улыбаясь, осторожно молчали. Поэтому никто не заметил тяжёлый, хриплый стон умирающего старого учителя, только последний луч заходящего за тучу весеннего солнца продолжал освещать его. Но этот луч не мог согреть, вдохнуть в него жизнь, потому что учитель был всеми, всеми забыт и давно лежал на учительском столе, одиноко распростёртый, с высохшим полотенцем на груди. Так в классе и за окном, на улице, ещё царствовала поздняя осень, мешавшая стать солнцу по-настоящему весенним, рождающим жизнь.

24.06.2015

Сильная женщина

Рассказ о взаимоотношениях чиновника и учителя.

Olen7769

*Из цикла «Всё это было бы смешно...»
Часть 2. Бытовые зарисовки*

Всем известно: сила женщины — в слабости, но Валентина Михайловна Запятаева презирала и ненавидела её как порок, как болезнь, потому что всю свою жизнь стремилась к административной карьере. Наконец-то, в сорок пять лет, она стала директором большой школы — сбылась её давняя мечта. Солидная, полноватая, моложавая в своей свежей краснотубой обворожительной улыбке, таинственно строгая в крупных коричневатонированных очках, она сидела в своём просторном кабинете и наслаждалась сознанием того, что теперь ей подчиняются почти сотня педагогов и более двух тысяч учащихся. Она уже уволила несколько неблагонадёжных человек, среди них завхоза, бездельника и любителя выпить, учителя по труду, который перед пенсией требовал больше часов. Поэтому сейчас она часто обворожительно улыбалась, извинялась, а на педсовете сказала, что на колених будет молить остаться того сотрудника, который решит уволиться.

Шло время: Валентина Михайловна всё меньше улыбалась, всё чаще надменно поднимала голову и говорила с выдохом: «Пф...», совсем как старший придворный китайского императора в сказке Андерсена «Соловей». Коллектив всё больше раздражал её, особенно одна учительница истории, которая нередко шла наперекор, вела себя агрессивно, забывая, что директор — специалист

в своём деле и знает, что говорит. «Глас народа — глас Божий», — заявляла учительница и спорила, спорила, будто она и есть народ. В минуты слабости Валентина Михайловна говорила себе: «Нет, я сильная, должна быть сильной!» — и вспоминала напутственные слова замминистра: «Вы идёте в большую, сложную школу: не получается лаской — утверждайте себя властью, иначе вас закроют. Но вы сильная женщина, и мы в вас верим».

Больше двадцати лет проработала Валентина Михайловна в школе, но никогда не могла себе представить, что первого июня, в день первого выпускного экзамена по литературе и русскому языку, экзаменующий учитель скажется больной и не выйдет на работу. Как студентка-первокурсница, Валентина Михайловна оправдывалась перед инспектором РОНО, краснела, бледнела, дрожала от мысли, что об этом узнают в министерстве и подумают, что не справляется она, сильная женщина, с большой школой, что ошиблись в ней те люди, к которым она стремилась всю жизнь.

Лариса Дмитриевна пришла в школу через несколько дней, но ни больничного, ни справки не принесла. Это доказывало лишний раз, что, в отличие от Валентины Михайловны, своей ровесницы, она была слабой женщиной, но быть такой Ларисе Дмитриевне даже нравилось. Например, она любила одеваться небрежно, как-то нараспашку: широкая кофта, широкая юбка, на голове непонятная, плохо уложенная причёска. Выглядела Лариса Дмитриевна старше своего возраста, поэтому косметику накладывала в избытке, но та не делала её вульгарной, а подчёркивала, освежала те черты лица, которые женщина в себе любила: маленький нос, полные губы и глубокие глаза. Густо оттенённые, ярко подведённые, глаза молодо играли, задорили и говорили о немалых радостях, которые могла принести их опытная в жизни хозяйка, а затаённая постоянная грусть де-

лала их трогательно прекрасными, смотрящими прямо в вашу душу.

На следующей неделе Валентина Михайловна собрала малый педсовет и, объявив повестку дня: «Дело о прогулах Одинцовой Ларисы Дмитриевны, учителя русского языка и литературы», обратилась к ней:

— Объясните, пожалуйста, педсовету, пф... как квалифицировать ваше отсутствие на вашем выпускном экзамене. Что я скажу инспектору РОНО: он был на экзамене и просил сообщить о вас.

— Скажите, что я болела, а лечила меня бабка, соседка, о враче я вообще забыла, поэтому не принесла больничный, — Лариса Дмитриевна чуть теребила накиннутый на шею газовый шарф и смотрела директору в глаза, затённые коричнево-тонированными линзами.

— Но вы же образованный человек, учительница, почему же не к врачу, а к бабке какой-то обращаетесь? И как вас вообще, извините... угораздило, в ваши-то годы, ведь у вас... климакс должен начаться? — Валентина Михайловна чувствовала себя неловко, но раздражение директора, женщины в ней возрастало, и это делало её человечнее, проще.

— Не знаю, Валентина Михайловна, ядрёная я больно.

— Пф, в каком смысле?

— Ну, до мужчин охочая, да и ребёночка очень хотелось... сколько лет...

— Ну вы, извините, даёте. Пф... Вы же педагог, воспитатель, и... «охочая до мужчин», а ребёночка-то нужно от мужа заводить, или вам всё равно от кого?

Глаза Лариса Дмитриевна не отвела:

— Сейчас всё равно, Валентина Михайловна. Да, я учительница, но я ещё и женщина, слабая женщина, просто баба... а как же быть бабе без ребёночка?.. Сколько лет я не чувствовала себя женщиной, а тут такое счастье: забеременела!

— Счастье, пф... — Валентина Михайловна криво усмехнулась. — А вы подумали, как содержать ваше счастье одной на учительскую зарплату? А как воспитывать, когда вы целый день в школе? Ведь это огромная ответственность, вы её чувствуете? Или для вас главное — только родить и иметь? Вы же не девочка, Лариса Дмитриевна!

— Ой, сколько страхов вы мне наговорили, Валентина Михайловна! Коли так обо всём думать, то и жить не стоит. Я считала, и мне другие говорили, что вы сильная женщина, а вы слабая: всего боитесь, поэтому, видно, одна и живёте. Я одна потому, что человека хорошего не встретила, но я и без него начну новую жизнь. Представьте, Валентина Михайловна, что рядом со мной будет плоть от моей плоти, самый родной для меня человечек, сынок или дочка. Он растёт, и я расту вместе с ним в любви и заботе... Чего ещё желать одинокой женщине! Да я ради этого на всё пойду, ничего не испугаюсь, ведь у меня остался пока один верный шанс: я жива и здорова.

Валентина Михайловна как-то сникла, опустила голову, тонированные очки скрыли не только её глаза, но и всё лицо. Пальцы нервно вертели шариковую ручку, но сдаваться она не собиралась. Успокоилась, медленно подняла голову и сказала:

— В общем, как вы поступите насчёт ребёнка — дело ваше, но вы серьёзно подвели школу, администрацию, меня, и этого я вам простить не могу. Любите, беременейте, рожайте, но без справки или больничного я не имею права допустить вас к работе.

— Значит, увольняете меня?

— Значит, так.

— Ну и увольняйте, унижаться не буду.

— Пф, это бесполезно.

— Бесполезно быть директором без души. Вы-то когда-нибудь были счастливы, сильная женщина, как вас

зовут чиновники и учителя? Был ли у вас хоть когда-нибудь свой ребенок или всё чужими любовались? Может быть, вам и чужие не нужны, а только директорское кресло?

Директор побледнела:

— Вы забываетесь, Лариса Дмитриевна: за прогулы я могу вас и по статье уволить, имею на это право!

— Не вы одна решаете, а педсовет, профсоюз!

— Нет, Лариса Дмитриевна, решает закон!

— Так вы что... по статье меня?!. — женщина явно растерялась и смотрела на директора испуганно.

Валентина Михайловна замолчала, подавила себя, задумалась. Учительница публично критиковала, даже оскорбила своего директора — убрать её, конечно, нужно и тем самым укрепить свой авторитет, не развязать ей руки для дальнейших безобразий. К тому же, дурной пример заразителен — появится ещё одна историчка-истеричка. Но как убрать? Директор прислушалась к аудитории: учителя взволнованно шептались, слышались робкие недовольные возгласы, беременную все жалеют. Валентина Михайловна приняла решение:

— Нет, зачем же по статье, мы поступим гуманно, пф... Пишите заявление «по собственному желанию» и рожайте себе, с Богом, а иначе нельзя.

— Школа и ребёнок, его рождение — «две вещи несовместные», — высказалась агрессивная «историчка».

«Ничего, подожди — я так тебя прижму, что ты по своему характеру, как Одинцова, обязательно сорвёшься, — мысленно сказала ей директор, — но потом на работу вряд ли поступишь по моей характеристике».

Лариса Дмитриевна села писать заявление, а Валентина Михайловна насмешливо смотрела на неё и про себя говорила: «Нет, Лариса Дмитриевна, как бы ты ни кобенилась, а последнее слово остаётся за мной. Посмотрим, как тебя, беременную, на работу примут и чем

ты своего малыша кормить будешь: животик уж вон как обозначился — его не скроешь. Всё-таки я сильнее тебя со всем твоим гнилым романтизмом: последнее слово всегда остаётся за мной... и законом!

25.06.2015

Одержимый Эдд

О безграничной власти вещей над человеком.

Olen7769

Из цикла «Всё это было бы смешно...».

Часть 2. Бытовые зарисовки

Эдд, молодой предприниматель лет тридцати, высокий, хорошо сложенный, с симпатичным, но несколько высокомерным, как бы опускающимся в жиреющие снизу щёки лицом, придающим ему больше солидности, недавно стал директором компьютерной фирмы. В коллективе он зарекомендовал себя как порядочный человек, то есть не пил, не курил, неплохо знал своё дело, нравился девочкам и мог постоять за себя, правда, на расправу был очень крут и зол.

Тихим, спокойным голосом, чуть улыбаясь, он рассказывал, как избавился от приставаний вечно пьяного соседа старика, который постоянно лез к нему с рассказами о каких-то художниках. Сделав ему несколько резких предупреждений и поняв, что старик не отстанет, Эдд прямо на лестничной площадке вломил ему кулаком в лоб. А на следующий день корешей своих на квартиру к нему привёл, чтобы тот молчал и всегда обходил его стороной.

Таким же тихим, но ласковым, взволнованным голосом, с ещё большей улыбкой рассказывал Эдд о своём нежном сынишке, который недавно пошёл в первый класс. А когда его одноклассник захотел отнять у малыша деньги, Эдд так стукнул маленького хулигана по голове, что тот долго валялся на снегу, и у него из носа и ушей шла кровь. Потом приходила его мать, и Эдд вежливо объяснил ей, что в следующий раз он из её сына мозги

вышибет. Мать поняла, что он говорит правду, перестала кричать и молча ушла домой.

Все подобные рассказы Эдда встречали горячее одобрение у его сотрудников, уважение к нему возрастало, ведь все они тоже жили по принципу «мозги вышибу!», столь часто повторяемому героями голливудских фильмов, и жизни без этого правила в нашей стране не представляли.

В одну из множества рабочих ночей Эдд сбывал налево партию компьютеров, приобретенную задёшево у разорявшегося поставщика, но никак не мог сосредоточиться на подсчёте получаемых денег: переворачивающая всё его существо мысль, как смертный приговор, постоянно отвлекала. Недавно купленный, последней марки, будто снегом сверкающий и монументально высокий, как памятник на площади, холодильник уже многие часы работал «вхолостую», на тещу, которая то ли забыла, то ли нарочно оставила в нём две свои «поганые» банки варенья. В его, личном, собственном, холодильнике! Бешеное высокомерие не давало Эдду возможности сказать ей, «стерве», об этом: не дай Бог она, а вместе с ней и жена посчитают его мелочным и жадным, тем более, что живёт он у них на квартире. Как ревность пробуждает любовь, так эти две банки варенья вызвали у Эдда такой приступ обиды и страсти к своему холодильнику, что даже чувство к сыну отошло на задний план. Тогда, охваченный звериной яростью, он испытывал непреодолимое желание врезать теще ребром ладони по пухлой маленькой шейке, как вдруг зазвонил мобильник, и его срочно позвали на склад, чтобы не упустить выгодного покупателя, которые так редки в нашей стране.

Итак, Эдд сидел на складе, мучился, а окружающие его со всех сторон компьютеры, люди, их уносящие, стеллажи с техникой, даже стены давили на него своей

массой и требовали восстановить справедливость: выключить свой, личный, прекрасный холодильник, а банки с вареньем перенести в тётшин или, лучше, вообще выбросить, разбив их об асфальт. Не в силах дальше бороться ни с собой, ни с окружающей обстановкой, насквозь пропитанной чувством собственности, Эдд поручил подсчет денег своему менеджеру, который не знал таблицу умножения, зато умел обращаться с калькулятором, и сел в свою «девятку».

Тёщина девятиэтажка мрачно высилась под тёмным небом, лишь на доме напротив ярко горел плакат: «Человек — мера всех вещей!». Эдд остановил машину и задумался: Джонни не умеет считать, его сколько раз обманывали, а он доверил ему слишком важное дело, деньги. «Надо было подождать: какой-нибудь час оставался до окончательного расчёта, и поезжай себе с Богом или чёртом, а ты, как мальчишка... Ну ничего: продешевит — мозги вышибу этому слюнтяю... но деньги всё равно потеряю...». Эдд уж решил развернуть машину и мчаться обратно, но опять как наяву увидел собственный красавец холодильник, работающий «вхолостую», теряющий свою необыкновенную прелесть и силу. Эдд нажал на газ и припарковался у тётшиного подъезда.

Одним рывком поднялся на шестой этаж и вставил ключ в замок бронированной двери тётшиной квартиры. Долго, долго он бился, дрался с замком, стараясь открыть его, наконец понял, что замок вставлен новый. А его почему-то никто не предупредил, значит, с ним не считаются, ни «проклятая» тётша, ни жена. Трясаясь от бешенства, он без устали звонил в квартиру, потом начал колотить в дверь ногами, кулаками до боли, до крови, как будто избивал своих ненавистных домочадцев.

Грохот в подъезде поднялся такой, будто все заключенные Петропавловской крепости разом рвались на волю и в пароксизме отчаяния бились о гулкие железные

двери своими телами. Соседи один за другим выглядывали из бронированных дверей, но так же, один за другим, пугливо захлопывали их. Лишь мужчина, живущий рядом с квартирой тёщи, набрался храбрости и сказал Эдду, что его жена с матерью и сыном уехали в сад и вернутся только завтра. У Эдда опустились руки, ослабли ноги и всё тело. Он с ненавистью посмотрел на соседа, который быстро скрылся, и в бессилии уставился на бронированную крепость запертой двери.

«Джонни, как он там, ублюдок? Наверное, взял несколько „кусков“ и рад до пупа, даже „спасибо“ сказал, и глупая его рожа расплылась в улыбке! — Эдд снова затрясся от ярости. — Дай Бог, если ему половину заплатили... Нет, надо срочно ехать обратно, пока покупатель не ушёл, пока денежки не уплыли!». Но ноги Эдда не двигались: совсем близко, вот за этой чёртовой дверью, находилось самое любимое для него в мире существо и просило о помощи, чтобы навеки принадлежать только ему и никому больше.

Как лунатик, Эдд вышел в лоджию и справа увидел тёщин балкон. А что, если перейти на него: это не так уж трудно, нужно лишь обогнуть часть разделяющей их узкой, в полный обхват выступающей стены. А затем разбить окно, если оно и дверь закрыты, и ноу проблемз. Как замороженный, он смотрел на тёщин балкон, за тёмными окнами которого ждал его возлюбленный холодильник.

Как одержимый, Эдд встал на железобетонные перила, держась за угол стены, спиной к пустоте. Потом шагнул через неё и только тогда понял, что не выбрал место, куда ставить шагнувшую ногу. Она скользнула по стене, как по льду, и Эдд повис, сжимая её последним объятием, безуспешно пытаясь найти хоть какую-нибудь опору для ног, — вернуться на перила он уже не мог. Стена была скользкой и пронизала его знобящим холодом. «Хелп

ми!» — крикнул он почему-то по-английски, глядя вниз, в тёмную пустоту, но она молчала. «Помоги-ите-е!!» — всеми лёгкими, всем ещё полным молодой жизнью телом закричал он. И увидел доброе, безответное лицо Джонни, русского парня Жени, которого не раз колотил, уважительные лица товарищей, которых всегда презирал, ласковые и грустные лица жены и матери, к которым становился равнодушен, и весёлое личико сынишки, единственного человека, которого он любил и ради которого был готов на всё. «Помоги-ите-е, я жить хочу, жи-ить!!» — кричал, молил он, медленно сползая вниз, в пустоту и тьму, хотя и здесь, за множеством холодно поблескивающих окон, совсем рядом, находились живые люди. Только сейчас эти окна заметил Эдд и только в эти окна смотрел, только этих людей молил о спасении. Их мир наконец ответил ему: ослепил внезапно вспыхнувшим, бьющим по всему коченеющему от холода и ужаса телу ледяющим светом.

«Оттянись со вкусом!!» — орал ему смеющийся парень с огромной рекламы на соседнем доме, вынимая пиво из сверкающего холодной белизной холодильника.

27.06.2015

Ничего общего

Семейные отношения пожилых.

Olen7769

Из цикла «Всё это было бы смешно...».

Часть 3. Взрослые сказки

В июльскую жару Парфён Парфёнович, пожилой, полный, представительный мужчина с внушительным животиком, лежал дома на кровати в одних трусах рядом со спящей женой и никак не мог заснуть. Докучливые, но мучительные мысли комарами кружили около него, кусали больно, пили кровь и даже жалили, как пчёлы. Глупо после двадцати лет совместной жизни думать, что не о такой жене мечтал, что так и не родилось между ними ничего общего. Сейчас о другом думать надо: как выжить после шестидесяти, а не о том, что он художественную литературу любит, а жена с ума сходит от всякой ерунды, написанной в пошлых газетёнках. О главном думать надо: как сохранить и подлечить своё здоровье, а не о том, что несхожесть их характеров выражается в том, что жена не любит ничего солёного, острого, а он, наоборот, без пирожков с зелёным луком и селедки под шубой не представляет себе пищи. И ещё она, то есть жена, а не селедка, постоянно ворчит: всё ей не так да не эдак, ворчит даже наедине с собой, хоть беги из дома. А он опять не такой: молчаливый, всё в себе переживает и предпочитает ворчанию действие, поступки. Да и вообще его жена — женщина неласковая, суетится с утра до вечера: убирает, варит, стирает. Конечно, без этого нельзя, но, чтобы просто подойти к мужу, обнять его от души да поцеловать крепко, чтобы он почувствовал радость жизни, — сердца не хватает. Муж для неё — толь-

ко составная часть её повседневной деятельности: например, после мытья пола в квартире она деловито подходит к нему и говорит: «Теперь мне тебя помыть нужно» и готовит ванну, хотя, естественно, моется он сам. Разумеется, Парфён Парфёнович понимал, что сам, в первую очередь, должен быть ласковым, помогать ей во всём, таким он и был раньше, но с годами, не встречая достойного ответа, махнул рукой и поплыл по медленному течению жизненной реки.

Конечно, за долгие годы совместной жизни Парфён Парфёнович сросся душой и с женой, и с их квартирой, и с каждой вещью в ней. Он помнил, с каким трудом, но дружно, без ругани они оплачивали кредит, и вещь была выкуплена. Потом так же покупали другую, ещё более дорогую, но и более необходимую. Он помнил, как не раз жена серьёзно выручала его, когда он почти не получал денег на простаивающем заводе, и ни одним словом не упрекнула его. Она, Зина, была на год младше его, худенькая, маленькая, с прочно посаженной на покатых плечах крупной, умной головой. Иногда её глаза суживались и, как голубые звёздочки-глазки малыша, искрились смехом — она становилась прелестной, и Парфён Парфёнович любовался ею.

Но снова кусали мысли-комары, кусали больно, болезненно, как ни уворачивался от них Парфён Парфёнович, везде находили. Дело в том, что с исполнением шестидесяти лет ему вдруг страстно, по-молодому захотелось свободы и любви. Во что бы то ни стало он желал свои недолгие, последние годы прожить по-человечески наполнено, в полную силу, ведь они больше никогда, никогда не повторятся. «Главное, — думал он, — быть свободным, кому нужен старый и женатый человек, а вот разведённый и опытный, с молодым сердцем в груди, может зажечь и другое, даже помоложе, чем моё, бывали такие случаи. Ну а если не судьба, буду

жить один, без любви, жить свободно, как мне хочется, это лучше, чем отдавать оставшиеся, единственные годы не любящему тебя человеку. Двадцать лет назад женитьба отняла у меня свободу и необходимые для неё деньги, а получил я скучные прогулки по магазинам, вечные жалобы на нехватку средств и копейки на свои мелкие нужды, но воровать, как другие, я никогда не захочу и не смогу». Парфён Парфёнович встал с кровати, посмотрел на сопевшую Зину, настезь открыл окно и вышел на лестничную площадку покурить. Когда вернулся и лёг в постель, долго смотрел на Зину, которая отвернулась от него и храпела. Теперь Парфён Парфёнович почувствовал, что мысли-комары улетели в открытое окно: он решил развестись, но уснуть не мог до самого утра и часто взглядывал на возвышавшуюся перед ним спину жены.

На следующий день, как бы исполняя «последнюю» просьбу Зины, он топал с нею в сад собирать поспевшие ягоды, а заодно и сказать о своём решении.

— Сволочи! — бросил он мешавшим им перейти улицу водителям легковых машин. — Развелось вас здесь, ворюг, буржуев недорезанных!

Родной сад казался ему дремучим лесом, хотя над ним от всей души сияло солнце.

— Сволочи! — сказал он деревьям и кустам, хлеставшим его ветками по лицу, и солнцу, начавшему поджаривать его лысину.

Наконец он добрался до избушки, которую когда-то сам построил, сел за дощатый стол, вечно покрытый одной и той же клеёнкой с выцветшими цветочками, и вытащил из просторного кармана летних штанов чекушку водки. Выпил прямо из горла, закусил валявшимся на столе яблоком и стал готовиться к предстоящему разговору. Сначала долго глядел на маленькую жену, аккуратно собирающую малину, и думал: «Никогда, никогда

у нас с ней ничего общего, кроме вещей и кредитов, не было, а ведь живёт со мной сколько лет, ухаживает, как будто любит, делает вид, что я ей небезразличен. Сволочь!» — заключил он, когда размазал комара по лицу, затем запил этот горький вывод водкой.

Чем больше зла накапливалось в Парфёне Парфёновиче, тем больше комаров и муравьев ползало по его полуголому телу. Их укусы и водка вызывали новые доказательства необходимости развода, боль и зуд заставляли чаще и ожесточённее колотить себя по рукам, груди, лицу, всему телу. Когда Парфёну Парфёновичу всё-таки удалось сформулировать обвинительный приговор своему настоящему браку, от изуверства насекомых стало совсем невозможно. Весь искусанный ими, избитый своими руками, с пятнами своей крови от раздавленных врагов, он высочил из избушки в сад и, падая на траву, завопил:

— Сво-ло-чи-и!!

Зина подбежала к нему, осмотрела, крепко обняла и сказала, нежно поглаживая вздувшуюся, окровавленную лысину:

— Что ты с собой сделал, Парфёша, за что так себя искалчил?! Никакая ты не сволочь, а мой хороший, милый муж, и я люблю тебя! Да ты ещё и напился! Пойдём в домик, на диван, я тебя лечить буду.

И вот Парфён Парфёнович лежал на диване и чувствовал, как нежные прикосновения рук жены прогоняют боль и зуд, дают прохладу и успокоение его телу и душе.

А потом Зина снова обняла его, жалея, понимая испытанные им муки, и Парфёну Парфёновичу становилось просто очень хорошо, как ребёнку на руках у матери, у самого родного человека на свете. И он понял, что так хорошо никогда и нигде не будет, что свобода принесёт ему только одиночество, тоску и яд воспоминаний о подобных моментах супружеской жизни. Какое значе-

ние имеет теперь вопрос: любовь это или не любовь, он был просто счастлив и будет делать себя счастливым, из всех чувств постоянно выделяя одно, главное: всей душой и телом ощущение близости с родным, единственно близким человеком на этой земле.

28.06.2015

Медвежий угол

Проблемы народного образования.

Olen7769

Из цикла «Всё это было бы смешно...»

Часть 4. В начале жизненного пути

Надоело медвежатам в медвежьей школе учиться: чуть что — лапой по морде, какая тут может быть культура, стремление к знаниям! И прослышали они, что где-то далеко, у людей, ученики давно без шерсти ходят, чистенькие, в костюмчиках. Обращаются с ними не по-медвежьи, а по-человечески, учатся они в лицах, гимназиях, колледжах, а не в медвежьих школах.

Выбрали медвежата из своей среды самых талантливых и умных, почистили, принарядили и отправили к людям знаний набираться, чтобы всем научиться жить по-человечески.

«Хорошо! — сказал Президент, а с ним вместе и всё людское Правительство. — Вижу, вы медвежата душевные, талантливые, за свой лес болеете, поэтому надо вам в колледже учиться, где как раз такие и нужны. Но для этого школу-интернат нужно построить, а то вам в лес далеко каждый день ездить — вы учиться не сможете».

Вручил Президент медвежатам гербовую бумагу с согласием Правительства и своей резолюцией на это строительство, и поехали они к волшебнику по имени Чиновник. У того удивительная Сила была: всё, что хочешь, — построит, всё, что не хочешь, — разрушит. Деньги она называлась.

Ох, и тяжело было у Чиновника приёма добиваться, долго медвежата в очереди стояли, милиция их выгоняла,

но гербовая бумага помогла: через несколько дней из приняли.

Чиновник был огромный и толстый, но Сила у него оказалась совсем маленькой, видно, вся в тело ушла.

— Не могу я вам, ребята, школу-интернат построить, — сказал он. — Мне вон сколько людей накормить надо, а самых близких машинами, дачами и особняками обеспечить.

— Но мы учиться хотим, чтобы весь медвежий лес жил по-человечески! Мы сможем — мы свой лес любим, мы талантливые!

Разозлился Чиновник, кровью налился, раздулся ещё больше, и разорвался по швам его дорогостоящий костюм. Увидели медвежата, что перед ними сидит просто медведь, такой же, как те, от которых они убежать хотели.

Двинул медведь им лапой по мордам, и очутились медвежата вновь в родном лесу, в родной медвежьей школе, из которой теперь никуда дороги не было.

29.06.2015

Медведи

*Положение российского учителя в конце 20-го в.
Olen7769*

*Из цикла рассказов «Всё это было бы
смешно...»
Часть 1. Школа...*

Над питейным заведением яркими разноцветными лампочками горело его название: «Весёлая берлога у Мишки Косолапого. Бистро». Задорно подмигивая, надпись звала войти, открыть массивную дубовую дверь, за которой вас встречало ещё одно радужное изречение: «Опускайтесь вниз — Вас ждёт Настоящие Медвежье Счастье — оно станет Вашим!!».

«Опускаться» надо было по лестнице в небольшое овальное помещение, стиснутое низкими стенами и потолком и поэтому действительно напоминающее берлогу. На двух полукруглых стенах, расходящихся от входа, были ярко намалёваны медведи, которые полулежали с пустыми рюмками в лапах и просяще-вопросительно смотрели на своего хозяина, Мишку Косолапого, нарисованного в центре, на месте схождения этих стен. Но выглядел он так объёмно и выразительно, что при взгляде на него вам становилось не по себе. Медведь в тёмной шкуре сидел на пне, в одной лапе держал полную бутылку водки, а в другой — голую путану, которая тянулась к нему всем телом. Медведь как будто взвешивал, какая из них лучше, а его тупая морда идиотски смеялась вам в лицо, глумилась над всем чистым и светлым, что осталось в вашей душе, и предлагала, утверждала своё, животное, счастье, которое держала в лапах.

Двое мужчин некоторое время рассматривали этого медведя, потом один из них, более высокий и сутулый, передёрнул плечами, как от холода, и жестом пригласил товарища сесть за один из столиков в виде лесного пня на коротких ножках.

— Неужели теперь все так понимают счастье, как этот медведь? — спросил высокий мужчина у своего приятеля, когда они уселись.

— Нет, — уверенно ответил тот, смотря ему в глаза. — Мы с тобой понимаем его иначе, и не мы одни.

— Наверное... — пробормотал высокий и замолчал.

Оба приятеля были примерно одного возраста, уже в годах, но уверенно отвечавший выглядел несколько моложе. Он сидел прямо, в строгом тёмном, хорошо выглаженном костюме, аккуратно постриженный и симпатичный.

— Мы давно не виделись, Мишель, — сказал он, с интересом разглядывая бывшего однокашника, — ты здорово изменился. — Одно я не могу понять, как ты смог связать свою судьбу со школой, это не в твоём духе, я знаю... Наконец, ты уволился... но, конкретно, почему?

В отличие от своего однокашника, учитель не был хорош собой: сторбленный, в потёртом светло-коричневом костюме, он, скорее, отталкивал, чем притягивал неухоженностью и... какой-то обречённостью. Она чувствовалась и в выражении острых, но слишком печальных глаз, и в обвисшей на худых скулах коже, придающей его утонченному лицу скорбное выражение. Он предложил выпить и после нескольких рюмок водки ответил:

— Почему я уволился?.. Боб, ты, конечно, можешь мне не поверить, посчитать меня ненормальным, но я это видел, Боб... и страдал.

— Что ты видел, Мишель? — спросил Борис и уставился на учителя заблестевшими глазами. Тот вдруг обес-

силено опустил голову, задумался, но через минуту выпрямился и начал свой рассказ:

— Год назад я искал школу, измотался страшно: везде то отказывают, то дают неопределённые обещания. И вот однажды пасмурным днем я сошёл с трамвая недалеко от дома, перешёл дорогу и обомлел... Передо мной выросла стройная четырёхэтажная школа, солидная, как монумент, она звала и приглашала. Из обложивших небо тёмных туч внезапно вырвался слепящий луч солнца и осветил её одну среди окружающего сумрака. Я почувствовал, как замерло всё вокруг: голоса людей, шум транспорта. Властная сила добра и света, исходившая от школы, повлекла меня к ней.

— Начало довольно поэтическое, — заметил Борис и, подперев подбородок рукой, с ещё большим интересом стал смотреть на Михаила.

— Неуверенно я открыл дверь и пошел, как всегда, сначала искать директора. Чистота прямых коридоров, белизна стен и дверей кабинетов делали школу похожей на больницу.

Директор, седовласый красивый мужчина, направил меня к завучу, и я увидел полную женщину средних лет с мягкими чертами лица и необыкновенно добрыми глазами. Задушевым голосом она сразу сказала, что вакансия в школе есть, более того, я могу взять мои любимые десятые классы. Потом я поговорил с красавцем директором, который как-то сразу меня зауважал и сказал, что даёт классное руководство в особом, математическом, классе.

Я шёл и чувствовал, как стены коридоров школы обволакивают меня тёплыми, ласковыми объятиями, а на улице мощные потоки солнечного света звучали победной, торжественной симфонией в оркестре высотных домов, трамваев, машин, прохожих.

Михаил остановился и перевёл дух. Борис с тем же интересом, но уже менее серьёзно смотрел на него, как на актёра, разыгрывающего наивную мелодраму.

— Конечно, это упоение продолжалось недолго, — заметил он, — потому что уж больно хорошо всё началось...

— Да, ты прав, Боб, после этого упоения вдруг я почувствовал окружающий меня мир в таких небывалых, но естественно-ощутимых образах, что мне по-настоящему стало страшно.

Приятели выпили, немного закусили.

— Рассказывай, Мишель, рассказывай! — нетерпеливо попросил его Борис.

— Шло время. Отношения с учащимися, учителями, администрацией сложились превосходные, каждый праздник отмечали застольем в искренней, почти семейной обстановке. И вот подошёл конец четверти.

За неделю до каникул я вошёл в учительскую и обомлел: на стене висело объявление, написанное толстым, кроваво-красным фломастером:

«Двоек за четверть не ставить! В противном случае готовьте документы для обоснования своей оценки в РО-НО! Администрация».

Такой открытой наглости в школьных объявлениях я ещё не встречал и сначала почувствовал, а затем, поверь мне, Боб, увидел собственными глазами, как со всех сторон надвигаются на меня стены учительской. Это было медленно, Боб, очень медленно... С режущим душу скрежетом и визгом двигалась на меня стена с объявлением. Сзади и с боков тем же движением и звуком ей ответили другие стены, стреляя в меня вылетающими паркетинами и осыпая штукатуркой. Где-то вдали рос тяжелый, как от летящего бомбардировщика, гул — казалось, вся школа наваливается на меня... Стало тяжело дышать, сдавило грудь, руки, ноги, всё тело... Я запаниковал, но неожи-

данно, инстинктивно, рванул на себя дверь и вырвался в коридор.

Меня всего трясло, я стоял и отряхивался, тупо уставясь на открытую в учительскую дверь, когда рядом услышал тяжёлое дыхание запыхавшегося человека. Я вздрогнул, резко обернулся и увидел своего завуча, Варвару Павловну, с листком в руке. Встревоженная, с красными, болезненными пятнами под глазами, она сказала своим душевным голосом: «Михаил Алексеевич, вам надо провести срез знаний в девятых классах. Вот текст диктанта из РОНО, просмотрите... Завтра, вторым уроком».

Её слова немного привели меня в чувство, я пошёл в свой кабинет, заперся, закурил и всё ещё трясущимися руками поднёс к глазам этот лист с диктантом. Долго я не мог сосредоточиться, но заставил себя вчитаться, понять и опять оторопел: зачем нужно было давать малограмотным ребятам такие сложные синтаксические конструкции? Каждая строка подавляла меня жестоким, диким равнодушием к детям, их учителям, школе, образованию вообще. Одно предложение было таким огромным, закручено так, что я долго искал грамматическую основу, затерявшуюся в потоке слов. Когда нашёл, то понял: ребятам диктант не одолеть, даже отличникам. В коридор я вышел всё ещё взволнованный, мрачный, больной.

Реальный мир отдалялся от меня: я почти не замечал окружающих предметов, проходивших учителей, пробегающих ребят. Когда вышел на улицу, то остро почувствовал, что лежащая передо мной дорога, проходящие пешеходы, проносящиеся машины — всё это далёкое, ненастоящее.

— То есть ты терял ощущение реальности, — заметил Борис.

— Терял прежнее её ощущение, но приобретал новое. Я снова видел сходящиеся вокруг меня стены учитель-

ской, слышал их ужасный скрежет и визг и понимал, чувствовал душой и телом действительность дикой, враждебной силы. Это она заставляет учителей и администрацию школы, чиновников роно ради личного спокойствия, престижа и выгоды заниматься очковтирательством, обрекая детей, представителей целого будущего поколения, на невежество и бескультурие. Вот она, эта сила, — Михаил показал на Мишку Косолапого, обнимающего бутылку и путану в центре стены. — Медвежья, грубая сила стремлений к низменному, животному, счастью, и она торжествует.

Я не раз пробовал сопротивляться этой силе, но оставался в одиночестве: одни боялись потерять работу, другие — власть и деньги. Я не выдерживал, делал глупости, и меня увольняли. С этого времени я начал менять школы как перчатки: ни в одной больше года или двух работать не мог: везде меня давила одна и та же медвежья сила. Но когда в надвигающихся на меня стенах учительской я увидел и почувствовал свою реальную смерть, то понял: наступил предел — из школы пора уходить навсегда.

Борис чуть улыбнулся, но смотрел на Михаила особенно серьёзно и сочувственно:

— Да, Мишель, когда уже такое видишь, то иного пути нет — пора уходить. Но рассказывай дальше: как прошёл диктант?

— На следующий день я вошёл в класс. Девятый «б» сидел притихший, за задним столом я увидел ассистента из наших учителей. Прочёл вслух весь диктант и посмотрел на ребят. Лица застывшие, одинаковые маски покорности и ожидания, лишь несколько человек явно нервничали и хотели что-то спросить. Я начал диктовать первое предложение, второе. Ассистент вышла, и класс загудел.

— Михаил Алексеевич, вы можете?

— Михаил Алексеевич, останавливайтесь там, где за-
пятые...

— Михаил Алексеевич, как писать «интеллигент»?

— «Карова» или «корова»?

Маски исчезли — передо мной появились живые, как зверушки, ребята. Столько в них было энергии, солнечного света, и всё это они беспечно отдавали мне. Но они просили о помощи...

Я смотрел в класс и, понимаешь, Боб, впервые почувствовал, насколько трагична красота этих подростков, красота их непосредственности, юной гибкости тел, солнечности их живой природы.

Я продолжил диктовать монотонным голосом, выполняя волю этой тупой медвежьей силы, и видел, как прекрасные лица ребят покрывает настоящий туман, как они теряют осмысленное выражение и превращаются в полужастывших марионеток, управляемых звуками каменных слов. Я остановился и стал диктовать так, как они просили, но при этом спрашивал и объяснял правила правописания, многие слова проговаривал по слогам и выписывал на доске. Я наблюдал, как они внимательно записывали за мной, и в который раз чувствовал, что их не интересует, почему здесь ставится тот или иной знак или буква, а только какой знак или буква, что их не интересуют знания, а только оценка. Они задвигались, заговорили, продолжая механически списывать друг у друга, но лица их оставались такими же покорными и бессмысленными. Значит, и сейчас я оказывал детям медвежью услугу.

И это всё бесило меня, недавно полные жизни ребята оставались ненастоящими, марионетками, теперь управляемыми стремлением к хорошей оценке. Они давили на меня, как те стены учительской, лишали силы, достоинства и не чувствовали этого. Я злился на них и тут же прощал им: не ведают, что творят. А ведь девятый класс, почти взрослые.

Из кабинета я вышел в гадком настроении. Коридор стал необычайно узким и низким — я еле прокладывал себе путь в толпе учащихся, а на улице дома, машины, люди укоризненно и презрительно смотрели на меня.

Как я ни старался скостить ошибки, но классу пришлось поставить десять двоек. Сдал отчёт и работы Варваре Павловне, а на следующий день она вызвала меня в свой кабинет.

Михаил замолк и залпом выпил водки. Борис потягивал пиво и задумчиво смотрел на прежнего друга.

— Знаешь, Мишель, я вот смотрю на тебя и думаю: зачем ты пошёл в школу? Насколько я тебя знаю, ты талантливый и умный человек, а обрёл себя чёрт знает на какие мучения. И ради чего? Это несправедливо, разве ты сам не чувствуешь?

Михаил опустил голову:

— Ну так сложилась жизнь... не по моей воле, хотя я особенно не жалею: с ребятами я чувствую себя лучше, чем со взрослыми.

— Это понятно, но у тебя слишком чуткая и ранимая душа, Мишель, ты до такой степени принимаешь всё близко к сердцу, что рождаешь фантомы, которые приносят тебе ещё большие страдания. А это уже, извини, Мишель, болезнь: не могут сдвигаться стены учительской, не может в классе туман покрывать лица учеников, откуда ему взяться...

— Может, Боб, может, если ты это ясно видишь, чувствуешь, а, самое главное, страдаешь от этого.

Борис вдруг ощутил, что в «берлоге» уже стало жарко и душно, он оглянулся. Народу за столиками-пнями прибавилось, некоторые уже захмелели и достаточно громко обсуждали наболевшие проблемы. Разговоры в основном шли о криминале, деньгах и сексе, женщины грубо оценивали мужчин, а мужчины — женщин, и вся эта атмо-

сфера почти физически давила на грудь, вызывая тошнотворное чувство.

Вдруг Борис дрогнул: ему показалось, что нарисованный Мишка Косолапый с бутылкой и путаной в лапах как-то придвинулся по стене ближе к их столику и именно на него, Бориса, смотрит своим диким, глумящимся взглядом. «С кем поведёшься — от того и наберешься», — грустно подумал он о себе и Михаиле, но сразу осёкся: с ним, Борисом, никогда такого не бывало и быть не может... Ещё тревожнее стало ему, когда он увидел и услышал, что рядом матерятся уродливые мужики, небритые, лохматые, в ярких ворсистых свитерах, похожие... на намалёванных на стенах медведей, и поглядывают на него зло, насмешливо. Но по-настоящему он удивился тогда, когда увидел, что Михаил спокойно разговаривает с этими мужиками и угощает их сигаретами.

После очередной выпивки он продолжил свой рассказ, хотя слушать его теперь приходилось труднее под аккомпанемент пьяной толпы.

— Помню, в тот день вся школа была залита сверкающим осенним солнцем. Я шёл к Варваре Павловне, а навстречу мне из окон снопами кидался солнечный свет. Он звучал в гомоне детских голосов, двигался в беготне и играх малышей, — и всю эту живую, не сломленную ничем жизнь я с радостью вбирал в себя, хотя и ощущал некоторую тревогу.

Напоенный звуками, движениями и светом, я вошёл в полутёмный кабинет завучей. Здесь стояло и сидело несколько учителей, а в стороне, за единственным окном, далеко, за высокими домами, продолжало сиять солнце.

Я взглянул на Варвару Павловну: по-прежнему милая улыбка появлялась на её мягком лице, она делала её похожей на озорную деревенскую девочку, по-прежнему задушевный голос отвечал, советовал, рассказы-

вал. Она мельком посмотрела на меня, улыбнулась и спросила:

— Что вы так много доек поставили за диктант, Михаил Алексеевич? Смотрите, тогда сами будете объясняться в РОНО с Маргаритой Рашидовой.

— Ничего, объяснюсь, не впервой, — ответил я. Варвара Павловна опять бесцветно улыбнулась, и тут я заметил, что в кабинете стало особенно сумрачно и почему-то похолодало. Я сидел около её стола и удивлялся, почему молчит она, почему молчат учителя.

Полная, грузная, Варвара Павловна встала из-за стола и подошла ко мне, постояла и вдруг наклонилась к самому моему уху. Вместо мягкого, задушевного голоса я услышал хриплое, низкое рычание:

— Му-ужи-ик, пятьдеся-ят лет, а ве-де-ешь себя-я, как мальчи-ишка-а! По-о лбу бы тебя-я сту-укнуть за эти дела-а! Наста-авил доек, а расхлѣ-ѣбывать кто-о будет?! Дирр-е-ектор-р! Но и тебе непоздор-ро-овится, смотри-и!

Я онемел, а в зеркале напротив вдруг увидел, что надо мной склонилась тёмная мохнатая медвежья морда с оскаленной пастью. Я вскочил и обернулся: передо мной по-прежнему стояла Варвара Павловна и улыбалась. Кто же был этот медведь, кто же прорычал мне эти ужасные слова?!

Начинало светлеть, теплеть, но запах, острый, вонючий, непереносимый, как в зоопарке около клеток с хищниками, пронизал меня всего. Я зажал нос и оглянулся на учителей: они вынули носовые платки и делали вид, что сморкались. Варвара Павловна стояла так же неподвижно, все смотрела на меня и улыбалась. Этот запах не беспокоил её, был для неё естественен — медведем была она, Варвара Павловна!! Значит, она не была настоящей ни как человек, ни как завуч, а была только медведицей!! В ужасе я выскочил из кабинета и помчался куда глаза глядят.

Михаил дрожал, он залпом выпил водки и начал зажигать сигарету. Борис смотрел на него и не на него одновременно: он видел, как слева по стене с каждым сказанным Михаилом словом Мишка Косолапый медленно приближался к нему, пока не очутился точно за его спиной. Медведь сел на свой пень, а потом стал наклоняться и закуривать точно так же, как и Михаил, как будто был его тенью.

«Нет, нет, не может этого быть!! — кричал в иступлении когда-то гордый своей силой разум Бориса. — Не может!!! — и Борис усиленно моргал, напрасно стараясь прогнать то, что ясно видели его глаза. — Меня подпоили... но кто?.. Мишель?.. Официант?.. Злые мужики за соседним столиком?.. Но зачем им это?!.»

Нет, Мишка Косолапый не был тенью Михаила: в фигуре, лице склоняющегося над сигаретой товарища Борис увидел медленно, как на фотоплёнке, проявляющуюся тушу и морду Мишки.

— Хватит!! — заорал Борис сильно ударил кулаком по столу-пню. — Хватит, — повторил он слабым голосом. — Мишель, пойдем в туалет, покурим, отдохнём, вон как ты устал...

Когда они вернулись, в пивнушке всё было на своих местах: медведи — на стенах, не двигались; люди — за столиками, хохотали и ругались, вскакивая с мест и кичась своей наглостью. Михаил продолжал, из-за сильного шума вплотную приблизившись к своему товарищу.

— Потом я ушёл на больничный и пил день за днём. Звонила Варвара Павловна, справлялась о здоровье, приходили ребята из моего класса, приносили фрукты. Правда, Варвару Павловну намного больше интересовало, когда я выйду на работу, а ребят-выпускников — моё отношение к ним как классного руководителя, поэтому они не столько разговаривали

со мной, сколько отчитывались о своём примерном поведении в школе.

— Ничего человеческого, — заметил взволнованный ещё Борис, — как можно так работать, учиться, вообще жить?!

— Вот именно, — ответил Михаил. — Я вышел на работу, и всё пошло вроде как обычно... Но теперь, Боб, двойки ставить за контрольные работы я уже боялся, а за каждую четверть подгонял стопроцентную успеваемость. Поэтому и пить продолжал так же, это заметили в школе. Директор сказал, что я талантливый человек и мне лучше работать в институте. Так что уволили меня интеллигентно, по обоюдному, как говорится, желанию обеих сторон.

— Мерзко уволили, не уволили, а выкинули, ты уж извини, — добавил Борис.

— Опять ты прав: грубо, не поговорив, не разобравшись, в общем, по-медвежьи. И вот наконец-то я свободен, но о школе думаю каждый день: без уроков, без ребят я вряд ли смогу нормально жить, — Михаил задумался.

— Медведи в образах людей... они реальны, Боб. Я не раз вспоминал как наяву отражение Варвары Павловны в зеркале, её рычание, хамские слова... А постоянный страх учителей перед ней, заискивания, создающие якобы ту «семейную» атмосферу, которой она так гордилась... Даже солидный, красивый директор говорил о ней с униженным почтением как об очень умном, опытнейшем человеке, часто наставляющем его на путь истинный. Да, Боб, именно этот страх перед Варварой Павловной, тем реальным медведем в ней, эгоистичным, диким, поэтому тупым, грубым и жестоким заставлял и нас, учителей, больше думать о себе, а не о детях, ведь школа была для нас главным источником существования. У нас не было другого выхода, надо

было выполнять негласные требования этого медведя: ставить вместо двоек тройки, вместо троек четвёрки и многое другое. Мы продолжали отдавать свои жизни детям, стараясь «посеять разумное, доброе, вечное» в их душах, но наше очковтирательство обесценивало перед ними как нравственные принципы, так и знания. Теряя нравственные и духовные ориентиры, они становились и становятся теми марионетками, среди которых я проводил диктант. Мы, учителя, превращались в подневольных хищников, Боб, потому что ради своего биологического выживания калечили, убивали души детей. Мы перестаём быть учителями, Боб, мы становимся... — Михаил поперхнулся и тяжело закашлялся.

Борису снова стало не по себе, будто снова он увидел на стене ожившего Мишку Косолапого. Нет, это посетители уже не столько членораздельно говорили, сколько визжали и рычали. Борис обернулся к ним и сразу увидел Мишку, который находился на прежнем месте, в центре схождения двух стен, и по-прежнему обнимал бутылку и путану. Но теперь к нему сходились не только стены с нарисованными на них медведями, но и люди, сидящие вдоль них и будто ведомые ими. Люди все как один повернулись к нему и громко чествовали его, Мишку Косолапого, своего хозяина, поднятыми рюмками с водкой и дикими воплями. И Мишка Косолапый, возвышаясь над всеми ними, сидел как виновник торжества и улыбался во всю свою злобную звериную пасть, наслаждаясь своей властью над людьми и медведями.

Михаил медленно поднял голову и долго смотрел на них каким-то ошеломлённым, немигающим взглядом. Затем обернулся и зло посмотрел на приятеля:

— Вон там медведя славят, он торжествует, а меня везде гонят, и я страдаю — где же здесь твои фантомы?! Я перестал быть нужным людям, Боб, перестал быть им нужным... Поэтому я перестал быть учителем! В сердцах

он полоснул пальцами по лакированной поверхности столика-пня, встал и медленно, вразвалку пошёл сквозь гудящую толпу к выходу.

Борис не поднял головы: как замороженный, смотрел он на четыре глубокие борозды, оставленные на полированной поверхности деревянного столика, оставленные нечеловеческими ногтями.

30.06.2015

Притча о судьбе и животе Ивана-богатого

Притча о «сильных мира сего».

Olen7769

*Из цикла «Всё это было бы смешно...»
Часть 4. В начале жизненного пути*

Что кому на роду написано, то и сбудется.

Жили-были два брата — два Ивана: Иван-богатый да Иван-бедняк.

Иван-богатый был толстый, поперёк себя толще, деньги рекой к нему текли — знай карманы подставляй, а у Ивана-бедняка ничего не было, кроме комнаты обшарпанной, зарплаты мизерной и головы талантливой, но ведь каши из таланта не сварить.

Иногда богатые помогают своим бедным родственникам, но Иван-богатый своего брата считал бездельником, ведь тот работал учителем, материальные блага не производил, и поэтому помогать решительно отказывался. «Зачем изучать физику, математику, литературу? — поговаривал он, развалиясь на широком диване, как жирный кот после плотного ужина. — Я вон всё забыл, чему учился, а жизнь свою устроил как нельзя лучше. Две квартиры, две машины, дача за границей, молодая жена и две пухленькие дочурки, — при этих словах он потянулся и стал поворачиваться на спину, с трудом втаскивая на себя свой огромный живот, перед которым сам теперь казался только придатком ненужным. — А мой брат, Иван, всю жизнь учился-учился, а пользы ни себе, ни людям: как был нищим студентом, так и остался, и ученики на его уроках только время отсиживают, — закончил он и рыгнул басом, как будто его слова и живот одобрил.

Странно, но Иван-богатый не только презирал своего бедного брата, но и ненавидел.

— И откуда у этого нищего гордость такая?! — часто говорил он своей изящной жене, которая в шикарном блестящем халате тупо смотрела на кривляющийся экран огромного телевизора. — Ни кола ни двора, а умнее всех себя считает: ни разу к старшему брату на поклон не пришёл! — от волнения Иван хотел даже с дивана подняться, но живот помешал.

— А ты что, помог бы ему что ли? — с улыбкой спросила жена, не отводя глаз от телевизора.

— Может, и помог, хотя... — богатеи опять с кряхтением лёг на спину, ещё более утопая под своим исполинским животом, и прерывисто вздохнул, — вряд ли: себе дороже будет, чего с него потом возьмёшь. Но одно меня прямо бесит, — он тяжело вздохнул: — почему этот оборванец выше всех себя ставит?! — живот Ивана возмущённо заколыхался.

— Беда с твоим животом, Ваня! — сказала жена, с отвращением и злостью взглянув на него. — Когда ты наконец избавишься от этой трудовой мозоли?!

— Ничего не помогает, — грустно ответил муж, — каких я только средств не перепробовал, к каким врачам не ходил — всё бесполезно, а денег, денег: десятки тысяч по ветру пустил!

Нет, не мог Иван-богатый спокойно жить с этой ненавистью к своему брату: не подчинялся ему брат, как не подчинялся ему живот: они жили по своим законам, деньгам неподвластным. Обиднее же всего было то, что его брат своей гордой бедностью не только жизнь богача, но и человека в нём зачеркивал.

С помощью денег да связей занял Иван-богатый пост высокий и чего только не делал, чтобы брата унижить... И часы на преподавание предмета ему сокращал, и зарплату его нищенскую всего на триста рублей приба-

вил... Ан нет, не идёт к нему брат на поклон да и только. И тогда Иван-богатый решил вообще всех учителей республики извести, потому что от них, окромя вреда и унижений, никакой пользы нету.

Но не всё коту масленица: обокрала Ивана-богатого молодая жена и уехала с молодым любовником за границу. Из-за денежной и моральной неустойчивости сняли Ивана с поста высокого, ничего ему не оставили, кроме двух дочурок сопливых да живота жирного и тяжёлого.

Шли дни, месяцы: всё больше худел Иван, теперь уже бесплатно, — всё больше обвисал его живот — всё сильнее довольствия прежнего требовал. И тут вспомнил Иван своего ненавистника, младшего брата. Пришёл к нему весь заплаканный, пожалился. Брат, высокий, стройный и бледный, принял его, накормил досыта, заплакал вместе с ним и устроил в свою школу сторожем.

Так познал Иван старший всю горечь бедной жизни, все унижения, с ней связанные. Лишь одно его утешает: зарплата его почти та же, что и у брата, учителя, а самое главное: воровать он еще не разучился. В свободные от работы дни, по ночам, на большой дороге продаёт втридорога Иван солярку краденную и на вырученные деньги понемножку новый капитал составляет, чтобы к прежней жизни вернуться.

Таких примеров много в жизни нашей: хотя и не всё коту масленица, но горбатого только могила исправит, потому как законы нравственные для живота не писаны.

Что кому на роду написано, то и сбудется.

02.07.2015

Почему ты такой?

Положение учителя в начале века.

Olen7769

Из цикла рассказов «Всё это было бы смешно...»

Часть 2. Бытовые зарисовки

«А прежде? Если рос, бывало, смыслённый парнишка, хорошо учился, что о нём говорили взрослые? Вырастет — учителем будет. И это было высшей похвалой.»

Василь Быков, «Обелиск»

Сегодня в 5-м «б» классе было слишком тоскливо: стены кабинета казались особенно грязными и обшарпанными, а линолеум на полу ещё больше отклеился, углы его протестующе поднимались вверх.

— Ну что, Вадик, какое выучил стихотворение? Рассказывай...

Вадик, похожий на грустную матрёшку с опущенными глазами, вышел к доске, тоскливо посмотрел на Марию Васильевну, свою учительницу, и тонким, проникновенным голосом продекламировал:

Учитель любимый,
Учитель родной!
На тебя все давно
Махнули рукой.

В классе стало необычайно тихо. После некоторой паузы Мария Васильевна, полная, с ямочками на щеках,

тупо уставилась на своего ученика, а потом спросила недоумённо, но тоже тоскливо:

— Где ты это взял?

Вадик опустил голову и исподлобья посмотрел на учительницу:

— Сам написал, — прошептал он.

Высокая, с умной, ироничной улыбкой классная руководительница 5-го «б» лишь посмеялась в ответ на рассказ Марьи Васильевны о выходке Вадика, поиронизировала над несчастной учительской долей и пошла домой. Но вечером вспомнила, что надвигается фронтальная проверка по линии Министерства образования, сокращение преподавательского состава, поэтому утром пришла прямо к директору.

В приёмной и кабинете все что-то писали, нервно переговариваясь между собой, постоянно звонил телефон, и от этого не совсем привычного, однообразного напряжения сердце классной руководительницы сжалось тревожной и тошнотворной тоской. Когда из кабинета вышли посетители, директриса, пожилая, солидная женщина с волевыми, твёрдыми чертами лица, но навек испуганными глазами, уставилась на вошедшую:

— Что случилось, Ирина Яковлевна?..

— Мой Вадик Марью Васильевну...

— Изнасиловал? — сорвалось с дрожащих губ директрисы.

— Можно сказать, оскорбил...

— Как? Матом?

— Нет, обобщённо. Даже стихами, но при всём классе.

— Это ещё хуже... Ирина Яковлевна, через неделю фронтальная проверка!..

Через два дня о выходке Вадика знала вся школа. Экстренный малый педсовет проходил при закрытых дверях в том самом классе, где прозвучали крамольные стихи, где и до сих пор чувствовалась ничем неистреби-

мая тоска, хотя стены кабинета и пол были наскоро помыты и отремонтированы.

— Ну что скажешь, Вадик? — строго спросила директор. — Как ты мог так отнестись к своей учительнице, Марье Васильевне, так оскорбить её в своих дурацких стихах, оскорбить в её лице всех своих учителей?! А?! Марья Васильевна плохая?!

Вадик толстой, неуклюжей матрёшкой стоял один перед учителями и своими родителями, но при последних словах директора весь собрался, протянул руки по швам и стал тоньше, стройнее. А потом, задыхавшись и подвывая от волнения, но по-прежнему высоким, задушевым голосом продекламировал:

А я Марьюшку не би-ыл!..

А я Марьюшку люби-ыл!

— Ког-го это ты Марьюшкой называешь, негодник?! — подскочила к нему директриса. — Ког-го?! Ещё одно оскорбление?!

Вадик не отступил, а только поднял голову ещё выше и посмотрел в глаза директору своими тоскующими матрёшкиными глазами:

— Никого я не оскорблял! Мне просто вас жалко, и всех учителей очень жалко, особенно Марью Васильевну! А когда мне кого-то очень жалко, появляются стихи... У меня всегда так.

— Значит, ты оскорбляешь, когда жалеешь?

— Нет, просто... вы не понимаете... Можно, я стихами?

— Нет, уж хватит, говори п-просто, по-человечески.

— Ну в последний раз... можно? Это я вчера сочинил...

Не дожидаясь ответа директора, Вадик снова принял свою гражданскую стойку и уже нараспев, но так же проникновенно прочитал:

Учитель люби-имый,
Учитель родно-ой!
Почему-у ты всегда-а
Затю-юканный тако-ой?!

Директриса подскочила, хотела что-то закричать, но тут её будто осенило: она взглянула на сидящих перед ней учителей, их поникшие головы, посмотрела на себя, стоящую перед ними и дрожащую от трусости... «Да, мы действительно «затюканные» бедные люди, на которых общество «давно махнуло рукой», — подумала она и вдруг обессилела, села и, как все учителя, опустила голову.

02.07.2015

Покаяние

Взаимоотношения учителя и ученика.

Olen7769

Из цикла рассказов «Всё это было бы смешно...»

Часть 1. Школа...

Учительница-методист предпенсионного возраста выглядела очень старой для своих лет, сухой, измождённой, как увядающая на корню берёза при первых осенних заморозках. В мерцающем свете люминесцентных ламп она посмотрела на сидящий перед ней 9 «б» класс, села за первую парту, а перед собой, за учительский стол, посадила пышущего здоровьем двоечника-переростка и сказала ему с раскаянием в голосе:

— Учи меня, дуру, так, как я этого заслуживаю!

Ваня Козлов ничуть не смутился, водрузил на стол длинные ноги, сбросил ими классный журнал и спокойно произнес:

— О`кей.

Ученики оживились и захихикали, к тому же ноги Вани казались огромными, почти доставали до лица учительницы, сидящей перед ним, а за их гигантскими подошвами трудно было разглядеть и самого Ваню. Так он посидел, подумал, потом с грохотом опустил ноги на пол, встал, сложил руки на груди и скучающим взглядом обвёл класс. Наконец, сверху вниз посмотрел на плюгавенькую перед его высоченной фигурой учительницу и назидательно изрёк:

— Нет плохого ученика, Марья Ивановна, есть плохой учитель.

— Йёз, — сочувственно выдохнул класс.

— Я думаю, Марья Ивановна, мне нужно отвести вас к директору.

— Что?! — воскликнула учительница.

— Да, терпение у меня кончилось, пусть она разберётся.

— Как ты смеешь?! — вскочила Марья Ивановна. — Да я тебя...

Козлов даже не шевельнулся:

— Ничего вы не сделаете: ученик всегда прав.

— Йез, йез! — загудел класс и поднял вверх большие пальцы.

Козлов постучал в дверь кабинета директора и вошёл, оглянувшись на следовавшую за ним Марью Ивановну.

— Здравствуйте, Варвара Филипповна. Я вот разбираться пришел: не могу больше с этим учителем работать, сил моих нет. Сплошной террор и агрессия.

Директриса, белая и плоская, как бумага, в изобилии лежащая перед ней, строго посмотрела на Марью Ивановну.

— Может, мне докладную написать, Варвара Филипповна? Я мигом: мне Марья Ивановна поможет, — сказал Ваня и шмыгнул носом.

— Не надо, Козлов. Выйди и подожди за дверью.

Через десять минут Марья Ивановна, мокрая, взъерошенная, на подгибающихся ногах вышла из кабинета директора.

Ваня сидел на подоконнике, задрал свои длинные ноги, и сплёвывал на пол шелуху от семечек.

— Ну как, Марья Ивановна? — он нагло и насмешливо посмотрел на учительницу.

— Козлов, ты...

— Что?

— Завтра приду тебя будить и за руку поведу в школу.

— А я, может быть, и не пойду... — расслабленно потянулся Козлов, — но главному я вас научил, как вы

и просили: нет плохого ученика, Марья Ивановна, есть плохой учитель.

— Каюсь, Козлов, каюсь: ты оказался прав!

03.07.2015

Малыш

Человек приходит в мир.

Olen7769

Из цикла рассказов «Всё это было бы смешно...»

Часть 4. В начале жизненного пути

«Упиться вдруг неведомым, родным...»

А. Фет

«Оби-и-дели-и, меня оби-и-дели!» — кричал Малыш и нёсся по коридору, куда-то вглубь, в темноту, сшибая всё на своем пути. Квартира постепенно поглощала его крик, самого Малыша, и теперь только где-то вдалеке было слабо слышно: «Меня оби-и-дели!..».

— Ты зачем телефон сломал — он теперь на полу валяется, весь разбитый? А?! — мама, как огромная статуя с горящими глазами, внезапно возникла перед ним в полутьме маленькой, тесной комнаты. — Кто будет чинить, ты? Как я теперь по нему разговаривать буду, а?!

Малыш увидел в её правой руке извивающуюся змею папиного ремня.

— Не надо, мамочка, не надо, я больше не буду! — Малыш заверещал, как котёнок, захлебнулся слезами. — Не надо, не надо, не бей меня, мамочка, я больше не буду!!

— Каждый день что-нибудь ломаешь, игрушки раскидываешь, каждый день истерика — сколько это можно?!

Змея всё больше извивалась, приближалась и, наконец, больно стегнула его по попке и по ногам, обвилась вокруг них и укусила.

Малыш громко заревел и почему-то устался на клетку с синичкой, которую недавно подарил ему папа на день рождения. Птичка нервничала, посвистывала, часто прыгала с жёрдочки на пол клетки и обратно, и Малыш впервые всей душой почувствовал, что птичке очень плохо в этой серой, тесной клетке. Он оглянулся и сквозь ручьями бегущие слёзы вдруг увидел вокруг себя не стены, а решётку, как в клетке у птички. Стены, потолок — везде была та же серая, некрасивая решётка, она надвигалась на Малыша со всех сторон, и почему-то никого вокруг не было.

— Мама, мамочка, выпусти, выпусти меня из этой клетки, мамочка!

Он чувствовал, как перед ним задыхается синичка, как она мечется, бьётся о стальную решетку. И ей очень больно, её слабому красивому тельцу не пробиться сквозь железные прутья. Нет, это он сам бьётся, это он сам задыхается в этой клетке, это ему тяжело и больно.

Малыш собрал все силы, вскарабкался на стул и открыл дверцу клетки. Синичка вылетела и стала весело летать по комнате, посвистывая. А Малыш сел на пол и отчаянно разревелся, но ему стало легче, а решетка пропала.

Вдруг кто-то схватил его за руку и сильно дернул вверх, поставил на ноги: перед ним опять стояла мамастатуя. Всё вокруг Малыша тоже вытянулось, как будто тоже встало на ноги.

— Зачем ты это сделал? А кто будет синицу ловить: тебе ведь папа её на день рождения подарил: сам просил?

— Мама, мамочка, ну выпусти её совсем, открой окно, выпусти её на улицу!

Мама опять дёрнула его за руку:

— Да ты что, с ума сошёл, ведь за неё деньги заплачены, и за клетку тоже! Ты канючил, просил синичку тебе купить, а теперь не надо-выбрасывай?

— Мамочка, ей плохо в клетке, выпусти её!

— Я вот тебе сейчас дам «плохо», избаловался совсем! — тяжёлая рука мамы ударила по больной попке.

— Будешь сидеть дома, и никакого телевизора!

Мальш опустил голову, а мама закрыла дверь и стала ловить птицу тряпкой.

До вечера Малыш ходил по дому, не зная, чем заняться. Всё валилось из рук, и везде ему мерещилась то тяжёлая мамина рука, то извивающаяся змея ремня. В другой комнате, победней, жила бабуля, но заходил он туда редко, потому что с бабулей жил её муж, учитель — Чужой дядя. Он на Малыша совсем не смотрел, и Малыш перестал интересоваться этим старым дядей.

Вечером пришли гости, папа «врубил» музыку, и все стали топтаться, сгибаться, извиваясь по-змеиному. Сначала Малышу было весело смотреть на них, танцевать самому, подражая им, но тяжёлый рок «бил» по голове и в грудь, а это вынести было трудно. Малыш посмотрел на синичку в клетке: она нахохлилась, вздрагивая от каждого «удара».

Громче, тяжелее «бил» рок — дружнее топтались и сгибались взрослые, иступлённо делая непристойные движения, а Малыш вдруг увидел, как потолок с висячей люстрой тоже стал дёргаться с ними в такт. Кто-то дико завизжал, выплёскивая наружу свои чувства, и вдруг стены с висящими картинками, столик с выпивкой и закусками, сами взрослые как-то изломались, разорвались. Подчиняясь тяжёлому, бездушному металлическому ритму, их части в адском танце стали мешаться друг с другом. Малыш увидел, что полстолика танцует на двух тоненьких женских ножках, кресло приросло к потолку и бьёт в такт людей по головам, а папа ниже пояса одет в мамину юбку, и ноги у него тоже мамыны, в узких туфлях белого цвета, которые мама всегда надевала при гостях.

В глазах у Малыша потемнело, и он оглянулся на синичку: она лежала на спинке, её лапки дергались. Но Малыш уже не в силах был ей помочь: «удары тяжёлого металла» повалили его на пол, выбивая остатки мыслей и чувств. Из последних сил он рванулся к двери, но на ней оказалась решётка.

«Выпустите, вы-ыпустите меня из клее-етки-и!» — закричал Малыш и забился о прутья.

Но никто не слышал, не понимал его: сзади всё вертелось, стонало, визжало и грохотало. Недолго рвался Малыш: вместе со слезами он уже выплакал и все силы, он уже только задыхался и хрипел. Наконец, кто-то вышел в туалет, и Малыш прополз за ним в приоткрытую дверь.

Здесь, в коридоре, как-то сразу стало тихо и темно. Отголоски дикой музыки разбегались по более тёмным углам, и Малыш вдруг услышал дивную мелодию. Её пела скрипка под чуть слышный аккомпанемент оркестра.

И так она взяла за душу, эта скрипка: она плакала слезами Малыша и омывала его душу этими слезами. Всё, всё поняла она в Малыше, все его обиды и страдания, и жалела, ласкала его, звала в иной мир, в иную жизнь, где он будет свободен, где его поймут и полюбят, оценят каждое его чувство, каждое его слово.

Малыш встал и, как зачарованный, медленно пошёл к комнате, откуда звучала эта дивная, но такая близкая и родная музыка. Её волны мягко стелились перед ним, но вот они поднялись, взяли Малыша за руки и повели за собой.

Протянув руки вперёд, Малыш подошёл к комнате бабули и увидел через полуоткрытую дверь на экране телевизора танцующих девушку и юношу в белых одеждах.

Он сразу понял их: это было то настоящее, чего так долго жаждал Малыш все свои малые, но долгие годы жизни: юноша и девушка любили друг друга, стремились

друг к другу. Малыш очень захотел подойти к ним, это скрипка вела его, подойти и сказать: «Любите меня тоже, ведь скрипка меня любит, а мне так тяжело без любви!». Но из-за двери вдруг появился Чужой дядя с книгой в руке и закрыл перед Малышом дверь.

А скрипка всё пела и звала, а Зигфрид и Одетта всё танцевали и любили друг друга. И Малыш расплакался, да так горько, с таким отчаянием, что упал на пол. Но недвижима осталась дверь комнаты, и кончилась чарующая мелодия скрипки. А Малыш всё лежал и лежал на полу, в бессильном отчаянии закрыв голову руками, лежал около двери той комнаты, где впервые услышал и увидел любовь. Густые тени из углов обступали его, нависали над ним, опускались на него. Тяжело, как маленький старичок, он медленно встал и пошёл в свою комнату.

Гости уже разошлись, мама убирала посуду, а папа разложил на журнальном столике толстые пачки денежных купюр и пересчитывал их на калькуляторе. Вид его был совершенно трезв и чрезвычайно серьёзен: казалось, не было на свете для него более важного дела, чем это занятие.

Всё было как обычно: Малыша простили, и он смотрел телевизор, синичка резвилась в клетке, а комната была по-прежнему тесной и сумрачной, чему способствовала и тёмно-коричневая обивка большого дивана и высоких кресел.

Но никто не замечал новый взгляд Малыша, новое биение его сердца: везде теперь он слышал чарующую мелодию скрипки: в интонациях разговоров, музыки, даже в скрипе кресла, но особенно в себе — и чувствовал себя увереннее, свободнее. Её голос теперь всегда был с ним, он любил и понимал Малыша, давал ему радость и надежду, звал за собой.

Но не знал Малыш, что этот голос и проклял его навсегда. Долгие годы, до самой смерти, будет он стремить-

ся за этим голосом в «незнакомый, но родной» мир любви, будет страдать и отчаиваться, наконец, разочаруется во всём, но так и не найдёт этот мир на земле.

04.07.2015

Любовь и виртуальная маска

Любовь одинокого человека.

Olen7769

*Опубл. в газ. «Казанские ведомости»
от 15.05.08*

Владимир Михайлович, в отличие от большинства других мужчин, почти двадцать пять лет работал учителем и жил на окраине города, одинокий, на нищенскую зарплату, а чтобы как-то сводить концы с концами, работал за двоих в школе, которая тоже находилась на окраине города. Устав от бессонных ночей, он устроился на третью работу: по ночам охранял книжный магазин, где готовился к урокам и проверял тетради. Поэтому за два года он скопил немного денег на лечение своего застарелого простатита в медицинском учреждении высшего класса с красивым названием «Clinic For Favorites» («Клиника для любимых, или избранных»).

Здесь, в мягком неоновом свете, учитель как всегда почувствовал, что не вписывается в окружающую обстановку: неуютно ему было в присутствии двух милых девушек, сидящих за регистраторской перегородкой. Учитель стыдился своего старого костюма, длинной, сухой и сутулой фигуры, лица с отвисшими щеками, большим носом и небритой щетиной. Одна из девушек поздоровалась, представила себя и записала его данные, а другая, похожая на бледное улыбающееся солнце в белом халате, встала и подвела его к витрине с новыми лекарствами, где он увидел нечто необычное...

На полке среди солидных и красивых пузырьков дорогих лекарств лежал ряд почти прозрачных овально серых предметов, а над ними виселось вырезанное из фа-

неры лицо лилейно улыбающегося врача, говорящего: «Подберите мне образ того характера, который милее вашей душе!». Эти образы, или маски, назывались виртуальными, и Владимир Михайлович разглядел на каждой чёрную кнопку, которая, очевидно, запускала характер врача в виртуальный режим. Рядом зазвучал мелодичный голос той же девушки в белом халате:

— Наша клиника придаёт большое значение психологическому состоянию пациента, которое существенно влияет на процесс лечения. Пациент сам выбирает тот склад характера врача, который подходит ему больше других, и тем самым обеспечивает себе наилучший психологический настрой на весь курс лечения.

— Здорово! — восхищённо произнёс учитель. — Значит, теперь и душу человеческую шьют под заказ!.. — и стал рассматривать таблички под масками.

«Строгий, вежливый тип профессионала - 549 руб. в неделю.

Классический тип интеллигентного доктора - 299 руб. в неделю»...

Из них самой дешёвой была маска «Человеколюбивый тип», каждая неделя её использования обходилась всего в 199 рублей. Учитель купил эту маску, потом заплатил за предварительное обследование и, наконец, предстал перед своим врачом.

Приземистый, коренастый, с чуть заметным пушком светлых волос на голове врач улыбался так доброжелательно мило, проявил такой живой интерес к Владимиру Михайловичу, что тот засомневался: а не зря ли купил для него маску человеколюбия. Доктора тоже звали Владимиром, но Николаевичем, и у него буквально всё кипело в руках. Быстро проведя обследование, он нашёл у Владимира Михайловича две болезни простаты и сказал, что лечение, вместе со скидками, стоит 42 тысячи. Учитель долго молчал, а потом в растерянности предло-

жил врачу купленную виртуальную маску человеколюбия. Тот натянул её на голову, как прозрачный чулок, но ни в чем не изменился и сказал, что можно платить в рассрочку.

Владимиру Михайловичу удалось взять в банке деньги, и теперь он ездил к Владимиру Николаевичу каждую неделю, отдавая за встречу и лекарства 4—5 тысяч. Врач первый жал ему руку, расплываясь в улыбке, беседовал с ним по душам, вникая во все его проблемы, связанные с болезнью, так что ходить на лечения стало для Владимира Михайловича чем-то вроде праздника души, хотя купленной человечности врача он не верил.

Шло время, уже третий месяц продолжались их встречи, и одинокий, задавленный школой учитель не заметил, как полюбил своего дорогого во всех отношениях доктора, который всегда величал его по имени-отчеству и ни разу не назвал по фамилии, даже перед своими сотрудниками.

Но вот подошёл к концу оплаченный срок лечения и человеколюбия, а их встречи продолжались на том же уровне, хотя срок действия маски тоже истек. «Значит, мы стали друзьями, настоящими друзьями, раз он лечит меня бесплатно и по-прежнему добр ко мне...» — размышлял учитель в своих ночных дежурствах и тихо плакал от счастья.

Однажды его тёзка, как обычно ласково и уважительно пожав ему руку, расспросил о состоянии здоровья и сказал, что курс лечения закончен.

— Но у меня всё ещё болит («...душа,» — хотел сказать учитель) ... при мочеиспускании...

— Все сроки вышли, Владимир Михайлович, — твёрдо ответил врач, улыбнулся и добавил, — но мы вам за счёт заведения как дисциплинированному пациенту проведём ещё курс лечения лазером, а потом покупайте в аптеках средства от простатита.

— Но я же... («...люблю вас!» — хотел сказать Владимир Михайлович) ...спасибо... — сказал он.

И долго молчал, опустив голову, как виноватый школьник, а потом тихо сказал:

— Владимир Николаевич... мне очень хочется дружить с вами... вместе проводить время... общаться... не только на медицинские темы, но и в душевном разговоре... чтобы я в чём-то помог вам, а вы — мне... Я ведь очень одинок... у меня никого нет.

Владимир Николаевич заинтересованно, но с затаённым презрением посмотрел на старого учителя:

— То есть вы хотите долечиваться по полной программе бесплатно или по приемлемой для вас плате?

— Нет, не о лечении я говорю, как вы не понимаете, а о простой, человеческой дружбе... Я не попрошайка и не гомосек, я просто за все наши встречи успел по-человечески полюбить вас, ваши манеры, ум, обхождение, характер, вот и хочу быть к вам поближе... Я душу вашу полюбил, Владимир Николаевич!..

Подцепив на шее пальцами обеих рук «чулок» виртуальной маски, врач с большим трудом стащил её с головы. Лицо его медленно прояснялось, он вышел из-за стола, подошёл к своему бывшему пациенту, наклонился и долго смотрел ему в глаза, будто хотел понять, проверить что-то в душе Владимира Михайловича. Наконец, убедился и опустил руки, голову, грустно смотря в сторону:

— Дорогой мой Владимир Михайлович... Близким другом я быть вам не смогу, как бы я этого ни хотел. В первую очередь, вам необходимо закончить лечение... а для этого потребуется ещё не меньше тридцати тысяч на лекарства и процедуры... и я, как настоящий друг, должен вам помочь материально... а я этого сделать не смогу. И ещё... Я не играл перед вами, а старался раскрыть в себе самое лучшее, чтобы больше расположить

вас к себе и к своему лечению, так что виртуальную маску я надел только для вашего спокойствия. Но я вовсе не предполагал, что вы вдруг полюбите меня как человека и будете страдать. Простите мне мой профессиональный грех, дорогой Владимир Михайлович!...

— Вы извиняетесь за то, что оказались не только врачом, но и человеком?

Владимир Николаевич беспомощно пожал плечами. Владимир Михайлович извинился, поблагодарил, попросился и пошёл домой, в свою одинокую комнату.

Кое-как он выкарабкался из автобуса и увидел вдали, в зареве заката, золотом пылающий купол церкви. Сокрушённое сердце устремилось к нему, и учитель двинулся за своим сердцем, опустив голову в неизбывной тоске. А храм будто и сам шёл к нему навстречу: выросал перед ним по мере его приближения, желая помочь ему, защитить его, принять в себя. Вместе с храмом поднималась и голова Владимира Михайловича, росла смутная надежда в его груди. Наконец, храм предстал перед учителем во всём своём величии и силе, вознося к багрово сияющему небу золотой Крест Христа Спасителя. А старый учитель всё шёл и шёл к нему, пока не поднялся к его древним дверям, раскрытым для объятия.

В тепло затаённом свете колеблющихся огоньков свечей перед иконами, продолжающих возносить трепетные молитвы стоявших здесь людей, Владимир Михайлович смотрел в глаза Иисусу Христу и видел в них сострадание, нежность, и понимание, и любовь: он был дорог Христу намного больше, чем ему был дорог Владимир Николаевич. Совсем близко зазвучал тихий, проникновенный голос священника:

«Воззовёт ко Мне, и услышу его: с ним есмь в скорби, изму его, и прослаблю его, долготою дней исполню его, и явлю ему спасение Моё».

05.07.2015

Кошмар в колледже

Провещание и чиновники.

Olen7769

Из цикла рассказов «Всё это было бы смешно...»

Часть 1. Школа...

Ближе к полуночи сторож Федотыч, ветеран на пенсии, по обыкновению вышел во двор колледжа выкурить сигарету. Был он худой и старый, но сила в нём ещё держалась, поэтому сидел он на бревне прямо, голову не опускал, а ногами крепко упирался в матушку-землю, которую когда-то защищал. Казалось, защищал совсем недавно, и Федотыч хорошо помнил, как часто обманчива бывает тишина на посту, как часто только мгновения остаются, чтобы выручить себя и своих товарищей.

Вот и сейчас Федотыч не верил этой мрачной тишине, окружающей его: редко про шумит проезжающая где-то машина, а потом становится ещё тише и ещё мрачнее. Колледж, утром полный света и звуков от солнца и детей, теперь смотрел на него громадой наступающей ночи, полной тьмы и затаившегося зла.

Вдруг Федотыч насторожился и стал вглядываться подслеповатыми глазами за угол зловещего здания, в глубину двора. Какая-то чёрная тень переметнулась через забор, за ней вторая, и обе они слились с мрачным строением в одно целое. Внутри у Федотыча что-то оборвалось, но заговорило чувство долга, и старый ветеран, подхватив небольшой булыжник, открыл дверь тёмного колледжа.

Войдя в здание, старик спрятался за угол и, высунув голову, увидел, как чёрные фигуры влезли в окно и нача-

ли бесшумно подниматься по узкой лестнице. «Грабители, фашисты!» — мелькнуло в голове у Федотыча, и он ещё крепче сжал в руке булыжник.

Вдруг резко открылась входная дверь, и тёмная высокая фигура в длинном плаще и шляпе замерла в тусклом свете аварийной красной лампочки, свисавшей с потолка. Сжавшийся в углу Федотыч задрожал от страха: такого он не видел даже на фронте — у фигуры не было лица, вместо него чернела пустота. Фигура медленно и тихо проплыла мимо Федотыча и, чуть колыхаясь, тоже стала подниматься по узкой лестнице.

На негнущихся ногах, прижимая к себе булыжник, как винтовку, отважный ветеран двинулся вслед за ужасным гостем. Здесь, наверху, он услышал, как над ним кто-то приглушённым голосом, видимо, начал читать молитву. «Сатанисты!.. — прошептал Федотыч. — Мессу служат!..». Но и сейчас героический ветеран заставил себя влезть по железной лестнице и поднять крышку чердака.

Вдоль круга из горящих свечей сидели подростки, мальчики и девочки, но не такие, каких привык видеть Федтыч в колледже, а похожие на окружающие их свечи: тонкие, прямые, таинственные и одухотворённые. Казалось, над каждым из них тоже горит лёгкий огонёк тепла и света, прогоняющий тяжелую тьму. Перед ними стоял мужчина в чёрном костюме, как дирижёр перед оркестром их душ, и говорил, наслаждаясь всеобщим вниманием:

— Итак, о Михайле Ломоносове можно сказать его же словами:

Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Федотыч с грохотом откинул крышку чердака — ребята вскочили, на лице мужчины появилась маска.

— Лев Иванович?.. Это я... я, Федотыч! Не узнаете?.. Чего же вы прячетесь? Я бы вам и дверь открыл, и в класс проводил: урок — святое дело, я понимаю!

Снимая маску, учитель, тоже не такой, как всегда, а возвышенно-строгий, с оскорблённым, измученным лицом, медленно проговорил:

— Ты читал внизу приказ, Федотыч?.. Прочти и всё поймёшь.

Федотыч спустился туда, где тускло горела красная аварийная лампочка, и, щуря подслеповатые глаза, нашёл на стене узкую бумажку, на которой жирным типографским шрифтом было отпечатано:

«В связи с заключением СЭС¹ о неблагоприятной обстановке, сложившейся в колледже, ПРИКАЗЫВАЮ: с 1.04.99 г. занятия не проводить».

«ЭСЭС», — прочитал вместо «СЭС» Федотыч и понял одно: его колледж попал под влияние фашистской организации, поэтому занятия запретили, а некоторые преподаватели и ученики находятся на нелегальном положении.

06.07.2015

¹ Санитарно-эпидемиологическая станция

2016

Таблица Менделеева

«Ох, уж эти сказочки! Ох, уж эти сказочники!»
М/ф «Лядал прошлогодний снег»

IwanowaG06

Глава 1. НА СТРАШНОМ СУДЕ

Чистилище, суд идёт над двумя умершими, один — известный учёный, второй неизвестный пастух. Картина более напоминает перекрёстный допрос. За столом двое в чёрных старомодных сюртуках и двое в белоснежных мантиях.

Опрашивается пастух. Первыми задают вопросы архангелы.

— Кто вы и чем вы занимались при жизни?

— Исаак Принтий. Пас овец хозяина.

— Кто такой Бог?

— О-о-о! Бог, это самый старший хозяин! Ему надо молиться!

— Хорошо — с улыбкой подбадривает второй господин в белом одеянии — вы часто молились?

— Всё время!

— Замечательно! Вы о чём-то просили в молитвах?

— Да, я просил дать мне сына!

— Ну и... У вас появился сын?

— Нет!

— Вот как? — поворачиваясь к своему коллеге, шёпотом. — Парень безнадёжно бесплоден или его жена, что вероятнее, — второй согласительно кивает.

— Э-э-э... — доносится с противоположной стороны, — позвольте, позвольте, — хитро прищурившись высокий господин в чёрном сюртуке внимательно осматривает пастуха с ног до головы, — мой вопросик!

— Вы женаты? Как долго?

— Да. 43 года.

— А за эти годы вы хоть раз прелюбодействовали со своей женой? Хоть раз целовали её, сгорая от страсти? Хоть единожды предавались плотским утехам?

Пастух побагровел не то от ужаса, не то от смущения, вызванного откровенностью вопроса.

— Нет, нет, что Вы!!! — захлёбываясь затараторил он. — Как можно, мы же в церкви венчались, клялись перед Богом в честности и вечной незамутнённой любви друг к другу. Вместе мы только молились о нашем сыне, и о том, чтобы Бог услышал нас и принёс нам младенца, и то на приличном расстоянии друг от друга, слегка держась за руки.

Архангелы с озадаченными лицами подозрительно покосились на кристалл правды лежавший передними на столе. Тот был неизменен, даже слегка не замутился — пастух не лгал.

Тем временем он продолжал:

— Нет, но я всё-таки, мужчина и мне надо иногда... ну вы понимаете... но чтоб такое, с женой... нет, нет — это же грех...

В разговор, с маской недоверия на лице, вступил представитель Ада:

— Стоп, стоп, что такое?! И с КЕМ, если не с женой?!

— Ну как же... ну это... мне после этого так легко стало... девки придорожные ко всему привычны, а жена бы такого не выдержала, нет, не выдержала бы...

Тут уже на алый уголёк с недоверием посмотрели «обвинители». А лица архангелов до того румяные стали под стать их одеяниям, а мгновение спустя и вовсе приобрели зеленоватый оттенок.

Сквозь подавляемый смех Велл прохрипел:

- И как часто вам э... надо было?
- Да почитай каждый вечер.
- Ну, а может быть ты законы геометрии знаешь?
- Какие? Какой такой Геометрии? Да разве может кто-то издавать законы кроме Господа нашего?
- Вашего! — нетерпеливо поправил Дагон.
- Ну да — моего.
- Ладо, — оборвал разговор второй тёмный, — выйди в коридор, нам посоветаться надо!
- Миш, куда этого недотёпу? — архангел обращался к напарнику.
- Да Бог его знает Петь, Велл, ты тоже далеко не отходи, мы сейчас будем комментарии по особым случаям рассматривать.
- Э-э-э, это не ко мне, это к Дагону, — он дружелюбно похлопал по плечу напарника, — это он профи в Высшем Судебном Законодательстве.
- А... что я могу сказать — отозвался господин, именуемый Дагоном, — это ваш клиент, во-первых сам он ничего не предпринимал, безусловно верит Светлому Началу, сомнения его по поводу действий не грызли — ему некогда было — он молился, то есть отчаянно стремился не грешить и попасть в Рай. Во-вторых, он совершил ошибку в трактовке вашего Священного Писания по скудоумию и недомыслию. В-третьих, эти ошибки только у вас и прощаются и скудоумие, кстати, тоже. Что ж мы не претендуем и не возражаем.
- Совершенно не возражаем! — осклабился Вельзевул.
- Да нам бы тоже такого кадра не надо. Но по Закону он к нам отходит.
- Ладно, Дагон, позови его.
- Итак, пастух, вы отправляетесь в Рай... — вздохнул архангел Пётр, — вопросов нет?

— А там правда райские сады?

— Там Абсолют Света... — вдохновлённо отозвался восторженный архангел Михаил.

— И ты дурак ослепнешь быстрее, чем поймёшь в чём дело! — хохотнул Дагон.

— Надеюсь, там найдётся парочка придорожных девиц, после долгих молитв я устаю...

— Там Абсолют огня... — самозабвенно продолжал Михаил.

— Ты знаешь почему Бог не дал тебе сына? — спросил Пётр

— Нет!

— Ты мало и тихо молился?

— ???

— Не беспокойся, мы позаботимся о том, чтобы твои молитвы теперь были слышны Господу нашему... — со странной предвкушающей улыбкой проговорил Пётр.

— Да-а-а, спасибо, спасибо, СПАСИБО!

Пётр приоткрыл дверцу за своей спиной и недвусмысленно втолкнул в неё кланяющегося и лобзающего его руки пастуха.

— Именно это слово и будет долетать до ушей светлого руководителя из глубин райского сада. Только он не услышит окончания фразы, гласа, вопиющего о пощаде «Спаси Бог!» — задумчиво произнёс Дагон. — Кто там у нас на очереди?

В комнату вошёл бодренький старичок, с живым, искрящимся любопытством взглядом и начал заинтересовано осматриваться.

— Так-так, очень интересно! — забормотал он, что-то прикидывая в уме.

— Простите, что вас так заинтересовало? — прервал его размышления отстранённо наблюдающий лорд Вельзевул.

— Да собственно ВСЁ, милостивые господа, позвольте представиться — Жан-Жак Огюстен Флико, алхимик, естествовед, астроном, философ, в общем, учёный муж из предместья Бордо.

— И как же вы к нам? — поинтересовался Пётр

— О, э, меня, кажется, сожгли на костре Святой Инквизиции, когда я предсказал скорое солнечное затмение.

— Прискорбно... — нахмурился Дагон.

— Вы часто молились?

— О нет, простите великодушно, у меня совсем не было на то времени, я занимался исследованиями. Но Бога поминал, когда планеты сходились ранее не виданными сочетаниями, ну или же на ложе любви с прекрасной златокудрой прелестницей, — после этих слов брови Петра и Михаила недовольно сдвинулись к переносицам.

— Только ли из-за вашего предсказания вас отправили на костёр? — вмешался Вельзевул.

— О нет, были и другие эпизоды: я открыл, что свинец и ртуть более опасны для здоровья нежели серебро, а толчёные алманты и яхонты отнюдь не укрепляют здоровье поглощающего их, а даже наоборот, но придворные лекари были непреклонны, и когда, наконец, я добился отмены приёма препаратов пациентом — было слишком поздно и Его Преосвященство третьего дня скончались. Его смерть приписали мне. А я так понимаю, что виной тому алмазная и рубиновая крошка вызвавшая многочисленные порезы желудка и кишечника, и, возникшее в результате обширное внутреннее кровоизлияние.

— Получается, вас обвиняют в убийстве высокопоставленного прелата — духовного лица, саном не ниже кардинала? — ошарашено воскликнул Михаил.

— Ну да!

— Здесь разногласий быть не может — в АД!!! — в порыве гнева выпалил Михаил.

— Что ж, любопытно, любопытно...

Глава 2. В РАЮ

— Принимай, Илюша, вновь прибывшего: Исаак Принтий — овцепас.

— Тщедушный какой-то... — лениво проговорил поджидающий у ворот белый страж, — ну пойдём, Исаак.

— Назвали-то его как точно, — хохотнул приведший его Михаил. — Бог будет смеяться...

— Я чувствую не Он один, — поддержал шутку Илья-пророк.

— Вот тебе, друг мой Исаак, райский распорядок дня и райских процедур. Читать-то умеешь?

— О-о-о, спасибо, справлюсь, жена уразумела, и я от неё набрался, — только и мог произнести пастух и забормотал по слогам.

А говорилось в расписании следующее:

«От восхода и до полудни — молитвы и восхваления Господу нашему!

От полудни и до вечерни процедуры райские в райском саду:

Первый день — поедание манны небесной и возлияние амброзии;

Второй день — омовение подогретыми на абсолютном огне ароматическими маслами;

Третий день — очищение души абсолютным небесным огнём;

Четвертый день — отирание алмазным песком с примесью ароматных пряностей;

Пятый день — омовение святой водой;

Шестой день — окуривание душистым ладаном;

Седьмой день — воссоединение с Господом.

От вечерни до заутренней — всенощное бдение, распевание псалмов и хвалебных гимнов.»

На седьмой день к преСТОЛУ Господа подвели откормленную без меры, хорошо промытую, промасленную, поджаренную до румяной корочки, ароматно приправленную пряностями, вымоченную и подкопченную... душу Исаака Принтия для дальнейшего её... воссоединения с Господом. Сияние абсолютного света медленно втянуло душу, а через мгновение из сияния послышался громоподобный глас, возвещавший:

— Сколько вас учить, в святую воду добавлять соль и уксус? Опять недосолили!!!

Глава 3. В АДУ

— Проходите, друг мой — это ваш рабочий кабинет, смежено с ним столовая и опочивальня, отдохните с дороги чуть позже к вам зайдёт Самаэль — он здесь самый главный по науке, а пока располагайтесь, — добродушно похлопав ученого по плечу Вельзевул растаял в воздухе.

— А... Э... — недоуменно озирался Жан-Жак.

Из дверей спальни показалась полуобнаженная девица с таинственно-манящей улыбкой на губах.

— Жан-Жак Огюстен? — прошептала она тонким голоском. — Дагон сказал, что доставил крайне любопытную личность, учёного и симпатичного человека. Я вижу он был прав.

— Простите, но... — ошарашено озирался философ.

— Ах да, да, я — Лилит — я здесь заведую досугом прибывающих, — через минуту она уже висела у него на шее.

— Э... Я был слегка иного представления об Аде.

— Ах, я вам не нравлюсь! — Лилит отпустила профессора и обиженно надула губки.

— Нет, нет, что вы, вы очень, очень, обворожительная особа... — с плотоядным выражением на лице он погна-

ся за нырнувшей в спальню Лилит, — постойте, куда же вы, очаровательница!!!

Вальяжно восседая на мягком кресле в своём рабочем кабинете учёный рассматривал толстый, испещрённый схемами, фолиант, когда в комнату вошли трое — их он прежде не видел:

— Вы Жан-Жак Огюстен Флико, алхимик, естествовед, астроном и философ? — начал разговор высокий худощавый господин в синем бархатном плаще.

— Ну я, а вы простите...

— Самаэль — ведающий отделом наук. Это, — он указал на хорошо сложенного господина в пыльном камзоле и еле заметной сединой на висках, — Бельфегор — наш главный архивариус — в его ведении центральное книгохранилище. Это, — он перевёл руку на молодого господина с исключительно правильными аристократичными и изящными чертами лица, поставленной осанкой и одетого в летящие одежды и плащ малахитового оттенка, — Астарот — его ведомство — искусство, и гений, обращайтесь к нему за вдохновением, — хохотнул он в завершении.

— Но, постойте, где я? — недоумённо пролепетал профессор.

— В Аду, друг мой, в Аду! — широко улыбнулся Бельфегор.

— А где котлы с кипящей смолой, огромные раскалённые сковороды, сонмы чудовищ, где они?! — воскликнул Флико.

— Господину ученому так не терпится взглянуть на наши лаборатории и опытный зверинец?! — переглянувшись сделали вывод пришедшие. — Что ж, милости просим.

Флико долго шёл по освещенному высокому коридору следом за Самаэлем. В конце коридора начинался огромный зал-лаборатория. Он был уставлен алхимиче-

скими кубами, спиртовками, ретортами, что-то булькало, дымилось, капало из змеевиков в наклонные колбы, стены были увешаны схемами и чертежами. В противоположном конце залы на вращающейся кафедре разместились огромный телескоп. Вокруг всего оборудования сутились люди, учёные мужи ловко орудовали измерительными приборами и толстыми томами в кожаных переплётах.

— Господин Флико, ваш стол справа от центральной колонны, восьмой по счету, — сообщил Самаэль. — Если потребуются плавильни — они этажом ниже, к ним ведёт винтовая лестница в конце зала, ведает ими Форней, справа от вас, в нише, зарешёченная дверь — это зверинец при необходимости изучения животного материала — обращайтесь к его смотрителю — Левиафану, если понадобится растительный материал — дверь слева, чуть дальше ряда выпаривателей — это наши сады и их вечный хранитель, господин Друид.

— Позвольте поинтересоваться — вон там возится с угольником Пифагор? — всматриваясь проговорил Флико.

— Да, он, а слева от него с пергаментом в руке — Эвклид, — подтвердил Лорд Самаэль.

— Ну раз такой расклад... — набравшись смелости проговорил учёный, — могу ли я встретится с Сатаной?

— Вы имеете ввиду Люцифера?

— Наверно да.

— К сожалению, сегодня не получится, он крайне занят в последнее время. Мой вам совет, походите, посмотрите, соберитесь с мыслями, я думаю, в течении недели он вас примет. И ещё — он ужасно любопытен.

В течении недели Фуко осматривался. Более всего его привлекал огромный телескоп, ведь при помощи шестерёнок с рисками можно было задать координаты любой точки на земле и, уже от туда, наблюдать за звёздным

небом. Именно за таким наблюдением его и застал Дагон — уже знакомый алхимику, ныне он, был одет в начищенные до блеска римские доспехи и кожаные сандалии легионера:

— Прошу прощения, но вы хотели аудиенции у Люцифера он вас ждёт, следуйте за мной.

Флико содрогнулся, но отступить было поздно.

В саду у фонтана его действительно ожидали. Статный господин, сидевший на мраморной скамье, как ни странно, был одет просто, но не без изящества — простая белая рубаха, засученные по локоть рукава, обнажающие сильные руки. Картину дополняли тёмно-серые брюки, свободного кроя и туфли мягкой кожи на босу ногу. Взгляд его не был ни устрашающим, ни угрожающим, но заинтересованно-цепким, с едва заметной ироничностью, скрытой в полуулыбке. А так — обычное лицо, с чётко очерченными линиями и ноткой благородства в высоких скулах. А ещё говорят — время над ним не властно, ан нет, вон и редкое серебро в висках, и сетка морщин у глаз.

Только ученый хотел заговорить, как Люцифер оставил его подняв руку в упреждающем жесте.

— Не утруждайтесь, профессор, мне известны ваши мысли. Если честно, меня они несколько позабавили, вы явно ожидали кого-то другого, — глаза его смеялись, — но более того меня заинтересовала ваша теория структурирования металлов...

— Не только металлов, господин Люцифер...

— Что ж, работайте, вы одарённый алхимик, вы знаете правила? Я предоставляю возможность передать в мир людей посредством сна некоторые ранее не завершённые теории, но доработанные здесь, если сочту их достойными. Так вот ваша разработка не дурна собой, придайте ей завершённую форму, и я отправлю вас с ней в сон к какому-нибудь химику, занимающе-

муся похожими вещами. Вы согласны на моё предложение?!

— Да! — удивившись себе выпалил учёный, и уже не так уверенно добавил, — Что нужно подписать?!

На лице Люцифера отобразилась устало-страдальческая гримаса:

— Контракт — это выдумки несведущих вашего мира, впрочем, как и страшный суд... Вот вам было страшно? Отнюдь... А здесь? Ведь это Ад?! — Аналогично... Так что ничего не нужно, работайте... Вопросы, предложения, пожелания?

— Мне нужны редкие химические элементы для завершения работы — радий, уран...

— Дагон, будьте любезны, разыщите господина Ами, он должен быть где-то в северных шахтах, — попросил владыка преисподней. Дагон, кивнув, исчез.

— Господин Ами занимается геологией, я думаю он вам окажет необходимые услуги, я так понимаю, коль скоро вы захотели всё разложить на первоэлементы вам потребуется помощь ещё господина — Ариэля, он управляет воздухом и водой.

— О, благодарю вас, но позвольте ещё один вопрос, а чем Вы питаетесь?

— Однако же, вы с чувством юмора, профессор, едой — вы разве не заметили нашей замечательной кухни и наших коллекционных вин? Я это ем.

И просиявший улыбкой профессор устремился на встречу поджидающим его у выхода их сада Ариэлю и Ами.

НА ЗЕМЛЕ или P.S.

Дмитрий Иванович Менделеев подскочил на кровати, обливаясь холодным потом, руки его лихорадочно тряслись, а губы что-то беззвучно повторяли. На утро он

представил научному совету Периодическую Таблицу Химических Элементов, которая позже будет названа его именем и которая... так явственно приснилась ему во сне...

11.02.2016

Защитник

«В действительности всё иначе, чем на самом деле!»

Антуан де Сент-Экзюпери

IwanowaG06

Люцифер шёл по анфиладе, ведущей к Небесной Канцелярии широким быстрым шагом, уткнувшись носом в ворох бумаг. Прищуриваясь воспалёнными, не то от бессонных ночей, не то от местной слепящей обстановки, глазами, всматривался в содержимое листков и поминутно бормотал: «Не то... не то... и это не подходит...»

Подойдя к лестнице он, и вовсе, запрыгал через три ступеньки, не отрываясь от чтения. Результатом сей неосторожности и спешки явилось столкновение, да с КЕМ!

— Аккуратней, Ваше Всетемнейшество! — возмущённо проговорил Архангел Михаэль.

— Прошу прощения, Ваше Сиятельство... — осклабился Люцифер, отрывая взгляд от рукописей.

— Вы по какому вопросу к нам? — осведомился Архангел, заводя беседу. Ведь не каждый день удаётся вот так, накоротке, пообщаться с Владыкой Преисподней, про глубочайшие познания коего, и умение им вести беседу, просто легенды ходят.

— Знамо по какому — подбор кандидата... — весьма вежливо в тон Архангелу пояснил Князь.

— Как? И Преисподнюю привлекли? — наигранно удивился Михаэль.

— Да-с, нынче все «на ушах»...

— Вот оно как бывает — столько лет полного отсутствия всякого присутствия, и тут такое! — попытался шутить Архангел. — Ну и как продвигается?

— Туго, а Вы нашли хоть кого-нибудь? — ответил Люцифер, уже более заинтересованно.

— Отнюдь, милейший. Небесная Канцелярия архивы за десять лет шерстит — одна мелочь... — обречённо сообщил собеседник.

— А вы «Возвращенцев» смотрели? — поделился догадкой Правитель Ада, — особенно тех, кто и у нас, и у вас «погостили»?

Глаза Архангела расширились от неожиданности мысли:

— Да Вы — гений! — всплеснул он руками и крыльями.

Люцифер поморщился и деловито добавил:

— Должность обязывает, знаете ли. Вот, держите. Здесь мои списки. Я уж в Центр не пойду — не люблю ваш излишний пафос.

— Вы преувеличиваете, но всё равно, огромное спасибо!

— Да не за что, пользуйтесь, одно дело делаем, — отмахнулся Князь Тьмы.

— А Вы сами-то данный феномен видели? — не унимался Архангел.

Люцифер разом сник. Вместо гордого воителя приобретает вид усталого человека. С грустью глянул на слугу Света, и выдал:

— Лучше б не видел...

— Ой, ой, ой! Вы как всегда в своём репертуаре — и ничего-то Вам не нравится! И ничего-то Вам не хочется! — язвил Михаэль.

Повисло тягостное молчание. Люцифер погрузился в бездну далеко не радостных мыслей, буравя взглядом мрамор ступеней. Через мгновение он поднял голову и заглянул прямо в глаза Архангелу. Холодная решительность во взгляде Высшего заставила Михаэля внутренне содрогнуться.

Он положил руку на покрытое белоснежной тогой плечо собеседника и с равнодушием в голосе заявил:

— Дурак ты, Миш, и затея эта, ваша — дурацкая!

Архангел побледнел, скинул руку Тёмного с плеча и сузив глаза в подозрительной гримасе, помахал указательным пальцем прямо у него перед носом:

— Ваше Всетемнейшество, Вы имейте ввиду, козни мне тут строить не стоит, я ведь и доложить, как говорится, по инстанции, могу. Если есть кандидат — предлагайте, если нет... — не успел Светлый закончить фразу.

— Если нет — она погибнет. И никто никого за сие по голове не погладит... — иронично заявил Люцифер, облачиваясь на перила.

— А Вам то что?! — возмутился Архангел.

— Жалко...

— Нас?! — Светлый воин аж присел от услышанного.

— Её! Недотёпы! — мрачно пояснил Всетемнейший. — Это ж надо — такая бесконечно огромная Душа, способная вместить весь этот Мир! Да что там вместить — понять, постичь, принять таким, какой есть, и нас, и вас, и... Какая стремительность полёта мысли! Какая хрустальная прозрачность мечты! Какая высота взглядов! А грёзы! Надежды! А эта несгибаемая вера в чудо! Вот так, должно быть и выглядит Истина, которая превышает даже нас с вами. А там, на земле, не лучшие сейчас времена для такой Души, — после бурного восхищения, минорным аккордом печали закончил речь Люцифер.

Онемевший на время Архангел не собирался сдавать позиции:

— Ну вот, нужного человечка подберём, и...

Властитель ада перебил собеседника вторично:

— ...и он её погубит!

— Пессимист! — ярьсь выкрикнул Архангел в лицо стоявшего перед ним Владыки.

Тот лишь ядовито улыбнулся в ответ на вспышку гнева, и спокойно парировал:

— Я — реалист, а вы — утописты, идеалисты и фанатики. И вы, в припадке собственного перфекционизма, не замечаете, что от такого Мира её не один человек убе-речь не сможет!

— И что же из-за одной души Мир менять, просто потому, что она особенная? Да бросьте! Куда проще найти защитника, и дело с концом! — фыркнул Михаэль.

— Ищите... — пожал плечами Люцифер, теряя всякий интерес к разговору.

— И откуда, позвольте спросить, у Вас такая глубокая осведомлённость о сути феномена?! — недоверчиво скривился Архангел, скрестив руки на груди.

— Ну вам же, в своё время, претило разбираться со сновидениями и грёзами людей, и вы, недолго думая, спихнули всё это в моё ведомство, — пресно проговорил Высший Тёмный.

— Занятно... и чего же Вы там углядели-то эдакого?!

Люцифер тяжело вздохнул, но ответил:

— То, чего ты уже не сможешь увидеть, о мой, не в меру заносчивый, друг, — всего лишь Мир, каким он был сотворён изначально, до того, как вы при помощи людских страхов и глупостей начали его изменять!

Он зло сунул папку с бумагами в руки Архангелу, встал, развернулся на каблуках и пошёл прочь.

Михаэль понял, что понёс поражение в этом споре. Он попытался было исправить положение, но...

— Всетемнейший, и всё-таки, кого Вы предлагаете?!

Тёмный Владыка резко остановился, вполборота повернувшись к Воину Света, горько усмехнулся и, не говоря ни слова, двинулся дальше, сквозь длинный ряд позолоченных и усыпанных бриллиантовой крошкой колон.

— Вот чудак! — фыркнул Михаэль, глядя на уходящего Люцифера и погрузился в чтение свитков. — не то, не то, да этот вообще не подходит!

Третья неделя, отведённая на поиски защитника, покровителя, соратника и возлюбленного некоей, облачённой в женское тело, чистой Души подходили к концу. Ответственный за проект Архангел Михаэль заметно нервничал. Без передышки заслушивались досье кандидатов и почти в каждом Высший Совет находил кучу изъянов: то недостаточно силён, то недостаточно развит духовно, то недостаточно добр, и так каждый раз.

«От слов к мысли, от мысли к словам и, в результате, полное бездействие,» — не на шутку пригорюнился Архангел. Прямо посередине диспута возникшего при обсуждении очередного «защитника» табло, отражающее результаты, полыхнуло слепящим белым светом. Мелодичный голосок разнёсся над залом и с первой фразой оказался хуже грома небесного:

— Защита для Души получена, — вещал голосок. — Уровень защиты оптимальный. Разряд совместимости душ — наивысший. Астрологическая составляющая — идеальна. Уровень самопожертвования избранника — бесподобный. Покровительство — максимальное. Совместимость целей, задач и взглядов, для дальнейшего позитивного развития Души — полная. Уровень счастья — высочайший. Каких-либо изменений, дополнений и вмешательства не требуется. За получением вознаграждения, в виде бесконечной Божественной благодати, представителю кандидата просьба обратиться к главе Небесной Канцелярии.

Михаэль подавился ихором.

Повисшая, в Зале Высшего Совета на протяжении всей речи, тишина, сменилась гвалтом и ором.

«Кто?! Когда?! Как так?! Что происходит?!»

Все рванули к балкону обозрения. В образовавшейся толчее и неразберихе кому-то сдавили крыло, другой расквасил нос упав и запутавшись в собственной мантии, погнули чей-то нимб немилосердно прижав к стене. Михаэль, как и следовало ожидать, примчался на балкон в числе первых и с мечом наголо. Глянул вниз и остолбенел от увиденного, теряя дар речи. Некогда прекрасное лицо ныне напоминало посмертную маску.

— О, Боже, каким же я был идиотом!!! — хрипло выдавил Воин Света, и, с досады, саданул кулаком по перилам балкона, напрочь забыв про зажатую в руке рукоять меча. Оружие жалобно звякнуло и было тут же переломлено об Архангельское колено, как сухой пруттик. В немом бессилии он медленно стянул с головы нимб и махнув им на манер «Да пошло оно всё...» устало прислонился к колонне.

* * *

На скамейке сидели двое. Мужчина вдруг резко и настороженно поднял голову к небесам, но взгляд его тут же потеплел, и он понимающе, даже как-то по-отечески нежно, улыбнулся кому-то незримому.

Что может быть прекрасней, чем сидеть вот так на берегу, рядом с бесконечно родным человеком и смотреть на закат. Без слов — счастливые люди способны общаться даже молча — говорят в такие моменты только души, а точнее поют, и нет чудесней этой мелодии.

Она нарушает молчание, прижимаясь к его груди и уютно устраиваясь в его объятьях:

— А я знаю, кто ты... — сказал шёпотом, чтобы не потревожить тишину и нереальность вечера.

Сердце в его груди предательски вздрагивает:

— Да? Правда? И кто же я?

— Мой мир и моя жизнь... Ведь это тебя я видела в своих снах. Только... — внезапно обрывает она свою речь, лишь для того, чтобы взглянуть ему в лицо, — где же твои крылья?!

Он вздохнул:

— Они больше не нужны мне, мы с тобой сможем летать и без них — просто потому, что счастливы.

— Да, просто потому, что счастливы... Навсегда...

Он крепче прижал её к груди, зарылся носом в мягкие, шёлковые пряди волос, чтобы она не смогла увидеть наворачнувшихся на глазах слёз, которые он не позволял себе на протяжении тысячелетий.

— Навсегда.

* * *

Ангелы и Архангелы, наблюдая сверху за сценой слияния душ, недовольно ворчали, плевали прямо на белоснежный мрамор пола, махали руками и крыльями, кидали друг другу едкие упрёки в недалёковидности и излишнем бюрократизме. Их внимание привлёк бегущий со стороны Райского сада Ангел из младших, который без необходимых церемоний подскочил прямо к Михаэлю и задыхаясь зататорил:

— Там... В Райском Саду... ТАКОЕ!!!

Михаэль сдвинул брови, он ещё не успел оправиться от одного душевного и духовного потрясения:

— Что ещё-то?!

— Там прибывают грешники из Ада... толпами... говорят, мол, АМНИСТИЯ!!!

Михаэля пошатнуло. Он, не разбирая дороги, кинулся в чертоги Люцифера, где, на сиротливо покачивающейся решётке сломанных Адских врат, и обнаружил записку следующего содержания:

*«Ад — расформирован. Всем вновь
прибывшим — успешных поисков Рая!
А свой Рай я уже нашёл!»
Люцифер*

11.02.2016

Базон Хикса

«...Ах, Люди! Боги! — Верить-то кому?!.»

IwanowaG06

*Люди мечтают сравниться с Богами,
Лишь Боги мечтают остаться Людьми...*

Письменный стол был устлан пергаментами, испещрёнными записями, обрывками листков, пожелтевшими от времени списками.

Одиноко стоящая на столе свеча выхватывала из темноты небольшой участок пространства. Пламя качнулось, затрепетало, заставив дрогнуть и заплясать светотени вокруг.

От дыхания, сидящего за столом, пламя колебалось. Усталая поза, отрешённый взгляд сопровождающий медленные движения руки, перекаत्याющей по столу дымчато-голубой шар. Голова склонилась к расположенным, в изящной постановки, пальцам другой руки. Тяжёлый вздох чуть не погасил метнувшийся в испуге огонёк. Руки замерли, губы сжались в тонкую линию, между сведённых бровей над самой переносицей обнажилась складка, нервно дрогнула скула и вот уже шарик покоиться на мягких подушечках гибких пальцев под взглядом, в котором явно читаются муки творчества, или же вовсе творческий тупик... Художник? Писатель? Музыкант в поисках шедевра? Учёный на пороге открытия?

Слышен лишь приглушённый шепот.

— Да что же не так-то на этот раз?!

Шар опускается на стол поверх пергаментов и медленно катится к краю. Одним мягким летящим движением руки он останавливает шар не давая упасть со стола:

— Пока рановато...

Слова эти явно обращены к шару, вращающемуся ныне на подставке в центре стола.

Подхватив со стола испещрённый летящим почерком лист пергамента, обладатель шара продолжает размышления вслух:

— Ну и как ещё им объяснять, как доказывать и втолковывать? Не хотелось бы начинать всё заново... Столько трудов... Такие сложные вычисления... Несравнимые ни с чем затраты энергии и ради чего? Чтобы быть непонятым?! Или ещё хуже — понятым не верно! ДоСоздавался... — он в сердцах ударяет ладонью по столу. Шарик в центре вздрагивает и дымка на его поверхности начинает клубиться, как обман слуха, еле различимая волна какофонии и звона доносится из шара.

Свистящий вздох через зубы. Изменившееся в гримасе некоего отвращения и презрения лицо он прячет в ладонях.

— Не того боитесь — себя бойтесь и друг друга просите о помощи и прощении...

Перед столом материализовалась прозрачная фигура. Сидящий лишь удивлённо приподнял бровь глянув в лицо. Взгляд его, в кои-то веки потеплел. А пришедший настороженно вглядывался в лицо сидящего за столом.

— Чему ты так удивлён? — с хитрым прищуром спросил сидящий. — Вообще-то, удивляться должен я.

— Наверное тому, что мы похожи... — он глянул на свои руки и перевёл взгляд на руки собеседника.

В ответ рассмеялись:

— А чего ты ожидал?

— Не знаю... Я думал тебя нет...

— Если меня нет, а мы похожи, следовательно, и тебя нет, или есть? Присядь, подумай...

Пришедший грустно усмехнулся:

— А я в тебя не верил... ты ведь бог, да? А я... я мёртв?

— Ну скажем так — не бог — творец, исследователь, скорее, — и с горечью в голосе было добавлено, — натворил на свою голову, — ладонью он провёл по волосам, блеснувшим в свете свечи яркими седыми прядями. Такой седины не бывает от старости, но от пережитых потрясений — это да. — Во-первых, — продолжал творец-исследователь, — ты говоришь, что в меня не верил, но это совершенно не мешало мне верить в тебя, как в прочем, и в каждого из вас. Уж кому как не мне знать есть ты или нет. Во-вторых, я бы никогда не стал причислять себя ни к творцам, ни к исследователям, если бы ВСЁ заканчивалось смертью, хоть и сложно устроенного, но материального тела. Над чем бы вы тогда там голову ломали?!

— Значит, ты всех и всё видишь?

— А ты, глядя в ночное небо, — видишь движение всех звёзд во вселенной, их зарождения и смерти?

— Нет, только самые яркие и близкие к нам.

— Верно, тут принцип примерно тот же.

— Послушай, но ведь я не монах, и вообще человек от религии и веры далёкий... Значит, ты видишь только их...

— Не знаю поймёшь ли... но ты со всем своим неверием, со всеми своими попытками разобраться и понять, мне ближе и дороже, чем все они с их верой и религией. Не вижу я их, давно, теперь они так же далеки от меня, как звёзды на противоположной окраине вселенной от тебя.

— А как же рассказы о том, что они слышат тебя?

— Не знаю, вряд ли, если бы слышали поняли бы, не знаю. Храмы, минареты, нет меня там. Они подобны слепцам, которые тщетно пытаются найти несуществующую чёрную кошку в тёмной комнате, пугает другое, ведь они её там находят... Но это не кошка... и не я... это их собственные примитивные представления обо мне,

смутные догадки, выраженные через тысячегранную призму древней памяти, собственных желаний, страхов, отражённых в удачно искривлённом зеркале религии. Я дал им знание о себе, о мире, они превратили его в веру, а от слепой веры до удобной религии и вовсе рукой подать. А что же знание? Знание — забыто.

— Постой, значит все мои изыскания и попытки в чём-то разобраться были...

— Да, были твоими шагами ко мне, нет, даже не ко мне, к себе в первую очередь, но по одной из параллельных со мной дорог...

— Странно вот так вот на равных общаться с Творцом... — усмехнулся пришедший.

— Странно? От чего же? Перевели то вы правильно, да вот поняли как-то не так. Сказал же: По образу и подобию... следовательно, кем должны были быть, правильно, творцами, а кем стали? Кем? А? Ты пришёл ко мне, говоришь со мной, разве прошу я у тебя даров и восхвалений, разве веду я с кем-то борьбу за тебя, не сам ли ты вёл эту борьбу с собой в попытках познать, разве не видишь, что я здесь один, разве вершу я суд над тобой, перебирая твою жизнь, как ворох гнилого белья. Ты прожил её и перед собой в ответе ты за каждый шаг, ежели считаешь нужным, но не передо мной. Опыт жизни ТАМ дан всем и каждый использует его по разному: кому-то он станет подспорьем и инструментом дальнейшего развития, а кому-то только плёткой для вечного самобичевания. Тяжесть опыта для одного, посильная ноша за плечами, для другого ядро каторжника, прикованное к ноге.

За всё это время вы сумели-таки довести меня просто до отчаяния. Я восхищён своим творением, но одновременно, я в ужасе от него. А что вы сделали со мной?

— Мы?! — недоумённо воскликнул собеседник.

— Да, вы — мои возлюбленные творения, мои ужасающие шедевры.

— И твои рабы... — подытожил пришедший.

— Вы — рабы? — с гневным удивлением воскликнул Творец, и на мгновение задумавшись, добавил: — Хотя, может и так, но чьи угодно, только не мои! Я создал вас свободными, а рабами вы стали сами. Если тут и есть настоящий раб, то он сейчас перед тобой... Что же вы пытаетесь понять? Столько времени я смотрю на то, что ваша мысль делает со мной. Как она преобразует меня до неузнаваемости, как прикрывает моим именем свои желания. Вы рвали меня на части, создавая пантеоны, соединяли до Единого, давали новые имена, возносили до незримых высот обрамляя святостью и низвергали, заточали под твердью, наделяя чудовищными чертами. Убивали, возрождали, меняли облики и обличия...

И я будучи здесь проходил через всё это, невероятным усилием воли удерживая себя от срыва в безумие, как и от желания прервать мучения и отказаться от своих созданий, которые ежечасно отрекались от меня, даже не пытаясь ничего понять. Да что я, вы не пытаетесь понять друг друга, себя, в конце концов. Вот и получаются, что это не вы рабы мои, но я раб ваш — тысячекратно униженный, перекроенный и переделанный, безликий, бессловесный всего лишённый непонятый никем раб. Я уже начал забывать кем был изначально. Я стал невольным заложником вашего воспалённого разума. Вы не видите меня — вы видите себя, а точнее доведённые до абсолюта черты своей личности, её обнаженные грани и именуете это мной. Видишь этот шар? Знаешь, что это?

— Похоже на макет моей планеты...

— Это и есть твоя планета... Земля обезумевших богов, потерявших волю, которая и могла бы сберечь их от этого безумия. Покажется циничным, но для меня это не более, чем чашка Петри для химика. И самое

смешное, что это стало тем редким случаем, когда экспериментатор становится предметом эксперимента... — поймав непонимающий взгляд пришедшего, творец иронично пояснил, — ну представь себе колонию бактерий, увлечённо препарирующую распятого на предметном стекле биолога.

— Большая наверно колония... — отшутился пришедший.

Творец подхватил:

— Отнюдь, но очень увлечённая!

Разговор приобрёл шуточно-образный оттенок.

— И что, ни у одной из бактерий... цитоплазма не дрогнула?

— В том то и дело, что дрогнула, но у одной из миллиона. Соответственно, шансы у неё изменить ход препарации или прекратить её такие же — один к миллиону.

— Страшная картина...

— Да, невесёлая...

— А как же чудеса?

— А что чудеса? Их может творить каждый, ежеминутно, но вы же не хотите знать, вам хочется верить! Не важно во что, даже в собственные иллюзии, шаблоны и рамки, которых в реальности нет. Знаешь, иногда я ощущаю себя тем чудовищем, которое вы рисуете в попытках отделить «зло» от «добра» (тоже, кстати, иллюзии, созданные вами). Я с самого начала пытался дать вам понять, что есть вещи неделимые, не способные существовать порознь. И откуда эта привычка всё возводить до абсолюта, расчленять, доходя до основ, а затем презрительно надсмехаться над этими основами. Я понял, что ошибся, давно, но сделать уже ничего не могу... Не надо было создавать по подобию богов и ждать, когда же они станут людьми... некоторые так и не станут. Поэтому я навсегда здесь. И навсегда один.

— А я? Что теперь будет со мной?

— Я не знаю... Ты творец и, при этом человек, у тебя есть опыт и знания — тебе решать. А чего бы ты больше всего хотел?

Над столом повисло тягостное молчание. Широко распахнуты глаза пришедшего:

— Покоя, — как внезапное озарение, как видение ответа, всегда лежавшего на поверхности.

Силуэт гостя стал растворяться.

И только всепроникающему взгляду творца был виден момент зарождения Новой Вселенной — Вселенной, в которой не будет рабов и Богов, а будет только Выбор Человека...

16.02.2016

Небесная флористика

«Кажется, нам всем сегодня отчаянно не хватает веры в чудеса, и тех добрых сказок, которые укоренили бы в нас эту веру...»

Йер Аверст

IwanowaG06

Представьте себе, в силу своего воображения, что где-то далеко есть город, в котором люди отдали предпочтение искусственным цветам. Почему так вышло не вспомнит ни один живущий в нём, хотя гипотез по этому поводу всегда существовало великое множество. Может быть из-за некогда признанной обыденности живых цветов, что, зная нашу любовь ко всему нами искусственно созданному, вполне вероятно. Ибо желание польстить собственному Эго не позволяет порой узреть простые истины.

В цветочном магазине всегда было людно. К стенду подошла шикарно разодетая, красивая пара. Мужчина обратился к Мастеру-Флористу:

— Я хотел бы приобрести для своей возлюбленной самый роскошный цветок из всех, имеющихся в вашей коллекции.

— Что предпочитает ваша дама: стекло, бархат, может быть металлы — есть потрясающие воображение розы, их цветы сделаны из тончайшего золота, а на серебряных лепестках алмазные росинки... — проговорил Мастер, выставляя перед покупателями драгоценную композицию.

— Нет! Они слишком колючи... — капризно заявила дама, и брезгливо скривив губки добавила, — а этот горшок... это же обычная глина, и на нём нарисована какая-то нелепая картинка...

«Забавно, — подумал флорист, — „нелепая картинка“ представляет собой детально проработанные очертания»

ния океанов и континентов, рек, гор, даже облака над планетой, при внимательном рассмотрении, приобретали иллюзию движения». Он-то знал, что тончайшая, филигранная роспись, необычайная трудоёмкость и реалистичность работы, составляет большую часть цены в этой композиции. Но, дабы не обидеть выбора покупателей своим замечанием, он умолчал об этом, предложив иной искусственный цветок:

— Вот дивные орхидеи из нежнейшего пурпурного бархата, каждый цветок скрывает в своей чашечке жемчуг всевозможных оттенков, его стебли и листья — из мягких атласных лоскутков, а подставка инкрустирована самоцветами.

При упоминании об этой детали, глаза дамы расширились и алчно блеснули:

— Хочу! Хочу! Хочу! — радостно зааплодировала дама, и так как пальцы её были сплошь унизаны перстнями, при каждом хлопке раздавалось приглушённое позвякивание.

Почему-то, от этого звука по спине Мастера-Флориста пробежал холодок.

— Мы берём! — радостно отозвался мужчина, доставая бумажник.

— Достойный вас выбор, мадам, — улыбнулся Флорист, принимая оплату.

Пара удалилась. К прилавку шли всё новые и новые покупатели. Бронзовые лилии, хрустальные колокольчики, шёлковые нарциссы, пионы из нефрита и красного дерева, ирисы с лепестками из сапфиров, бутоны роз и кисти гладиолусов безумных оттенков из мягкой бархатной бумаги... Всё это изготавливалось и покупалось в магазине Мастера-Флориста.

Под вечер, почти перед закрытием магазина, к прилавку подошёл одинокий покупатель. Высокий человек со спокойными чертами лица и глубоким взглядом. Он заговорил с Флористом:

— Знаете, я считаю, что цветы должны объяснять людям то, чего нельзя передать словами...

— Точно так, сударь, — поддержал беседу Мастер.

— Случилось так, — продолжал мужчина, — что я встретил женщину, и понял, что она и есть моя Истина, к которой я так долго стремился. В её глазах я увидел своё самое правдивое отражение в этом мире, да просто она и есть Мой Мир. Она — та неотъемлемая его составляющая, без которой в принципе я не буду собой...

— Я вас понимаю, сударь! — хитро улыбнулся продавец. Он потянулся было на стеллаж за цветком, но мужчина остановил его и, достав из нагрудного кармана небольшой снимок, протянул его Флористу со словами:

— Я хотел бы цветок, подобный Ей.

Флорист бегло скользнул глазами по фото. Он был немало удивлён. Разговаривая с покупателем сдержанно аристократичного вида, он ожидал увидеть на фото прекрасную диву с точёной фигуркой, в мехах и шелках, которая была бы так под стать пришедшему. На фото же, по мнению обывателя, была «серая мышь». Ни мехов тебе, ни шелков, ни слепящей глаза красоты, просто женщина, каких миллионы вокруг — пройдёшь мимо и не заметишь...

Флорист поднял на мужчину недоумённый взгляд, на который тот ответил полуулыбкой. Он снова попытался отыскать в женщине на снимке некоторые особые достоинства, способные хоть как-то привлечь внимание. В голове мелькнула недоверчивая мысль в адрес покупателя-аристократа: «А не разыгрывает ли он меня таким способом?!»

Разглядывая фотографию, он подошёл к широкому витражному окну и охнул от удивления, когда в бликах солнца, падавших на фото сквозь цветные стёкла, разглядел её глаза: даже скупая фотобумага не смогла заглушить излучаемый ими Свет. Тот, давно забытый, разме-

нянный на суету повседневности, такой незаметный среди блеска искусственных огней и наносной мишурной красоты... В этих глазах мерцал тёплый, спокойный Свет Жизни.

С побледневшим лицом Флорист подошёл к покупателю и, бережно возвращая снимок, сказал:

— Вы — бесконечно счастливый человек! Но, боюсь в моей галерее не найдётся цветка для вас... Что бы я не предложил — всё будет смехотворно ничтожно перед Ней. Ибо мёртвое не может сравниться с поистине живым.

Покупатель кивнул и направился к выходу, с той же спокойной полуулыбкой на лице.

Мастер-Флорист, провожавший его задумчивым взглядом, увидел, как резко останавливается посетитель, точно налетев на невидимую преграду, и, не дойдя буквально пару шагов до калитки, прижимая руку к груди, склоняется над обочиной. Продавец решил, что человеку стало плохо и поспешил к нему. Какого же было его удивление, когда он увидел над чем склоняется посетитель-аристократ: Меж пожухлой прошлогодней травы и опавших листьев распускала свои крохотные цветки маргаритка.

— Я куплю у вас этот цветок, — улыбаясь сказал мужчина.

— А я и не предполагал, что в моей коллекции есть такой бесценный экземпляр, разом посерьёзнев ответил Флорист. Он скрылся в лавке, вынув из горшка-подставки золотые розы, небрежно отбросил их на полку, и, не обращая внимание на жалобно скрипнувшие серебряные листья, вернулся к посетителю уже с горшком в руках:

— Я думаю вам понадобится это, — он протянул мужчине разрисованный горшочек.

— Благодарю! Сколько я вам должен? — не отрывая взгляда от цветов спросил Аристократ.

Флорист улыбнулся, мотнул головой, и, опустив ладонь на плечо мужчины, ответил:

— Вы мне уже заплатили, и это больше всего того, что я заработал за всю жизнь!

Мужчины понимающе кивнули друг другу.

Посетитель ушёл, унося с собой «крупницу Истины», которой суждено было уютно обосноваться на подоконнике его дома.

Он любил наблюдать, как женщина смотрела на эти цветы, разговаривала с ними, едва прикасаясь к лепесткам. В такие тихие вечера, на фоне темнеющего неба за окном белые игольчатые цветки маргаритки, казались ему маленькими звёздочками, сияющими в её ладонях.

А что же Мастер-Флорист? Он, тем временем, отдал свою мастерскую другу и построил рядом со своим домом небольшую оранжерею и начал выращивать живые цветы. Его мастерство не пропало — для каждого цветка он изготавливал и расписывал горшочек. Цветы он раздаривал всем желавшим того. Конечно же над ним смеялись, говоря, что он «променял золото на воздух», на что Мастер лишь пожимал плечами и отвечал, что дышится ему теперь значительно легче.

Всё так, но перед неумолимо стремительным течением Времени не пасует только Неиссякаемая Вечность Жизни.

Вскоре то там, то тут, на подоконниках, у распахнутых настёж окон, трепетали лепестками восковые паруски спатифиллума, играли бархатными соцветиями, под лучами весеннего солнца, фиалки, тянулись к небесам резные гляцевые листики плющей, а с наступлением сумерек игриво перемигивались со своими небесными отражениями жемчужные звёздочки маргариток.

02.03.2016

О бедном Мелькоре или Слова — не помогут!

«Какой ужас...» — подумал Мелькор, смахивая слезу. Он дочитывал последние страницы Чёрной Книги Арды.

IwanowaG06

*« — Доченька, ну не выходи ты за него!
Посмотри, он же хромой, слепой,
в шрамах весь!
— Да мне, маменька, красавец-то и ни
к чему...
— Да не о том я — ему уж и так
от Жизни досталось!»*

Мелькор рыдал. Горько, безудержно и навзрыд. Давясь глухими всхлипами и обхватив голову руками. Крупные капли слёз катились по переносице и падали на пергамент, прожигая его насквозь. Рядом, привалившись к основанию трона, сдавленно скулили Анкалагон и Балрог. Первым, слизнув слезу раздвоенным языком и дважды шмыгнув носом, подал голос мудрый дракон:

— Владыка, что ж теперь будет-то? — он снова уткнулся мордой в плечо балрогу.

— После ТАКОГО, уже ничего не будет... — прохрипел Чёрный Вала. — Да лучше б я... Да лучше б они меня... О-о-ох... Конец всему! Ко-нец! — он уткнулся лицом в ладони.

Дракон и Балрог взвыли с новой силой.

— Зря вы с людьми-то связались, Хозяин! Творить научили... — вздрагивая всем телом прорычал Нээрэ.

Мелькор глянул на Балрога и, потрепав его за огненным ухом, со вздохом ответил:

— Да, кто б знал-то тогда! Я-то думал, справлюсь, не эльф какой — Вала, всё-таки...

— А может... Может, всё ещё обойдётся, а? — подал робкую надежду Анкалагон Чёрный.

— Ага, обойдётся оно! Уже — обошлось, да так, что дальше некуда! — рыкнул Вала.

— Намерения-то у них, вроде, добрые. Они ж как лучше хотят... — не унимался Валарауко.

— Да я такими «добрыми намерениями», в своё время, дорожки в Ангбанд выстилал. Лучше они хотят! Меня спросить забыли, впрочем, как всегда! — Мелькор зверел, теряя контроль над собой. — Когда меня не слушали и отвергали мои знания — я терпел. Когда меня поименовали Воплощением Зла, даже не попытавшись понять, а мой отец и братья отрекались от меня — я смолчал. Дальше — больше! Меня превратили в героя-мученика, этакого «страдальца», по сути — ничтожество, не способное защитить даже собственные мысли, убогое, вызывающее всеобщую жалость, существо, благо, под конец, хоть убить додумались! Незачем так жить, как говорится... — он яростно сплюнул на мраморную мозаику пола. — Тьфу, вот же, из небытия подняли, и для чего?!

— Владыка, — подал было голос Балрог.

— Да какой я после ЭТОГО тебе «Владыка»?! — рявкнул Чёрный Вала, указывая на листки рукописи.

— Так, а как же? — дух Тёмного Пламени продолжал нести бессмыслицу.

— А так же! — огрызнулся Мелькор, склоняясь к Балрогу и разводя руками. — Это раньше — «В короне — на троне», а теперь, что? «В кольце — на крыльце»?!. — и он, открытой ладонью, указал на парадную лестницу Аст-Ахэ.

Из неосвещённого угла залы послышался шум возни, за коим последовал голос:

— Отец, ты вспоминал меня?

— О, сынок! Ты — вовремя! Выдумщик ты мой, сотворённый! — голос Владыки был полон нескрываемой иронии. — Изобретатель... Что б тебе все кольца Арды за шиворот попадали!

— Отец, ты жесток и несправедлив ко мне! — заунывно пропел-проговорил Саурон, остервенело скребя свою спину.

— Я жесток? — гневно сощурился Мелькор, вглядываясь в лицо сына и, всплеснув руками, пояснил. — Э-хей, ты ещё «мачеху» свою будущую не видел!

Лицо Гортхауэра вытянулось в изумлении.

— Да, да... — продолжал свою проникновенную речь Владыка Арды. — Меня жалеть — это ещё куда не шло, но меня — женить... — он замотал головой, плотая злые слёзы. — Вот свяжет меня узами брака Великий и Могущественный Автор и всё — хана вам всем! Вот ты, — он ткнул пальцем в морду Нээрэ, — обогревателем покоев будешь, масла, там, для притираний подогревать, ванны, опять же — калорифер комнатный! — он зло сплюнул Балрогу под ноги. — А ты чего приуныл?! — Кинул Вала в сторону Анкалагона. — Можешь начинать чешую с хвоста ошипывать, да полировать — на зеркала карманные, да побрякушки разные пойдёт, ну, а уж если «избранница» сумочку из драконьей кожи пожелает или сапожки, — Мелькор многозначительно развёл руками, — не обессудь, друг, — и тут же в приступе ярости добавил: — Живьём шкуру спущу! Да, — добавил он, успокаиваясь, — и с сокровищницей своей можешь попрощаться — всю на гардеробы промотаю, да на туалеты вечерние!

Дракон задрал к высоким сводам шипастую морду и тоскливо завыл, на манер голодного волка.

— А-а-а, сынок, — вкрадчивым голосом зашелестел Вала обернувшись. — Ну ты сам себе судьбу избрал... Кольценосец приалтарный! — он похлопал Саурана по плечу, и добавил: — И второго сюда подать! Вместе с Чашей его дивной! На пиру, по такому случаю, виночерпием сделаю!

Ещё не смолкло эхо гласа Владыки под сводами, как в зале появляется Курумо. Обалдевший, сонный, сжимающий в руках алмазную чашу, до краёв наполненную рубиновым вином.

— Отец! Ты?! — только и успел выдохнуть он.

Мелькор широким быстрым шагом пересёк залу, выхватил чашу из рук второго сына, и жадно припал к ней губами. От больших, звучных глотков его, вино выплёскивалось через края. Допив, он с яростью отшвырнул ненавистный сосуд. Гневно сверкающие глаза картинно дополнились пурпурными подтёками на губах и подбородке. От увиденного Курумо содрогнулся. А Тёмный Вала, отрывистым жестом утерев губы, оглядел присутствующих:

— Всё — говорю! Сказки кончились — Harry End! — хмель притушил гнев, более выдавая досаду в голосе. — Лучше бы Ангайнор на руки. Вот теперь точно Свободным Творцом мне не быть! — он с сожалением смотрел на свои руки. — Чего застыли — готовиться всем! — приказ потонул в стене. Закрыв глаза ладонью, в желании скрыть от присутствующих катившиеся слёзы, и вытянув руку перед собой на манер слепца, он шаткой походкой горького пропойцы двинулся прочь из залы.

— Владыка, ты куда? — наивный вопрос Нээрэ заставил его остановиться. Сквозь всхлипы слышалось:

— Пижаму свадебную примерять... — ссутуленные плечи вздрогнули и, Тёмный Вала, безо всякого величия, звучно высморкался в полу плаща.

Все молча смотрели вслед удаляющемуся, некогда гордому и могущественному Владыке Арды.

— Отец жениться не хочет... — задумчиво констатировал Гортхауэр, потирая подбородок.

Курумо подобрал чашу, полюбовался игрой света на гранях алмазов и рубинов, глубоко вздохнул и выдал, обращаясь к Саурону:

— Не о том ты думаешь, братец... Если он женится — это конец, и не только ему — всем. Happy End — значит — «прочитали и забыли», понимаешь? — осторожно пояснил он. — История закончилась, это её последняя страница, а дальше — всё — титры, содержание и... обложка переплёта. Всем спасибо. Все свободны. Счастливый Мелькор, — продолжил он свои измышления, — может быть оно и хорошо, но...

Его перебил Нээрэ, вставив язвительное замечание:

— То-то я смотрю из него счастье так и хлещет!

— Не суть, — отмахнулся Майя, — так вот, о чём это я? Ах, да — счастливый Мелькор — это скучно и не интересно, где полёт мысли, идеи, творчество, не важно, какая у всего этого подоплёка, добрая ли, злая ли. Обывательская банальность, не имеющая никакого продолжения. Одним словом — «Сказка со счастливым концом», — Саруман изобразил на лице злобную усмешку. — ВСЁ!

— Ох, йо-о-о... — схватился за голову Гортхауэр. — Так ведь делать что-то надо! Нельзя же так!

— Надо, — поддержал мысль Саруман, растирая в задумчивости шею. — Только вот, ЧТО делать?!

Саурон, привыкший отдавать приказы и заслушивать доклады, наконец-то почувствовал себя в «своей» тарелке:

— Эй, вы, там — чего притихли? Идеи есть?! — обратился он к Балрогу и дракону.

Нээрэ от неожиданности выронил из лап склянки с розовым маслом, и чуть было не устроил благоухающий

пожар. Расторопный Саруман вовремя накинул на полыхнувшую лужицу свой плащ.

— Анкалагон Чёрный, тебя спрашиваю! — гремел на весь зал Владеющий Силой Пламени.

— А? — дракон оторвался наконец от полировки чешуйки. — Идеи? С-с-спрятать...

— Кого? Куда?! — закипал воинственный Майя. — Да его из небытия «выдернули»!

— А в Валиноре? — предложил Балрог.

— Рехнулся?! — огрызнулся Саурон. — Ты ещё про чертоги Мандоса вспомни!

— Нет-нет, постой, — с хитрой ухмылкой промурлыкал Саруман, — а ведь в этом что-то есть! Вот они-то нам и помогут...

Брат лишь развёл руками в жесте непонимания.

— Дело в том, — вкрадчивым голосом продолжил пояснения хитрец, — что вы все боретесь с последствиями, а надо устранять первопричину. Я в Валнинор, на переговоры, пока ещё не поздно.

— Э, нет! — вцепился Майя в плечо брата. — Я с тобой. Ты уже один раз в Валинор сходил, и весьма продуктивно.

— И мы с вами... — в голос взревели Балрог и Анкалагон.

— Ох, идём, Тьма с вами... — сдался Курумо.

— Она всегда с нами! — осклабился Саурон в лицо брату и как-то совсем недружелюбно подмигнул.

* * *

На границе Валинора царили покой и порядок — прямо сказать — тоска смертная, точнее — бессмертная.

Два стража Границы — Ороме и Тулкас, сидя под Телперионом, азартно резались в карты:

— Два Назгула! — ликовал Ороме.

— Бито, — недовольно пробасил Тулкас.

Он заметил пришедших первым, ошарашенно уставился сопернику за плечо и не своим голосом выдал:

— Балрог! Дракон! Са... Сау... — карты посыпались из онемевших пальцев.

— Какой Балрог?! Какой дракон?! — Ороме глянул на рассыпавшиеся картинки. — Шулер, ты! — и тут же хлопнул веером своих карт Тулкасу по носу, от чего тот вздрогнул, оторвал взгляд от неожиданных «гостей», хватая ртом воздух и багровея лицом, заорал, указывая Ороме за спину:

— Тревога!

Ороме резко оглянулся, попытался вскочить, но затекшие, от долгого сидения, ноги сыграли с ним злую шутку, и он, пошатнувшись, осел на землю.

— Ой, не ори! — скривился Саурон, вытягивая перед собой руки в примирительно-успокаивающим жесте. — Мы с новостями...

— Отродья Тьмы! — раненым зверем ревел Тулкас, тщетно шаря по поясу в поисках рукояти меча, и запоздало вспоминая, что ещё по утра отдал его на заточку Ауле.

— Ну, отродья... Ну, Тьмы... — с деланным равнодушием в голосе проговорил Саурон, — и что мы вам, таким Великим, вчетвером-то сделаем? — казалось он более увлечён изучением заусенцев на собственных пальцах.

— С чем пришли? — подал голос Ороме, кряхтя поднимаясь на ноги.

— Ты оглох, Великий Охотник? С новостями, говорю, — сложив ладони у лица на манер рупора, повторил Чёрный Майя.

— Говори!

— Мелькора женят... — мрачно отвечивал Саруман, перехватив инициативу у брата.

Немая пауза удивления сменилась неудержимым хохотом охранников Границы. Тулкаса согнуло пополам, он хлопал себя по коленям, не в силах что-либо сказать, а потом и вовсе заключил Ороме в свои медвежьи объятия, тот лишь всхлипывал сквозь смех и утирал выступившие в уголках глаз слезинки.

Пришедшие в молчании взирали на сцену дикой радости Могуществ Арды.

Вдоволь отсмеявшись Ороме присвистнул:

— Ой, что сейчас будет!

— А ничего не будет. И никого, — не меняя спокойного тона молвил Саурон.

— Это как, то есть? — не понял Великий Охотник, борясь с рвущимися смешками.

И они рассказали о том, чем же так опасна женитьба Мелькора и какую жирную точку под названием «Нарру End» решил поставить Автор, на всех.

По мере повествования радости на лицах слушателей заметно поубавилось, зато крайняя озадаченность, граничащая с ужасом, прорисовывались всё отчетливее. К концу рассказа Тулкаса била крупная дрожь, а некогда румяное лицо Ороме приобрело бледно-зелёный оттенок.

— Валар, жить хотите?! Ну так вот, — резюмировал вышесказанное Саруман, — мы к вам за помощью.

— Убить невесту! — взревел Тулкас.

— Исключено... — скучающе проговорил Саурон и махнул в его сторону рукой. — Тебе лишь бы убить кого-нибудь.

— Убить Мелькора? — осторожно поинтересовался Ороме, и, тут же наткнувшись на презрительно-осуждающие взгляды братьев, поспешил спрятаться Тулкасу за спину.

— Нет, мы будем действовать хитрее, — начал пояснения Курумо, — попробуем повлиять не на последствия, а на причину.

— На... на Автора?! — опасливо озираясь, испуганным шепотом проговорил Ороме.

— Угу... — одобряюще кивнул Саруман.

— А как? — выдохнул Тулкас.

— В этом деле нам могут посодействовать Ирмо и Намо.

Валар, слышав свои имена, незамедлительно появились на Границе. После недолгих объяснений Саруман обозначил план действий:

— А присниться ему должно вот что...

* * *

Автор оторвался от рукописи, сладко потянулся, зевнул:

— Ну-с, самое чудесное и «вкусное», допишу завтра.

Он, уютно устроившись на тахте подле письменного стола, уснул крепким сном праведника. И приснился ему Сон: будто женился он на пышногрудой, златокудрой красавице, с очами цвета неба, с коей рядом и эльфийская принцесса бледнеет. Казалось бы, вдохновение, на почве высоких чувств, теперь неиссякаемым фонтаном бить должно. «Эх, развернись!» — мечтает Автор, сладко улыбаясь во сне собственным мыслям.

Живут они с красотой той, а он-то к письменному столу и дорогу позабыл.

Бывает мелькнёт мысль светлая — записать бы, ан, нет — дева прекрасная, губки обиженно надувает и, от письменного стола, в модный бутик его тянет, за обновками. А мысли-то тем временем, никуда не исчезают, роятся в сознании, «царапают» живой мозг своими острыми гранями, лишая покоя и мешая жить. Вот уж и деньги от прошлых гонораров все потрачены, а запросы у красавицы только больше становятся. Уж он ей и объяснял, и произведения свои читать пробовал — она

лишь смеётся в ответ: «Глупое, занятие — фантазии свои, на бумаге излагать», и в глазах её, тех, что цвета неба, одно лишь непонимание колыхается.

Призадумался Автор:

— Раньше, из-под пера — Миры выходили, а теперь — и статейки не осилить, раньше Творцом был, а сейчас — что же?

Глянул он себе на руки, да так и обмер. Не кольцо обрубальное, а кандалы золотые в кожу впиваются, до красна раскаленные и жгут, не хуже Ангайнора. Поднял он голову — стоит перед ним Вала Мелькор в точно таких же наручах, протягивает листы его рукописи с «Нарру End-ом» и с горькой усмешкой вопрошает:

— Ну как тебе, Творец, в кандалах-то живётся?..

Автор, перевёл взгляд от протянутых к нему скованных рук Владыки на его лицо. Взгляд Тёмного Вала был полон боли и невероятной усталости.

Но, как это часто бывает во снах, черты Мелькора начали размываться, и вот уже не Владыка Арты протягивает к нему окованные руки в мольбе о помощи, а его собственное отражение.

Нервы Автора сдали. Он издал вопль, неистово дёрнулся и... проснулся, сидя на полу между тахтой и письменным столом. С ужасом уставился на свои трясущиеся руки, вспоминая обрывки сна. Боязливо переведя взгляд на стол — рукописи были на прежнем месте — он, тут же вскочил на ноги, путаясь в плеле и заметался по комнате. Тяжело дыша, навис над записями, с опаской взял испещрённые текстом листы, пробежал взглядом по ровным строчкам, и забормотал себе под нос:

— Их надо... надо... сжечь! Нет! Нет! «Рукописи не горят!» — припомнил он бессмертное изречение великого предшественника, и тут же лицо его осветилось неожиданной спасительной догадкой, — Тогда их надо... съесть! Да! Со-жрать!!!

* * *

Мелькора и раньше мучали кошмары, не мудрено, после пережитого-то. Вот и ныне, по коридорам Аст-Ахэ, мощной акустической волной, прокатился вопль ужаса. Слишком реалистичным и красочным оказался короткий сон. Он, спотыкаясь, не разбирая дороги, охваченный дурными предчувствиями, кинулся в тронную залу. Реальность похоже стала продолжением кошмара. Прямо перед ним судьбоносная рукопись подпрыгнула над столешницей, со зловещим шелестом сменяясь и зависла в воздухе. Проклятые листки на мгновение успокоились, затем... (Нет, видывал-то Владыка, конечно всякое, но это... Он взирал на происходящее широко распахнутыми глазами и боялся дышать.) Листы расправились и начали исчезать, жалобно поскрипывая, точно кто-то невидимый жадно откусывал куски от пачки бумаги, как от «дежурного» бутерброда.

Когда над столешницей растворился последний кусочек, Мелькор выдохнул, устало провёл ладонью по лицу, мельком глянул на запястье и... засмеялся. Сначала тихо, а затем — в полный голос, закинув голову и победно вознося свободные ныне руки к высоким сводам.

* * *

— Кажется, сработало... — задумчиво произнёс Намо, не без удивления заглядывая в Книгу Судеб.

— Сработало, — подтвердил Саурон, вытирая рукавом, выступившую от волнения, испарину со лба. — Надо бы по такому случаю — того, в смысле, отпраздновать.

И они отпраздновали, пустив по кругу Алмазную чашу Курумо.

Через некоторое время Тулкас живо обсуждал с Анкалагоном способы заточки клинков, и, мудрый дракон, хитро прищурившись, продемонстрировал «недалёкому», но очень воинственному собеседнику, заточку собственных когтей, но почему-то на одном пальце — на среднем.

Балрог положив лапы на плечи Гортхауэру и Курумо затынул Орочью заунывную:

— На поле орки грохотали,
Шёл легион на мордобой...

Нехитрый напев подхватил и захмелевший Ороме:

— ...И молодого Урук-Хайя
Несли с отбитой головой...

Намо, опёршись спиной на ствол Талпериона, что-то неторопливо вписывал в Книгу Судеб. Подошедший к нему Владыка Сновидений предложил:

— Оторвись ты от трудов своих тяжких, праздник у всех, а ты всё строчишь.

На что Владыка Судеб протянул брату страницы с записями и, со скучающим тоном в голосе, ответил:

— Да я так, в Ткани Бытия образовавшиеся дыры подлатал...

Ирмо, пробежав взглядом по написанному, удивленно изогнул брови, расплылся в улыбке:

— А что — забавно получится!

Братья понимающе переглянувшись рассмеялись и, отбросив Книгу в сторону, с чувством выполненного долга, присоединились ко всеобщему веселью.

Так, стараниями Владыки Судеб, незадачливому Автору и невесте Мелькора в будущем предстояла... судьбоносная встреча.

Но это уже совершенно другая история...

18.11.2016

2017

Незванный гость

Когда в проклятиях сойдутся Ангел с Бесом — душе искать спасенья бесполезно...

IwanowaG06

Стук в дверь под вечер оторвал меня от чтения. Плетьсь открывать, и кому не спится...

— О, Боги, кого вы принесли, — горестным, почти заунывным тоном, стенаю я. На пороге, переминаясь с ноги на ногу, возвышается, даже не «бывший», а аж Несостоявшийся муж.

— Чего тебе? Ты ж, вроде как, ушёл — вот и иди, — выдохнула я, преграждая ему дорогу.

— Слушай, нам поговорить надо... — начинает он.

— Э... Стоп, стоп, стоп! — бесцеремонно обрываю я, — У меня déjà vu! Кажется, это я уже слышала, и не так давно! Удачно так «поговорили», продуктивно, Тишкин кот! Вломился в мою, и без того, не шибко радостную, жизнь, обозвал Ведьмой, наломал дров, заварил каши, а в итоге — «Прости, правда, не судьба. Ну не судьба и всё!» — гнев тихо закипал на дне сознания, подобно лаве в жерле готового пробудиться вулкана.

— Ты не понимаешь... — как-то совсем сник неожиданный собеседник.

— Возможно, да и где уж мне, недалёкой, — язвительно отфыркиваюсь я.

— Выслушай меня.

Я ощущаю, что диалог в дверном проёме может затянуться и стать достоянием не в меру любопытных соседей. С мученической гримасой на лице прихватываю его за рукав зимней куртки (хорошей, надо отметить, куртки) и, втянув в прихожую, с силой захлопываю дверь.

Нет, ну вы посмотрите на него, а — уже и куртку расстегнул, и ноги свои модельные вытянул, сияясь ботинки

стянуть, да ещё и озирается в поисках домашних тапочек — прямо Хозяин домой вернулся — не иначе! Я аж задохнулась от подобной наглости, разрываясь между праведным гневом и прорывающимися истерическими смешками. А он уже сияет в мою сторону всей синевой глазищ, придавая смазливой морде гримасу отчаяния.

— Ну и... — скрещиваю руки на груди и занимаю выжидательную позу, опираясь на шкаф в прихожей.

— Ты знаешь, всё так запуталось, я запутался... — он опускает глаза, поединок взглядов им безнадежно проигран — думать надо, когда я очень-очень зла, прибить мне хочется Козла, в смысле глаза у меня холодные и зелёные.

— Меньше врать не пробовал, говорят, помогает... — настрой у меня явно боевой, но первую мою подначку проигнорировали.

— Там всё плохо, и ребёнок, как выяснилось, не мой, и она меня не любит, и вообще... помоги мне, а?

На мой нервный смешок он скорчил такую оскорблённую рожицу, что хоть святых выноси.

— Я к тебе за помощью пришёл, а ты ржёшь как лошадь!

— Э, нет, стоп, друг, о «лошадях», — я намеренно акцентировала данное слово, — мы с тобой попозже поговорим, если до того вообще дело дойдёт, а насчёт помощи — так я тебе тут не армия спасения! — рубанула я наотмашь.

— Да ты... Да ты! — он вскочил с табурета, не находя, видимо самого подходящего мне оскорбления, я помогла сориентироваться

— Смелее — Ведьма! Кажется, в прошлый свой приезд ты именовал меня именно так, — вполне себе достойным тоном продекламировала я. — Я-то хоть Ведьма, и не скрываю особо, а вот кто ты, хороший вопрос. Весь крестами увешался, перед каждой церковью кре-

стишься, а такое творишь, что и чертям завидно. Ты хоть на спину себе крест прицепи, а святости от того в тебе не добавиться, — а про себя подумала, переиначив похабненький анекдот, — «Кое-кому после стольких ночей в жарких объятьях ведьмы-то, ванна со святой водой не помешает, и не одна».

— Нет, ты не ведьма, ты хуже... — в сердцах выдаёт гость, яростно клацнув зубами.

— Оу, сейчас, кажется, заведут пластинку о том, как я кого-то приворожила... — скучающим тоном продолжаю я. Попала в точку. Потемневшие глаза, не только приняли цвет грозового неба, но и метнули пару молний, под коими, я должна была осыпаться горсткой праха, но нет, как он там выразился — «не судьба». Гроза миновала, так же стремительно, как и началась. Собеседник «сдулся».

— Нет... Я сам... то есть... плохо мне... — он развернулся и медленно, шаркающей походкой вплыл в комнату. Остановился, словно на невидимую стену налетел, удивлённо заозирался. Рука, пальцы на коей уже сжались в судорожную шепоть, уже было взмыла на уровень лба, в желании осенить раба Божия крестным знамением, и защитит от богомерзкого порождения Тьмы, внезапно замирает, чтобы обрушиться в картинном жесте «Да и пошло оно всё...»

Еле слышно доносятся слова:

— И всё-таки, ты — Ведьма, — упрямо констатировал он.

Забавно, нотки уважения в голосе меня немало порадовали.

— Ведьма, ведьма, — отмахиваюсь я и вхожу следом. — Да, всё забываю сказать тебе «спасибо», за вовремя открытый мне мой же талант. От себя не убежишь, знаешь ли. Вот и обстановочка соответствующая, — я выдавливаю коварную улыбочку. Поди объясни идиоту, страшащемуся

собственных фантазий и выдумок, а на деле просто пасующему перед сильными женщинами, что смена интерьера после нашего разрыва была мне необходима, как воздух. Камин — мечта всей жизни, это уют, центральная «фигура» в доме, эдакий островок тепла и счастья, символ домашнего очага для любой женщины (даже такой воинственной, как я), остальной же антураж, в который вошли тяжёлые латунные подсвечники, бархатная скатёрка на каминной полке, усыпанная галтовками природных камней, был подобран под него, с романтическим налётом атмосферы средневекового замка. Изменения в обстановке радовали глаз и смотрелись достаточно элегантно. А летучая мышь, игрушка, выпрошенная как-то сыном на Хэллоуин, да так и позабытая на полке, очень эффектно вписалась в антураж и привнесла в него элемент сказочной таинственности. Мои мысли по поводу убранства комнаты были нагло прерваны неуёмным нытьём:

— Помоги мне разобраться, ты однажды уже вытаскивала меня, благодаря тебе, я уже находил в себе силы, чтобы жить дальше.

— Видимо, у меня было временное помешательство, — я не меняла гнев на милость, продолжая осыпать гостя сарказмом.

— Я не понимаю, что со мной происходит, я как в паутине или в болоте, перед глазами стоит твоё лицо, а вокруг всё рушиться, жизнь рушиться, мир рушится, всё. Объясни, если сможешь.

Я выдерживаю паузу, хотя уже знаю ответы с момента его появления на моём пороге:

— Ну что ж, присаживайся, расскажу, что знаю.

Гость радостно плюхнулся на диван, чем заставил меня поморщиться.

— Ты, верно, полагал, что разрушая чужие жизни и чужие мечты, сможешь построить своё счастье, с помощью вырванных из стен чужих душ тепла и радости?

Думал, что как на тренажерах, проигрывая ситуации, на чужих судьбах, избежишь их в своей или наоборот, сможешь, уже отработанное до автоматизма, с лёгкостью смоделировать. Нет, парень, так не бывает. Счастья на чужом горе не построишь. А уж горе горю рознь. Как говорить, кошке — игрушки, мышке — смерть. Вот и отливаются тебе теперь мышкины слёзки, — меня так и подмывало добавить «так то, Сынок», но я сдержалась, — так от чего же жизнь разваливается, а?

— Да я всё сделал, всего себя отдал...

— Ты забыл сказать, что ты и всё взял! — немилости-во ввернула я. — Ты же привык брать от жизни ВСЁ, но самое интересное, что без разбора. Тебя сейчас обманули, предали, а скольких ты в своё время обманул и предал. Сколько жизней ты искалечил, врываясь в них неугомонной стихией и требуя всё. И ты надеялся, что так будет вечно — увы. Вселенная очень мудро устроена — всё, значит всё — и хорошее, и плохое. Так ныряя можно разбить голову о камень на дне, а не ты ли его туда бросил, круги на воде разошлись быстро и бесследно — камень остался. А в твоём случае, на дне просто скалы, и как ты раньше умудрялся не «наткнуться». Но видимо лимит доверия Вселенной не безграничен. Тебе и так было дано слишком много возможностей всё исправить и одуматься. Тебе было позволено прикоснуться к живой душе, которая содержала в себе целый Мир, познать силу истинной любви, которая не ведаёт ни времени, ни ограничений, и способна исцелять даже таких безнадежно заблудших мытарей, как ты. Казалось бы, великие дары, большинство и помыслить не смеет о подобном. Но что ты сделал с величайшими дарами Вселенной в угоду собственному «я», о, ничтожная песчинка, возомнившая себя Вершителем Судеб? Использовал, как удобные инструменты, для восхождения на вершины собственного эго. Тебе давались в руки

несметные богатства, а ты потратил их на неизменную любовь к себе. А сейчас, оставшись с пустыми руками, душой и сердцем, даже не пытаясь задуматься над происходящим, ты просишь «одарить» тебя снова, и у кого?! У той, из чьих рук ты, по привычке, забрал ВСЁ. Взгляни, мои руки пусты, мне нечего больше тебе дать, — я не узнавала менявшийся, по ходу повествования, собственный голос, наполнившийся горькими нотами.

— А как же твоя магия, ты же ведьма, заколлуй меня, приворожи, если хочешь, но чтобы навсегда... — это уже «глас вопиющего в пустыне».

Ещё более горькая усмешка перед ответом.

— Магия? Не одна магия Мира не поможет тому, чья душа безнадежно пуста, тому, чьи глаза слепы, и тому, чьё сердце не способно чувствовать.

Гость встал, на мгновение показалось, что за время разговора он постарел на десяток лет.

— Тогда, прости меня...

Я промолчала, глядя на огонь в камине. Незванный гость вышел в прихожую, я последовала за ним. На пороге он оглянулся, и то, что сказал при этом набатом загудело в ушах:

— Ты самая Светлая Тьма в моей жизни.

Я лишь неопределенно пожала плечами.

Гость ушёл. Подойдя к окну, я настежь распахнула створки, впуская в комнату грозовой воздух с запахом озона и новой жизни... Зажмурилась, смакуя свежесть ветра. Блеснуло и мир, в следующее мгновение, утонул в оглушающем раскате грома.

За этим раскатом я так и не услышала звука, прогремевшего где-то в парадном, выстрела. Да, для того чтобы заглянуть в себя, оставшись наедине с собой и миром — нужны немалые сила и смелость. У моего незваного гостя таковых никогда не было. И вот он результат такого привычного себялюбия и малодушия — две гвоздики,

небрежно лежащие у памятника с некогда знакомым именем, да иронично равнодушное выражение моего лица.

Случается, что память о человеке покидает этот мир вместе с ним.

26.07.2017

2019

Мандариновая луна

Без описания.

Горькая

Над городом висит смог как в Пекине, а в мыслях блуждают утки. На небе застыла мандариновая луна, её почти не видно из-за смога, но очевидно, что она оранжевая. И дольками.

На часах восемь утра, Женя говорит, что ходил вчера в кино на тот-самый-фильм. «Давно не видел хорошей фантастики, — говорит он, — и вчера не увидел». У Жени недавно родилась дочка, он спит меньше обычного и больше не мечтает об арбалете. Двери лифта открываются и мы заходим внутрь.

Мы проезжаем мимо 13 этажа — там ремонт, мимо 21 этажа — там кочка и лифт немного покачивает, едем 58 секунд.

Двери лифта открываются. Кажется этому городу нужен новый герой.

04.03.2019

Журавли

Без описания.

Горькая

Когда я в последний раз видела журавлей?

Я смотрю фотографии в поисковике и не могу понять, видела я когда-нибудь журавлей или нет. Егор работает на кухне. Он много работает.

Эти птицы мне знакомы, но я не могу понять, где я их видела. В мире животных? В гостях у бабушки? В ролике на ютубе? В парке птиц? Чем журавль отличается от цапли? Иногда просто запутаться.

Я читаю: «Журавли, в отличие от цапель, в полёте вытягивают ноги и шею».

Я читаю: «Это делает их похожими на аистов, но журавли никогда не садятся на деревья».

Когда я в последний раз видела журавля — это точно был не аист? Или цапля? Как понять, кого я видела на самом деле?

В картошке уже растаяло масло. Пора ужинать.

06.03.2019

Знание

Без описания.

Горькая

Из утюга капает вода. Я смотрю на него встревожено — платье намокнет. Сначала платье борется с водой. Капли круглые, ненастоящие, лежат сверху. Прошла секунда, вода впитывается в ткань.

Я не обвиняю технологов, но нельзя подумать головой и сделать конструкцию, из которой не будет капать вода? Это не первый мой утюг, и не первый утюг, которым я глажу. И везде такая проблема.

Я вспоминаю, что вещи сложнее. Иногда кажется, что ракеты летают в космос, роботы делают сальто, значит вода из утюга капать не должна. Это не так.

Мы знаем много ответов. Но ответы, которые мы знаем, никак не связаны с вопросами, которые мы задаём.

Как устроено сознание, как передавать энергию на большие расстояния, как точно измерить перемещение тела. Как зашнуровать ботинки как в том старом - фильме. Вещи сложнее, я знаю это.

Я провожу утюгом по мятой ткани. Ткань гладкая, но мокрая. Из утюга капает вода. Бесит.

13.03.2019

Акварельное небо

Без описания.

Горькая

Над городом сегодня красивое небо.

Кто-то взял холст и смочил водой, кто-то взял большую кисть и сделал заливку от голубого до бирюзового. Кто-то взял кисть поменьше и размыл цвет до белого, кто-то прорисовал маленькой кистью тени.

Вот такое сегодня небо. Небо цвета акварели. Я верю, что это рукотворное небо: цвета пастельные, правильная экспозиция, сразу видна работа мастера.

Миша торопит меня, тренировка начинается в семь. Он правильно питается, тренируется шесть раз в неделю и пьёт витамины. Миша собран, целеустремлен и потерян. Порядок не когерентен счастью.

Не могу идти быстрее, болят лодыжки.

02.04.2019

Жёсткая позиция

Без описания.

Горькая

Серёга говорит, что нельзя опускать руки, даже если потерялся. Он говорит, что нужно просто открыть глаза, осмотреться и постараться сосредоточиться. Серёга говорит, что опорная нога левая.

Левая нога опорная, правая поднята на девяносто градусов, руки вытянуты в стороны, закрываю глаза. Аиртрик¹ под ногами превращается в облако. За равновесие тела отвечают мышцы-стабилизаторы. Серёга считает, что эти мышцы нужно тренировать специально, Макс считает, что в этом нет нужды. Пару месяцев назад я считала, что таких мышц не существует. Я не знала об их существовании.

Мышцы-стабилизаторы маленькие: большое тренированное годами тело рухнет также, как маленькое и хилое. Иногда сложно сохранить баланс.

Глаза закрыты, ничего не видно, я слышу свои мысли. Нельзя расслабляться, нельзя быть скованным, иначе потеряешь равновесие. Жёсткая позиция это и хорошо, и плохо.

Интересно, хорошо ли, что у меня её нет?

26.04.2019

¹ Надувной мат, который помогает набрать высоту в прыжке за счёт своих высоких амортизационных свойств.

В абсолютном нигде

Без описания.

Горькая

Я давно не спала, кажется.

Егор пишет, что нужно отдохнуть, когда приду домой: бессонная ночь, перелёт, стресс, две бессонные ночи, переезд, бессонное утро. Да, нужно отдохнуть. Обновляю страницу сообщений раз, два. Ничего не меняется, а те абоненты, что могут ответить, сейчас не абоненты. Пишу всем, кто может ответить, так проще.

Когда я была тут в последний раз, не было столько ворон, сейчас они сбиваются в стаи и кружат над полем. Пять лет назад поля не было. Людей хоронили под деревьями в лесу, расчерчивая тайгу на условные квадраты. Говорят, это неудобно: грязь, гнус и сырость мешают искать. Сейчас лес вырубают, а место вырубка разделяют табличками.

Это удобнее, только немного страшно. За 3 года площадь вырубки увеличилась в два раза, за пять лет они засеяли всю сопку семенами смерти. Теперь тут ничего не растёт, кроме могильных плит.

Похороны, это доказательство, что человека больше не будет. Все приходят за этим доказательством. Не знаю, существует Бог, дух, сознание или что-то ещё, но что-то внутри человека превратилось в ничто. Да, сейчас мысли пойдут в сторону философских суждений, но я не сильна в философии. Ничто в программировании¹ — используется как ключевое слово, представляющее неинициализированную переменную, указатель или ссылку, не относящуюся ни к одному объекту. Все воспоминания, вещи и фотографии теперь ни на кого

не ссылаются. А может и нет — я в ужасе, только нельзя говорить об этом вслух.

Если сознание все еще есть, то его точно нет здесь, возможно, они есть нигде. Наверное, я бы назвала это переменную «nowhere». Интересно, как там, в абсолютном нигде?

25.05.2019

¹ В программировании, «nothing» (в VB.Net), или «null» (в C, C#, Java, и др), None (в Python), nil (в Ruby, Lisp) — переменная, указатель или ссылка, не относящаяся ни к одному из объектов. В SQL null является символическим представлением отсутствия данных.

Утро

Без описания.

Горькая

Я переживаю из-за маленьких вещей, что уж тут поделаться.

Вот поссоришься с другом, наговоришь гадостей сгоряча, сидите, сопите в разных углах планеты. И кажется, пара брошенных слов имеют значение. Потом уже и не помнишь, что было не так, только как обижался и задумчиво шуршал конфетами под раздражённый чай.

Сегодня пойду на работу растерянно: ноги ватные, глаза мутные, а мысли как будто в киселе. Если не понимаете аналогию, я расскажу.

Представьте, что есть чан с холодным густым киселём, не желе, конечно, но такой консистенции, что пузырьки воздуха уже не выходят наверх. Так вот, в чане с киселём плавают мысли, они статичные, их отчётливо видно издалека. Протягиваешь руку и пытаешься схватить мысль. «Хватать», а она выскальзывает и улетает прочь. Пытаешься сделать это резче, но кисель сковывает движения и просто не успеваешь. Вытаскиваешь руку, она липкая и сладкая, кисель же. А ещё досадно, какие красивые были мысли.

Так вот, мысли плавают в киселе, хотя в целом всё неплохо. Настроение терпимое, погода комфортная, даже бельё подобрано по размеру и разношено, но незаносенно.

Иду на работу.

Иногда по дороге хочу взять кофе на вынос, хотя терпеть его не могу, но что поделаться. Инстаграмные¹ модели пьют кофе, гики тоже, вот и хочется почувствовать,

что готов для съёмки. Твоей никчемной жизни. Не хотелось об этом думать, пока вытаскивала мысль, она намочла как промокашка.

Намочила кроссовки, надеюсь никто не заметит.

— Привет, Зина, — да, это обращаются ко мне. Да, мне тоже не нравится это имя.

— Привет, Кать, как утро? — я спрашиваю, потому что правда интересно, не знаю зачем спрашивают другие, но у меня так.

Катя начинает щебетать, как птичка, такая красивая и такая восторженная, просто глаз не могу оторвать. Кстати, у неё в руках кофе из «Ванильной ложки» (той, что на Димитрова, а не на Малышева, конечно), Катя говорит, что любит латте оттуда, и сегодня её добросил молодой человек. Потому что любит, конечно. В ответ я получаю симметричный вопрос.

Пауза. Мне нечего сказать.

Вообще, разговариваю я много и бессвязно, а пишу быстро и неграмотно (пока писала слово неграмотно допустила 3 ошибки, пришлось исправлять). Пытаюсь говорить хоть о чём-то: хотела взять кофе, удобное бельё, намочила кроссовки. Чёрт. Я не хотела, чтобы это кто-то заметил и сказала сама. Да, это очень умно.

Что ещё было утром? Позавтракала, немного поплакала, потому что я всё ещё злюсь.

Точно, вспомнила.

Вчера я поссорилась с другом, обычно мы цепляемся из-за мелочей, но не в этот раз. В этот раз сердце словно стало меньше. Я почувствовала невероятную четкость бытия, словно солнце светит так, что отражается от всех

¹ Здесь и далее Инстаграм — организация, запрещённая на территории РФ.

поверхностей сразу, словно воздух нагрелся до 40 градусов и все запахи стали обжигать, словно меня предали.

* * *

До обеда я не могла ни на чем сосредоточиться, потому что гнев подкатывал куда-то к носоглотке, жаль, что от него нельзя избавиться, как от простуды. Высморгать его, залить в нос Нафтизин, а в горло Люголь, закутаться в одеяло и всё в порядке. Последнее, к стати, помогло бы.

Вот, что происходило все это утро:

Я работаю, разговариваю с людьми, делаю свое дело.

Кто-то говорит что-то весёлое, я смеюсь.

Я встаю, сбрасываю всё со стола, опрокидываю стол.

Я подхожу к двери, хватаю стул и кидаю его так сильно, как только могу. Стеклопанель перегородки офиса лопается.

Я бегу в соседний кабинет и прежде, чем кто-то что-то говорит, я втыкаю ручку в глаз живого человека.

Я вращаю её, чтобы увидеть, как боль скапливается на уголках его рта.

Я выхожу из кабинета и начинаю биться головой об стену до тех пор, пока мозг не встанет на место.

Я иду в курилку и вдавливаю в кожу горячую сигарету. Зачем я это делаю?

Сажусь и начинаю работать.

Вот так это происходит, сначала не контролируешь мысли, потом сложнее контролировать действия. Рано или поздно грань между реальностями размывается и вместо того, чтобы представить, делаешь то, что делать не должен. Поворачиваю голову к стеклянной перегородке, вижу свое уставшее лицо. Это хорошо, что она целая. А вот руку саднит.

* * *

Так, тряпка, соберись в холст и нарисуй картину.

* * *

Всё думаю, почему так происходит и что со мной не так. Напротив меня сидит Серёга, бесит невероятно. Он хороший парень, очень улыбчивый и стеснительный, а ещё делится конфетками, когда мне плохо. Поэтому и бесит. Он общается с кучей народу и сразу завоёвывает их простые, ничем не примечательные сердечки. А ещё он знает английский и хорош собой.

Поворачиваюсь к перегородке, вижу своё лицо. Скулы, конечно, можно было бы подправить, а вот остальное крах. Не понимаю нарциссов, они же смотрят в зеркало и думают: «Боже, как я хорош, вот бы заняться с собой сексом». Что-то такое.

Не сказала бы, что есть на что жаловаться, просто плохое настроение порождает плохое мироощущение, а оно отражается на лице. Смотрю и вижу, как человек в моём отражении зол. Кажется сейчас он встанет и перевернет стол. Смотрите-ка, у него в руках ручка.

* * *

Мы с Катей пошли за обедом, не могу ничего есть, только пью сладкое молоко с банановым вкусом. Оно, кстати, скорее не со вкусом бананов, а с оттенком тёплой спермы. Думаю, что все девочки это замечают, поэтому производитель делает акцент на других вкусах линейки: карамель, клубника, мороженное. Банановое я обычно оставляю мужчинам, они не сильны в ассоциациях.

Катя, кстати, прекрасна. Я смотрю на неё и удивляюсь, почему такое прелестное создание всё ещё здесь

и как его никто не украл. Нет, внешность-то у неё обычная, но есть что-то внутри. Жизнь какая-то.

Жизнь в наших краях давно не водится, непонятно, откуда взялась эта. Не хочу, чтобы кто-то это украл, чтобы кто-то это испортил или испохабил.

Имейте совесть.

18.09.2019

2020

Провизор Ада

Свет не всегда есть добро, как и Тьма — зло.

IwanowaG06

«И вот надо же было возвращаться в свой Райский предел пешком!!!» — мысленно досадовал на себя Ангел из младших.

Он недавно был возведён в чин ангела и получил крылья, которые, с непривычки, жутко уставали. Особо по Раю никто не порхал, ну за исключением херувимов, серафимов и... да, таких как он — ангелов-посыльных. И ведь предлагали ему воспользоваться внутренним телепортом. Нет же, любопытно стало, как тут всё — в этом пределе Рая он ещё не бывал, решил, что прогуляется. Вот и итог... Заблудился. Но, справедливости ради, стоит сказать, посмотреть здесь было на что.

Розовые кусты выше человеческого, тьфу ты, ангельского роста, с бутонами небывалой величины и раскраски. Анфилады из хрусталя и перламутра, уходящие ввысь стены дворца, более напоминающие замысловатое шелковое кружево.

Ангел попятился, задрал голову и попытась разглядеть растворявшиеся в легкой дымке изящные шпили перламутровых тонов. Шаг, ещё шаг... и... неожиданная пустота под ногой сменилась стремительным падением в бездну...

* * *

В покои Люцифера, почти сгибаясь пополам от хохота, ввалился главный казначей Ада — Астарот:

— Владыка, там, на окраине Ада, у котлов — такое! — и он снова расхохотался, утирая расшитым золотом и камнями рукавом выступившие слёзы.

Люцифер оторвался от записей, отложил перо, и с удивленной полуулыбкой посмотрел на пришедшего:

— Ну что там, рассказывай, — усмехнулся Высший. — Ведь не дыры же в Адской казне тебя так рассмешили.

— Там, там — ангел!

— Что-о-о?! — властелин Ада медленно поднялся, левая бровь изогнулась от удивления. — Кто-о-о? Как?!

— Да как... простофиля какой-то, юнец совсем, только что «оперившийся», видимо свалился в портал.

Люцифер хмыкнул и сел, а казначей продолжал:

— Всех чертей мне перепугал — они из-за котлов пятаки высунуть боятся. Свалился, значит, что тот метеорит на голову. Сияет весь, аж глазам больно. Пылью алмазной с крыльев всё вокруг засыпал, не продохнуть, — обрисовывал картину Астарот. — Хотели было его «за хвост и на мороз», в смысле, изловить и обратно закинуть, да где там — он, с перепугу, рожу зверскую скорчил, перо из крыла выдрал, пергамент достал, в рыло ближайшему демону ткнул и заявил, что он к нам, в Ад, с ре-ви-зи-ей!!!

Люцифер расхохотался и хлопнув себя по коленям переспросил:

— Что так и сказал? В Ад? С ревизией?

— Ну да...

— Во, дает! И что, поверили?! — давясь рвущимися смешками, уточнял владыка Ада.

— Ну, как сказать... За старшими послали, конечно, но до выяснения, решили не связываться — мол, кто их светлых разберёт... — стушевавшись доложил казначей.

Владыка устало провёл ладонью по лицу и сквозь зевок беззлобно подытожил:

— Идиоты... — вздохнул тяжело и продолжил расспросы. — И что же он там делает?

— Да дурью мается! Котлы измеряет, ихор на крепость пробует, температуру смолы проверил, concentra-

цию масла на сковородах, свитки прихода—расхода потребовал, ведомости разные за последние полгода... — отмахнулся Асторот, — я так понял, что он попросту тянет время.

— Находчивый малый — не находишь? — усмехнулся Люцифер, намеренно ввернув тавтологию. — Идём, взглянем на него. Да обратно надо отправить, так сказать «за находчивость».

Им не составило труда отыскать на Адских просторах единственного ангела. Сиял он знатно. А вокруг суетились черти, бегая с кипами пергаментов и свитков.

— Приветствую вас, уважаемый — елеиным голоском пропел Люцифер над самым его ухом, а после и вовсе склонился в шутиливом поклоне, приложив ладонь к груди. — Позвольте представится — Люцифер — местный Властелин, так сказать, — и он одарил ангела широчайшей улыбкой.

Незадачливый ревизор вздрогнул, вышел из ступора и, развернувшись почти в прыжке, уставился на пришедших. Ужас на лице сменился удивлением. Бедный, ведь он ожидал чудовищ, о которых твердят в Раю, а тут... перед ним стоял Высший. Аристократические черты лица, расправленные плечи, цепкий взгляд, ироничная полуулыбка, изящные пальцы, простое одеяние серых и чёрных тонов. От него веяло силой и... вечностью. Стоявший за его плечом выгодно от него отличался, начиная от фигуры гурмана и заканчивая расшитыми россыпью камней одеждами.

Тем временем, не дав ангелу опомниться, Властелин Ада продолжил:

— Я не был осведомлён о вашем визите, и от того не смог организовать вам достойный приём, но если вы пожелаете... — он не успел закончить свою речь, спохватившийся светлый затараторил:

— Нет, нет, не нужно, я уже почти закончил!

— Прошу извинить меня за нетерпение, но позвольте взглянуть на полученные вами результаты ревизии, — и он, изящным жестом, протянул было к свитку открытую ладонь.

Окончательно обалдев от страха и решив, что хуже уже и быть—то не может, ангел «рванул в атаку». Взмахнул увесистым свитком прямо перед носом Люцифера, заставив его картинно отклониться, и срывающимся голосом вякнул:

— Да у вас тут — БАРДАК!

Опешивший было от такого выпада Темнейший, быстро пришел в себя, глумливо ослабился и с наставительно-уничижительной интонацией, с которой, обычно, обращается взрослый к неразумному дитятку, пояснил:

— Конечно, милейший, всё верно, ведь здесь же Ад — территория хаоса.

Ангел и не подумал ослаблять натиск, видимо решив, что уж если кранты, то хотя бы с фанфарами:

— У вас бардак даже по адским меркам! Вот — читайте! — и он с яростью обреченного сунул свиток в руки Люциферу.

Тот взял, не отрывая испытующего взгляда от лица горе-ревизора, заставив его, тем самым, смутиться и потупиться. Удовлетворенно кивнул сам себе, встряхнул свиток и вчитался, заскользив взглядом по ровным строчкам красивого почерка. Через минуту по лицу Владыки Ада пробежала тень, глаза хищно прищурились. Брови сначала взметнулись вверх, а затем сошлись к переносице, придавая лицу гневно-суровое выражение.

Не отрываясь от свитка, переданного ангелом, он, широкими шагами подошел к ближайшему котлу, подцепил оттуда за шиворот пару грешников и, как бездомных котят, сунул в руки «ревизора»:

— Это вам за проделанный труд...

Ангел хотел было что-то сказать, но Люцифер продолжил:

— Вы оказали мне неоценимую услугу. Я и впредь буду бесконечно рад вашим визитам в мои владения. А то у самого, знаете ли, руки не доходят, — он наконец-то оторвался от чтения и, с нехорошим прищуром, глянул на стоявшего поодаль Астарота. — Счастливого вам пути. Документы на амнистию этих двух... хм... нет, трех душ, — и он добавил к компании еще одного грешника, снятого со сковороды, — пришлю по почте.

Властелин смотал свиток и сунул его за пояс, не дав кому бы то ни было опомниться, быстро втолкал всю честную компанию в кабину реактивного лифта, задвинул створки и с яростью ударил каблуком по педали старта. Пару мгновений понаблюдав за капсулой, с воем уносящейся ввысь и исчезающей в густых клубах серы, он повернулся и тяжелым взглядом воззрился на Астарота.

Вскоре удивление на лице казначея сменил неподдельный ужас. Ибо как нашкодившего щенка его схватили за шкурку и возили лицом по пергаменту свитка, марая кончик носа ещё не просохшими чернилами.

— Позорить меня вздумал? — почти ласково шептал Люцифер в оттопыренное ухо казначея. — Дыры, говоришь, в казне? — голос стал громче, интонация приобрела въедливый ядовитый оттенок. — Так, я с удовольствием заштопаю их... твоей роскошной шкурой, после того, как спущу её с тебя живьем, КАЗНОКРАД!

* * *

Вывалившись из кабины реактивного лифта, где-то на окраине райских куш, ангел был несказанно рад такой неожиданно счастливой развязке, и хотел было возблаго-

дарить Главного за спасение, как перед ним материализовался архангел Михаил с мечем наголо:

— Что же ты творишь, бездарь?! — прогремел он, глядя на ангела.

Видя такое дело, спасённые грешники предпочли укрыться за крылатой спиной ангела.

— Ты хоть понимаешь олух, чем всё могло закончиться? — не унимался архангел. — Мы же спасательную операцию в Ад готовили, вторжение, по сути, про Армагеддон слышал что-нибудь, а?

Ангел виновато опустил голову и крылья. Михаил увидел сгрудившихся за спиной у виновника паники спасённых:

— А это кто такие?! — рывкнул он.

— Амнистированные из Ада... — заплетающимся языкам выдавил ангел.

— Так, — заключил Архангел, — этих отмыть от серы, смолы и масла и пристроить, а тебя, — он почти упёрся указующим перстом в нос ангелу, — в карцер, в Сирые Земли, на пятьдесят, нет, на сто земных лет. Так сказать, что б осознал...

Ангел закрыл лицо руками и покорно позволил ангелам из свиты Михаила отвести себя в Сирые Земли. В земли, где даже глазу зацепится было не за что, после райских-то кущ... Ни звука, ни запаха, ни тени, не было там ни растений, ни птиц. Ровная отполированная поверхность из бледно-серого камня и такое же бледно-серое ровное небо. Ни ветерка, ни дождичка. И в какую сторону не пойдешь — везде одно и то же. Ни дня, ни ночи. Привели его два ангела, да и исчезли. Оставив одного, здесь, на сто лет. Мысли, воспоминания, эмоции — это по началу, а потом? Ангел ужаснулся своей догадке. Сел прямо на поверхность «каземата» и спрятал лицо в ладони. Ему неведом сон, он не нуждается в отдыхе, да и пища необходима духовная, а не физическая...

Он не мог припомнить сколько он так просидел в безрадостных раздумьях, как перед ним появились те же два ангела и вострубив сообщили:

— Тебя желает видеть Его Сиятельство Архангел Михаил!

Ангел, было, обрадовался, что так скоро прошло сто земных лет, но по грозным взглядам сопровождающих, понял, что радоваться рановато.

Пока один из ангелов отправился доложить о прибытии, второй сжалился над изнывающим от неизвестности собратом и шепнул:

— О тебе депеша из Ада пришла, вот и вызвали.

Перед глазами ангела всё поплыло, ноги стали ватными, а разум отказывался поверить в услышанное. Вот в этот-то момент двери перед ним распахнулись и прозвучал приказ:

— Войди и склонись перед могуществом Меча Господня!

Он вошёл, на подгибающихся ногах и чуть не клацая зубами со страху. Где-то в глубине мелькнула мысль, что в Аду так страшно не было. Поклонился и замер, вжав голову в плечи и украдкой взирая на архангела. Картина была странной. Белые одежды неприятно оттеняли побагровевшее лицо. Сдвинуты брови, играющие на скулах желваки. Он явно старался не смотреть в сторону пришедшего. Наконец, выщедив сквозь сжатые зубы кубок ихора, архангел заговорил, правда, так же, сквозь зубы и с вынужденными паузами:

— Тут... письмо пришло... с прощением от этого... хм... из Преисподней, в общем, — архангел встал и прошёл к окну, совершенно отвернувшись от ангела, — и попало оно в руки к САМОМУ, понимаешь?!

Ангел молча кивнул, хотелось взвыть и спрятаться в самый дальний угол, ибо волна гнева, исходящая от владельца покоев, просто сбивала с ног.

Михаил продолжил:

— Эта тварь, это чудовище... осмелилось просить... назначить тебя главным провизором по адским делам... — с отвращением выдохнул Архангел, — я уж не знаю, что ты и кому там наплел, а уж про то, что натворил я и знать не желаю, но каким-то чудом, его прошение приказано удовлетворить, — архангел звучно скрипнул зубами, — а так как на такой должности простой ангел стоять не может... вон твоя тога архангела, — он указал на висящую у стены материю, отливающую перламутром и с широкой синей полосой по краю, и вернувшись к столу брезгливо положил на него серебряную табличку с перевёрнутой пентаграммой, это — твой пропуск в Ад на имя Его Сиятельства Архангела Вариэля, а это, — он подбросил на ладони, и аккуратно положил на мраморную поверхность стола небольшую овальную бляшку с изображенным на ней крестом в россыпи сапфиров, — орден Высшей Иерархии «За спасении душ от Адских мук», — Архангел умолк.

Опешивший Вариэль покосился на мантию.

— Ну чего застыл, забирай и иди, РАБОТАЙ, — желчно подначил Меч Божий.

Теперь уже Архангел метнулся к столу, сгрёб пропуск и орден, походя, стянул с плечиков мантию и уже собрался было покинуть кабинет, как Михаил остановил его вопросом:

— И всё таки — КАК?!

Вариэль обернулся и с полуулыбкой произнес:

— Я сказал Люциферу правду... — и вышел, оставив архангела Михаила стоять с отвисшей челюстью.

P.S.: В кабинете Люцифера, возле уютно потрескивавшего камина сидели двое, ведя неспешную беседу за шахматной доской, и потягивая первоклассный ихор из высоких кубков:

— Поскольку теперь у меня всё соответствует нормам и стандартам, предлагаю уменьшить сроки пребывания душ у меня в «гостях», — подал голос Властитель Ада.

— Весьма мудрое решение, Ваше Всетемнейшество, — одобрительно кивнул архангел Вариэль, — полагаю, вы ждёте от меня встречного предложения?

— Вы весьма проницательны, господин провизор, — улыбнулся Люцифер, отпивая из кубка.

— К сожалению, завесить требования к направленным в рай душам не в моей власти, но... — он выдержал интригующую паузу и продолжил, — я готов разнообразить «очистительные процедуры» для попавших к вам душ совершенно новым испытанием.

Властитель заинтересованно приподнял бровь.

— Дело в том, — улыбаясь своим мыслям, медленно произнес Вариэль, — есть в раю одно весьма интересное местечко, — от нахлынувших воспоминаний он зябко поежился, — так сказать, для «служебного пользования» ... Вы что-нибудь слышали о Сирых Землях?

Люцифер догадался, к чему клонит его собеседник, и одобрительно улыбнувшись, кивнул:

— Я в вас не ошибся, Ваше Сиятельство, и весьма рад нашему сотрудничеству, — он поднял бокал и произнес короткий тост. — За Взаимопонимание — во Славу разума, и вопреки предрассудкам!

Оба, рассмеявшись, звонко чокнулись, и залпом осушили кубки.

* * *

P.P.S.: — Где ж я на тебя, оглоода, Орденов наберусь?! — в бессильной ярости рычал Архангел Михаил, читая полученный наградной лист на Архангела Вариэля.

21.01.2020

День

Без описания.

Горькая

После обеда сосредоточится стало не проще, а сложнее. Когда я не могу сосредоточиться, я использую маленький трюк: не уверена, что кому-то понадобится это откровение, но расскажу.

Я представляю, что умру и кому-то придётся делать мою работу. Какому-то живому человеку нужно будет отложить всё, сдвинуть расписание, вникнуть в детали. Человек будет хмуриться, но стараться из-за всех сил; правда сколько бы он не старался, всё равно не сможет избежать путаницы, очередей и дискомфорта всех, с кем он взаимодействует.

Когда он плохо сделает и мою, и свою работу, в мире (в той его небольшой части около нас двоих) наступит хаос. Поэтому я просто делаю усилие и работаю.

Если захотите сделать мир лучше, вспомните этот совет. Лично от меня. Относитесь к своим обязанностям так, как относитесь к бритью интимной зоны:

Делайте все аккуратно и медленно. Проверьте качество работы на 2 раза, иначе окажется, что что-то забыто. Помните, что-то пропустить, значит спровоцировать раздражение. Работа влияет не только на собственный комфорт, но и на комфорт близких.

Вообще я считаю, что мир был бы в разы лучше, если бы каждый хорошо делал своё дело. Только представьте: хорошие учителя, вежливые кондукторы и продавцы, социальные службы, которые хотят помочь. Так вот, сегодня мой маленький трюк не сработал. Я несколько раз подумала о смерти, постояла на высоком балконе, посмотрела вниз и поняла, что мне абсолютно насрать. Хочется прилечь на пол дома и слушать Горшка, вот что хо-

чется. Но я не смогу этого сделать ещё какое-то время. Дело в том, что сейчас я живу у своего товарища. Он очень добрый, достаточно много курит, пьёт невразумительные напитки и снимает небольшую подбитую квартиру у площади Станислава Великовицкого. Короче, ни одного минуса.

* * *

В последний месяц у меня появились первые симптомы взрослой жизни: усталость, сонливость, недоверие к людям, погливость и стойкое желание поскорее всё это закончить. Если бы у меня был хер, а к симптомам добавилось импотенция, то по шкале Гамильтона я бы набрала добрую тридцатку и уже лечилась убийными дозами антидепрессантов в убитой больнице под присмотром абсолютно похуистических врачей.

Забавно, что каждый раз, как заводишь немного подвыпившим разговоры на вечные темы (вроде смысла жизни, сознания, добра, зла, ну или ту тему про «тварь дрожащая или право имею»), каждый встречный-поперечный диагностирует депрессию, кризис среднего возраста, биполярное расстройство или ещё чего похуже. Ровно так же, как и когда приходишь к настоящему врачу. Буквально за час ставят диагноз и велят пить рецептурные таблетки неприлично долго. Вот так просто! За один час, без особых разбирательств дают рецепты, чтобы окончательно угробить психику.

Я рассмотрела несколько простых способов самоубийства, несколько способов посложнее и пришла к выводу, что это не то, чего я хочу. Что есть: неплохая квартира в центре города, стабильная работа, запасы на чёрный день, моя большая чёрная псинка и перспективы развода. Что отсутствует: смысл жизни, структури-

рованная психика и понимание, как дальше жить.
Ну с этим можно как-то работать.

* * *

До шести часов я скиталась по офису, попутно выполняя свою, хоть и не самую важную работу.

У курильщиков и кофезависимых есть привилегия — отлынивать от работы под предлогом того, что очень нужно употребить своё любимое вещество своим любимым способом. Кофе я не пью, а покупные сигареты не курю, поэтому в курилку на балконе выходила просто постоять и немного проветрить мысли. Зависала там с разными людьми: дядечками, тётечками, парнишами и личностями, которые мне неприятны. Пару раз случайно столкнулась с человеком, из-за которого всё происходит.

И я вас уверяю, ещё немного, и я сбросила бы эту несуразную тощую тушку с нашего высоченного балкона и сбросилась сама под крики детей внизу, прям на детскую площадку около офиса.

Заметка на будущее: если я всё-таки решу так сделать, то падать лучше всего в форме свастики. Во первых, это смешно, во-вторых, полиция сразу поймет, что я пропащий и трагедию из ситуации делать не будет.

Ну что, раз-два-три, на луну не смотри!

15.07.2020

В силу большого объёма в данную книгу не вошли роман «Медвежья кровь» и повесть «Окаменелые сердца, или медуза Горгона», с которыми можно ознакомиться на странице автора по ссылке: proza.ru/avtor/olen7769

Оглавление

2008	5
Когда птицы улетают на юг (Метро)	7
Битва	13
История про Свет	14
Маленький город	17
Удлинитель (Её дневник)	19
Я курила	26
Понимание непонимания	27
Заставляющий жить	31
История двух убийц. Глава четвёртая. Убийца и Любовница в одной постели	34
По следам Отчаянья	49
История двух убийц. Глава первая. Осколки прошлого	53
Сказка	57
История двух убийц. Глава вторая. Суд и наказание	62
Вопрос дня	70
Треуголка Наполеона	72
Легенда	75
Живя в Цементной Долине	78
Сердце Демона и Речи к Ангелу	113
Па4ка дней	131
Тени	132
Солнечный человек	134
Патологичный ангел	137
Инвазия	140
Ожидание	143

Мертвый. Enter-Exit	148
Элизабет Дан	151
Арлекин, собака и веер	153
Выжить	160
Хроник	168
За оградой	184
«ДР»	190
Дурачок	199
Живое мясо	207
2009	227
Бракованная жизнь	229
Маленькая зайка	232
[пере-имя]	238
Бутон розы	240
Обыкновенная история	241
Немой эскиз	252
Обман	260
Лужицы	263
Подумаю — приветствую!	265
Прелюдия	271
Прятки	277
В первый раз	281
Реквием по двору	289
Спаси и сохрани	300
Я собираю снежинки	301
Другу	303
Как красиво ты поешь	305
Inferno	307
Он	309
Дорога	310
Биография Суманара	320
2080	323

Nightwork	346
Чёрная история	348
Колхозные битвы 2072	357
Туман	363
Зазаабсурдзе	364
Такси	383
Автобиография. Детство	385
Автобиография. Мои барышни	397
Автобиография. Армия	411
Автобиография. Северный город	417
Автобиография. Весь мир — это ты	431
Почему-то не так	445
Автобиография. Карьера в ГАИ	447
Путь	472
Метро [вторая версия]	515
Парк	518
Дождь	520
Всеми приходит конец	521
Больница	522
2010	525
Символ и загадка	527
Заповеди	528
Дворник	532
Экзистенциальный вакуум	535
Интернет-любовь	536
Великая вещь	541
Батон	542
Волки знают дорогу в рай	544
Снежная королева	545
Убей ёжика	547
Тёмное небо	548
Он в замешательстве	551

Книга Дзынь	553
Парадоксальная афорология	558
Афорогенезис постнеоабсурда	577
2011	593
Ира и Кот	595
2012	605
Алиса	607
2013	609
Людам о людях	611
Протест	613
Маски шоу	614
2015	615
Швабра	617
Щука и Крокодил	620
Солнце поздней осени	623
Сильная женщина	634
Одержимый Эдд	640
Ничего общего	645
Медвежий угол	650
Медведи	652
Притча о судьбе и животе Ивана-богатого	666
Почему ты такой?	669
Покаяние	673
Малыш	676
Любовь и виртуальная маска	682
Кошмар в колледже	687
2016	691
Таблица Менделеева	693
Защитник	705
Базон Хикса	713
Небесная флористика	720
О бедном Мелькоре или Слова — не помогут!	725

2017	737
Незванный гость	739
2019	747
Мандариновая луна	749
Журавли	750
Знание	751
Акварельное небо	752
Жёсткая позиция	753
В абсолютном нигде	754
Утро	756
2020	761
Провизор Ада	763
День	773

Антидот

Альманах. Проза
(2008—2020)

Проза, опубликованная на страницах интернет-портала неординарного творчества «Антидот» в 2010-х годах. Произведения расположены в порядке их публикации, с кратким авторским описанием.

«Много людей перестали интересоваться всем тем возвышенным, что доступно в их недолгой жизни. Они попросту забыли что такое творчество. Превратились из творцов в жалких потребителей, рабов окружения. Яд невразумительности и отвращения постепенно поглотил их сердца, нежно но цепко обволакивая и больше не отпуская их никогда...»

#триллер #мистика #лирика #фантастика #драма #сказка #сатира
#притча #позитив #гротеско #сарказм #фэнтези #на_границах_разумного
#реальная_история #тёмное #белое #вне_жанра

В н и м а н и е !
Книга содержит
нецензурную
б р а н ь